

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социальные, экономические, культуральные, цивилизационные, политические процессы, происходящие в современном мире, неизбежно влияют на жизнь конкретного человека, «перекраивая» его образ мира, проявляясь во взаимоотношениях с близкими людьми, в любви, дружбе, сотрудничестве, в отношении к труду и учебе, в познавательной деятельности и способах работы с информацией. Эти изменения настолько быстротечны и лавинообразны, что впору говорить о перманентном кризисе, в котором находится душа современного человека. Ведь если бы можно было взглянуть на поведение, поступки, состояния, образ мысли современного молодого человека глазами обычного жителя пятидесятых или даже семидесятых годов прошлого века (а ведь это «глаза» наших современников, но имеющих тогда совершенно иной образ мира), то весьма многое показалось по меньшей мере странным, если не фантастичным. Речь здесь идет не только и не столько о технических достижениях, сколько о тех феноменах, которые свойственны обыденной жизни современного нам человека: его системе ценностей и отношений с другими людьми, житейским установкам, способам принятия решений и преодоления трудностей, восприятия информации, процессам учения, динамике и содержанию развития и всему прочему, что составляет жизненный путь человека.

Все эти собственно психологические, социально-психологические, культурально-психологические феномены современной жизни требуют вычленения, понимания и адекватной работы с ними. Достаточно назвать лишь некоторые проблемы и вопросы, которые рассматривались в работе конференции.

Например, феномен достаточно массового проявления кидалтизма (неологизм от англ. *Kid* - ребёнок и *adult* - взрослый: взрослые как дети), который обозначают еще как синдром Питера Пэна, феномен, который, безусловно, актуализирован трудностями и проблемами становления субъектности, индивидуальности, идентичности человека в современных социокультурных условиях. Эта проблематика рассматривалась в работе соответствующих секций «Развитие субъектности и индивидуальности в современном социокультурном пространстве», «Духовно-нравственное развитие как социокультурная проблема современной России», «Психолого-педагогические проблемы формирования личности».

Сложной и психологически неоднозначной является также проблема духовно-нравственного, аксиологического развития человека в условиях кризиса ценностных оснований жизни. Если учесть, что такой кризис в нашей стране случался как минимум дважды на протяжении всего одного-двух поколений (революция и перестройка), то становится понятным, что причиной многих личностных, характерологических проблем и девиаций является экзистенциальная, смысловая и нравственно-смысловая неопределенность жизни, утрата социокультурных горизонтов, аксиологических ориентиров выбора поступка, принятия жизненно важного решения. А ведь до сих пор никто не исследовал психологические последствия и таких ценностно-смысловых событий как Великая Отечественная война и разоблачение культа личности, которые, безусловно, тоже внесли свой вклад в состояние души современного человека. Поэтому исследование ценностных координат, психологического содержания духовно-нравственного развития и специфики психологической помощи человеку в современной социокультурной ситуации является жизненно

необходимым и стало предметом обсуждения на ряде заседаний конференции. Крайне актуальными являются представленные на конференции в секции «Современный психоанализ и клиническая психология: новые симптомы и дискурсы» исследования нарциссических проявлений личности как весьма типичных для современного человека, экзистенциальных феноменов (одиночество, кризисы идентичности), девиаций (интернет-зависимость), женская сексуальная агрессивность и прочее.

В другой исследовательской и мировоззренческой парадигме обозначены на конференции такие проблемы как психологическое содержание и специфика религиозности личности, место религии в духовно-нравственном развитии человека, психологическая специфика программ духовно-нравственного развития, становления характера и его составляющих: ответственности, самоопределения, отношения к себе и другим в секциях «Развитие субъектности и индивидуальности в современном социокультурном пространстве», «Духовно-нравственное развитие как социокультурная проблема современной России».

Проблемы глобализации и интенсификации межкультурального взаимодействия обусловили внимание участников конференции на секции «Проблемы межкультурной коммуникации в обучении иностранным языкам», к вопросам психологического содержания и освоения средств общения, обеспечивающего эффективные коммуникации.

В связи со сложностью и многогранностью психологической и социально-психологической проблематики развития современного человека встает вопрос о миссии психологии, призвании психолога и особенностях обучения профессиональному мастерству, о роли психологических исследований, а также месте психолога как профессионала в решении проблем, связанных с обучением различным профессиям, в том числе педагога, управленца, военного о психологической специфике разных профессий и психологических феноменах, сопровождающих становление профессиональной идентичности «Психолого-педагогические проблемы формирования личности», «Психология профессионализма».

Особое место на конференции было уделено проблемам организации образования в условиях происходящих в нашей стране реформ. Здесь представлен широкий спектр наработок как практических, так и академических психологов в сфере психологического сопровождения детей в образовании, инновационных технологий развития познавательной, речевой, эмоциональной сферы детей. Особенно пристальное внимание уделено детям с различными проблемами в развитии - секции «Инклюзивное образование: от культуры полезности к культуре достоинства», «Проблемы развития детей в раннем онтогенезе».

На конференции представлены исследования психологов, работающих разных парадигмах: деятельностной, психоаналитической, гуманистической, духовно-нравственной и христианской (православной), что позволяет увидеть и соотнести различные взгляды и позиции, найти точки соприкосновения разных подходов, взаимообогащая фактами и, расширяя понимание психологического содержания процессов, которые происходят в современном обществе.

Широко представлены также наработки практических психологов, работающих в разных сферах деятельности: в образовании, управлении, психоконсультировании и психокоррекции и т.д.

Однако помимо решения традиционных для каждой конференции задач обмена информацией и дискуссионного анализа актуальных проблем науки и практики, конференция имела еще одну очень важную для нас цель. Она уже в течение нескольких лет выступает как особая инновационная форма работы, как *организация образования в форме международных научных конференций с активным участием всех студентов и аспирантов факультета*. В рамках ее работы были организованы вечерние лекции ведущих психологов России и зарубежных ученых, мастер-классы, обучающие интерактивные семинары, круглые столы и пр., проведен молодежный фестиваль – практикум, лучшие студенты выступали на секционных заседаниях и подготовили материалы к публикации.

Позитивные аспекты конференции как формы организации учебного процесса, связаны с комплексной реализацией на ее основе ряда задач по повышению качества образования: освоение *модулей*, общих для ряда психолого-педагогических дисциплин (общая психология, методология, возрастная психология и психология развития, педагогическая психология и пр.); знакомство с различными *научными направлениями и школами*; освоение знаний *в действии*; осуществление *интерактивных методов* обучения; актуализация учебной и профессиональной *мотивации*; осуществление профессиональной ориентации и *самоопределения*; *продолженное* использование результатов конференции (обсуждение на аудиторных занятиях проблем, рассматриваемых на конференции); осуществление *воспитательной* работы.

Актуальность проблематики конференции привлекла большое количество ученых, практических психологов, педагогов, аспирантов, студентов, и обусловило разнообразие ее участников в территориальном отношении и по проблематике исследований. В конференции приняли участие 358 человек (в том числе более 58% представителей студенческой молодежи). из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Абакан, Архангельск, Балашов, Барнаул, Бердск, Братск, Волгоград, Воронеж, Владивосток, Иркутск, Казань, Кемерово, Красноярск, Киров, Комсомольск на Амуре, Куйбышев, Лесосибирск, Магнитогорск, Нальчик, Нижний Новгород, Новокузнецк, Обь, Орехово-Зуево, Омск, Пермь, Ростов на Дону, Самара, Смоленск, Ставрополь, Стерлитамак, Томск, Тула, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Чита, Якутск и др.), ближнего и дальнего зарубежья (Австралии (Мельбурн) Германии (Трир, Кайзерслаутерн, Берлин), Франции (Ренн, Париж), Гвинея-Бисау (Бисау), Казахстана (Усть-Каменогорск, Павлодар), Узбекистана (Ташкент), Беларуси (Минск).

На конференции работало 8 секционных заседаний, 16 мастер-классов, проведено 4 вечерних лекций, 3 обучающих семинара, 2 круглых стола, 1 кинолекторий, организованы 3 выездные площадки.

Приглашаем Вас, читатель, принять участие в обсуждении обозначенных на конференции вопросов. Будем рады получить отзывы по адресу:

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28
Кафедра общей психологии и истории психологии
E-mail: kafedra_psi@mail.ru
Мы открыты к сотрудничеству.

Н.Я. Большунова, О.А. Шамшикова

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

SECTION I. PLENARY REPORTS

УДК 159.9

I.S. Votchin

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

THE BASIC DIRECTIONS OF EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES OF PSYCHOLOGICAL FACULTY OF NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

In the article the basic directions of scientific activity of the faculty of psychology of Novosibirsk state pedagogical university are presented. Also it is shown innovative forms of work with students and the model of the scientific conference as a form of organization of higher education is described.

И.С. Вотчин

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ НГПУ

В статье представлены основные направления деятельности факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, показаны инновационные формы работы со студентами, в том числе описана модель научно-практической конференции как формы организации вузовского образования.

Подготовка специалистов по специальности «Практический психолог» началась в Новосибирском государственном педагогическом университете (институте) на специальном факультете практической психологии с 1990 года. Собственно факультет психологии образован в 1996 г. на базах психологической и педагогической межфакультетских кафедр НГПУ. Первым деканом факультета был доктор психологических наук, профессор Владимир Григорьевич Леонтьев.

В структуру факультета в настоящее время входят три кафедры: педагогики (заведующая кафедрой - кандидат педагогических наук, профессор Т.Л. Павлова), общей психологии и истории психологии (заведующая кафедрой кандидат психологических наук, доцент О.А. Шамшикова), кафедра психологии личности и специальной психологии (заведующая кафедрой доктор психологических наук, профессор Н.В. Дмитриева); учебно-методический кабинет (заведующая кабинетом Е.А. Горн); информационно-психологический кабинет (заведующий кабинетом А.М. Гришин); психологический центр; научно-исследовательские лаборатории «Гуманной педагогики», «Психологической антропологии и дифференциальной психологии», «Функции полушарий головного мозга», кафедра «Психологии развития дошкольников и младших школьников» на базе МОУ для детей дошкольного и младшего школьного возраста Прогимназия №2 (заведующая кафедрой доктор психологических наук, профессор Н.Я. Большунова) и четыре лаборатории на базе центра «ДАРС» в г. Бердске. Кроме этого, на паевых долях с историческим факультетом и факультетом педагогики и психологии детства создан класс информатизации образовательной деятельности.

Работа на факультете психологии осуществляется по следующим направлениям:

1. Учебная деятельность.

Подготовка специалистов ведется на факультете в рамках следующих образовательных программ:

программа базовой подготовки по специальности 050706 «Педагогика и психология»;

программа базовой подготовки по специальности 030301 «Психология»;

программа по направлению 030300 (521000) «Психология», степень бакалавр психологии;

Программы реализуются на базе:

- средней (полного) общего образования по очной и заочной формам;
- среднего специального образования по очно-заочной форме;
- высшего образования по очно-заочной форме.

В 2001 году факультет сделал первый выпуск 67 дипломированных специалистов на очном отделении. С этого времени на дневном отделении всего выпущено около 700 специалистов, в т.ч. 318 за последние пять лет.

По программам второго высшего образования за последние пять лет было подготовлено 138 человек; по программам подготовки на базе среднего специального образования 366 человек и 449 человек по программам подготовки на базе среднего образования 449 человек.

С учетом потребностей местных образовательных и региональных органов факультет разработал учебные планы ускоренной подготовки специалистов по очно-заочной и заочной форме обучения: на базе общего среднего образования - 6 лет; на базе среднего специального (педагогическое и медицинское) - 3,5 года; на базе высшего образования - 3 года.

2. Учебно-организационная деятельность

Для подготовки специалистов разрабатываются учебные планы программ профессиональной переподготовки, согласующиеся с учебными планами базового высшего образования, что позволяет специалистам, прошедшим профессиональную переподготовку, в дальнейшем получить высшее образование по сокращенной программе; осуществляется повышение квалификации работников образования по модульным учебным программам в объеме свыше 72 часов. Слушателям, успешно освоившим данные программы, выдаются соответствующие документы государственного образца. Кроме того, по согласованию с заказчиками проводятся проблемные тематические семинары в объеме 48 часов с выдачей сертификата о краткосрочном повышении квалификации.

Профессиональная переподготовка и повышение квалификации специалистов на базе высшего и среднего профессионального образования по очно-заочной форме ведется по ряду образовательных программ: в объеме свыше 500 часов по сертифицированным программам: «Клиническая психология», «Психоконсультирование», «Психология управления», в объеме 250 часов по сертифицированным программам: «Арттерапия. Основополагающие техники», «Психоаналитическое консультирование детей и подростков», «Детская подростковая и семейная психоаналитическая психотерапия».

За последние пять лет профессиональную переподготовку получили 270 (ранее 125) человек.

3. Учебно-методическая деятельность

Преподаватели факультета активно работают в направлении оказания учебно-методической помощи студентам, так для пополнения фонда библиотеки преподавателями за пять последних лет издано 22 (15 в прошлый период) учебных пособия, 7 (в прошлый период 9) монографий, 5 (в прошлый период 3) учебно-методических пособий общим тиражом более 10 000. Сайты дневного и заочного отделения факультета психологии постоянно дополняются учебно-информационными и методическими ресурсами. Все студенты обеспечены электронными версиями УМКД.

На базе профилактория НГПУ в настоящее время ведется работа по организации компьютерного кабинета и обеспечению его лицензионными программами, необходимыми для подготовки и создания мультимедиа курсов, методической и технологической поддержки учебного процесса.

На базе информационно-психологического кабинета разрабатывается и внедряется современная поисковая система, приоритетным направлением которой является создание методического обеспечения специалитета и бакалавриата на электронных носителях по специальностям 050706 Психология и педагогика, 030301 Психология, 030300 (521000) «Психология». Методическое обеспечение дисциплин осуществляется здесь на основе выделения компонентов по разделам: основная и дополнительная литература, учебные фильмы, слайд-программы и обеспечение самостоятельной работы - монографии и статьи для конспектирования, реферирования, аннотирования. На базе информационно-психологического кабинета создается научная электронная библиотека для очного и заочного отделения.

4. Работа с потребителем

Работа с потребителем осуществляется посредством заключения договоров о сотрудничестве с образовательными учреждениями: дошкольными образовательными учреждениями, средними общеобразовательными школами, гимназиями, лицеями, домами детского и юношеского творчества, центрами психолого-медико-социального сопровождения, высшими учебными заведениями Новосибирска и других городов России. В 2009 году на базе НГПУ, факультетом психологии, совместно с другими образовательными структурами проведен областной конкурс «Психолог - 2009 г.».

В рамках профориентационной работы, открыта «Школа юного психолога», в течение каждого учебного года по плану проекта реализуются бесплатные курсы для потенциальных абитуриентов факультета психологии. Работает «Ассоциация выпускников факультета психологии». В рамках инновационного проекта осуществляется работа с молодыми специалистами (экспериментальная площадка г. Бердска).

5. Управление персоналом факультета

Реализацию профессиональных образовательных программ на факультете обеспечивают 23 штатных преподавателя, из них 5 человек имеют степень доктора наук и звание профессора (18,5%); 12 человек имеют степень кандидата наук и звание доцента (41,5%), т.е. общая научная острепенность профессорско-преподавательского состава по факультету составляет - 62,4%, что соответствует нормативу, установленному лицензией. Все преподаватели, не имеющие ученых степеней, осуществляют подготовку диссертационных работ.

6. Научно-исследовательская деятельность ППС

Научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава направлена на реализацию двух основных научных направлений, связанных с проблематикой общей психологии и психологии личности.

На факультете психологии функционирует аспирантура и докторантура по следующим специальностям:

19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии

13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования

В 2009 году в очной аспирантуре проходят обучение 9 человек, в заочной – 88 человек, 1 докторант, 104 соискателя, из них 2 соискателя степени доктора наук.

С 2006 по 2009 год на базе факультета психологии защитились 30 диссертаций на соискание степени кандидата психологических наук, 19 диссертаций на соискание степени кандидата педагогических наук, 2 докторские диссертации по педагогике и психологии.

По результатам выполненных научно-исследовательских работ, а также по итогам научно-практических конференций ежегодно издаются сборники статей и тезисов.

На факультете проводятся международные, всероссийские, межрегиональные, межвузовские научно-практические конференции преподавателей и студентов.

Участвуя совместно с профессорско-преподавательским составом в организации и проведении конференций разного уровня, проходящих на базе факультета, студенты и аспиранты вливаются в деятельность научного профессионального сообщества, знакомятся с передовыми достижениями психологической науки и практики. Раздел профессиональных достижений пополняется сертификатами, выданными студентам за представляемыми к обсуждению на конференциях доклады, грамотами и дипломами за лучшие студенческие доклады.

Работы студентов публикуются в межвузовских сборниках научных работ по итогам таких мероприятий как межвузовская студенческая конференция МНСК «Интеллектуальный потенциал Сибири», Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». В 2006 году наши студенты были приглашены для участия в работе Зимней школы психологов в г. Королеве. По окончании обучения на факультете более десяти выпускников поступили на очное и заочное обучение в аспирантуре университета, пройдя большой конкурс.

Высокий уровень подготовки специалистов на факультете подтверждается тем что, увеличивается число научных публикаций студентов, которые занимаются исследовательской деятельностью.

Таблица 1 – Динамика количества студенческих научных выступлений и публикаций с 2006 по 2009 гг.

Год	Кол-во студентов в НИРС	Кол-во научных публикаций	Самостоятельных науч.публикаций
2006	196	17	10
2007	164	1	-
2008	170	5	4
2009	181	17	14

Образовательная деятельность факультета осуществляется в тесном взаимодействии с органами образования города и области. Факультетом заключены договора с рядом муниципальных образовательных учреждений по сотрудничеству в сфере подготовки специалистов высшего звена.

7. Воспитательная деятельность

Воспитательная работа на факультете опирается на концепцию развития воспитательной системы НГПУ и концепцию организации воспитательной работы факультета, осуществляется непосредственно в рамках учебного процесса, а также через создание условий для самореализации студентов в неучебное время. На факультете психологии существует институт кураторства, студенческий Совет, профсоюзный комитет. За отчетный период студенты ФП активно участвовали во многих вузовских и межвузовских культурно-массовых мероприятиях: *КВН* (на факультете появилась новая команда, которая в сезоне 2008-2009 получила диплом в номинации «Дебют года», а также выиграла II место среди молодых команд НГПУ), *интеллектуальный марафон* (команда существует с 2007 года, является дипломантом внутривузовского конкурса), *смотр художественной самодеятельности* с 2007 года организует инициативная группа под руководством студентки 42 гр. Бочкаревой Ирины. В 2009 году ФП занял III место в номинации «Лучшая концертная программа» и получил I место сразу в нескольких номинациях: «Режиссура», «Инструментальное исполнение» (соло), «Художественное чтение» (проза), «Оригинальный жанр» (театр мод).

Факультет сохраняет свои традиции, ежегодно организуя мероприятия «Посвящение в студенты», «Новый год», «Медиана» и др. По инициативе преподавателей и выпускников факультета в 2009 г. началась работа по созданию Ассоциации выпускников ФП. Н.В. Шелепановой подготовлен проект Устава.

На факультете активно организуется спортивно-оздоровительная деятельность: студенты принимают участие в спортивных соревнованиях разного уровня и по разным видам спорта (самбо, футбол, мини-футбол, перетягивание каната и пр.)

8. Развитие материально-технической базы

За отчетный период значительно улучшилась материально-техническая база. В учебном процессе активно используется более 20 компьютерных программ и других технических средств обучения. В распоряжении факультета психологии имеется компьютерный класс на 10 машин с локальной системой и с выходом в Интернет; кроме того, в структурных подразделениях факультета имеется 16 компьютеров, 6 ноутбуков, 5 сканеров, 4 ксерокса, 4 видеокамеры, 3 видеомэгнитофона, 4 телевизора, 4 мультимедиапроектора и интерактивные доски.

9. Инновационная деятельность

Преподаватели факультета серьезное внимание уделяют разработке инновационных подходов в образовании, призванных улучшить качество высшего образования и его соответствие требованиям современного общества. *В процессе обучения на учебных занятиях* используются интерактивные методы, успешно применяется интерактивные доски; осуществляется разработка нарративного подхода при чтении лекций, на занятиях используются элементы оргдеятельностных технологий, проводятся проблемные лекции и семинары; широко применяются тестовые задания для мониторинга качества усвоения знаний; используются электронные учебники и пособия. Инновации

применяются и при проведении педпрактик: разработана и апробируется инновационная модель проведения комплексной психолого-педагогической практики (А.С. Потапов), значительная часть студентов в период практики работает в учреждениях образования, психологических центрах, являющихся одновременно базовыми научными экспериментальными площадками преподавателей факультета.

В области организации самостоятельной работы студентов применяются такие методы, как: подготовка презентаций, портфолио, рефлексивных сочинений, проектов, докладов, аннотаций, рефератов, конспектов, персоналий выдающихся психологов, используются кейс-технологии, проводятся научно-практические студенческие мини-конференции по завершению курса дисциплин; подготавливаются электронные учебники и пособия, которые применяются не только в дистанционном образовании, но и для студентов заочного и дневного отделения.

Особой формой работы, реализуемой в течение уже четырех лет, является *организация образования в форме международных научных конференций с активным участием всех студентов факультета*. Программа таких конференций включает не только традиционные секционные заседания, но также вечерние лекции ведущих психологов России и зарубежных ученых, мастер-классы, обучающие интерактивные семинары, круглые столы и пр., проводится молодежный фестиваль – практикум. Студенты не только обучаются на этих конференциях, расширяя кругозор, знакомясь с разными подходами как в области теоретической, так и практической психологии, но и сами участвуют в работе секций с выступлениями и публикациями.

Позитивные аспекты конференции связаны с комплексной реализацией на ее основе ряда задач по повышению качества образования, что включает возможность: одновременного освоения учебных модулей, общих для ряда психоло-педагогических дисциплин (общая психология, методология, возрастная психология и психология развития, педагогическая психология и пр.); расширение кругозора, знакомство с научными направлениями и школами в других регионах Сибири, России, за рубежом из уст их носителей; освоение знаний в действии, что повышает их качество и практическую ориентированность; качественное осуществление интерактивных методов обучения во время обсуждения различных вопросов на заседаниях секций, круглых столах, мастер-классах и пр.; приобретение опыта публичных выступлений; актуализацию учебной и профессиональной мотивации, интереса к научной работе; инициирует профессиональную ориентацию и самоопределение. Важным является также аспект, связанный с пролонгированным использованием результатов конференции в учебной работе: обсуждение на аудиторных занятиях проблем, рассматриваемых на конференции, самоопределение в плане научных интересов и пр. Несомненным является также потенциал конференций в плане осуществления содержательной воспитательной работы в реальном деле, поскольку студенты выступают и как ее организаторы, помощники, радушные хозяева и пр., формируется также ответственность за результаты своей научной работы, научная добросовестность, профессиональные этические качества.

Представленная модель научно-практической конференции как формы организации вузовского образования показала безусловную эффективность.

PROBLEM FIELD OF YOUTHFUL SELF-DETERMINATION IN MODERN SOCIO-CULTURAL SITUATION

In article the problem field of self-determination of modern young men and girls is considered, on the basis of the analysis of modern socio-cultural situation, specificity of youthful age and the results of empirical research of young men's and girls' representations about a demand of certain character traits in retrospective and modern aspect.

Н.Я. Большунова

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЮНОШЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

В статье на основе анализа современной социокультурной ситуации, специфики юношеского возраста, результатов эмпирического исследования представлений юношей и девушек о востребованности определенных черт характера в ретроспективном и современном аспекте рассматривается проблемное поле самоопределения современных юношей и девушек.

Юношеский возраст, как известно, это возраст личностного, социокультурного, профессионального самоопределения, без которого невозможно подлинное взросление и становление субъектности.

Именно в юношеском возрасте со всей ясностью и остротой встает вопрос о том, что есть человек и как им стать. Такая обращенность к «последним вопросам» (по Ф.М. Достоевскому [9]) является существенной характеристикой формирующегося самоопределения.

Что имеется в виду, когда речь идет о самоопределении и какие проблемы свойственны в этом отношении современной ситуации развития юношей и девушек?

В психологии в настоящее время распространено представление о ценностно-смысловой природе личностного самоопределения, с этой точки зрения способность стать в отношении к ценностям означает обретение смысла (деятельности, жизни, поступка и пр.), то есть обретение личностью самой себя [8, 15].

Считается, что основная функция ценностно-смысловых образований и состоит в актуализации некоего эталона, образа, ориентира, по отношению к которому становится возможным развитие и оценка деятельности (поступка, поведения, образа жизни) с ее нравственной, смысловой стороны. Соответственно система ценностных ориентаций, которая представляет собой избирательно присвоенные человеком ценности, выступает основанием для целеполагания, планирования, построения модели будущего, принятия решений, совершения поступков. Иначе говоря, «определение себя» (понимание себя, оценка, самодетерминация, жизненная позиция и т.д. [1, 7, 8, 14, 15 и др.]) возможно только в горизонте ценностей, культурных образцов, нравственных координат.

Однако личностное самоопределение может не происходить вовсе, когда человек спонтанно «отдается» впечатлениям жизни (плывет по течению), или происходит в пространстве сугубо социально-бытовых, социально-

нормативных отношений. Эталоном, жизненной перспективой в последнем случае становится совокупность обывательских ценностей, ценностей функционирования, такой эталон, образец становится основанием филистерства, исповедующего ценность реально-привычного функционирования [10].

Социокультурное самоопределение мы понимаем как особое избирательное отношение человека к миру, в котором проявляется его позиция в отношении базовых человеческих ценностей, осуществляется осознанный или неосознаваемый выбор социокультурных образцов, под которыми мы понимаем композицию ценностей, свойственных определенному типу культуры, и выступающих как мера, с которой человек соизмеряет свои поступки, мысли, переживания. В социокультурных образцах актуализированы типы духовности, в них отражена психологическая, этическая и антропологическая характеристика типа мирозерцания, свойственная разным типам культур, а также имплицитно содержится «техника» или «педагогика» восхождения к социокультурному образцу.

Если социокультурные образцы выступают как присущий определенному типу культуры ответ на вопрос, что есть человек, то социокультурное самоопределение представляет собой выбор того социокультурного образца, который наиболее близок человеку (которому он ответчив) в силу особенностей истории его развития: традиций, усвоенных в семье или в социальных группах (детский сад, школа, спортивная команда, круг друзей), образцов поведения близких людей, характера отношений и типа переживаний, наблюдаемых в жизни, представленных в истории народа или в произведениях искусства (например, в сказках, в музыке и т.д.). Иначе говоря, социокультурное самоопределение мы рассматриваем как личный ответ человека на вопрос о том, что значит быть человеком, это реализация адекватной себе формы духовности, осуществляющейся в контексте определенного типа культуры (христианства, ислама и т.д.). Причем, личностное, профессиональное и пр. самоопределение невозможно вне контекста социокультурного «определения себя».

Социокультурное самоопределение, безусловно, осуществляется на протяжении всей жизни человека. Однако особенно важными в этом отношении являются дошкольный и юношеский возрасты, поскольку именно в эти периоды жизни наиболее интенсивно формируется самосознание. Примечательна в этом отношении позиция С.Л. Рубинштейна, который выделяет два уровня или способа существования человека, его отношения к жизни. В первом случае речь идет о человеке, жизнь которого «не выходит за пределы непосредственных связей... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом» [13, с. 347]. «Такая жизнь выступает почти как природный процесс, во всяком случае, очевидна ее непосредственность и целостность человека, живущего такой жизнью. Такая жизнь, когда в ней крепки связи с другими людьми, - самый надежный оплот нравственности как естественного состояния... Здесь нравственность существует как невинность, как неведение зла, как естественное природное состояние человека, состояние его нравов, его бытия» [13, с. 348]. «Второй способ существования», - пишет далее С.Л. Рубинштейн, - «связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за его пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее... Здесь начинается либо путь к

душевной опустошенности. К нигилизму, нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), или другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе» [13, с. 348].

Мы полагаем, что первый способ существования человека разворачивается дошкольном детстве, а расцвет второго приходится на юношеский возраст. Именно поэтому особенно важно осуществлять социокультурное воспитание как самоопределение по отношению к определенному типу культуры в эти периоды жизни человека. Причем, содержание и формы социокультурного развития должны опираться на специфику возрастных характеристик человека, на особенности субкультуры соответствующего периода развития (детскую, подростковую, юношескую).

Итак, самоопределение (социокультурное, личностное, профессиональное) выступает как ведущий фактор развития в юношеском возрасте. Однако именно здесь в современной социокультурной ситуации разворачивается проблемное поле становления юношей и девушек.

Одна из главных проблем состоит в том, что произошла девальвация социокультурных образцов, свойственных отечественной культуре, утрачены меры, по отношению к которым молодой человек может выстраивать свой жизненный путь, и которые служат ориентиром самовоспитания и саморазвития. Самоопределение всегда осуществляется по отношению к чему либо, к некоторой мере, к определенной системе ценностей, к социокультурным образцам. Однако в современной России именно в системе ценностей представлена ситуация крайней неопределенности. Вырисовываются как минимум три пространства, три горизонта социокультурного самоопределения.

Наши исследования [2, 4, 5, 11] свидетельствуют, что для современного человека характерно переживание «сшибки» этих аксиологических мер (ориентиров), которые выступают для него либо как конфликтующие, либо смешанные. В одной из них актуализирован социокультурный образец, свойственный традиционной российской культуре, представленной в классической литературе, музыке, сказках, языке, в истории народа и конкретной семьи, праздниках, религиозных и бытовых традициях и пр., и востребующий духовного пути развития человека. Другая мера аксиологического самоопределения представлена образом человека «социалистического» типа. Для такого *общественного* человека характерно доминирование направленности на соответствие социальным нормам и требованиям, которые, если не наполнены социокультурными (духовными) смыслами, господствуют над ним как внешняя сила, отчуждая его от самого себя. Наконец, в третьем, либералистском образце, манифестируемым СМИ, рекламой («Уступи соблазну», «Ты этого достоин»), доминирует ценность индивидуальной неограниченной свободы, соизмерение с которой своих выборов, действий, поступков, переживаний актуализирует жизненный путь человека рыночного типа [17].

Первые два типа были дисквалифицированы сначала революцией 17 года и затем «перестройкой», последний ведет в никуда. В нем нет оснований для самоопределения.

С нашей точки зрения не продуктивной в отношении социокультурного развития является также позиция, согласно которой *человек* сам выступает как мера самому себе. В этом случае он неизбежно возвращается к самому себе как к единственному источнику, средству и критерию духовности и культуры

(человек – мера всех вещей Протагора, гармонически развитая личность как критерий и мера; гуманистически ориентированная психология и др.). Та же тенденция обнаруживается в ряде работ по экзистенциальной философии и психологии, которая возлагает бремя ответственности выбора в ответ на «вызовы» человеческого бытия на человека. Однако эти выборы человек делает в условиях «брошенности» (М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр), «абсурдности» (А. Камю), конечности человеческой жизни, соизмеряя их смыслы с контекстом его «здесь и теперь» отношений с миром. Иначе говоря, мера смысла задается отношениями человека с миром (с «дольным»), подлинность его определяется переживанием подлинности момента «здесь и теперь»: добро неотличимо от зла, правда от заблуждения, смысл от абсурда, все относительно и определяется лишь тем, как я это переживаю. Человек в таком мире всегда один на один с самим собой перед теми вызовами, которые ставит перед ним жизнь, один на один в своей конечности (заброшенности) перед бесконечностью мира смыслов. Здесь в принципе не представлены вопросы: «Что актуализирует выбор?», «Зачем человек его делает?», «Есть ли *смысл в самом выборе?*» Любой выбор в таком контексте представляет собой уход от попытки ответить на вопрос: «Что есть человек?», «Каковы основания его жизни и подлинности?».

Отсюда мы видим в современной социокультурной ситуации несколько типов, путей, по которым может осуществляться непродуктивное самоопределение молодежи.

1. Первый тип представлен в феномене «кидалтов», «новых взрослых» [6], молодых людей (или не очень молодых), для которых характерна «задержка в достижении зрелости», за которой стоит перекалывание ответственности как за бытовые, так и за смысложизненные решения на других или отказ от формулирования соответствующих проблем, вопросов. В литературе, описывающей данный поведенческий феномен, указывается, что особенная привлекательность подобной модели поведения и организации собственной жизни связана с блокированием тревоги по поводу своего соответствия или несоответствия социальным ожиданиям относительно критериев жизненного успеха, а также относительно заботы о будущем, планирования жизненных перспектив. Такая позиция сопровождается равнодушием в отношении развития карьеры, создания семьи, вообще планирования, целеполагания, долженствования. «Новых взрослых» в той или иной мере не «напрягают» успехи других, они свободны от участия в соревновании, свойственного прежним поколениям. Они живут «здесь и теперь» в пространстве свободного времени, спонтанно, непосредственно, реализуя себя в игровом отношении, в переживании удовольствия, ориентируясь на достижение счастья. Зарубежные исследователи этого феномена называют его «синдромом Питера Пена», за которым стоит отказ от взросления, самоопределения, игровое отношение к жизни, инфантилизация.

Мы попытались понять природу этого явления на российской молодежной выборке, которая, безусловно, имеет свою специфику. Для этого студентам факультетов психологии разных вузов Новосибирска было предложено в свободной форме ответить на ряд вопросов: 1. Назовите черты характера, которые, по Вашему мнению, были востребованы в семидесятые годы двадцатого века. 2. Назовите черты характера, востребованные в настоящее время. 3. Какие черты характера необходимы лично мне для достижения успеха в жизни. 4. Какие черты характера Вы хотели бы иметь в идеале.

Опрос обозначил чрезвычайно интересные проблемные точки. Во-первых, линия различия «типичного» советского характера и характера современного человека в большинстве случаев (70%) обозначается по уровню и характеру активности (покладистость, терпеливость и даже конформизм, покорность, против активности, упорства, напористости, пластичности, гибкости, находчивости, стрессоустойчивости, а также наглости, упрямства, хитрости, умения манипулировать и т.д.). Во-вторых, к типичным чертам характера 70-ых столько же респондентов относят группу явно положительных свойств, связанных с отношением человек – общество: коллективизм, патриотизм, национальная сплоченность, взаимовыручка, открытость, против индивидуализма, соперничества, самодостаточности и пр. В-третьих, примерно половина респондентов противопоставляют нравственные качества, такие как доброта, альтруизм, отзывчивость, честность, свойственные советскому периоду, отсутствию востребованности таковых (эгоизм, предательство, ложь и пр. указывается как типичное для современного человека) в настоящее время. В то же время, около 50% испытуемых указывают такие общие черты, как целеустремленность, ответственность.

Описанные результаты достаточно ожидаемы, однако, неожиданными являются ответы на третий и четвертый вопросы: в большинстве случаев респонденты предпочитают, чтобы им были свойственны либо черты характера, обозначенные в описании человека 70-ых (нравственные, прежде всего: доброта, доброжелательность, теплота и пр.), дополненные позитивными параметрами активности (целеустремленность, инициативность, предприимчивость), либо указывают набор черт, противоречащих друг другу, в котором сочетаются черты прошлого и настоящего (уважение к другим, доброжелательность и одновременно хитрость; способность сопереживать и способность к манипуляции и пр.).

Эти данные, безусловно, свидетельствуют о внутреннем конфликте, об отсутствии той самой аксиологической меры, с которой человек соизмеряет свои выборы, по отношению к которой осуществляет самоопределение, либо о ее двойственности, неопределенности. В этих условиях и актуализируется «кидалтизм» как форма ухода от ответственности, блокирования тревоги, защиты от неопределенности.

2. Второй тип ложного самоопределения в этих условиях связан с накоплением внутреннего аксиологического конфликта, маргинализацией, которая прорывается аффектами неадекватности, агрессией, деструктивным поведением, экстремизмом (в этом случае наши респонденты в описываемом выше опросе склонны ожидать у себя развития совокупности таких черт, как наглость, упорство, хитрость, властность, активность, сила воли и пр.).

3. Третий тип прорывается как попытка жесткой идеологизации своей жизни, создания идолов, идеологом, которые начинают выступать как «шоры» («за деревьями не видит леса»), которые огрубляют личность, и, следуя которым, человек утрачивает способность к выбору и проектированию своего жизненного пути (утрачивает субъектность), что реализуется в сектанстве, принадлежности к различным закрытым или ригоричным молодежным субкультурам и пр.

4. Еще одна возможность - прагматизация жизненных целей и смыслов, основанная на эгоцентризме и недоверии к окружающим, сопровождающаяся неответчивостью культуре, ценностным основаниям жизни, манипулятивностью, утратой свежего, подлинного восприятия себя и других,

утратой «доминанты на другом». Например, в перечне желаемых черт характера одного из респондентов представлены исключительно терминальные, «технические» черты, причем их набор образует, хотя и противоречивый, но вполне определенный прагматический симптомокомплекс: сила воли, свободомыслие, терпение, креативность, инициативность, индивидуальность, открытость, подстраиваемость, безукоризненность, пунктуальность, удовлетворенность жизнью.

5. Следующий способ не-самоопределения - конформизм как реализация желания не думать, не осмысливать, не выбирать, быть как все (например, в одном из опросов, отвечая на вопрос: «Что Вы больше всего цените в жизни?», респондент отвечает: «Пиво, девочки, удовольствия»). Типичным примером здесь является жизнь по образцу, демонстрируемому в шоу «Дом 2».

6. Одной из весьма опасных тенденций является формирование брендового сознания, при котором бренд «встраивается» в сознание, замещая собой социокультурные образцы, и диктует брендовое потребление, брендовое желание, брендовые события, лицо, речь и т.д. Социокультурный выбор подменяется брендовым. Антиутопия Д. Оруэлла становится реальностью, что, в частности, проявляется в идеологии гламура.

Все эти феномены усугубляются революционными изменениями содержания самой жизни, ее сверткучестью, аритмичностью, информационной перенасыщенностью, обуславливающими уход от трудной работы самоопределения.

Особую проблему в отношении самоопределения, развития индивидуальности и субъектности может представлять ситуация *инновационной экономики*, при которой интеллект становится источником прибыли, превращаясь тем самым в вещь, обуславливая усиление внутренних, зачастую слабо осознаваемых конфликтов, односторонность в развитии, актуализацию типа: человек-функция.

Учитывая это, необходимы специальные усилия для того, чтобы обозначить человеку горизонт ценностей, причем, делать это нужно, давая себе ясный отчет в том, что существующая социокультурная ситуация не является для этого благоприятной.

Движение к поиску своей индивидуальности и субъектности в контексте некоторого социокультурного образца (социокультурное самоопределение) возможно, если сами социокультурные образцы представлены тем или иным образом в мире человека (в текстах – изобразительных, художественных, музыкальных и пр., в ритуалах духовной и обыденной жизни, в праздниках и пр.). Человеку с первых моментов его жизни должен быть открыт и обозначен горизонт социокультурных образцов, ценностей, которые в каждом возрасте должны быть представлены своими средствами. Причем, для того, чтобы ценности как меры стали реальностью внутренней жизни ребенка, юноши, они должны быть им пережиты. Нам импонирует определение переживания как душевного (и духовного, с нашей точки зрения) события в жизни личности, укорененного в его индивидуальной истории, данное С. Л. Рубинштейном [12]. Соответственно, для того, чтобы ценности стали достоянием души, необходимо явление этих ценностей сделать событием, т.е. осуществить со-бытие ценностей в субъективном мире человека и в мире культуры. Необходимо также найти такие формы и средства организации деятельности, где это со-бытие может быть осуществлено. Если говорить об образовании в широком смысле этого слова, то здесь можно выделить несколько задач. Первый уровень

образовательных задач – это социокультурное развитие ребенка. Однако для их реализации не достаточно обозначить ребенку, юноше аксиологические ориентиры, поставить его в отношении к социокультурным образцам. Необходимо актуализировать движение к ним (ответчивость им), т.е. инициировать деятельность, внутри которой и происходит восхождение к социокультурному образцу. Развитие соответствующей возрасту (ведущей) деятельности и системы коммуникаций (общения), которыми эта деятельность опосредуется, – это и есть второй круг (уровень) образовательных задач. Наконец, осуществление деятельности предполагает освоение средств ее выполнения (знаний, умений, навыков, собственно психических процессов: анализа, синтеза, запоминания, воспроизведения и т.д.). Это третий круг образовательных задач [5].

Событием же, «встречи» с этими задачами становятся тогда, когда они по своему содержанию соответствуют не только возрастным, но и индивидуальным особенностям человека (ребенка, подростка, юноши), отвечают специфике его способностей, темперамента, личных проблем, трудностей, жизненно важных вопросов; причем, «встреча» возможна в условиях особой коммуникативной ситуации диалога [16].

Такой подход к организации образования мы реализуем по отношению к дошкольному возрасту [3]. Конечно, то, что ребенок переживает и обретает в детстве, является важной предпосылкой его социокультурного развития. Ведь это возраст сензитивный, как писал еще А.В. Запорожец, к развитию социальных эмоций. Однако этого детского опыта не достаточно для успешного социокультурного самоопределения.

Что касается юношеского возраста, то здесь нами разработан и читается студентам спецкурс «Психология типов культур», задача которого состоит в том, чтобы актуализировать образ человека (социокультурные образцы) в разных типах человеческой культуры, антропотехники восхождения в культуру, представленные в разных типах культур. Особое внимание уделяется представлениям, существующим в христианстве и в русской культуре, основой которой является православие. Опыт преподавания этой дисциплины в течение более пятнадцати лет показывает, что большинство студентов с большим интересом, неформально относятся к содержанию этого спецкурса, в своих рефлексивных сочинениях они указывают, что действительно в процессе работы происходит осознание принадлежности к определенному типу культуры, выделение и рефлексия ее оснований и системы ценностей. Причем значительная часть студентов (70 – 80 %, в зависимости от национального состава аудитории) осуществляют выбор (самоопределение) в отношении православия. И, несмотря на то, что этот выбор вовсе не всегда сопровождается готовностью к воцерковлению, сам вопрос о принадлежности к этому типу культуры уже становится для юношей и девушек значимым и осознанным.

Наши данные, основанные на проведении диагностических опросов, показывают также, что в процессе работы над содержанием этой дисциплины происходит изменение в отношении студентов к жизни, к ее ценностям, таким как истина, правда, добро, красота. Значимо большее количество юношей и девушек начинают обозначать эти ценности (прежде всего это относится к ценностям добра и правды) как самые значимые для себя и одновременно отвергают как наиболее неприемлемые ложь, лицемерие, предательство [4].

Эти данные свидетельствуют, что, несмотря на неблагоприятные социокультурные обстоятельства развития современной молодежи, дети,

подростки, юноши и девушки ответчивы традиционным культурным ценностям и проявляют готовность к социокультурному самоопределению, испытывают потребность в духовном развитии. Эту потребность необходимо поддерживать и развивать посредством соответствующим образом организованного образования.

Библиографический список

1. Абульханова, К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии / К.А. Абульханова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. - №4. – С. 3–21.
2. Большунов, А.Я. «Новая тварь»: антропологическая ситуация на пороге третьего тысячелетия / А.Я. Большунов. – Социокультурные проблемы современной молодежи. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – С. 67–84.
3. Большунова, Н.Я. Организация образования дошкольников в формах игры средствами сказки / Н.Я. Большунова. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 407 с.
4. Большунова Н.Я. Субъектность как социокультурное явление / Н.Я. Большунова. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – 324 с.
5. Большунова, Н.Я. Конспекты лекций по курсу общей психологии. Психология общения / Н.Я. Большунова, Н.Я. Большунов. – Новосибирск: СНИ, 2002. – 29 с.
6. Ваннах, М. Кидалты - взрослые дети постиндустриальной эпохи / М. Ваннах // Компьютерра. – 2008. - №10 (726).
7. Воловикова, М.И. Психология и праздник: Праздник в жизни человека / М.И. Воловикова, С.В. Тихомирова, А.М. Борисова. – М.: ПЕРСЭ, 2003. –143 с.
8. Гинзбург, М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. - 1988. - № 2. - С.19–27.
9. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы / Ф.М. Достоевский. – М.: Современник, 1989. – 557 с.
10. Непомнящая, Н.И. Ценностность как личное основание / Н.И. Непомнящая. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 176 с.
11. Печин, Ю.В. Ценностные основания мотивации личности (на материале исследования труда горожан-дачников): Дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2008. - 240 с.
12. Психология индивидуального и группового субъекта // под ред. А.В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М. : ПЕР СЭ, 2002.- 368 с.
13. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
14. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
15. Сафин, В.Ф. Психологический аспект самоопределения / В.Ф. Сафин, Г.П. Ников // Психологический журнал. – 1984. – №4. – С. 65-74.
16. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. Наука о душе / Т.А. Флоренская. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 208 с.
17. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Мн.: Харверст, 2003. – 384 с.

УДК 159.9

S. Benvenuto

Main Editor of the European Journal of Psychoanalysis, Rome, Italy

FREUD AND THE SOCIAL BONDS

The essay *Group Psychology and the Analysis of the Ego* (Freud 1921)¹ owes its fame to the fact that it opens – together with a few other Freudian writings – an extremely successful

¹ *Massenpsychologie und Ichanalyse*. We could also translate *Massenpsychologie* with “psychology of crowds” or “collectives”. In quoting passages from this essay I shall state the page

20th century tradition: the psychoanalytic interpretation of social processes and institutions. Along with Freudian-Marxism and Freudian-Sociology, psychoanalytic theory has never ceased to also inspire scholars of Social Relations. It is therefore very useful to re-examine this seminal Freudian text with the disenchantment of those who came later – after the ethical and political tempests and passions of the last century – and try to understand what Freud ultimately wanted to say.

One should never forget that this essay is in continuity with another fundamental Freudian text, *Beyond the Pleasure Principle* (Freud 1920), published a year earlier. *Group Psychology* is, in a certain sense, the second episode of *Beyond the Pleasure Principle*. Even though the two works were composed almost simultaneously².

1. What explains social relations in psychoanalytic terms according to Freud, from the uncontrollable spontaneous crowd right up to the most well-structured human organizations? In other words, what is essential, according to Freud, about psychoanalysis, that makes it possible for an explanation of social relations to be regarded as truly psychoanalytic?

Freud explains it clearly in this essay: to understand in a psychoanalytic way means to explain in terms of libido dynamics³. «a group is clearly held together by a power of some kind»⁴ and this force or power (Macht) is libido. We must take libido – cultured Latin term – to mean everything that in common language is known as Liebe, love. And Freud adds that ultimately libido is the Eros Plato talked about. Today many prefer to speak of desire. Are all these terms, and others still – Eros, amor, caritas, libido, Liebe, desire, Lust, love – then synonyms? Or is preferring one term to another a sign of a conceptual gap to try to seize and question?

Freud had developed the concept of sublimation⁵, according to which a part of desire, in the sense of amor, changes object, diverting from carnal objectives and investing cultural and socially syntonetic aims; a desire «aim-inhibited», as he says, which doesn't lead to the final pleasure; a desire that finds pleasure in desiring. Libido emerges as amor and develops as caritas. Or, if Greek is preferred, emerges as eros and develops as agape. But, whether sublimated or not, libido remains as desire that invests something external to it; an Objekt, Freud says.

It is fashionable today to say that we should go beyond Freud's «drivism», that we should focus on other non-solipsistic elements – on relations, for example, or on empathy, or on object relations irreducible to pleasure («relationism»; Kohutian empathy; object relations theory, and so on). But I think that this is a misunderstanding of Freud.

Of course, Freud considers drives (Triebe) fundamental, but we should also ask ourselves what he really meant by the term, translated into English as drives and in French as pulsions.

As Jean-Luc Nancy (2009) points out, drive or the French pulsion stress in different ways the mechanical thrust, the compulsion. It is more of an undergone

of the English edition of Freud's Works (*SE*) and then, after the slash /, the page of the German edition (*GW*). I have taken the liberty of modifying the *SE* translation where I considered it necessary.

² In August 1920, after finishing *Beyond the Pleasure Principle*, he had already written part of *Group Psychology*, which he sent to Eitingon and Abraham.

³ *SE* pp. 90-1 / *GW* pp. 98-99.

⁴ p. 92 / p. 100.

⁵ On the psychoanalytic concept of sublimation see Laplanche & Pontalis (1967, II, pp. 587-590) and also Benvenuto (2008).

traction than a sought after attraction. Trieb [on the other hand] designates in German a thrust seen as activity: the growth of a plant or the care given to a growing animal. It is in the domain of impetus and desire. It pushes forward, activates itself. There's a considerable polymorphous activity in the semantics of the verb *treiben*.

The verb means to push, to move, to do, to exercise. Rather than with drive, we could translate Trieb with pushing up, forward thrust.

But is then Freud's invention – metaphysical invention and not scientific discovery – essentially based on indicating as a cause the strength of this pushing up? Trieb, the pushing up, is actually the «efficient» cause of the human act of living, an act that implies other causes. While the final cause, the end that spurs us on, is pleasure⁶.

Now, this plurality of thrusts or desires can be summed up with two fundamental drives – or two classes of drives – which are intertwined: the first is Eros. The drive or thrust is for Freud the bodily side of something more essential: of the fact that the human being is erotic, and Eros always includes the other. In philosophical terms: Freud's starting point is a metaphysics according to which the essence of the human is Eros⁷. Which is also the essence of life in general.

A Heideggerian would say that Eros or desire is the truth of Being (Sein) of the living being (Seiende). Everything human beings do, say and undertake is ultimately to be interpreted as a manifestation of Eros or desire. This is the essential point – everything else is a derivation, a result, a veil. So, to think psychoanalytically means to think that all things human are produced by Eros. Even social groups and institutions are therefore to be considered starting from Eros.

2. Yet, only a year earlier Freud had spelt out that Eros alone cannot explain everything. Of course, Eros can be analyzed according to various thrusts – the best-known are the oral, anal, phallic and scopic – but as a global drive or set of drives, Eros implies an opposing drive, which is sort of its necessary and fatal shadow: the death drive, Thanatos, also being a set of drives rather than one specific drive. Drives come together, synthesize, into two absolutely crucial drives: Eros and Thanatos, Love and Death, Life and Destruction.

And indeed, even though he does not directly mention Thanatos in the essay being discussed here, Freud lingers over what divides a group or collective, what dissolves social links. If the coming together of a group is the work of Eros, the powers that tend to break it up are Thanatos. In this essay he evokes four forms of breaking up: panic, hate for others, falling in love and neurosis. As we can see, both hate and love can be agents of Thanatos.

The panic that can seize a crowd «involves the cessation of all the feelings of consideration which the members of the group ptherwise show one another»⁸. In short, everyone just thinks about himself or herself, about saving his or her own skin, anyone else doesn't count.

But a subtler and more insidious threat for groups is when hatreds between members of a group endure. Freud evokes the Catholic church: even in «God's

⁶ I refer to Aristotle's classical distinction between four causes: material, formal, efficient, final. It could be proved, had we more space, that the four Aristotelian causes can be found in Freud's conception.

⁷ A detailed "genealogy" of Freud's thinking, starting from Descartes, Schopenhauer and Nietzsche, has been traced by Henry (1985).

⁸ p. 97 / p. 106.

people» hostile and ruthless impulses against fellow believers creep in and emerge in moments of crisis or phases of break-up of a Christian community. Here Freud gives us proof of his pessimism, in other words of his distrust for ideologies, of any kind, that claim to root out hatred and hostility between human beings and build a loving and cooperative society. In fact, Freud notes, even a religion founded on the love of God for all his creatures, on «love thy neighbor as thyself», has in the course of history often revealed itself cruel and intolerant: because the hate eradicated within the group is found again outside it, incarnated as «infidels», «heretics», «idolaters», «libertines», and so on. (Today in «Muslim fundamentalists», «relativists», «abortionists», etc.). But secular idealities too – first and foremost Socialism and Communism – don't escape the inerasable destiny of hatred.

If another group tie takes the place of the religious one – and the socialistic tie seems to be succeeding in doing so – then there will be the same intolerance towards outsiders as in the age of the Wars of Religion; and if differences between scientific opinions could ever attain a similar significance for groups, the same result would again be repeated with this new motivation⁹.

Prophetic words for 1921! This was before Stalinism, the Gulags and so on. But Freud had already understood how things were to turn out. Similar phrases by Freud prove that he never believed in Socialist promises. He never believed, in other words, in the possibility of building a Good and Happy Society. This has to be said, despite the long Freudian-Marxist tradition, which for the last century or so has been trying to marry Marx and Freud (often adding Nietzsche). A lot of the 20th century has devoted a cult to a philosophical Trinity: Marx, Nietzsche, Freud.

We won't go into the complex question of the possible convergences between Marx and Freud – a convergence that has actually taken place in our day, as contemporary Marxists usually recognize this Trinity. I do not wish to reconcile at all costs what is hardly reconcilable. A Freudian believes in the death drive and hence in the impossibility of a Good and Happy Society. It doesn't matter if this Gospel is inspired to Christian, Muslim, Socialist, Feminist, Liberal-Democratic or Environmental ideals, or whatever else. And this for a very simple reason: in every group, however solidaristic and enthusiastic, the death drive is always at work, i.e. hatred and disaggregation. Hatred and aggressiveness are only the affective and active side of the disaggregating passion; they are symptoms, the mark, of a fundamental disintegrating thrust that is immanent in the living. Today we would say that in every system entropy is silently at work.

So, as a remedy against entropy, every group needs its Other to exist as a group, i.e. as a Whole (as an Order, an information theorist would say). Here Freud stresses how one is always willing to demonize those outside or against the group, as well as the constant danger of schisms, divisions, fragmentations present in all groups. The hatred repressed by the identification between members of a whole often reemerges within the group itself as perception and denunciation of dissent or heresy. Every ideal happy group, to remain as such, has sooner or later to become expulsive or even persecutory, in the double sense of feeling persecuted and acting as persecutor. For Freud, persecution is the acidic price to pay for the ideal of perfection.

Let's take as an example the Soviet Gulag: in the paradise society they were certain to be building, millions of citizens were actually reduced to slavery and massacred. Gulag victims were often people picked out randomly, poor wretches who

⁹ p. 99 / p. 108.

had no intention of contesting anything: But orders from above said that anti-Soviets had to be found. If no explicit dissidents emerged, it was necessary to create some. Political paranoia? But every ideal of setting up a Good and Happy Society sooner or later turns into a formidable paranoia machine. «Why is it that we're building a happy society, yet we are not happy?» is the question asked. Answer: «That's very simple, because someone is sabotaging it». But who's sabotaging it?

In actual fact, everyone in the group, while striving to erect the Good and Happy Society still feels that wind of hatred going around; you can still feel the death drive on the edge of your skin. It is therefore necessary for this drive to find an object, an incarnation in a scapegoat, so that Evil may be fixed on certain bodies and destroyed in them. The sacrificial persecution of dissidents or «terrorists» fixes the death drive on particular objects so that they may be evacuated.

As for neurosis, insofar as it isolates the subject from the social group – insofar as it constrains him or her from cooperation and work – tends to disjoint the group. That's why in some countries (for example Germany) the State takes it upon itself to cure neuroses, even by paying for psychoanalytic care.

Another disruptive power, according to Freud, is the couple in love. Something that may seem surprising at first: all societies seem to be founded on family ties, therefore on loving couples. But significantly, however, every civilization – except contemporary western civilization – has rigorously separated passionate love (a danger to social stability) and conjugal love (which society usually glorifies): a serious error to confuse them (Le Goff 1991). In this essay Freud obviously refers to passionate love, which developed in the West with courtly love or fin'amor in the late XIth century. It is a fact that «millenarist» societies engaged in a grand project of social cohesion, of building strong group ties, are characterized by more or less strict forms of sexual asceticism. This was the case with Christianity and Islam in their early centuries, with Cromwell's Puritan England and with the construction of Socialism in the USSR, China and so on. It doesn't really matter whether the Perfect City to build is theocratic or atheist: all great projects involving a social palingenesis fear the lovers, absorbed in their happiness or pleasure, blissfully disconnected from the network of social relations. Passionate love vivifies our life but is a deadly threat to the City.

Yet, in *Beyond the Pleasure Principle*, Freud said that sexual love is the paradigm of Eros: the sexual drive does not only make use of the other to satisfy itself, but also implies the other to make a Whole. How can it then be that something so purely erotic – a couple's passionate love – is a disjointing threat to the group? Here we realize to what extent Eros and Thanatos are relative concepts, not dichotomic ones: they imply each other at different levels.

3. To talk of Eros as the instance that unifies and ties together somehow solves an ambiguity in both Freud's thinking and in the German language. Freud never made a mystery of the fact that he based his system on the Lustprinzip – translated into English as the «pleasure principle». The background philosophy he starts from to consider the human ens was Hume, Bentham and Mill's Utilitarianism. In other words, as an utilitarian he believed that every organism's aim is to find pleasure or elude displeasure. In actual fact, as Freud had pointed out, the term Lust is ambiguous, insofar as it means both desire (craving, inclination, libido) and pleasure (satisfaction); two quite different meanings, even opposite ones according to Freud, who considered desire an unpleasant tension. The introduction of the term libido became necessary to dodge the ambiguity in Lust: Libido is a desire aspiring to satisfaction, though it won't necessarily reach it. Lustprinzip should then be translated as «desire-pleasure principle».

Now, in *Beyond the pleasure principle*, Freud brought to our attention the fact that every drive, insofar as it aspires to burn out in pleasure, insofar as it aims at psycho-physical calm, at Nirvana, is devoted to Death. Every drive, taken individually, i.e. abstracted from the object or reality it aims at, is an interference in the homeostasis, a displeasure that the organism tends to cancel out, or at least to minimize, because every organism tends to remove all unpleasant tensions, it strives for peace. Many say: «I fight to ensure a peaceful old age for myself» – in other words, they're fighting for a life which is already death. Therefore, a description of the neuro-psychiatric system in terms of drives, i.e. following the pleasure principle, is in fact a description that stresses the mortal centre of every organism, both physical and psychic: striving for pleasure, only for that, actually means striving for the end of any disturbance, it means striving for death.

But in that very essay Freud also warrants that the organism is not only this mortal striving for pleasure: there's Eros too. Contrary to what is usually said, the real novelty Freud introduces with this essay is not the death drive, but rather the life drive. Insofar as the latter pushes us towards the other, to link up with the other, it cannot be reduced to a solipsistic mechanism regulated homeostatically: Eros introduces a dimension known in philosophy as transcendentality. Husserl said that

intentionality is the transcendentality of consciousness; for Freud Eros is the transcendentality of life.

Of course the human organism is Thanatic, in that it lies outside social bonds and aims at canceling out disturbances and pain – indeed, according to Freud, pleasure consists just in this canceling out. But for certain aspects there is something in every human being that sets him off looking for trouble, so to speak. Eros is the something that makes us not content with masturbation or with writing books we'll keep hidden away for ever, but makes us get involved in social challenges and love affairs that may just take a turn for the worse. It's what leads us to fighting for a Cause or to making alliances, to taking an interest in matters far from or irrelevant to our direct life. It makes us concerned about the fate of our friends, allies, relatives, heroes and so on. Eros is the seed that diverts us from «living as brutes and that pushes us to follow virtues and knowledge» (from Dante's *Inferno*).

Building a group – from the floating crowd right up to the most rigorously structured institution – is therefore the consequence of the erotic side of every drive, insofar as every drive is not simply a private desire, but has an aim and an object. The object of every drive may vary, that's true, – the objects of our loves, enthusiasms and passions may vary – but investing erotically in an object is a constituent part of the drive as such. The life drives basically tend to create a social bond. All those who keep repeating that «Freud's psychoanalysis was based on drives» and that «today we have to focus on *Mit-sein*, on being-with!» ought to be reminded of this thesis of Freud's. They don't realize that Freud's drive theory aimed precisely at explaining being-with, that basically there can be no relation among humans without a relation between drives, without the erotic relation. Opposing drives to human relations is like opposing the heart beat to blood circulation.

After all, every drive has the same end: satisfaction. In other words, the drive mortally tends to annihilate itself in its triumphant moment. This satisfaction also concerns less carnal drives, for example drives that lead us (if we're Christian) to deserving eternal life or those that lead us (if we're Communist) to set up an egalitarian society. Significantly, most of these ideals cannot be attained during our lifetime; and if, as in the case of socialism, they can be attained during a life, they often end up being a disappointment. **Isn't an eternal bliss – whether sociological or**

eschatological – the triumph of boredom? Didn't a warrior like Che Guevara prefer to find his death in Bolivia rather than enjoy, as a monument of the Nomenklatura, the happiness set up in Cuba? Doesn't every achievement of the dream have a mortal implication, i.e. the fact that the achievement eliminates Eros? And what leads a couple, after years of a happy life together, to not desiring each other anymore? The fact that too much satisfaction extinguishes Eros. Eros is also the need for adventure, a curiosity without motive, going outside oneself and one's circle, breaking the soft bars of assured happiness, evading the dull perspective of a «civil death».

4. But to say that a group is the effect of a libido consociandi, of a social drive, still only gives us a tautological explanation. Tautology is the specter of every holistic approach, even the subtlest – including the approach known today as system or complexity theory. Hypostatizing a more or less structured whole does not exempt us from the task of analyzing its structure. And analyzing means fragmenting, dividing, like a child breaking his doll to try and see what it looks like inside.

Let's take a flight of birds: it comes across as a whole, the individual birds functioning as its cells. If we shoot an individual bird, the flock spontaneously fills the void and reconstitutes itself as before. The flight of birds appears to us as a unified whole distinct from the various birds that compose it. But an ornithologist will not be satisfied until she also understands what mechanism in the individual birds make it possible for the flock to form and maintain itself. To presume a libido agminis in each bird, a desire to make up a flock, would be quite ridiculous. Freud never forgets that his doctrine is called psycho-analysis, that it adopts the analytic method, proper to every science, of decomposing the emerging wholes into constitutive elements so as to figure out how and why these elements aggregate. **Freud's intent is to account for the elements that give rise to the group.** Even though he supposes that, historically, the collective psychology preceded the individual one.

We now have to introduce a distinction Freud does not refer to: between cold and hot collectives. By cold collective I mean all more or less forced organizations, where individuals are associated in view of a specific end without their affective adherence to it being considered a priority. A paradigmatic example of cold collective are the galleys, on which galley slaves were forced to row. Many modern-day organizations are like the galleys. A hot collective, on the other hand, is a group with strong emotive and spiritual ties between its members, who mostly adhere passionately to the organization's cause.

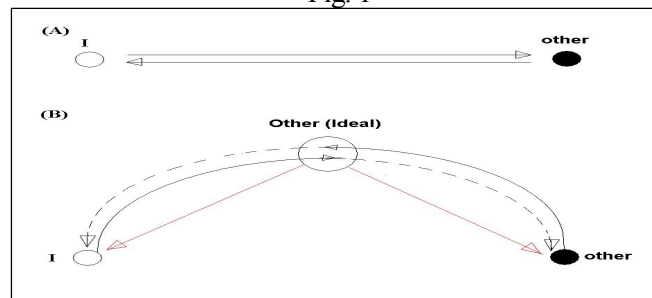
In this essay, Freud deals exclusively with hot collectives. Indeed, the examples he brings are crowds that gather spontaneously in view of a more or less immediate aim, churches, armies – and the hypnotic couple. Of course, many groups are never entirely hot or entirely cold, most are lukewarm. In a team of street-sweepers and in one of psychoanalysts alike one can observe the various gradations between «hot» and «cold». But here Freud is only interested in the hot extreme of each group.

Freud was probably never acquainted with Max Weber and his tripartition of social power (Weber 1919): power can be either traditional, or charismatic, or bureaucratic. Traditional power, «the authority of the eternal yesterday», very often gerontocratic, is based on traditions that are never challenged, on the undisputed authority of what is passed on. Charismatic power is based on the figure of the charismatic leader: exercised by the prophet or «the captain elected in war, or the holder of some kind of plebiscitary power, or the great demagogue or leader of large political party». Bureaucratic power – more characteristic of modern societies – is based on legal mechanisms, on procedures strictly abiding to formal rules; it's the power of the «State Official».

Freud seems in the end to include every group in the domain of charismatic power: the Other forms the group thanks to his prestige and influence, to the fact that he succeeds in being loved and loves (even if diffusely) those who love him. For Freud all powers ultimately lead back to the charismatic. While traditional power is lukewarm and bureaucratic power is cold, the charismatic leader warms everyone with his heat. The colder a power becomes, the more need there is for coercion and external force.

5. Every hot group, to function as such, cannot be described merely as a set of horizontal bonds between its members. It is not sufficient to say that in a hot group members love each other like brothers and sisters. Freud marks a turning point in respect to the authors he considers – especially Le Bon and McDougall – because for him the group is an erotic whole, not a «horizontal one». Of course, it is crucial for the members of the group to be fond of each other in one way or the other, for them to have some type of «bond» («they have identified themselves with one another in their ego», Freud says¹⁰). But what ties brothers and sisters is something vertical: being the children of common parents. Brothers and sisters love each other because they are loved by a common parent and that's why they make up a single group. In the same way for Freud social (libidinal) bonds between members of a group depend on the common reference to a Führer, a leader. In Freud's time both Italian fascism and nazism were in their beginnings, so he couldn't play upon the grim resonances the word Führer has for us. We could still say, however, that for Freud every collective or group is a bit fascist. Hence a particular subtle bourgeois snobbish contempt on Freud's behalf for every type of group (including the psychoanalytical groups?) that transpires throughout the essay. By this I'm not saying that every group ends up being fascist, but simply that the fascist group is the quintessential hot group, its form at once extreme and pure.

Fig. 1

But leader, captain, guide, are all synonyms referring to a figure that keeps a group together: the one who, by guiding the mass towards a goal or direction, embodies the mass itself. Freud is preemptory: «it is impossible to grasp the essence (Wesen) of a group if the Führer is disregarded»¹¹. Each Ego in the group loves the other members as a whole, insofar as each Ego loves just one Führer and knows that all the other members love that very Führer, and that thanks to this knowledge the other members are «our guys».

¹⁰ p. 116 / p. 128.

¹¹ p. 119 / p. 132.

Today, with Lacan's distinction between «other» and «Other» having imposed itself, we can say that the Führer is the Other – with a capital A, to distinguish him from the various more or less large numbers of other members that add up to form the group. As we can see in figure 1, differently from the saturated relation (A) – the classic two lovers, both loving each other – the collective takes place, as in (B), where there is an unsaturated relation: love and cooperation between two members depend on their reference to a third party, the Other, being the object both love and supposed lover of both.

From this perspective Freud refers to his two main examples of structured organizations: the Church and the Army. He states that the best example of Church is the Catholic¹², and not only because he lived in a Catholic country. In fact the Catholic Church, in contrast to the other Christian Churches and the Jewish religion is extremely hierarchicised around an apex, significantly referred to as the Pope, the loving papa of all Catholics. But in turn the Pope is a surrogate, an ordinary other who temporarily replaces the Other (hence he is always a little suspected of usurpation, typical historical accusation moved by all Christian anti-papists). This Other is Christ, the Messiah, the real papa or Other of all Christians.

For Freud the Army too is based on a vertical love: all soldiers are united insofar as they love the General, who in turn loves them. All great captains were deeply loved and admired by their troops, who were prepared to die for Him.

And what then to say of bureaucratized or technocratic armies with no Supreme Leader at the top? Well, in actual fact, even when a charismatic general is lacking, usually the army, or navy, or air force, cannot do without evoking a Cause for which they exist: at one time this was the king or emperor, today it is the Country. Patriotic liturgies in armies are not empty rituals: they serve to remind those who in the U.S. army are known as privates that they are ready to fight and die for a public Cause. In Italian and Spanish it's called patria, in French patrie, the «thing of the father», the fatherland.

The Cause of the Father, for which one unites and fights. Including the Cause of psychoanalysis. But isn't the Cause you work, suffer and live for something too abstract, far from the concrete and tragic figure of a father or mother or king? Shouldn't we say instead that the Other in flesh and bones we fight for and venerate – from the Pope to the Duce – is only an epiphany of something more ethereal, the Ideal or the Cause? Yet history teaches that every abstract Cause systematically takes on the shape of a concrete person, whether dead or alive. Even Christianity, though it venerates a single God without a name, and which certain cults forbid to depict, refers to an incarnated God, with a name, a body, a face and a history: Jesus. While Socialist and Communist activists devote their cult to «founding fathers» like Marx, Engels, Lenin, Che Guevara, and so on. Undoubtedly every group – if hot – tends towards a cult of personality. A purely abstract Cause isn't enough to warm hearts. The Other has to be loved as a human figure.

We can then say that the Other – as leader, caudillo or duce – is the cause of the group. Taking cause in its double meaning: The presence, action and word of the leader is the cause of the group, taking cause to mean «effect», and the Other offers the Egos a cause, in the sense of «goal» or «sense» that directs the life of all the members of the group. The Other is cause and goal – efficient cause and end cause, Aristotle would say – of every group.

Now, this implies a transcendental structure of Eros. Transcendental in a sense

¹² p. 93 / p. 102.

close to Kant's. For Kant our perception of things is never virgin and passive: our intellect makes possible the manifestation of phenomena through **a priori** syntheses. Set, a **priori**, forms of all phenomena are above all space and time. «Giving spatiotemporal unities» is one of those activities through which the intellect formats – we could say – the world of experience. Now, for Freud the Other – in the figure of the Führer as Cause – is not a form of the intellect, but is still a fundamental mode of our mind: for human beings to form the unity we call group or collective by joining together, there needs to already be an a priori One, a cause of. This One is reminiscent of the time and space in Kant's Transcendental Aesthetics: it is a One by erotic thrust – at once both supposed subject of love and object of love.

In Beyond the desire-pleasure principle Freud said that Eros is the force that leads to the unification of several into one, into becoming One. Physical attraction between two human beings, for example, is erotic insofar as it aspires to achieving the union of two bodies in coitus. In the same way, the Other – in the form of the Führer – is constitutive of the social Eros.

6. Not only in this essay, but everywhere in his works, Freud postulates the transcendental nature of the drive. In other words, Freud doesn't believe in the opposition between carnality and intersubjectivity, between psychic solipsism and group relationships: Eros originally aspires to the other, with whom it tries to become One and, on the other hand, all social and love unifications occur due to the strength of Eros. This always has an individual side (desire is born out of my body, it is connected to my being a living organism) and a group one (desire always structures itself in relation to the Other and in relation to simple other-objects). Today's intersubjectivism, which more or less celebrates «empathy», does not realize that it is preaching what Freud had already preached.

This transcendentalist nature of Eros – the fact that Eros opposes the pure satisfaction (zeroing out) of drives – reverberates in Freudian Ego theory itself.

In The Ego and the Id (1922) Freud introduces the so-called «second topic» (also known as «structural model»). He distinguishes between three psychic instances: Es, das Ich (the Ego) and Über-Ich (Beyond the Ego). Awkward translations of Freud have led to a range of misunderstandings. Es has been translated into English as Id, using a Latin term not used in everyday language: it would have been far better to simply use It. I shall translate Es as It here.

Das Ich has been translated using yet another Latin term, Ego, rather than with I or Myself. As for Über-Ich, the Super-Ego, it could have been translated as Beyond-Myself or Above-Myself.

One of the misunderstandings consists in thinking that the Ego of the second topic is part of the psyche, a «psychic persona» totally distinct from the other two and that it was therefore necessary to find a term for the psyche as a whole, the triune Psyche. Thus the concept of Self was developed. In this way in the history of American Psychoanalysis we find an Ego Psychology and later, starting from Heinz Kohut, a Self Psychology: the former a more orthodox school that aimed at strengthening the Ego of the second topic, and the latter a more modernist school that aimed at structuring the Self intended as a psychic whole (thought out as parallel to the physical organism).

Now, as it goes, Freud used the term Ich to refer both to a part of the Self and as a synonym of Self, meant as the set of psychic instances. Even before drafting the second topic, Ich in Freud is a set of instances and at the same time one of the instances. This ambiguity of Freud is often criticized, but what is taken for an ambiguity is actually Freud's mode of observing the psychic universe. In actual fact,

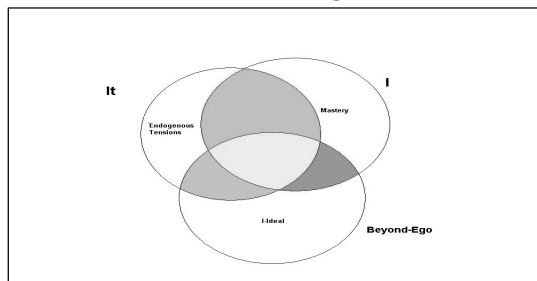
when Freud says that the subject is not boss in his own home, he means that the Ego – meant as the set of psychic faculties, both conscious and unconscious – is like traversed by what is other-than-oneself, he means that the «I» is both a part and a totality of oneself; or rather, a part that takes it upon itself to be a totality. It is like when a political party or government takes it upon itself to be the country it is a part of. The relationship of the «I» with what is not «I» – the It (Es) and Beyond-the-Ego (Über-Ich) – is a dialectical one insofar as the not-I is constitutive of I itself. In short, the «I» is never isolated, «just-myself», a purely individual mind: it is from the very beginning, or from very early on, relationship with the Other.

We could express this uncertain status of the «I» as follows (figure 2).

This is an outline to give an idea of how the remaining two others-than-I – It (Es) and Beyond-the-Ego – are not only internal or external to the «I», but make up intersections. We could say that individual subjectivity is always the space of the intersections between the three «impersonal» instances.

A part of the **It** (endogenous tensions or stimuli) is external to the «I», insofar as they are thrusts that originate in our physiological organism. Another part – here marked in green – is the result of the intersection between «I» and It: the space of the Trieb, of the drive structured as fantasies and desires. The part marked in grey, the intersection between It and Beyond-the-ego, is obviously the need for punishment, remorse, feelings of guilt, masochism.

Fig. 2

As for the «I», it will be defined – insofar as it is separate from the other instances – as the pure ability of self-possession and control. The part marked in orange coagulates Beyond-the-I and «I»: All narcissistic phenomena, or relating to the ideal ego or to the idealization of one's egoic mastery, but also to the so-called reality-testing.

As for the part of **Beyond-the-I**, that is disconnected from the other instances, it will be determined as Ego's ideal: i.e. as a sense external both to the subject and to drives, a pure pre-subjective model.

The yellow slice is the only section determined by the intersection of all three instances: it is the space of **anguish**, and more generally of subjective pain. It is in anguish and pain that according to Freud drives (Es), mastery and idealization (Super-Ego) all fully express themselves, but in a sort of mutual dispossession. Anguish is at once related to drives, Ego and the Super-ego, but as an area of triple exclusion of these three attributions.

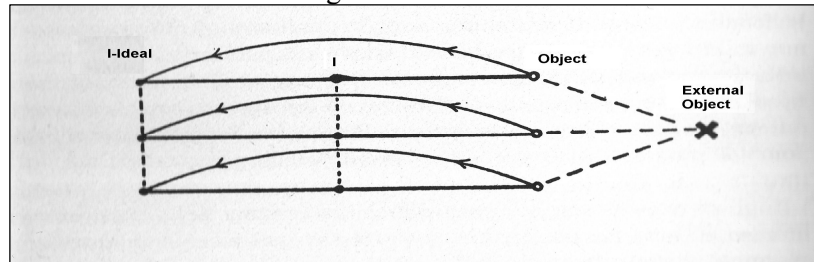
1. This complexity of the «I» – which is at once itself, but also the Other that the «I» itself has adopted as its own – is illustrated in Freud's graph from this essay, figure 3.

At first sight it seems that Freud here does little more than reproducing the division within the subject that he was to set forth the following year in the second topic. The three horizontal lines represent the psychic systems of three individuals,

with each of these systems divided so as to isolate three points: the Ego ideal, the «I» and the Object. A tripartition not coinciding with that of the second topic, but that seems to have the same form: except that here instead of It (Es) we find the Object. For Freud it is important to illustrate a psychic dynamics where «I» appears as split between instances or places.

Can we say that Object and Ego Ideal are internal parts? If they were internal parts they would be parts of the «I», whilst the «I» appears instead as the central instance, suspended, so to speak, between Object and Ideal. In actual fact, both the Ideal and the Object are parts of the «I» only insofar as they function without the external supports they derive from. As Freud was to say, the Ideal-I – constituent of the Beyond-the-I – is originally the set of prescriptions, commands, expectations and prohibitions coming from the adults who «straighten up» the child. The Ideal comes to the «I» from the external world: it is the set of family, and subsequently social, values the subject internalizes.

Fig. 3

But what does «to internalize» mean? Not only in the simple sense, that the «I» makes these things its own, that it will thoroughly adhere to family values and ideals, but in the sense that the «I» itself will find itself divided, split between itself and its own ideals. Not even in heroes or saints does the adherence of the «I» to the Ideal appear complete – we know, from the accounts of the saints themselves, how they were prey to excruciating doubts and temptations. When the «I» removes its ideal – i.e. it leads a life based on principles and criteria different from or opposing those of its parental or social Ideal – the neurotic symptom or inhibition states the unconscious efficiency of this Ideal.

And does «unconscious efficiency» mean that the «I» pushes out of itself a certain ideal? But where does this continue to operate? The unconscious is a place of the first topic, not the second: where then to situate it with respect to the «I» and the Beyond-the-I? The two Freudian topics are compatible, but not for this are they commensurable. The unconscious is the presence of the Other in the «I», it is the place where «I» and the Other intersect, a non-»I» place that is still however «I», and an «egoic» place that escapes control by the «I». A no ego's land, a transitional space, Winnicott would say. But if the Ideal becomes conscious – i.e. if «I» proclaims its loyalty to its Ideal – then, paradoxically, the Ideal comes out again, it exteriorizes itself: it is the Cause that ties the «I» to others. The Ideal is therefore the sense I give to my life, as if this sense were an asset I get from outside. If I decide to become a monk, take Christ as my Ideal and try to conform to Him, it would be absurd to say that Christ is part of me or that I am Christ! Precisely because Christ remains outside me and I can adopt Him as my Ideal: He is my model precisely because Him is not I.

Same reasoning for the Object. To what extent does it make sense to ask whether it is internal or external? That too is internal in one sense and external in the other. In fact, everything about the outside world that we love becomes ipso facto «internal».

Every mental object always has an internal and an external side: thanks to the imaginative faculty, I can intentionalize an absent object and make it present to myself. But it exercises effects on me (for example seductive ones) precisely because this mental image is not me, but something I place before myself, *Gegenstand*, as my objective object¹³. Like for the Ideal, the more the Object becomes consciously present to me, the more it places itself before me as a non-»I« that captures my »I«. If instead the Object disappears from my horizon, leaves the space of the »I«, then it has probably been repressed, it has been absorbed by the »I«. In short, being conscious or unconscious, for the Object as for the Ideal, are two ways of being at once «mine» and «other-from-me».

Now, the process described in figure 3 is for Freud constituent of every group. Freud does not say that the external object – the person or idea that will become my Duce or Führer – situates itself directly in the place of the Ideal. The I-Ideal is in fact not a «something» but a place, a space that can be occupied by various objects; but it is necessary for these objects-things to have become objects of mine. Let's take a random ideal: «I've got to get rich». Wealth gives sense to my existence. This is something in the having-to-be ethical order, not something present in an objectual dimension. But according to Freud, for a social relationship to be established, there has to be a Leader – let's say Bill Gates, as the richest man in the world – who situates himself in my Ideal, who first of all becomes Object of mine. This means that I have to love Bill Gates and perhaps even feel loved by him – so I will become an activist of that Mass represented by his firms. The »I«-Object relation is basically a love relation: for the Ideal to be occupied by someone, this someone has to enter the field of Eros.

One could object that the direction could be inverted: the Object is loved just because it was previously idealized. And what comes before that? Do we fall in love with someone because we have idealized him, or do we idealize him because we have fallen in love with him? It is rather a circular process, thanks to which desire and esteem strengthen each other (whilst in other cases they weaken each other).

Here Freud obviously wants to say that I must love the Leader: the admiration I devote to him is not fleshless, void of sensuality. We are well aware of how the women in a hot groups are quite prepared to offer themselves sexually to the Leader if it is a man. In other words, the Leader has to be the object of a certain tenderness which often becomes sexual, «he's so tender» is something the followers will happily say of the leader. For a social bond to arise, Eros has to come into play.

Bibliography

1. Benvenuto, S. (1995) «Freud's Concept of Narcissism», *Journal of European Psychoanalysis*, n. 1, Spring-Summer 1995, pp. 139-159; <http://www.psychomedia.it/jep/number1/benvenuto1.htm>.
2. Benvenuto, S. (2008) «Sublimation et compassion», *Gradiva. Revue Européenne d'Anthropologie Littéraire*, vol. 11, 2, automne 2008, pp. 153-175.
3. Cioran, E.M. (1973) *De l'inconvénient d'être né* (Paris : Gallimard).
4. Freud, S. (1913) *Totem and Taboo*, *GW*, 9, pp. 3-189; *SE*,
5. Freud, S. (1914) *Introduction to the Narcissism*, *GW*, 10, pp. ; *SE*, 14, pp.
6. Freud, S. (1920) *Beyond the Pleasure Principle*, *GW*, 13, pp. 3-65; *SE*.

¹³ Our «object» translates two German terms: *Objekt* and *Gegenstand*. *Objekt* has been taken to be the drive object, or the desired or desiring object, and *Gegenstand* the thing in front of me.

7. Freud, S. (1921) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*, *GW*, 13, pp. 73-161; *SE*, 18, pp. 65-143.
8. Freud, S. (1922) *The Ego and the Id*, *GW*, 13, pp. 237-289; *SE*.
9. Freud, S. (1932) «Introduction to Psychoanalysis (new series of lectures)», *GW*, 15, pp. 3-161; *SE*.
10. Henry, M. (1985) *Généalogie de la psychanalyse* (Paris : PUF).
11. Kohut, H. (1971) *The Analysis of the Self* (Madison, CT: International Universities Press).
12. Kraus, K. (1955) *Dicta and Contradicta*, tr. Jonathan McVity (Chicago: University of Illinois Press, 2001).
13. Lacan, J. (1975) *Le Séminaire. Livre I. Les écrits techniques de Freud* (Paris : Seuil).
14. Laplanche, J. & Pontalis, J.-B. (1967) *The Language of Psychoanalysis* (W.W. Norton, 1974).
15. Le Goff, J. (1991) «Le refus du plaisir» in AA.VV. *Amour et sexualité en Occident* (Paris : Seuil).
16. Nancy, J.-L. (2009) «Freud – pour ainsi dire», www.psychomedia.it/jep/jep-online/nancy.htm. Eng. tr. «Freud – So to Speak», *JEP. European Journal of Psychoanalysis*, 2008, 26-27, pp. 11-17 (www.ipocpress.com).
17. Weber, M. (1919) *Politics as a Vocation*, in *The Vocation Lectures: Science As a Vocation, Politics As a Vocation* (Hackett, 2004).

С. Бенвенуто

Главный редактор «Европейского журнала психоанализа», г. Рим, Италия

ФРЕЙД И СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Эссе *Group Psychology and the Analysis of the Ego* (Групповая психология и анализ Эго) (Фрейд 1921)¹⁴ получает известность благодаря тому, что, как и в других произведениях автора, раскрывается исключительно успешная традиция XX века: психоаналитическая интерпретация социальных процессов и институтов. Наряду с марксизмом и социологией Фрейда, психоаналитическая теория никогда не переставала вдохновлять исследователей социальных отношений. Поэтому очень полезно пересмотреть этот основополагающий текст Фрейда и разочарования тех, кто пришёл позже – после политических и этических потрясений и волнений последнего столетия – и попытаться понять, что Фрейд в конечном счёте хотел сказать.

Не следует забывать, что это эссе связано с другой фундаментальной работой Фрейда *Beyond the Pleasure Principle* (За пределами принципа удовольствия) (Фрейд 1921), опубликованной годом раньше. *Group Psychology* в определённом смысле является второй частью *Beyond the Pleasure Principle*. Даже при том, что эти две работы были написаны почти одновременно¹⁵.

1. Как можно объяснить социальные отношения согласно психоанализу Фрейда от неконтролируемой стихийной толпы до хорошо выстроенной человеческой организации? Другими словами, что *важно* с точки зрения Фрейда в психоанализе, что позволяет рассматривать социальные отношения

¹⁴ *Massenpsychologie und Ichanalyse*. Мы можем также перевести *Massenpsychologie* как «психология толпы или коллектив». Цитируя абзацы этого эссе? я представляю страницу из английского издания работы Фрейда (SE) а затем после символа / страницу немецкого издания (GW). Я позволил себе вносить поправки в перевод SE, где возможно/

¹⁵В августе 1920 после окончания *Beyond the Pleasure Principle* он уже написал часть *Group Psychology* (Групповой психологии), которую он послал Эйтингтону и Абрахаму.

как чисто психоаналитические? Фрейд разъясняет это в данном эссе: *понимать с позиций психоанализа означает понимать с позиции динамики либидо*¹⁶, «группа объединена определенной силой»¹⁷, и эта сила (*Macht*) есть *либидо*.

Мы должны воспользоваться латинским термином *либидо* и обозначить им то, что на обычном языке известно как *Liebe любовь*. И Фрейд добавляет, что в конечном счете либидо это Эрос, о котором говорил Платон. Сегодня многие предпочитают говорить о *желании*. Являются ли тогда все эти термины – Эрос, *amor*, *caritas*, *libido*, *Liebe*, *desire*, *Lust*, *love* синонимами? Или предпочтение одного термина другому является признаком концептуального расхождения во взглядах, которые следует попытаться подвергнуть сомнению?

Фрейд развил понятие сублимации¹⁸, согласно которому часть желания в смысле *amour* меняет объект, уходя от плотских целей к культурным, социальным, гармоничным; желание «целесдерживание», как он говорит, которое не ведёт к конечному удовольствию; желание, находящее удовольствие в процессе желания. Либидо появляется как *amor* и развивается как *caritas*. Или если предпочтительнее греческий, появляется как *eros* и развивается как *agape*. Но независимо от того сублимировано или нет, либидо остаётся желанием, которое вкладывает что-то внешнее в него; *Объект*, говорит Фрейд.

Сегодня модно говорить, что мы должны выйти за пределы драйвизма Фрейда, что мы должны сконцентрироваться на других не солипсистических элементах – на отношениях, например, или на эмпатии, или на объектных отношениях, не ведущих к удовольствию («релятивизм»; эмпатия Кохута; теория объектных отношений, и т.д.) Но я думаю, что в этом состоит непонимание Фрейда.

Конечно, Фрейд рассматривает драйвы (*Triebe*) фундаментально, но мы должны задать себе вопрос, что он действительно имел в виду под этим термином, переводимом на английский как *драйв*, а на французский как *pulsion*.

Как говорит Жан Люк Нанси, *drive* или французский *pulsion* делает акцент на механическое воздействие, принуждение. Это скорее тягловое усилие, чем влечение. *Trieb* [с другой стороны] на немецком означает воздействие, рассматриваемое как деятельность: рост растения или забота о растущем животном. Это относится к сфере побуждения и желания. Он стремится вперёд, активизирует себя. Есть значительный полиморфизм в семантике глагола *treiben*.

Глагол означает толкать, двигать, делать, упражняться. С большим основанием, чем *drive*, мы можем перевести *trieb* как толкание, движение вперёд.

Но является ли тогда изобретение Фрейда метафизическим изобретением, а не научным открытием, по сути основанным на указании причины силы этого толчка? *Trieb*, толчок, действительно является «действующей» причиной

¹⁶ *SE c 90-1/ GW c.98-99.*

¹⁷ *C. 92 / c.100*

¹⁸ О психоаналитическом понятии сублимации смотрите Laplanche & Pontalis (1967, II, pp. 587-590) а также Benvenuto (2008).

человеческой жизни, акта, который подразумевает и другие причины. Тогда какова конечная причина, стимулирующая у нас это удовольствие¹⁹.

Далее, множество влечений или желаний можно завершить двумя базисными видами драйва, которые тесно переплетены: первый – Эрос. Драйв или влечение является для Фрейда физической стороной чего-то более существенного: а именно того, что человек существо эротическое, а эрос всегда предполагает наличие другого. С точки зрения философии стартовая идея Фрейда – метафизика, в соответствии с *которой сущность человека – Эрос*²⁰. Что также является сущностью жизни в целом.

Последователь Хайдеггера сказал бы, что Эрос или желание – это правда Бытия (*Sein*) человека (*Seiende*).

Всё, что люди делают, говорят и предпринимают, можно понимать как проявление Эроса или желания. Это – основное, всё остальное – производное, результат, вуалирование. Поэтому, думать психоаналитически означает думать, что всё, что касается человека, вызвано Эросом. Считается даже, что социальные группы и институты берут начало от Эроса.

2. Однако годом раньше Фрейд заявлял, что нельзя всё объяснить с помощью одного Эроса. Конечно, Эрос можно проанализировать с точки зрения разных фаз – самые известные из которых – оральная, анальная, фаллическая и скопическая – но под глобальным драйвом или совокупностью драйвов, Эрос подразумевает противоположный драйв, который является видом его необходимой и фатальной тени: драйв смерти, Танатос, который также является множеством драйвов, а не одного определенного драйва. Драйвы объединяются, синтезируются в два ключевых драйва: Эрос и Танатос, Любовь и Смерть, Жизнь и Разрушение.

И действительно, даже при том, что Фрейд непосредственно не упоминает Танатос в обсуждаемом здесь эссе, он подробно останавливается на том, *что разделяет группу или коллектив*, что расторгает социальные связи. Если объединение группы – работа Эроса, то силы, имеющие тенденцию разрушать – это Танатос. В этом эссе он называет четыре формы разрушения: паника, ненависть друг к другу, влюблённость и невроз. Как мы можем видеть, и ненависть, и любовь могут быть представителями Танатоса.

Паника, которая захватывает толпу, «включает в себя приостановку всех чувств, которые члены группы испытывают друг к другу»²¹. Короче говоря, каждый думает только о себе или непосредственно о спасении своей шкуры, все остальные не принимаются во внимание.

Но более утончённая и коварная угроза для групп – когда развивается ненависть между членами группы. Фрейд вспоминает католическую церковь: даже у «божьих людей» проявляются враждебные и жестокие импульсы против братьев по вере в моменты кризиса или раскола христианского сообщества.

Здесь Фрейд проявляет пессимизм, другими словами недоверие к любым идеологиям, которые требуют выкорчевать ненависть и враждебность между

¹⁹ Я ссылаюсь на классическое деление Аристотеля на четыре причины: материальную, формальную, действующую и конечную. Если бы у нас было больше места, мы бы могли доказать, что четыре Аристотелевские причины могут быть найдены в концепции Фрейда.

²⁰ Детальная генеалогия мышления Фрейда, начиная с Декарта, Шопенгаура и Ницше (1985), была исследована Генри (1985).

²¹ С. 97/ с. 106.

людьми и построить любовь и совместное общество. Фактически, отмечает Фрейд, даже религия, основанная на любви Бога ко всем существам, на «любви к ближнему как к себе, в ходе истории проявляла жестокость и нетерпимость: потому что ненависть, уничтоженная в пределах группы, снова проявляется вне её, воплощённая в «неверующих», «еретиках», «идолопоклонниках», «распутниках» и так далее. В наши дни в «мусульманских фундаменталистах», «релятивистах», «сторонниках легализации абортов» и т.д. Но также и мирские идеалы, прежде всего, социализм и коммунизм, не избегают ненависти.

Если другая групповая связь занимает место религиозной - а социалистическая связь, кажется, весьма преуспела в этом, то будет та же самая нетерпимость к инакомыслящим, как в Религиозных войнах и, если бы различия между научными мнениями могли бы когда-либо достигнуть подобного значения для групп, результат был бы тот же с этой новой мотивацией²².

Пророческие слова для 1921! Это было перед сталинизмом, Гулагом и так далее. Но Фрейд уже понял, как всё должно было происходить. Такие высказывания Фрейда доказывают, что он никогда не верил в социалистические обещания. Он никогда не верил, другими словами, в возможность построения хорошего и счастливого общества. Это должно быть сказано, несмотря на долгую фрейдистско-марксистскую традицию, которая в течение прошлого столетия пыталась поженить Маркса и Фрейда (часто добавляя Ницше). Большую часть XX-ого столетия создавался культ философской Троицы: Маркс, Ницше, Фрейд.

Мы не будем касаться сложного вопроса, относительно возможного сближения между Марксом и Фрейдом, сближения, которое в действительности имело место в своё время, поскольку современные марксисты обычно признают эту Троицу. Я не желаю примирить непримиримое любой ценой. Фрейдист верит в драйв смерти и, следовательно, в невозможность существования хорошего и счастливого общества. Не имеет значения, вдохновляет ли это Евангелие христианские, мусульманские, социалистические, феминистические, либерально-демократические или экологические идеалы, или что-то ещё. И это происходит по очень простой причине: в каждой группе, солидарной и полной энтузиазма, драйв смерти, то есть ненависть и распад, всегда действует. Ненависть и агрессивность это только эмоциональная и активная стороны распада страсти; они являются признаками существенного толчка к разложению, свойственного жизни. Сегодня мы бы сказали, что в каждой системе тихо работает энтропия.

Поэтому каждой группе нужно своё лекарство против энтропии, каждой группе нужен свой Другой, чтобы существовать как группа, т.е. в целом как Порядок, сказал бы теоретик в области информации. Здесь Фрейд обращает внимание на то, как человек всегда хочет обвинить во всех смертных грехах тех, кто находится вне группы или выступает против группы, а также на постоянную опасность ереси, разделения, фрагментации, присутствующей во всех группах. Ненависть, подавляемая идентификацией своих среди членов целого, часто повторно проявляется в пределах группы непосредственно как осознание и обвинение инакомыслия или ереси. Каждая идеальная счастливая группа, чтобы остаться такой, также должна рано или поздно стать изгоняющей или даже преследующей, в двойном смысле, ощущая себя преследуемой и действуя как преследователь. Для Фрейда, преследование – невысокая цена, которую приходится платить за идеал.

²² С.99 / с.108

Давайте возьмём в качестве примера советский Гулаг: миллионы граждан были низведены до рабства и даже уничтожены в райском обществе, которое как они были уверены, строят. Жертвами Гулага часто становились случайные люди, которые не собирались против чего бы то ни было протестовать: но был приказ сверху - антисоветчики должны быть найдены. Если не было явных диссидентов, нужно было их создать. Политическая паранойя? Но каждый идеал создания хорошего и счастливого общества рано или поздно превращается в огромную машину паранойи. «Почему мы строим счастливое общество, но не счастливы?» задаётся вопрос. Ответ: «Всё очень просто, потому что кто-то это саботирует». Но кто саботирует?

В действительности каждый в группе, стремясь создать Хорошее и Счастливое Общество, чувствует ветер ненависти, гуляющий вокруг; ваша кожа может ощущать драйв смерти. Именно поэтому необходимо найти объект, козла отпущения, чтобы Зло могло быть закреплено на определенных объектах и разрушено в них. Преследование диссидентов или «террористов» устанавливает драйв смерти на определённые объекты так, чтобы от них можно было избавиться.

Что же касается невроза, поскольку он изолирует субъект из социальной группы и вынуждает его или ее отказаться от сотрудничества и работы, он нарушает порядок в группе. Именно поэтому в некоторых странах (например, Германия) государство берет проблему на себя и, чтобы вылечить неврозы, даже оплачивает помощь психоаналитика.

Другой подрывной силой, согласно Фрейду, является влюбленная пара. Сначала кое-что может вызвать удивление: все общества, казалось бы, основаны на семейных связях, поэтому на любви пар. Однако существенно то, что каждая цивилизация, кроме современной западной, строго отделяла страстную любовь (опасность для социальной стабильности) от супружеской любви, (которую общество обычно поддерживает): и путать их нельзя, это серьезная ошибка (Le Goff 1991). В этом эссе Фрейд явно обращается к страстной любви, которая проявилась на Западе в утонченной любви или *fin 'amor* в конце XI века. Известно, что «общества оптимистов», занятые построением социального единства, сильных групповых связей, характеризуются более или менее строгими формами сексуального аскетизма. Это имело место вначале в Христианстве и Исламе, в пуританстве Кромвеля в Англии и строительстве социализма в СССР, Китае и так далее. Не имеет значения, является ли Прекрасный Город, который мы строим, теократическим или атеистическим: все большие проекты, включённые в социальный палингенез, испытывают страх перед влюблёнными, поглощёнными своим счастьем и удовольствием, и в этом блаженном состоянии далёкими от сети социальных отношений. Страстная любовь оживляет нашу жизнь, но это смертельная угроза Городу.

Однако, в «*Beyond the Pleasure Principle*» (За пределами принципа удовольствия) Фрейд говорил, что сексуальная любовь это парадигма Эроса, сексуальный драйв не только использует другого, чтобы удовлетворить себя, но также и подразумевает (создаёт в себе) другого, чтобы создать Целое. Как может тогда быть, что просто чисто эротическое – страстная любовь пары – несёт угрозу группе? Здесь мы понимаем, до какой степени Эрос и Танатос – относительные понятия, не дихотомические: они заключают в себе друг друга на различных уровнях.

3. Рассуждение об Эросе, как примере, который объединяет и связывает воедино, как-то разрешает двусмысленность и в размышлениях Фрейда, и в немецком языке. Фрейд никогда не делал секрета из того факта, что в основе его системы лежит *Lustprinzip* – переводимый на английский язык как «принцип удовольствия». Исходная философия, с которой он начинает рассматривать человеческую сущность, был утилитаризм Юма, Бентама и Милла. Другими

словами, как утилитарист он полагал, что каждый организм стремится найти удовольствие или избежать неудачи. В действительности, как указывал Фрейд, термин *Lust* неоднозначен, поскольку он означает и желание (тяга, склонность, либидо) и удовольствие (удовлетворение); два весьма различных значения, даже противоположные согласно Фрейду, который рассматривал желание как неприятную напряженность. Введение термина *libido* стало необходимым, чтобы избежать двусмысленности в *Lust*. Либидо – желание, стремящееся к удовлетворению, хотя оно не обязательно достигнет этого. *Lustprinzip* тогда нужно переводить как «принцип удовлетворения желания».

Далее, в *Beyond the desire-Pleasure Principle (за пределами принципа желания удовольствия)*, Фрейд представил нашему вниманию тот факт, что каждый драйв, независимо от того, стремится ли он пылать от удовольствия или стремится к психофизическому спокойствию - к Нирване, посвящен смерти. Каждый драйв, взятый индивидуально, то есть абстрагируемый от объекта или действительности, к которой он стремится, является вмешательством в гомеостаз, неудовольствие, от которого организм хочет избавиться или, по крайней мере, минимизировать, потому что каждый организм имеет тенденцию удалять все неприятные напряженные отношения, он стремится к миру. Многие говорят: «Я борюсь, чтобы гарантировать мирную старость непосредственно для себя – другими словами, они борются за жизнь, которая является уже смертью». Поэтому, описание психоневрологической системы в терминах драйвов, т.е. следование принципу удовольствия, является фактически описанием, которое придает особое значение центру смерти каждого организма, и физического, и психического: стремление к удовольствию фактически означает стремление к концу любого волнения, означает стремление к смерти.

Но в том же самом эссе Фрейд также подтверждает, что организм это не только смертельное стремление к удовольствию: там есть и Эрос. Вопреки тому, что обычно говорят, реальная новизна, которую Фрейд представляет в этом эссе, не драйв смерти, а скорее драйв жизни. Поскольку последний подталкивает нас к Другому, чтобы соединиться с ним, это не может быть низведено до регулируемого гомеостатически солипистического механизма: Эрос вводит измерение, известное в философии как трансцендентальность. Гусерль сказал, что *intentionality* – это трансцендентальность сознания; для Фрейда Эрос – это трансцендентальность жизни.

Конечно, человеческий организм смертен, и в этом смысле он находится вне социальных связей и стремится избавиться от беспокойства и боли, действительно, согласно Фрейду, удовольствие состоит только в этом избавлении. Но в определенном смысле есть что-то в каждом человеке, что заставляет его отправляться на поиски неприятностей, так сказать. Эрос – это то, что заставляет нас не довольствоваться мастурбацией или написанием книг, которые мы будем прятать всегда, но заставляет нас включаться в социальные проблемы и любовные интриги, и это может только быть поворотом к худшему. Это – то, что заставляет нас заниматься каким-то делом или создавать союзы, интересоваться делами, не связанными напрямую с нашей жизнью. Это заставляет нас беспокоиться о судьбе наших друзей, союзников, родственников, героев и так далее. «Эрос – это семя, которое уводит нас от скотской жизни и подталкивает нас к жизни с достоинством и знанием» (из Ада Данте).

Следовательно, создание группы от блуждающей толпы до строго структурированного учреждения является следствием эротической стороны каждого драйва, поскольку каждый драйв не просто личное желание, но имеет цель и объект. Объект каждого драйва может варьироваться, это верно, объект нашей любви, энтузиазма, страсти может варьироваться, но вкладывание эротика в объект – это составная часть самого драйва. *Драйв жизни стремится к созданию социальных связей*. Всем тем, кто продолжает повторять, что в

основе психоанализа «Фрейда лежит драйв» и, что «сегодня мы должны сосредоточиться на Mit-sein, на том, чтобы быть с!», нужно напомнить об этом тезисе Фрейда. Они не понимают, что теория драйва Фрейда стремится точно объяснить being-with (быть с!), что по существу не может быть никакой зависимости между людьми без зависимости между драйвами, без эротических отношений. Противопоставление драйва человеческим отношениям похоже на противопоставление биения сердца кровообращению.

В конце концов, каждый драйв заканчивается одним и тем же: удовлетворением. Другими словами, драйв чрезвычайно стремится уничтожить себя в самый торжественный момент. Это удовлетворение также касается менее сексуальных драйвов, например, драйвов, которые ведут нас, если мы христиане, к вечной жизни или, если мы являемся коммунистами, к построению эгалитарного общества.

Важно то, что большинство этих идеалов не может быть достигнуто в процессе нашей жизни; и, если, как в случае с социализмом, можно достичь идеала в течение жизни, они часто заканчиваются разочарованием. Разве вечное счастье социологическое или эсхатологическое не торжество скуки?

Разве такой воин как Че Гевара не предпочёл найти смерть в Боливии удовольствию найти счастье, став памятником Номенклатуре, счастью, созданному на Кубе? Разве достижение мечты не приводит к смерти, т.е. к уничтожению Эроса? А что заставляет пару после многих лет счастливой жизни больше не желать друг друга? Слишком много удовольствия уничтожает Эрос. Эрос – это также потребность в приключении, любопытство без повода, выход за пределы своего круга, разрушение стабильного счастья, уклонение от унылой перспективы «гражданской смерти».

4. Но говоря о том, что группа это следствие *libido consociandi*, социального драйва, мы даём только тавтологическое объяснение. Тавтология – это фантом целостного подхода, даже самого тонкого – включая подход, известный сегодня как теория сложности или система. Гипостатирование более или менее структурированного целого не освобождает нас от необходимости анализа ее структуры. И анализ означает фрагментирование, деление, так поступает ребенок, ломающий куклу, чтобы увидеть, что внутри.

Давайте рассмотрим полёт птиц: отдельные птицы функционируют как клетки целого. Если мы застрелим одну птицу, стая спонтанно заполняет пустоту и воссоздает себя снова. Полет птиц кажется нам единым целым, отличным от отдельных птиц, которые составляют это целое. Но орнитолог не будет удовлетворен до тех пор, пока не поймёт, какой механизм в отдельных птицах позволяет стае сформировать и поддерживать себя. Если допустить наличие *libido agminis* в каждой птице, желание сформировать стаю было бы нелепым. Фрейд никогда не забывает, что его доктрину называют психоанализом, что она принимает аналитический метод, присущий каждой науке, раскладывающий имеющееся целое на составные элементы, чтобы выяснить, как и почему эти элементы соединяются. Цель Фрейда состоит в том, чтобы объяснить элементы, из которых образуется группа. Даже при том, что он предполагает, что исторически коллективная психология предшествовала индивидуальной.

Теперь мы должны ввести различие, к которому Фрейд не обращается: различие между холодными и горячими коллективами. Под холодным коллективом я подразумеваю все более или менее принудительные организации, где люди не связаны эмоциональной приверженностью организации, рассматриваемой как приоритет. Парадигматический пример холодного коллектива – галеры, на которых галерные рабы были вынуждены грести. Много современных организаций походят на галеры. Горячий коллектив, с другой стороны – это группа с сильными эмоциональными и

духовными связями между ее членами, которые страстно преданы делу организации.

В этом эссе Фрейд имеет дело исключительно с горячими коллективами. Действительно, примеры, которые он приводит, это толпы, которые собираются спонтанно для реализации более или менее непосредственной задачи, церкви, армии и подающаяся гипнозу пара. Конечно, много групп никогда не являются, ни полностью горячими, ни полностью холодными, а в большей степени теплыми. В команде уборщиков улиц и в одном из психоаналитиков одинаково можно наблюдать различные градации между «горячим» и «холодным». Но здесь Фрейда интересует только крайне горячее состояние каждой группы.

Фрейд, вероятно, никогда не был знаком с Максом Вебером и его разделением социальной власти на три части (Weber 1919): власть может быть или традиционная, или харизматическая, или бюрократическая. Традиционная власть, «власть вечного вчера», очень часто геронтократична, основана на традициях, которые всегда являются бесспорными относительно того, что передано. Харизматическая власть основана на фигуре харизматического лидера: пророка или «капитана, избранного на войне, или обладателя некоторой плебисцитной власти, или большого демагога, или лидера большой политической партии». Бюрократическая власть, более характерная для современного общества, основана на юридических механизмах, на процедурах, строго в соответствии с формальными правилами; это – власть «государственного официального лица». По-видимому, Фрейд включает каждую группу в область харизматической власти: Другой формирует группу благодаря своему престижу и влиянию, благодаря тому, что он достигает того, что его любят и он любит (даже если не очень крепко) тех, кто любит его. Для Фрейда все виды власти, в конечном счете, сводится к харизматической. В то время, как традиционная власть тепла, а бюрократическая власть холодна, харизматический лидер согревает каждого своей высокой температурой. Чем холоднее становится власть, тем больше потребности в принуждении и внешней силе.

5. Каждая горячая группа, как таковая, чтобы функционировать не может быть описана просто как ряд горизонтальных связей между ее членами. Не достаточно, чтобы члены горячих групп любили друг друга как братья и сестры. Фрейд отмечает, что он расходится во мнении с авторами, которых он рассматривает, особенно с Лебоном и Макдуглом, т.к. для него группа – это эротическое целое, а не «горизонтальное». Конечно, для членов группы очень важно так или иначе любить друг друга, иметь какой-то тип «связи» («они идентифицировали себя друг с другом в своём эго», – говорит Фрейд²³). Но братьев и сестер связывает нечто вертикальное: а именно, быть детьми общих родителей. Братья и сестры любят друг друга, потому что их любят их общие родители, и именно поэтому они составляют единую группу. Таким же образом для Фрейда социальные (либидные) связи между членами группы зависят от общей ссылки на *Führer*, лидера. Во времена Фрейда и итальянский фашизм, и нацизм лишь зарождались, таким образом, слово *Führer* не могло играть ту мрачную роль, которую оно имеет для нас сейчас. Однако мы могли бы все же отметить, что для Фрейда каждый коллектив или группа имеет налет фашизма. Следовательно, специфическое тонкое буржуазное снобистское презрение Фрейда к каждому типу группы (включая психоаналитические группы?), проходит через это эссе. Я не хочу утверждать, что каждая группа в конце концов становится фашистской, а лишь то, что фашистская группа – это

²³ С.116 / с.128.

квинтэссенция горячей группы, ее форма, одновременно и экстремальная, и простая.

Но лидер, капитан, руководитель – это всё синонимы, относящиеся к фигуре, которая объединяет группу: тому, кто, ведя массу к цели или руководя, сам олицетворяет массу. Фрейд безапелляционен: «невозможно понять сущность (Wesen) группы, если игнорировать лидера»²⁴. Каждый субъект в группе любит других членов в целом настолько, насколько каждый субъект любит только одного лидера и знает, что вся любовь группы отдана этому лидеру и, что благодаря этому знанию другие члены – «наши парни».

В настоящее время в связи с разграничением между «другой» и «Другой», которое установил Лакан, мы можем сказать, что лидер – это Другой с большой буквы (А), в отличие от более или менее большого количества *других* членов, которые собираются вместе, чтобы сформировать группу. Как видно на рис. 1, в отличие от глубоких отношений (А) – классически два влюблённых любят друг друга – коллектив формируется; как в (В), где есть неглубокие отношения – любовь и сотрудничество между двумя членами зависят от их отношения к третьему лицу – когда *Другой*, является объектом любви и предположительно любит обоих.

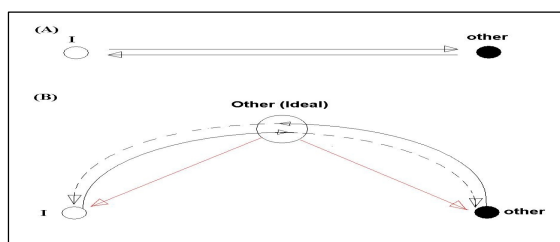

Рисунок 1

Исходя из этой позиции, Фрейд рассматривает два главных примера структурированных организаций: Церковь и Армию. Он заявляет, что лучший представитель церкви – католик²⁵, и не только потому, что он жил в католической стране. В действительности католическая церковь, в отличие от других христианских церквей и иудаизма, чрезвычайно иерархично выстроена вокруг вершины, которая именуется Римский папа, папа любящий всех католиков. Но в свою очередь Римский папа – суррогат, обычный *другой*, который временно заменяет *Другого*, (следовательно, он всегда немного подозревается в узурпации, типичное историческое обвинение, вносимое всеми христианскими антипапистами). Этот *Другой* – Христос, Мессия, реальный папа или *Другой* всех христиан.

Согласно Фрейду Армия также основана на вертикальной любви: все солдаты едины, поскольку они любят генерала, который в свою очередь любит их. Всех известных полководцев глубоко любили и восхищались ими их войска, готовые умереть ради них.

И что тогда сказать о бюрократических или технократических армиях, во главе которых нет Верховного Лидера? В действительности даже тогда, когда нет харизматичного генерала, обычно армия, воздушные силы, военно-морской флот не могут действовать, не имея Идеи, ради которой они существуют: в

²⁴ С.119 /с.128

²⁵ С.93 / с.102

какой-то момент это король или император, в данной ситуации – это Страна. Патриотические литургии в армии это не пустые ритуалы. Они служат, чтобы напомнить тем, кого в американской армии называют *рядовыми*, что они готовы сражаться и умирать за Идею государства. В итальянском и испанском Оно называется *patria*, во французском *patrie*, «вещь отца», родина.

Идея Отца, ради которого объединяются и сражаются, включая Идею психоанализа. Но разве Идея, которую ты осуществляешь, ради которой ты страдаешь и живёшь, что-то слишком абстрактное, далёкое от конкретной трагичной фигуры отца или матери, или короля? Разве мы не должны вместо этого сказать, что *Другой* вполне материальный, ради которого мы боремся и кого мы чтим от Папы до Дуче – это только явление чего-то более неземного, Идеала или Идеи? Однако история учит, что каждая абстрактная Идея систематически принимает форму конкретного человека, мертвого или живого. Даже христианство, хотя оно чтит единого Бога без имени, которого определенные культы запрещают изображать, обращается к воплощённому Богу с именем, телом, лицом и историей: Иисусу. В то же время социалистические и коммунистические активисты посвящают свой культ «отцам – основателям»: Марксу, Энгельсу, Ленину, Че Геваре и так далее. Несомненно, каждая группа – какой бы горячей она не была – стремится к культуре личности. Чисто абстрактной Идеи недостаточно, чтобы согреть сердца. Другой должен быть любим как человек.

И тогда мы можем сказать, что *Другой*, как лидер, *каудильо* или *дуче* – это идея группы. Рассмотрим идею в её двойном значении: присутствие, действие и слово лидера – это идея группы, где идея означает «результат», а Другой предполагает идею в значении «цель» или «смысл», которая направляет жизнь всех членов группы. Другой – это идея и цель – эффективная идея и конечная цель каждой группы, как сказал бы Аристотель.

Это влечёт трансцендентную структуру Эроса. Трансцендентную по смыслу, близкую к Канту. Для Канта наше восприятие вещей никогда не было девственным и пассивным: наш интеллект делает возможным демонстрацию явлений через априорный синтез. Формы всех явлений – это прежде всего вышеупомянутые пространство и время. «Предоставление пространственно-временных категорий Аристотеля» – это один из тех видов деятельности, через которые формируется интеллект – можно сказать, мир опыта. Далее, для Фрейда Другой – это образ лидера как Идеи, не форма интеллекта, а основа нашего разума. Для людей, чтобы сформировать единство, мы собираем группу или коллектив, там уже должна быть идея. Эта Идея напоминает о времени и пространстве в Трансцендентной эстетике Канта: это ТО, что с помощью любовного толчка является одновременно и предполагаемым субъектом любви, и объектом любви.

В *Beyond the desire-pleasure principle* (По ту сторону принципа желания удовольствия) Фрейд сказал, что Эрос – это сила, которая приводит к объединению нескольких в одно целое, в подобающее Целое. Физическое влечение между двумя людьми, например, эротично, поскольку оно стремится к достижению слияния двух тел. Таким же образом, Другой в форме лидера является составной частью социального Эроса.

6. Не только в этом эссе, но и в других своих работах, Фрейд постулирует *трансцендентальность* драйва. Другими словами, Фрейд не верит в противостояние между сексуальностью и интересубъективностью, между психическим солипсизмом и групповыми отношениями: изначально Эрос

стремится к тому другому, с которым он пробует стать Одним целым, а с другой стороны все социальные и любовные объединения происходят благодаря силе Эроса. Это всегда имеет и индивидуальную сторону (желание рождается из моего тела, это связано с тем, что я живой организм), и групповую (желание всегда возникает в отношениях к Другому и к другим простым объектам). Современные последователи интересубъективного подхода, которые в той или иной мере выделяют «сочувствие», не понимают, что они проповедуют то, что уже проповедовал Фрейд.

Эта трансцендентальная природа Эроса – то, что Эрос выступает против чистого удовлетворения (ликвидации) драйва – многократно упоминается в самой фрейдистской теории Эго.

В *The Ego and the Id* (Эго и Оно) (1922) Фрейд вводит так называемую «вторую тему» (также известную как «структурная модель»). Он различает три психических инстанции: *Es*, *das Ich* (Ego) и *Über-Ich* (Beyond the Ego) – Супер-Эго. Неуклюжие переводы Фрейда привели к ряду недоразумений. *Es* был переведен на английский язык как *Id*, используя латинский термин, не имеющий хождения в повседневном языке: было бы гораздо лучше просто использовать *It*. Здесь я буду переводить *Es* как *It*.

Das ich был переведен, используя еще один латинский термин *Ego*, а не *I(я)* или *Myself*. Что касается *Über-Ich*, *Super-Ego*, это могло бы быть переведено как *Beyond-Myself* (Вне меня) или *Above myself* (Надо мной).

Одно из недоразумений состоит в том, что считается, что Эго второй темы является частью души, «психической личностью» полностью отличающейся от двух других и, что, поэтому, необходимо найти термин для души в целом, триединой Души. Так возникло понятие Self (Селф). В истории американского психоанализа мы находим психологию Эго и позднее, начиная от Хайнца Кохута, селф-психологию: первая представляет более ортодоксальную школу, которая стремится к укреплению Эго второй темы, а последняя относится к более модернистской школе, цель которой – структурирование Себя как психическое целое (придуманное как параллель физическому организму).

Далее, Фрейд использовал термин *Ich* (я), чтобы обратиться и к части Self, и как к синониму Self, обозначающему набор психических инстанций. Даже перед разработкой второй темы *Ich* у Фрейда – это и ряд примеров, и одновременно один из примеров. Эта двусмысленность Фрейда часто подвергается критике, но то, что является двусмысленностью – фактически способ Фрейда наблюдать за психической областью. В действительности, когда Фрейд говорит, что субъект не является главой в его собственном доме, он имеет в виду, что Эго, понимаемое как набор психических способностей, и сознательных, и бессознательных, пересекаемых чем-то, что отлично от него самого, он имеет в виду, что «I(я)» это и часть, и человек в целом; или скорее часть, которая берет всё на себя, чтобы быть целым. Это напоминает ситуацию, когда политическая партия или правительство берёт всё на себя, чтобы быть страной, частью которой являются. Отношения «I» с тем, что не является «I» – это *It* Оно (*Es*) и *Beyond the Ego* - Супер-Эго (*Über-Ich*) – это диалектические отношения, в той мере что, *not I* (не я) является основной частью самого Я. Короче говоря, «I» никогда не изолируется, «только я сам», чисто индивидуальный разум: с самого начала, так складываются отношения с Другим.

Мы можем выразить этот неопределённый статус «I» следующим образом (рис. 2).

Эта схема, дающая представление, как оставшиеся два других по отношению к I – It Оно (Es) и Beyond the Ego (Супер-Эго) – являются не только внутренними или внешними по отношению к «Я», но и образуют пересечения. Мы могли бы сказать, что индивидуальная субъективность всегда является местом пересечений между тремя «безличными» инстанциями.

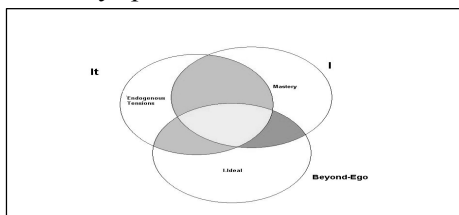

Рисунок 2

Часть It ((Endogenous Tensions) – эндогенные напряженные отношения или стимулы) является внешними по отношению к «Я», это толчки, которые происходят в нашем физиологическом организме. Другая часть, отмеченная зеленым, является результатом пересечения между «Я» и It: пространство Trieb, драйва, структурированного как фантазии и желания. Часть, отмеченная серым, пересечение между It (Оно) и Beyond the Ego (Супер-Эго), является, очевидно, потребностью в наказании, раскаянии, чувстве вины, мазохизме.

Что касается «Я», оно будет определено, поскольку оно отделено от других инстанций, как абсолютная способность к самообладанию и контролю. Часть, отмеченная оранжевым, коагулирует Beyond the I (Супер-Я) и «Я»: Все нарциссические явления, или относящиеся к идеальному эго или к идеализации влияния Эго, а также и к так называемому испытанию действительности.

Что касается части Супер-я (Beyond the I), не связанной с другими инстанциями, она будет определена как идеал Эго: то есть как смысл, внешний и по отношению к субъекту, и к драйву, абсолютно предрефлективная модель.

Желтая часть – это единственный сегмент, определенный пересечением всех трех инстанций: это пространство мучения и, в более широком смысле, субъективной боли. Именно в мучении и боли согласно драйвам Фрейда (Es) (оно) состоит влияние и идеализация (Супер-Эго), но в своего рода взаимном лишении права собственности. Мучение сразу связывается с драйвами, Эго и Супер-Эго, но как область тройного исключения этих трех атрибутов.

2. Эта сложное «Я», являющейся одновременно собой и Другим, которое само «Я» приняло как собственное – проиллюстрировано на рис.3:

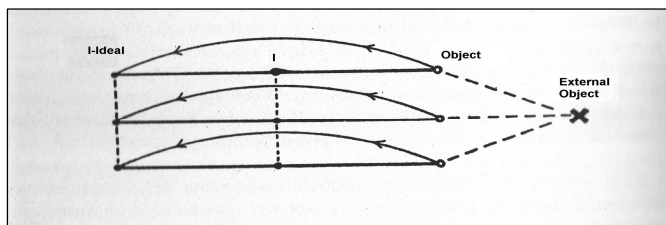

Рисунок 3

На первый взгляд кажется, что Фрейд здесь делает немного больше, чем просто порождение разделения в пределах субъекта, которое он должен был бы сформулировать в следующем году во второй теме. Три горизонтальных линии

представляют психические системы трех индивидуумов, каждая из этих систем, разделена, так, чтобы выделить три пункта: идеал Эго (I-Ideal), «I» и Объект (Object). Разделение на 3 части, не совпадает с разделением из второй темы, но оно, по-видимому, имеет ту же самую форму: кроме того, что здесь вместо It (Es) мы находим Объект. Для Фрейда важно проиллюстрировать психическую динамику, где «I» появляется разделённым на части между инстанциями или местами.

Можем ли мы сказать, что Объект и Эго Идеал это внутренние части? Если бы они были внутренними частями, то они были бы частями «I», в то время как «I» появляется вместо этого как центральная инстанция, всящая, если можно так выразиться, между Объектом и Идеалом. Фактически, и Идеал, и Объект – это части «I», только они функционируют без внешней поддержки, от которой они происходят. Как должен был бы сказать Фрейд, Идеал-I – компонента Beyond the I (Супер-Я) – изначально является набором предписаний, команд, ожиданий и запретов, исходящих от взрослых, которые «выстраивают» ребенка. Идеал приходит к «I» из внешнего мира: это семья, и в последствии, социальные ценности, которые усваивает субъект.

Но что значит «усваивать»? Не только в том простом смысле, что «I» делает эти вещи своими собственными, что он будет полностью оставаться верным семейным ценностям и идеалам, но и в том смысле, что сам «I» окажется разделённым между собой (itself) и своими собственными идеалами. Но даже у героев или святых верность «I» Идеалу не кажется полной – мы знаем, что сами святые были жертвами мучительных сомнений и искушений. Когда «I» удаляет свой идеал – то есть он ведет жизнь, основанную на принципах и критериях, отличных от или противостоящих таковым из его родительского или социального Идеала – невротический признак или подавленное состояние определяют бессознательную действенность этого Идеала.

И означает ли «бессознательная действенность», что «I» выдвигает из себя определенный идеал? И где это продолжает работать? Бессознательное – место первой темы, а не второй: где тогда её следует располагать относительно «I» и Beyond the I (Супер-я)? Две фрейдистских темы совместимы, но они не сопоставимы для этой цели. Бессознательное – это присутствие Другого в «I», это место, где «I» и Другой пересекаются, а «не I» место, которое тем не менее «I», и место «его», которое «I», не контролирует. Территория не-эго, транзитное место, как сказал бы Винникот. Но если Идеал становится сознательным, то есть, если «I» объявляет свою лояльность к Идеалу, тогда, как это ни парадоксально, Идеал выходит снова, он облекает себя в конкретную форму: это то, что связывает «I» с другими. Таким образом, Идеал это смысл, который я привношу в свою жизнь, как будто бы этот смысл был бы чем-то, что я получаю снаружи. Если я решаю стать монахом, видеть в Христе свой Идеал и попробовать соответствовать Ему, было бы абсурдно говорить, что Христос – часть меня или что я являюсь Христом! Именно потому, что Христос остается вне меня, и я могу принять Его как мой Идеал: *Он – мой точный эталон, потому что Он это не я.*

То же самое рассуждение касается Объекта. До какой степени имеет смысл спрашивать, является ли он внутренним или внешним? Он также является внутренним в одном смысле и внешним в другом. Фактически, всё, что мы любим во внешнем мире, становится в силу самого факта «внутренним». Каждый ментальный объект всегда имеет внутреннюю и внешнюю сторону: благодаря образному восприятию я могу сделать отсутствующий объект присутствующим для меня. Но это оказывает влияние на меня (например, соблазнительное), как раз потому, что этот ментальный образ не я, а что-то, что

я помещаю перед собой, Gegenstand, как мой объективный объект²⁶. Как для Идеала, чем больше Объект становится сознательно существующим для меня, тем больше он располагается передо мной как не - «I», которое захватывает моё «I». Если вместо этого Объект исчезает с моего горизонта, покидает место «I», тогда он, вероятно, подавлен, он поглощен «I». Короче говоря, сознательными или бессознательными для Объекта как Идеала, имеются два способа быть одновременно «моим» и «не моим».

Далее, процесс, описанный на рис.3, согласно Фрейд, является составной частью каждой группы. Фрейд не говорит, что внешний объект – это человек или идея, которая станет моим *Дуче* или *Фюрером*, занимает место Идеала. «I-идеал» фактически не что иное, как место, пространство, которое может быть занято различными объектами; но необходимо, чтобы эти вещи-объекты стали моими. Давайте возьмём случайный идеал: «Я должен разбогатеть». Богатство дает смысл моему существованию. Это скорее пожелание, а не что-то, представленное в объектном измерении. Но согласно Фрейд, что бы были установлены социальные отношения, должен быть Лидер, скажем, Билл Гэйтс, как самый богатый человек в мире, являющийся частью моего Идеала, который прежде всего становится моим Объектом. Это означает, что я должен любить Билла Гэйтса и, возможно, даже чувствовать, что он любит меня, таким образом, я становлюсь членом *Массы*, представленной его фирмами. Отношения «Я»-Объект – это отношения любви к Идеалу, который должен быть занят кем-то, и этот кто-то должен войти в область Эроса. Можно было бы возразить, что направление могло бы быть инвертировано: Объект любим только потому, что предварительно он был идеализирован. И что происходит перед этим? Влюбляемся ли мы в кого-то, потому что мы его идеализовали, или мы идеализуем его, потому что мы влюбились в него? Это довольно круговой процесс, благодаря которому желание и пиитет усиливают друг друга (в то время как в других случаях они друг друга ослабляют).

Здесь Фрейд, очевидно, хочет сказать, что я должен любить Лидера: восхищение, которое я выражаю ему, не лишено чувственности. Мы хорошо знаем, как женщины в горячих группах готовы предложить себя Лидеру, если это человек. Другими словами, Лидер должен быть объектом определенной нежности, которая часто становится сексуальной, «он настолько нежен», это то, что поклонники со счастливым видом скажут о своём лидере. Чтобы возникли социальные связи, в игру должен войти Эрос.

УДК 159.95+316.6

O.A. Donskih

Novosibirsk state university of economy and management, Novosibirsk

PROVINCIAL CONSCIOUSNESS AS SOCIO-CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEM

In the article it is presented the analysis of specificity of provincial consciousness in the context of Russian history and the present, psychological portrait of provincial is described, different contexts of understanding of provinciality are designated.

²⁶ Наш “object” является переводом двух немецких терминов: *Objekt* and *Gegenstand*. *Objekt* использовался как объект драйва, или желанный или желающий объект, а *Gegenstand* – вещь передо мной.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье представлен анализ специфики провинциального сознания в контексте российской истории и современности, описан психологический портрет провинциала, обозначены разные контексты понимания провинциальности.

Задача настоящего исследования – понять специфику провинциального сознания как оно складывалось в России к середине XIX века. Дело в том, что несмотря на простоту данного понятия, его особенностями являются его историчность и неоднозначность. Так, наличие столицы еще не означает наличия провинции (пример – Германия или Австралия, хотя и по разным основаниям. В Германии старые центры исторических и административных областей, вроде Мюнхена или Гамбурга, явно не провинциальнее Берлина. В Австралии Канберра – очень провинциальный городок в сравнении с Мельбурном, не говоря уже о Сиднее). Таким образом, первый тезис работы – провинциальность зависит от многих факторов и складывается по-разному в разных странах. Посмотрим, как это происходило в России, и, соответственно, попробуем понять, чем здесь характеризуется провинциальность и провинциал как социокультурный и психологический тип. Далее следует краткий набросок того понимания провинциальности, к которому пришел автор.

Немного истории

По-видимому, впервые слово «провинция» встречается в текстах, написанных Петром I. В 1698 году он упоминает в письме «Казанскую провинцию». В следующем 1699 году выходит указ об учреждении «провинций к» трем городам, которые тем самым поднимаются над окружающими. И здесь слово «провинция» имеет смысл вполне положительно возвеличивающий.

Затем в 1719 году в России вводится трехзвенная система управления: уезд – провинция – губерния. Однако уже к 1727 году провинция как административная единица практически утрачивает свое значение в данной системе и существует лишь формально до 1775 года, когда Екатерина II возвращается к двухзвенной системе, убрав провинцию как таковую. Но именно когда провинция исчезает в административном смысле она начинает жить неофициальной и более богатой жизнью и формироваться в социально-культурном смысле.

Понятие провинции в относительно современном смысле складывается к концу XVIII века, когда в России формируется городское общество во главе с дворянством. Здесь можно назвать несколько предпосылок: 1) есть столица, которая по образу жизни отличается от остальных городов, 2) возникает город как единое целое, 3) складывается и приобретает определенные качества слой населения, который постоянно соотносит образ жизни столичный и нестоличный – дворянство.

Во-первых, сначала Москва утверждает себя как столица (т.е. как город, задающий образцы в культуре) к концу XVI века. Потом эту функцию перехватывает Петербург, который в значительной степени отличается по образу жизни от остальных городов империи.

Во-вторых, в течение долгого времени города в принципе не представляли собой цельных образований. Связь со столицей шла через назначавшегося центральной администрацией воеводу, а собственно городская жизнь протекала

в посаде. Да и посад был в значительной мере разделен на самостоятельно управлявшиеся единицы. Важную роль в осознании города как целого сыграло Городовое положение 1785 г., когда возникает Городская общая дума, определяется понятие горожанина и появляется обывательская книга с записью всех жителей (хотя и разбитых на шесть сословий).

В-третьих, именно с 1775 г. «...вся Россия от высших до низших ступеней управления (кроме разве городских магистратов) стала управляться дворянством: сверху они действовали в виде бюрократии, внизу – в качестве дворянских самоуправляющихся обществ»[6, с. 628]. И это стало одной из главных причин формирования понятия провинции в том виде, как оно складывается к середине XIX века.

В результате Манифеста возникает общество. «До манифеста о вольности дворянства в русской провинции не было, можно сказать, никакого общества: провинциальные города были совершенно незначительны, население их – весьма немногочисленно и принадлежало почти сплошь к низшему классу; административных органов было очень мало, и дворяне почти не принимали в них участия, – дворянство почти все было на службе, то есть, в столицах, или где-нибудь у границ в войсках»[4, с. 129]. В то же время служилые дворяне разделяются на столичных и нестоличных, когда первые задают образцы вторым.

Н. Чечулин справедливо начинает историю провинциального общества именно со второй половины XVIII в.: «Провинциальное общество, в том приблизительно смысле, как понимаем мы это слово теперь, образовалось в России только во второй половине XVIII в.; только в эту пору явилось в провинции довольно значительное число дворян, людей по тогдашнему интеллигентных, проводивших тут всю свою жизнь, а не только годы старости после тяжелой службы; только в эту пору дана была и дворянам, и городскому сословию известная, даже довольно большая доля участия в местной администрации, указаны общие интересы дворянству, общие интересы купечеству, указаны известные цели, известные обязанности сословию как целому, а не отдельным только лицам, как прежде; все это мало по малу сплотило в общество прежнее население; к концу века мы видим в провинции довольно развитую жизнь и большую часть дворянства;...»[9, с.1]. Если принять во внимание факт уже сформировавшегося сознания отличий между столичным и нестоличным (провинциальным) дворянством, очевидно, что это сознание должно было автоматически стать частью сознания провинциального общества.

Правда, дворянство было более-менее хорошо организовано только в Европейской России, именно здесь появляются дворянские благородные собрания и т.п., и только в губернских городах. В уездных же городах, а также «на зауральских территориях дворянство как социально организованное сословие отсутствовало» [3, с. 69]. Однако с формированием города как целого уже другие сословия, в первую очередь купеческое, начинают подражать дворянам. Д.Я. Резун со ссылкой на сочинение землемера А.И. Лосева «Географическо-статистическое описание Иркутской губернии...» 1819 г. дает следующее описание образа жизни отдаленных сибирских городков: «Лучшие купцы по частому обращению в Москве и на российских ярмонках живут по нынешнему вкусу, носят немецкое платье», при этом «они твердо соблюдают посты при отличных для угощения столах...». В многочисленных лавках Гостиного двора «легко достать ... все почти то, что есть в Москве и

Санктпетербурге...» Одеваются, строят дома «как в столице» – Гостиный двор построен «в новом венецианском вкусе для разных надобностей...» В то же время женщины Верхнеудинска (купчихи и мещанки) в одежде более консервативны, чем мужчины. И вообще подчеркивают жители свою приверженность к старине, в первую очередь к религии – «Для постройки своих домов верхнеудинцы нередко «подряжают мастеров из Иркутска» и хотя их жилище «в новом вкусе», но в комнатах имеют много образов в серебряных ризах, через огонь позолоченных, шитых шелком, украшенных жемчугом и дорогими камнями; иконописная работа в употреблении масляная и яичная»[7, с. 181].

Провинциальность и провинциал

Существует три значения слова «провинциальный», относящихся к разным сферам:

1) относящийся к местности – это нестоличные города. (Примерно сфера значения слова «регион»). Так, у Н.Н. Златовратского постоянно встречаются эпитеты – «провинциальный» садик, «провинциальный» домик, и т.п., не говоря уже о провинциальном городке.

2) относящийся к образу жизни. Так, в Замоскворечье жизнь вполне провинциальная (Бальзаминов А.Н. Островского).

3) относящийся к типу личности.

Третье значение и есть то, о котором дальше пойдет речь.

Л.Н. Коган пишет: «...»Провинциал» ... воспринимается не как любой житель провинции, а носитель этого образа жизни. То есть это человек низкого культурного развития; обыватель, лишенный высоких гражданских идеалов; типичный конформист, боящийся сильных мира сего, преклоняющийся перед всем столичным (Хлестакову удалось во многом потому околдовать гоголевских чиновников, что он «столичная штучка»). Таким образом, «провинциал» - далеко не всякий житель провинции, а специфический тип личности» [5, с. 122].

В то же время стоит отметить, что слово «провинциальный» не соответствует слову «провинциал».

Дело в том, что провинциал имеет одно и вполне неположительное значение отсталого, ограниченного скучного человека, тогда как слово «провинциальный» относится к слову «провинция» и является амбивалентным. Здесь сосуществуют два значения.

Первое (обычно доминирующее) - провинциальный как нестоличный, убогий, серый, скучный, мелкий...

Второе - провинциальный – милый, не тронутый столичностью, традиционный, близкий к природе («Какой обширный дом, какой вид у предводителя из дома! Впрочем, в провинции из редкого дома нет прекрасного вида: пейзажи, вода и чистый воздух - там дешевые и всем дающиеся блага» [Гончаров, Обрыв, XI].

Такое разделение связано с тем, что провинциальность сформировалась вместе с дворянством. Так, совершенно не имеет смысла говорить о крестьянине – «провинциал». «Провинциальная деревня» - это нонсенс.

Провинциальность формируется в городах (где возникают общества «по типу столичного», но не дотягивающие до него). И здесь провинциальность практически полностью негативное явление. Но дворяне живут еще и в усадьбах. И в противоположность городскому образу жизни усадебный является весьма милым и положительным.

Усадьба и положительный образ провинции

Известно, что из провинциальных усадеб вышли самые культурные люди России. Можно вспомнить семьи Киреевских, Бакуниных, Гончаровых, и др.

В своих лучших образцах усадебный образ жизни отличается от городского вообще и от столичного в частности целым рядом признаков: близостью к природе, близостью к крестьянам (к народу), более теплой и менее формальной религиозностью, искренностью, терпимостью (уже хотя бы в силу необходимости тесного общения небольшого круга людей, тогда как в большом городе можно найти другой, непересекающийся круг общения). И, наконец, традиционностью.

«Именно в моменты общесемейного единения юные дворяне и дворянки научались, вероятно, от родителей не только правилам поведения и первым знаниям об окружавшем их мире («Я никогда не забуду этих вечерних прогулок... где вы рассказывали какой-нибудь исторический анекдот или сказку, где вы заставляли нас отыскивать редкое у нас растение... Помню еще один лунный вечер: небо было чисто и усеяно звездами, мы шли в Мыгницкую рощу и вы рассказывали нам историю солнца, месяца, туч, грома, молнии и т. д...»), но и самому главному — любить свое Отечество и служить ему, чтить свою «малую родину» и сохранять трогательное благоговение перед ней («...да и какое лекарство может сделать более пользы, как воздух той стороны, где ты родилась?»), ценить свою семью, родных и близких людей, и проносить через всю жизнь составлявшую незабываемый «аромат» детских лет эмоциональную атмосферу домашнего тепла «родового гнезда», а позднее воссоздавать ее по возможности для собственных детей с тем, чтобы единая нить культурной традиции никогда не могла быть прервана. В этом, по-видимому, и заключался один из конкретных действенных способов репродуцирования в конце XVIII — первой половине XIX века дворянской сословной культуры» [1].

Родители, особенно матери занимались воспитанием детей. При этом из переписки вышневолоцких дворян Манзей мы узнаем, что в конце XVIII — первой половине XIX века привычными персонажами в повседневной жизни провинциального дворянства были гувернер и гувернантка. «В сравнении с провинциальной столичная дворянка могла получить формально более качественное домашнее образование в силу имевшейся у ее родителей возможности относительно широкого выбора учителей и гувернанток. Однако реальное его качество должно было в большей мере зависеть от степени заинтересованности самих родителей в том, чтобы дать дочери полноценное, с их точки зрения, образование. Понятно, что само по себе наличие гувернантки не гарантировало еще высокого уровня преподавания тех или иных дисциплин, а, напротив, отсутствие ее не может быть безусловным свидетельством того, что они не получали всех необходимых, по общепринятым представлениям, знаний. Так, по словам Н. М. Пирумовой, «в отличие от большинства дворянских семей того времени, Бакунины сами занялись воспитанием детей...»[1] «Знание французского языка, танцы, музыка и регулярное посещение церковных служб — это главное, что должна была знать дворянка.

Вместе с тем объем образования мог быть много шире минимального. Так, в семье Гончаровых «дети подробно изучали историю (русскую и всеобщую), географию, русский язык, литературу, мифологию и т.д. Нечего и говорить об иностранных языках — немецкий, английский и особенно французский они знали очень хорошо»[1].

Такое соединение патриархальности с ориентацией на лучшие столичные и европейские образцы создало специфическую атмосферу усадебной провинциальности, в которой было много положительного. (Разумеется, нет никакого смысла идеализировать усадебную жизнь и экстраполировать образ жизни наиболее замечательных дворянских семей на все дворянские гнезда. Мне достаточно указать на возможность интересной и духовно богатой жизни в провинциальной глубинке).

Провинция и провинциал

Но, конечно, громадная масса художественной литературы позапрошлого века говорит о провинции негативно, имея в виду образ жизни небольших, маленьких и крошечных городков.

Провинциальные города не случайно обозначаются в литературе буквой. Какой-нибудь «городок N». Он типичен и варьирует только география, но не сущность. Потому что провинция, в отличие от Петербурга – это место, где ничего не меняется. Даже И.А. Гончаров как-то заметил, что это не город, а кладбище. Столица высасывает провинцию. Все наиболее активное уходит туда. Оставшиеся не могут ничего толком создать, кроме «тусовки». Так, А.В. Головин (министр нар. просв в 1861-66 гг.) писал о пореформенном времени в своем дневнике: «В образе бессилия земских учреждений проявляется вся политическая незрелость дворянства и неподготовленность его к самоуправлению» [цит. по: 2, с. 44]. Так что характеристика места пересекается с характеристикой образа жизни. Ничего не меняется в городах, ничего не меняется в головах. Один и тот же убогий круг интересов.

Какие черты присущи психологическому портрету провинциала?

1. Его сознание иерархично.

На шкале столичность – нестоличность города начинают выстраиваться в иерархию. Мельчайшие повторяют мелких, мелкие – средних, средние – крупных, крупные – самых крупных. Так, жительницы Нерчинска «в нарядах своих уподобляются Верхнеудинским», потому что Верхнеудинск с его 4097 жителей несколько крупнее Нерчинска, в котором было 2496 чел. [9, с. 177-180].

«...Областной (краевой, республиканский) центр строил свои отношения с городами и районами области на таких же основаниях, на которых строились его отношения с Москвой. Все отмеченные выше отношения в миниатюре проявлялись и здесь. Не случайно начало нового периода жизни страны в конце 80-х - начале 90-х годов сразу ознаменовалось **центробежными** тенденциями регионов» [5, с. 124].

Заштатный городишко - уездный городок – губернский город – столица – Европа. Провинциал четко знает свое место и принимает свою второстепенность по отношению к более продвинутым жителям как должное. Соответственно, складывается отношение к столице и к столичным жителям как к более высоким, развитым созданиям. На этом и разыгрывается «Ревизор» Гоголя.

2. Ограниченность. «Современный провинциал может быть и формально образованным человеком. Главная же характерная его черта - отсутствие интереса ко всему, что находится за чертой его города или района» [5, с. 126].

К.Д. Кавелин в письме А.Н.Пыпину: «Наша жизнь в провинции и деревне есть тина и трущоба, в которой можно задохнуться и заплесневеть без освежения и обновления культурной жизнью» [цит. по: 2, с. 53].

«И вот провинциальная жизнь предлагает вам свои дешевые материальные удобства, свою лень, свои сплетни, свой нетрудный и незамысловатый разврат...

И все это так легко, так просто достается! Вам начинает сдаваться, что вы нечто вроде сказочного паши, что стоит вам только пожелать, чтобы все исполнилось... Правда, залетает иногда мимоходом в вашу голову мысль, что и желания ваши сделались как будто ограниченнее, и умственный горизонт как-то стал уже, что вы легче, дешевле миритесь и удовлетворяетесь, что вообще в вас происходит что-то неловкое, неладное, от чего в иные минуты бросается вам в лицо краска... Но мало-помалу и эта докучная мысль начинает беспокоить вас реже и реже; вы даже сами спешите прогнать ее, как назойливого комара, и, к полному вашему удовольствию, добровольно, как в пуховике, утопаете в болоте провинциальной жизни, которого поверхность так зелена, что издали, пожалуй, может быть принята за роскошный луг» [Салтыков-Щедрин, Губ. очерки].

Нужно сосуществовать поневоле. «Запереть ему совсем двери было не в нравах провинции вообще...» [Гончаров, Обрыв, XIX] Там, где больше народа, в столице, можно просто уйти и не общаться. Это тоже портит характер.

3. **Мелочность.** Соответственно, все интересы мелки до безобразия. М.Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» (в очерке «Княжна Анна Львовна»): «Не вдруг, а день за день, воровски подкрадывается к человеку провинциальная вонь и грязь, и в одно прекрасное утро он с изумлением ощущает себя сидящим по уши во всех крошечных гнусностях и дешевых злодействах, которыми преизобилует жизнь маленького городка. Отбиться от них нет никакой возможности: они, как мошки в Барабинской степи, залезают в нос и уши и застилают глаза» [Салтыков-Щедрин. Там же].

4. **Отсутствие духовных интересов.**

«О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самодеятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаниями те мелкие вожеления, исключительно направленные к материяльной стороне жизни, к доставлению крошечных удобств, которые имеют то неоцененное достоинство, что устраняют всякий повод для тревог души и сердца? Какая возможность развиваться, когда горизонт мышления так обидно суживается, какая возможность мыслить, когда кругом нет ничего вызывающего на мысль?» [Салтыков-Щедрин. Там же.] Отсюда невероятная скука. Особенно у приезжего.

5. Исчезновение **возможности рефлексии**, которое выражается, в частности, в отсутствии чувства иронии:

«Бесчисленные свидетельства людей опытных и компетентных удостоверят вас, что в провинциях наших могут быть выражения лиц почтительные, беспечно-преданные, исполнительные, на все готовые, но выражений иронических нет и никогда не бывало» [8, с. 188]. Человек полностью погружается в мелко-мелочную стихию повседневности и заботы. Эта ситуация на первый взгляд парадоксальна. Ведь поскольку провинциальность определяется определенным отношением к столице, она должна вроде бы иметь возможность оценивать себя со стороны, смотреть на себя глазами столичного жителя, а не только снизу вверх. Но этого не происходит. Я думаю, дело тут в том, что вторую сторону отношения – столичность – берут не в качестве одной из сторон отношения, а, напротив, только как источник отношения к себе. Иначе говоря, провинциал смотрит на себя глазами столичного жителя и на столичного жителя глазами провинциала, не выходя за рамки этого отношения в принципе.

Провинция позже

Вместе с усадьбами и дворянством как классом положительное значение слова «провинция» практически исчезло до начала 60-х гг. С. Диковский в газете «Правда» пишет: «Унылое слово «провинция» потеряло право на местоительство в нашей стране. Когда сегодня хотят упомянуть о пунктах, отделенных от центра, говорят – периферия. Это точное, никому не обидное слово» [«Правда», № 57 за 7 февраля 1937 года. Цит. по: 10, с. 36.]. Но уже в середине 50-х гг. Слово «периферия» приобрело явно негативный оттенок, что соответствует его главному значению – «далекий от центра». Распределение молодых специалистов «на периферию» воспринимается как наказание.

В силу исторических причин в 60-е годы XX века провинция как уголок милой малой родины, не тронутой пертурбациями революций и войн, начинает опять восприниматься и положительно. Опять складываются два понимания провинциальности, они сливаются, и провинциальность начинает пониматься в первую очередь как противопоставленность столичности и в отношении всех слоев населения. И здесь мы наблюдаем как негативный, так и позитивный аспекты (но про дворянство уже забыто). Провинция завидует столице и одновременно гордится своими преимуществами. Положительное значение слова «провинция» усиливается и его сопоставлением с пустым и безликим «регионом».

Библиографический список

1. Белова, А. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» / А. Белова. – Интернет-ресурс: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm
2. Карнишина, Н.Г. Столица и провинция. Российская политическая культура 1860 – 90-х гг. / Н.Г. Карнишина. – Пенза: Пензенского госуниверситета, 1999. – 204 с.
3. Кириченко, Е.И., Щеболева, Е.Г. Русская провинция / Е.И. Кириченко, Е.Г. Щеболева. – М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1997. – 192 с.
4. Ключевский, В.О. Сочинения. Т. V. Курс русской истории. Ч. 5 / В.О. Ключевский. – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1958. – 423 с.
5. Коган, Л.Н. Духовный потенциал провинции вчера и сегодня / Социологические исследования / Л.Н. Коган. – №4. – 1997. – С.122-129.
6. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. – М.: Высшая школа, 1993. – 736 с.
7. Резун, Д.Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. / Я.Д. Резун. – Русские Сибиряки: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998.
8. Салтыков-Щедрин, М.Е. Письма о провинции. Собр соч. в 20 тт. Т. 7 / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худ. лит., 1969.
9. Чечулин, Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века / Н. Чечулин. – СПб.: 1889.
10. Эртнер, Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века / Е.Н. Эртнер. – Тюмень: Тюменский госуниверситет, 2005. – 212 с.

УДК 159.94+81+372.016:811

М.К. Kabardov, E.A. Smirnova-Bauer

Psychological institute of Russian Academy of education, Moscow

SOME ASPECTS OF INTERCULTURAL DIALOGUE IN PROCESS OF TRAINING TO FOREIGN LANGUAGE

In the article it is proved that by working out and creation of new educational technologies it is necessary to consider along with individually-typical features of pupils and individual possibilities of the teacher, its individual style of activity and training strategy. On the example

of using new techniques of training foreign language it is shown a role of process of intercultural dialogue during training.

М.К. Кабардов, Е.А. Смирнова-Бауэр

Психологический институт Российской Академии образования, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье доказывается, что при разработке и создании новых образовательных технологий необходимо учитывать наряду с индивидуально-типическими особенностями учащихся и индивидуальные возможности педагога, его индивидуальный стиль деятельности и стратегию обучения. На примере использования новых методик обучения иностранному языку показана роль процесса межкультурного общения в ходе обучения.

Проблема межкультурного общения и межкультурно-коммуникативной компетентности является особенно актуальной в эпоху глобализации, которая ставит перед человечеством новые задачи и выдвигает на передний план новые темы. Наш мир постепенно сближается: в техническом, экономическом, политическом, культурном и социальном смыслах. Подобное сближение обязательно предполагает развитие новых, доступных средств коммуникации и расширение и упрощение уже имеющихся способов общения между людьми. Такие понятия как высококонтекстные и низкоконтекстные коммуникации и культуры, межкультурная сензитивность и т.д. раскрывают особенности межнационального и межкультурного общения. В связи с этим возрастает необходимость знания иностранных языков (ИЯ) и разработки эффективных методов обучения им.

Нами было проведено экспериментально-теоретическое изучение закономерностей межполушарной асимметрии мозга и их влияния на индивидуально-типические особенности учащихся подросткового и более старшего возраста при овладении иностранным (французским, английским и китайским) языком и предпринята попытка разработать и применить методики, учитывающие индивидуально-типические особенности учащихся, обусловленные межполушарной асимметрией мозга, и активизирующие доминирующий тип овладения ИЯ [4]. Речь идет о выделенных М.К. Кабардовым [1] типах овладения ИЯ – коммуникативно-речевом, когнитивно-лингвистическом и смешанном.

Психологическое исследование индивидуальных стратегий усвоения ИЯ позволяет существенно углубить характеристику индивидуальных стратегий деятельности и, в конечном итоге, помочь при разработке новых методов обучения [2; 3]. При этом особое внимание нами уделялось особенностям общения учащихся между собой и с носителями ИЯ.

Нами была разработана методика обучения французскому языку, которая базировалась как на традиционной методике, так и на коммуникативной. На занятиях мы пытались создать атмосферу доброжелательности, заинтересованности и искренности. Важное значение придавалось эмоциональному климату в классе, что так важно в процессе обучения. Импровизация, которая является совершенно непредсказуемым самостоятельным речевым поведением, стимулировалась преподавателем наряду с тренировочной работой и активизацией процесса общения. Подобные задания способствовали многообразию речевых процессов

подростков. Кроме того, в ходе выполнения этих заданий происходило раскрепощение подростков, рождалась уверенность в своих силах, и главное - появлялось чувство языка.

При разработке нашей методики мы ориентировались на мотивацию овладения языком; речь идет о динамике перехода от одной мотивационной доминанты к другой и системной опоре на различные виды мотивов. В частности, мы особое внимание уделяли развитию речевой и коммуникативной компетенции, направляя наши усилия на обучение стандартам общения и поведения, принятых в стране изучаемого языка - Франции. Как подчеркивает Р. Скарселла, язык – это основная система различных речевых и неречевых символов, благодаря которым люди интерпретируют значение происходящего вокруг них, инструмент объяснения и выражения культуры данной социальной общности [5]. Под коммуникативной и лингвосоциокультурной компетенцией мы понимаем способность обучаемого осуществлять межкультурную коммуникацию, которая базируется на его вторичной аккультурации (термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова), т.е. на страноведческих и фоновых знаниях о стране изучаемого языка, на лингвострановедческом минимуме словарного запаса, на владении знаниями о фактах, нормах и ценностях национальной культуры и о специфике речевого поведения в данной этнокультуре. Незнание особенностей национальной культуры и психологии может привести к состоянию дискомфорта и даже протеста в процессе общения с носителями языка. Поэтому на уроках французского языка мы намеренно провоцировали подобные ситуации с тем, чтобы возникающие эмоциональные реакции (удивление, смех и т.д.) снимали интерферирующее воздействие стереотипов родной культуры. Социально- культурная обусловленность знаковых вербальных и невербальных структур предполагала использование соответствующих средств семантизации (ситуации, контекста, перевода). Мы предоставили учащимся возможность общаться с носителями французского языка. В дальнейшем мы также намереваемся использовать метод наблюдения за речевым поведением в ходе общения с носителями изучаемого языка (кстати, этот метод был нами использован и при изучении индивидуально-типических особенностей учащихся при обучении китайскому языку).

Хотелось бы также отметить и факт влияния изучаемого языка на успешность его усвоения, в том числе и в сфере общения. Нами было проведено изучение процесса усвоения китайского языка и развития навыков общения студентами лингвистического факультета МПУ. Наиболее успешными при изучении китайского языка оказались представители коммуникативно-речевого типа. Кроме того, анализ успеваемости по китайскому и европейским языкам показал существование значимой корреляции между успеваемостью по китайскому и европейским языкам у представителей выделенных типов овладения ИЯ: «коммуникаторы» лидировали в усвоении китайского языка, «лингвисты» и представители смешанного типа - в усвоении европейских языков. Китайский язык имеет кроме образности и другие особенности, которые означают неизбежную связь правильного восприятия и воспроизведения китайских слов с функционированием правого полушария (доминирующего у представителей коммуникативно-речевого типа). Кроме того, в процессе обучения необходимо также учитывать особенности национальной культуры и этикета общения.

Анализируя полученные данные, можно заключить, что коммуникативно-речевой тип отличается экспрессивностью и импульсивностью, более высокими

активностью и общительностью. Представители когнитивно-лингвистического типа, напротив, являются осторожными, замкнутыми, ригидными и формальными в общении. Эти выводы подтверждаются результатами наблюдения за коммуникативным поведением подростков и особенностями восприятия ими иноязычной речи на слух.

Итак, что касается коммуникативного поведения подростков во время занятий, то, как показывает наблюдение, существуют значительные различия между представителями когнитивно-лингвистического и коммуникативно-речевого типов овладения ИЯ. Эти различия касаются трех аспектов: общение с учителем; общение с одноклассниками; форма выполнения заданий.

Что касается первого аспекта, то «коммуникаторы» оказываются более активными при вопросах учителя. Как правило, они проявляют нетерпение и импульсивность при ответах, первыми тянут руку, даже если и не очень хорошо готовы отвечать. Всегда предпочитают речевые задания. «Лингвисты», напротив, отдавая предпочтение грамматическим и лексическим упражнениям, ведут себя спокойнее, стараются перед ответом посмотреть в тетрадку или учебник. Проявляют беспокойство при выполнении различных речевых упражнений - составлении диалогов, пересказе текстов и т.д. При ответах стремятся правильно строить предложения, говорят медленно, тщательно подбирая слова и грамматические формы. Импульсивность «коммуникаторов» проявляется и в их недовольстве учителем, например, когда он ставит им плохие отметки или когда не спрашивает их. «Лингвисты» всегда используют достоинства традиционной методики и то предпочтение, какое учитель отдает грамматическим и лексическим упражнениям и заданиям.

При общении с одноклассниками во время выполнения учебных заданий, «коммуникаторы» проявляют те же нетерпение и импульсивность, всегда подгоняют своих партнеров (особенно, если это «лингвисты»). Как правило, «коммуникаторы» предлагают новые темы для диалогов. Они часто вводят различные игровые моменты при выполнении этого задания и даже могут уйти в сторону, отвлечься от выбранной темы. Интересно было наблюдать пары «коммуникатор» - «лингвист» при выполнении заданий на составление диалогов. «Коммуникатор» всегда играл роль ведущего в диалоге, в то время как «лингвист» - ведомого. «Лингвист» тщательно и скрупулезно готовился к своим репликам, «коммуникатор» предлагал разнообразные вариации сюжета диалога. В момент диалога стремление «коммуникатора» к импровизации могло вызвать как беспокойство, так и растерянность «лингвиста», не ожидающего такого поворота событий.

Что касается формы выполнения заданий, т.е. манеры говорить и строить свои высказывания, то и тут обозначились существенные различия. Если речь «коммуникатора» отличается эмоциональностью, порывистостью и сопровождается большим количеством паралингвистических средств - жестов, мимики - то речь «лингвиста» оказывается удивительно бедной, но при этом гораздо более правильной. «Лингвист» обычно малоэмоционален и достаточно сух. Мы записывали некоторые уроки на камеру. Интересно, что эти различия особенно отчетливо проявляются при выключенном звуке! «Лингвист» бросается к словарю и ищет нужное слово, «коммуникатор» изображает это слово жестами.

«Лингвист» говорит немного, но грамотно - «коммуникатор» много и неправильно. «Лингвист» часто делает пометки в тетрадях и на клочках бумаги,

а «коммуникатор» повторяет только что услышанную фразу вслед за учителем! И так можно продолжать очень долго.

Что касается восприятия иноязычной речи на слух, то «лингвисты» всегда отличались гораздо большей длительностью латентного периода речевого действия по сравнению с «коммуникаторами». «Лингвисты» испытывали трудности в понимании обращенной речи, в то время как «коммуникаторы» быстро улавливали общий смысл высказывания по некоторым знакомым им словам. При выполнении лингвистических задач (предлагаемых нами) более правильные ответы всегда давали «лингвисты», хотя «коммуникаторы» предлагали при этом гораздо больше вариантов ответов и справлялись с заданиями гораздо быстрее (но некачественно). В этом, несомненно, сказались такие особенности когнитивно-лингвистического типа, как аналитический склад ума, доминирование второсигнальных факторов.

При создании нашей методики мы опирались на комплексный подход к изучению ИЯ, то есть старались создать систему связей с родным языком и культурой на основе выявления взаимосвязи языка, культуры и литературы Франции с русским языком, культурой и литературой. Это способствовало расширению кругозора подростков, обогащению восприятия ими действительности, поскольку в процессе обучения происходила актуализация знаний учащихся в различных областях. Кроме того, при разработке нашей методики нами учитывались возможности и условия современной школы, то есть мы опирались на принцип реальности. Полагаем, что результаты психологического исследования типов овладения ИЯ подростками и наши разработки в области методики преподавания ИЯ могут оказаться полезными как методистам, так и преподавателям ИЯ.

Успешность применяемой нами методики отразилась не только в статистически значимом увеличении показателя успеваемости по ИЯ и в увеличении коэффициента обученности подростков, но и в личностной сфере. В частности, подростки обрели большую уверенность в своих силах, стали более осознанно относиться к изучению ИЯ. Существенные изменения произошли и в сфере общения, что проявилось в открытости, преодолении страхов и стереотипов, особенно при общении с носителями ИЯ. Проведенный нами эксперимент показал необходимость развития и применения новейших методик обучения ИЯ, уделяющих особое внимание развитию общения.

Библиографический список

1. Кабардов, М.К. Роль индивидуальных различий в успешности овладения иностранным языком /Автореферат...// М.К. Кабардов. - М., 1983. – 25 с.
2. Кабардов, М.К. Коммуникативный и лингвистический типы овладения иностранным языком в разных условиях обучения / Школа здоровья // М.К. Кабардов. – 1997. – №1. – С. 72–86.
3. Кабардов, М.К. Система «Учитель – Метод – Ученик». Дифференциально-психологические и психофизиологические аспекты / В сб.: Доклады юбилейной научной сессии, посвященной 85-летию психологического института им. Л.Г. Щукиной // М.К. Кабардов. – М.: 1999. – С. 129–145.
4. Смирнова-Бауэр, Е.А. Межполушарная асимметрия мозга и технологии обучения иностранному языку. Монография / Е.А. Смирнова-Бауэр. – МГОУ, 2007. – 155 с.
5. Scarcella R., Oxford R. The Tapestry of Language Learning: The Individual in the Communicative Classroom. - Boston: Wadsworth Publishing Co, 1992.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL MECHANISMS OF VOLUNTARY ACTIONS FORMATION AT PRESCHOOL AGE

Complex research of 5-7 year old children was carried out for the purpose of revealing of developmental growth features of socially-psychological, psychological and psychophysiological components of formation and person's readiness to school training. In the given message is discussed the role of speed of voluntary actions reflecting nervous mechanisms of voluntary acts and their parity with other psychological, psycho-physiological and socially-psychological features of children's personality development of a local contingent. The determining role of sex and age is underlined.

Б.Р. Кадыров, К.Б. Кадыров
Национальный Университет Узбекистана им. М.Улугбека, г. Ташкент

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Было проведено комплексное исследование детей 5-7 лет с целью выявления особенностей развития социально-психологических, психологических и психофизиологических составляющих становления и готовности личности к школьному обучению. В данном сообщении обсуждается роль скорости произвольных действий, отражающих нервные механизмы произвольных актов и их соотношения с другими психологическими, психофизиологическими и социально-психологическими особенностями развивающейся личности детей местного контингента. Подчеркивается детерминирующая роль пола и возраста.

«Время простых реакций», «скорость произвольных действий», «реакции выбора» и др. – издавна считались важными показателями функционального состояния нервной системы, показателями выраженности свойств нервной системы, характеризовали качества нейродинамики и т.д. (Е.Н. Бойко, Н.И. Чуприкова, В.Д. Небылицин, Э.А. Голубева и др.). В свете этих данных психомоторные действия детей дошкольного возраста могут быть рассмотрены как индикатор созревания нейродинамических процессов. Исходя из этого, нами был использован модифицированный вариант методики теппинг-теста для дошкольного возраста, широко используемый в психофизиологических исследованиях. Основной целью настоящего исследования была попытка изучения роли скорости движений рук, как надежного показателя зрелости мозговых процессов, в общей картине поведения расширяющихся возможностей детей 5-7 лет.

Мы полагаем, что скорость движений в сочетании с точностью (продуктивностью) произвольных действий правой и левой рук в отдельности, указывают не только на сформированность соответствующих нервных механизмов этих действий, но и на зрелость мозговых механизмов обеспечения сознательных, произвольно регулируемых действий в целом. Как известно, в обеспечении сознательных актов участвуют многие сложные механизмы мозга, с обязательным вовлечением речевых зон левого полушария мозга [6, 7].

Успешность выполнения скоростных произвольных действий левой или правой руками может отражать функциональные возможности соответствующих участков развивающегося мозга детей 5-7 лет. В свою очередь,

от них зависят и другие психологические процессы, имеющие отношение к общему психофизиологическому развитию и обуславливающие готовность ребенка к школьному обучению. Для того, чтобы установить роль и значение произвольных скоростных характеристик рук детей помимо теппинг-теста был использован также ряд других психологических и психофизиологических методик, предполагая, что индивидуальные и возрастные возможности созревающего мозга обеспечивают не только скоростные характеристики произвольных действий, но и детерминирует ряд других психических особенностей развития в целом. Однако в рамках данной статьи мы остановимся на обсуждение результатов теппинг-теста как сложного психофизиологического индикатора произвольных скоростных реакций, имеющего отношение к динамическим характеристикам психики.

МЕТОДИКИ

1. Теппинг-тест, видоизмененный для исследования скорости реакции в детском возрасте. Для проведения данной методики каждому испытуемому предоставляется листочек бумаги с двумя одинаковыми изображениями 50 кружков диаметром в 2 мм, которые выстроены по волнистой (волнообразной) линии (для правой и левой рук в отдельности). Предварительно каждого испытуемого обучают проставлять точки внутри каждого кружочка как можно быстрее и не пропуская ни одного кружочка. Испытуемый в течение 30 секунд по мере возможности вставляет точки в каждый кружочек сначала правой, а затем также в течение 30 секунд левой руками. С помощью данной методики получены три показателя психомоторного развития:

1. *Скорость реакции (СР)* – общее количество точек, вставленных испытуемыми правой и левой руками в течение 60 секунд.

2. *Зрительно-двигательная координация (ЗДК)* – относительное количество правильно вставленных точек. Процентное соотношение правильно вставленных точек вычислялся по специальной математической формуле.

$$ЗДК = \frac{П_{пр} + Л_{пр}}{О} \times 100 \%$$

где $П_{пр}$ – количество правильно проставленных точек правой рукой; $Л_{пр}$ – количество правильно проставленных точек левой рукой; $О$ – общее количество точек.

3. *Коэффициент асимметрии (КА)* уровня скоростных характеристик правой и левой руки, взятые в отдельности. Относительное преобладание скорости реакций правой и левой руки также вычислялся по специальной формуле.

$$КА = \frac{П - Л}{П + Л} \times 100 \%$$

где $П$ – количество правильно вставленных точек правой рукой, $Л$ – количество точек, правильно вставленных левой рукой.

2. Методика Керна-Ирасека. Данная методика, адаптированная и стандартизированная к местному контингенту детей [13], определяет общий уровень зрелости к школьному обучению на основе таких показателей как *рисование фигуры мужчины, перерисование кратких фраз, срисовывание группы точек и вербальный субтест.*

Первые три показателя (рисунок мужчины, письмо, 10 точек) оценивались по 5-балльной шкале: 1б – низшая и 5б – высшая оценка. По вербальному тесту можно было набрать максимум 30 баллов.

3. Методика определения рукости. Данная методика, разработанная американским психологом М. Annett [9], предназначена для выявления уровня доминантности правой или левой руки при осуществлении предметных действий (рисовать, резать с помощью ножницы, бросать мяч, зажечь спичку, провести нить через иголку, забить гвоздь при помощи молотка и др.).

4. Методика определения социально-психологической и мотивационной зрелости. Данная методика, специально усовершенствованная нами для целей настоящего исследования на основе методических разработок Й.М.Асадова и Г.Бурхоновой [10], а также Л.Р.Муминовой и Д.Нуркелдиевой [12] включает 20 вопросов.

5. Шкала вербального интеллекта Векслера для детей. Для целей данного исследования были использованы следующие субтесты: 1) *Субтест общей осведомленности*, 2) *Субтест общей понятливости*, 3) *Субтест установления сходства*, 4) *Словарный субтест*, и 5) *Субтест повторения цифровых рядов*. Для дальнейшего психологического анализа вместо пяти отдельных показателей нами был использован один обобщенный показатель, получаемый суммированием результатов пяти субтестов для каждого испытуемого в отдельности. Такой суммарный показатель наиболее обобщенно отражает общий уровень умственного развития ребенка.

Таким образом, за основу данного сообщения были взяты результаты 11 показателей пяти методик, ориентированные на выявление психомоторных, интеллектуальных, социально-психологических, мотивационных и психофизиологических особенностей развития детей 5-7 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общее количество детей, принявших участие в психологических экспериментах, составило 214 человек. Для того, чтобы можно было изучить возрастные и половые различия психического развития, в первую очередь, всех детей разделили на 5 возрастных групп. Возраст вычислялся с точностью до одного месяца на момент прохождения психологического тестирования. В первую группу вошли дети, которые имели возраст 5.00-5.06 в количестве 37 человек; вторая группа – 5.07-5.12 (n=32); третья группа – 6.00-6.06 (n=45); четвертая группа – 6.07-6.12 (n=72); пятая группа – 7.00-7.06 (n=28).

Корреляционный анализ показателей скорости реакций в методике теппинг-тест со всеми психологическими данными у детей разных половозрастных групп осуществлялось по статистической формуле Пирсона с использованием компьютерной программы «SPSS 11.5 for Windows», предназначенной для проведения статистической обработки цифровых данных.

Результаты корреляционного анализа между показателем скорости реакции и другими психологическими и психофизиологическими параметрами для каждой возрастной группы мальчиков представлены в таблице 1. Как видно из этой таблицы у мальчиков в первой половине пятилетнего возраста показатели скорости реакции положительно коррелируют с показателями успешности в рисовании фигуры мужчины, срисовывания группы точек и перерисовывания кратких фраз (методика Керна-Иирасека). Другими словами более высокая общая скорость реакций у мальчиков этого возраста приводит к большей успешности моторики доминирующей (правой) руки и художественно-пространственных воображений (рисования).

Таблица 1 – Коэффициенты корреляции между уровнем скорости реакции каждого возраста с соответствующими психологическими и психофизиологическими показателями мальчиков 5-7 лет

Возрастные группы	5.00-5.06	5.07-5.12	6.00-6.06	6.07-6.12	7.00-7.06
N=	22	19	21	42	13
Рисунок мужчины	0,457**	0,693**	0,111	0,198	0,142
Письмо	0,439*	0,644**	0,151	0,219	0,362
10 точек	0,661**	0,382	0,257	0,337*	0,104
Верб.субтест(К-Йирасека)	0,362	0,520*	0,046	0,316*	0,088
Рукость (по Аннетт)	0,078	0,058	-0,024	-0,030	0,044
ЗДК	0,342	0,195	0,092	0,006	0,046
Асимметрия	-0,305	0,002	0,019	-0,113	-0,165
Соц.-психол. готовность	0,367	0,396	-0,374	0,211	0,126
Мотивац. готовность	0,109	0,256	-0,237	0,147	0,185
Верб.субтесты (Векслера)	0,254	0,181	-0,072	0,186	-0,180

Примечание: * - достоверность на 5% уровне, ** - достоверность на 1% уровне

Примерно такие же результаты были получены у мальчиков во второй половине пятилетнего и во второй половине шестилетнего возраста. Как видно из таблицы, в этих возрастах скорость реакции положительно и значимо коррелирует как с некоторыми психомоторными показателями, так и показателем вербального субтеста методики Керна-Йирасека. Однако, привлекает внимание тот факт, что если до конца пятилетнего возраста имеются 6 значимых коэффициентов корреляции, то, начиная с шестилетнего возраста, таковых оказывается всего 2. Приведенные соотношения позволяют нам сделать вывод о том, что, во-первых, скорость простых реакций в методике теппинг-тест, как психофизиологический показатель развивающихся нейродинамических процессов сопряжена с другими, более содержательными психомоторными и мыслительными процессами и, по-видимому, имеет общую детерминацию с интеллектуальным развитием мальчиков, главным образом, до конца пятилетнего возраста. Во-вторых, положительное значение скорости реакций обнаруживается в основном только для левополушарных функций, таких как тонкая моторика доминирующей (правой) руки и в процессах словесно-логического мышления.

Скорость реакции как нам кажется немаловажный психофизиологический показатель, отражающий соответствующих нервных механизмов психомоторных произвольных действий и у девочек имеет специфическую динамическую характеристику. В таблице 2 представлены коэффициенты корреляции между показателями скорости реакций девочек пяти возрастных групп и другими психологическими и психофизиологическими показателями. Сразу можно заметить, что в этой таблице у девочек между скоростью реакций и показателями других методик обнаруживается менее тесная корреляционная зависимость (всего 4 значимых коэффициентов корреляции).

Таблица 2 – Коэффициенты корреляции между уровнем скорости реакции каждого возраста с соответствующими психологическими и психофизиологическими показателями девочек 5-7 лет

Возрастные группы	5.00-5.06	5.07-5.12	6.00-6.06	6.07-6.12	7.00-7.06
N=	15	13	24	30	15
Рисунок мужчины	-0,019	0,411	0,065	0,076	0,024
Письмо	0,224	-0,126	0,460*	0,036	0,660**
10 точек	0,321	0,568*	0,132	0,028	0,106
Верб. субтест (К.-Йирасека)	0,363	0,483	0,130	0,118	0,249
Рукость (по Аннетт)	0,284	-0,008	-0,256	-0,029	-0,348
ЗДК	0,303	0,069	-0,232	-0,274	-0,657**
Асимметрия	-0,059	0,066	0,205	0,273	0,141
Соц.-психол. готовность	0,211	0,181	0,084	0,006	0,260
Мотивационная готовность	0,096	0,352	0,191	0,095	0,028
Верб. субтесты (Векслера)	0,295	0,301	0,377	-0,073	-0,220

Примечание: * - достоверность на 5% уровне, ** - достоверность на 1% уровне

Судя по этим данным различие между результатами мальчиков и девочек заключается и в том, что по мере взросления скорость реакций у девочек статистически значимо коррелирует не только с уровнем психомоторного развития (письмо), но и с показателем зрительно-двигательной координации (ЗДК) в той же методике теппинг-тест. Дело в том, что ЗДК в отличие от скорости реакций, более содержательный показатель, так как он отражает точность движений, как характеристика произвольности, сознательности актов. Отрицательная корреляция между скоростью реакции и показателем ЗДК, свидетельствует о том, что к семилетнему возрасту у девочек за счет возрастания произвольных регулятивных процессов, уменьшается механические скоростные характеристики. Иными словами, для более точных, правильных действий девочкам приходится совершить более обдуманные, сознательно регулируемые действия, что естественно, протекает медленнее, чем просто механически проставленные точки.

Заслуживает внимания и тот факт, что у девочек, в отличие от мальчиков, скорость реакций не коррелирует ни с вербальным субтестом, ни с субтестом рисования фигуры мужчины (методики Керна-Йирасека). Вероятно, данный результат свидетельствует о том, что скорость реакции у девочек является преимущественно психомоторным показателем, и не имеющим отношения к интеллектуальным качествам их личности. Следовательно, детерминация социально-психологических особенностей развития и скоростных качеств рук девочек не имеют общих оснований и обеспечиваются качественно различными механизмами. Возможно, развитие интеллектуальных и социально-психологических качеств личности девочек имеет большую чувствительность к социальным, внешним факторам окружающей среды, а потому детерминирующая роль внутренних динамических процессов, как показывают корреляционные зависимости, не заметны. Тем не менее, результаты анализа вышеприведенных эмпирических данных относительно, поэтому прежде чем прийти к однозначному и твердому заключению нами был предпринят корреляционный анализ сводных данных всех мальчиков (117 чел.), девочек (97 чел.) и общего контингента испытуемых (214 чел.), независимо от пола и от возрастной периодизации (таблица 3).

Таблица 3 – Коэффициенты корреляции между уровнем скорости реакции с соответствующими психологическими и психофизиологическими показателями

Возрастные группы	Мальчики	Девочки	Все
N=	117	97	214
Рисунок мужчины	0,338**	0,245**	0,299**
Письмо	0,422**	0,397**	0,405**
10 точек	0,373**	0,276**	0,324**
Верб. субтест (К-Йирасека)	0,342**	0,350**	0,324**
Рукошь (по Аннетт)	-0,046	-0,147	-0,093
ЗДК	0,186*	-0,112	0,080
Асимметрия	-0,088	0,187	0,011
Соц.-психол. готовность	0,201*	0,199*	0,192**
Мотивац. готовность	0,195*	0,129	0,151*
Верб. субтесты (Векслера)	0,216*	0,164	0,184**

Примечание: * - достоверность на 5% уровне, ** - достоверность на 1% уровне

Как видно из данной таблицы у мальчиков скорость реакции оказалась более тесно связанной с другими психологическими и психофизиологическими показателями по сравнению с девочками (у мальчиков 8, а у девочек 5 значимых коэффициентов корреляции). Как показывают результаты корреляционного анализа у мальчиков, в отличие от девочек, скорость реакции положительно коррелирует не только с показателями методики Керна-Йирасека, традиционно считающимися показателями психической зрелости и показателем социально-психологической готовности к школе, но вместе с тем и с показателями ЗДК, мотивационной готовностью к школе и обобщенным показателем вербальных субтестов детского варианта теста Векслера.

Среди приведенных выше зависимостей наиболее интересной для нас представляется взаимосвязь между показателями скорости реакции и ЗДК у мальчиков. Несмотря на высокозначимую отрицательную корреляцию между показателями скорости реакции и ЗДК у девочек в возрасте 7 лет ($r=-0.657$, $p<0.01$, $n=15$), у мальчиков, наоборот, обнаруживается статистически значимая положительная корреляция между этими показателями ($r=0.186$, $p<0.05$, $n=117$). Этот факт ещё раз подчеркивает большую зависимость скорости произвольных простых действий мальчиков от энергетических возможностей функционирования нервной системы в этом возрасте. Судя по данным таблицы 2, у девочек, в отличие от мальчиков, тормозно-регулятивные механизмы, ответственные за произвольно-регулятивные формы поведения, наиболее ярко представлены к началу семилетнего возраста.

Приведенные соотношения в целом подводят нас к мысли о том, что у мальчиков интеллектуально-содержательные и произвольно-действенные особенности развития имеют общие корни со скоростными показателями процессов в нервной системе.

У девочек, как это видно из таблицы 3, дела обстоят несколько скромнее, хотя тенденция корреляционных связей имеет много общего с мальчиками: скоростные характеристики произвольных действий сопряжены со всеми показателями методики Керна-Йирасека и социально-психологической готовностью к школе.

Если рассматривать данных всех испытуемых независимо от пола и возраста, то, как видно из третьего столбика таблицы 3, заметна роль

энергетических возможностей мозга в детерминации психического и социально-психологического становления личности дошкольников: скорость простых реакций положительно и во многом высокозначимо коррелирует с такими важными интеллектуальными показателями развития, которые могут быть ведущими факторами успешности адаптации к школьным требованиям.

Приведенные выше результаты исследования позволяют прийти к следующим основным заключениям.

1. Скорость психомоторных реакций у мальчиков и девочек 5-7 летнего возраста связана с различными особенностями функционального созревания мозговых структур. У мальчиков скорость реакций больше сопряжена с психофизиологическим и интеллектуальным показателями развития, главным образом, до шестилетнего возраста и связана с преобладанием левополушарных функций. У девочек скорость реакций играет менее важную роль в общем психическом развитии.
2. Изучение скорости простых реакций в качестве произвольных функций дошкольного возраста позволило выявить половозрастные различия механизмов возникновения произвольной саморегуляции психической деятельности. Так, у девочек к концу дошкольного возраста скоростные характеристики обратно связаны с показателями ЗДК, как функциями произвольности действий, свидетельствуя о преобладании механизмов саморегуляции. В этой связи, следует предполагать, что у мальчиков ЗДК преимущественно зависит от возбудительных процессов в нервной системе.

Библиографический список

1. Абдурасулова, Т.Д. Нормативная диагностика психологических предпосылок готовности к обучению в школе у детей 4–5 лет / Т.Д. Абдурасулова // Вопросы психологии. – 1997. – №2. – С.23–34.
2. Венгер, Л.А. Соотношение обучения, психического развития и функциональных особенностей созревания мозга / Л.А. Венгер, А.А. Ибатулина // Вопросы психологии. – №2. – 1989. – С. 88-89.
3. Диагностика умственного развития дошкольников / Под ред. Л.А. Венгера и В.В. Холмовской. – М.: Педагогика, 1978. – 248 с.
4. Йирасек, Я. Проблемы школьной зрелости / В сб.: Диагностика психического развития // Я. Йирасек. – Прага: Авиценум, 1978. – С.251–264.
5. Кадыров, Б.Р. Изучение возрастных и половых предпосылок психического развития дошкольников как субъектов готовности к школе. В сб.: Психолого–педагогические исследования субъекта деятельности / Б.Р. Кадыров, К.Б. Кадыров, Н. Муллабаева. – Казань: ЮЛАКС, 2004. – С.60–72.
6. Лурия, А.Р. Сознательное действие, его происхождение и мозговая организация / А.Р. Лурия // Вопр. психологии. – 1969. – №5. – С.11–29.
7. Симерницкая, Э.Г. Мозг человека и психические процессы в онтогенезе / Э.Г. Симерницкая. – М.: Московский Университет, 1985. – 188 с.
8. Annett M. Laterality of childhood hemiplegia and the growth of speech and intelligence. - Cortex. 1973, v.9.
9. Kashiwara E. Lateral preference in mental ability. - Perc. Mot. Skills. 1981. v. 52.
10. Qodirov B.R., Ignatev N.A., Qodirov K.B. Kern–Yirasek uslubini mahalliy amaliyotga moslashtirish yo'lida. O'zbekiston tibbiyot jurnali. (На пути адаптации к местным условиям методики Керн–Йирасека). Медицинский журнал Узбекистана, N1. Ташкент. – 2001. 34–39 с.

FEMALE SEXUAL AGGRESSIVENESS

The problem of sexual girls' and women's aggressiveness is formulated in the presenting article; the facts of female sexual aggressiveness, types of the women inclined to sexual aggression, risk factors and the reasons of its occurrence are considered.

Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ АГРЕССИВНОСТЬ

В статье формулируется проблема сексуальной агрессивности девушек и женщин, рассматриваются факты женской сексуальной агрессивности, типы женщин, склонных к сексуальной агрессии, факторы риска и причины ее появления.

Несмотря на общеизвестный факт, касающийся совершения мужчинами большинства сексуальных агрессивных действий, в последние годы становится все более ясной недооценка в постсовременной культуре значения женщин как сексуальных агрессоров. Особенности и проявления женской сексуальной агрессивности сравнительно мало освещены в литературе. Публикации, описывающие отдельные случаи женской сексуальной агрессивности в прессе и других средствах массовой информации носят, как правило, сенсационный характер и объективно смещают фокус внимания читателей, отвлекая их от главных вопросов.

Традиционный имидж женщины как осуществляющей заботу, не склонной к проявлению насилия, создавал серьезное препятствие для распознавания у некоторых женщин опасного агрессивного потенциала [4, 6].

Только в последнее время начала накапливаться систематически появляющаяся информация о частоте и различных вариантах сексуально агрессивного поведения женщин [5, 7, 10, 32].

Большинство случаев женского сексуального насилия совершается в отношении детей и подростков, хотя зарегистрированы случаи, когда жертвами оказывались и взрослые [13, 17]. Сексуально повреждающие активности женщин имеют разнообразный характер, включающий специфичные поцелуи, ласки, сексуальное игровое поведение с разновариантными сценариями, оральный секс, пенетрацию пальцами или другими объектами и половое сношение.

Физические формы сексуальной активности часто проявляются женщинами лишь после предварительного периода повышенного внимания, опеки над будущей жертвой, когда ее контроль над своим поведением и возможность сопротивления значительно снижаются или вообще теряются.

При условии второстепенного значения психологического компонента сексуальное насилие с самого начала может носить физический характер. В таких случаях жертвы не оказывают сопротивления из страха быть серьезно поврежденными или из страха нарушить безопасность своих близких.

Grayston, de Luca (1999) выделяет активных или прямых перпетраторов (агрессоров) и косвенных или пассивных перпетраторов. Последние (1) наблюдают сексуальное насилие, но не вмешиваются, чтобы не препятствовать ему; (2) демонстрируют детям сексуальное поведение других или

порнографические материалы; (3) предоставляют своих детей мужчинам для совершения над ними сексуального насилия.

Косвенной причиной игнорирования случаев женской сексуальной агрессивности является влияние идеологов феминизма в его максималистском варианте. В результате к настоящему времени общество в целом, в том числе и профессиональные сексологи далеко не в неполной мере знакомы с особенностями женской сексуальной агрессивности, вариантами ее динамики и последствиями. Включение в данную монографию отдельного раздела о женской сексуальной агрессивности обусловлено вышеуказанными обстоятельствами.

Женская сексуальная агрессивность часто рассматривается в контексте общей агрессивности и особенностей женского криминалитета, касающихся совершенных правонарушений с применением физического и/или психологического насилия. Доказательством наличия такого подхода является, например, публикация книги Morris (2008) «Опасные женщины», в которой автор ссылается на статистические данные, согласно которым приблизительно в 30% случаев ювильной преступности агрессорами оказываются лица женского пола. Garbarino (2006) приводит данные правоохранительных органов США о об увеличении случаев женской подростковой агрессии в 1990 годы при одновременном уменьшении количества агрессивных нападений, совершаемых подростками мужского пола. Около одного миллиона женщин в США (одна женщина на 109 жителей) отбывают уголовное наказание в тюрьмах, находясь под домашним арестом, полицейским контролем. Согласно Katzenstein (2008), находящиеся под наблюдением полиции полтора миллиона американских женщин являются матерями несовершеннолетних детей. Автор обращает внимание на то, что еще десять лет тому назад большинство исследователей полагали, что женщины чрезвычайно редко совершают сексуальное насилие над детьми. Тем не менее, количество женщин, арестованных за сексуальные преступления в 2000 году, возросло к 2008 году в пять раз. В 2004 году Департамент Образования США опубликовал данные о жалобах 20% студентов на сексуальные приставания со стороны женщин - преподавателей и вспомогательного персонала.

Shoop (2003), наряду с другими исследователями, считает, что приблизительно 4 миллиона детей в США подверглось женскому сексуальному насилию.

По мнению Garbarino (2006), за последние два десятилетия обнаружена нарастающая с каждым годом четкая тенденция к снижению возраста лиц женского пола с «плохим поведением». Со слов автора, девушки стали более непослушными, они используют ругательства и одеваются как проститутки. Некоторые из них не только нецензурно бранятся, но и дерутся, и совершают убийства. Количество убийств, совершаемых девушками в США, превышает число убийств, совершаемых подростками мужского пола в некоторых других индустриальных странах. В целом в США лицами молодого возраста ежегодно совершается около 2000 убийств, что составляет 12% от общего количества убийств. При этом девушки совершают приблизительно 10% всех ювильных убийств. Автор отмечает процесс нивелирования разрыва между количеством случаев мужского и женского насилия. Если в 1980 годы соотношение числа криминальных актов, совершенных девочками и мальчиками было один к десяти, то в последнее время оно составляет один к четырем. 7% учениц и 18%

учеников были организаторами и участниками драк, произошедших на школьной территории.

По данным Бюро Судебной Статистики США (1997), количество совершенных женщинами сексуальных правонарушений возросло в период с 1985 по 1994 годы на 11%.

Согласно Allen (1991), в предшествующем десятилетии 3 миллиона детей в США подверглись сексуальному насилию со стороны женщин. Исследования Schwartz и Cellini (1995) показали, что количество жертв женского сексуального насилия составляет от 5 до 60%. McCarty (1985) обнаружила, что 52% сексуальных агрессоров - матерей подвергали насилию своих дочерей, а 35% - своих сыновей.

Результаты исследований Morris (2008) и ряда других авторов показывают, что в большинстве случаев акты сексуального насилия по отношению к детям совершают их матери.

Анализ женской сексуальной преступности затруднен в связи с тем, что большинство лиц убеждено, что молодые женщины не совершают сексуальных преступлений, что, по данным вышеперечисленных авторов, не соответствует действительности. Существование противоречащего установленным фактам общественного мнения, порождающего подобные ложные убеждения отрицательно влияет на возможность раскрытия агрессивных действий.

Большинство сексуальных агрессий, совершаемых девочками до семнадцатилетнего возраста, включает насилие над детьми различной тяжести, включая изнасилования. В репертуар женского сексуального насилия входят сексуально окрашенные поцелуи, поглаживания и сосание груди, имитация сексуального сношения, касание и проникновение во влагалище пальцами или различными предметами, *cunnilingus*, минет.

Наблюдаются и другие варианты сексуальной агрессии, в которые входят неприличные телефонные сообщения, вуайеризм, эксгибиционизм. Несовершеннолетние девушки оказываются вовлеченными в производство и распространение порнографии. Как правило, девушки проявляют акты сексуальной агрессии по отношению к малолетним членам собственной семьи или к знакомым детям, однако в ряде случаев жертвами становятся и незнакомые дети женского и мужского пола.

Преобладающий возраст жертв женской сексуальной агрессии – 12 лет и младше, средний возраст - 9 лет. Зарегистрированы пятилетние жертвы сексуального насилия [26].

Как указывалось выше, в настоящее время представляется возможным выделить несколько типов женской сексуальной агрессии. На основании изучения данных литературы и анализа собственных наблюдений Morris (2008) описывает следующие варианты представляющих опасность агрессивных женщин: женщины, осуществляющие сексуальное насилие над детьми; женщины-преподаватели, проявляющие сексуальную агрессию по отношению к ученикам (студентам); матери-убийцы; женщины, совершающие как сексуальное насилие, так и убийства; и женщины, убивающие своих сексуальных партнеров.

Nathan и Ward (2001) установили, что имеющие место сексуальные отношения между преподавательницами и учениками (чаще мужского пола) женщины квалифицировали как взаимную романтическую любовь, отрицая при этом свою агрессию и насильственное навязывание желаемых взаимодействий.

McCarthy (1986), рассматривая проблему материнско-детского инцеста, обнаружил, что инцестуальные матери в 52% случаев проявляли сексуальную агрессию по отношению к девочкам, а в 35% - к мальчикам. В некоторых случаях жертвами агрессии оказывались соседские дети, или дети, приходящие в гости поиграть с их детьми. Matthews et al. (1991) описывают пять типов женщин, адресующих свою сексуальную агрессию детям:

- (1) женщины, которые считают себя вовлеченными в романтические отношения с ребенком или подростком;
- (2) женщины, сами подвергшиеся в детстве сексуальному насилию со стороны кого-то из родителей или другого близкого члена семьи;
- (3) женщины с зависимым поведением, принуждаемые совершать сексуальное насилие мужчиной-сексуальным агрессором;
- (4) экспериментирующие подростки, выполняющие функцию воспитателей;
- (5) женщины с психическими расстройствами, часто на психотическом уровне нарушения.

Ogilvie (2004) в публикации об инцестных отношениях между матерью и дочерью описывает эмоционально нестабильных матерей, нарушающих личностные, телесные и интимные границы детей, что приводит к серьезным последствиям в их дальнейшем психическом развитии.

В последнее время все чаще привлекают к себе внимание факты сексуальных отношений между женщинами преподавателями и студентами, очевидно, в связи с учащением таких случаев и/или их лучшим распознаванием. Проблема должна рассматриваться в контексте влияния и авторитета, которым пользуются учителя у учащихся, их возможностью манипулировать обучающимися с целью удовлетворения потребности в признании, контроле и власти. Некоторые учителя, в том числе женщины, используя свое служебное положение, соблазняют учеников. Исследование случаев сексуального насилия в американских школах, проведенное Associated Press, показало, что в период с 2001 по 2005 годы нарушения сексуального поведения зарегистрированы у 2500 преподавателей. По данным Департамента образования США [30], в 20% случаев неадекватное вербальное и физическое сексуальное поведение в отношении студентов проявляли учителя женщины.

Существуют разные интерпретации *факторов риска и причин* сексуальной агрессивности девушек и женщин. Так, например, в общей форме придается значение *генетическому фактору*, исходя из предположения, что некоторые женщины несут в себе генетическую, передающуюся по наследству из поколения в поколение, предрасположенность к сексуально агрессивному поведению. Предрасположенность к различным видам агрессии, в том числе сексуальной, связана с темпераментом, определенными *личностными особенностями*. В то же время подчеркивается, что сами по себе генетические факторы не оказывают существенного влияния на формирование социально опасного поведения женщин.

В качестве фактора, которому придается особое значение, выступает так называемое *примитивное воспитание*. Речь идет, прежде всего, о воспитании детей в молодых семьях, в которых неопытные родители не обладают достаточными знаниями и навыками, необходимыми для воспитания психологически здоровых детей в силу неспособности адекватно и своевременно информировать их о вопросах, связанных с сексом.

Именно поэтому в большинстве цивилизованных стран давно обсуждается идея о целесообразности сексуального просвещения и воспитания будущих родителей в рамках специальных образовательных программ. До настоящего времени необходимость разработки и внедрения таких проектов воспринимается неоднозначно, вызывая возражения, связанные с различными социо-культуральными и религиозными подходами.

Как подчеркивает Morris (2008), к сожалению, в большинстве случаев современные подростки объективно практически лишены возможности получения от своих родителей необходимой информации на волнующие их темы, например, о связи проявлений сексуальности и беременности. Образующийся вакуум неизбежно заполняется информацией, получаемой от сверстников и средств массовой информации, которая часто носит не вполне экологичный с психологической точки зрения характер.

В вопросах отношения общества к сексуальному воспитанию нельзя сбрасывать со счетов влияние взглядов, индоктринируемых различными религиозными сектами. Эти взгляды обычно характеризуются непримиримостью и максимализмом, оправдываемыми ссылками на приверженность субъективно интерпретируемым «древним традициям».

Примером такого влияния служат ссылки Morris (2008) на тексты радиовыступлений и книгу Ingraham (2007) «Сила людям» (Power To The People), в которой автор описывает «эгоцентричных» родителей, воздерживающихся от многодетности по причине экономических трудностей. Ingraham критикует эту позицию, ссылаясь на проповеди William Jeff. William Jeff – пророк фундаменталистской секты «Святых Последних Дней» предстал перед судом в штате Юта в сентябре 2007 года по обвинению в соучастии в изнасиловании 19-летней девушки с целью заставить ее выйти замуж за ее 19-летнего двоюродного брата и незамедлительного деторождения. Согласно достоверным сведениям, William Jeff имел сотни детей от 70 жен, в том числе вдов его умершего отца.

В то же время в *постсовременной культуре* нарастает поток информации, поощряющий сексуальную неводержанность, женский и мужской промискуитет. Ingraham называет эту культуру «порнифицированной» (Pornified Culture). Levy (2005) использует другой термин – «Raunch Culture» (похотливая культура).

Наглядным примером рекламируемого и насаждаемого средствами массовой информации изменения к сексуальным подходам и паттернам поведения женщин в постсовременном обществе является сериал «Секс в большом городе» (Sex and the City). Премьера фильма состоялась в 1998 году. Фильм и книга того же названия показывают (описывают) женщин старше 30-ти лет, вступающих в многочисленные сексуальные связи и очень много говорящих на эти темы. Их разговоры о сексе не ограничены никакими традиционными условностями, здесь все позволено и выглядит естественно, как само собой разумеющееся. Героини фильма одиноки, их сексуальность и психологические портреты очень архетипны. В архетипности психологических имиджей и сексуальных образов заключается сила их восприятия женщинами с разными личностными характеристиками. Так, для женщин с промискуитетными наклонностями архетипным образом может быть Samantha Jones (Kim Cattrall). Для чрезмерно оптимистичных и доверчивых женщин (Pollyanna) архетипная фиксация возможна на Charlotte York (Kristin Davis). Цинично-осуждающие архетипные черты представлены в образе Miranda

Hobbes (Cynthia Nixon). Сама Sarah Jessica Parker, играющая роль Carrie Bradshaw, олицетворяет образ, на который легко проецируются самые разные архетипы.

Происходящая в настоящее время сексуализация девочек начинается с детского возраста и стимулируется популярными, любимыми детьми и хорошо раскупаемыми игрушками. Одним из ярких примеров сделанного нами вывода является чрезвычайно популярная кукла Барби. Внимание ребенка фиксируется на размерах бюста и других сексуализированных частях ее тела. Второй пример - кукла Братц, популярность которой превосходит интерес детей к Барби. Производители серии кукол Братц широко используют косметику и сексуально провокационную одежду с аксессуарами, с помощью которых девочка может создать образ проститутки. Raunch культура не имеет никаких ограничений. Даже девочки с явно избыточным весом сексуализируют избыток массы тела с помощью специально подобранной одежды и многочисленных татуировок. Raunch культура направлена на формирование имиджей сексуальной привлекательности. По мнению Levy, целью ее представителей является привлечение сексуального внимания без вступления в сексуальную связь.

Образцы и продукты постсовременной культуры насыщены разнообразными посланиями сексуального характера, в том числе активизирующими женскую сексуальную агрессивность. Примером служит фильм режиссера Тома Кэлина «Жестокое милосердие» (2007).

Героиню фильма, которую играет Джулианна Мур, бросает муж, уходя к девушке их сына. После измены мужа мать вступает в сексуальные связи с несколькими мужчинами, вызывая дополнительные страдания и ревность сына.

Сохраняя и усиливая свою доминирующую позицию, она изощренно соблазняет своего сына, агрессивно навязывая ему сексуальную связь и полностью подчиняя своим желаниям. Во время совершаемого сексуального акта мать полностью доминирует над сыном и комментирует его действия, употребляя воспринимающиеся как матерински ласковые, но в контексте инцестуозного секса высказывания садистического характера. В результате сын теряет все привязанности. Происходит крах системы его смыслов и ценностей. Фильм заканчивается трагически. Накопленные в бессознании ярость и агрессия приводят к импульсивному убийству матери, а в последующем и бабушки по материнской линии, к которой сын был направлен после признания его невменяемым.

В настоящее время женская агрессивность, в том числе и сексуальная становится все более частым предметом специального исследования. Анализируются причины, по которым женщины постсовременного общества проявляют различные формы агрессии и эффективные меры по предупреждению этого явления.

Как указывалось выше, дискутируется вопрос о значении генетического фактора. Несмотря на то, что до сих пор не идентифицированы гены, непосредственно связанные с фактором общей склонности к совершению агрессии, изучается потенциальная возможность генетического влияния на формирование некоторых индивидуально-психологических особенностей, например, предрасположенности к Нарушению Поведения и к развитию антисоциального личностного расстройства. Тем не менее, одного воздействия генетических факторов явно недостаточно для возможного объяснения женской агрессивности.

Morris (2008) анализирует историографию этого вопроса, начиная с 1960 года. Специалисты по детскому развитию высказывали озабоченность тем, что большое число родителей обнаруживали потрясающее отсутствие необходимых для воспитания психологически здоровых и интеллектуально развитых детей знаний. Одновременно результаты исследований показали, что неинформированные и лишенные необходимых навыков воспитания родители, в том числе матери, проявляли выраженную тенденцию к пренебрежению своими детьми и к насилию над ними.

В США в 1960 годы была разработана специальная общественная программа по воспитанию психологически здоровых и информированных в вопросах секса родителей (Education for Parenthood) с целью профилактики насилия над детьми. Однако идея о необходимости обучения здоровой сексуальности и навыкам адекватного родительства взрослых и предупреждения проблемного сексуального поведения у несовершеннолетних подростков встретила серьезное социальное, политическое и религиозное сопротивление. В результате в настоящее время большинство тинэйджеров получают интересующую их информацию от сверстников, из СМИ или от необразованных родителей.

Таким образом, анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод о целесообразности проведения дальнейших исследований проблемы в рамках *холистической биопсихосоциокультуральной парадигмы*.

Представленные в литературе результаты исследования инцеста и насилия над детьми со стороны родителей крайне недостаточно освещают не только роль агрессоров женщин, но и позицию, которую при инцестных отношениях занимают непосредственно не участвующие в них родители. Обычно принято считать, что в случае сексуального насилия над ребенком со стороны отца или отчима мать или сама является жертвой, или не ведает о происходящем. Реальная ситуация такова, что в дисфункциональной семье складываются такие варианты отношений, в которых мать по существу вместо того, чтобы защитить ребенка, практически создает статус благоприятствования для совершения над ним сексуального насилия, которое часто приобретает длительный тянущийся годами характер.

Audrey Ricker (2006) на материале собственных наблюдений сотен лиц, перенесших инцест, сексуальное насилие и изнасилование в детском возрасте, выделяет специальную группу случаев фактического стимулирования матерями сексуальных действий мужей или сожителей в отношении их детей. Автор полагает, что такие факты чаще всего встречаются в семьях с «матриархальным статусом». Под последним понимается семья, в которой мать занимает позицию, напоминающую положение королевы. Вся семейная жизнь и все члены семьи вращаются вокруг доминантой и авторитарной матери, решающей вопросы быта, организации жизни семьи, семейных ролей и функций, ответственностей и обязанностей, финансов и др. Семейный статус всех членов семьи определяется ее решениями и никем не оспаривается.

Жертвы инцеста и других форм сексуального насилия в такой семье могут быть отвергнуты, дистанцированы от остальных членов семьи и подвергнуты полной психологической изоляции. Если они решаются пожаловаться на сексуальные домогательства отца или отчима, им не верят.

Матриархальная мать не только руководит, но и активно вовлекается во все виды активности. Все семейные праздники проходят согласно заранее расписанному ею сценарию, любое отклонение от которого абсолютно

исключено и совершенно непозволительно. Мало кто из членов семьи может решиться на это, с учетом возможных катастрофических последствий. Действия матриархальной матери не подвергаются критике и всегда одобряются. Тактика и стратегия членов семьи направлена на то, чтобы понравиться матери, завоевать ее доверие и добиться покровительства. В случае полной семьи муж матриархальной матери занимает подчиненное положение, не принимает серьезных решений и полностью подчиняется ей. Никто из членов семьи не рассчитывает на его поддержку в динамике межличностных отношений, так как решающее слово всегда остается за матерью.

На структуру матриархальной семьи не влияют страдания и переживания детей, над которыми осуществляется сексуальное насилие. Речь идет не только о тех сравнительно редких случаях, когда агрессором является сама мать, но и о тех, когда насилие совершается отцом. Самым главным для такой семьи является сохранность матриархального статуса, любые попытки «раскачать» существующую систему встречают ожесточенное сопротивление.

Согласно наблюдениям Ricker (2006), если один из сиблингов в матриархальной семье подвергся сексуальному насилию со стороны отца, другие сиблинги – свидетели насилия не решались поддержать жалобы жертвы матери из-за страха возможных последствий. Автор описывает случай госпитализации жертвы инцеста по поводу возникшего у нее посттравматического стрессового расстройства. Несмотря на это матриархальная мать не только не поддержала ее, но еще и обвинила в том, что она все придумала. Девочку воспитали по типу «личности, осуществляющей заботу», с полным подчинением доминирующей матери, что привело к снижению у нее волевых качеств и самооценки.

С нашей точки зрения, особенности поведения матриархальной матери, очевидно, отражают задействование психодинамических механизмов, выходящих за пределы индивидуальной психики. По-видимому, имеет место феномен овладения психики влияниями материалов, исходящих из коллективного бессознательного. Матриархальная мать своей самооценкой, отношением к детям и другим членам семьи демонстрирует в той или иной мере проявления архетипа Великой Матери, называемого в психоанализе также комплексом Афины.

Влияние архетипа Великой Матери может быть различным по силе. В мягком варианте оно проявляется в социально приемлемой форме и не вызывает большой настороженности со стороны окружающих. Материнское доминирование объясняется в таких случаях «твердостью характера», «железной волей», «сильным организующим началом». В то же время нарастание силы воздействия архетипа сопровождается поведением, провоцирующим появление настороженности, критики и, наконец, выводов о его неприемлемости и подозрения о наличии психотического состояния.

В некоторых сравнительно легких случаях архетипного влияния матриархальная мать проявляет мягкие формы доминирования и на этом фоне видит все происходящее в розовом свете. Сексуальное насилие над ребенком (детьми) ею действительно не замечается. Даже в таких случаях дети боятся пожаловаться из страха поколебать таким образом ее царственную позицию и нарушить атмосферу фасадного благополучия «образцовой семьи».

С целью объективизации наличия матриархального статуса матери в семье Ricker (2006) предлагает ответить на вопросы следующего содержания:

- (1) Ведет ли себя Ваша мать в семье как диктатор?

(2) Чувствуют ли члены Вашей семьи, что они должны советоваться с матерью по поводу каждого решения?

(3) Должна ли Ваша мать знать обо всем, что происходит в семье?

(4) Влияла ли Ваша мать на выбор имени детей в Вашей семье?

(5) Бойтесь ли Вы, что Ваша мать будет разочарована в Вас?

(6) Возникало ли у Вас чувство, что Ваша семья является корпорацией, а Ваша мать ее президентом?

(7) Думаете ли Вы, что другим членам Вашей семьи не всегда нравится Ваша мать, но они боятся сказать об этом?

(8) Чувствуете ли Вы, что в экстремальных ситуациях члены семьи рассчитывают на мать?

(9) Чувствуете ли Вы, что члены семьи должны делать то, чего хочет мать, чтобы в случае необходимости рассчитывать на ее помощь?

(10) Чувствуете ли Вы, что благополучие отдельного члена Вашей семьи менее важно для матери, чем благополучие семьи в целом?

Шесть и более положительных утверждений позволяют сделать заключение о матриархальном статусе семьи.

Ricker исходит из положения о том, что для матриархальных матерей отребность контролировать эмоциональные состояния членов семьи, но эта потребность особенно сильно выражена по отношению к жертвам инцестных отношений. Жертвы инцеста лишаются возможности выражать свои истинные чувства по отношению к происходящему. Вопрос о том, какие чувства они должны переживать, решает только мать, особенно если речь идет о чувствах к ней.

Страх вызвать в свой адрес отрицательное отношение матриархальной матери настолько велик, что он подавляет чувства, связанные с инцестной травматизацией. В результате хроническая психическая травматизация постоянно вытесняется в бессознание, что приводит к нарастанию психического напряжения и способствует развитию второй формы посттравматического расстройства (ПТСР).

Эта форма ПТСР очень часто не диагностируется и в дальнейшем ее симптомы объясняются «плохим характером» ребенка, возрастным кризисом, генетическими особенностями, патологией воспитания. Наличие второй формы ПТСР создает благоприятные условия для развития других психических отклонений, в том числе и развития во взрослом возрасте при встрече с серьезной психической травмой ПТСР, диагностируемого впервые (первая форма ПТСР).

Матриархальный статус семьи предрасполагает к формированию у детей комплекса неполноценности. В случае возникновения инцеста исходно низкая самооценка жертвы становится дополнительным деструктивным фактором, который усиливает чувство обреченности и стыда с тенденцией считать себя виновной/ виновным в происходящем. У жертв постепенно формируется убежденность в том, что они сами провоцируют инцест имеющимися у них отрицательными качествами: слабой волей, испорченностью, похотливостью. Чувство неполноценности постоянно подкрепляется поведением матриархальной доминирующей матери, которая обвиняет ребенка в лени, некомпетентности, безответственности. Любой промах, неудача, ошибка расцениваются не объективно с присущей им конкретной спецификой и конкретными причинами, а субъективно - как неизбежные события, обусловленные отрицательными личностными качествами ребенка. Что бы

ребенок ни делал и как бы себя не вел/вела, он/она не получает положительной оценки, похвалы и поддержки.

Коварство ситуации заключается в том, что замечания, осуждения и наказания ребенка формально осуществляются ради «ее/его же блага» со ссылкой на самые благородные цели. Интернализированное в психике чувство стыда приводит к чувству неуверенности, невозможности защитить свои личностные границы.

Стимулируется развитие максималистских дуалистических подходов, с полярным «черно-белым» выделением в возможных жизненных стратегиях ролей жертв и агрессоров. С последним, очевидно, связан тот факт, что жертвы инцестных отношений в детстве в дальнейшем сами становятся агрессорами, совершающими сексуальное насилие уже над собственными детьми. По такой модели обычно складывается психо-исторический сценарий семейной судьбы, транслируемый из поколения в поколение.

Возможность и устойчивость инцестных отношений в матриархальных семьях во многом опираются на свойственную доминантным матерям убежденность в том, что она является безукоризненно хорошей родительницей, образцовой моделью матери, достойной подражания.

Матриархальная мать чрезвычайно озабочена сохранением имиджа женщины, заслуживающей всеобщего уважения и в используемых тактиках и стратегиях старается исключать любые события, которые могли бы разрушить этот имидж.

Большое значение имеет способность матриархальной матери в трудных и тем более экстремальных ситуациях дистанцироваться от других членов семьи. Ricker (2006) в этом контексте фиксирует внимание на наблюдавшихся ею фактах, когда, несмотря на разыгрывающуюся в семье инцестную драму, матери проявляли потрясающую способность в реализации своих жизненных планов, карьерных устремлений, возможности получать удовольствие от жизни, поддерживать отношения с прежними знакомыми, принимать активное участие в различных событиях, праздниках, устанавливать новые контакты.

Многие матери детей, являющихся жертвами инцеста, проявляют в этом отношении контрастное поведение. С одной стороны, они занимаются собой, затрачивают энергию и время на достижение успеха в различных сферах своей деятельности, а, с другой, - совершенно игнорируют потребности и чувства своих детей. Этот факт особенно поражает, когда ребенок становится жертвой сексуального насилия.

Способность матриархальных матерей в значимых для них ситуациях и особенно в случаях угрозы их имиджу и статусу отстраняться, дистанцироваться от своих детей, «выбрасывать их из своей жизни» не может на эмпатическом уровне не восприниматься жертвами инцеста, у которых неизбежно возникают ощущение ненужности, беспомощности, безнадежности, снижается качество жизни, актуализируется предрасположенность к патологии развития.

Исследователи сексуальных девиаций предлагают дифференцировать женщин, совершающих «сексуально повреждающие» действия и насилие на две группы: (1) женщины, которые по собственной инициативе осуществляют сексуальное насилие по отношению к одной или нескольким выбранным жертвам, и (2) женщины «сопровождающего» типа, активно или пассивно участвующие в насильственных действиях других лиц [20]. Nathan, Ward (2001) идентифицируют категорию «предрасположенных к сексуально

повреждающим действиям насильниц», у которых сексуальное насилие детей и подростков возникает на фоне общей озлобленности, чувства эмоциональной покинутости, одиночества, бессилия, склонности к импульсивному поведению.

Регистрируемые Nathan, Ward признаки, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что они, по-видимому, входят в структуру пограничного личностного расстройства (DSM-IV-TR, 2000).

Подробное описание клиники и динамики пограничного личностного расстройства приводилось нами в предыдущих монографиях [1]. В свете современной концепции женской сексуальной агрессивности очевидна целесообразность выделения *новой категории пограничного личностного расстройства с сексуальной агрессивностью*. В наблюдаемых нами случаях сексуальная агрессивность женщин с пограничным личностным расстройством носила как периодический, так и постоянный характер. Объектами сексуального влечения были несовершеннолетние дети и подростки обоих полов. Мы объясняем этот факт изменчивостью гендерных ролей, свойственных лицам с пограничным личностным расстройством.

Nathan и Ward (2002) описывают также женщин, осуществляющих сексуальное насилие над своими детьми в угоду требованиям мужчин. Насильницы обнаруживают выраженную зависимость от своих мужей или любовников, испытывают страх насилия над собой или страх покидания. В то же время Saradjian и Hanks (1996) сообщали, что небольшое количество инициируемых мужчинами женщин насильниц воспринимают свою сексуальную агрессию как средство, облегчающее переживание чувства беспомощности, постоянно присутствующее в зрелых межличностных отношениях.

Значение первичной сексуальной гратификации в качестве основной мотивации женского сексуального насилия подчеркивается Atkinson (2000). Сексуальная агрессия у таких женщин обусловлена не компульсивностью, а их сознательным выбором. Тем не менее, и в таких случаях возможными побудителями действий часто являются чувства гнева, униженности, отверженности, отчуждения, мести.

Согласно наблюдениям Saradjian (1996), прекращение актов сексуального насилия над детьми сопровождается у совершающих его женщин развитием самоповреждающего поведения на фоне выраженных симптомов тревоги и депрессии. На основании результатов исследования подобных случаев Eldridge и Saradjian (2000) приходят к заключению, что реализация сексуального насилия может быть связана с патологической попыткой преодолеть таким образом чувство страха, тревоги и одиночества.

Современными исследователями высказываются разные точки зрения о мотивах женского сексуального насилия. Некоторые авторы [9,34] акцентируют внимание на том, что женщины, как правило, совершают сексуальное насилие над детьми под давлением мужчин и обычно являются «соагрессорами».

В то же время Johansson-Love, Fremouw (2006) сообщают, что из 13 наблюдаемых ими случаев женского сексуального насилия только три совершены под влиянием мужчин.

Gallagher (2000) описывает женщину, играющую ключевую роль в организации сексуального насилия над детьми с вовлечением других женщин, участвующих в насилии и предоставляющих для этого собственные дома.

Struckman-Johnson, C., Struckman-Johnson, D. (1994) описывают случаи, когда женщины принуждали мужчин к сексуальной агрессии. На недооценку роли женщин как инициаторов сексуальной агрессии указывает Ford, Cortoni (2008), Logan (2008). Авторы подчеркивают целесообразность специального исследования сексуальных фантазий женщин, содержания создаваемых в их воображении сценариев, особенностей отклонений в вариантах реализации их сексуального возбуждения.

Ford, Cortoni (2008) и др. полагают, что женское сексуальное насилие является не самостоятельным психосоциальным феноменом, а явлением, неразрывно связанным с процессом развития самооценки, способами преодоления фрустрации, характером переживаний и уровнем развития эмпатии. Особое значение имеет наличие перенесенного в детстве сексуального или других форм насилия. Как известно, перенесенное в детстве сексуальное насилие имеет длительные последствия, одним из которых является контагиозность, в процессе которой жертва становится сексуальным агрессором в следующем поколении [33].

Библиографический список

1. Короленко, Ц.П. Личностные расстройства/ Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – СПб.: Питер, 2010. – 400с.
2. Allen, C. Women and Men Who Sexually Abuse Children. Orwell, VT. Safer Society Press, 1991
3. Atkinson, J. Case Studies of Female Sex Offenders in the Correctional Service Canada. Ottawa . Correctional Services Canada, 2001
4. Christiansen, A., Thyer, B. Female Sexual Offenders: A Review of Empirical Research .Journal of Human Behavior in the Social Environment, 6, 2001. – P. 1–16.
5. Cortoni, A., Hanson, R. A Review of the Recidivism Rates of Adult Female Sexual Offenders (Research Report R–169). Ottawa. Correctional Service. Canada, 2005.
6. Craissati, J. Managing High Risk Sex Offenders in the Community: A Psychological Approach. Hove, UK. Brunner–Routledge, 2004.
7. Denov, M. The Myth of Innocence: Sexual Scripts and the Recognition of Child Sexual Abuse by Female Perpetrators. Journal of Sex Research, 49, 2003 – P. 303–314.
8. Eldridge, H., Saradjian, J. Replacing the Function of Abusive Behavior for the Offender: Remarking Relapse Prevention in Working With Women Who Sexually Abuse Children. In D.Laws, S. Hudson, T. Ward (Eds.) Remarking Relapse Prevention With Sex Offenders. A Sourcebook. Thousands Oaks. Sage, 2000 – P.427–452.
9. Forbes, J. Female Sexual Abusers. Practice 6(2), 1993 – P.102–111.
10. Ford, H., Cortoni, F. Sexual Deviance in Females: Assessment and Treatment. In D.Lewis, W. Donahue (Eds.) Sexual Deviance. Theory, Assessment, and Treatment.. New York. Guilford, 1998 – P. 508–526.
11. Ford, H. Women Who Sexually Abused Children. Chichester, UK. Wiley, 2006.
12. Garbarino, J. See Jane Hit: Why Girls Are Growing More Violent and What We Can Do About It. New York. Penguin, 2006.
13. Grayston, A., de Luca, Female Perpetrators of Child Sexual Abuse. A Review of the Clinical and Empirical Literature. Aggression and Violent Behavior, 4, 1999. – P. 93–106.
14. Ingraham, L. Power to the People. Washington, DC. Regnery Publishing, 2007.
15. Johansson, Love, J., Fremouw, W. A Critique of the Female Sexual Perpetrator Research. Aggression and Violent Behavior, 11(1), 1996. – P.12–26.
16. Katzenstein, R. Foreword. In L. Morris Dangerous Women. New York. Prometheus Book, 2008.
17. Krahe, B., Waizenhofer, E., Moller, I. Women's Sexual Aggression Against Men : Prevalence and Predictors. Sex Roles, 49, 2003. – P.219–232.

18. Levy, A. Female Chauvinist Pigs: Women and the Rise of Raunch Culture. New York .Free Press, 2005.
19. Logan, C. Sexual Deviance in Females: Psychology and Theory. In D.Laws, W.Donahue (Eds.) Sexual Deviance. New York. Guilford, 2008. – P.488–507.
20. Mathews, J., Mathews, R., Speltz, K. Female Sexual Offenders: A Typology. In Family Sexual Abuse, Ed. M. Patton. New bury Park, CA. Sage Publication, 1991.
21. McCarthy, L. Mother–Child Incest: Characteristics of the Offender. Child Welfare 65, 1986. – P.447–458.
22. McCullagh, D. Create An Annoyance, Go To Jail ([http:// news. Com.com/ Create an annoyance, go toJail/ 2010–1028 3–6022491. html](http://news.Com.com/Create an annoyance, go to jail/2010-10283-6022491.html)). CNET nes. January 9, 2006.
23. Morris, L. Dangerous Women.. New York. Prometheus Books, 2008.
24. Ogilvie, B. Mother–Daughter Incest: A Guide for Helping Professionals. Binghamton. NY. Haworth Press, 2004.
25. Ricker, A. (2006) The Ultimate Betrayal (2005) Tuckson. Arizona. See Sharp Press, 2006.
26. Ryan, G., Lane, S. (Eds.) Juvenile Sexual Offending: Causes, Consequences, and Correction. San Francisco. Jossey–Bass, 1997.
27. Saradjian, J., Hanks, H. Women Who Sezually Abuse Children: From Research to Clinical Practice. Chichester, UK. Wiley, 1996.
28. Schwartz, B., Cellini, H. The Sex Offenders Corrections: Treatment and Legal Practice. Kingston, NJ. Civic Research Institute, 5–22, 1995.
29. Shephard, J. 3500 Pupils Suspended For Sexual Bullying. Documentary Unveils Widespread Playground Abuse. Guardian. Couk, 2009.
30. Shoop, R. Sexual Exploitation in Schools. How To Spit It and Stop It. Thousand Oaks, CA. Corvin Press, 2003.
31. Struckman–Johnson, C., Struckman–Johnson, D. Men Pressured and Forced into Sexual Experience. Archives of Sexual Behavior, 23(1), 1994. – P.12–26.
32. Vandiver, D. Female Sex Offenders. InE. McAnulty, M. Burnette (Eds.). Sex and Sexuality, vol. 3. Westport, CT. Greenwood Press, 2005.
33. Warren,J., Hislop, J. Female Sex Offenders. In R. Hazelwood, A. Burgess (Eds.) Practical Aspect of Rape Investigation: A Multidisciplinary Approach. Boca Raton, FL. CRC Press, 2001.
34. Wolfers, D. (1992) Same Abuse, Different Parent. Social Work Today, March 12, 1992. – P. 13–14.

УДК 004.8+37.0

L.P. Kuksa

Novosibirsk state architecturally-building university, Novosibirsk

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN EDUCATIONAL PROBLEM

The present article is devoted to a problem of judgment of «artificial intelligence» which is a consequence of fragmentary, professional thinking and its influence on educational process.

Л.П. Кукса

*Новосибирский государственный архитектурно-строительный университе,
г. Новосибирск*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена проблеме осмысления «искусственного интеллекта» как следствия фрагментарного, узкопрофессионального мышления и его влияния на процесс образования.

Одна из главных проблем современного образования должна быть связана с осмыслением включения в его структуру так называемого искусственного интеллекта* (далее: ИИ).

Определяемый как раздел информатики, посвященной интеллектуальной деятельности человека, ИИ оформился в самостоятельную научную область в середине XX в.

С точки зрения оптимистов по поводу возможностей и результатов ИИ – они безграничны в части формализации и алгоритмизации многих сфер человеческой деятельности, включая и те, которые трудно поддаются формализации.

Речь идет о медицине, биологии, зоологии, социологии, культурологии, политологии, экономике, бизнесе, криминалистике и т.д.

Создаются программы, творящие чудеса. Компьютеры успешно борются за звание чемпиона мира по шахматам, моделируют творческую деятельность человека, создавая музыкальные и поэтические произведения, распознают образы и сцены, распознают, понимают и обрабатывают речь, тесты на естественном человеческом языке и т.д. [1].

Еще больше возможностей смогут предложить человеку, как считается, суперкомпьютеры, несмотря на всю сложность работы с ними, смену всех алгоритмов. Они демонстрируют высочайшую производительность, могут обрабатывать колоссальный объем «нано», хотя работать с ними могут только отдельные специалисты, которые считают, что все будущее инновационное производство будет связано именно с ними.

Тем не менее, пессимисты не разделяют пафоса по поводу самого определения «искусственный интеллект», ибо интеллект, как они считают, здесь ни при чем. Это сложнейшая форма человеческой деятельности, которая еще до конца не исследована, а потому возникают в высшей степени интересные вопросы организации, проектирования человеческой деятельности с использованием средств автоматизации. Эти последние не могут называться мыслящими в силу ряда парадоксов психологии – детерминированием интеллекта целью как образом будущего, избыточным числом степеней свободы образа по отношению к оригиналу, устремлением интеллектуальной деятельности к абсолютной свободе, её не только предметностью, но и социальностью и, вместе с тем, связанностью этой последней с природой.

Следовательно, по мнению В.П. Зинченко, «успех в области моделирования психических процессов, в том числе и мышления, всегда будет идти вслед за раскрытием подлинных способностей человека, в том числе и их развитием» [2].

Здесь, собственно, и обнаруживается проблема. Суть её состоит в том, что так называемый ИИ становится препятствием для раскрытия подлинных способностей людей. Аспекты этой проблемы многообразны, но её пониманию способствуют философский и социологический подходы. С точки зрения философского подхода, как подчеркивает К.А. Павлов, ИИ – это форма понимания, характеризующая научно – познавательное мышление как таковое. Она уже давно, со времен Декарта, объективно существовала в качестве научного способа человека смотреть на самого себя, на свой мир [3].

Суть состоит в том, что человек стал смотреть на себя в отрыве от всего окружающего мира, частью которого он является. ИИ – это тот проект, который нагляднее всего демонстрирует ограниченность формально-логического мышления, в какие бы высокие формулы и модели оно не рядилось. Не «мыслящие машины» являют собой искусственный интеллект, а тот

* В 1969 г. в Вашингтоне состоялась первая международная объединенная конференция по искусственному интеллекту. Она и узаконила эту метафору.

узкоспециализированный, доведенный до «гениальности» ум, который имеет большие заслуги в развитии цивилизации. Все технические совершенствования, все достижения в области облегчения и улучшения жизни человека, как оказалось, до определенных пределов, есть результат этой части человеческого ума. Но самым большим минусом его является то, что, по мере своего развития, он начинает считать себя вершиной развития вообще, и огромные величины окружающего мира измерять малым масштабом, отрицая все, что не может ни понять, ни объяснить. Отсюда и карикатура на образ самого человека всеми практиками и идеями того, что сегодня принято считать «ИИ». Создатели этого последнего, возможно, обладают блестящим интеллектом, но не обладают синтезом, который только и позволит проникнуть в истинную сущность вещей, и без чего не могут быть решены все проблемы современного человека – начиная от экологических, социальных до кризиса самого человека.

Этот кризис проявился в связи с массовым использованием сетью Интернет, и особенно в системе образования. В рамках этой системы идет процесс уже не просто погружения людей в субъективный мир, но в мир субъективизма информационной сферы – того бесконечного многообразия разрозненных, нагромождающихся сведений, в которых самому создателю ИИ теперь уже не разобраться. Более того, не берется во внимание прямо противоположный желанию результат, который состоит в том, что человек как массовый пользователь вместо развития в себе высших возможностей, связанных с переходом интеллекта в стадию разумности, предполагающей синтез распавшихся в его сознании частей мира, принимает «логику» машинного мышления. И это массовое явление, которое неразвитое сознание людей, особенно молодежи, «превращает в сознание интеллектуальных тунеядцев, полностью доверяющих машинам и стремящихся не делать никаких интеллектуальных усилий» [4].

И, вместе с тем, обнаружился факт того, что специализация в рамках так называемого высшего образования есть всего лишь формализация образования вообще, вследствие чего оно уже далеко не соответствует понятию высшего, требующего иного в развитии ума человеческого – устремления к адекватному отражению в сознании своем природно-социального мира и себя в этом мире, способного хаосу как следствию ИИ противопоставить гармонию.

Библиографический список

1. Ясницкий, Л.Н. Введение в искусственный интеллект: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений– 2–е изд., испр. / Л.Н. Ясницкий. - М.: «Академия», 2008. – С.3–4.
2. Будущее искусственного интеллекта. - М.: Наука, 1991. – С.186–187; С. 189–191.
3. Павлов, К.А. Существует ли искусственный интеллект? / К.А. Павлов // Вопросы философии.– 2005.– №4. – С.76–77.
4. Будущее искусственного интеллекта - М.: Наука, 1991. – С.156.

УДК 159.923

N.A. Loginova

St.-Petersburg state university, St-Petersburg

PHENOMENOLOGY, FACTORS AND MECHANISMS OF PERSONAL MATURITY

In the article the problem of personal maturity is discussed through basic researches and modern views; also criteria, factors and achievement mechanisms are considered.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

В статье обсуждается проблема личностной зрелости в контексте истории ее исследования и современных представлений, рассматриваются критерии, факторы и механизмы ее достижения.

Понятие «зрелость» подразумевает максимально возможную развитость данной органической системы, к каковому относится и человек, и, соответственно, максимальные значения ее продуктивности. В психологии оно соотносится с возрастным периодом взрослости. Зрелость человека многозначна и относительна к сложной гетерогенной структуре человека. Если речь идет об индивиде как психофизической системе, то имеют в виду половозрелость, соматическую и психофизиологическую зрелость мозговых структур и функций. Общим *критерием* зрелости индивида является органическая жизнеспособность и работоспособность на уровне возрастных средних показателей. Иначе говоря, зрелость индивида выражается в его высокой адаптивности к условиям природной и искусственной среды, а именно к ее физико-химическим характеристикам. Какие же показатели указывают на зрелость индивида? Это для половозрелости – способность к деторождению, для соматической – росто-весовые и физиологические показатели, соответствующие статистической видовой норме.

Труднее с психофизиологическими критериями и показателями зрелости. В качестве показателей используются данные о дифференцированности соответствующих мозговых структур, уровне сенсорной чувствительности, величине времени реакции, объеме работы психофизиологической функции в единицу времени. Причем оценка показателей идет по сравнению со средними возрастными нормами, полученными эмпирически. Возможность и необходимость иметь такие психофизиологические нормативы доказана в прикладных и фундаментальных исследованиях, о чем свидетельствуют справочники и руководства по инженерной психологии, эргономике, педагогике, педиатрии и другим отраслям, так сказать, антропологической практики. Эти нормативы нуждаются в дополнении и обновлении в связи с историзмом индивидуального развития человека, т.е. сменой поколений, которые вырастают и социализируются в иных социально-исторических обстоятельствах, событиях и ситуациях. Психофизиологическая и психологическая зрелость индивида – лишь условие личностной зрелости. Природа последней имеет иной характер.

В обыденной жизни мы оцениваем личность как зрелую или незрелую, инфантильную, опираясь на интуитивное представление о личностной зрелости. В научной психологии встает вопрос о четких критериях и показателях зрелости человека как личности (в отличие от природного индивида). Здесь надо развести понятие зрелости личности и личностной зрелости. В первом случае мы подразумеваем целостную структуру человека, в которой интегрированы природные и социальные элементы. Точнее было бы назвать ее индивидуальностью в том смысле, который есть у Б.Г. Ананьева (хотя этим структурным определением не исчерпывается понятие индивидуальности). Индивидуальность – продукт лучшего индивидуального развития. Она и есть зрелая личность. Индивидуальность отличается рядом

системных характеристик – дифференцированностью и интегрированностью структуры, гармонией ее частей, самобытностью²⁷ (саморегуляцией на уровне самосознания, самостоятельностью в социальном поведении, самодостаточностью, способностью к сознательному саморазвитию), наличием богатого внутреннего мира и отчетливого Я. Во внутреннем мире человек создает жизненную философию, субъективную картину и концепцию жизненного пути, Я-концепцию, жизненный план и жизненную программу и другие личностные продукты, необходимые для управления собственной жизнью и потому собственным развитием. В плане психических механизмов зрелая личность обладает высоким уровнем развития (зрелостью) интеллекта, эмоций, воли и мотивации.

Говоря о личностной зрелости, мы имеем в виду не всю интегральную индивидуальность, а личность в более узком смысле слова – человек социальный и психосоциальный, объект и субъект общественных отношений и коммуникаций, социального поведения и исторического процесса. Зрелая личность (индивидуальность, по Ананьеву), таким образом, – более широкое понятие, чем *личностная зрелость*. Индивидуальность характеризуется, помимо этого, индивидной и субъектной зрелостью. Все эти подструктуры индивидуальности достигают зрелости в разные моменты времени, т.е. гетерохронно. «...Наступление зрелости человека как индивида («физическая» зрелость), личности («гражданская»), субъекта познания («умственная» зрелость) и субъекта труда («трудоспособность») во времени не совпадают...» (Ананьев 1977, с. 272).

В теории Б.Г. Ананьева, которой мы привержены, структура собственно личностных свойств интегрируется характером (Ананьев, 1968, 1977). Если принять ананьевскую точку зрения, то личностная зрелость совпадает со зрелостью характера, что означает его полноту (богатство отношений), силу (волевое преодоление жизненных трудностей), цельность (единство множества отношений, иерархия мотивов, наличие главного смысла жизни) и оригинальность (самобытность, подлинность) (Б.Г. Ананьев, 1945 / 2007).

Зрелый характер формируется на высоком уровне сознания личности, включая высшие формы ее направленности. Такие как метапотребности, которые выделил А. Маслоу, имея в виду именно людей с высоким уровнем личностной зрелости. Сюда же надо отнести идеалы, убеждения, принципы, мировоззренческие чувства (по С.Л. Рубинштейну, 1973). Поскольку зрелая личность является субъектом жизненного пути, в ее сознании сформирована субъективная биографическая картина, включая образы прошлого, настоящего и будущего, смысл и цели собственной жизни, отношение к своему будущему, жизненные планы и программы, жизненная философия (принципы, идеалы и смыслы жизни, представления о ее структуре и закономерностях).

Исходя из понимания личности как объекта и субъекта исторического процесса (на уровне большой истории и личной биографии), социального

²⁷ Самобытность в современной психологии называется субъектностью. Личность на высоком уровне самостоятельной активности рассматривается как субъект в работах многих современных психологов (особенно в школе С.Л. Рубинштейна). В традициях школы Б.Г. Ананьева субъектность в смысле самобытности связывают с достижением уровня индивидуальности.

поведения и общественных макро- и микроотношений (последние реализуются в малых группах) выделяются критерии личностной зрелости, связанные со способностью личности выполнять общественные функции, продуктивно трудиться, успешно общаться и адекватно познавать социальную действительность и себя и на этой основе строить свой жизненный путь. По мнению И.М. Палей, личностная зрелость характеризуется максимальным для личности уровнем социального потенциала, т.е. ее способности влиять на развитие других людей и общества в целом (Палей, 1979). В.А. Бодров связывает личностную зрелость со способностью полноценно выполнять гражданские, семейные, профессиональные и другие обязанности, а также проявлять себя в конкретной сфере общественной и трудовой деятельности (Бодров, 2007).

В психологии существует понятие о *множественности* феномена личностной зрелости и соответственно ее критериев. Б.Г. Ананьев выделял гражданскую, организационную, семейную, нравственную зрелость (Ананьев, 1968, 1977). За этим перечнем стоят социальные отношения, в которых живет и действует личность как социальный индивид, социальный функционер. Освоение и надлежащее исполнение функций и ролей в обществе – критерий личностной зрелости по отдельным граням личности.

Гражданская зрелость. Полная структура гражданских прав и обязанностей объективно задает гражданские функции и роли личности в обществе. Зрелая личность самостоятельно принимает на себя эти роли и выполняет функции с инициативой и ответственностью. Более того, в сфере отношений с государством и обществом личность может выходить на уровень сверхнормативной активности, не всегда одобряемой и поддерживаемой государством, обществом и просто окружающими людьми. Показателями гражданской зрелости личности с формальной точки зрения являются ее участие в общественных организациях, партиях, гражданских акциях, избирательных кампаниях, обращение в госорганы и общественные организации с жалобами, критикой и предложениями, добровольческая деятельность, выступления в СМИ и т.д. Поиск подобных выразительных фактов как *жизненных показателей* развития личности – одна из задач биографической психологии, психологии жизненного пути, или биографики личности.

С содержательной стороны гражданская зрелость предполагает определенное нравственное содержание гражданского поведения и деятельности, а именно ее просоциальный и гуманный характер, честность и бескорыстие, вплоть до самоотверженности.

Следуя теории Б.Г. Ананьева мы выделяем *организационную зрелость* как способность личности нормально функционировать в той или иной организационной структуре. Это предполагает понимание правил участия в организации, умение подчиняться и командовать в соответствии с иерархией социальных позиций, сотрудничать по «горизонтали» и «вертикали», продуктивно разрешать конфликтные ситуации, балансировать формальные и неформальные отношения в коллективе сотрудников. Организационно зрелая личность умеет критиковать, проявлять инициативу и брать на себя ответственность за дела организации. Организационная зрелость характеризует личность как субъекта общения, а именно общения в организации. Поэтому организационную зрелость надо рассматривать как одну из форм *социально-психологической* зрелости (А.Л. Журавлев, 2007) наряду с семейной, в которой

также преобладает социально-психологический, или коммуникативный компонент.

Семейная зрелость предполагает успешное освоение семейных ролей и принятие ответственности за семью и ее членов, создание семейной среды, способствующей расцвету всех ее членов, способность к сотрудничеству в семье, конструктивное разрешение конфликтов в семье. Как и в случае организационной зрелости, семейная в большой степени зависит от коммуникативных черт характера личности, их нравственной основы.

Наше представление об организационной и семейной зрелости как формах социально-психологической зрелости согласуется с представлением А.Л.Журавлева. Он указывает на общий признак социально-психологической зрелости – она проявляется в сферах взаимодействия человека с другими людьми и характеризуется относительной автономностью, независимостью, самостоятельным принятием решений, а также активной социальной позицией, овладением социальными ролями и социальной средой, просоциальной направленностью, произвольной саморегуляцией взаимодействия с другими людьми, адекватным психогнозисом и эмпатией, децентрацией и т.п. (Журавлев, 2007).

Кроме того, мы думаем, личностная зрелость предполагает активную трудовую деятельность как главного канала самореализации личности. *Трудовая (профессиональная) зрелость* выражается не только в высшем уровне профессиональной трудоспособности и продуктивности (мастерстве), но и в особом отношении к труду, в осознании ценности труда как *созидания* – личного вклада в общественное развитие и потому залога социального бессмертия личности.

Во всех перечисленных аспектах личностной зрелости присутствует нравственная ее характеристика. Она дает содержательный критерий личностной зрелости и потому может считаться ее стержневой составляющей. Нравственная оценка человека как субъекта труда, общения, познания, гражданского поведения, члена организации и семьянина завершает оценку его личностной зрелости.

Вопросы психологии нравственного развития вновь актуализируются в современной науке и в этой связи вопрос о критериях и показателях *нравственной зрелости* личности. Он выходит за пределы психологии в сферу этики и аксиологии и его решение требует междисциплинарных исследований. Опираясь на философские представления о нравственности, перекликающиеся с идеями гуманистической и антропологической психологии, можно говорить о критериях гуманности, человечности, и созидательности в разных их формах, выраженных в Декларации прав человека и гражданина, Правах человека, Правах ребенка и тому подобных установлениях современной цивилизации, согласованных в конце концов с христианскими заповедями. Эти критерии конкретизируются в психологии как развитое нравственное сознание личности, включая ее нравственные идеалы, убеждения, принципы, с одной стороны, и нравственные черты характера, такие как милосердие, альтруизм, самоотверженность, честность, бескорыстие и т.д., с другой. Зрелая личность обладает развитой совестью. Как писал философ-этик О.Г. Дробницкий, «совесть – это вторичная рефлексия по поводу своих поступков, побуждений и мотивов, возникающая, когда человек бывает способен судить себя с моральной

точки зрения, которую он может отличить от своей собственной, частной и субъективной (цит. по: Якобсон С.Г., 1981, с. 326)²⁸.

Показателями нравственной зрелости являются соответствующие факты социального поведения (забота и помощь людям, проявление уважение к любому человеку, защита и заступничество) и проявления нравственного сознания (знание и понимание нравственных норм, нравственных ценностей, способность к нравственным переживаниям, «мукам совести» и сопереживаниям).

Какие факторы влияют на достижение взрослого человека личностной зрелости? Фактором называется всякое явление, всякий предмет, который воздействует на процесс, его направление, временные параметры и результат. Фактор может выступать причиной, условием, предпосылкой развития – в общем, его детерминантой. В психологической науке установлены и признаны шесть общих факторов индивидуального психического развития человека: наследственность, среда, воспитание, деятельность и поведение, структура личности (в широком смысле, т.е. индивидуальности), сознание. Все они тесно переплетены в общей структуре детерминации развития.

В теории антропологической психологии Б.Г. Ананьева подробно разработан вопрос о структуре личности. Вся она понята здесь как совокупность внутренних условий, которые преломляют, опосредуют любые средовые воздействия согласно формуле материалистического детерминизма. Общий структурный фактор постоянно конкретизируется в эмпирических и теоретических исследованиях. Так, в работах Б.Г. Ананьева, его сотрудников и последователей он конкретизируется в фактах детерминации развития возрастом и полом, уровнем и профилем образования, характерологическими, темпераментальными, интеллектуальными и прочими свойствами личности, внутри- и межфункциональными связями, выраженными в многочисленных корреляционных плеядах и факторных структурах.

Личностно зрелому человеку присуще сознательное опосредование своего развития. У него оно превращается в рефлексивное саморазвитие. Тогда воспитание переходит в самовоспитание, деятельность в самодеятельность, сознание приобретает форму напряженной и богатой внутренней жизни. Эти преобразованные факторы развития лучше выявляются при качественном анализе индивидуальных историй – «случаев», по жизненным показателям в психобиографическом исследовании.

Зрелой личности свойственно не просто приспособляться к любой среде, но активно формировать среду в соответствие со своей индивидуальностью. Б.Г. Ананьев назвал ее *собственной средой развития*. К собственной среде личности, несомненно, относится семья, созданная и поддерживаемая ею. Предстоит еще выяснить, какие новые характеристики приобретает процесс развития личности в семье, и как через семью (шире – собственную среду) человек влияет на свое личностное развитие.

Опосредование развития структурой и сознанием личности реализуется через определенные механизмы развития. Механизмы развития – это процессы, происходящие в структуре жизни и структуре личности, которые обеспечивают

²⁸ Новейшие исследования нравственных свойств личности проводятся на факультете психологии СПбГУ под руководством проф. В.Н. Куницыной по ее оригинальным методикам (Куницына 2003, 2010).

реальное действие причин и факторов развития. Вопрос о механизмах не имеет однозначного ответа и должен рассматриваться на разных уровнях. Б.Г. Ананьев выдвинул идею о трехкомпонентном составе психических процессов как механизмов развития на микроуровне, или «молекулярном», по его выражению. Но кроме этих наиболее общих и элементарных механизмов, существуют собственно личностные, так сказать, «молярные», в составе которых функционируют и процессуальные.

В плане рассмотрения двух способов индивидуального развития – социализации и индивидуализации личности выделяются механизмы *социального научения* для социализации (Б.Г. Ананьев, 1968) и, с другой стороны, как мы полагаем, *социального самоопределения, самовыражения и самореализации* для индивидуализации. Действительно, суть социализации личности состоит в усвоении ею этических понятий, норм, операций и целостных процедур социального поведения, а это не возможно без научения. Для зрелого человека более характерна индивидуализация. Механизмы индивидуализации – самоопределение, самовыражение, самореализация – реализуются спонтанном, инициативном волевом поведении в контексте жизненного пути (например, самые активные виды копинга), но вместе с тем в напряженной внутренней жизни, наполненной нравственными и философскими исканиями. Личностные механизмы актуализируются в моменты «генетического перехода» между фазами жизненного цикла, особенно в моменты важнейших биографических событий, жизненных выборов и биографических кризисов. Знание, переживание и социальное действие, соотношенные с нравственными ценностями и жизненным смыслом, становятся источником развития личности и достижения ею личностной зрелости.

Библиографический список

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: ЛГУ, 1968. – 339 с.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
3. Ананьев, Б.Г. Очерки психологии // Б.Г. Ананьев Избранные труды по психологии. Том I. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С.42–179.
4. Бодров, В.А. Профессиональная зрелость человека (психологические аспекты) / В.А. Бодров // Феномен и категория зрелости в психологии. – М.: ИП РАН, 2007. – С.174–197.
5. Журавлев, А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие / А.Л. Журавлев // Феномен и категория зрелости в психологии. – М.: ИП РАН, 2007. – С.198–222.
6. Куницына, В.Н. (ред.). Мораль и психология / под ред. В.Н. Куницыной. – СПб.: 2003.
7. Куницына, В.Н. (ред.) Психология семьи в современном мире / под ред. В.Н. Куницыной. – СПб.: 2010.
8. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.
9. Палей, И.М. Социальная психология личности / И.М. Палей // Социальная психология. – Л.: ЛГУ, 1979. – С.75–120.
10. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир // С.Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
11. Якобсон, С.Г. Становление психологических механизмов этической регуляции поведения / С.Г. Якобсон // Психология формирования и развития личности. – М.: 1981. – С.320–337.

DECENTRATION MECHANISM AS THE FACTOR OF PERSONAL DEVELOPMENT

In the article views at essence of decentration process, presented in the works of foreign and domestic psychologists are analyzed. The author stresses upon the urgency of studying decentration mechanism in connection with necessity of formation socially-psychological competence at students of higher school and creation of conditions for their personal development.

Л.В. Меньшикова, Л.В. Кавун
Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

МЕХАНИЗМ ДЕЦЕНТРАЦИИ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируются взгляды на сущность процесса децентрации, представленные в работах зарубежных и отечественных психологов. Подчеркивается актуальность изучения механизма децентрации в связи с необходимостью формирования социально-психологических компетенций у студентов вуза и создания условий для их личностного развития.

Одним из универсальных психологических механизмов, обеспечивающих продуктивное поведение человека в ситуациях, связанных с построением межличностной коммуникации, является механизм децентрации.

Психологические процессы центрации - децентрации впервые стали объектом анализа в работах гештальттеоретиков, однако заслуга детального раскрытия их механизмов принадлежит Ж. Пиаже и представителям его школы [8,9]. Как известно, эффекты центрации в когнитивной сфере связывают с субъективным расширением зоны фокуса внимания в восприятии и мышлении и соответственном искажении, сжатии периферийного поля восприятия, приводящего к деформации образа объекта, возникновению «относительных ошибок» в оперировании с ними. Но если центрация является причиной деформации, то несколько различных центраций координируют действие каждой. Децентрация или координация различных центраций оказывается в таком случае координирующим фактором.

Принципиальным шагом вперед в работах Ж. Пиаже явилось доказательство того, что преодоление центраций в онтогенетическом развитии происходит главным образом в сфере общения, в ходе столкновения «центрированных» позиций человека с точками зрения других лиц. При этом вектор когнитивного развития рассматривается как постепенное и относительное преодоление эгоцентризма личности, где под эгоцентризмом понимается не сверхэгоизм или индивидуализм, но внедренность субъекта в одну только собственную точку зрения, неспособность индивида менять данную познавательную перспективу или - недостаточное дифференцирование своей точки зрения от других возможных. Пиаже приводит примеры жизненного проявления эгоцентризма: работа начинающего преподавателя, не замечающего, что самоочевидные для него умозаключения и понятия совершенно неясны «наивной» аудитории младшекурсников; факты эгоцентризма научной мысли.

«В области мышления,- пишет Ж. Пиаже, - вся история науки от геоцентризма Птолемея до революции Коперника, от ошибочных постулатов физики Аристотеля до принципов инерции Галилея и до теории относительности Эйнштейна - показывает, что требуются века, чтобы освободить нас от систематических ошибок, от иллюзий, вызванных непосредственной точкой зрения, противоположной «децентрированному» систематическому мышлению. И это освобождение далеко неполное» [9, с.90].

М.В. Вертгеймер писал, что центрация - или то, как мы рассматриваем части, отдельные элементы ситуации, их значение и роль по отношению к центру, сути или корню, является наиболее важным фактором в мышлении [2].

Анализ имеющихся работ по эгоцентризму и децентрации даёт основание заключить, что эгоцентризм может проявляться и у детей, и у взрослых. Преодоление его требует целенаправленного обучения в детстве, а у тех, кто в раннем детстве не прошел необходимый этап децентрации своего восприятия и мышления, и у кого не развили в должной мере воображение, эгоцентризм становится устойчивой личностной особенностью. Многие авторы (С. Степанов, Т.И. Пашукова и др.) отмечают, что эгоцентризм в той или иной степени свойственен любому человеку и может обостряться под влиянием различных обстоятельств. Эгоцентризм взрослых людей нередко служит причиной осложнения межличностных контактов. Неумение учесть точку зрения другого оборачивается конфликтами, непониманием и одиночеством.

При этом большинство исследователей подчеркивают важность децентрации для успешной социализации и личностного роста во многих областях жизнедеятельности человека. Децентрация необходима для продуктивного, творческого мышления (Ж. Пиаже), для креативного, конструктивного общения (С.Ю. Конн), для психологически целесообразной формы выражения своего отношения в общении (А.А. Бодалев), для продуктивного делового взаимодействия (Л.В. Меньшикова). Моральная зрелость достигается только при развитой способности становиться на точку зрения других участников морального конфликта (Л.И. Анциферова, Л.Колберг). Некоторые авторы (И.Ю. Рассказов) считают эгоцентризм характерологической основой кожных психосоматических заболеваний. Эгоцентризм связывают и с психическим здоровьем личности (Т.И. Пашукова, Ж. Пиаже, С. Степанов). Считается, что существенное снижение способности к децентрации может служить признаком развивающейся невротизации личности, тогда как исходно недостаточное развитие этой способности является важным фактором в генезисе некоторых психических заболеваний, в частности шизофрении и аутизма.

Децентрация же дает возможность выхода из кризисных ситуаций. Поскольку любое напряженное психическое состояние характеризуется суженностью сознания и сверхконцентрацией человека на своих переживаниях. Становясь в позицию партнёра, человек может посмотреть глазами другого а также лучше понять другого, и, следовательно, проявить толерантность в поведении. На использовании механизма децентрации основана, например, техника «обмена ролями», используемая в психодраме как терапевтическом методе.

Эгоцентризм у взрослых может проявляться в неумении отвечать на заданный вопрос, замене объективной оценки субъективной, отсутствии различения позиций разных людей, преобладании житейского уровня обобщения над логическим, нечувствительности к противоречиям.

(М. Дональдсон, С.В. Зайцев, Т.И. Пашукова, Н.А. Подгорецкая, С. Степанов и др.).

Таким образом, задача преодоления взрослого эгоцентризма является не менее важной, чем формирование децентрации у детей. Наиболее разработана проблема эгоцентризма как социально-психологического свойства личности Т.И. Пашуковой [7]. Она выделяет коммуникативные формы эгоцентризма, проявляющиеся в непонимании или нежелании индивида понимать других людей, в неадекватной самопрезентации, в эгоизме речи, ретрофлексии и др.; эгоцентризм эмоциональной сферы, который детерминируется эгоцентрическими тенденциями в механизме эго-защиты и эго-стабилизации; содержательные аспекты эгоцентризма, определяющиеся тем, на чём человек фиксируется: на своих мыслях, представлениях, точке зрения или переживаниях, состояниях, статусе или отношении к себе людей, оценках событий или на чём-то ещё. Автор обосновывает идею о том, что эгоцентризм при определённых условиях может выступать как свойство познавательных процессов, как эмоциональное состояние, переживание и состояние личности, как её качество и механизм, выполняющий функции стабилизации эго-системы в трудные периоды, кризисные и переходные моменты развития личности.

Причиной усиления эгоцентризма, по мнению Т.И. Пашуковой, могут служить социально-психологические факторы (тактика семейного воспитания, недостаток общения с братьями и сёстрами в семье и стиль классного руководства ученическим коллективом, положение ребёнка в системе отношений со сверстниками в коллективах одноклассников и др.) и внутрличностные причины (например, нестабильный уровень притязаний). Кроме того, эгоцентрические состояния, наряду с другими, характерны для периода переживания жизненного кризиса.

Каким же образом происходит преодоление эгоцентрической позиции, переход к более объективному видению мира?

В процессе совместного с другим человеком рассмотрения проблемы действуют, как отмечает, например, Е.Н. Емельянов [3], одновременно два механизма децентрации: личностный и когнитивный. Когнитивная центрация связана с тем, что человек выделяет в качестве главного, сути, «центра» проблемной ситуации. Личностная центрация связана с тем, что человек в большинстве случаев предпочитает воспринимать свой вариант как наиболее истинный, адекватный, чем вариант партнера. Когда мы говорим об общении двух людей, то в механизме центрации сплетаются воедино когнитивный и социально-психологический аспект. М. Вертгеймер [2] писал, что черты прямолинейности, честности, искренности, видимо, не являются второстепенными в таком процессе. Вообще говоря, точка зрения, согласно которой мышление рассматривают только как интеллектуальную операцию и полностью отделяют ее от человеческих установок, чувств и эмоций - является весьма искусственной и узкой.

Когда человек видит только свой вариант и его усилия направлены на то, чтобы навязать его другим, он в каком-то смысле становится практически слепым. Часто он должен забыть то, что хотел раньше, чтобы почувствовать требование самой ситуации. Переход от слепого эгоцентрического видения к учету позиции других людей является одним из самых значительных моментов многих подлинных процессов мышления.

В целостном процессе децентрации, таким образом, можно различать две тесно взаимосвязанные его стороны:

- когнитивный конфликт, приводящий к сдвигу перспективы, изменению познавательной позиции субъекта;

- социально-психологическую предпосылку этого изменения, состоящую из: а) готовности к восприятию (или даже просто к допущению возможности существования) иной позиции; б) способности к мысленно-адекватному перемещению на точку зрения, отличную от собственной.

Поскольку децентрацию, в конечном итоге, можно рассматривать как особый интериоризированный в когнитивных функциях процесс социально-психологического взаимодействия, то по известным законам интериоризации «проигрывание» в сфере общения подобных конфликтных оппозиций, столкновение эгоцентрических перспектив человека с иными возможными взглядами может привести в ходе специально организованного тренинга к переводу во внутренний план личности, обращаясь в автоматизированный навык или способность индивида к децентрации.

Источником децентрации выступает непосредственное или интериоризованное общение с другими людьми (внутренний диалог), в ходе которого происходит столкновение противоречивых точек зрения, побуждающее субъекта к преобразованию смысла образов, понятий и представлений в собственной познавательной позиции.

В соответствии с современными представлениями на двух первых стадиях развития интеллекта (на стадии сенсомоторного интеллекта и на дооперациональной стадии развития интеллекта) основными средствами преодоления познавательного эгоцентризма являются сотрудничество ребенка со взрослыми и коллективная форма сюжетно-ролевой игры (С.Ю. Бильчугов, В.А. Недоспасова, Л.Ф. Обухова, Е.В. Филиппова, Д.Б. Эльконин). В подростковом возрасте (стадия формальных операций) решающее значение в преодолении подростковой формы эгоцентризма также придается социальным взаимодействиям подростка с окружающими людьми (Ж. Пиаже). Преодоление подросткового эгоцентризма происходит благодаря «онтологической децентрации» (Б.Д. Эльконин) - координации действенного «Я» и действенного «Другого».

Т.И. Пашукова среди факторов, способствующих снижению уровня эгоцентризма в подростковом возрасте, выделяет тактику сотрудничества, применяемую родителями, наличие братьев и сестёр, демократический стиль классного руководства, положение ребёнка в системе отношений со сверстниками в коллективах одноклассников и др.

В подростковом и раннем юношеском возрасте эгоцентризм может быть ослаблен путём повышения уровня социально-психологической компетентности, посредством обучения техникам общения. В юношеском возрасте снижение эгоцентризма обеспечивается посредством социально-психологических тренингов, активных форм и методов обучения, участия в ролевых, деловых играх и дискуссиях.

Итак, источником децентрации выступает непосредственное или интериоризированное общение человека с другими людьми, в ходе которого происходит столкновение взглядов, мнений, позиций, намерений, т.е., того, что побуждает к преобразованию смысла образов, понятий или представлений человек в его собственной когнитивной структуре, задающей ориентировку личности: познавательную перспективу и позицию. Следовательно, возможно формирование способности индивида к децентрации в ходе специально организованного тренинга.

Результаты эмпирических исследований позволяют сделать вывод о том, что естественная социокультурная среда вуза не создает достаточных условий для стихийного формирования механизма децентрации у студентов.

Результаты нашего исследования и *когнитивных аспектов децентрации*, которые касаются способности личности к сдвигу перспективы, изменению познавательной позиции, и *социально-психологических*, связанных с психологической готовностью к восприятию иной позиции, со способностью к мысленно-адекватному перемещению на точку зрения, отличную от собственной [3], показывают явную выраженность эгоцентрических установок в студенческой среде, которые особенно ярко проявляются в социально значимых ситуациях.

В ходе эмпирических исследований, проводившихся в течение ряда лет в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) [5], нами был обнаружен интересный феномен: студенты хорошо понимают, как следовало бы себя вести в ситуациях общения и им даже кажется, что они искренне и последовательно реализуют свои установки в построении межличностных отношений (описание собственного поведения демонстрирует приверженность строить отношения с другими на партнерских, демократических основах). Однако исследование, проведенное с помощью специальных психологических методик, свидетельствует о том, что коммуникативные установки и поведенческие схемы у большинства студентов отличаются следующими особенностями:

- эгоцентризмом и неспособностью принять точку зрения другого человека как психологическую реальность, с которой необходимо считаться;
- преобладанием логических схем в описании процесса общения и игнорированием психологического подтекста взаимодействия;
- выраженными установками использовать монолог (а не диалог) и оказывать давление на собеседника;
- ограниченностью поведенческих ресурсов, отсутствием технологичности и гибкости в построении вариантов межличностного общения.

В этом расхождении между тем, как студенты оценивают свое поведение в общении с другими людьми, и их реальными коммуникативными установками можно увидеть несовпадение социальных установок, вобравших в себя общественно-одобряемые нормы поведения, с личностными смыслами. Реконструкция субъективного полюса этих установок показывает, что они как бы «висят в воздухе», но создают для самого человека иллюзию того, что являются истинными регуляторами его поведения. Такое расхождение социальной установки, зафиксированной в сознании человека в виде определенных понятий (значений) с ее реальным смыслом в психосемантике называют семантическим сдвигом.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что для естественного, стихийно-протекающего процесса коммуникативного формирования студентов характерно наличие семантических сдвигов в сознании, стабилизирующих неадекватные поведенческие установки и препятствующих продуктивному усвоению новых моделей общения.

Изменение этих установок возможно лишь в процессе их рефлексивного осознания, отражающего наличие семантических сдвигов и перерабатывающего весь контекст причинно-следственных отношений, связанных с их существованием. Все студенты, независимо от их желания, постоянно участвуют в процессах транситуативного обучения коммуникации

(обучение в различных жизненных ситуациях), вступая в разнообразные межличностные контакты. Однако это латентное обучение, как показывает опыт и данные экспериментальных исследований [6], бывает часто непродуктивным. Лишь незначительная часть студентов действительно отбирает наиболее эффективные способы общения, «присваивает» их и прогрессирует в коммуникативном развитии, для большинства же потенциально насыщенные внутренними смыслами ситуации межличностного взаимодействия дают лишь скоропреходящий опыт, который быстро забывается.

Установка на то, чтобы видеть в другом человеке только средство, позволяющее достичь своих целей, распространенная в обществе, отражается и на процессе коммуникации, низводит его на уровень манипуляции другим человеком как неодушевленным предметом. Нравственно-этические нормы, сложившиеся в истории развития человечества, отражают законы общественной жизни и фиксируются в сознании. Взаимодействие с другим человеком по своей внутренней природе побуждает к сдвигу эгоцентрической перспективы, однако, порочные и жесткие потребительские установки, выработанные человеком по отношению к предметному миру, переносятся на совершенно иной мир – мир человеческих контактов.

Противоречие между социальным эталоном и повседневным реальным поведением людей ведет к раздвоению индивидуального сознания. В индивидуальном сознании отдельного человека социальный эталон, отражающий нравственно-этические нормы, впечатывается в виде «значений». В наших исследованиях [5] у многих студентов Образ-Я в коммуникации описывается в этой «сетке значений», реальное же поведение регулируется смыслами, не соответствующими ей. Такая двойственность создает основу для дезинтеграции внутреннего мира индивидуальности. Многие психологи отмечают, что встреча значения со смыслом – акт, требующий экзистенциального усилия со стороны человека. Эта встреча, как отмечал М.М. Бахтин [9], может произойти только в диалоге (с самим собой, либо с другим человеком). Незрелость механизмов рефлексивного осознания происходящего не позволяет студентам обнаружить эти семантические сдвиги в сознании. Если учесть ту мощную систему защитных механизмов, которая стабилизирует Образ-Я, то понятно, что справиться с наличием этих семантических сдвигов без посторонней помощи трудно.

Результаты экспериментального изучения эффективности обучения студентов построению деловой коммуникации, основанной на идеологии партнерского, паритетного диалога с другими людьми и в целом со средой (природной и социальной), проведенного нами, показывают, что можно трансформировать неадекватные коммуникативные установки и способствовать развитию механизмов децентрации, освобождающих от жестких эгоцентрических схем поведения. Для студенческого возраста характерна, с одной стороны, высокая социальная сензитивность и восприимчивость к новым моделям поведения, а, с другой стороны, попытка впервые в жизни формировать собственную среду своего развития. Как указывают многие исследователи в этот период личность мобилизуется и совершает переход из прежнего коммуникативного мира в новый, с иным масштабом и качеством культуры, языка, мироощущения и общения. После окончания вуза ее ожидает более важный переход в среду «взрослой» жизни, где опять выпускник вуза столкнется с еще более серьезными проблемами построения профессиональной

коммуникации в новом социальном контексте, для которого в настоящее время характерен высокий уровень неопределенности. Поэтому значение развития у студентов способности совершать акты децентрации в условиях межличностного взаимодействия трудно переоценить. Механизм децентрации позволяет формировать адекватные модели социального поведения, применимые к широкому кругу жизненных ситуаций.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Вертгеймер, М.В. Продуктивное мышление / М.В. Вертгеймер. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.
3. Емельянов, Е.Н. Психотехнические методики децентрации в когнитивном развитии личности / Е.Н. Емельянов // Психологическое сопровождение подготовки специалистов в ВУЗе. – Новосибирск: НГУ, 1988. – С.15–22.
4. Кавун, Л.В. О формировании толерантных установок в сознании участников образовательного процесса / Л.В. Кавун // Сборник научных статей по докладом I Всероссийских Копыловских чтений. «Социальная онтология России». Деп. в ИНИОН РАН, 27.06.2007, №60327. – Новосибирск: НГТУ, 2007.
5. Меньшикова, Л.В. Прикладное значение концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева / Л.В. Меньшикова // Психологический журнал. – 2007. – Том 28, № 5. – С.70 – 80.
6. Меньшикова, Л.В. Психология делового общения: Монография / Л.В. Меньшикова. – Новосибирск: НГТУ, 1998. – 68 с.
7. Пашукова, Т.И. Эгоцентризм: основные психологические характеристики, закономерности и механизмы формирования : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Т.И. Пашукова. – М.: МГУ, 2002. – 40 с.
8. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб.: Питер, 2003. – 192 с.
9. Пиаже, Ж. Комментарии к критическим замечаниям Л.С. Выготского на книги «Речь и мышление ребенка» и «Суждение и рассуждение ребенка / Ж. Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: Сб. статей // Сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской. – М.: Академика, 2001. – С.89–94.

УДК 159.923+316.6+39

V.G. Morogin

Khakass state university of N.F. Katanova, Abakan

THEORETICAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL QUESTIONS OF PERSON'S VALUABLE SPHERE THEORY

The author's concept of valuable person's spheres is presented. It is shown that valuable person's sphere includes two form-building components: the nominal system of public values filled in individual needs maintenance; deep archetypical valuable forms, patrimonial cogitative stereotypes and patterns of behavior which too have forming an effect on individual need's structure. The ethno-psychology problem of valuable person's sphere is considered.

В.Г. Морозин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Представлена авторская концепция ценностно-потребностной сферы личности. Показано, что ценностно-потребностная сфера личности включает в себя две формообразующие составляющие: номинальную систему общественных ценностей, наполненную индивидуальным потребностным содержанием; глубинные архетипические ценностные формы, родовые мыслительные стереотипы и паттерны поведения, которые тоже оказывают формирующее действие на индивидуальную потребностную структуру. Рассмотрена проблема этнопсихологии ценностно-потребностной сферы личности.

Структура и содержание ценностей современного общества традиционно являются объектом интереса представителей разных наук, так как они фокусируют на себе самые острые человеческие проблемы [11, 17, 27, 28, 30, 32, 37]. В зарубежной и отечественной социальной психологии проблему трансформации содержания ценностей различных социальных групп, в том числе этнических, в последнее время можно по праву считать одним из приоритетных направлений как теоретических, так и эмпирических исследований. Теоретической основой таких работ чаще всего становится «принцип взаимодействия человека с этнокультурной средой в контексте социальной группы, которая обуславливает формирование системы этнопсихологических свойств личности в специфических условиях этнической реальности» [8]. В зарубежной кросс-культурной психологии исследованием этой проблемы занимались М. Рокич [37], К. Клакхон [5], С. Шварц с соавт. [38-40] и др.

Для России изучение системы ценностей в этнопсихологическом контексте особо значимо, поскольку Российская Федерация – поликультурная страна с многовековой историей, а многочисленные этнические группы, проживающие на ее территории, имеют длительный исторический опыт межнационального взаимодействия. В этом плане есть смысл говорить о культурной близости этносов, о содержательном сходстве ценностей, об их динамике в последние два десятилетия.

Потребности и ценности

Вопрос о потребностях, как самостоятельной научной проблеме стал обсуждаться в психологической науке в первой четверти XX века. Относительно их сущности и происхождения выдвигались различные точки зрения от чисто биологических до социально-экономических и философских. К самым ранним можно отнести представления З. Фрейда о влечении и учение Г. Холла о драйве.

Представители каждой новой теории старались опровергнуть представления своих предшественников; сходство позиций различных исследователей проявлялось лишь в том, что все признавали за потребностью функцию побуждения активности человека в форме поведения или деятельности. В современной психологии потребности рассматриваются как энергетическое начало психики, но отмечается, что осуществление психических процессов у субъекта детерминировано именно психическими механизмами, принципиально отличными от физико-химической энергии организма, а поэтому являющимися предметом особой области психологического знания.

Начало научному исследованию проблемы потребностей как энергетического «двигателя» психической деятельности было положено З. Фрейдом [29]. Один из наиболее значимых выводов психоанализа состоит в понимании влечений как содержащейся в недрах психики внутренней силы, не сводимой к одним лишь осознанным желаниям или целям субъекта. Этот постулат позволяет объяснить природу и структуру психики и поведения гораздо точнее и глубже, чем психологические теории, описывающие человеческую активность просто как цепь реакций на стимулы внешней среды.

Вместе с тем такой подход как бы очерчивает поле научного исследования потребностей – уяснение природы и источников этой внутренней силы.

Попытки выработать обобщенное понимание и определение категории «потребность» связаны с многочисленными сложностями. Например, гомеостатическая теория потребностей определяет их источник через вызванное какими-либо причинами нарушение внутреннего психического равновесия субъекта и стремление его восстановить. Критики этой концепции справедливо указывают, что она исключает из своего рассмотрения потребности развития, то есть побуждения, ориентированные на «движение вперед», на создание новых объектов и ситуаций, которые противоположны стремлению к гомеостазу.

Другие теории пытались вывести потребности из отношений человека с природой и социальной средой. Поскольку человек живет в этой среде и зависит от нее, эти отношения обладают свойством побуждать его к деятельности, направленной на окружающий мир или на самого себя. Но проблема осложняется тем, что у человека в процессе жизни формируется громадное число самых разных потребностей, от органических до духовных. Любому человеку присущи все группы потребностей, но индивидуальная их композиция уникальна и определяет неповторимость личности. И, чем больше разнообразных потребностей формируется у человека в процессе жизни, тем богаче и содержательнее проявляется его личность.

Если рассматривать систему побуждений человека в целом, то помимо потребностей у него можно обнаружить и более примитивные формы регуляции психических процессов – инстинкты и драйвы. Инстинкт – даже не побуждение, а жестко запрограммированная целостная форма поведения, в которой побуждение и действие слиты. Главная его особенность – невозможность внесения в эту форму даже малейших изменений: любое вмешательство в инстинктивный процесс приводит к разрушению всего поведения.

В процессе филогенеза эволюция на определенной стадии пошла таким образом, что образовались две достаточно самостоятельные линии развития, каждая с характерным способом приспособления к изменяющейся среде. Одна из них проявилась в жестком программировании инстинктивного поведения и достигла своего максимального развития у высших насекомых. Наблюдения этологов за муравьями, пчелами и другими высокоорганизованными представителями этого класса привели к предположению о наличии развитых социальных форм поведения у этих животных – настолько они сложны и разнообразны. Однако специальные эксперименты показали, что это лишь иллюзия социального поведения, что все эти внешне сложнейшие и, казалось бы, осмысленные действия представляют собой длинные инстинктивные цепочки, и нарушение одного-единственного элемента этой последовательности приводит к разрушению всего поведения, делая его бессмысленным, нецелесообразным и дезадаптивным.

Другая эволюционная линия обозначила путь непосредственного приспособления к изменяющимся условиям существования. Сначала на основе инстинктов появились драйвы – очень похожие на инстинкты формы поведения, но связанные с определенной физиологической системой. С этой точки зрения можно выделить пищевой драйв, детерминирующий функционирование пищеварительной системы, сенсорный, обуславливающий работу ЦНС, дыхательный, определяющий деятельность системы дыхания, половой, обеспечивающий функцию размножения. Драйв – это, как и инстинкт, природно обусловленное побуждение, но более гибкое, и животное, обладающее им, имеет больше шансов приспособиться к окружающим изменениям. Дальнейшее развитие приспособительных способностей привело к появлению еще одной разновидности побуждений – потребности. Это уже не

природно заданный вид побуждений, а приобретаемый в процессе онтогенеза. Потребности формируются на основе инстинктов, драйвов и уже имеющихся у индивида потребностей и обладают максимальным приспособительным потенциалом.

Вершиной развития приспособительных форм поведения в животном мире стал класс млекопитающих. У человека потребность – основной вид побуждений, новые потребности формируются в течение всей жизни и обеспечивают чисто человеческие формы поведения. Именно благодаря этому виду побуждений у человека появилось сознание и деятельность как осознанная, мотивированная и целенаправленная активность. Это, конечно, не значит, что у человека нет инстинктов и драйвов, они у него есть, но ведущую роль в мотивации его поведения играют все-таки потребности.

Поскольку основой жизнедеятельности и развития личности является ее включенность в социум, в систему общественных отношений, реализация человеческих потребностей в существенной степени опосредована системой социальных ценностей. Эта система относительно стабильна, постоянна и в значительной степени определяет поведение человека на протяжении всей жизни, но, с другой стороны, ее содержание подвержено значительным культурным вариациям. Кроме того, человек рождается как бы с потенциально возможной системой «коллективных» архетипических ценностей, характерных для его родной культуры. В символической форме эти «родовые ценности» зафиксированы в религии, мифах, народных сказках, фольклоре, они могут проявляться в сновидениях, случайных ассоциациях и произвольных действиях. Система «коллективных» ценностей как шаблон придает особую родовую форму индивидуальным потребностям человека.

Таким образом, в процессе реализации потребностей личности, можно выделить два аспекта: во-первых, потребности всегда преломляются через систему общественных ценностей, которая обеспечивает социально непротиворечивые формы их удовлетворения; во-вторых, под влиянием системы коллективных ценностей потребности человека приобретают специфическую «родовую» форму.

Психологическим механизмом этого процесса З. Фрейд предполагал сублимацию [28]. Э. Фромм [30] в качестве фактора, определяющего содержание «социального бессознательного», рассматривал «исторические и экзистенциальные дихотомии», в которых выражены противоречия социального и естественного развития человечества. К. Юнг считал главным психологическим достижением в жизни человека индивидуацию, итогом которой должно стать познание личностью своей «Самости», самого глубинного человеческого архетипа «Self» [32].

Стремление человека к более полному выявлению и развитию своих индивидуальных возможностей – самоактуализация – является центральным понятием теории личности А. Маслоу [11-13]. Потребность в ней занимает самую высшую ступень в системе человеческих побуждений. А. Маслоу выделяет две группы ценностей²⁹:

- Б-ценности (бытийные) – высшие ценности, присущие самоактуализирующимся личностям;
- Д-ценности (дефицентные) – низшие ценности, поскольку они ориентируют человека на удовлетворение фрустрированной потребности [13].

Потребности и ценности в этой концепции образуют вертикальную иерархию, но они не должны противопоставляться друг другу, потому что тесно

²⁹ В теории А. Маслоу отсутствует четкое разделение потребностей и ценностей, он использует эти два понятия как синонимы.

связаны между собой и вместе образуют мотивационную (ценностно-потребностную) структуру личности.

Базовым понятием теории М. Рокича [37] является ценность, под которой он подразумевает убеждение индивида в преимуществах каких-либо целей, определенного смысла существования по сравнению с другими целями. С другой стороны, ценность – это убеждение индивида в преимуществах определенных способов поведения, то есть путей достижения этих целей. Исходя из этого, М. Рокич формулирует гипотезу о двух видах человеческих ценностей: ценностях-целях (терминальные) и ценностях-средствах (инструментальные).

Терминальные ценности – это система общественных ценностей, которая должна быть наполнена индивидуальным потребностным содержанием. Инструментальные ценности характеризуют приоритетность для индивида определенных способов поведения, ведущих к реализации соответствующих терминальных ценностей.

В трактовке отечественных психологов понятие «ценность» эквивалентно некоторому комплексу психологических феноменов, которые, хотя и обозначаются разными терминами, семантически в значительной степени совпадают: Н.Ф. Добрынин использовал понятие «значимость»; Л.И. Божович – «жизненная позиция»; А.Н. Леонтьев – «значение» и «личностный смысл»; В.Н. Мясищев – «психологические отношения». С.Л. Рубинштейн полагал, что «ценность – это значимость для человека чего-то в мире, но только признаваемая ценность способна выполнять важнейшую функцию ориентира поведения, проявляясь в лично значимых, либо общественно полезных действиях и поступках» [22].

Углублению понимания сущности ценностных отношений поможет сопоставление категорий «ценность» и «цена». Цена – это стоимость чего-либо, выраженная в денежном эквиваленте. Поэтому она материальна, вполне определена и имеет предметную, доступную ощущениям субстанцию – то, что можно чувственно воспринять. Ценность – это то, содержание чего значимо для жизни человека, это потребность в объекте, который может оказать влияние на ход жизни субъекта. Цена – это всегда нечто внешнее по отношению к субъекту, то, что приобретается извне; содержание ценности находится в самом субъекте, не приобретается, а рождается и функционирует благодаря усилиям субъекта. Цена конечна, ее можно заменить на другой эквивалент или вообще обесценить, потому что всегда найдется товар, еще более качественный; содержание ценности нельзя уничтожить, оно неисчерпаемо.

У каждого человека свое содержание ценностей, поэтому они могут выстраиваться в виде определенной иерархии. Исследование системы ценностей человека как уровня развития его личности предполагает учет двух основных параметров: иерархической структуры ценностей и их содержания, которое характеризуется конкретными потребностями, наполняющими эту структуру.

Таким образом, потребности возникают из отношений человека с природой и социальной средой и представляют собой порожденные этими отношениями бессознательные психологические конструкты, связанные с переживанием дефицита реальных или идеальных объектов. Возникающая при этом психическая напряженность является «энергетическим» источником, «силой», стимулирующей активность, направленную на поиск предмета потребности, то есть ее конкретизацию и осознание, а затем на удовлетворение. «Опредмеченная» потребность как непосредственный стимул деятельности – это мотив. Преодоление состояния напряженности может быть достигнуто лишь присвоением таких благ, осуществлением таких видов деятельности, которые соответствуют отношениям, породившим дефицит.

Интерииоризация мотива как осознанный процесс происходит лишь при условии наличия способности выделять из множества объектов те, которые представляют определенную значимость для личности (способны удовлетворить ее потребности), а затем превращать их в бессознательный психологический конструкт, то есть в новую потребность.

Ценностно-потребностная сфера личности

Социально-психологические исследования и практика жизни свидетельствуют, что у каждого индивида формируется огромное число разнообразных потребностей, и чем их больше, тем психологически богаче становится личность. П.В. Симонов при этом отмечает, что «конкретный набор потребностей, их иерархия, доминирующее положение одних побуждений и вспомогательная роль других составляют «ядро» личности, наиболее существенную ее характеристику. Хотя любому человеку присущи все группы потребностей, их индивидуальная композиция уникальна и в наибольшей мере определяет неповторимость личности» [23, с. 42].

Поведение индивида всегда опосредовано системой общественных ценностей, формирующейся той социальной средой, в которой человек живет и действует. По мнению М. Рокича [37], ценности характеризуются следующими признаками:

- они организованы в систему;
- все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени;
- влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах;
- истоки ценностей можно найти в культуре, обществе и его институтах, а также в личности человека.

Ценность, таким образом, универсальная психологическая категория, в то время как потребность предельно конкретна, но ни то, ни другое отдельно в личности не существует, так как не бывает формы, не наполненной содержанием, как и не оформленного содержания. Такой подход стал основанием для введения в систему психологических понятий нового термина «ценностно-потребностная сфера личности», который позволяет соотнести категории ценности и потребности как в содержательном, так и в динамическом аспектах, и разработки концепции ценностно-потребностной сферы личности (ЦПСЛ) [14-18].

С точки зрения этой теории ценностно-потребностная сфера личности включает в себя две формообразующие составляющие. Первая – это номинальная система общественных ценностей, которая должна быть наполнена индивидуальным потребностным содержанием. Общественные ценности выполняют роль формирующего шаблона, ограничивающего индивидуальные потребности человека. В результате такого влияния они могут удовлетворяться лишь в социально приемлемой форме. Вторая составляющая ЦПСЛ – это глубинные архетипические ценностные формы, родовые мыслительные стереотипы и паттерны поведения, которые тоже оказывают формирующее действие на индивидуальную потребностную структуру. Системы коллективных архетипических ценностей придает ценностно-потребностной сфере личности своеобразную родовую окраску (рис. 1).

Таким образом, уникальная система индивидуальных потребностей, формирующаяся в процессе всей жизни человека, попадает под пресс двух мощных факторов – системы общественных ценностей, выражающей интересы социума и государства и обеспечивающей социально приемлемое удовлетворение индивидуальных потребностей, и системы коллективных архетипических ценностей, которая придает потребностям человека как представителя определенного этноса родовой колорит.

Рисунок 1 - Схема формирования ценностно-потребностной сферы личности

Структура общественных ценностей относительно стабильна и постоянна, она практически не зависит от типа общественно-экономической формации и господствующей идеологии и определяет поведение человека в социально типичных ситуациях. Но, с другой стороны, ее содержание в значительной степени детерминировано социальными и политическими факторами. Трудности, с которыми сталкивается личность при необходимости соотнести и совместить свои уже сформировавшиеся и устоявшиеся потребности с новым содержанием общественных ценностей ярко проявляются у людей, по тем или иным причинам вынужденных сменить привычную культурную среду [17].

Система архетипических ценностей представляет собой родовое наследие индивида, которое передается из поколения в поколение, от родителей их детям точно так же, как наследственные физические признаки. Архетипические ценности могут отражать различные уровни коллективного бессознательного, поэтому следует выделять общечеловеческие, одинаковые для всех людей; расовые, характерные для отдельной расы; этнические, формирующиеся в рамках конкретной этнической группы и индивидуальные ценности. Однако точнее было бы говорить не о разных системах ценностей, а о различном их содержании. И общечеловеческие, и расовые, и этнические, и индивидуальные ценности представляют одни и те же формы, но наполненные разным потребностным содержанием. Иными словами, в ходе естественно-исторического развития человечества формируются как потребности, общие для всех людей, так и для отдельных рас и этносов. Они и определяют конкретное содержание общечеловеческих, расовых и этнических ценностей. Кроме того, у каждого индивида в процессе его жизни формируется уникальная система индивидуальных потребностей, которая придает ценностно-потребностной сфере его личности неповторимое своеобразие.

Анализ структуры и динамики ценностно-потребностной сферы личности позволяет выделить два процесса, которые определяют становление человеческой личности. С одной стороны, это формирование уникальной индивидуальной потребностной структуры, с другой – наполнение этими потребностями общественных ценностных форм, которое осуществляется в процессе социализации, но только тех, которые не вступают в противоречие с его родовыми архетипами. В результате этих процессов у личности должна сформироваться ценностно-потребностная сфера личности, представляющая собой «личностный компромисс» индивидуальной потребностной иерархии с системами общественных и родовых архетипических ценностей.

Ценностная идентичность

Важнейшей характеристикой ценностно-потребностной сферы личности является ценностная идентичность (ЦИ). Это – самоощущенность личности, выражающаяся в степени соответствия ее индивидуальных потребностей, с одной стороны, системе общественных ценностей и требованиям родового архетипического бессознательного – с другой.

Уже сам факт взаимодействия потребностной структуры личности с этими двумя формообразующими факторами указывает на то, что ценностная идентичность должна быть представлена двояко: как продукт общественных требований, предъявляемых индивиду социумом, и как реализация родового архетипического наследия человека. И социальная, и архетипическая самоидентичность по своей природе является ценностной, точнее ценностно-потребностной. Первая реализуется в процессе социализации и проявляется в виде социальной идентификации (профессиональной, этнической, групповой, половой и т.п.); вторая познается в ходе индивидуации (А. Маслоу называет этот процесс самоактуализацией) как идентичность, которая так же может осознаваться, как этническая, профессиональная, половая, личностная и т.д.

Несоответствие потребностного содержания личности навязываемым извне общественным ценностям или родовым архетипическим формам становится предпосылкой для возникновения внутриличностного конфликта. Он также может проявляться в двух формах: в классическом психогенном виде, в частности, в форме невроза, либо как эндогенный конфликт, обусловленный глубинными архетипическими причинами. Очевидно, что в любом случае внутриличностный конфликт – это конфликт самоидентичности, но в первом варианте это кризис идентификации, а во втором – идентичности.

Возможен конфликт и между общественной и архетипической составляющими ценностно-потребностной сферы личности, когда социальные нормы общества вступают в противоречие с содержанием родовых ценностей. В идеальном государстве общественная и архетипическая системы ценностей должны совпадать, но если противоречие между ними все же возникает, то такой конфликт носит уже не внутриличностный, а общественный характер, потому что, несмотря на то, что он происходит во внутреннем мире конкретной личности, проявляться он будет в актах массового социального поведения. Каким будет это проявление, зависит от силы коллективного бессознательного этноса. Л.Н. Гумилев [3] считал этот фактор самой важной характеристикой этноса и называл его пассионарностью, а духовных лидеров нации – пассионариями. Важен также параметр времени: сначала, как правило, наступает период социальной пассивности, но это только затишье перед бурей; потом наступает активный период, который может проявляться в форме различных актов гражданского неповиновения. Всемирная история, как и история нашей страны, знает немало примеров бунтов, восстаний, революций, повлекших за собой многочисленные жертвы, которые были спровоцированы непродуманными попытками правительств противопоставить государственные (а чаще свои личные) интересы родовым архетипическим ценностям. Яркий современный пример такого конфликта – мусульманская проблема: содержание навязываемых исламскому миру западных ценностей противоречит их родовым архетипам.

Осознание индивидом своей самоидентичности происходит по-разному. Социальная идентификация фактически предопределена общественными ценностями, юридическими и моральными законами, групповыми нормативами поведения. Она формируется в виде системы установок, определяющих поведение человека в социально типичных ситуациях. Процесс их формирования идет в направлении от первоначально осознанных поведенческих форм к их постепенной интериоризации. Психологический механизм формирования установки – приведение индивидуальной потребностной структуры в соответствие с системой общественных ценностей. Если потребности личности не вступают в противоречие с общественными ценностями, формируется установка, если вступают – возникает классический психогенно обусловленный конфликт, который может выразиться в форме, например, невротической реакции. В социальной психологии формирование

аттитюда описывается как социальная идентификация, разворачивающаяся в русле глобального процесса социализации, главная цель которой – сформировать у индивида как можно больше полезных автоматизированных форм приспособительного социального поведения. Эта магистральная цель обслуживает, прежде всего, интересы государства, а потому на практике реализуется через многочисленные институты социализации.

Местом локализации идентичности является генетическая память архетипического бессознательного личности, а потому, в отличие от социальной идентификации, она изначально не осознается человеком. Познание идентичности связано с процессом, который разными авторами описывается как индивидуация, самореализация, самоактуализация, самоопределение, самосовершенствование и т.п. Эти процессы начинают активно разворачиваться только в определенном возрасте; более того, они способны проявиться не у каждой личности. Психологической основой индивидуации является личностная зрелость человека – такая возможность появляется только после завершения процесса социализации, когда индивид накапливает необходимое для успешной адаптации к требованиям социума количество аттитюдов. В процессе индивидуации личность постепенно познает свой самый глубинный архетип «Self», являющийся интегратором всех остальных ценностных форм, и в результате идентичность становится осознанным психическим феноменом. В психологических исследованиях чаще всего пытаются фиксировать и анализировать степень осознанности этнической идентичности: чем выше ее уровень, тем большей определенностью и стабильностью характеризуется ценностно-потребностная сфера личности. К. Юнг считал, что этот процесс составляет истинный смысл жизни человека на Земле. Если итогом социализации является личность как система социально полезных аттитюдов, то в результате индивидуации формируется индивидуальность человека, хорошо сознающего и пытающегося реализовать свой глубинный творческий потенциал.

К сожалению, подавляющее большинство людей заканчивают свою жизнь на этапе социализации, поэтому потребность в индивидуации у них так и остается нереализованной. А. Маслоу считал, что такая потребность есть у каждого, но в отношении подавляющего большинства людей общество и государство не может создать необходимых условий для ее актуализации. Более того, государство не заинтересовано во всеобщей самоактуализации, оно всегда стремилось путем стандартной социализации сделать всех людей как можно более одинаковыми, потому что одинаковыми проще управлять. Любая воспитательная или образовательная система явно или скрыто стремится к усреднению и стандартизации обучающихся, а педагоги, работающие в рамках широко разрекламированного личностно-ориентированного подхода, должны заниматься индивидуальной работой с каждым субъектом. А это в принципе невозможно, потому что любая образовательная или воспитательная программа всегда осуществляется в рамках какого-то стандарта, который с неизбежностью ведет к усреднению. Именно поэтому А. Маслоу считал, что «каждый ребенок рождается гением, родители делают его талантливym, а школа – нормальным».

Важный вопрос – возможна ли самоактуализация в более раннем возрасте, скажем, в подростковом или в юности? Ответ на него будет отрицательным, потому что у подростка еще нет личностных предпосылок для самоактуализации, а его претензии на взрослость – это попытки самоутверждения. Но самоутверждение и самоактуализация – не одно и то же; первое представляет собой не всегда адекватную идентификацию, второе – это реализация своего внутреннего творческого потенциала. В юности личность становится более зрелой, поэтому бессознательные спонтанные попытки самоактуализации в этом возрасте случаются. Но и они обречены на провал, так как у молодого человека еще не завершился процесс социализации. Попытки

юношеской самоактуализации обычно реализуется в молодежных субкультурах, и там действительно она может проходить более или менее успешно. Но, как только эти процессы выходят за пределы неформальной группы, возникает конфликт с обществом. Причина этого социального противоречия – незавершенная социализация: в юношеском возрасте еще не сформировалась система социально полезных attitudes, обеспечивающая личности возможность адекватной адаптации.

Сам термин «идентичность» впервые стал использоваться Э. Эриксонем, который понимал ее как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я», что, естественно, предполагало его динамику на протяжении всей жизни человека. Основной функцией этой личностной структуры является адаптация в самом широком смысле этого слова. Наибольшее значение данный процесс имеет для периода отрочества, однако, по словам Э. Эриксона «задача построения идентичности никогда не может быть решена окончательно». Совершенно очевидно, что идентичность понимается им исключительно как система адекватных общественным требованиям attitudes, приспособляющих личность к жизни в определенном социуме. Строго говоря, это не идентичность, а идентификация [34].

Таким образом, идентичность в концепции Э. Эриксона сводится к адаптации личности к условиям социального функционирования, а потому практически совпадает с понятием социальной идентификации. Собственно идентичность имеет иную природу, она детерминирована родовым архетипическим бессознательным индивида. А ценность концепции Э. Эриксона, прежде всего, заключается в том, что она стимулировала эмпирическое освоение этой проблемы [6; 33; 35; 39].

Дж. Мид [36] считал, что человек не обладает социальной идентичностью с рождения; она возникает как результат его общественного опыта, взаимодействия с другими людьми. Исключительное значение в этом процессе он придавал символической коммуникации, как вербальной, так и невербальной. Родовой и социальный аспекты личности, обозначенные им как «I» и «Me» рассматриваются как фазы развития идентичности. Когда человек достигает осознаваемой идентичности, «I» и «Me» образуют единую идентичность.

Помимо собственно психологической истории своего становления понятие идентичности оказалось полезным для ряда социально-философских концепций, нашедших свое выражение, например, в творчестве Э. Фромма [30]. Он определяет персональную идентичность как результат индивидуализации человека, которая, по мнению Э. Фромма, есть следствие обособления его от сил природы и других людей, что впервые становится возможным лишь на определенном этапе человеческой истории, а именно в Новое время. Но, как отмечает Э. Фромм, одновременно «одной из ведущих человеческих потребностей, составляющих самую сущность человеческого бытия, является потребность в связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества, что достигается путем самоотождествления с какими-либо идеями, ценностями, социальными стандартами», то есть путем социальной идентификации.

Подводя некоторые итоги обсуждения проблемы ценностно-потребностной сферы личности и ее важнейшей характеристики – ценностной идентичности, можно констатировать, что ценностно-потребностная сфера – это особая подструктура личности, представляющая собой уникальную иерархию индивидуальных потребностей, формирующихся в течение всей жизни индивида под влиянием одобряемой групповым большинством системы общественных ценностей и направляемая системой коллективных архетипических матриц, представляющих собой родовое наследие индивида.

Ценностно-потребностная сфера личности относительно стабильна, но в процессе социализации и следующей за ней самоактуализации она постоянно пополняется новым потребностным содержанием, которое определяется актуальностью отдельных потребностей и субъективным предпочтением конкретных ценностных форм.

Если индивидуальные потребности не «выходят за рамки» общественных и родовых ценностных матриц – формируется гармоничная ценностно-потребностная сфера личности. В этом случае человек чувствует себя в своем социуме достаточно комфортно. Если по каким-либо причинам этого не происходит, то создаются предпосылки для возникновения внутриличностного конфликта, который может проявиться либо в виде девиантного поведения, направленного на окружающих, либо принять форму аутоагрессии, нервно-психического срыва или иных негативных состояний.

Ценностная идентичность (ЦИ) характеризует степень самоидентификации личности, соответствия ее индивидуальных потребностей системе общественных ценностей и требованиям родового архетипического бессознательного. Ценностная идентичность представлена двумя формами: идентификацией, формируемой общественными требованиями, предъявляемыми социумом индивиду, и собственно идентичностью, обусловленной родовым архетипическим наследием человека. И социальная идентификация, и родовая идентичность имеют ценностно-потребностное происхождение.

Эмпирически уровень ценностной идентичности отражает степень осознанности личностью своей самоидентификации: чем в большей степени потребности личности соответствуют системам общественных и родовых архетипических ценностей, тем большей определенностью, цельностью и осознанностью характеризуется ценностно-потребностная сфера личности, тем в большей степени проявляется зрелость и гармоничность личности.

Этнопсихология ценностно-потребностной сферы личности

В развитии современного общества можно заметить две противоположно направленные тенденции: ориентация на индивидуализм и рациональность, на материальный достаток, характерная для американского образа жизни, и стремление к сохранению традиционных этнически специфических ценностей, сформировавшихся в процессе развития многих восточных культур.

Первая тенденция наиболее четко проявилась в форме концепции глобализма, подразумевающей стандартизацию и унификацию всех экономических, политических, социальных и психологических процессов, происходящих в мире, обществе и отдельном человеке. Такой подход предполагает создание единого мирового правительства, которое сосредоточило бы в своих руках всю власть, а для этого необходимо, чтобы все государства, социальные группы и отдельные личности были как можно больше похожи друг на друга. Поэтому главными задачами глобализма являются нивелирование экономических, политических, этнических, социальных особенностей различных государств, стирание грани между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, а в отношении конкретных людей – уравнивание и упрощение индивидуальных, этнических, потребительских и даже половых различий между людьми. Успешное решение этих вопросов приведет к достижению главной цели – сделать всех людей максимально похожими друг на друга, потому что одинаковыми легко управлять. Сторонниками концепции глобализма являются представители крупного капитала, обладающие огромными финансовыми возможностями и стремящиеся к неограниченной власти над людьми не только в сфере материальных, но и духовных отношений. Через правительства стран, занимающих доминирующее положение в сфере материального производства, они пытаются решить свои проблемы на государственном уровне, например,

путем принятия законов, ограничивающих поведение людей. Чем больше законов принимают государственные органы, тем в более узкие правовые рамки ставится человек и тем более одинаковым становится поведение разных людей, потому что любые отклоняющиеся его формы подвергаются наказанию. При этом вполне успешно создается иллюзия всенародного одобрения вновь принятых законов, что также способствует психологическому усреднению мнений и оценок различных людей. В России, например, за год принимается более 2,5 тысяч новых законодательных актов.

Противоположная глобализму тенденция объединяет людей, которые отстаивают право человека на уникальность, которые не хотят быть похожими на остальных и рассматривают этноспецифические особенности каждой культуры как наивысшую ценность. Антиглобалисты пытаются бороться с попытками крупного капитала захватить мировую власть, но их финансовые, политические и государственные ресурсы несопоставимы с возможностями глобалистов. Поэтому все чаще наряду с демократическими методами ведения борьбы, такими как демонстрации, митинги, протесты, они используют несанкционированные способы защиты своих интересов, вплоть до террористических. В этом отношении интересна позиция российского правительства: если в СССР в 60-е – 70-е годы XX столетия подобные методы отстаивания своих прав назывались национально-освободительными движениями, то сейчас они квалифицируются как террористическая деятельность. Такая резкая смена оценок однозначно свидетельствует о радикальном смещении позиции правительства современной России в сторону глобализма. Наиболее уязвимой в плане восприятия такой двойственности социальных стандартов категорией российского населения является молодежь, которая нередко проявляет тенденцию недостаточно критично усваивать образцы массовой культуры, рыночные, а нередко и криминальные принципы общественных отношений.

В настоящее время, наряду с появившимися возможностями свободы выбора и гласности, открытостью современного социума, в России нарастают негативные явления, присущие любому обществу потребления. Но в нашей стране эти процессы привели к состоянию нравственного кризиса: прежние моральные стандарты отрицаются, в то время как западные образцы, продиктованные концепцией глобализма, в силу особенностей российского менталитета оказались неэффективными [1; 24; 25].

Особенно ярко противостояние этих концепций проявляется в этнопсихологических исследованиях. Сторонники глобализма стремятся доказать, что структура и содержание ценностей одинаково у различных этносов. С этой целью было введено специальное понятие – «общечеловеческие ценности», которое, согласно замыслу его авторов, должно было включать в себя инвариантное в пространстве и времени содержание. Однако определить его оказалось не так просто: все безоговорочно принимали внешние формулировки ценностей, но наполняли эти формы своим содержанием. Поэтому до сих пор это понятие не операционализировано, и вряд ли когда-либо это удастся сделать, а это наталкивает на мысль о том, что оно является теоретически пустым. Противники глобализма – антиглобалисты, наоборот озабочены поиском различий в структуре и содержании ценностно-потребностной сферы личности различных этносов. Их позиция заключается в том, что каждая нация, каждый этнос имеет уникальные культурные традиции, которые необходимо сохранить любой ценой.

В зарубежной кросс-культурной психологии исследование ценностей представлено как важное и актуальное направление. Считается, что через анализ содержания ценностей можно отчетливо рассмотреть изменения, происходящие в культуре и личности в ответ на исторические и социальные перемены [5; 38; 40].

Кросс-культурные исследования ценностей можно анализировать на индивидуальном и культурном уровнях. Индивидуальные ценности обычно рассматриваются как основы мотивов, которыми люди руководствуются в своей жизни. Отношения между ценностями отражают психологическую динамику конфликта или согласия, переживаемого личностью, руководствующейся в своем поведении определенными предпочтениями. Например, человеку трудно стремиться к власти и к подчинению в одно и то же время, но он вполне может одновременно предпочитать власть и богатство. Связи между ценностями различного ранга отражают внутренние измерения индивида, организующие его ценностно-потребностную структуру.

На культурном уровне ценностные различия изучены слабо. В этом случае исследуются разделяемые обществом абстрактные идеи о том, что следует считать хорошим, правильным и желательным в исследуемой культурной группе. Приоритетные культурные ценности отражены в целях и способах деятельности социальных институтов. Реализуя свои социальные роли, человек апеллирует к культурным ценностям, решая, какое поведение им соответствует, и таким образом оправдывая свой выбор в глазах других [5].

Отношения между ценностями на культурном уровне отражают социальную динамику конфликта и согласия, возникающую в ситуации, когда общественные институты реализуют свои цели. Эти отношения не обязательно те же самые, что на индивидуальном уровне. Так, одновременные акценты на власти и подчинении несовместимы на индивидуальном уровне, но они возможны на уровне культуры. Социальная система будет более согласованной, если человек воспринимает власть как желательную основу для организации человеческих отношений, а подчинение – как соответствующее поведение по отношению к тем, кто облечен властью. Таким образом, поскольку отношения между ценностями на индивидуальном и культурном уровнях разные, то и методы их исследования также должны различаться.

Классификация индивидуальных ценностей. Этот подход в основном базируется на исследованиях М. Рокича [37]. Именно он стимулировал интерес к психологическому изучению ценностей, предложив определение и инструмент измерения для этого понятия, в котором отразилось его понимание ценностей как руководящих жизненных принципов.

В конце 80-х годов XX столетия по инициативе и под руководством профессора Иерусалимского университета С. Шварца, начала реализовываться Международная программа сравнительного (кросс-культурного) изучения ценностей. В настоящее время в рамках этой программы работают группы исследователей в 46 странах [38]. Шварц отмечает, что главный содержательный аспект, отделяющий одни ценности от других – тип мотивации, в которой они реализуются. Поэтому отдельные ценности были сгруппированы в блоки, разделяющие и реализующие общую цель. Шварц исходил из того, что основные человеческие ценности, которые должны быть представлены во всех культурах, отражают универсальные человеческие потребности. Основываясь на ценностях, выделенных предшествующими исследователями, найденных в религиозных и философских трудах разных культур, он выделил десять мотивационных групп, которые представил как основные блоки ценностей и дал названия, отражающие их главные цели: Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность, Универсализм, Заботливость, Традиционность, Конформизм, Безопасность. Поскольку эти типы ценностей формируют интегральную мотивационную структуру, Шварц в дальнейшем стал считать, что ценностный тип связан с потребностями, мотивами, установками и поведением в целом.

Классификация культурных ценностей. Существуют сотни, а возможно и тысячи ценностей, на основе которых можно сравнивать разные культурные группы. Некоторые ценности высоко ценятся во всех обществах, другие – лишь

в некоторых. Для того чтобы иметь возможность сравнивать результаты исследований, проведенных в различных культурах, необходимо ограничить множество культурных ценностей небольшим числом измерений, по которым их можно было бы сравнивать. Ученые, пытавшиеся решить эту задачу, предположили, что культурные изменения ценностей отражают основные проблемы, с которыми сталкивается общество, организуя человеческую деятельность.

Подход Шварца [40] к ценностям на культурном уровне теоретически независим от его подхода на индивидуальном уровне. По его мнению, измерения культурных ценностей отражают альтернативные решения группами основных проблем.

К. Клакхон и Ф. Стродбек [5] определили культурные ценности как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем». Их ценностная теория основана на трех положениях:

- люди во всех культурах призваны решать одни и те же проблемы;
- набор доступных решений ограничен, но каждое решение в той или иной культуре может иметь разный ранг;
- хотя одно из решений предпочитается членами данной культуры больше других, все потенциальные решения имеются в каждой культуре.

Затем они сформулировали 5 основных общечеловеческих проблем.

Направленность деятельности. К. Клакхон и Ф. Стродбек выделили три основных вида человеческой деятельности: «бытие», «становление» и «делание».

Направленность на бытие означает спонтанное выражение того, что заложено в человеческой природе. За этим кроется ценность опыта, целостного проживания каждой минуты жизни. Примером может быть любой яркий народный праздник, который, согласно представлению авторов, являет собой «чистое импульсивное удовольствие».

Другой пример направленности деятельности – стремление к некоей целостности в собственном развитии – за этим стоит ценность изменения и роста: дзен-буддистские монахи проводят свою жизнь в созерцании и медитации для того, чтобы полнее развить свое «Я». Хороший пример направленности деятельности на становление – стремление к самоактуализации, описанное А. Маслоу и ставшее популярным в США в 70-е годы XX века.

Третий вариант направленности деятельности – собственно реальная деятельность или «делание»: за этим стоит ценность действия ради действия. Примером может служить культурная традиция, сложившаяся в США, принципом которой является сравнение и измерение человеческих деятельностей. Стремясь оценить человека, американцы обычно задают вопрос: «Чем он или она занимается?». С этой точки зрения, если некто только думает или мечтает, ничего не предпринимая, его деятельность невозможно оценить, а, значит, ее не существует.

Сравнительное кросс-культурное исследование, проведенное на мексиканской и американской популяции, показало, что мексиканцам свойственна направленность на «бытие» (ценность опыта), а американцам – на «делание» (ценность действий). Это нашло отражение и в их отношении к окружающей среде: когда наблюдается диссонанс между требованиями среды и действиями человека, мексиканцы скорее изменят свои действия, а американцы попытаются изменить среду. При этом американцы будут стараться справиться сами, а мексиканцы обратятся за помощью к другим людям.

В исследовании межпоколенной трансмиссии культуры у русских было выявлено, что представителям разных поколений русских свойственна

устойчивая направленность на становление, то есть для русской культуры важнейшая ценность – не деятельность, не опыт, а рост и изменение личности [7; 9].

Отношение к человеческой натуре. Согласно мнению ряда авторов, у индивида могут формироваться разные аттитюды по отношению к человеку: все люди по своей природе либо добрые, либо дурные, либо добрые и дурные одновременно, либо нейтральные по отношению к добру и злу. Человека также можно считать поддающимся изменениям или неизменным по самой своей природе. Комбинация этих шести измерений выражается в мнениях о том, что человеческая натура – добрая и подверженная изменениям, добрая и неизменяющаяся, дурная и подверженная изменениям, дурная и неизменяемая, соединяющая добро и зло, нейтральная.

Исходя из этих мнений, возможны разные стратегии поведения. Если руководители какого-то государства уверены, что люди злы по природе, они скорее предпочтут установить контроль за человеческой деятельностью, например, будут опираться на репрессивный аппарат, на действия полиции и т.д. Если же они посчитают, что люди добры по своей природе, то упор будет сделан на свободу личности и саморегуляцию. Если государственные лидеры убеждены, что люди способны изменяться, то главными средствами управления станут обучение и другие способы воздействия на личность; если же господствующей останется установка на неизменность человеческой природы, то не имеет смысла тратить время и деньги на обучение.

Отношение к природе. Выделяют три основных типа отношения человека к природе: покорение природы, гармония с природой и подчинение природе. Покорение означает взгляд на природу, предполагающий подчинение всех природных сил человеческим нуждам, например, известный мичуринский принцип: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Гармония с природой – это отсутствие противопоставления человека, природы и сверхприродного, ибо одно является продолжением другого. Примером могут служить традиционные восточные культуры. В подчинении природе заложена уверенность в том, что природа не может быть поставлена под контроль человека. Индивиды из культур с такой ориентацией обычно не прибегают к советам врача даже на пороге смерти (традиционная испано-американская культура).

Отношение ко времени. Оно может характеризоваться ориентацией человека на прошлое, настоящее или будущее. Культурные системы, в которых высоко ценятся традиции, могут быть в большей степени ориентированы на прошлое (например, культура старообрядцев в России, культуры народов Северного Кавказа). Культуры, ориентированные на настоящее, обращают сравнительно мало внимания на прошлое и на то, что может произойти в будущем (культуры стран Латинской Америки). Когда в обществе высоко ценятся изменения, преобладает ориентация на будущее (культура США).

Э. Холлу [31] принадлежит разделение культур на «полихронные» и «монокронные». Представителям полихронных культур свойственно делать много дел одновременно, а «монокронный» человек не принимается за другое дело, пока не закончил первого. Так, например, «приходить вовремя» для данных типов культур – разные понятия. Планы на будущее в полихронных культурах могут изменяться, если возникают «более важные дела». В монокронных культурах люди очень внимательно относятся к времени, которое координирует и обуславливает их отношения с другими людьми. Холл описывал П-культуры как ориентированные на людей, человеческие отношения, семью, а М-культуры – на исполнительность, достижение цели, реализацию планов и результативность. Например, парикмахер в полихронной культуре может отменить запланированную встречу с клиентом, если кому-

нибудь из семьи потребуется его немедленная помощь, а аналогичный представитель М-культуры – никогда не сделает этого.

Отношение к другим людям. Ценности культуры реализуются также в направленности социальных отношений. Она может быть:

- иерархичной, отражать уважительное отношение к вышестоящим членам и ориентацию на их мнение;
- взаимной, основанной на внимании к равным по статусу людям (ориентация на мнение супруга);
- индивидуалистической, ориентированной на себя, на собственные цели, потребности, взгляды или вкусы [5].

Несмотря на обилие теоретико-методологических подходов, методов и процедур исследования ценностей в зарубежной психологии, возникает вопрос – имеют ли исследуемые ценности одинаковое значение в разных культурах. Даже при хорошем переводе нельзя быть уверенным, что выраженные средствами языка ценности в равной степени важны в разных культурах. Работа с местными вариантами ценностей не дает возможности понять, насколько эти ценности сходны с ценностями других культур.

К проблеме группировки человеческих ценностей можно подойти и иначе – путем тщательного анализа языковых средств их выражения. С этой целью было проведено специальное исследование, на первом этапе которого был составлен список всех человеческих потребностей и ценностей, которые имеют обозначения в русском языке. Из Толкового Словаря С.И. Ожегова были выписаны все слова, обозначающие потребности и ценности. После этого с помощью специального словаря был проведен омонимический анализ этого массива с целью исключения одинаковых по содержанию слов. Следующий шаг заключался в том, что отобранные слова были разбиты на 12 групп, исходя из длины слова: состоящие из 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 букв. Это, конечно, не значит, что нет 15 или 16 буквенных слов, обозначающих потребности или ценности; такие слова есть, но их мало, а это делает затруднительной их группировку, осуществляемую на следующем этапе 7 экспертами, в роли которых выступили опытные психологи. Задача, которая ставилась перед ними, состояла в том, чтобы сгруппировать в классы слова разной длины: отдельно 3-х буквенные, отдельно 4-х буквенные и т.д. При этом ничего не говорилось ни о количестве выделяемых классов, ни о критериях, на основе которых следует осуществлять группировку – эксперты делали это спонтанно.

Результаты проделанной экспертами работы вначале показались несколько шокирующими: все без исключения эксперты распределили представленные для группировки слова различной длины в одинаковое число групп (8), причем содержательно эти группы у разных экспертов оказались практически идентичными. Создавалось впечатление, что экспертам был заранее известен принцип классификации, хотя инструкция не содержала вообще никаких намеков на то, каким образом осуществлять группировку; эксперты проводили ее исключительно спонтанно. Однако если попытаться проанализировать этот факт с позиции теории ценностно-потребностной сферы личности, то он становится легко объяснимым. 8 групп – это 8 родовых архетипических форм, которые изначально заложены в коллективном бессознательном человека, но которые каждая личность наполняет своим уникальным потребностным содержанием.³⁰ Эти глобальные ценностные матрицы представляют собой

³⁰ Этот факт подтверждает еще один важный постулат, который был выдвинут еще в конце XIX – начале XX века в работах В. Вундта [2], Г. Тарда [26], Г. Лебона [10] и др. и развит современными исследователями общественного сознания С. Московичи [19] и Х. Ортега-и-Гассетом [20]. Эти ученые считают, что

бессознательные архетипы, которые придают универсальную форму индивидуальным потребностям человека. Вот почему эксперты неосознанно и спонтанно классифицировали ценности именно таким образом. Какие же это ценностные зоны? Возможно, в разных этносах их названия будут в определенной степени варьировать (экспертиза проводилась только в отношении ценностей, зафиксированных в русском языке), поэтому предлагаемые обозначения пока носят рабочий характер.

1. Гедонистическая зона, в которую оказались включенными потребности, реализующие принцип удовольствия.

2. Зона безопасности, которая представлена потребностями, отражающими субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий.

3. Эго-зона, наполняемая потребностями, определяющими индивидуальные стремления и амбиции личности.

4. Экзистенциальная зона, включающая в себя потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение.

5. Аффiliationная зона, аккумулирующая потребности в межличностных взаимодействиях.

6. Когнитивная зона, наполненная интеллектуальными и познавательными потребностями.

7. Ритуальная зона, в которой сосредоточены потребности, связанные с традициями и отправлением различных ритуалов, регламентирующих официальное поведение человека.

8. Трансцендентальная зона, содержанием которой являются духовные потребности человека и потребности роста [16].

В отечественной этнопсихологии 90-х годов XX века был проведен ряд исследований ценностей представителей русского этноса. К. Касьянова [4] отмечает в русской культурной традиции значимость таких ценностей, как терпение, страдание, смирение, жертвенность (ценности «внутреннего делания») по сравнению с ценностями «внешнего делания»: труд, достижение успеха. Л. Почебут [21] указывает на коллективизм, справедливость, ориентацию на лучшее будущее, на быстрое решение жизненно важных проблем. В исследовании межпоколенной трансмиссии культуры у русских Н.М. Лебедевой [9] отмечается сильная тенденция к сохранению таких ценностей, как коллективизм и феминность, наряду с развитием у молодых поколений россиян индивидуализма и маскулинности (амбициозность, мотивация достижения).

В отечественной психологии проводились исследования и по программе С. Шварца. Полученные предварительные данные пока не позволяют сделать глобальные, «основополагающие» выводы относительно социально-психологических закономерностей развития ценностной сферы личности и группы, но можно утверждать, что в определенных социальных слоях образ «социально желательной» иерархии ценностей практически не подвергался широко провозглашаемой ломке, хотя в последние два десятилетия наблюдались определенные изменения и сдвиги.

Существенным недостатком отечественных исследований ценностей является отсутствие единства в методах, что затрудняет сравнение результатов, полученных разными авторами. Кроме того, практически нет исследований,

«общественное сознание» (в смысле – бессознательное «общественное сознание») возникло гораздо раньше индивидуального, и только потом на этой основе у человека выработалась способность самостоятельно выделять окружающие объекты и самого себя из общего психологического фона.

привлекающих для анализа ценностей данные истории, этнографии, культурологии и религиоведения.

С 1999 года в рамках проекта РГНФ «Изменяющаяся этническая идентичность. Опыт кросс-культурного анализа этнопсихологических исследований в России и СНГ в 90-х годах XX века» Н.М. Лебедевой проводится цикл эмпирических исследований изменения базовых культурных ценностей русских. Главная цель проекта – сравнительный анализ структуры базовых ценностей двух русских поколений. Ценностные сходства между ними должны были показать неизменное ценностное ядро русской культуры, а различия – направления изменений структуры ценностей в последнее десятилетие XX века. Мотивом к проведению данного цикла исследований стала неудовлетворенность результатами и их интерпретацией в работах Шварца в отношении стран Восточной Европы [8].

Сравнительные кросс-культурные исследования проводились в основном зарубежными психологами во многих странах мира. В последнее десятилетие они стали планироваться и в отечественной социально-психологической практике, но их качественная реализация сопряжена с серьезными методологическими трудностями, поэтому их можно охарактеризовать как недостаточно подготовленные и фрагментарные. Но результаты этих исследований, несмотря на их несовершенство, нельзя считать бесполезными, потому что межкультурные контакты становятся все более доступными для многих социальных и возрастных групп россиян, а знания об особенностях поведения, общения и взаимодействия в различных этнокультурных условиях все более востребованными.

Теоретический анализ проблемы этноспецифических особенностей ценностно-потребностной сферы личности выявил существование двух принципиальных подходов к ее анализу.

В социологически ориентированных исследованиях идентичность рассматривается как сознание своей принадлежности к конкретной общности и обособления от других. Формирование основ идентичности связывается с подростковым периодом развития, но ее становление продолжается и в более поздние периоды жизни, когда происходит переосмысление роли и значения собственной личности. В целом особенности формирования идентичности являются схожими для всех этнокультурных групп.

Психологический подход к проблеме идентичности опирается на понятие коллективного бессознательного и связан с категорией «Self». С этих позиций этническая идентичность – результат наполнения родовой формы этнического архетипа содержанием индивидуальных потребностей человека. Познание этнического архетипа происходит в процессе индивидуации – постепенного осознания своей этнической принадлежности, что позволяет человеку выработать определенное отношение к собственной и другим этническим общностям. С другой стороны, помимо родовых архетипических форм существует система общественных ценностей, которая также служит формообразующим фактором для индивидуальных потребностей человека. Этот процесс называется социализацией, а его продуктом является этнический аттитюд – готовность индивида реагировать на конкретную этническую ситуацию определенным стереотипным поведением. В отличие от этнической идентичности, постепенно осознаваемой в процессе индивидуации, этнический аттитюд первоначально сознателен, а затем становится автоматизированным бессознательным стереотипом социального поведения. Процесс социализации является доминирующим в первую половину жизни человека, процесс индивидуации – во вторую.

Необходимо четко различать два понятия, которые в социологической литературе нередко подменяют друг друга: этническую идентичность, представляющую собой индивидуальную реализацию родового этнического

архетипа, и этническую идентификацию как систему приобретенных этнических аттитюдов.

На основе анализа различных точек зрения на природу и происхождение ценностно-потребностной сферы личности, можно сформулировать три варианта трактовки понятия «ценность» в современной психологии.

Ценность рассматривается в одном ряду с такими понятиями как мнение, представление или убеждение. В этом случае она не обладает самостоятельной побудительной силой, черпая ее из других источников. Ценностная регуляция поведения фактически отождествляется с внешними факторами, которые в определенной степени могут рефлексироваться личностью и противостоять ее внутренним эгоцентрическим побуждениям.

Ценность рассматривается как подобие социальной установки. При таком понимании ей приписывается направляющая или структурирующая функция, к которой и сводится эффект ценностной регуляции. Такая позиция более продуктивна, но она наследует от аттитюда проблему расхождения между декларируемой и реальной ценностями.

Ценность сближается с понятиями потребности и мотива, подчеркивая их реальную побудительную силу. Но мотивирующее действие ценности не ограничивается конкретной деятельностью или ситуацией, она рассматривается как формирующий фактор ценностно-потребностной сферы личности и характеризуется высокой стабильности. Содержательные и структурные изменения в системе ценностей провоцируют кризисные ситуации в жизни человека. Такая точка зрения развивается в авторской концепции ценностно-потребностной сферы личности.

Библиографический список

1. Белинская, Е.П., Стефаненко, Т.Г. Этническая социализация подростка / Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко. – М.: МПСИ; «МОДЭК», 2000. – 208 с.
2. Вундт, В. Психология народов / В. Вундт. – СПб.: 1992. – 356 с.
3. Гумилев, Л.Н. Рождение нации / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 1998. – 404 с.
4. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: 1993. – 267 с.
5. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию / Пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.
6. Короленко, Ц.П., Дмитриева, Н.В., Загоруйко, Е.Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – 472 с.
7. Лебедева, Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. – 2000. – №3. – С.73-87.
8. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999.
9. Лебедева, Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре / Н.М. Лебедева // Психологический журнал. – 2001. – Том 22. – №3. – С.26-31.
10. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 316 с.
11. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
12. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу // Пер с англ. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
13. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу // Пер. с англ. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – 304 с.
14. Морогин, В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть I / В.Г. Морогин // Социальный психолог. – Вып.1 (13). – Ярославль. – 2007. – С.27-39.
15. Морогин, В.Г. Теория и методология экспериментально-психологического исследования ценностно-потребностной сферы личности. Часть II / В.Г. Морогин// Социальный психолог. – №1 (15). – М., 2008. – С.19-30.

16. Морогин, В.Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности / В.Г. Морогин // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – №3. – Новосибирск, 2009. – С.12–28.
17. Морогин, В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности / В.Г. Морогин. – Томск: ТГПУ, 2003. – 357 с.
18. Морогин, В.Г., Ануфриева Т.В., Колчина, Г.С. Социально обусловленная и реальная структура ценностно-потребностной сферы личности / В.Г. Морогин, Т.В. Ануфриева, Г.С. Колчина // Вестник ТГПУ. – 2007. – С.119–128.
19. Москвичи, С. Наука о массах. Психология масс. Хрестоматия / С. Москвичи // Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах, 1998. – С. 397–534.
20. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Психология масс. Хрестоматия / Х. Ортега-и-Гассет // Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах, 1998. – С. 195–314.
21. Почебут, Л.Г. Этнические факторы развития личности / Л.Г. Почебут // Введение в этническую психологию. – СПб.: 1995.
22. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии. 3-е изд. / С.Л. Рубинштейн. – М.: 1979. – 416 с.
23. Симонов, П.В. Эмоции и воспитание / П.В. Симонов // Вопросы философии. – 1981. – №5. – С. 29–42.
24. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.:1998. – 209 с.
25. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
26. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб.: СПЦ, 1996. – 558 с.
27. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990
28. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». Психология масс. Хрестоматия / З. Фрейд // Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах, 1998. – С. 131–194.
29. Фрейд, З. Я и Оно // Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: 1990.
30. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фром // Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990.
31. Холл, Э. Как понять иностранца без слов // Фаст Дж. Язык тела. Холл Э. Как понять иностранца без слов/ Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1997. – С. 225–429.
32. Юнг, К. Архетип и символ / К. Юнг. – М.: 1991.
33. Ego Identity: Handbook for Psychosocial Research/ Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R. (Eds.). N.Y.: Springen. – 1993. – 291 p.
34. Erikson, E.H. Identity and the Life Cycle. N.Y.–L.: Norton. 1980. – 191 p.
35. Marcia, J.E. Identity in Adolescence // Handbook of Adolescent/ Adelson J.(ed.) N.Y.: JohnWiley. 1980.
36. Mead, G.H. Mind, Self and Society/ Ed. By C.W. Morris. Chicago: Press. Univ. Of Chicago. 1975. – 248 p.
37. Rokeach, M. The Nature of Human Values. L.–N.Y., – 1973.
38. Schwartz, S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol.58. № 5. – P. 550–562.
39. Schwartz, S.J., Mullis R.L., Dunham R., Waterman A.S. Ego Identity Status, Identity Style, and Personal Expressiveness. An Empirical Investigation of Three Convergent Constructs // Journal of Adolescent Research, July. – Vol.15. Issue4. – 2000. – p. 504–522.
40. Schwarz, S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and content of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol.58. – P. 878–891.

TO THE QUESTION ON INTERRELATION OF COGNITIVE AND AXIOLOGICAL SPHERES OF THE PERSON

In article structural and functional models of cognitive spheres of the subject are presented; it is shown that cognitive sphere of the subject represents the structured system interconnected with axiological sphere of the person.

В.С. Нургалиев, П.Г. Лубочников
Сибирский государственный технологический университет, г. Красноярск

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ КОГНИТИВНОЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕР ЛИЧНОСТИ

В статье представлены структурная и функциональная модели когнитивной сферы субъекта, показано, что когнитивная сфера субъекта представляет собой структурированную систему, взаимосвязанную с аксиологической сферой личности.

При анализе особенностей формирования убеждений личности, И.Я. Зязюн [4] отмечал прохождение человеком определенных этапов и обозначил их следующим образом: «знаю» - «чувствую» - «делаю». При этом автор сравнивал данный метод взаимодействия субъектов образовательного процесса (убеждение) с методом внушения, отмечая такую особенность последнего как отсутствие этапа «знаю», то есть осмысления той или иной информации, которая, в идеальном варианте, должна предшествовать эмоциональному переживанию. Кроме того, этап «чувствую» включает два подэтапа, которые условно можно обозначить «переживаю» - «принимаю (отвергаю)», что позволяет нам выяснить, каким образом происходит переход от осмысления информации к конкретному, являющемуся проявлением того, убежден человек в чем-либо, или только информирован об этом. Например, многие информированы о том, что курить вредно, но убежденным в этом можно назвать только того человека, который, в конечном счете, отказывается от курения.

В связи с вышесказанным мы можем сделать предположение о некоторой аксиологической насыщенности процессов перехода от знаний к чувствам, а от них к действиям и в данной статье рассмотрим взаимосвязь когнитивной и аксиологической сфер личности.

Изучая когнитивную деятельность [4], мы сконструировали структурную и функциональную модели когнитивной сферы субъекта, которые в дальнейшем были уточнены нашими последователями [2].

Первая модель носит в большей мере структурный характер и показывает основные этапы становления когнитивной сферы субъекта (рисунок 1).

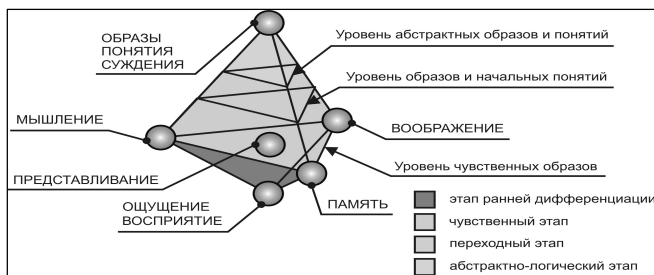

Рисунок 1 - Структурная модель когнитивной сферы субъекта

Структурная модель представлена нами в форме тетраэдра, соединенного основанием с плоской треугольной пирамидой, что символизирует взаимосвязь «низших» и «высших» психических процессов. Важную роль в формировании высших психических процессов (память, мышление, воображение) играют ощущения, восприятия и представления. Именно поэтому плоская треугольная пирамида расположена внизу модели, и с ее помощью характеризуется этап формирования когнитивной сферы субъекта, обозначенный автором как этап ранней дифференциации.

На данном этапе субъект познает окружающий мир, ощущая его всеми нормально функционирующими сенсорными системами. Это позволяет ему постепенно перейти от ощущений к восприятию, а от восприятия к представлению, благодаря чему формируются образы окружающего мира, называемые в психологии представлениями. Формирование представлений – это важнейший этап развития когнитивной сферы субъекта, поскольку они являются фундаментальным средством функционирования всех психических процессов (что подтверждается единством таксономических единиц их классификации) [4, с.3].

С появлением представлений происходит более глубокая дифференциация психических процессов, тогда как на ранних этапах развития человека сложно определить их специфику. Данный этап мы обозначили как чувственный этап, так как образы хотя и являются результатом абстрагирования от предметов окружающего мира, все-таки имеют именно чувственный характер.

Следующий этап развития когнитивной сферы субъекта обозначен автором как смешанный или переходный. Он характеризуется тем, что психические процессы функционируют посредством как конкретных (чувственных) образов, так и начальных понятий. Эти средства присутствуют в той или иной форме во всех психических процессах, особенно в памяти и мышлении.

Последний этап в развитии когнитивной сферы субъекта обозначается как абстрактно-логический, соответствующий третьему уровню развития данной сферы субъекта. Средствами функционирования изучаемых нами процессов являются теперь абстрактные образы и понятия, которые все большей степени имеют словесные обозначения. Именно поэтому на вершину основного тетраэдра автор поместил обозначение «Язык», что позволило ему акцентировать внимание на вербальной детерминации всех психических процессов.

Необходимо отметить, что в структурной модели когнитивной сферы субъекта, предложенной автором, все внутреннее пространство основного тетраэдра представляет собой совокупность средств – образов – понятий, которые формируются в процессе жизнедеятельности субъекта.

Один из наших аспирантов (Е.С.Дегтярев) внес, как нам кажется, правильное уточнение модели. На вершину основного тетраэдра мы в свое время поместили обозначение «Язык», что символизировало собой вербальную детерминацию всех психических процессов. Однако по определению «Язык – это то, на чем говорим, набор произвольных конвенциональных символов, с помощью которых мы передаем значение, культурно определенная модель вокальных жестов, которую мы усваиваем на основании того, что выросли в определенном месте и в определенное время. Посредник, с помощью которого мы кодируем наши чувства, мысли, идеи и опыт» [1, с.531]. То есть язык, согласно содержанию понятия, не обобщает образы, понятия и суждения (а ведь именно образы, понятия и суждения, имеющие словесное выражение, автор ставит в вершину основного тетраэдра). Следовательно, место на вершине основного тетраэдра должны занимать образы, понятия и суждения в их совокупности, не только как результат, но и как операционные средства «высших» психических процессов [2].

Анализ памяти, мышления и воображения как форм психической деятельности позволили графически представить функциональную модель когнитивной сферы субъекта, которая также была несколько изменена Е.С.Дегтяревым (рисунок 2).

Структурные компоненты данной модели, за исключением ощущений и восприятий, представляют собой формы психической деятельности (а не просто психические процессы), имеющие определенные функциональные связи друг с другом, которые мы опишем подробнее.

Так, функциональная связь, обозначенная цифрой 1, показывает зависимость представлений субъекта от сенсорной информации, полученной в результате ощущений и восприятий. Далее деятельность представления становится основой для остальных форм психической деятельности: воображение, мышление, память.

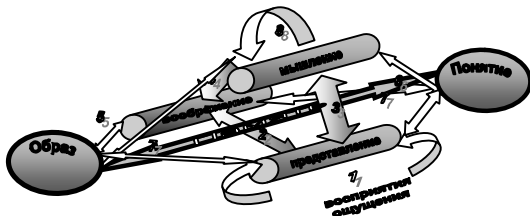

Рисунок 2 - Функциональная модель когнитивной сферы субъекта

Связь, обозначенная цифрой 2, констатирует взаимовлияние и взаимодействие деятельности представления с имажинитивной деятельностью. Результатом такого взаимодействия становятся образы окружающего мира различного порядка – от эмоционально-чувственного до абстрактно-логического. Образы представления могут быть основой для синтеза образов воображения, а те, в свою очередь, могут функционировать в представлении как «обычные» образы, без дополнительного изменения.

Функциональная связь, обозначенная цифрой 3, фиксирует взаимодействие и взаимообусловленность деятельности представления с мыслительной деятельностью. В процессе онтогенеза субъекта его мышление имеет наглядно-образный и наглядно-действенный характер. Образы, формируемые в процессе представления, таким образом, функционируют в мыслительном процессе и деятельности в качестве «средств» оперирования. Те новые понятия и образы, которые формируются в результате мышления, могут стать основой для деятельности представления.

Связь, обозначенная цифрой 4, показывает взаимодействие и взаимообусловленность мыслительной и имажинитивной деятельности. Воображение оперирует образами, полученными в результате деятельности представления и преобразованными в имажинитивной деятельности. Образы воображения, как и образы представления, служат средствами формирования понятий в процессе мыслительной деятельности. Обратная связь «мышление – воображение» характеризуется влиянием понятий, полученных в результате мышления на синтезирование и преобразование образов, более обобщенного порядка.

Цифрой 5 обозначены комплексные связи представления, воображения и мышления с одним из продуктов их деятельности – образом, который может выступать в чувственном, смешанном или логическом плане. Дело в том, что образы, синтезируемые в результате представления, воображения и мышления, не всегда являются актуально-необходимыми для той или иной формы

психической деятельности. Поэтому ряд образов фиксируются в памяти субъекта до возникновения целесообразности их использования, после чего они функционируют в данных формах психической деятельности с целью получения какого-то нового результата.

Цифрой 6 также обозначены комплексные связи форм психической деятельности с другим их результатом - понятиями, формируемыми, главным образом, посредством языка. В прямой связи образы и понятия суть продукты мышления, воображения и представления. Обратная зависимость связана с использованием уже существующих образов и понятий в дальнейшей психической деятельности, сохраненной и актуализированной в результате мнемической деятельности (данная связь обозначена цифрой 7).

Особое внимание заслуживает, с нашей точки зрения, отношение, обозначенное цифрой 8. Оно показывает особую роль мышления в процессе психической деятельности, которое является ведущим процессом сознания субъекта, поскольку благодаря ему, он может контролировать деятельность своего сознания в целом и самого мышления в частности. Когнитивная сфера субъекта, таким образом, может, в определенных условиях, полностью контролироваться его мыслительной деятельностью. Условиями такого контроля являются преобладание в данной сфере форм деятельности над процессами.

Уточнения функциональной модели когнитивной сферы субъекта заключаются в том, что связи 2, 3 и 4 должны не просто соединять процессы мышления, воображения и представления, а опосредствованно через сегмент «образ, понятие». Конечно, эти связи имеют как прямую, так и обратную зависимость. Данные изменения позволили более точно наглядно отразить совокупность этих психических процессов. Роль памяти в данной модели не сводится к пассивному хранению образов и понятий. Именно память аккумулирует образы, отражает их изменения и преобразования.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что когнитивная сфера субъекта представляет собой структурированную систему, все процессы и формы деятельности которой взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой, что обеспечивает более точное отражение объективного мира в субъективных образах и понятиях, с выходом на преобразовательную деятельность субъекта, в которой особую роль играет память.

Если разрабатывать модель аксиологической сферы субъекта, то в ней также необходимо выделить структурные и функциональные компоненты. К первым можно отнести ценности и смыслы, ко вторым - ценностные ориентации и ценностные отношения.

В этой связи в структурном плане ценности и смыслы связаны с такими структурными компонентами когнитивной сферы, как память, мышление и воображение, а результатом взаимодействия изучаемых сфер могут быть образы, понятия и суждения, имеющие ценностный контекст.

В функциональном плане ценностные понятия и образы формируются в процессе когнитивной деятельности посредством экстраполяции в нее ценностей и смыслов за счет взаимоперехода интернальных и терминальных ценностей и их своевременного осмысления, а также преобразования ориентаций в отношении.

Каждый из компонентов, представленных на рисунке 2, в процессе оптимальной воспитательной работы приобретает аксиологическую

направленность, в том числе связь, обозначенная цифрой 8 («мышление о мышлении»), которая проявляется в том, что освоение окружающего мира может способствовать мышлению о мышлении как ценности для человека, что будет особым образом определять направленность его жизнедеятельность.

Библиографический список

1. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin). Пер. с англ. – М.: Вече АСТ, 2000. – Т. 1 (А–О). – 592 с.
2. Дегтярев, Е.С. Развитие контекстно-понятийной памяти в процессе когнитивной деятельности: монография / Е.С. Дегтярев, В.С. Нургалеев. – Красноярск: СибГТУ, 2006. – 160 с.
3. Зязюн, И.Я. Основы педагогического мастерства: учебное пособие / И.Я. Зязюн. – М.: Просвещение, 1989. – 302 с.
4. Нургалеев, В.С. Психологические факторы развития воображения в процессе когнитивной деятельности: дис. ... д-ра психол наук / В.С. Нургалеев – Новосибирск, 1999. – 378 с.

УДК 37.0

O.D. Olejnikova

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

DOMESTIC EDUCATION IN THE CONDITIONS OF THE CONSUMER SOCIETY

In article living conditions of a domestic education within the limits of a consumer society are considered. The analysis of works of J. Baudrillard and G. Deborah is presented, glamour as an ideology of a consumer society is investigated.

О.Д. Олейникова

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье рассматриваются условия существования отечественного образования в рамках общества потребления. Представлен анализ работ Ж. Бодрийяра и Г. Дебора, исследуется гламур в качестве идеологии общества потребления.

Переживаемый страной социальный эксперимент связан с вхождением её населения в состояние, которое Ж. Бодрийяр назвал «обществом потребления». Е.И. Сапожников дает следующие определения: «общество потребления представляет собой систему, организующую совместную жизнедеятельность людей таким образом, что манипулирование культурными кодами, иницирующими потребительские психологические установки, становится ее доминирующим содержанием. Эта система характеризуется массовым манипулированием культурными символами и формированием соответствующей иерархии ценностей, на вершине которой – перманентный выбор, покупка и регулярное обновление вещей». [1, с. 54].

Общество потребления не может стать обществом всеобщего счастья и благоденствия, поскольку искусственно создаваемые потребности множатся, а ненасытная жажда потребления в принципе не насыщаема и неутолима. Бодрийяр констатирует: потребление в условиях сверхизобилия приводит к утрате трансцендентных смыслов, консолидирующих население в народ, поскольку приводит к расточительству и прямому злоупотреблению,

порождающему параллельно богатству немногих нищету большинства. Таким образом, общий экономический рост идёт на пользу не всему обществу, а лишь тем немногим, которые являются основными держателями акций благосостояния. Равенство желаний охранительно маскирует реальную дискриминацию и не соответствует равенству возможностей. Опережающий рост потребностей обеспечивается существующим социальным неравенством, которое необходимо для порождения и обновления потребительских appetites. Социальное неравенство прогрессирует, постоянно воспроизводя отношения господства и подчинения, привилегий и аутсайдерства. По Бодрийяру, общество потребления есть общество «социального сговора» [2, с.125], когда все довольны по-своему и живут по принципу: «Забиться о себе!». Самодовольство конформистов – оплот благополучия потребительского общества и основа его стабильности. Это общество симулирует заботу о своих агентах с помощью рекламы: «Tefal думает о вас, L'Oreal вас любит, Electrolux сделает жизнь легче».

От потребителя не требуется оригинальность и глубины мышления, широта интересов и эрудиция. Потребительское общество заинтересовано в людях, сознанием которых можно легко манипулировать и поэтому навязывает систему инструментальных ценностей, способных надежно сориентировать на обретение материального достатка как критерия социальной успешности.

Потребительские интенции современного постиндустриального общества воплощаются в бесконечном расширении консьюмеризма посредством включения в сферу рыночных отношений всех социальных институтов, в том числе и тех, кто имел принципиально нерыночную природу – систему образования. Говоря об образовательной системе, сегодня используют термин «рынок образовательных услуг», поскольку образование становится товаром, а предоставление образовательных услуг, соответственно, – доходным бизнесом. Школа и высшие учебные заведения сегодня, включенные в рыночные отношения потребительского общества, позиционируют себя не в качестве храмов науки, а в ипостаси социальных институтов, упрощенно прагматически позволяющих реализовать программу приспособления к жизни. Образование становится инструментальной ценностью, вписываясь в контекст общества потребления.

Образование невозможно без ориентации на определенную систему ценностей, которая структурирует духовную жизнь человека. М.Хайдеггер в работе «Учение Платона об истине», анализируя платоновскую притчу о пещере, поясняет суть процесса образования. Все образованные люди ее хорошо помнят. Переход из пещеры в дневной свет, от незнания к знанию, по Хайдеггеру, должен быть неторопливым, основательным, постепенным и медленным, поскольку перемена «бытия человека и происходит в основе его существа. Это значит: определяющая установка, долженствующая возникнуть благодаря перемене, подлежит развертыванию из уже заложенной в человеческом существе отнесенности в устойчивое поведение» [3, с.350]. Суть этого процесса Платон называет «пайдейя». Хайдеггер пишет, что слово это не поддается переводу, и дает свою интерпретацию: «Пайдейя означает... руководство к изменению всего человека в его существе» [3, с.350]. Ближе всего, по Хайдеггеру, к понятию пайдейя подходит слово образование. Подлинное образование захватывает и изменяет саму душу. То есть, для Хайдеггера, как и для Платона, идеал подлинного образования связан с целостным развитием личности с учетом неисчерпаемости ее творческих потенций, направленных на познание и обновление мира, на собственное самосовершенствование в траектории нравственного роста. М.Хайдеггер, следуя за Платоном, представляет свою концепцию образования: «Образование, во-первых, это образование в смысле развертывающегося формирования. Такое «образование», с другой стороны, «образует» (формирует), исходя все время из

предвосхищающего соразмерения с неким определяющим видом, который зовется поэтому прообразом. «Образование» есть вместе и формирование, и руководство определенным образом. Противоположное пайде́е – апайде́всия – необразованность. В последней и не пробуждено развертывание основополагающей установки, и не выставлен определяющий прообраз» [3, с.350]. Следовательно, образование есть деятельность человека, имеющая своим основанием потребность в развитии с установкой на достижение некоего совершенства.

Сегодня происходит консьюмеризация образования – превращение его в социальный институт и элемент системы общества потребления. Бодрийяр уточняет: объект не интересен потребителю в его культурной ценности, он позиционируется как знак статусной иерархии, как средство возможности вхождения в определенную, значимую для потребителя, социальную группу. Сфера образования задаёт определённые потребительские модели. Мерой качества системы образования является его функциональная пригодность для системы.

Пьер Бурдьё и Жан-Клод Пассрон в книге «Воспроизводство: элементы теории системы образования» показали, что сложившиеся буржуазные отношения диктуют потребность в той системе образования, которая формировала бы законопослушных и трудолюбивых граждан, отмеченных отсутствием переизбытка культуры, так как «в области культуры полное ее отсутствие исключает осознание того, чего тебя лишили» [4, с.220].

Снижение уровня культуры рассматривается в данном случае как благо, поскольку отсутствие интеллектуальных амбиций примиряет с обстоятельствами, и люди счастливы: «...скромные, которые по их скромности не надеются, по существу, ни на что другое, кроме того, что имеют, и благословен «социальный порядок», который не пытается сделать их несчастными, уготовляя для них слишком амбициозные судьбы, плохо приспособленные и к их способностям, и к их ожиданиям» [4, с.216]. Следовательно, образование обязано выполнять функцию не социального лифта, а социальный заказ «воспроизводства социальных иерархий». В этом случае основной становится «функция социального сохранения, причем с тем большей эффективностью, чем лучше она сокрыта» [4, с.202]. По мнению авторов, любая система образования детерминирована структурой классовых отношений, обслуживая интересы господствующих классов. Более того, «системе образования удается в таком совершенстве выполнять свою идеологическую функцию легитимации установленного порядка, поскольку этот шедевр социальной механики удачно прячет (как если бы использовал ящик с двойным дном) отношения, которые в классовом обществе связывают функцию обучения, т. е. функцию интеллектуальной и моральной интеграции, с функцией сохранения структуры классовых отношений, характерных для этого общества» [4, с.206].

Снижение реального качества отечественного образования является следствием экспансии потребительской идеологии – гламура - в эту сферу, имеющую принципиально нерыночную природу. Общество потребления диктует свои требования к системе образования, которое обязано давать как можно больше полезных знаний, способствующих формированию навыков социальной успешности, поскольку лишь состоятельный, успешный индивид может быть подлинным потребителем. Идеалом такого образования является узкий специалист, которому свойственен, если вспомнить К.Маркса, «профессиональный кретинизм». Подобная ценностная установка приводит к примитивизации образования.

К системе образования гламурный персонаж имеет особое требование: получить качественные образовательные услуги за минимальное количество затраченных усилий, прежде всего, духовных. Инновации в образовании

должны помочь состояться процессу комфортного усвоения знаний при культивировании всего нового: меняются образовательные стандарты и технологии, вводятся новые курсы, сокращаются или убираются другие, в основном, «духовнозатратные», литература, к примеру. Убираются блок за блоком, добираясь до того фундамента отечественного образования, каким является универсализм.

Система образования уже не способствует гомогенизации общества, поскольку потребление в этой сфере определяется уровнем материального достатка. Социальный характер потребления в сфере образования воплощается в понятиях престижа и социальной дифференциации, иерархии и статуса.

Гламур как не признающая греха неоязыческая идеология общества потребления, возникшая на руинах общества братства и солидарности, имеет свои спланированные смыслы, которые можно обозначить как «заговор равнодушных» - тяжёлый недуг, поразивший весь российский социальный организм. Начинает господствовать мораль исторически безответственного, потребительски ориентированного человека, чуждого самоотверженной духовности, поскольку торжествует принцип «всё имеет свою цену, следовательно, всё продаётся и всё покупается». А коли так, то обесмысливаются и вовсе утрачивают право на существование все иные подлинно гуманистические ценности, всё то, что в принципе не поддаётся измерению в денежном эквиваленте. Сообщество гламурных персонажей – политиков, олигархов, писателей, деятелей шоу-бизнеса - ни при каких обстоятельствах нельзя характеризовать как национально ориентированную и национально ответственную элиту. Им неведомы иные разновидности человеческих мотивов, кроме своекорыстия. Этой клике свойственен воинствующий космополитизм с его принципом «Родина всюду, где хорошо» (*Patria est, ubicumque est bene*).

Гламурная идеология имеет долларовое обеспечение. Она, конечно же, не нацелена на возрождение страны. Ее цель – оправдание эгоизма и консюмеризма как единственно достойной жизненной стратегии. Носители ее, ее живое олицетворение – все те, кто не совестится собственной корысти и стяжания, а наглядно демонстрирует свой жизненный успех, воплощаемых в приобретенных футбольных командах, яхтах, замках, островах. З.Бауман человека как продукта общества потребления называет «негативным индивидом», поскольку его устремления эгоистичны, лишены чувства солидарности, социальной ответственности [5, с.129].

Идеология гламура не ставит целью стать и быть основой консолидации общества. Ее аксиологический каркас – принципиальный отказ от любых моральных ограничений и норм при ярко выраженной консюмеристской ориентации.

Однако, абсолютно значимая функция образования, по Дюркгейму, - сохранение унаследованной от прошлого культуры, обучение культуре и освящение культуры». Основная задача образования – воспроизводство культуры. Культура кодируется не только в текстах, образах, памятниках, но и своих непосредственных носителях – творцах и потребителях, в их взаимовлияниях. Культура – соподчиненная, иерархическая система гуманистических ценностей, сознательно выстраиваемая и достаточно хрупкая. Озабоченность ее судьбой – нормальное состояние образованного человека. Уровень гуманизации общества определяется и качеством общения человека с искусством, взаимодействием художественных ценностей и ценностей социальных: в ценностях художественных имплицитно закрепляются ценности жизненные, а подлинные ценности искусства превращаются в жизненные ориентиры. Дегуманизация культуры напрямую связана с ампутацией совести.

Значима роль системы образования в формировании социальной солидарности и сплочённости, в воспитании духа общности и единства.

Всеобщее образование - фактор устойчивого развития, доступ к нему должен стать реальной возможностью для каждого. Сегодня уровень официальной платности высшего образования превысил 50%. Школа должна, по крайней мере, оставаться островом справедливости в рыночном океане неравенства, конкуренции и выживания на основе естественного отбора, в ней должно быть психологически комфортно, морально безопасно и физически уютно.

Кризисное состояние современного отечественного образования предопределено не только обстоятельствами недофинансирования, но и кризисом внешней для образования социокультурной среды, которая является носителем образцов подражания как составных элементов самовоспитания личности, во многом определяющих мотивацию поведения и обучения человека. Речь идет о современных СМИ, телевидение и рекламе, видео и книгоиздательстве, которые в совокупности, следуя установкам неолиберализма, отказались от главного принципа гуманистической культуры – ценностной иерархии. Идеалы нравственного совершенства, гражданского служения, патриотизма объявлены скучным анахронизмом, никто уже и не помышляет всерьез рассуждать «о доблести, о подвигах, о славе». Иначе, как пособничеством цинизму, нельзя не назвать большинство нынешних теле-шоу. Бесчисленное количество комедийных программ на отечественном телевидении диктуют новый тип универсализации мира, который представляется принципиально несерьезным как набор комических ситуаций. И здесь свобода выбора у зрителей отсутствует, поскольку закадровый, заранее записанный на плёнку, смех ему диктует эмоциональную реакцию.

Э. Фромм, проанализировав жизненные стратегии «иметь» и «быть», пришел к выводу, что современное ему общество, отвергая подлинно человеческое бытие, отдает предпочтение обладанию. Стремление к обладанию оборачивается утратой личностной самобытности, уникальности, делает человека податливым на совращение.

Ги Эрнест Дебор в своей книге «Общество спектакля» идет дальше, полагая, что общество потребления, как и в любом спектакле, создает у потребителя иллюзию обладания. Драматургия общества спектакля требует от зрителей пассивного вчувствования, полной отдачи и послушного следования в супермаркеты и бутики, шоу и рекламные акции. Зритель становится унифицированным агентом спектакля, который организуют искусные режиссеры. «Спектакль подчиняет себе живых людей в той мере, в какой их уже всецело подчинила экономика» [6,с.158]. Современное общество потребления – общество спектакля поглотило бытие масс: «Спектакль есть дурной сон закабаленного общества, который, в конечном счете, выражает лишь только желание спать. И спектакль – страж этого сна» [6,с.114]. Зрелищность стала неотъемлемым антуражем повседневности. Если классический театр в буквальном смысле локализован в социальном пространстве-времени, то в обществе спектакля квазитеатрализованное действие тоталитарно, то есть пронизывает все сферы жизни. Героем или антигероем с помощью видеокамеры мобильного телефона может стать любой, выложив свидетельство своего подвига или своей низости в Интернет.

«Общество спектакля» сконструировано потребительской цивилизацией и массовыми коммуникациями. Создаваемый мир иллюзий определяет жизненные стратегии современного индивида, превратившегося в «машину желаний» (Ф.Гваттари, Ж.Делез), в объект маркетинга. Желания искусственно моделируются и интенсивно навязываются. В частности, визуальная коммуникация подростков активизируется и тематически организуется вокруг телепроекта «Дом 1, 2» и т.п. Эта интерактивная модель иллюзии реальности имеет свой круг единомышленников-фанатов, создающих свой сленг, свои средства идентификации и стиль поведения.

Гламур есть идеология социально успешных, самым впечатляющим образом провозглашающих ценности победившего капитализма. Гламур как спектакль есть, пользуясь терминологией Ги Дебора, «непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог [6, с.213].

Тотальное, всепронизывающее отчуждение, «повсеместное расцепление, производимое спектаклем, неотделимо от современного государства, то есть от обобщественной формы социального расслоения, продукта общественного разделения труда и орудия классового господства» [6, с.207]. Товар становится объектом вождения, объявляется лучшим другом или надежным партнером. Псевдоценности порождают псевдопотребности. Избыточность товарной массы пробуждает нездоровые аппетиты консюмеризма (потребительства). Основным типом свободы становится свобода потребительского выбора. Мерой достоинства человека объявляется количество и качество потребления, которое оказывается зримым воплощением социальной дифференциации. Потребление должно быть показателем роскошно-праздного образа жизни, демонстрацией материального сверхблагополучия, престижа, успеха, власти.

При том состоянии капитализма, которое подвергалось критике со стороны Маркса, Лукача и экзистенциалистов, отчуждению подвергались продукты труда, но сам производитель, оставаясь хозяином своего свободного времени, которое он мог посвящать, например, самообразованию. В обществе потребления у производителя отсутствует возможность свободного выбора, поскольку он становится потребителем. Антагонизм труда и капитала сохраняется, но теперь он закамуфлирован обществом потребления, поскольку свободное время отведено потреблению товарных фетишей, продукции СМИ весьма сомнительного качества. Установка на творческую активность сменяется на ненасыщаемую жажду обладания: «Сфера обладания отсюда расширяется в той мере, в какой это обладание становится все более и более фиктивным» [6, с.199].

Потребление в сфере культуры и образования приводит к девальвации обеих, поскольку они превращаются в знаки престижа и углубляют социальную иерархию. Высшее образование рассматривается как знак статуса и будущей карьеры. Становится значимым не столько качество и количество усвоенных знаний, закрепленных умений и навыков, сколько их знаковое оформление – диплом. Чем больше знаков-дипломов, тем шире возможность статусной мобильности. Знаки знаний подменили ценность образования как такового.

Высшее, как любое иное образование, рассматривается и становится сферой услуг. Таким образом, его покупают по рыночным правилам. Став товаром, образование старается обрести эффективную упаковку как важную характеристику своего товарного качества. Без этих внешних атрибутов-брендов сложно обрести видимость рыночного успеха. Образование принимает форму маркетинга, и вузы обзаводятся специалистами из области рекламы и PR. Абитуриент становится потребителем образовательных услуг, а система образования превращается в форму бизнеса. Инвестиции в собственное образование обеспечивают конструирование социальной идентичности как возможности вхождения в ближайшем будущем в круг успешных людей, которые могут позволить воспроизводство гламурного стиля жизни, рекламируемого СМИ как единственно достойного.

Общество потребления не заинтересовано в образовании, направленном на формирование всесторонне развитого, глубоко культурного, высокоморального человека, поскольку он наверняка не будет свой досуг заполнять исключительно «шопингом».

Культура прививается неоформившемуся сознанию ребёнка как единственное средство, предохраняющее от одичания. А потом в системе образования необходимо пестовать неокрепшие ростки культуры, задавать

ценностные установки на будущее, пробуждать «духовную жажду». Система образования должна быть погружена в энергетическое поле культуры, формирующее «самостоянье человека» (А.С.Пушкин), сознанием которого невозможно манипулировать, а, следовательно, он будет выстраивать свою судьбу по собственному сценарию, будет нести ответственность за будущее.

Библиографический список

1. Сапожников, Е.И. Общество потребления в странах Запада / Е.И. Сапожников // Вопросы философии. – 2007. – №10. – С. 53–63.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж.Бодрийяр – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
3. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / М. Хайдеггер – М.: Республика, 1993. – 447 с.
4. Бурдьё, П., Пассрон, Ж.–К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдьё, Ж.–К. Пассрон. – М. : Просвещение, 2007. — 267 с.
5. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М., «Логос», 2002. – 390 с.
6. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор // Пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. - М.: «Логос», 1999. – 224 с.

УДК 159.923+159.96

*L. Ottavi*³¹

Laboratory of Psychological Clinic and Psychopathologies (LCP), Research centre of Clinical Anthropology (CRAC) University Rennes 2, France, Rennes

UNE HISTOIRE EN HÉRITAGE

Nous enseignons, comme beaucoup d'autres universités en France, en Russie, dans le monde sans doute, la psychopathologie clinique. Nous enseignons une « discipline » universitaire, clairement identifiée.

Cela dessine les contours d'un ensemble de savoirs et de pratiques auxquelles cette discipline ouvre professionnellement, qui est régi par des procédures spécifiques internes certes, scientifiques, épistémologiques, mais aussi par le fait que, comme discipline d'enseignement, elle est inscrite dans une carte générale ; elle est définie par notre ministère de tutelle qui organise et garantit la recherche et l'enseignement en la matière, c'est, en France le Ministère de l'Enseignement supérieur.

Cela nous inscrit tout naturellement et d'emblée dans des relations de voisinage, de partage, de collaborations universitaires, de disciplines et transdisciplinaires, nationales et internationales, qui sont toujours en développement bien sûr.

Mais s'en tenir simplement à cela serait n'énoncer un cadre, productif bien sûr, mais qui ne désigne qu'un contexte, ouvert, et une réglementation qui valent pour toute formation universitaire, quelle qu'elle soit. Cela ne définit donc que la condition d'organisation—et ne s'en tenir qu'à cela reviendrait à résorber la question principale : de quoi parlons-nous, avec quelles orientations, que cherchons-nous et que faisons-nous?

³¹ Laurent Ottavi. Professeur de Psychopathologie, Directeur du Laboratoire de Recherches multi-site : « Psychopathologie, nouveaux symptômes et lien social ». Université Haute-Bretagne Rennes 2. Psychanalyste, membre de l'ECF et de l'AMP.

Eviter ces questions et ne nous en tenir qu'à une définition posée en termes de réglementation serait donc un truisme, et je n'aurais, comme enseignant, et dans l'honneur qui m'est fait ici de cette prise de parole, que fort peu de choses à proposer et à avancer en propre. Bref, nous en serions déjà à la conclusion de mon propos.

Alors bien sûr, je voudrais ouvrir les questions au contraire, aussi, pour tenter de vous les présenter, je vais quand même anticiper un peu, et vais déjà emprunter, à cette conclusion que je ferai tout à l'heure, quelques paroles précises, et pleines, que je vais prononcer maintenant pour leur donner plus de poids, plus de prix, plus de signification, une signification quelque peu solennelle si vous le voulez bien.

C'est peu dire que nous nous honorons profondément d'avoir été conviés à venir ici, à Novossibirsk, dans de telles circonstances, et, pour ma part je suis extrêmement touché de cette marque de confiance que nos hôtes et amis de Novossibirsk nous ont ainsi fait. Et je voudrais remercier personnellement tout spécialement M. Il'ya Vottchin et la Madame Olga Chamchikova. Avec sa détermination et son énergie, elle a rendu possible cette rencontre, pour nous autres, si loin de chez nous, et pourtant, au fond, si proche d'une certaine manière, ici, pour cette magnifique réunion à Novossibirsk.

C'est un honneur certain, et nous l'avons pris comme tel, mais c'est aussi pour nous autres une charge, un challenge, une sorte d'épreuve qui nous met quelque peu au défi : qu'avons-nous à soumettre à nos échanges, à nos débats, qui mérite, qui justifie cette place que vous nous accordez ici de fait?

A nous de tenter de nous montrer dignes de votre invitation, et je voudrais donc préciser nos enjeux communs.

Pour ce faire, je choisirai de vous exposer quelques données historiques, quelques données conceptuelles aussi, qui ouvrent les questions

Nous enseignons, ai-je dit, la Psychopathologie et sa clinique, à l'Université Rennes 2, dans cette ville de Rennes, en Bretagne : c'est une toute petite région vue d'ici, qui n'a rien à voir avec les immensités éblouissantes de la Sibérie. C'est simple : vous allez toujours vers l'Ouest, pendant longtemps, et c'est tout au bout, vous arrivez la dernière terre à l'ouest de la France. L'immensité que la Bretagne côtoie, c'est celle de l'Océan. Parce qu'après, il n'y a plus que New-York... nous sommes à la bordure Ouest du continent euro-asiatique.

Et pour vous expliquer nos activités d'enseignement et de recherches, je parlerai ici sous l'autorité de Monsieur le Professeur Marc Gontard, qui est le Président de notre Université, et qui a accepté de conduire notre délégation, et que je voudrais donc remercier ici publiquement si vous me le permettez. C'est lui en effet qui a la très grande tâche, difficile, de gérer la cohérence de l'ensemble de formations, en lettres, langues art et sciences humaines, qui sont menées à Rennes. C'est qu'il doit faire tenir ensemble, et que visent un même but, quelque 600 personnes, qui souvent, bien sûr, en Sciences humaines, ont beaucoup d'idées sur beaucoup de choses, avec quelque 20.000 étudiants, qui ont souvent encore plus d'idées très précises !

En psychopathologie nous ne nous adressons pas à tous ou à chacun de ces étudiants ou de ces enseignants, mais, dans la mesure où nous participons à la carte globale des enseignements et des recherches menées dans notre université, nous en rencontrons un nombre assez élevé.

Nous accueillons d'une part de jeunes et très jeunes étudiants, qui ne sont pas encore tout à fait décidés sur leurs orientations futures, c'est-à-dire qui ne sont pas destinés à devenir psychologues. Nous les recevons dans des enseignements communs, destinés aux étudiants linguistes, sociologues, littéraires, de l'éducation, des arts. Ouvrir en effet les enseignements et l'accès aux savoirs : c'est là une volonté marquée de notre université, à laquelle nous souscrivons de manière complète et large.

Et c'est une très bonne chose en effet : tout ce qui peut favoriser les rencontres, les échanges, le bouillonnement intellectuel, bref, tout ce qui peut faire rencontre de l'Autre, dirai-je dans nos termes, est la pierre d'angle de notre formation.

Il y a donc, de ce point de vue, à Rennes 2, un souci marqué, et fondé certainement, de rencontrer les autres, les autres étudiants, les autres collègues, les autres partenaires, les autres nationalités bien sûr : les collègues et amis de Novossibirsk, là-bas, si loin et comme je le disais tout à l'heure, tellement proches en même temps.

La part la plus avancée de nos recherches, nous la réservons aux psychologues, aux chercheurs en psychopathologie. Après trois premières années en effet, les étudiants doivent s'engager dans leurs choix et se former spécifiquement pour construire leurs compétences dans leur spécialité. C'est le cursus plein de Psychologie, dans ses différents secteurs, puis, après quatre années, la spécialité psychopathologie.

Alors bien sûr, au début ils bredouillent, les choses sont parfois hésitantes, puis bien vite, ils deviennent, à la faveur de leurs pratiques de stages, des cours, et des Mémoires et thèses théoriques et cliniques qu'ils doivent produire, ils deviennent donc de vrais collègues, français ou étrangers, qui sont bientôt en thèse, bientôt praticiens.

Il leur échoie alors la difficile responsabilité de répondre présent, et de ne pas se dérober à la douleur psychique, à la souffrance de la maladie mentale, mais aussi à d'autres souffrances, sinon moins dévastatrices et moins aiguës, mais tout aussi réelles, de ceux de nos contemporains, qui fuient en avant dans la volonté d'échapper à leur propres difficultés et angoisses, ou bien, au contraire, de ceux qui se découvrent déterminés par une sorte d'appel moderne au « *Connais-toi toi-même* » du Socrate antique, et cela, alors même que la notion d'*Inconscient*, nous le savons, vient tout à la fois appeler à ce savoir, et dans le même temps, s'oppose à ce déploiement.

Nos jeunes praticiens apprennent à se situer et à endosser leurs responsabilités face à ces requêtes, à ces convocations, et ils doivent être attentifs aussi, je le disais, aux nouvelles souffrances, aux nouveaux modes de symptômes et leurs effets : ces nouvelles configurations de la souffrance, du « *Malaise dans la civilisation contemporaine* », pour reprendre le terme de Freud, sont en effet toujours en avance sur nos savoirs, sur nos dispositifs thérapeutiques et curatifs, voire même nos dispositifs sociaux et politiques, qui bien souvent ne peuvent ou ne veulent y répondre.

Alors je citerai ici, juste pour situer la question, une ou deux phrases du fameux texte de Freud, prononcé au Congrès de Budapest en 1918 :

[...]Vous savez que notre exercice thérapeutique est limitée. Nous sommes seulement une poignée de gens et chacun de nous ne peut, fût-ce par un travail acharné, se consacrer, en un an, qu'à un petit nombre de malades. Face à l'excès de misère névrotique qu'il y a dans le monde et dont on pourrait se passer, ce que nous pouvons éliminer est à peine perceptible.

21. Supposons maintenant qu'au moyen d'une organisation, quelle qu'elle soit, nous réussissions à augmenter notre nombre de telle façon que nous suffisions au traitement de plus grandes masses de gens. Il est prévisible d'ailleurs qu'un jour, la conscience de la société se réveille et rappelle que, pour l'aide psychique, le pauvre a le même droit que celui qu'il a déjà aujourd'hui pour l'intervention chirurgicale qui sauve la vie. Les névroses ne menacent pas moins la santé du peuple que la tuberculose et ne peuvent, pas plus qu'elle, être abandonnées à l'impuissante d'un simple particulier. Alors on créera des établissements ou instituts de consultation qui emploieront des thérapeutes formés à la psychanalyse; les hommes qui, autrement, s'abandonneraient à la boisson resteront résistants et actifs, tout comme les femmes

qui menacent de s'effondrer sous le fardeau des abnégations et les enfants qui n'ont plus le choix qu'entre l'état sauvage et la névrose.

C'est du Freud, et c'est bien sur de psychanalyse que Freud parle là. Et nous formons des psychologues. En évoquant ce vœu freudien de 1918, je voudrais situer ici l'espace de la question, le hiatus, et le défi.

Nos collègues psychologues, que nous formons en psychopathologie clinique à Rennes 2 sont invités en fait, mais à partir de leur position et sans confusion aucune, à répondre présents et à interroger leur place et leur savoir, au regard de ces inventions que Freud appelait de ses vœux au premier quart du XX siècle. Remarquons d'ailleurs que la suite de l'histoire, un peu partout dans le monde, n'a fait que confirmer dans la justesse et la pertinence de cette nécessité qu'il pointait

Ce souci de répondre présent, de ne pas se dérober, de ne pas confondre les registres et tout autant, de ne nier aucune des difficultés ; ce souci de refuser les facilités de la pensée toute faite et déjà redéposée ; cette volonté de ne point confondre la psychanalyse, dont Freud parle là, et le métier de psychologue clinicien, tout cela crée un ensemble de questions ouvertes et aussi des convergences, dans une communauté d'intérêts intellectuels, pratiques, de recherches, de nos collègues français et étrangers.

C'était un pari de travail et d'amitié qui avait amené à Rennes 2, il y a juste un an, la délégation de Novossibirsk, qui était conduite M. Il'ya Vottchin et la Madame Olga Chamchikova. Cette délégation est arrivée dans notre université à un moment difficile, celui des examens, mais aussi un moment où apparaissaient des tensions sociales et politiques chez nous.

Et nous avons aussitôt commencé à travailler : c'était d'abord entre nous, pour des échanges entre collègues car en effet, il fallait d'abord apprendre à nous connaître. Nous avons commencé nous à expliquer ce que nous faisons les uns et les autres : nous avons découvert nos convergences, nos modes d'accords entre nos points de vues, et nous avons commencé à faire des projets, sur la base de nos identités et de nos complémentarités.

Et maintenant ? aujourd'hui, ici ?

Je vais utiliser pour vous une expression très française : nous voici arrivés « *au pied du mur* », ce qui veut dire que nous sommes maintenant au moment précis où il faut agir, sortir de ces échanges privés entre nous, en ayant confiance en ceux-ci.

Nous sommes au moment où nous le *devons*, et j'entends ce terme comme un véritable « *impératif catégorique* ». C'est le moment où il nous faut dessiner des plans, à exposer de manière la plus ordonnée possible et anticiper sur les tâches et les choses à venir, en tant qu'elles sont déterminées par les choses déjà faites, et par le cadre qui les rend possibles.

Nous enseignons donc la psychopathologie et ceci dans le contexte universitaire qui fait qu'en France, la psychopathologie est une discipline d'enseignement qui s'adresse en propre à deux professions très distinctes du point de vue de la formation :

— Les médecins psychiatres d'une part, dont l'objet de savoir et de traitement est la psychopathologie des maladies mentales, et d'autre part les psychologues cliniciens. Les premiers sont formés à la médecine d'abord, puis ils se spécialisent en 5 et 6 année en psychiatrie.

— Les seconds sont des psychologues. Ils se spécialisent en 4 5 année, puis pour les Docteurs, de la 6 à la 8 année de Doctorat.

Tout ceci est garanti par des textes et des dispositions nationales, qui statuent sur les formations, les conditions de formation, et sur les métiers de psychiatre ou de

psychologue, avec la protection professionnelle des titres délivrés, sur la base des formations attestées.

Les psychologues se spécialisent en différentes compétences : psychologues de l'enfant, psychologue du travail, et enfin des psychopathologues cliniciens. Tous relèvent, mais avec de profondes différences de la Psychologie et du Département de Psychologie et Michel Grollier, notre collègue et ami, qui va intervenir ici lors de ces journées, a la lourde tâche de gérer ce Département de formation, avec ses quelque 70 enseignants titulaires et quelque 2000 étudiants.

... comme vous le voyez, je suis précautionneux pour définir l'espace de nos questions communes, et je commence encore mon propos, maintenant direct, par ces aspects institutionnels qui nous donnent notre cadre de pratiques, de partage et d'échange. Je voulais commencer par là, parce que c'est un cadre auquel nous tenons bien sûr, que nous aimons pouvons-nous dire, mais aussi parce qu'il est le reflet de l'histoire de cet enseignement en France.

Maintenant, venons-en au fond : qu'enseignons-nous au juste et quelles sont nos objets de recherche ?

Au lendemain de la Seconde Guerre mondiale, la « Grande Guerre patriotique », la France libérée de l'occupation militaire était un pays qui présentait tous les traits du traumatisme, et à tous les niveaux : ancienne grande puissance du XVII, XVIII siècle, affaiblie au sortir de 1918 par une guerre et tous ses morts, et ayant connu entre 1918 et 1940 tous les soubresauts d'une victoire en trompe-l'œil qui l'avait laissée exsangue et divisée entre des factions politiques en lutte féroce, et dans un contexte international lourd de menaces. La France s'est finalement trouvée soudainement battue, occupée militairement, tandis que République se sabordait.

C'est dans ce contexte que se mit peu à peu en place, de manière éparse et non-coordonnée, un esprit, extrêmement minoritaire pendant un temps, qui était celui du refus général du nazisme, du fascisme, de l'oppression, du massacre, de la ségrégation et du mauvais traitement. Au-delà du nazisme, et de la Résistance passive et active, ces gens qui pariaient sur l'avenir et se retrouvaient dans l'aspiration à une société plus humaine, plus respectueuse.

Pendant l'occupation il y a eu les camps de concentration et les massacres. Les mauvais traitements étaient la règle dans les hôpitaux psychiatriques : les malades y mourraient de faim. La maladie mentale vous le savez était promise à éradication, par meurtre, des malades.

C'est l'esprit de la Résistance et ses idéaux qui ont débouché, après la guerre, sur un souci renouvelé de traitement, de soins à apporter des malades et de partage de notre commune humanité. D'abord avec ce trait : il faut s'en occuper à tous les niveaux, de détresse psychique certes, mais aussi du soin, de l'habit, de la nourriture. Ce courant allait fonder la « Psychothérapie institutionnelle », il allait aussi redéfinir la notion même de soins à penser en dehors de l'asile ou de l'hôpital, et pour tous ceux qui le nécessitaient : qu'ils soient vieux ou que ce soit des enfants, qu'ils vivent, mal, en famille ou qu'ils soient isolés. Il fallait s'occuper d'eux.

Les médecins psychiatres, citons par exemple le docteur Tosquelles, un médecin espagnol républicain réfugié en France à cause de la guerre d'Espagne, ou d'autres, on bien vite vu qu'ils étaient eux aussi pris par différentes tâches, qui ne leur permettaient pas de toujours soigner autant qu'il le faudrait. L'on a vu aussi qu'il fallait inventer de nouveaux types institutionnels, pour accueillir des souffrances familiales, sociales, et des centres de consultation ouverts furent créés, dans lesquels des psychologues — pas encore formés à l'université, allaient exercer.

Bref, dans les années 1950 à 1970, ce fut l'essor de ces demandes de soins, l'essor des formations : il fallait former des professionnels de la souffrance, au moment même où il fallait reconstruire tout le pays, et les efforts furent parallèles, économiques, sociaux, avec l'invention de la Sécurité Sociale généralisée, dont bénéficie tout citoyen et qui lui assure l'accès aux soins. Ces trente années, des années 45 à 75, furent appelées par certains, les « Trente glorieuses ». Le pays se relevait, maintenant calé à une nouvelle place, sans doute plus restreinte, mais plus juste aussi dans le paysage international.

Chaque pays a son histoire, bien sûr, et un autre volet, en France, a joué une part déterminante, centrale, causale, pour ce qui nous occupe et je voudrais témoigner ici.

Vous savez qu'à sa naissance la psychiatrie française s'était vraiment illustrée de manière déterminante : Issue du *Siècle des Lumières*, fondée en 1789 au moment de la Révolution française, qui avait aboli l'esclavage, et refusé l'asservissement au roi, qui avait fait sien l'idéal d'égalité entre tous et promu le devoir d'aide aux démunis. Cette psychiatrie aliéniste s'est construite, vous le savez avec le Docteur Pinel, à Paris : il voulait que les fous ne soient plus compris ni traités comme des bandits, des voyous, des criminels, ou ceux qui troublent l'ordre public.

Cela était très généreux et progressiste. Mais les moyens de traitements spécifiques des aliénations mentales étaient limités. Siècle de l'éducation, et dans le contexte français, siècle de la croyance dans les effets bénéfiques et curatifs de l'éducation, de la morale, cette psychiatrie a promu différentes stratégies thérapeutiques, dont le « traitement moral » des fous : le traitement par l'attention qui devait y être portée.

Et dans le même temps, en marge ou en amont de ces traitements, le souci de ces psychiatres était celui de la médecine : il fallait dresser l'inventaire encyclopédique de toutes les maladies observables, ou rencontrées. Les grandes nosographies sont apparues alors au 19e siècle : les tableaux cliniques étaient pluriels, les discriminations fines, les classements toujours réinterrogés. Cette part de taxinomie ouvrait à un savoir discriminer, différencier, et interrogeait les critères et les modes de construction des classements. De cette part du « savoir de la maladie », dont il faut rendre compte, nous avons tous hérité.

Cette psychiatrie naissante participait donc à un courant et un effort général de savoir, —ce qui n'allait bien sur pas sans conflits— : issue des idéaux de Diderot et de Voltaire et du passage à une médecine scientifique, qui accompagnait dans la pratique l'émergence de la pensée scientifique et de son Discours, cette psychiatrie pariait sur la science, l'éducation, la morale universalisante, avec les quêtes de la philosophie morale, celle de l'esprit d'encyclopédie certes, mais aussi d'un fonds prioritairement humaniste, contre leurs détracteurs.

Je dirais volontiers que c'est à la croisée de ces deux courants, humaniste d'une part, mais quelque peu sans ressources en termes de traitements, et scientifique d'autre part, et non sans heurts entre les deux, qu'est parvenue, avec une difficulté immense en France, les échos de la découverte freudienne.

Au début elle n'était, cette psychanalyse autrichienne, pour des nationalistes français des années 1910 à 1930 qu'une pensée et une science germanique, donc une pensée à combattre.

Elle faisait en effet scandale en France, cette psychanalyse, avec sa notion d'inconscient, de pensée non sue, qui échappe à la raison : le Siècle des Lumières français s'était fondé de prôner la raison contre le non-savoir, l'idée claire et explicite contre la formule implicite. Et Freud, la pensée de Freud eut bien du mal à être admise dans ses conditions : la culture germanique n'avait pas bonne presse, avec deux

guerres antérieures, 1870 et 1914-1918. Il faut dire que par exemple, des auteurs comme Hegel n'étaient guère lus à l'époque en France non plus.

Et ce refus a fonctionné à différents niveaux, à mesure pourtant que des psychiatres courageux s'ouvraient à cette pratique. Ce refus s'est argumenté de manières parfois étonnante. On pourrait en effet presque dire que pour une part, il est allé jusqu'à Jean-Paul Sartre, qui écrivait en 1942 un livre majeur : « *l'Être et le néant* », pendant qu'il était prisonnier en Allemagne, un livre inspiré pourtant de la philosophie allemande, avec Husserl, Hegel, Heidegger, mais dans lequel il voulait fonder une psychanalyse remaniée, destinée au traitement psychique, mais en supprimant la notion d'Inconscient.

Sartre était un humaniste, ou plus précisément, quelqu'un qui prenait l'humanisme pour base, pour tenter d'aller plus loin, qui, pendant un temps, ne voyait en la folie que le prix payé au renoncement de soi-même.

Et puis, et puis, il y eut en France, sur les traces des premières apparitions de psychanalystes français, il y eut Jacques Lacan.

Il était médecin psychiatre, psychanalyste en formation et en début d'activité au moment de la guerre. Avant la guerre, il avait produit dans un congrès de psychanalyse une communication majeure, originale, et qui allait dessiner un axe majeur de recherche et de construction du sujet : son rapport à l'aliénation par l'image, aliénation imaginaire et sa dépendance à l'autre. Les indications qui sont contenues dans ce fameux texte du « Stade du miroir » sont loin d'être aujourd'hui négligées. Déjà Freud était là, comme socle, et déjà, sa métapsychologie se trouvait interrogée à nouveaux frais, et en convoquant d'e nouveaux paradigmes de pensée, de nouveaux repères épistémologiques de construction.

Après la guerre, et constatant l'entreprise de réduction de la théorie freudienne, qui était effectuée par les psychanalystes eux-mêmes, il déclara la nécessité de faire, dans la psychanalyse, un véritable retour aux sources, un « Retour à Freud ».

Il souligna la nécessité de prendre à nouveaux frais la pleine mesure de la découverte freudienne dans le traitement des névroses, de discerner sa profonde nouveauté dans la compréhension des psychoses. C'était son pari de discerner la valeur extrême de l'interrogation freudienne, pour *comprendre* les structures du sujet, du social, de la maladie, de la souffrance, pour comprendre les enjeux de la clinique, et sa détermination structurale, dont il fallait prendre la mesure.

Il n'avait pas participé à l'effort de la nouvelle psychiatrie institutionnelle. Mais en 1946, il participa à un colloque devenu depuis célèbre, dans lequel il défendit l'idée qu'il existe bel et bien une *Causalité psychique* aux troubles mentaux : que cette causalité ne se réduit pas à une détermination seconde, mais première, du trouble, que cette causalité est une causalité structurale ; qu'aucun physiologisme ne peut mettre à plat. Il posait qu'aucune réduction en termes de recours aux sciences naturelles, physiologiques, neurologiques, n'est possible de ce côté là : il ne s'agissait pas de nier le corps et les effets que ce corps génère sur nous-mêmes, mais d'indiquer que cette dimension-là n'est point à confondre avec la causalité psychique des troubles, son mode d'organisation et la structure de cette causalité spécifique. Et il montrait que Freud en avait donné le modèle.

Son prestige se diffusait en France et son enseignement oral, toutes les semaines attirait des centaines de psychiatres, de philosophes, de travailleurs sociaux, d'étudiants.

Il était en train d'inventer, de réinventer même cet *Esprit des Lumières* français, qui consiste au fond à ordonner de manière raisonnée chaque trait, chaque notion et chaque concept qui façonnent les paysages intellectuels. Il réinventait une pensée des

Lumières modernes, en s'appuyant solidement sur le fait que l'Inconscient existe – L'*Unbewusst* freudien : ce qui se sait tout en ne se sachant pas—

Il venait en fait s'inscrire dans la lignée d'un héritage pétri de culture, lui-même homme d'une culture immense : son écriture, son style éblouissant et sa maîtrise de la langue le rangeaient parmi les très grands auteurs, et personne ne s'y trompait, même ses détracteurs. Il venait donner le goût du savoir. Mieux, il venait raviver le désir de savoir.

Il assura le mouvement de reconquête du Champ freudien contre les réductions psychologiques, contre les dénis de courants psychiatriques fermés à la causalité psychique, mais aussi contre les réductions de la psychanalyse faites par des psychanalystes eux-mêmes. Il allait fonder son Ecole, aujourd'hui tellement vivante. Je pense ici à l'ECF, l'EEP, l'AMP, au Champ freudien : ce sont des géographies françaises, européennes, mondiales du mouvement psychanalytique lacanien. Et nos amis à l'international nous apprennent quelque chose : nous étudions l'allemand pour pouvoir lire Freud, et nous voyons tant d'amis qui apprennent le français pour lire Lacan.

C'est à ce moment d'après-guerre que se réalisa, dans le travail social et les logiques institutionnelles une sorte de jonction politique : les premiers *Centres médico-psychologiques* allaient apparaître : ils entendaient proposer des traitements gratuits aux malades, des traitements de proximité, et ils embauchèrent des psychologues cliniciens. Bien souvent formés à la question freudienne, soucieux de suivre l'enseignement lacanien, ils se firent militants.

Et l'Université a suivi. Nous nous en réjouissons aujourd'hui encore. Ont été mise en place des formations de psychologues cliniciens. Étaient-ils psychanalystes ? Non. Ou s'ils l'étaient, ce n'était pas au nom de leur diplôme et de leurs études, mais au nom de leur expérience de la cure psychanalytique, suivie par eux-mêmes, et de leur formation auprès d'Ecoles de psychanalyse.

Ainsi allait survenir et se renforcer un distinguo, une distinction à laquelle nous croyons fermement.

A l'Université, nous devons être de vrais universitaires, avec toute la valeur que nous pouvons donner à ce mot et à cette magnifique invention du 14e siècle. Depuis sept siècles, l'Université redéfinie à partir des rencontres culturelles entre savoirs issus de différentes sources est le lieu de récollection, d'invention et de diffusion de ces savoirs particuliers, en tant que ceux-ci sont soumis à l'échange, la critique, à la construction.

Ils n'appartiennent à personne mais convoquent tous ceux qui s'y risquent, le plus souvent sur les traces de recherches déjà effectuées par des grands auteurs qui, chose notable, ont toujours précédé les universitaires : depuis Socrate jusqu'à Einstein, Freud et tant d'autres.

A l'Université nous devons produire et travailler toujours plus dans le champ dont nous relevons, et garantir justement la pertinence et la solidité universitaire de nos prestations.

A l'Université c'est le savoir qui commande, et qui doit commander : c'est le « *Continue à toujours plus savoir* » comme le signalait Jacques Lacan en 1970. Le savoir est aux commandes, et non pas telle ou telle question particulière et personnelle que peuvent toujours avoir ses usagers.

Cela est différent en Psychanalyse : prenons le sujet, c'est-à-dire ce que la psychanalyse reconnaît et désigne comme tel, c'est-à-dire le *Sujet de l'inconscient* : le sujet de ce *savoir qui ne se sait pas* : et prenons-le sur le mode logique :

Ou bien ce sujet croit savoir, et il est clair que « *Là ou il pense, il ne se reconnaît pas lui-même, il n'est pas, tandis que là où il est, c'est l'inconscient, il est trop clair qu'il s'égaré, dans sa douleur, dans ses symptômes* ». C'est encore une citation revue de Jacques Lacan. Ce qu'il pointe c'est la distinction qu'il faut poser entre le moi cogitant, et le sujet de l'inconscient, qui, historiquement, a surgi avec les premières cures menées par Freud : Khatarina, Emma, Dora, etc. . .

Alors, logiquement encore, prenons maintenant la question de la cure psychanalytique de ces sujets, de leur expérience concrète de la psychanalyse : de notre expérience personnelle, concrète. Celle-ci consiste à localiser pour un temps, dans *le* psychanalyste, en son cabinet classique ou dans ses nouveaux lieux de travail, une sorte de secret capable de déchiffrer le savoir inconscient sur nous-mêmes, et ceci, en en faisant le pari — ce qui ne reste après tout qu'un pari.

Et cette supposition d'un savoir sur notre inconscient met alors en place alors une sorte d'aiguillon, actif et agissant à partir du psychanalyste et de son savoir-être, et c'est un aiguillon qui nous inscrit et nous commande toujours davantage de suivre notre démarche de déchiffrer un savoir très particulier : non celui de Pascal, Newton, Dostoïevski ou de la physique, de la médecine ou de la sociologie, non, bien plutôt notre propre savoir de nous-mêmes sur notre propre monde et nous-mêmes, qui nous échappe, qui nous est *inconscient*.

Comme vous le voyez, l'articulation de ces registres montre qu'ils ne se confondent pas, ni se superposent, mais qu'ils se distinguent et s'articulent. Le savoir est pluriel, et celui de l'Université n'est pas en même place que celui de l'inconscient, tandis que celui dont témoignent les symptômes se mobilise d'une autre façon, et tout cela s'atteste des faits de structure dans l'appareil psychique, mais aussi de l'histoire, de modes de parler et de s'y repérer.

Très vite, Freud annonça que le psychanalyste, le psychanalyste comme tel, se formait et n'advenait spécifiquement que grâce à sa cure. Très vite aussi, il fit le pari que pourtant, quelque chose de la psychanalyse pouvait et devait s'énoncer publiquement, et l'une des collections de publications de Jacques Lacan allait s'intituler : « Tu peux savoir ».

A l'université, nous sommes nombreux à enseigner la psychopathologie clinique. Quelques-uns, pas tous, ont choisi, pour des raisons ou selon des modes qu'ils ont rendus publics, dans leurs thèses, leurs conférences, leurs articles, des modes de référence psychanalytiques de leur participation au savoir de la psychopathologie. Ils savent que les deux ne sont pas à confondre et aucun d'entre nous ne croit former des psychanalystes à l'université. Et tous démontrent que leur place à l'université est précisément celle d'universitaires de la discipline psychopathologie, qui n'est pas la psychanalyse. Et que cette place doit rendre compte des principes de construction du savoir et de l'université.

Alors, mais pourquoi Lacan ? Pourquoi cette référence à un auteur psychanalyste, spécialiste du retour à Freud, contre les réductions trop simples ou simplistes, énoncées justement par des psychanalystes post-freudiens ? et, indissolublement à Freud, en quoi est-il important pour nos recherches ?

C'est parce que Lacan a changé les modes épistémologiques de savoir psychanalytique et au-delà : il a refusé de faire de la psychanalyse une magie hors histoire, hors concepts, comme il refuse de la résorber dans un simple discours scientifique, qui ne fait jamais aucun cas, par définition, du sujet. Cette tension entre science et sujet est, on le sait, justement une condition de la science : dans une base donnée, deux et deux font toujours quatre, même si je prétends subjectivement le contraire.

Lacan a œuvré pour dégager une logique de construction déjà là de notre inconscient, sans réductionnisme aucun, ni au biologique ou neuronal de notre détermination de corps, ni au flou évanescant de nos morales et conventions. Ce faisant, il a revisité les théories mêmes de l'humain, et il a apporté à la pensée française son plus beau fleuron, sans doute le plus difficile aussi, fait d'ouverture à des multiples références construites : la linguistique avec Saussure et Jakobson, et d'autres ; la philosophie avec Hegel, Heidegger, Descartes, la logique avec les formalistes ainsi que la rigueur des constructions antiques, les apories des plus beaux modèles mathématiques. Les références à la pensée créatrice aussi : « l'artiste précède toujours le psychanalyste ». Lacan a en fait ordonné le paysage intellectuel et, revisitant Freud, il ne s'est pas contenté de le répéter simplement : il lui a redonné le tranchant de son interrogation, au vingtième siècle, et il l'a confirmé, mais à partir d'autres bases, nouvelles.

Disons-le sans ambages : c'est la richesse et la solidité des convocations de tous ces savoirs dans une orientation nouvelle qui justifie que, de notre côté, nous interroguions notre discipline universitaire de psychopathologie, à partir d'une référence freudienne et lacanienne, et sans jamais confondre les registres.

Nul scandale à cela, nous croyons que l'histoire de la psychopathologie trouve ses racines dans le souci de l'autre, que la consistance de l'Université est d'ouvrir l'esprit et d'interroger les savoirs, le plus possible, dans leurs rigueurs, dans leurs constructions.

Nous croyons que la clinique est une expérience toujours singulière, toujours particulière, posée au un par un de chaque personne qui souffre, de chaque sujet. Qu'elle est par définition attentive à la douleur parce qu'elle est fondée à partir d'elle. Qu'elle a pour but d'aider notre prochain à vivre mieux en déchiffrant avec lui ce qui a de la valeur pour lui, et qu'elle participe d'un humanisme constitutif, qui ne réduit le sujet, ni à ses hormones ni à sa physiologie, ni à ses représentations.

Nous croyons enfin qu'elle est une école d'exigence et de clarté. Et nous formons des professionnels et des chercheurs du fait psychique et de ses souffrances. Nous ne formons pas de psychanalystes : trop respectueux de ce qu'elle est, nous laissons cela à l'expérience personnelle, et aux Ecoles qui la rendent vivante dans le monde.

Nous formons, à l'université, des cliniciens et des chercheurs soucieux de la rigueur et de la pensée, et responsables de devoir en rendre compte.

Voilà pourquoi notre communauté s'est faite et se rejoue chaque fois dans la rencontre de l'autre, des autres, des malades et souffrants oui, bien sur, mais aussi et sur un autre plan, des collègues et amis, rencontrés sur la base d'un souci et d'une curiosité communes. Mes plus proches amis à l'université, après mes étudiants sans doute, sont professeurs, russes ou français, de psychopathologie ou de médecine, de philosophie ou de littérature, d'art ou de sociologie.

Vous comprendrez donc aisément que je veuille conclure maintenant mon propos rapide par des remerciements, dont vous avez pu voir qu'ils ne sont tout sauf de pure politesse : ils ont leur fondement dans votre invitation même, dans votre venue à Rennes, dans votre confiance. Ils ont leur débouché dans cette articulation, qui, pariant sur le savoir et ses rigueurs, nous amène à défendre, au nom de la consistance de celui-ci, le plus particulier de chacun. Sans confusions, sans restrictions, sans faux-semblants.

Je vous remercie.

Лоран Оттави

*Лаборатория психологической клиники и психопатологии (LCPPI).
Исследовательский центр клинической антропологии (CRAC)
Университет Ренн 2, Франция, Ренн*³²

ИСТОРИЯ В НАСЛЕДСТВО

Мы преподаем, как и многие университеты во Франции, в России, в мире, разумеется, клиническую психопатологию. Мы преподаем университетскую «дисциплину», ясно идентифицированную.

Это очерчивает контуры совокупности знаний и практик, на которые открывается профессионально данная дисциплина, которая управляется специфичными внутренними процедурами, очевидно, научными, эпистемологическими, но также тем фактом что, в качестве учебной дисциплины, она вписывается в общую карту; она определена нашим опекуном министерством, которое организует и гарантирует научные исследования и обучение по предмету, каковым во Франции является Министерство высшего образования.

Это нас включает совершенно естественно и в целом, в отношении партнерства, разделения, университетского сотрудничества, дисциплин и междисциплинарных отношений, на национальном и интернациональном уровне, которые, конечно, находятся в развитии.

Но ограничиваться просто этим – это было бы объявлять одну рамку, разумеется продуктивную, но которая обозначает только один контекст, открытый, и регламентацию, которые являются значимыми для какой бы то ни было университетской подготовки. Это определяет, следовательно, только условие организации, —и ограничиваться только этим состояло бы в том, чтобы вбирать главный вопрос : о чём мы говорим, с какой ориентацией, что ищем мы и что мы делаем ?

Избегать эти вопросы и придерживаться нам только определения, заданного в терминах регламентации было бы, следовательно, тавтологией, и я должен бы, как преподаватель, и в оказанной здесь мне чести выступить, предложить только самую малость и продвинуться вперед по правилам говоря, мы находились бы уже в заключении моего выступления.

Итак, конечно, я хотел бы поднять вопросы, напротив, чтобы попытаться также вам их представить, я буду всё-таки опережать немного, и позаимствую уже, в этом заключении, которое я сделаю сейчас, несколько точных и полных слов, и которые я сейчас произнесу, чтобы придать им больше веса, больше цены, больше значения, если хотите, придать несколько торжественное значение.

Это мало сказать, что нам оказана такая большая честь быть приглашенными сюда к вам, в Новосибирск, при таких обстоятельствах, и, со своей стороны, я крайне тронут таким знаком доверия, который выразили нам наши хозяева и друзья из Новосибирска. И я лично и специально хотел бы поблагодарить Месье Илью Вотчина и Мадам Ольгу Шамшикову. Благодаря их определенности и энергии стала возможной эта встреча, для нас, так далеко от нас, и однако, в сущности, так близко в определенной манере, здесь, на этой великолепной конференции в Новосибирске.

³² Лоран Оттави. Профессор Психопатологии, Директор мульти-объектной научно-исследовательской Лаборатории : « Психопатология, новые симптомы и социальная связь ». Университет Верхней Бретани Рэнн 2. Психоанализ, член ECF и AMP.

Это явная честь, и мы ее приняли как таковую, но для нас это также нагрузка, состязание, своего рода испытание, которое в какой-то мере бросает нам вызов : что мы должны вложить в наш взаимообмен, в наши дебаты, что заслуживает, что оправдывает то место, которое вы нам предоставляете этим фактом ?

Нам следует попытаться показаться достойными вашего приглашения, и я хотел бы, следовательно, уточнить наши общие ставки.

Для того чтобы это сделать, я выберу для изложения несколько исторических данных, а также несколько концептуальных данных, которые открывают вопросы.

Как я сказал, мы преподаем Психопатологию и ее клинику в Университете Рэнн 2, в этом городе Рэнн, в Бретани : это совсем маленький регион, если смотреть отсюда, который ничего не имеет общего с восхитительными, огромными пространствами Сибири. Это просто : вы все время идете на Запад, очень долго, и это совсем на краю, вы достигаете последней земли на западе Франции. Необъятное пространство, с которым граничит Бретань, это – Океан.. Потому что после неё есть только Нью-Йорк... Мы находимся на кромке Запада евро-азиатского континента.

А чтобы вам объяснить нашу преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность, я буду говорить здесь по постановлению Господина Профессора Марка Гонтара, который является Президентом нашего Университета, и который согласился возглавить нашу делегацию, которого, если вы позволите, я хотел бы публично поблагодарить за это. Действительно, это на него возлагается очень большая задача, трудная, управлять связностью совокупности форм обучения литературе, языкам, искусству и гуманитарным наукам, которые преподаются в Рэнне. Это то, что он должен заставлять действовать совместно, и что 600 человек направлены на одну и ту же цель, которые часто, конечно, в гуманитарных науках имеют много идей на многие вещи, с 20.000 студентами, которые часто имеют ещё больше идей, гораздо более точных!

В психопатологии мы не обращаемся ко всем или к каждому из этих студентов или из этих преподавателей, но, по мере того как мы участвуем в глобальной карте обучения и научных исследований, проводимых в нашем университете, мы встречаем их достаточно высокое число.

С одной стороны, мы принимаем молодых и очень молодых студентов, которые ещё не совсем определились в своей будущей ориентации, то есть не предназначены стать психологами. Мы их принимаем в общее образование, предназначенное для студентов лингвистов, социологов, филологов, педагогов, искусств. Открыть в действительности образование и доступ к знаниям : именно в этом подчеркнутая воля нашего Университета, под которой мы подписываемся полно и широко. И в самом деле, это очень хорошая вещь : всё то, что может благоприятствовать встречам, взаимообменам, умственному кипению, короче говоря, всё то, что может сделать встречу с Другим, говоря нашими терминами, является краеугольным камнем нашей подготовки.

Следовательно, имеется, с этой точки зрения, в Рэнне 2, определенная озабоченность, и основанная, разумеется, на том, чтобы встречать других, других студентов, других коллег, других партнеров, других национальностей, конечно : коллеги и друзья из Новосибирска, там, так далеко и как я уже говорил ранее, такие близкие в то же время.

Самую продвинутую долю наших научных исследований, мы её оставляем психологам, исследователям в психопатологии. После первых трёх лет обучения, действительно, студенты должны определиться в своем выборе и обучаться специфически, чтобы построить свои компетенции по своей специальности. Это полный цикл Психологии, в его различных секторах, затем, после четырёх лет, специальность психопатология.

Тогда, конечно, в начале они путаются, иногда колеблются в этих вещах, затем очень быстро, они становятся, благодаря их практикам на стажировках, курсам, Курсовым работам и теоретическим и клиническим Дипломным работам, которые они должны производить, они становятся, следовательно, настоящими коллегами, французскими или иностранными, которые или вскоре защищаются, или становятся практиками.

На их долю падает трудная ответственность отвечать за настоящее, а не уклоняться от психической боли, от страдания умственной болезни, но также и от других страданий, если не менее опустошающих и не менее острых, но также и действительных, среди тех из наших современников, которые бегут вперед в желании вырваться из своих собственных трудностей и страхов, или же, напротив, от тех, которые открывают себя определенными своего рода современным призывом в «*Познай себя сам*» античного Сократа, и при этом, тогда как понятие *Бессознательное*, мы это знаем, сразу призывает к этому знанию, и в то же самое время, противопоставляется этому развертыванию.

Наши молодые практики учатся локализовать себя и брать на себя ответственность, противостоя этим жалобам, этим вызовам, и они должны быть внимательными также, как я это говорил, к новым страданиям, к новым способам симптомов и их воздействиям, к новым конфигурациям страдания, в «*Недомогание в современной цивилизации*», повторяя термин Фрейда, действительно по-прежнему опережают наши знания, наши терапевтические и лечебные инструменты, а также даже наши социальные и политические инструменты, которые достаточно часто не могут или не хотят отвечать на них.

Итак, я процитирую здесь, только для того чтобы установить вопрос, одну или две фразы из знаменитого текста Фрейда, произнесенного на Конгрессе в Будапеште в 1918 году :

[...]Вы знаете, что наше терапевтическое исполнение ограничено. Нас только горстка людей и каждый из нас может, даже при яростной работе, посвятить себя, за один год, всего лишь только маленькому количеству людей. В противоположность мизерному невротическому эксцессу, который имеется в мире и с которым можно было бы обойтись, то, что мы можем отсечь, является едва заметным.

21. Предположим теперь, что посредством организации, каковой она бы ни была, нам удалось увеличить наше число таким образом, что нас было бы достаточно для лечения самой большой массы людей. Впрочем, прогнозируемо, что однажды сознание общества пробудится и напомнит, что, для психической помощи, бедный имеет то же право, что тот, который уже сегодня имеет для хирургического вмешательства, спасающего жизнь. Неврозы не угрожают меньше здоровью народа, чем туберкулез и не могут, не более, чем туберкулез, быть оставлены на беспомощность простого частника. Тогда создадут учреждения или консультационные институты, которые будут использовать терапевтов, обученных психоанализу; мужчины, которые, иначе, предавались бы алкоголю, останутся сопротивляющимися и активными, так же как и женщины, которым угрожает рухнуть под бременем пожертвований и дети, у которых нет больше выбора, как между диким состоянием и неврозом.

Это - Фрейд, и именно о психоанализе Фрейд говорит здесь. И мы готовим психологов. Упомянув это фрейдово пожелание 1918 года, я хотел бы разместить здесь пространство вопроса, зияние, и вызов.

Наши коллеги психологи, которых мы готовим по клинической психопатологии в Ренн 2, приглашены в действительности, но на основе их позиции и без всякой путаницы, чтобы ответить настоящему и спросить о своем месте и их знании, относительно этих изобретений, которые Фрейд называл своими пожеланиями в первой четверти XX века. Заметим впрочем, что

продолжение истории, понемногу повсюду в мире, только подтвердило верность и значимость этой необходимости, на которую он нацеливал.

Эта озабоченность ответить настоящему, не уклоняться, не путать регистры и более того, не отрицать никакую из трудностей ; эта озабоченность отказаться от легкости уже готовой и повторно представленной идеисе ; это желание совсем не путать психоанализ, о котором Фрейд говорит здесь, и профессию психолога клинициста, всё это создает совокупность открытых вопросов, а также конвергенций, в сообществе интеллектуальных, практических, научно-исследовательских интересов, наших французских и иностранных коллег.

Это было рабочее и дружеское пари, которое привело в Рэнн 2, ровно один год назад, делегацию из Новосибирска, которая вели Месье Илья Степанович Вотчин и Мадам Ольга Александровна Шамшикова. Эта делегация прибыла в наш университет в трудный момент, момент экзаменов, а также в момент, когда появлялись социальные и политические напряжения у нас.

И мы тотчас начали работать : вначале это было между нами, для взаимообменов между коллегами, поскольку, в самом деле, нужно было сначала научиться узнавать друг друга. Мы начали объяснять друг другу то, что мы делаем и те, и другие : мы открыли наши схождения, наши способы соглашений между нашими точками зрения, и мы начали строить проекты, на основе наших идентичностей и нашей дополняемости.

И теперь ? сегодня, здесь ?

Я буду использовать для вас чисто французское выражение : вот мы и прибыли « *к подножию стены* », что означает, что мы сейчас в точный момент, когда надо действовать, выходить из этих частных взаимообменов между нами, доверяясь им.

Мы находимся в том моменте, когда мы это *должны*, и я понимаю это слово как настоящий « *категорический императив* ». Это момент, когда нам нужно начертить планы, изложить наиболее упорядоченным способом и опережать по задачам и будущим вещам, настолько, насколько они определены уже сделанными вещами, и рамкой, которая делает их возможными.

Значит, мы преподаем психопатологию и это в университетском контексте, что дает во Франции то, что психопатология является дисциплиной образования, которая обращается собственно к двум очень различным профессиям с точки зрения подготовки:

— Врачи психиатры, с одной стороны, предмет которых знание и лечение есть психопатология ментальных болезней, и с другой стороны, психологи клиницисты. Первые обучаются сначала медицине, затем специализируются на 5-ом и 6-ом году по психиатрии.

— Вторые являются психологами. Они специализируются на 4 5 году, затем для Докторов, с 6 по 8 год Докторантуры.

Всё это гарантируется документами и государственными положениями, которые дают статус о подготовках, условиях подготовки, и о профессиях психиатра или психолога, с профессиональной защитой выданных титулов, на основе аттестованных подготовок.

Психологи специализируются по различным компетенциям : психологи ребенка, психолог труда, и наконец, психопатологи клиницисты. Все исходят, но с глубоким различием, из Психологии и Департамента Психологии, и Мишель Гролье, наш друг и коллега, который выступит здесь во время наших дней, имеет тяжелую задачу управлять этим Департаментом подготовки, вместе с 70 дипломированными преподавателями 2000 студентами.

Как вы это видите, я осторожен, чтобы определить пространство наших общих вопросов, и я начинаю вновь мое сообщение, теперь непосредственное, с этих институционных аспектов, которые придают нам нашу рамку практик, раздела и взаимообмена. Я хотел начать с этого, потому что это рамка, в

которой мы придерживаемся, конечно, мы любим, можно сказать, но также и потому, что она является отражением истории этого образования во Франции.

Теперь подойдем к сути: чему мы обучаем на самом деле и каковы предметы наших научных исследований?

Тотчас после Второй мировой войны, « Великой патриотической Войны », Франция, освобожденная от военной оккупации, была страной, которая представляла все черты травматизма, и на всех уровнях : бывшая великая держава XVII, XVIII веков, ослабленная по выходу из 1918 года войной и всеми своими погибшими, и познав между 1918 и 1940 годами все потрясения обманчивой победы, которая её оставила обескровленной и разделенной между политическими фракциями в яростной борьбе, и в международном контексте, отягощенном угрозами. В конечном итоге Франция внезапно оказалась разбитой, под военной оккупацией, тогда как Республика топила себя.

Именно в этом контексте мало помалу установился, разрозненно и некоординированно, дух, крайне малочисленный некоторое время, который был духом общего отказа от нацизма, от фашизма, от угнетения, от резни, от сегрегации и от плохого обращения. По ту сторону нацизма, и пассивного и активного Сопротивления, эти люди, которые делали ставку на будущее и находили вновь дорогу в чаянии на общество более гуманное, более уважительное.

Во время оккупации были концентрационные лагеря и убийства. Плохое обращение было правилом в психиатрических больницах : больные умирали тай от голода Психическая болезнь, вы это знаете, была обещана искоренению, путём убийства, больных.

Именно дух Сопротивления и его идеалы, которые вышли, после войны, на обновленную озабоченность о лечении, о заботах по оказанию больным и о разделении нашей общей гуманности. Сначала с этой чертой : нужно заниматься этим на всех уровнях, психической подавленностью, разумеется, но также и заботой, одеждой, пищей. На этом течении будет основываться « Учредительная психотерапия », оно даст новое определение самому понятию ухода вне приюта или больницы, и для всех тех, которые в этом нуждались : будь-то старики или дети, живут ли они плохо в семье или изолированы. Необходимо было заниматься ими.

Врачи психиатры, приведем пример доктора Тоскереллеса, испанского доктора, нашедшего убежище во Франции по причине войны в Испании, или других, быстро увидели, что они были также заняты различными задачами, которые им не позволяли всегда ухаживать за больными, насколько это было нужно. Увидели также, что необходимо было придумать новые учредительные типы, чтобы принимать семейные, социальные страдания, и открытые консультационные центры были созданы, в которых психологи — не подготовленные ещё в университете, выполняли работу.

В 1950 – 1970 годы, это был подъём таких запросов по уходу, подъем обучения : нужно было подготовить профессионалов по страданию, в тот самый момент, когда нужно было перестраивать всю страну, и усилия были параллельными, экономические, социальные, с изобретением общего Социального обеспечения, которым пользуется каждый гражданин и которое гарантирует доступ к уходу. Эти тридцать лет, с 45 по 75 годы, были названы некоторыми, « Тридцать славных ». Страна поднималась, занимая теперь новое место, несомненно, более ограниченное, но более справедливое также в международном ландшафте.

Конечно, каждая страна имеет свою историю и другое направление, во Франции, сыграла определяющую, центральную, причинную долю, то, что нас занимает и я хочу засвидетельствовать здесь это.

Вы знаете, что при своём рождении французская психиатрия заявила о себе определяющим способом: вышедшая из *Века Просвещения*, основанная в 1789

году в момент Французской Революции, которая отменила рабство, и отказалось от порабощения королем, которая сделала своим идеалом равенство между всеми и объявила о долге помощи обездоленным. Эта психиатрия сумасшествия построена, вы это знаете, Доктором Пинелем, в Париже: он хотел, чтобы сумасшедших понимали и обращались с ними не как с бандитами, бродягами, преступниками или с теми, кто нарушает общественный порядок.

Это было очень благородно и прогрессивно. Но средства лечения психических расстройств были ограничены. Век обучения, и во французском контексте, век веры в благоприятные и лечебные свойства воспитания, морали, такая психиатрия продвинула различные терапевтические стратегии, из которых «моральное лечение» сумасшедших: лечение через внимание, которое должно было быть в этом оказано. И в тоже время, за пределами или на подъеме таких лечений озабоченностью психиатров была медицина: нужно было составить энциклопедический инвентарь всех наблюдаемых или встречаемых болезней. Крупные нозографии появились тогда в 19 веке: клинические таблицы были множественными, дискриминации тонкими, классификации всегда пересмотренными. Такая доля таксиномии открывала к знанию дискриминации, дифференциации, и рассматривала критерии и способы построения классификаций. Из этой части «знания болезни», о котором следует отдавать отчет, мы все унаследовали.

Эта зарождающаяся психиатрия участвовала, следовательно, в течении и общем усилии познать, то, что не шло, конечно, без конфликтов: вышедшая из идеалов Дидро и Вольтера и с переходом к научной медицине, которая сопровождала в практике появление научной мысли и своего Дискурса, эта психиатрия держала пари с наукой, воспитанием, всеобщей моралью, с поисками моральной философии, философии духа энциклопедии, разумеется, но также и на приоритетно гуманистической основе, против их хулителей.

Я охотно бы сказал, что это перекрещивание таких двух течений, гуманистического, с одной стороны, но почти без ресурсов в терминах лечения, и научного, с другой стороны, и не без столкновений между обоими, которое достигло, с огромными трудностями во Франции, откликов открытия Фрейда.

В начале он был, этот австрийский психоанализ, для французских националистов с 1910 по 1930 годы, всего лишь только германская идея и наука, следовательно, идея, с которой нужно бороться.

В самом деле, он наделал скандал во Франции, этот психоанализ, с его понятием бессознательного, не узанной мысли, которая ускользает от разума : Век французского Просвещения основывался на том, чтобы проповедовать разум против не-знания, ясная и эксплицитная идея против имплицитной формулы. И Фрейд, мысль Фрейда с большим трудом допускалась в этих условиях : германская культура не имела хорошую прессу, с двумя предыдущими войнами, 1870 и 1914-1918 годов. Следует сказать, например, что авторы, такие, как Гегель, не читались в эту эпоху во Франции.

И этот отказ работал на разных уровнях, по мере того как, однако, мужественной психиатры открывались этой практике. Этот отказ аргументировался иногда удивительным образом. Можно было бы, действительно, почти сказать, что, с одной стороны, отказ шёл до Жан-Поля Сартра, который написал в 1942 году главную книгу: « *Бытие и ничто* », когда он был пленником в Германии, книга, вдохновленная, тем не менее, германской философией, Гуссерлем, Гегелем, Хайдеггером, но в которой он хотел основать переделанный психоанализ, предназначенный психическому лечению, но уничтожив понятие Бессознательного.

Сартр был гуманистом, или точнее, тот, кто принимал гуманизм за основу, чтобы попытаться пойти ещё дальше, который, в течение некоторого времени, видел в безумии только цену, которую платят за отказ от самого себя.

И затем, и затем, стал во Франции, по следам первых появлений французских психоаналитиков, стал Жак Лакан.

Он был врачом психиатром, психоаналитик по образованию и в начале деятельности в момент войны. До войны, он произвёл на съезде по психоанализу исключительно важную, оригинальную коммуникацию, и которая начертит главную ось научного исследования и построения субъекта : его отношение с психическим расстройством через образ, воображаемое расстройство и его зависимость к другому. Далеко не стоит пренебрегать сегодня его указаниями, которые содержатся в этом знаменитом тексте «Стадия зеркала». Уже Фрейд был там, как цоколь, и уже, его метапсихология подвергалась рассмотрению по-новому, и созывая новые парадигмы мысли, новые эпистемологические отметки построения.

После войны, и констатируя предприятие по сокращению фрейдовой теории, которая была выполнена самими психоаналитиками, он заявил о необходимости сделать, в психоанализе, настоящий возврат к источникам, «Возврат к Фрейду».

Он подчеркнул необходимость принять новые усилия для полной меры открытия Фрейда в лечении невротозов, определить его глубокое новшество в понимании психозов. Это было его пари, для того чтобы распознать крайнее значение фрейдовой неясности, чтобы *понять* структуры субъекта, социального, болезни, страдания, чтобы понять ставки клиники, и её структурное определение, измерение которого надо было сделать.

Он не участвовал в делах новой учредительной психиатрии. Но в 1946 году, он участвовал в коллоквиуме, ставшем с тех пор знаменитым, в котором он защищал идею, что существует наверняка *Психическая причинность* при психических нарушениях : что эта причинность не сводится к вторичному определению, а первичная, расстройства, что такая причинность является структурной причинностью ; что никакой физиологизм не может вымотать. Он полагал, что никакое сведение к терминам из естественных, физиологических, нейробиологических наук невозможно с этой стороны : речь не шла о том, чтобы отрицать тело и воздействия, которые тело генерирует на нас самих, но чтобы указать, что это измерение нельзя путать с психической причинностью расстройств, его способом организации и структурой этой специфичной причинности. И он показывал, что Фрейд дал в этом модель.

Его престиж распространялся во Франции, и его устное обучение каждую неделю привлекало сотни психиатров, философов, социальных работников, студентов.

Он был в состоянии изобретения, повторного изобретения даже этого французского *Духа Просвещения*, который состоит по сути в том, чтобы упорядочить разумным образом каждую черту, каждое понятие и каждый концепт, которые моделируют интеллектуальные ландшафты. Он вновь изобретал мысль современного Просвещения, прочно опираясь на тот факт, что Бессознательное существует – *Unbewusst* по Фрейду : то, что знает себя, продолжая не узнавая себя в действительности он вписывался в линию наследства, замешенного на культуре, сам он человек огромной культуры : его письмо, его восхитительный стиль и его владение языком ставили его среди других великих авторов, и никто не ошибался в этом, даже его хулители. Он придавал вкус знанию. Более того, он оживлял желание знать.

Он обеспечил движение по восстановлению фрейдического Поля против психологических сокращений, против отказов психиатрических течений, замкнутых в психической причинности, а также против сокращений психоанализа, выполненных самими психоаналитиками. Он собирался создать свою Школу. Я думаю здесь о ECF, EEP, AMP, о фрейдическом Поле : они представляют французские, европейские, всемирные географии психоаналитического лаканового движения. И наши друзья в интернационале

нас учат чему-нибудь : мы изучаем немецкий язык, чтобы мочь читать Фрейда, и мы видим столько друзей, которые учат французский язык, чтобы читать Лакана.

Именно в этот послевоенный период осуществилось, в социальной работе и учредительными логиками своего рода политическое соединение : появляются первые *Медико-психологические Центры* : они предполагали предложить бесплатное лечение больным, лечение вблизи от места проживания, и они приняли на работу психологов клиницистов. Чаще всего подготовленные по фрейдовому вопросу, озабоченные следовать лакановому учению, они стали активистами.

И Университет последовал. Мы ещё сегодня радуемся этому. Установили подготовку психологов клиницистов. Были ли они психоаналитиками ? Нет. Или если они были таковыми, то это не по наименованию их диплома или учёбы, а исходя из их опыта психоаналитического лечения, которое они сами проводили, и из их подготовки в Школах психоанализа.

В университете, мы должны быть настоящими преподавателями университета, со всем значением, которое мы можем придать этому слову и этому великолепному изобретению 14 века. Уже семь веков Университет, переопределенный на основе культурных встреч между знаниями, происходящими из различных источников, является местом уединения для размышления, изобретения и распространения этих особых знаний, к тому же последние подвергаются обмену, критике, конструированию.

Они не принадлежат никому, но созывают всех тех, кто пускается на риск, чаще всего по следам научных поисков, уже выполненных великими авторами, которые, значимая вещь, всегда предшествовали университетских преподавателей : начиная с Сократа до Эйнштейна, Фрейда и многих других.

В Университете мы должны производить и работать всегда больше в поле, в котором мы собираем, и гарантировать именно значимость и университетскую прочность наших услуг.

В Университете именно знание управляет, и которое должно управлять : это « *Продолжай по-прежнему больше знать* » как об этом сигнализировал Жак Лакан в 1970 году. Знание есть управление, а не тот или иной частный и личный вопрос, который могут всегда иметь его пользователи.

В Психоанализе это отличается : возьмём субъект, то есть то, что психоанализ признаёт и обозначает как таковой, то есть *Субъект Бессознательного* : субъект этого знания, *которое не знает* : и возьмём его по логическому методу :

Или же этот субъект полагает знать, и ясно, что « *Там, где он думает, он сам себя не признаёт, он не есть, тогда как там, где он есть, это - Бессознательное, слишком ясно, что он заблуждается, в своей боли, в своих симптомах* ». Это ещё цитата, пересмотренная Жаком Лаканом. То, на что он указывает, это – различие, которое следует задать между я мыслящим, и субъектом бессознательного, которое, исторически, проявилось с первыми лечениями, проводимыми Фрейдом : Катарина, Эмма, Дора.

Итак, ещё логически, возьмём теперь вопрос психоаналитического лечения этих субъектов, их конкретного опыта психоанализа : нашего личного, конкретного опыта. Последний состоит в том, чтобы локализовать на время, в *этом* психоаналитике, в его классическом кабинете или на его новом рабочем месте, своего рода секрет, способный декодировать бессознательное знание о нас самих, и при этом, делая из этого пари —то, что остается после всего, так это только пари.

И эта суппозиция знания о нашем бессознательном ставит тогда на место своего рода жало, активное и действующее исходя от психоаналитика и его знать-быть, и именно жало (остриё) нас включает и нами управляет по-прежнему больше, чтобы следовать нашему ходу декодирования очень особого

знания : не знания Паскаля, Ньютона, Достоевского или физики, медицины или социологии, нет, скорее всего наше собственное знание нас самих о нашем собственном мире и о нас самих, которое от нас ускользает, которое нам есть *бессознательное*.

Как вы это видите, сочленение этих регистров показывает, что они не смешиваются, ни не накладываются друг на друга, а различаются и сочленяются друг с другом. Знание является множественным, и знание Университета не на том же месте, что знание бессознательного, тогда как то знание, о котором свидетельствуют симптомы, мобилизуется другим способом, и всё это аттестуется фактами структуры в психическом аппарате, но также истории, способов говорения и своей ориентировки в этом.

Очень быстро, Фрейд объявил, что психоаналитик, психоаналитик как таковой, обучается и случается специфически только благодаря своему лечению. Очень быстро также, он сделал пари, что, тем не менее, что-то от психоанализа может и должно высказываться публично, и одна из коллекций публикаций Жака Лакана будет озаглавлена : « Ты можешь знать ».

В университете, нас много, кто обучает клинической психопатологии. Некоторые, не все, выбрали, по причине или в зависимости от способов публикации, в своих диссертациях, в своих лекциях, статьях, способы психоаналитических ссылок на их участие в знании психопатологии. Они знают, что оба не следует смешивать и никто из нас не считает, что готовит психоаналитиков в университете. И все доказывают, что их место в университете есть именно место преподавателей дисциплины психопатология, которая не является психоанализом. И что это место должно отдавать отчёт о принципах построения знания и Университета.

Тогда почему же Лакан ? Почему эта ссылка на автора психоаналитика, специалиста по возврату к Фрейду, против сокращений слишком простых и упрощенных, высказанных именно после-фрейдскими психоаналитиками ? и, неразрывно от Фрейда, что важно для наших научных исследований ?

Это потому, что Лакан изменил эпистемологические способы психоаналитического знания и по ту сторону : он отказался делать из психоанализа магию вне истории, вне концептов, как он отказывается её устранять в простой научной речи, которая не делает никакого случая, по определению, субъекта. Это напряжение между наукой и субъектом есть, это известно, именно условие науки : в заданной базе дважды два всегда четыре, даже если я субъективно претендую на противоположное.

Лакан трудился над тем, чтобы выделить логику построения уже там в нашем бессознательном, без всякого редукционизма, ни в биологическом или в неврональном нашего определения тела, ни в рассеивающейся размытости нашей морали и условностей. Делая это, он пересмотрел сами теории гуманного, и он внёс во французскую мысль самый прекрасный цветок, конечно, также самый трудный, факт открытости к многочисленным ссылкам построения : лингвистика с Соссюром и Якобсоном, и другими ; философия с Гегелем, Хайдеггером, Декартом, логика с формалистами, так же как и строгость античных конструкций, апории самых прекрасных математических моделей. Также ссылки на творческую мысль : « артист предшествует всегда психоаналитику ». В действительности Лакан упорядочил интеллектуальный ландшафт и, освещая по-новому Фрейда, он не удовольствовался просто это повторять : он ему вновь дал категоричность его вопроса, в двадцатом веке, и он это подтвердил, но исходя уже из других, новых, оснований.

Скажем это без обвиняков : это богатство и основательность объединений всех этих знаний в новой ориентации, которое оправдывает что, с нашей стороны, мы изучаем нашу университетскую дисциплину психопатологию, начиная с базы Фрейда и Лакана, и никогда не смешивая регистры.

Никакого скандала в этом, мы считаем, что история психопатологии находит свои корни в озабоченности о другом, что консистенцией Университета является то, чтобы открыть дух и изучить знания, как более возможно, в их строгости, в их построениях.

Мы считаем, что клиника есть всегда единичный опыт, всегда особый, полагаемый один за другим каждого лица, которое страдает, каждого субъекта. Что она является по определению внимательной к боли, потому что она базируется на её основе. Что клиника имеет целью помогать нашему ближнему, чтобы он жил лучше, декодируя с ним то, что имеет ценность для него, и она участвует путём конститутивного гуманизма, который не сводит субъект, ни к его гормонам, ни к его физиологии, ни к его представлениям.

И наконец, мы считаем, что она является школой требования и ясности. И мы готовим профессионалов и научных исследователей психического факта и его страданий. Мы не готовим психоаналитиков: слишком уважительные к тому, что он есть, мы оставляем это на личный опыт, и на Школы, которые делают его живым в мире.

Мы готовим, в университете, клиницистов и исследователей, озабоченных строгостью и мыслью, и ответственных за то, что должны отдавать себе отчёт в этом.

Вот почему наше сообщество составлено и вновь проигрывается каждый раз во встрече другого, других, больных и страдающих да, конечно, но также и в другом плане, коллеги и друзья, встречаемые на основе общей озабоченности и любопытства. Моими ближайшими друзьями в университете, после моих студентов, конечно, являются преподаватели, русские или французские, по психопатологии или медицине, по философии или литературе, по искусству или социологии.

Следовательно, вы легко поймёте, что я хотел бы сделать заключение моего быстрого сообщения благодарностями, из которых вы смогли увидеть, что они всё, кроме чистой вежливости: они имеют свое основание уже в вашем приглашении, в вашем приезде в Рэнн, в вашем доверии. Они имеют свой выход на это сочленение, которое, держа пари на знание и его строгости, нас приводит к защите, во имя консистенции знания, самого особенного у каждого. Без путаницы, без ограничений, без уловок.

Благодарю вас.

УДК 159.9+316.6+316.7

M.M. Reshetnikov

The East European Institute of Psychoanalysis, St. – Petersburg

SOCIAL THERAPY, LEVEL AND QUALITY OF LIFE IN MODERN RUSSIA

The given article is devoted to the theoretical analysis of concepts «social therapy», «sense», «quality of life» and «standard of living». It is emphasized that putting a question about quality of life is inappropriate in modern conditions of Russian society. The reasons and consequences of social stratification and growth of social intensity in a modern Russian society are considered.

M.M. Решетников

Восточно-Европейский Институт Психоанализа, г. Санкт-Петербург

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Данная статья посвящена теоретическому анализу понятий «социальная терапия», «смысл», «качество жизни» и «уровень жизни». Подчеркивается несвоевременность постановки вопроса о качестве жизни применительно к современной российской действительности. Рассматриваются причины и последствия социального расслоения и роста социальной напряженности в современном российском обществе.

1. Социальная терапия

Понятием «социальная терапия» обычно объединяются методы воздействия на социальное поведение граждан в интересах решения тех или иных общенациональных задач или предотвращения тех или иных негативных ситуаций и возможных последствий непопулярных решений.

Вопрос о том: «Как должна строиться социальная терапия?» - неоднократно обсуждался в последние годы, но особенно активно в последние месяцы, когда правящая и партийная элита, а также журналистское сообщество занялись поиском более эффективных коммуникаций и способов поддержания социальной стабильности в условиях мирового кризиса. Этой проблеме был посвящен Всероссийский форум журналистов, который проходил в Петербурге в феврале-марте 2009 года, но каких-либо кардинальных решений проблемы найдено не было. Представители «Единой России» сообщили о создании антикризисного штаба партии, и одновременно констатировали, что специалисты по связям с общественностью сегодня не востребованы. В конечном итоге форум сделал лишь один - не слишком прагматичный - вывод, что PR-специалисты должны осознавать опасность дестабилизации общества и избегать нагнетания социальных конфликтов, то есть: максимально сглаживать и дозировать негативную информацию, что, в целом, при отсутствии адекватной оценки проблемы, вполне логично.

Современное понятие «социальной терапии» возникло в 50-х годах XX века в Великобритании, и вначале было связано почти исключительно с социальной адаптацией инвалидов и детей, страдающих задержкой развития. Однако существуют более ранние и гораздо более значимые исторические аналоги. Социальная терапия всегда была ориентирована на широкие массы, а если выражаться точнее - на малообразованные, маргинальные³³ и нестабильные группы населения, и в первую очередь - на подрастающее поколение. Когда в XIX веке в Германии было введено всеобщее начальное образование, оказалось, что далеко не все дети способны его освоить. Значительная часть таких детей отчислялась из народных школ и, оказавшись предоставленной улице, быстро пополняла ряды асоциальных и преступных элементов. Поэтому оказание помощи этим группам населения начинает рассматриваться не как проявление гуманности, а как социальная необходимость - как способ предотвращения исходящей от них общественной опасности. *Основным способом решения этой проблемы стало воспитание, основанное не на школьных знаниях, а на идеях нравственности с опорой на раннюю социализацию таких детей с привлечением их к общественно значимому труду (естественно, с учетом их возможностей).* Таким образом, вместо того, чтобы на протяжении еще ряда лет находиться в унижительном положении вечных двоечников, копить ненависть и агрессию к учителям и более успешным одноклассникам, такие дети и подростки рано входили во

³³ Маргинальная группа — группа, находящаяся на границе различных социальных групп, систем или культур, и испытывающая влияние противоречащих друг другу норм, ценностей, идеалов и т. д.

взрослую жизнь, начинали зарабатывать, и чувствовать даже некоторое превосходство над своими сверстниками.

Гораздо позднее понятие социальной терапии стало употребляться применительно ко всему социуму, при этом было установлено и затем многократно подтверждено практикой, что, хотя социальная терапия направлена на урегулирование негативных чувств, мыслей и отношений личности или тех или иных социальных или национальных групп, ее первоочередной задачей является наполнение жизни людей смыслами. Вторая составляющая, на первый взгляд, не столь очевидна - формирование социальных образцов нравственного поведения.

Любой народ с точки зрения социологии - это, прежде всего, та или иная совокупность людей, рассматриваемая с точки зрения их социальной общности. На чем основывается эта общность? На общности языка, культуры, истории, территории, религии, традиций и обычаев, но в такой же степени - на общности целей, задач, смыслов жизни и представлений о настоящем и будущем. Подчеркнем - общности, признаваемой всеми социальными группами, независимо от их национальности, вероисповедания, социального, материального и всех прочих статусов. Необходимость всеобщего признания таких представлений о настоящем и будущем неизмеримо возрастает, если хотя бы по одному из упомянутых параметров в социуме имеется то или иное «рассогласование», например, по языку или традиции, по оценке тех или иных исторических событий и т.д.

Несколько лет назад группой петербургских ученых была инициирована дискуссия по вопросу: откуда они берутся и что такое смыслы жизни? В итоге был сделаны весьма непростые, хотя и не такие уж впечатляющие выводы. Во-первых, специалисты сошлись во мнении, что смыслы в большинстве случаев (для большей части людей) не находятся (самостоятельно), а привносятся кем-то; применительно к большим социальным группам - обычно - выдающимися мыслителями. Во-вторых, *смысл появляется только тогда, когда в его основе лежит некая благая цель, которая выходит далеко за рамки повседневного существования конкретного человека* (или даже конкретного народа) и объединяет личность с той или иной референтной группой или большими массами других людей на основе единства высоких идей и идеалов. При этом последние всегда носят нематериальный характер и символизируют наступление той или иной новой эпохи. В этом случае собственные проблемы, обиды, утраты и конфликты конкретного человека теряют свою остроту и значимость, и оцениваются с точки зрения его вовлеченности в решение тех или иных общих (общенациональных, общенародных или даже - общечеловеческих) ситуационных или эпохальных задач. Подчеркнем, что понятие «благая» чаще всего соотносится не с благосостоянием, а с некими нематериальными факторами, при этом - неважно, является ли эта цель реальной или иллюзорной: важно лишь ее общественное звучание и резонанс в чувствах социума.

Можно привести несколько (принципиально отличающихся) исторических примеров таких объединяющих и вдохновляющих массы идей. Например, идей демократии - «свободы, равенства и братства»; коммунистических идей - об исторической роли пролетариата, как самого передового класса; фашистских идей - о превосходстве германской расы и т.д. Еще раз обратим внимание, что не так уж существенно - насколько реальны, порочны или бесконечно иллюзорны эти идеи, включая не имевшую никаких исторических перспектив идею «свободы, равенства и братства». Важно лишь то, что они обладают некой особой энергетикой, заразительностью, и апеллируют к базисным потребностям личности.

Каковы эти базисные потребности? Большинство из них являются общими для всех живых существ - в пище, воде, среде обитания, территории,

продолжении рода, безопасности. Но в человеческом сообществе появляются некоторые дополнительные, не имеющие прямых аналогов в животном сообществе, в частности - в самоуважении, в признании, в торжестве справедливости, а также - в достатке, любви и счастье, и в уже неоднократно упомянутом - смысле жизни. В последние десятилетия в этот список обычно вносят «потребность в информации».

С точки зрения социальной терапии, не так уж существенно: будут ли удовлетворены эти базисные потребности или имеется лишь вероятность, или - лишь декларируется возможность их удовлетворения. - Люди нуждаются в вере и иллюзиях, и ничто не травмирует их психику больше, чем лишение этих двух аспектов типичного мироощущения. При этом достаточно хорошо известно, что чем больше у конкретного человека (или группы людей) сомнений в верности тех или иных идей и иллюзий, тем больше усилий прилагается для их поддержания. Этот феномен существует как на уровне индивидуального, так и коллективного сознания.

Приведем конкретные примеры. Мы долго убеждали себя, а многие искренне верили, что «вдохновитель и организатор всех наших побед» - партия все предвидит и все решит; затем столь же слепо уповали на то, что «свободный рынок все отрегулирует», пока не столкнулись с кризисом. Такими примерами наполнена вся мировая история.

Мы никогда не знаем будущего, поэтому в этой сфере всегда существовали, и будут существовать те или иные варианты мифотворчества. Одним из таких вариантов мифотворчества было коммунистическое общество, другим - новым вариантом «светлого будущего» - стало общество потребления, где в качестве ведущих факторов развития утвердились почти исключительно экономические показатели. Однако все люди живут вначале в духовном мире, а уже затем - в некоем экономическом пространстве. И главное, как свидетельствует вся история Человечества, состоит в том: какие идеи, какие нравственные императивы и общественные идеалы предлагаются той или иной футурологической моделью. Эти идеи могут реализоваться или нет, как это было с революционным призывом молодой демократии к свободе, равенству и братству, или с не менее революционными коммунистическими лозунгами, или лозунгами начального периода современных российских реформ. Но именно эти образы будущего придают народу нравственные силы и чувство достоинства, формируют социальную терпимость и даже жертвенность во имя - пусть и неизвестного, но предположительно - более счастливого и более справедливого грядущего.

Можно положить всю жизнь на достижение достатка и материального или социального благополучия. Но жертвовать собой можно только за идею, которая этого стоит. За последние десятилетия у нас сформировалось предельно негативное отношение к самому понятию «идеология», но любая идеология - это лишь некое политическое обрамление вечных нравственных идей с учетом национальной и исторической специфики. Современному обществу не хватает именно нравственных ориентиров. Они вообще не провозглашены.

Особо следует отметить: если официальная государственная доктрина не предлагает таких идей, то в обществе начинает разрастаться «автономное мифотворчество», в первую очередь - на основе национальных, религиозных и классовых противоречий. То, что мы наблюдаем в современной России.

Имперские идеологии всегда пытались консолидировать нации и народы на основе мощной государственности, исторических побед и традиций. Эпохальные перемены требуют качественно иного подхода. А именно - консолидации на основе некоей (понятной широким массам) футурологической модели, не отрицающей прошлое, но при этом - обращенной в будущее, и обрамленной нравственными, а не экономическими идеями; что не менее существенно - идеями предельно ясно сформулированными,

провозглашенными на самом высоком уровне и общественно признанными в качестве достойных и подлежащих реализации. Пока этого не произошло. И пока эта ключевая проблема не будет решена, ответить на вопрос: как должна строиться социальная терапия - нереально.

Попытаемся определить главный негативный фактор современной действительности: почти полностью утрачена система кооперативных связей между государством, его высшими институтами и широкими массами, которая лишь отчасти компенсируется непосредственной апелляцией к народу и харизмой первых лиц государства. Государству не доверяют, не сочувствуют и не понимают происходящего. Ему адресует только все новые и новые требования заботы и чувство недовольства.

Может быть, стоило бы подумать о том, что система, которую мы начали создавать 20 лет назад, оказалась с исходно прогнившим фундаментом? Мы провозгласили демократию, не вполне понимая, что зерна этой культуры могут прорасти только на подготовленной почве, именуемой средним классом. В итоге, вместо ожидаемых с воодушевлением всходов, поле запылело сорняками. Начались попытки исправить ситуацию, и добавились-таки хоть немного «почвы», которая оказалась чем-то вроде удобрения для сорняков – не более. Нужны иные подходы.

Одна из непреложных и пока не получивших адекватной оценки истин заключается в том, что без социальных образцов высокого и бескорыстного служения народу, в первую очередь - со стороны элиты общества, любые благостные разговоры о социальной политике ни к чему не приведут. Эта первостепенная роль государственной элиты почти полностью утрачена, а вместе с ней - и понимание того: какое общество мы строим, куда и зачем идем? Как неоднократно констатировали мои коллеги, ближайшее будущее выглядит не таким уж привлекательным: «Одни будут продолжать наживаться, другие - будут копить недовольство всем, что происходит, а третьи - изыскивать дополнительные средства из бюджета, чтобы хоть как-то это недовольство снизить. Но однажды все это взорвется». И многие (далеко не последние) люди в нашей стране объективно демонстрируют такое предчувствие. Поэтому и предпочитают руководить своими предприятиями, банками и даже губерниями – из-за рубежа. На всякий случай. И там же держат свои сбережения, и там же их инвестируют.

Мы почему-то боимся обсуждать эту тему даже на уровне экспертного сообщества. Нет ничего удивительного в том, что День национального единства, как символ единства элиты и граждан, не стал всенародным праздником. Современная элита и граждане - живут в двух разных измерениях. Общество не просто расколото - значительная его часть чувствует себя подавленной и даже униженной, а возрождаться можно только гордо. Поэтому наряду с поставленными высшим руководством страны задачами модернизации экономики, не менее актуальными являются задачи «модернизации» национального духа россиян. Кризис, безусловно, когда-то закончится, но исторически значимое преодоление этого периода - без пересмотра ключевых положений социальной политики, восстановления роли национальной элиты, социального партнерства и принципов нравственной регуляции в российском обществе - нереально.

2. Качество жизни

Понятием «качество жизни» (в отличие от «уровня жизни», как аналога материального благосостояния) обычно объединяют показатели внутренних (душевных) ощущений благополучия и психологического состояния граждан. Высокое качество жизни характеризуется отсутствием серьезных психологических проблем, озабоченности своим настоящим и будущим, свободой от психологических стрессов повседневной жизни, наличием широких возможностей для развития, повышения уровня образования и

культуры, доступностью информации, развитым чувством собственного достоинства личности и адекватностью социальной действительности преобладающим в обществе представлениям о справедливости и нравственности.

Отметим, что практически все эти факторы относятся к нематериальным аспектам человеческого существования. Более того, как было установлено еще в XIX веке, по мере повышения уровня жизни населения, значимость этих факторов постоянно увеличивается. В частности, уместно упомянуть несколько положений Закона Эрнста Энгеля (1821-1896): по мере роста личных доходов граждан удельный вес расходов на продукты питания снижается, доля расходов на одежду и обувь, а также жилье и коммунальные услуги меняется незначительно, а доля расходов на удовлетворение культурных и иных нематериальных потребностей последовательно растет.

Применительно к современной российской действительности и условиям кризиса уместен вопрос: можно ли вообще говорить о качестве жизни, когда основная часть доходов более чем 50% населения поглощается затратами на питание и коммунальные услуги? Скорее, стоило бы констатировать, что постановка вопроса о качестве жизни вряд ли своевременна. Но это было бы грубой ошибкой. И совершенно не учитывало бы то, что *уровень жизни, в свою очередь, является производным от качества жизни*, что, к сожалению, мало осознается в стратегическом планировании развития страны, осуществляемом преимущественно на платформе экономизма.

В первом разделе уже говорилось о смыслах жизни, которые остаются неопределенными для большей части российского социума. С этой же проблемой в значительной степени связана другая острейшая проблема – не подкрепленное той или иной объяснительной системой неравенство благосостояния граждан и порождаемое этим неравенством социальное расслоение и рост социальной напряженности в обществе. Расслоение граждан по уровню жизни в любом обществе неизбежно, и в первую очередь зависит от их личных качеств, таких как интеллект, склонность к обучению, любовь к труду, выносливость, предприимчивость, интуиция, организаторские и лидерские способности, ориентация на достижения и т.д. Такие качества, в том числе - передаваемые по наследству и перенимаемые в процессе воспитания («социальное наследование») способствуют тому, что в течение того или иного исторического периода (как правило, столетий) в обществе складывается расслоение на основе постепенно приобретаемой и принадлежащей тем или иным семьям собственности на средства производства. Так традиционно (в процессе напряженного труда нескольких поколений) формировалась экономическая элита современного мира, что не менее существенно - на основе гласного или негласного признания первостепенной важности упомянутых выше личных качеств и обоснованного уважения к личным достижениям и частной собственности преуспевающих граждан. Это описание можно было бы обозначить как естественный путь развития.

Вряд ли уместно приводить данные о том, как и каким образом, появилась современная российская экономическая элита, впрочем, как и обосновывать специфику ее качеств, включая моральные и нравственные, для формирования которых не было соответствующих условий. Но, безусловно, следует констатировать, что в основной массе она вообще не признается в качестве таковой. Попытка навязать населению страны миф о том, что «первый миллион - всегда криминальный», не подтверждается появлением к концу 90-х годов XX века миллионеров из числа так называемых «черных воротничков», реально заработавших и скопивших эту сумму в полном смысле слова: «копейка к копейке». Здесь можно сформулировать еще один социальный закон: в обществе всегда имеются те или иные представления о возможностях формирования и скорости прироста честно нажитого капитала, и эти

представления в значительной степени определяют уровень социальной стабильности в обществе.

Эти идеи, в той или иной мере, уже в начале XX века хорошо осознавались в западном мире (скорее всего, не без известных внешних «стимулов» в форме пролетарских переворотов в ряде стран). В частности, было объективно установлено, что *неравенство доходов, при достижении определенного уровня может создавать угрозы для политической и экономической стабильности государства*. Поэтому, в большинстве цивилизованных стран уже давно предпринимаются особые (как правило, законодательные) меры государственной политики для ограничений разрыва в доходах различных групп населения.

Известно, что если на долю 40 % населения приходится менее 13 % общей суммы доходов страны, это приводит к последовательному росту общественного недовольства и чревато социально-экономическими и политическими потрясениями. Известны и основные инструменты государственного регулирования различий в доходах и их перераспределения, в частности: прогрессивное налогообложение, налоги на имущество, предметы роскоши и наследство, а также система социальных выплат. В России пока относительно устойчиво работает только последний фактор.

Для количественной характеристики расслоения населения по уровню доходов обычно используется экономический Закон Лоренца (1876-1959), впервые опубликованный в 1905 году. Этот закон основывается на сравнении, как правило, 20% самых бедных и 20% самых богатых семей конкретной страны, а также на отличиях распределения доходов от нормального (статистического) распределения³⁴.

Хотя закон носит, казалось бы, сугубо экономический характер, он имеет самое прямое отношение к психологии промышленной производительности и мотивации к труду. *Если в стране, независимо от личного вклада в общественное благосостояние, существует приблизительное равенство доходов, у граждан практически полностью утрачиваются стимулы к высокопроизводительному труду (что мы имели в советский период). Но применительно к современному периоду не менее существенно, что и при резкой дифференциации доходов граждан происходит то же самое*. Точных данных, что традиционно для российской статистики, нет, а по экспертным оценкам разрыв в доходах между 20% самых бедных и 20% самых богатых в современной России составляет, как минимум, 1 : 40 (в большинстве развитых стран этот коэффициент составляет 1 : 6 - 1 : 10). Учитывается ли этот фактор в планах модернизации экономики? Определенное неравенство доходов должно обязательно существовать, но уровень этого неравенства должен быть адекватным уже скрытым экономическим законам и общественным ожиданиям социума.

Уместно еще раз вернуться к главному вопросу, лишь обозначенному в первой части: какое общество мы строим, к чему идем? Но вначале нужно ответить на ряд других вопросов, так и оставшихся без ответа: что было плохо, а что хорошо в нашем недавнем советском прошлом? От какого наследия этого прошлого мы отказываемся, а что стоило бы или обязаны сохранить? *Качество жизни в советской период в целом было не ниже, чем в ведущих западных странах, хотя уровень жизни в СССР был, как минимум, вдвое ниже*.

³⁴ Иногда считают только по 10% с каждой «стороны», но это снижает достоверность данных. А когда начинают сравнивать «абсолютно бедных» и «относительно бедных», отмечая некую позитивную динамику, что сейчас получило определенное распространение, это имеет объяснение, но далекое от науки.

Существуют достаточно точные социальные критерии измерения качества жизни населения - это данные официальной статистики о социальных аномалиях: убийствах, грабежах, случаях хулиганства и тяжких телесных повреждений, оставленных без попечения родителей и брошенных детях, количестве осужденных, алкоголиков и наркоманов, уровне безработицы и т.д. Эти данные доступны и не составят большого труда сделать их анализ за последние 20 лет – в целом, все эти показатели ухудшились, какие-то в 2, а какие и в 8 раз. Так и должно быть или – все-таки – стоит задуматься о верности избранного направления и способов реализации реформ?

Кроме упомянутых выше, имеется множество дополнительных индикаторов качества жизни. Часть из них, безусловно, учитывается в государственной политике. В частности, следует упомянуть здоровье населения, демографические показатели, а также меры, направленные на удовлетворенность населения материальными условиями жизни (достаток, жилье, питание, работа). Но не менее важными являются такие показатели, как удовлетворенность положением дел в государстве и уверенность в адекватности перспективной государственной политики, осуществляемой в интересах обеспечения социальной справедливости, безопасности и свободного развития граждан. Что не менее существенно, политики официально провозглашенной и разделяемой гражданами. Социологические опросы и статистика дают лишь косвенные характеристики того, что в целом именуется духовным состоянием общества, и скорее отражают следствия его негативной или позитивной динамики, качественный перелом в которой всегда возможен. Именно от уровня духовности зависит число и содержание творческих инициатив, масштаб и эффективность реализации инновационных проектов, появление новых открытий и изобретений, и всего, что обычно именуется поступательным общественно-экономическим развитием. Но вначале требуется нравственный прорыв в будущее.

УДК 371+159.9

Sampaju Antero da Krush

*Novosibirsk Institute of Postgraduate Education and Retraining Workers of Education,
Novosibirsk*

PSYCHO-PEDAGOGICAL PROBLEMS OF THE TEACHER-INNOVATOR AT MODERN SCHOOL

In the article psycho-pedagogical problems of introduction of an innovation in educational system are considered. The conceptual structural model of the teacher-innovator and its typological characteristics are offered.

Сампайу Антеро да Круш

Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Новосибирск

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧИТЕЛЯ- НОВАТОРА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются проблемы психолого-педагогического характера внедрения новшества в образовательную систему. Предлагается концептуальная структурная модель учителя-новатора и его типологические характеристики.

В настоящее время утверждение о том, что педагогическая деятельность является по своей природе творческой, стало общепринятым. Результатом

творчества является введение в педагогический процесс различных инновационных компонентов, таких как новые утверждающие идеи, разработка и внедрение новых элементов педагогических технологий и педагогическое рационализаторство - усовершенствования, связанные с модернизацией и адаптацией к конкретным условиям уже используемых методов и средств воспитания и обучения.

Первейшей задачей образовательной политики на современном этапе развития российского общества является достижение современного качества образования, его соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства, а перед учителем-новатором стоит стратегическая задача - воспитание новой личности, способной обеспечить личное жизнетворчество, а также и разумную жизнедеятельность других людей и общества в целом.

Согласно позиции В.И. Загвязинского, развитие образования всегда характеризовалось своеобразным сочетанием двух важных его качеств – консерватизма и стремления к новому. Взятые в отдельности, эти качества неизбежно ведут либо к застою, отставанию от требований времени, либо к разрыву с традициями, к рискованным экспериментам, прожектерству [2].

В условиях современной школы учитель-новатор часто сталкивается с консерватизмом и «профессиональной привычкой» тех учителей, которые испытывают неуверенность в себе, неприязнь к новым подходам в образовании в силу собственной некомпетентности, а иногда и личной несостоятельности, а также с противодействием и сопротивлением, связанным с отсутствием единомышленников, которые способны постоянно продолжать и совершенствовать идею или радикальную инновацию, незаинтересованность этих учителей в интегрировании процесса созидания и внедрения в профессиональную практику нововведений [3]. Данные факты представляют собой серьезные психологические барьеры в совершенствовании индивидуального стиля деятельности учителя, в создании уникальной и гуманистической обучающей технологии взаимодействия с учащимся и с другими педагогами в образовательном пространстве.

Необходимость развития индивидуальных и творческих начал в педагогической деятельности принципиально провозглашена на декларативном уровне, но подлежит постоянному контролю в повседневной действительности, что приводит определенную часть учителей к осознанию идеи отчужденности их от личной позиции, индивидуальных особенностей и индивидуального стиля деятельности.

Данные реалии сопряжены с проблемами педагогического характера, которые непосредственно затрагивают сущность инновационного процесса и очевидным образом влияют на возможности его внедрения (применения). Среди них:

1. теоретико-методологические и учебно-методические вопросы обучения и воспитания в условиях современных гуманистических идей и тенденций российского образования;
2. проблема государственного регулирования в системе образования, связанная с государственным стандартом, его концепцией, моделью, содержанием и функцией в условиях российского образования;
3. проблема квалификации учителей и их профессиональной адекватности относительно традиционному и инновационному представлению о профессионально-педагогической деятельности;

4. проблема противоречивости различных идей и представлений, бытующих в современном образовании и целесообразности их рассмотрения;
5. проблема внутренней противоречивости наиболее популярных направлений модернизации, в том числе: идеи профилизации старшей школы и, одновременно, перехода к приему ЕГЭ по всем предметам, развития школьного самоуправления.

Психолого-педагогические проблемы учителя-новатора порождены проблемами психологического и педагогического характера, что непосредственно препятствует сотрудничеству между учителем-предметником, педагогом-психологом и учащимся.

Несмотря на наличие множества психолого-педагогических технологий, различающихся по целям, задачам, структуре: методики ускоренного обучения; метод быстрого обучения навыкам, групповое обучение, обучающие игры, обучения через сеть Интернет и др. - не наблюдается интегративная работа педагога-психолога с другими педагогами и учащимся, обеспечивающая психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса с учетом индивидуально-психологических и возрастных особенностей обучающихся в контексте предложенных им обучающих программ (возможные риски и последствия).

Проектирование психолого-педагогической деятельности является тем специфическим способом «будущетворения», позволяющим получить новое научное знание на основе массового распространения способов обучения, имеющих исследовательскую, опытно-экспериментальную, проектную природу [4].

Психолого-педагогические проблемы учителя-новатора в современной школе затрагивают не столько методологические положения в отношении активного, последовательного, целенаправленного и сознательного освоения (сегодня пусть ещё весьма диффузные) совокупности базовых требований к минимально необходимому уровню развития некоторой инвариантной совокупности личностно-деятельностных свойств, качеств и характеристик педагога [5], сколько диагностическую базу их выявления. Мало внимания уделяется экспериментальным исследованиям феномена «новаторство» в силу отсутствия специальных тестов и анкет, предназначенных для изучения проявления педагогических инноваций – «новаторских способностей» среди педагогов.

Как вариант решения данной проблемы предлагается диагностическое изучение «новаторства» с учетом следующей концептуальной структурной модели учителя - новатора: - профессионально-гносеологическая компетенция; - социально-организационная компетенция; - эмоционально-личностная компетенция; - рефлексивно-деятельностная компетенция.

Данный подход позволяет определить «учителя-новатора» как личность, включенную в контекст мирового педагогического опыта, творческую индивидуальность, обладающую оригинальным проблемно-педагогическим и критическим мышлением, создателя многовариативных программ, опирающихся на передовой мировой опыт и новые технологии обучения, интерпретирующего их в конкретных педагогических условиях на основе диагностического целеполагания и рефлексии.

Значительное влияние на новаторство учителей могут оказать помимо независимых переменных: пол; возраст; место работы; образование (педагогическая подготовка); информированность; удовлетворенность

профессией; развитость региона; место (город - село); тип школы; техническая оснащенность школы [1], выявление также следующих типологических характеристик учителя:

- Учитель, проявляющий интерес и склонности к новшеству и саморазвитию, самообразованию и самореализации - **активный тип личности** с большим **творческим потенциалом**, независимо от срока профессионального становления (возраст и стажа работы).
- Учитель, окруженный определенной творческой средой - **лабильный тип личности**, отличающийся эвристической гибкостью, интересом и склонностью к новшеству и саморазвития.
- Молодой учитель (молодой специалист), проявляющий мотивационный настрой к профессиональному становлению, карьерному росту - **энергичный тип личности** с большим энтузиазмом к работе и готовностью к приложению усилий в достижении успехов в условиях модернизации, внедрении новшества.

При этом позиция учителя-новатора должна рассматриваться как система всех интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к миру, социальной действительности и педагогической деятельности, способствующая преодолению психологических и педагогических барьеров внедрения новшеств в образовательную систему.

Библиографический список

3. Ангеловски, К. Учителя и инновации: Кн. для учителя: Пер. с макед. / К. Ангеловски. – М.: Просвещение, 1991. – 159 с.
4. Загвязинский, В.И. Теория обучения: Современная интерпретация: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. / В.И. Загвязинский. – М.: «Академия», 2004. – 192 с.
5. Гребенюк, О.С. Теория обучения: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 384 с.
6. Колесникова, И.А. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высш. учеб. заведений/ И.А. Колесникова, М.П. Горчакова–Сибирская; Под ред. И.А. Колесниковой. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.
7. Трухачева, Н.С. , Боровиков, Л.И. К экспериментальному исследованию психолого–педагогических основ развития профессионализма педагога–абилитолога/ Приоритетные направления инновационного развития образования Новосибирской области [Текст]: материалы VI Съезд работников образования Новосибирской области (28–29 августа 2006 года) / отв. за выпуск Л.А. Сайдакова: Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. – Новосибирск : НИПКиПРО, 2006. – 156 с.

УДК 159.9+27

P.T. Tyurin

Baltic institute of psychology and management, Latvia, Riga

LOCUS OF SUBJECTIVE CONTROL AND BIBLE MAXIMS

In the article external and internal locuses of control are considered as internal strategy of the relation of the person to the world against two basic bible precepts: of Moyses' precept of justice – a rule of talion, and «golden rule» – a Christian precept of love. Comparing both precepts on parameter of their primary activity, it becomes obvious that the rule of talion is distinguished by comparative «backlog» - its reactance on environment calls that partly

connects it with external locus of control. «Golden rule», as a whole, should be characterized as an initiative position of the person that pulls it together with concept internal locus of control.

П.Т. Тюрин

Балтийский институт психологии и менеджмента, Латвия, Рига

ЛОКУС СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ И БИБЛЕЙСКИЕ МАКСИМЫ

В статье рассматриваются интернальность и экстернальность как внутренние стратегии отношения личности к миру на фоне двух основных библейских заповедей: Моисеевой заповеди справедливости – правилом талиона, и «золотым правилом» – христианской заповеди любви. Сопоставляя обе заповеди по параметру их преимущественной активности, становится очевидным, что правило талиона отличает сравнительное «отставание» - его реактивность на вызовы внешней среды, что отчасти связывает его с экстернальностью. «Золотое правило», в целом, должно быть охарактеризовано как инициативная позиция личности, что сближает его с понятием интернальности.

Под локусом контроля подразумевают склонность человека находить источник управления собственной жизнью или во внешней среде (иногда, в судьбе), или видеть его в себе самом – в своем характере, способностях, интересах и ценностях, к которым стремится [11 с. 1-28].

Экстернальный локус субъективного контроля представляет индивида как переменную величину внешнего мира. Интернальный локус контроля, наоборот, рассматривается как активная позиция человека, берущего на себя ответственность за происходящие с ним события.

Современные работы о мотивации человека в связи с его жизненной успешностью или неуспешностью акцентируют преимущества интернальной установки к миру. Внутренний контроль обуславливает стремление к успеху, что, очевидно, является следствием установки на поиск средств достижения цели, изменения ситуации в свою пользу, на попытки устранения возникающих преград [10, с.211]. Интернал видит реальность как нуждающуюся в активных действиях с его стороны. В философско-социологических исследованиях М.Вебера о значении протестантской этики для становления капиталистических отношений можно усмотреть подчеркивание значения «интернального видения» целей и принципов человеческой деятельности.

Активность и инициативность интернальной установки может также проявляться в форме лжи как способе одоления других, игнорировании их интересов как неких объектных структур, противостоящих суверенной личности. Эта же установка может побуждать человека к манипуляциям в отношениях с людьми, поскольку основное требование интернала к себе – владеть ситуацией, используя для этого любые приемы и средства.

Необходимо учитывать склонность человека или к достижению успеха или к избеганию неудачи. Очевидно, что установка человека на достижение более близка инициативной позиции человека, но и установка на «избегание неудачи» тоже может содержать в себе «отстроченную» настроенность к действию – выжиданием условий гарантированного успеха, ожиданием внешней подсказки или сигнала к собственному действию. Так, например, в современных руководствах по классификациям психических и поведенческих расстройств (МКБ-10) отмечаются следующие признаки, соответствующие «уклоняющейся/зависимой личности: 1) интравертированность; 2) высокая потребность в социальных контактах, для участия в которых ей необходимы нереалистично завышенные гарантии безусловно положительного принятия окружающими; 3) преувеличенные представления о риске и опасности

повседневной жизни, негативного отношения окружающих; 4) ограниченная способность принимать повседневные решения без многочисленных советов и одобрения окружающими; 5) нежелание вступать во взаимоотношения без гарантии понравится, активное или пассивное перекалывание на других большей части важных решений в своей жизни; 6) подчинение собственных потребностей нуждам других людей и неадекватная податливость их желаниям; 7) недостаточная готовность к предъявлению даже разумных требований людям, от которых человек может оказаться в зависимости; 8) дискомфорт от одиночества из-за чрезмерного страха неспособности к самостоятельной жизни; 9) страх быть покинутым другими людьми и остаться предоставленным самому себе и т.п. [4, с. 257-261]. В то же время, во многих исследованиях нередко ставится под сомнение правомерность отнесения указанных качеств и поведенческих стереотипов к расстройствам личности, поскольку они могут отражать фрагменты поиска эффективного стиля отношений человека с ситуационно-изменчивыми особенностями его окружения – автономного (независимого, избегающего, конкурентного) или совместного (сотруднического, компромиссного) сосуществования.

В разных исследованиях обнаруживаются определенные психолого-характерологические особенности тех и других. В целом можно сделать вывод, что:

1. интерналы более уверены в себе, более спокойны и благожелательны [8, с. 81-86.). Установлена положительная связь между интернальностью и наличием смысла жизни. В целом их поведение менее изменчиво в сравнении с экстерналами. У экстерналов же отмечается повышенная тревожность, меньшая терпимость к другим, более высокий уровень агрессивности, и одновременно сравнительно большая конформность [9, с. 619-640];

2. по-видимому, тревожность экстернала есть следствие неопределенности относительно собственного положения в будущем и его представлений об общей неизменности мира. Если же неуспех видится не как результат собственных неадекватных действий, но приписывается действию внешних сил или других людей, то тем вероятнее они будут оцениваться как враждебные. Он полагает мир слишком объективным (нейтральным), чтобы рассчитывать на дружеские, понимающие, сотруднические с ним «отношения».

Интернальная установка может иметь два крайних варианта развития:

1) формируется властолюбивая личность, склонная к тотальному контролю и управлению своего окружения, вообще любыми ситуациями существования; такой человек полагает мир подчиненным своей воле и желаниям, характер всех внешних событий должен находиться в зависимости от его действий и инициатив;

2) формируется личность, склонная к самообвинению, поскольку установка считать себя ответственным за все неудачи в своей жизни повышает риск психоэмоциональной дезадаптации. В итоге формируется личность грешника, приписывающая причину неудач собственной ущербности; его неуспешность отождествляется с неспособностью совладать с миром, или с несовместимостью с ним.

В экстернальной установке также можно выделить два следующих варианта своего проявления:

1) для личности характерно нежелание управлять миром, стремление «жить в ладу с миром» («по его правилам»). Упование на Промысел Божий и Его волю понимается как обретение подлинного смысла существования; во многих восточных учениях можно усмотреть признаки экстернальности;

2) личность видит себя ничтожной и зависимой составляющей внешнего мира, уверена в бесполезности собственных усилий, для нее характерно чувство покорности и тотальной беспомощности; она в высшей степени конформна, поскольку не находит в себе оснований для какого-либо противостояния миру.

Известно, что применение различных субшкал интернальности с учетом различных аспектов деятельности личности (интернальность в области: достижений, неудач, здоровья... межличностных, семейных, производственных отношений и пр.) дает достаточно пеструю, а подчас противоречивую картину значимости интернальности/экстернальности в описаниях и оценках прогноза эффективности деятельности субъекта. Видимо, отчасти поэтому признается, что «излишнее дробление вряд ли обосновано, так как оно выхолащивает саму концептуальную идею локуса контроля и снижает практический потенциал этого понятия» [5, с. 91-109].

Из обобщения различных исследований следует, что интернальный контроль лучше, чем экстернальный. «Однако, - пишет А.А.Реан, - что-то не дает возможности абсолютно полностью принять эту идиллическую картину. И это смутное «что-то», в конце концов, находит свое основание во вполне конкретной психологической классике. Все вышеназванные достоинства интернала «завязаны» на ядро этого типа, которым является внутренняя ответственность. То есть наличие представления о том, что по преимуществу все в жизни субъекта так или иначе зависит от него самого. Эта ответственность распространена... не только на область достижений, но и на область неудач. Однако классическая психология личности, весь ее теоретический и практический опыт, способны внести сюда серьезные коррективы». Ориентация на всеобъемлющую ответственность в случае серьезности или множественности неудач является основательной почвой для возникновения комплекса вины, фактором риска психоэмоциональной дезадаптации; «практическим признанием именно такого состояния вещей является собственно содержание работы психотерапевта, психолога при оказании психологической помощи дезадаптированной личности. Таким образом, налицо противоречие в представлениях по данному вопросу в традиционной, классической психологии личности и в представлениях более молодой концепции локуса контроля» [5, с. 106-107].

Таким образом, очевидно, что вопрос о реальной эффективности интернальной и экстернальной установок в отношениях с социальной средой остается открытым и требует тщательных и всесторонних исследований [3; 5]. И в этой связи представляет особый интерес рассмотреть интернальность и экстернальность как внутренние стратегии отношения личности к миру на фоне двух основных библейских заповедей: Моисеевой заповеди справедливости – правилом талиона, и золотым правилом – христианской заповеди любви. Первая, которая может иметь разные вариации, рекомендует: «Относись к другому так, как он относится к тебе», т.е. предлагает устанавливать собственные действия и отношения к миру в зависимости от действий к тебе других. Вторая – «Относись к другому так, как ты бы хотел, чтобы он относился к тебе» – изначально стремится построить отношения с другими так, как человек сам считает нужным.

Если рассматривать обе заповеди по параметру их преимущественной активности, то очевидно, что правило талиона отличает сравнительное «отставание», его реактивность на вызовы внешней среды, что отчасти связывает его с экстернальностью. «Золотое правило», таким образом, должно быть охарактеризовано как инициативная позиция личности, что как будто сближает его с понятием интернальности.

Вместе с тем, очевидно, что итог действий в соответствии с правилом «...как ты бы хотел...» во многом (если не целиком) зависит от реакций другого на твоё хотение, в то время, как правило «относись к другому так, как он...» подразумевает поддержание справедливости за счет твоих собственных действий вне зависимости от ожиданий другого относительно тебя. С этой точки зрения индекс инициативности (интернальности) в большей мере следует признать за принципом талиона.

С другой стороны, как показывает Р.Г. Апресян, талион, вопреки морализирующей критике, то и дело оказывается востребованным в практических отношениях людей как насущный регулятивный инструмент, а золотое правило исторически и нормативно-логически вырастает на базе талиона [1].

Принято считать, что золотое правило существует в двух формах – негативной («Не делай другим того, чего себе не желаешь») и позитивной («Поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе»). Некоторые философы полагали, что негативная формулировка ассоциируется с правом, автономией личности, позитивная с универсальной нравственностью, уважением и почтением к другой личности [2, с. 78-80]. В.С. Соловьев же рассматривал обе эти формы как разные выражения принципа альтруизма: в негативной он видел правило справедливости, в положительной – правило милосердия [6, с.168]. Р.Г.Апресян замечает, что принято считать, что существенным отличием золотого правила (именно в его позитивной формулировке) от талиона является то, что золотое правило апеллирует к чувству и намерению человека; талион же соотносится со сложившейся ситуацией, с действием совершенном другими. Золотое правило предполагает инициативное действие – оно определяет, как и с чем следует вступать в отношение с другим. Талион же предполагает ответное, т.е. реактивное действие – указывает, как следует поступать в отношениях, заданных другими.

Другая, пожалуй, существеннейшая особенность талиона заключается в том, что он как бы предостерегает от излишней активности человека, т.е. - не проявляй инициативу не по чину, поскольку, как подчеркивает Р.Г.Апресян, исключительная ориентированность талиона на реактивное действие может указывать на то, что мы не обладаем всей полнотой информации о системе, в которой находимся. Ветхозаветная этика, содержит талион как правило ответного действия относительно чужих и заповедь любви как правило инициативного действия по отношению к своим. В то же время, отмечает Р.Г.Апресян, талион и заповедь любви обобщаются в золотом правиле, отношения внутри этой тройки императивов не сбалансированы: обобщая талион, золотое правило противостоит ему, и, напротив, обобщая заповедь любви, золотое правило закрепляет ее. Однако, в оппозиции талиону золотое правило и заповедь любви сливаются. Талион и золотое правило предполагают взаимность, равенство, в то время как ни взаимность, ни равенство не неперемненны для заповеди любви. А поскольку сущность заповеди любви обнаруживается в ее принципиальной сопряженности заповеди любви к Богу, то можно предположить, что заповедь любви может значительно отрываться от решения практических задач жизни человека. Не случайно же, реальная жизнь так часто заставляет вспоминать об иронической «заповеди»: «Никогда не поступайте благородно – это очень непрактично».

Игнорирование талиона является результатом доминирования в этике и сознании ориентации на морально идеальное содержание. Это результат присущего этике скрытого или косвенного морализирования, выражающегося в том, что предметом исследовательского внимания оказываются «чистые» и предельные нормативные содержания – мораль в ее «незамутненном» идеальном воплощении. Все остальное рассматривается как выражение несовершенства или несоответствия императивному, ценностному или логически-цельному моральному образцу. Поэтому практическая слабость ее обусловлена «ослепленностью идеалом, теоретически сконструированным стандартом, ее невниманием к формам, переходным к этому стандарту», что делает ее «неживой» моралью, отворачивающейся от перипетий нравственной жизни реального человека. А «упоение» золотым правилом и скептицизм к талиону как раз и происходит из жизнеотрицающего принципа морального

совершенства, хотя без перфекционистской компоненты никакая сильная этика невозможна.

У золотого правила нет однозначного коррелята в форме правила реактивного действия. В этике милосердия такой коррелят заповеди любви есть – заповеди непротivления и прощения. Обе они противоречат этике справедливости. Принцип справедливости требует, чтобы несправедливость, «глухое», бесчувственное зло были наказаны. При столкновении с активным и неутомным злом заповедь любви, золотое правило, требования непротivления силой, прощения, невреждения, порой, ничего не могут предложить. Непризнание талиона делает человека морально бессильным перед лицом зла. Талион, пишет Р.Г. Апресян, это форма «репрессивной справедливости по отношению к тем, кто не желает принять и разделить предлагаемые золотым правилом равенство и взаимность (взаиморасположенность) или предлагаемые заповедью любви великодушие, щедрость, открытость. Талион зарезервирован для общения с теми, кто как бы полагает, что «мораль – это бессилие в действии», «что мораль – это ухищрение слабых»... Талион – последняя возможность сохранения человечности в непригодных для человечности обстоятельствах».

Можно принять следующую последовательность в иерархии нормативных приоритетов: любое реактивное действие должно сначала обращаться к этике любви, затем этике прав и обязанностей, но когда эти ответы оказываются недейственными, необходимо решительно переходить к этике кары («кармы»). Это совпадает с известным высказыванием мудрецов о том, что Господь беседует с нами шепотом любви, говорит языком совести и грохочет громом болезней и катаклизмов, если у человека, совершающего бесстыдства, нет ни любви к ближним, ни совести, а только лишь отменный аппетит.

Иногда говорят от взаимодополнительности иудаизма и христианства – «ветхого» и «нового» заветов, чаще о противоположности и несовместимости их религиозных догматов. Так или иначе, но богословский и исторический спор между иудаизмом и христианством может быть исследован и в аспекте экстернальности-интернальности. Особую остроту и актуальность этой проблеме придает то обстоятельство, что история еврейского народа являет яркий пример практической успешности и жизнестойкости моисеева закона.

Не исключено также, что проблема каузальной атрибуции и топологии контроля субъекта над своими действиями возникает лишь в той мере и той плоскости, где остался незатронутым вопрос о приоритетах: «что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» [Лука 9, 25]. То есть проблема интернальности/экстернальности субъекта – это проекция нерешенности основного вопроса о себе самом. Над ней располагается сфера значительно более сложной психической жизни – там, где личность осуществляет диалог как мышление в обнимку с ценностями, представленными ей как бы извне, и где оппозиционность и параллельность путей человеческих решений более низких уровней, пересекаясь, исчезает. Ведь для человека, как писал А.А. Ухтомский, нет ничего дороже, чем согласие его внутренних желаний и окружающего мира, и человек счастлив лишь там, где он со своими желаниями и мир со своей фактической настоятельностью – одно, многие люди «приходят к своей радости лишь там, где им удастся так неразрывно согласовать свое внутреннее с действительностью, что им бывает уже и нельзя сказать, он ли подчинился действительности или действительность подчинилась ему». Но, продолжает далее А.А. Ухтомский, «лишь потрясение и терпеливая помощь другого может вырвать человека из этой роковой соотносительности субъект-объекта, т.е. из того, что мир для человека таков, каким он его заслужил...» [7, с. 422].

И в заключение. Для разума (логоса) высшая справедливость – это любовь, как причина сущего. Христианская апология любви, несомненно, отвечает

глубинным психологическим потребностям человека, и, пожалуй, именно потому, что как утверждали древние греки - «Психее присуц самовозрастающий логос». Для человека разумного разум возвышается над данным ему в бытии настоящим, где властвует принцип воздаяния – равновесия, именуемый справедливостью, ведь руководствуясь исключительно принципом «справедливого» реагирования, человек был бы навеки связан цепями необходимости жить в формах несовершенного и преходящего бытия. Однако, как говорит призрак отца Гамлету: «Но вечность – звук не для земных ушей», поэтому противостояние временного и вечного, амбивалентность справедливости и милосердия в нашей жизни неустраима.

Библиографический список

1. Апресян, Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов / Р.Г. Апресян. – Internet: <http://www.logic.ru/Russian/vf/Papers2001/Apresan32001.htm>.
2. Гусейнов, А.А. Социальная природа нравственности / А.А. Гусейнов. – М.: МГУ, 1974. – 157 с.
3. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л.: Наука, 1983. – 214с.
4. Попов, Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. Новое руководство, основанное на Международной Классификации психических болезней 10 пересмотра (МКБ–10), для подготовки врачей к получению сертификата по психиатрии / Ю.В. Попов, В.Д.Вид. – СПб.: Речь, 2000. – 402 с.
5. Реан, А.А. Практическая психодиагностика личности / А.А. Реан. – СПб., 2001. – 223с.
6. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев // Сочинения в 2–х т. Т.1. - М.: Мысль, 1988. – 413 с.
7. Ухтомский, А.А. Письма / А.А. Ухтомский // Сб. Пути в незнание, вып. X. - М.: Советский писатель, 1973. – 490 с.
8. Bledsoe, J.C. Personality characteristics differentiating internal and external college women / J.C. Bledsoe. – Journal of Psychology, 1979, 103.
9. Joe, V.C. Review of the internal–external control construct as a personality variable / V.C. Joe. – Psychological Reports, 1971, 28.
10. Lefcourt, H.M. Locus of control: Current trends in the theory and research / H.M. Lefcourt. - Hillsdale, 1976.
11. Rotter, J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement / J.B. Rotter. – Psychological Monographs, 1966, 80 (1).

УДК 81+159.9+008

A.A. Chernobrov

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL AND INDIVIDUALLY- PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF LINGUA- CULTUROLOGY

In article sociocultural and individually-psychological factors influencing on language and thinking are considered. Social and individual stereotypes of thinking manifest at all levels –from abstract-philosophical to household.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматриваются социально-культурные и индивидуально-психологические факторы, влияющие на язык и мышление. Социальные и индивидуальные стереотипы мышления проявляются на всех уровнях – от абстрактно-философского до бытового.

С течением времени появляются все новые доказательства того, что язык не может быть ни описан, ни декодирован, ни применен, не выходя за пределы собственно лингвистического. Изучая язык, надо, с одной стороны, входить в область материальной реальности культуры, культурологии, истории, фольклора и т.д., а с другой стороны – в область чисто психического – как социально-психического, так и индивидуально-психического.

Индивидуально-психологические «предрассудки» языка могут проявляться на всех уровнях мышления – от абстрактно-философского и макроязыкового до бытового, связанного с расхожими стереотипами. Рассмотрим вначале философский уровень.

Американский философ Уильям Джеймс [1] выдвинул гипотезу о том, что любая научная теория в своих основных посылах зависит от психологического склада, типа мышления ее автора. Он создал ставшую знаменитой таблицу свойств двух типов темперамента³⁵. В оригинале таблица выглядит так:

THE TENDER-MINDED («нежный» тип)

Rationalistic (going by 'principles'), (действует, исходя из «принципов»)

Intellectualistic,

Idealistic,

Optimistic,

Religious,

Free-willist, (верит в свободу воли)

Monistic,

Dogmatical.

THE TOUGH-MINDED (жесткий тип)

Empiricist (going by 'facts'), (действует, исходя из «фактов»)

Sensationalistic,

Materialistic,

Pessimistic,

Irreligious,

Fatalistic,

Pluralistic,

Sceptical.

Это гипотеза Джеймса в сильной форме. Само по себе психологическое обоснование научных теорий не встречает широкой поддержки в научных кругах: считается, что такое обоснование не может быть строго доказано. Поэтому мы формулируем гипотезу в слабой форме: Типология научных теорий во многом совпадает с одной из психологических типологий личности.

³⁵ Отечественным психологам она, скорее всего, известна по переводу книги К. Юнга «Психологические типы».

Ни одна теория языка не свободна от осознанных или неосознанных недоказуемых мировоззренческих предпосылок. Взаимозависимость языковой и философской парадигмы – одно из проявлений социально-культурного и индивидуально-психологического фактора.

В истории философии мы довольно отчетливо различаем две линии: эссенциалистскую и номиналистскую. Это различие – один из главных вопросов философии. По мнению Джеймса и Юнга, он является едва ли не основным, потому что напрямую связывает мировоззрение с типом темперамента. Современные психологи употребляют термин «темперамент» в более строгом смысле, чем это делал Джеймс. В нашем случае, возможно, более уместен термин «тип личности» или «тип мышления».

Философия, которая, согласно Джеймсу, обусловлена психологией, выражает себя в языке через парадигму языка. Культура и психология также отражаются в вербальных, синтаксических и других формах языка. Мыслители, осознанно или неосознанно, строили цепочку недоказуемых предпосылок, которые служили базой их теорий языка. Мы попытаемся сформулировать эти предпосылки.

Первая, эссенциалистская, линия исходит из следующих положений:

1. Знания, в том числе, языковые, даются человеку a priori, до опыта.
2. Язык первичен по отношению к мышлению, он детерминирует мышление.
3. Язык отражает присущую вещам сущность, мы познаем эту сущность через язык.
4. Общие понятия не могут образовываться произвольно, они отражают общее в самих вещах.
5. Единичное менее важно, чем всеобщее.
6. Местоположение, «локус» истины находится в слове-понятии. Истина непреходяща. Даже если вещи изменяются, высший разум заключает в себе истину, и в этом смысле истина вечна. Она может быть дана человеку через откровение. Истина не постигается при помощи опыта. Ключ к ее постижению есть слово.

Второе, противоположное течение выдвигает постулаты:

1. Знания приобретаются из опыта, a posteriori.
2. Мышление может преодолеть зависимость от языка.
3. Конечная сущность вещей непознаваема. Язык связан с представлениями ассоциативно.
4. Общие понятия произвольны и образуются по договору.
5. Единичное первично, понятие об общем складывается из единичных фактов.
6. Истина есть логическое значение высказываний, то есть не содержится в вещах и не возникает до вещей.

Это высший уровень психологического предрассудка в языке. Собственно говоря, любая философия – это система предрассудков, постольку поскольку она недоказуема. Вопрос в том, насколько философ свободен в социальном смысле. В тоталитарных обществах типа советского или в закрытых религиозных социумах Средних веков социально-психологическое давление «культуры» выше индивидуального «предрассудка» мыслителя. В открытых обществах индивидуально-психологический фактор может преобладать.

О культурных стереотипах и моде в научном мышлении приходится все чаще напоминать, потому что в последнее время распространилось «поветрие» о смене парадигм в лингвистике. При этом изменения носят якобы стадийный характер – от низшей стадии к высшей, конкретнее: от структурной парадигмы

к антропоцентрической, от классической к синергетической. На самом деле однозначного преимущества ни одна парадигма не имеет – каждая из них пригодна для того или иного типа исследования.

Второй уровень психологических предрассудков культуры – это «предрассудки формы языка». Лингвисты и философы очень много пишут о влиянии языка на мышление, в том числе в связи с «гипотезой Сепира-Уорфа». Язык диктует мышлению свои законы, говорят они. Противоположная точка зрения, высказываемая как лингвистами (например, Ч. Хоккет), так и представителями аналитической, позитивистской и «пост-позитивистской» философии (например, К. Поппер), состоит в том, что мышление заметно больше влияет на язык, чем язык на мышление. «Предрассудки формы языка» все же не самые сильные из предрассудков и могут быть преодолены.

Линию Сепира-Уорфа продолжали представители неогумбольдтианства, сторонники теории семантических полей — Л. Вайсгербер, Й. Трир и др. Они разрабатывали эту гипотезу уже более конкретно и предметно. С их точки зрения, лексический состав языка представляет собой классификационную систему, сквозь призму которой мы только и можем воспринимать окружающий мир, несмотря на то, что в природе самой по себе соответствующие подразделения отсутствуют. Содержащаяся в языке классификационная система вынуждает нас выделять в окружающем мире такие предметы, как «плод», «злак», и противопоставлять их «сорняку» с точки зрения их пригодности для человека. Мы выделяем «плод» и «злак» и противопоставляем их «сорняку» не потому, что сама природа так делится, а потому, что в этих понятиях зафиксированы различные способы, правила нашего поведения. Ведь по отношению к сорняку мы поступаем отнюдь не так, как к злаку. Это различие в способах нашего действия, зафиксированное словом, определяет и наше видение мира, и наше будущее поведение. Например, Уорф приводит ситуацию, в которой слово «пустой», примененное к порожним бензиновым цистернам, определяло неосторожное обращение с огнем работавших поблизости людей, хотя эти цистерны более огнеопасны из-за скопления в них паров бензина, чем наполненные.

Вопрос в том, насколько велико влияние языка и содержащейся в нем классификационной системы на восприятие мира. Где доказательства, что от той или иной терминологии зависит, например, восприятие цвета? В конечном счете, строгих научных доказательств этому нет, именно потому о гипотезе Сепира-Уорфа сейчас спорят скорее философы, чем лингвисты.

Кроме высоких сфер социально-психологические стереотипы сознания проявляются и на бытовом уровне. Наши специальные исследования касались имен собственных. Через них психологические факторы в языке видны особенно четко.

В. В. Налимов пишет: «Можно думать, что имя – это реликтовое явление в нашей культуре. Оно относится к дологическому образу мышления человека, и попытка соотносить его с представлением о логических атомах – это придание старому понятию совсем нового смысла» [2, с. 204].

Сознание человека иногда возвращается на дологический, по терминологии Л. Леви-Брюля, уровень. Вот лишь один пример «антиэмпирического», «нежного», по Джеймсу, темперамента. П. Флоренский приводит интересный и точный, по его мнению, список французских имен и качеств их носителей, взятый им из старинной французской книги [3, с. 473]:

«Агата горда и надменна, Берта проста и скромна. Шарль вежлив, Даниель большой грубиян. Евлампия лакомка, Фанни очень воздержанна. Гастон жесток и сварлив, Анри характера благожелательного. Ирма аккуратна и заботлива, Жюльетта вздорна и беспорядочна. Каллист отважен, Леон боится даже своей тени. Мари прилежна, Нелли ленива и невнимательна. Октав неопрятен, Поль аккуратен и тщателен. Квирина завистлива, Розалия радуется чужому благополучию. Симон рассеян и дурашлив, Теофил терпелив и ловок. Урсула любопытна, Валентина очень сдержанна, Ксавье и Иван — лгуны, Зоя обладает всеми качествами».

Этот список действительно частично отражает наши интуитивные ассоциации с приведенными именами. Данные ассоциативных экспериментов, проведенных мною лично или под моим руководством, совершенно не совпали с «народной интуицией» неизвестного автора.

Возникает искушение сразу отвергнуть написанное Флоренским, как не имеющее отношение к науке. Но нужно понять разницу в подходах и целях науки и религиозной философии. Наука устанавливает факты, объясняет их, строит теорию, которая приводит факты в систему и может предсказать другие факты. Религиозная философия (например, исследуя имена) пытается познать сущность Бога и человека.

Кроме личных склонностей, индивидуально-психологических особенностей, социально-психологические факторы также играют немалую роль. На лингвистическом языке механизмы воздействия на читателя или слушателя называется лингвопрагматикой, речевыми стратегиями и тактиками. В последнее время защищается немало диссертаций на эти темы. Особенно много исследований о СМИ и о рекламе. В них часто повторяется вывод о манипуляционной стратегии как о главной в медийном и рекламном дискурсе. Может показаться, что засилие манипуляционных стратегий привело к обратному эффекту – тотальному отторжению внушаемых идей и навязанных товаров. Однако на деле все оказывается сложнее. Опросы, проведенные под нашим руководством среди школьников 9-11 классов, показали, что большинство (80-90%) относятся к рекламе отрицательно. Реакция школьников на нее – ирония, раздражение, игнорирование и т. п. Однако показатели продаж рекламируемых товаров, в том числе в молодежном секторе рынка, повышаются. Этому может быть два объяснения: 1. Респонденты неискренни в своих ответах. 2. Отношение к рекламе амбивалентно, происходит своеобразное «раздвоение» поведения. Искренне отвергая что-либо на словах, покупатель подсознательно присоединяется к большинству, приобретая «раскрученный» товар.

«Раздвоенность поведения» подтверждается и другими опросами. Нами проводилось лингвокультурологическое исследование товарных знаков. В рамках исследования мы выясняли у англичан и американцев мотивы, заставляющие покупать престижные товары, даже при наличии более дешевых товаров других марок. Категории: автомобили, вина, шоколад, часы, мужская обувь, минеральная вода и др. Основным мотивом было названо качество товаров. Однако другие эксперименты показали, что списки «лучших по качеству» и «самых престижных» марок не совпадают. Истинным главным мотивом приобретения товаров было все же не качество, а престижность марки, ее символичность как атрибута богатой и успешной жизни. Прагматическая заряженность имен и фамилий, таких как «Гуччи», «Дом Периньон». «Кристиан

Диор» или «Моцарт»³⁶ – одна из главных особенностей их функционирования в современном языке.

Социально-культурные и индивидуально-психологические факторы, влияющие на язык, хорошо выявляются в ассоциативном эксперименте. Приведем пример:

Дэвид (Давид) - Библия (15); сильный (12); еврей (7); Голиаф (5); грузин (5); царь (5); монах (3); армянин (2); мудрый (2); хитрый (2).

Имя Давид действительно распространено среди евреев, хотя гораздо меньше, чем 50 лет назад. В этой части ассоциативное поле отражает реальность. Но среди грузин это имя распространено меньше, чем среди армян. В этой части ассоциативное поле отражает искаженные стереотипы восприятия. Реакция «хитрый» отражает негативные ассоциации с евреями и кавказцами и частично маскируется ответом «мудрый».

Как видим, стереотипность мышления проявляется на всех уровнях, так сказать сверху донизу, от философских парадигм до рекламы и уличных прозвищ.

Одним из интересных выводов, которые можно извлечь из данных наших ассоциативных экспериментов (как уже законченных, так и проводимых сейчас), является то, что не все ассоциации оказываются социально-культурными. Некоторые из них индивидуально-личностные. Проводя эксперимент, мы постоянно предупреждали информантов о том, что не нужно фиксировать индивидуально значимые ассоциации. Например, «мой кот», «моя соседка», «мой сотрудник», «моя улица» и т.д. В тех группах, где не было такого предупреждения, доля индивидуальных ассоциаций была довольно высокой. Все сказанное, в конце концов, приводит к философскому вопросу: можно ли определить, какой аспект сознания человека, в частности, его языкового сознания, является доминантным - природно-индивидуальный или культурный. Лингвокультурология призвана изучать культурно-специфические компоненты семантики и прагматики, но это всего лишь часть функционирования языка. В языке могут проявляться не только общественно-культурные аспекты поведения человека, но и его индивидуальность. Э. Сепир писал по этому поводу: «Социальное поведение - это всего лишь совокупность или, скорее, упорядоченное множество таких сторон индивидуального поведения, которые связаны с культурными нормами и вписаны в свой контекст» [4, с.595].

Библиографический список

1. Налимов, В.В. Вероятностная модель языка / В.В. Налимов. – М.: Наука, 1979. – 304с.
2. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – М.: Эксмо, 1998. – 912 с.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 658 с.
4. James W. Pragmatism. A New Name for Some Old Ways of Thinking, Longmans, Green, & Company, New York, NY. 1907/ <http://www.gutenberg.org/etext/5116>

³⁶ Название шоколадных конфет.

TO THE QUESTION ON THE PROBLEM OF PERSON'S ESTRANGEMENT IN MODERN PSYCHOLOGY

In the article the phenomenon of estrangement is described; some approaches to its interpretation and understanding are revealed. It is shown possibilities of two basic paradigms for the analysis of estrangement.

Н.С. Шадрин

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, г. Павлодар

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье описывается феномен отчуждения, раскрываются некоторые подходы к его пониманию. Демонстрируются возможности двух основных парадигм анализа отчуждения.

Термин «отчуждение» почти не фигурировал в психологии советского периода, не будучи представлен даже в словарях. Сейчас же даже в «Кратком психологическом словаре» А.Л. Свенцицкого (2009) имеется статья «отчуждение», где раскрытие этого феномена связывается в основном с философией экзистенциализма. Наша задача состоит в обосновании наличия в современной психологии личности, по крайней мере, двух парадигм анализа отчуждения: гегелевско-марксистской (воспринятой Э.Фроммом) и парадигмы экзистенциализма и гуманистической школы в психологии, и в их раскрытии.

В отчуждении невозможно безостановочное, непротиворечивое и многогранное *развитие* личности. Практически важно и то, что отчуждение обычно выражается в состояниях депрессии, потери смысла жизни, связано с употреблением наркотиков, алкоголизацией населения и т.д., что не может не беспокоить и наше общество и государство. (Так, по данным на начало 2010 года Казахстан занимал 3-е место в мире по числу самоубийств). Проблема затрагивает и психологию деятельности ученого, предрасположенной к отчуждению в случае «замыкания» научных сообществ на самих себя и т.д.

Феноменологически отчуждение характеризуется раздробленностью, расщепленностью «Я» человека (его отделенностью от своего целого), ощущением пустоты его существования, бессмысленности выполняемых им трудовых или иных функций и т.д. Г.С. Абрамова связывает отчуждение с «фантомным» или «мертвым» сознанием (отталкиваясь от известного в психологии феномена «фантомной конечности»). Отчуждение связано также с синдромом потери смысла жизни («экзистенциальный вакуум», по В. Франклу). (В версии Е.Н. Осина отчуждение понимается как переживание утраты смысла деятельности). Многие психологи (А.Б. Дорбрович) говорят и об отчужденных формах *общения* («формальное общение»). Выделяются и отчужденные виды массовой коммуникации, дискурса (И.А. Мальковская) [7].

Сам термин «отчуждение» (*Entfremdung*) был введен в оборот *Гегелем*. Его (исходная) линия анализа была продолжена Л. Фейербахом, К. Марксом, а уже в XX веке во Франкфуртской школе социальной философии и у «гуманистических психоаналитиков» (Э.Фромм, К. Хорни). Гегель понимает отчуждение как подчинение *сущности человека, его «духа» чуждой* ему силе (например, вещи) и как результат *редукции* духовности личности к душевному, а затем и вещному («овеществление»); оно может быть вызвано и искусственно

действием внешнего фактора, связанного с активностью другого человека, в форме магнетизма (гипноза) и т.д. [5, с.164-165].

Психолог Э. Фромм также понимал гипноз как некую *обобщенную модель отчуждения*; в ходе гипноза можно искусственно вызывать у человека нужные нам желания, абсолютно *чуждые* его личности; при этом он будет считать их «своими» и находить для них «рациональную» основу [16, с.164]. То есть отчуждение это не просто «отстраненность» индивида от какой-либо ситуации, группы или культуры, а некая болезненная «зомбированность» (детерминированность) его целостной личности какими-то абстрактными, то есть, проще говоря, односторонними и бедными по содержанию силами, *низводящими* ее духовность до уровня душевного и *вещного*. Такова, по сути, и концепция отчуждения *Маркса*, у которого при отчуждении актуализация человеческих *сущностных сил* в процессе труда (в форме рабочей силы) превращается в некий *обособленный момент*, фатально подчиняющийся действию столь же *абстрактной* и *чуждой* сущности человека силы (применение рабочей силы подчиняется логике вещи-капитала).

На наш взгляд, в 6-ом тезисе о Фейербахе он определил **не саму сущность человека** (проблема любой антропологии!), а лишь «человеческие сущностные силы» индивидов *в их «действительности»* (Wirklichkeit), то есть в их *реальном действии* (Wirken) и состыковке друг с другом. Такой действительностью и выступает «совокупность» («ансамбль») общественных отношений индивидов [8, с. 262]. Что касается *сущности* человека, то Маркс, хотя и *абрисно*, трактовал ее как «природу человека», как его «духовное родовое достояние», совокупность способностей, «влечений» и т.д.

Раскрытие сущности человека (чем бы она ни была!) «в ее действительности» в *социальных отношениях* даже более реально, весомо, чем в актах «экзистенциальной коммуникации»; но в *определенных* условиях она также *и отчуждается* в этих отношениях. (Все мы знаем, что при плохой организации управленческих отношений развертывание наших «сущностных сил» в ходе труда проблематично). Это намечает *путь* анализа отчуждения в *повседневных* актах труда в психологии труда, теории личности и т.д. (С.М. Богословский, Э. Фромм [16], Л. Сэв [14], Н.С. Пряжников [11], А.Б. Орлов [10]).

По Э. Фромму, «основы для понимания этой проблемы отчуждения были заложены еще Гегелем и Марксом» [16, с.149]. Видя корни отчуждения в идеологии христианства, протестантизма (Лютер, Кальвин), Э. Фромм, однако, отмечает: «Капитализм отвел новую роль экономической деятельности, успеху и материальной выгоде. Все человеческие усилия должны быть направлены на увеличение темпов роста экономической системы, умножения капитала, причем не ради собственного благополучия, а ради самого капитала» [16, с.137]. Здесь характер отчуждения проник не только в деловые отношения, но и в межличностные; вместо нормальных человеческих отношений они стали напоминать, в некотором роде, отношения вещей... Рабочий продает свою физическую силу; предприниматель, врач, работник умственного труда продают свою «личность». Эта «личность» должна обладать всеми качествами «товара» [16, с.149]; отсюда возникают «рыночный характер» и *конформизм*, ибо, «превратившись в нечто, что, как губка, впитывает чужие мысли и чувства, он (индивид – Н.Ш.) в значительной мере теряет самого себя» [16, с.254].

Н.С. Пряжников, вслед за Э. Фроммом, связывает отчуждение с «эпохой продажности», акцентируя то, что, «продавая» себя, работник теряет свое собственное «достоинство» (А.Г. Асмолов) как личности [11]. А.Б. Орлов, опирающийся на К. Маркса, считает особенностями отчуждения в процессе труда потерю его личностного смысла, отсутствие выбора у работника, а также редукцию его личностного потенциала к выполнению частичной функции [10].

Логика *первого понимания* отчуждения присутствует и в психосинтезе Р. Ассаджиоли, и у Г. Гурджиева и др. Правда, у Г. Гурджиева раскол *сущности* фиксируется на *индивидуальном* уровне, когда в один момент реализуется одно *частичное* «Я», в другой – другое и т.д. (У Маркса же «частичные» формы сущности человека «растасканы» по разным социальным формам индивидуальности!). По А.Б. Орлову, «согласно Г.И. Гурджиеву, у каждого взрослого есть множество Я, каждое из которых пользуется словом Я для самоописания. В один момент присутствует одно Я, в другой – другое, которое может испытывать, а может не испытывать симпатию к предыдущему Я. Это Я может даже не знать, что другие Я имеются, поскольку между различными Я имеются относительно непроницаемые защиты, называемые буферами. Кластеры Я образуют субличности, связанные ассоциативными связями – одни для работы, другие для семьи, иные для церкви или синагоги... Одно Я может пообещать, а другое Я ничего не будет знать об этом обещании из-за буферов, и поэтому у него не возникает намерение выполнить это обещание... Человек не может выбрать, каким Я ему быть... выбирает ситуация» [10, с.75].

В целом первая парадигма отчуждения выступает как *временная*; в ней присутствует не только идея отчуждающей силы *вечности* в определенных *исторических* условиях, но и такие чисто «временные» категории, как «рабочее время», «свободное время» и т.д., что нашло выражение и у Л. Сэва [14]. В ней силен акцент и на *социологических* моментах (Э. Фромм); отметим, что пусть на самую элементарную, плакатную форму социологии при осмыслении отчуждения в советский период опираемся и мы, говоря, что «советское общество нуждалось лишь в человеке-винтике» и т.д. В 70-е и 80-е годы XX века, после появления основополагающих работ А.Н. Леонтьева по личности, культурно-историческая психология имела шанс повернуться в сторону *наших реалий отчуждения* (с позиций первой парадигмы), но условием этого было наличие критичной теории советского общества, которой тогда не было.

Вторая парадигма анализа отчуждения – это модель *отчуждения деятельного существования индивида от тотальности бытия, от его «бытия в мире»*. Ее достоинство – в стремлении гармонизировать отношения личности с ее «жизненным миром», не дожидаясь исторических сдвигов (в процессе терапии и т.д.), недостаток – в недоучете социального аспекта (М. Босс). Она фигурирует в экзистенциализме и гуманистической школе психологии, связывая отчуждение с понятиями «фактичности» существования, а также «ниспадения» (Хайдеггер), а его преодоление – с «бытием-в-мире» и с феноменами «тревоги», «настроенности», «ценностей» и т.д.

По А.Б. Орлову, гуманистическая психология возникла как оппозиция господствовавшему в начале XX века представлению о греховности, несовершенстве природы человека у Фрейда и в бихевиоризме, восходящему к постулатам церковного христианства; сперва она была философской (экзистенциалистской). И «лишь во второй половине XX века к этой философской гуманистической оппозиции примкнули психологи и психотерапевты (А. Маслоу, К. Местакес, Р. Мэй, К. Роджерс)» [10, с.28].

Рассмотрим ее основные идеи (по Хайдеггеру и Сартру), упоминая линии *конкретизации* и дробления основных понятий у гуманистических психологов. (Одна лишь «тревога» Сартра трактуется в десятках версий!). По Хайдеггеру, «ниспадение» есть попытка личности «воссоздать» образ мира через «массовидные» представления других людей, с которыми она сосуществует, – посредством организации слухов, сплетен, пустопорожних дискуссий, в итоге чего, наоборот, теряется смысл Бытия; поэтому «падающее» бытие личности «вместе с тем отчуждающее». Эти аспекты вскрываются в концепциях «стереотипов» А. Менегетти, «массовости» психики О. Больнова и т.д.

Важной, но мало исследованной формой отчуждения в экзистенциализме, гуманистической школе является уход в «*фактичность*». «Фактичность»

выступает как «локализованность» существования индивида, его отгороженность от бытия-в-мире, как «неподлинность» его бытия.

Вообще связь «факта» с определениями *места* видна уже у Гуссерля, из которого исходят Хайдеггер и Сартр. Г.И. Челпанов отмечает: «Под фактами Гуссерль понимает то, что имеет индивидуальное временно-пространственное существование, то существует как нечто, что есть в этом месте» [18, с.361]. И, анализируя деятельное существование индивида как *факт*, мы должны «привязать» его к какому-то месту, то есть *понять его как «фактичность»*.

Хайдеггер сближал «фактичность» (Faktizität), с понятием «брошенности в мир» (Geworfenheit) как одной из характеристик бытия личности (вот-бытия) [20]. По Хайдеггеру, фактичность – это «вид бытия, конституирующий для местоположения. В некотором радикальном смысле – в смысле фактичности – вот-бытие «налично». Оно находится где-то... как наличное в смысле основания и почвы того, что оно существует, но это основание является *экзистенциальным*, то есть разомкнутым основанием» [17, с.307]. Основа существования индивида – это его тело, находящееся в *данном* месте и в данном гомеостатическом состоянии, его ближайшее, жизненное окружение, в том числе его предметная среда и т.д. Но, упрочивая свое «локальное» существование через «фактичность», реагирование на конкретику фактов, обстоятельств, в том числе бытового характера, индивид сохраняет *потенцию* «открытости» Бытию, связанную уже с «экзистенциальностью», что проявляется в «страхе» (Хайдеггер) или «тревоге» (angoisse) у Сартра.

«Тревога» и «страх» не есть формы реагирования на какие-то факторы ситуации (то есть они не фактичны!). По Хайдеггеру, страх отличен от боязни, ибо «то, чего мы боимся, может оказаться неопределенным, т.е. уже не быть чем-то наличным в мире» [17, с.305]. Страх (или тревога) дан человеку перед лицом Мира и опосредует его свободу как антипод отчуждения.

По Сартру, *тревога* – это тревога перед возможностями «Я» в Бытии, она есть «головокружение свободы». «Головокружение есть тревога в той мере, в какой я опасаясь не свалиться в пропасть (Бытия – Н.Ш.), но самому броситься в нее» [21, с.71]. Тревога повышает ответственность перед лицом бытия (один их приемов экзистенциального психоанализа – «работа с ответственностью» [4, с.345-347], преодолевает отчуждение. Еще одна форма эмоциональных переживаний бытия-в-мире – «настроенность» [17, с.269] – акцентировалась М. Боссом. Рассмотрим теперь *мотивационно-потребностные* аспекты существования индивида в ситуации фактичности или же бытия-в-мире.

«Фактичность», в частности, связана с «мотивом». По Сартру, «данность» или «фактичность» элементов ситуации «всегда обнаруживается как *мотив*», ибо человек имеет проект своего существования на основе этой ближайшей ему «данности». Поскольку «ситуация и мотивация есть одно целое» [21, р.568], *мотив* у Сартра оказывается формой *полевого поведения* (в смысле К. Левина). В рамках культурно-исторической психологии это соответствует «опредмечиванию» потребности, превращению ее в мотив (А.Н. Леонтьев); иногда говорят даже об «овеществлении» мотивов. Все это более или менее отчужденные формы мотивационных образований индивида, связанные с «фактичностью», предметностью существования, его «локализацией» и т.д.

По Сартру, бытие личности обнаруживает для себя объектное бытие именно изнутри, «как свои *мотивации*, иными словами, оно будет постоянно ссылаться на само себя и свою постоянную свободу («Я нахожусь здесь (перед этим объектом – Н.Ш.) для того, чтобы...»). Но случайность, которая переносит (transit) эти мотивации (как бы «навязывая» их – Н.Ш.), в той мере, в какой они полностью основывают сами себя, и есть фактичность для-себя» [21, р.126].

Отчужденными формами мотива, связанными с «фактичностью», выступают «вожделение» (desir), защита (defense), «гнев» (colère) и, видимо, «зависть». Они возникают тогда, когда «брошенное» в мир существование

лишь поверхностно соприкасается с интересами находящихся рядом людей. Подмена «вожделениями» индивида его ценностей в ситуации «самообмана», по Сартру, также выражает отчуждение [21, р.87]. По В. Франклу же, «вожделение» в форме «стремления к удовольствию» (культ секса, наркотиков и т.д.) выливается в *экзистенциальный вакуум*, а его преодоление предполагает «свободу (индивида – Н.Ш.) от своей фактичности» [15, с.112].

Что касается мотивации, ориентированной на подлинное «бытие-в-мире», то здесь у Сартра в первую речь идет о «*мобиле*» и *ценностях* («ценность» есть и у Хайдеггера). Сартровский «мобиль» (*mobile*, иногда это переводится как «движущая сила»), как мы считаем, *близок* к ценности. Он назван так, видимо, потому, что «мобилизует» человека на какие-то деяния, не спровоцированные внешней конкретикой и «фактичностью». *Мобиль* связан скорее со свободными проектами личности, вытекающими из ее «присутствия по отношению к миру».

Если *тревога* выступает неким эмоциональным беспокойством о смысле бытия (и бытия самой личности!), то *ценности* – это мотив, в котором индивиду дан, если выразиться в терминах А.Н. Леонтьева, «личностный смысл бытия», или бытия-в-мире индивида. По Сартру, активно реализуемые ценности впервые придают *смысл*, «смысл возвышения» *всему бытию*, а не просто неким конечным формам существования [21, р.137]; в этой ситуации отчуждение личности от своего (и окружающего!) бытия уже невозможно. Это близко к идее о связи ценностей со смыслом жизни (В. Франкл), ибо «жизнь» выступает и как форма «бытия» личности, неотделимая от социального бытия.

Погружение индивида в «фактичность» мы трактуем несколько социологически, как имеющее место в определенных обществах «замыкание» интересов индивида в текучке, быте, кланово-бытовых структурах, нацеленных лишь на воспроизводство *непосредственного существования* своих членов в его *материальных* основах. В этой модели фиксируется и момент отчуждения личности от ее *жизненного пространства* (вторая парадигма), характерный для территории Евразии, с ее относительно холодным, резко-континентальным климатом, заставлявшим уделять большое внимание быту, прочному, теплому жилью, борьбе с ненастями, что предполагало и некую родственную спайку, взаимопомощь индивидов, кооперировавшихся на основе материально-бытовых интересов. Но при *экспансии* семейно-клановых и бытовых интересов в сферу управления и другие социальные сферы возникает т.н. «бытократия» – социальная установка, рассматривающая быт, в котором воспроизводится *существование* индивида лишь в его непосредственно-вещественных основах, как некую *самоцель*; в силу этого здесь перманентно проявляется нетипичные для Запада проявления коррупции, nepотизма, пренебрежения к закону (об этом говорит и Б.С. Братусь, имея в виду, правда, не Евразию, а Российскую империю и СССР, что географически почти одно и то же [3]).

Основу психологии клана составляет *относительно замкнутая* система локализованных в пространстве деятельностно-потребностных *циклов* индивидов (типа *П – Д – П*) [14, с.72], связанных с удовлетворением их базовых и, сопряженных с ними, материально-бытовых потребностей; эти циклы *интегрируются* в группе *топологическими* отношениями объединения, частичного или полного включения, пересечения, в силу чего возникает общий клановый интерес и т.д. (Так, потребностные циклы младенца целиком включены в таковые его родителей) [19, с.133-143, 160-162].

Целый ряд исследователей считают характеристиками клана *иерархию*, а также *реципроктность* (взаимность) отношений внутри него (в том числе отношений младшего и старшего в клане) по принципу «ты – мне, я – тебе». Эта иерархия и *контролируемая* степень реализации реципроктных отношений дана как «факт» только самим членам этой замкнутой микрогруппы, то есть в локальных пространственных условиях (что отвечает критериям «фактичности»). Как пишет Ж.Б. Абылхожин, «господство и подчинение в

пределах иерархической вертикали воспринимаются как само собой разумеющиеся во внутривнутригрупповых отношениях между людьми, как... своеобразный эквивалентный обмен» (за послушание «снизу» – покровительственные услуги, идущие «сверху») [2, с.276]. Контроль над индивидом со стороны «старших» в клане можно увязать с отчуждающим «взглядом другого» (regard d'autrui) у Сартра, уподобляемого взгляду Медузы.

Видимо, принцип клановости может (хотя бы частично) реализовываться и в сфере науки, где он нередко выражается в наличии многочисленных «школ», «направлений», группировок, с их материально-организационными полномочиями и возможностями. Они могут либо жестко бороться друг с другом (при несовпадении интересов), либо, наоборот, мирно «сосуществовать», декларируя безбрежный «плюрализм» направлений и течений в науке и не заботясь о теоретическом или методологическом их синтезе и достижении единства представлений об объекте. Поэтому не совсем точен посыл ряда историков психологии (М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, А.Н. Ждан) о том, что «плюрализм» психологических течений, проявившийся в постсоветский период, в общем, благо. Нет слов, идеологический диктат как навязывание одной-единственной философии «сверху» порождает отчужденное сознание (и поведение) ученого. Но когда реализуемая хаотичная и случайная совокупность «ментальных телодвижений» членов маленького научного сообщества (мирка) возникает из никому неведомой иерархии их взаимных, клановых «реципроктных» обязательств (типа того, что «я провожу такие-то фрагменты исследований в нужном тебе направлении, ты же в перспективе предоставляешь мне определенное тепленькое местечко, как гарант моего научного роста»), мы получаем уже «плюрализм», созвучный, скорее клановости, *закрытости* и, значит, *отчужденности* научной деятельности. Пестрота и запутанность научных течений могут служить питательной почвой генерирования «все новых подходов» новоявленных «лидеров» от науки.

Отчуждение, связанное с уходом в «фактичность», может проявляться и как *синдром пространственной «привязки» мотивов и конечных «интенций» научных репрезентаций к ареалу существования ученого*. Принимая, что научное познание по сути интернационально (Б.Ф. Поршнев) и основано на позиции «открытости миру», отметим, что становление суверенных государств СНГ породило, так или иначе, такой феномен в области *исторической науки*, как локальное «мифотворчество», – форму *отчуждения* сознания ученого.

Один из авторов работы «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана», известный казахстанский интеллектуал и историк Нурбулат Масанов приводит цитаты из объемных монографий историков, которые можно проанализировать методом «анализа продуктов деятельности» на предмет наличия в них элементов мифотворчества (пусть эту работу проделает сам читатель!). Не называя фамилии авторов и не цитируя их труды из соображений этики (что привело бы к расшифровке фамилий), приведем интересующие нас цитаты по работе Н.Э. Масанова: «...казахское происхождение Чингисхана» [9, с.60], «...степные племена, т.е. выходцы Казахской степи – возможные *казахантропы*» [9, с.71], «...Предки казахов жили на обширной территории: от западных стен Китая до Карпат и от тундры – до Ирана, которая заполнена городами...» [9, с.107].

Яркие факты мифотворчества есть и по историкам России: «Гроя входила в состав стран Арасавы, а, значит(?!), была частью Средиземноморской Руси» [1, с.8]; «Русена-Русь – реальное государство, существовавшее в Передней Азии во II тысячелетии до н.э.» [1, с.168]; «Ахилл был тавроскифом» [1, с.330]; «Русские в Трое... К этой мысли надо привыкнуть» [1, с.405].

Привязка «мифов» к условиям «локализованного существования» личности историка (где удовлетворяются ее базовые потребности посредством взаимодействия со *своим* социумом) здесь, в целом, очевидна. Н. Масанов

справедливо резюмирует: «Тогда как подлинное научное знание всегда общепризнаваемо независимо от времени и пространства, границ государств и национальных культур, миф способен как-то мимикрировать под якобы научное знание только на «своей» территории. За ее же пределами он только «миф» и ничто иное. Там в ходу «свои» мифы (курсив наш – Н.Ш.)» [9, с.112].

Обратимся теперь к истории психологии. Здесь также проявляется феномен некой взаимно-отчужденности исследователей, обусловленной пространственно-территориальной «локализованностью» существования их личности, – например, в плане отсутствия единых, согласованных критериев отбора авторов, становящихся предметом историко-психологического анализа (в том числе с точки зрения жанровой характеристики их творчества).

Так, А.Н. Ждан в своей «Антологии» по истории психологии в России [13] применяет скорее академические критерии отбора авторов и текстов (монографии по психологии, научные статьи и т.д.). (Неслучайно в ее публикацию работ А.А. Ухтомского не попали фрагменты его «Писем» по проблеме хронотопа, написанные в чисто эпистолярном жанре, хотя во вводных замечаниях к публикации идея хронотопа упоминается). В ее «Антологии» нет, к примеру, и трудов поэта О. Мандельштама (мы не говорим, что это недостаток!), десятки раз цитируемого В.П. Зинченко и др.

Профессор же К.Б. Жарикбаев, в свою очередь, в своих учебниках и хрестоматиях по истории психологии Казахстана выделяет в качестве авторов, внесших вклад в эту науку, поэтов, акынов, писателей, философов, государственных деятелей и даже журналистов [6]. Описанная ситуация чревата и некоторыми издержками. Так, для психологов где-то «зависла» деятельность А.П. Нечаева, закончившего свои дни в Казахстане в 1948 году (фактически в ссылке). При этом его докторская диссертация «Система психофизиологических синдромов» до сих пор не опубликована и не проанализирована «ни в одном психолого-педагогическом исследовании» [12, с.53]. В «Антологии» А.Н. Ждан А.П. Нечаев тоже не представлен, что же касается К.Б. Жарикбаева, то он не занимается А.П. Нечаевым исходя из каких-то своих критериев. Никак не исследован и казахстанский период творчества психотерапевта А.М. Свядоша. Для нас важно то, что все эти потери являются результатом некоторого отчуждения личности ученого-психолога в особом, «пространственном» модусе ее бытия.

Библиографический список

1. Абрашкин, А.А. Тайны троянской войны и Средиземноморская Русь / А.А. Абрашкин. – М.: Вече, 2004. – 432 с.
2. Абылхожин, Ж.Б. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2007. – С.225–291.
3. Братусь, Б.С. Нравственное сознание в культуре уходящего века / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1993. – №1. – С.6–13.
4. Бурлачук, Л.Ф., Кочарян А.С., Жидко М.Е. Психотерапия: Учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачук, А.С. Кочарян, М.Е. Жидко. – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа / Отв.ред Е.П. Ситковский / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
6. Жарикбаев, К.Б. Психология: Учебник (на казахском языке) / К.Б. Жарикбаев. – Алма-Ата: «Шугыла», 2008. – 638 с.
7. Мальковская, И.А. Знак коммуникации: Дискриптивные матрицы. – 2-е изд., испр. / И.А. Мальковская. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
8. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 42 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1974. – 536 с.

9. Масанов, Н.Э. Мифологизация проблем этногенеза казахского народа и казахской nomadic культуры // Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2007. – С.52–131.
10. Орлов, А.Б. Психология личности и сущности человека / А.Б. Орлов. – М.: «Академия», 2002. – 272 с.
11. Пряжников, Н.С. S\$#, или Личность в эпоху продажности: Учебно-методическое пособие / Н.С. Пряжников. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. – 224 с.
12. Романов, А.А. А.П. Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики / А.А. Романов. – М.: РОУ, 1996. – 84 с.
13. Российская психология: Антология / Авт.-сост. А.Н. Ждан. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2009. – 1279 с.
14. Сэв, Л. Марксизм и теория личности / Л. Сэв. – М.: Прогресс, 1972. – 584с.
15. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева // В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
16. Фромм, Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ Д.Н. Дудинского // Э. Фромм. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 672 с.
17. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск: «Водолей», 1998. – 384 с.
18. Челпанов, Г.И. Об аналитическом методе в психологии. (Статья 1-ая) / Российская психология: Антология / Авт.-сост. А.Н. Ждан // Г.И. Челпанов. – М.: Академический проект, 2009. – С.340–352.
19. Шадрин, Н.С. Ценностная регуляция деятельности: Социогенез, феноменология, механизмы / Н.С. Шадрин. – Павлодар: Кереку, 2008. – 360 с.
20. Heidegger, Martin. Sein und Zeit. Siebente unveränderte Auflage / M. Heidegger. – Tьbingen: Max Niemeyer Verlag, 1953. – 537 S.
21. Sartre J.-P. L'ктre et le нiant. Esse d'ontologie phйномйologique / J.P. Sartre. – Paris: Gallimard, 1943. – 722 p.

**SECTION I. DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY AND
INDIVIDUALITIES IN MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE**

**СЕКЦИЯ I. РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В
СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

УДК 159.928+159.922.8

E.V. Artsishevskaya

MGPPU, Center of research and development of giftedness, Moscow

**RESEARCH OF GENERAL AND SPECIAL ABILITIES AT ARTLY
GIFTED TEENAGERS**

In the article the results of the complex research of general and special abilities at teenagers with art-graphic giftedness are stated. Two types of art-graphic abilities – «schedules-draughtsman» and «painters-colourists» are revealed. The interrelation of the allocated types with types of higher nervous activity – «artists» and «thinkers» (on I.P. Pavlov) is shown.

Work is executed with financial support of RGNF. The grant №09-06-00646a

Е.В. Арцишевская

МГППУ, Центр исследования и развития одаренности, г. Москва

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ
У ХУДОЖЕСТВЕННО ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ**

В статье излагаются результаты комплексного исследования общих и специальных способностей у подростков с художественно-изобразительной одаренностью. Выявлены два типа художественно-изобразительных способностей – «графики-рисовальщики» и «живописцы-колористы». Показана взаимосвязь выделенных типов с типами ВНД – «художниками» и «мыслителями» (по И.П.Павлову).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант №09-06-00646a

В комплексном лонгитюдном исследовании художественно-изобразительных способностей, приняли участие 30 учащихся Московского академического художественного лицея (МАХЛ) в возрасте 11-12 лет. Наблюдения и эксперименты продолжались в течение 4-х лет.

В работе использовались несколько блоков методик:

I. Диагностика художественно-изобразительной одаренности включала:

1) оценки достижений в течение 4-х лет по специальным художественным дисциплинам – *рисунку, живописи и композиции* (учитывались все текущие оценки по годам);

2) *экспертные оценки* художественных способностей, в которые вошли – «природная одаренность», «работоспособность», «воображение», «самостоятельность». В качестве экспертов выступали педагоги МАХЛ – профессиональные художники (8 чел.);

II. Психодиагностические тесты были ориентированы на выявление:

а) интеллектуальных характеристик (тест Д.Векслера – соотношение общих, вербальных и невербальных компонентов; матрицы Равенна);

б) личностных особенностей подростков (опросник Р.Б.Кеттелла);

в) определение соотношения двух сигнальных систем (методика М.Н. Борисовой).

г) характера функциональной асимметрии-симметрии мозга с помощью дихотической методики (вариант В.В. Суворовой, М.А. Матовой, З.Г. Туровской).

Также были выделены критерии для анализа орфографических ошибок в диктантах и изложениях [3].

Качественный и количественный анализ результатов обследования художественно одаренных подростков позволил нам описать среди одаренных юных художников два типа художественно-изобразительных способностей – «графиков» («рисовальщиков») и «живописцев» («колористов»).

Такое разделение на графиков и живописцев совпадает с подходом, существующим в истории изобразительного искусства.

Многие выдающиеся художники, особенно в эпохи Возрождения и классицизма (А. Дюрер, Микеланджело, Л.Б. Альберти, Л. Давид, Э. Делакруа и др.), основой изобразительного искусства считали рисунок и рассматривали рисование как серьезную научную дисциплину, обладающую столь же точными законами, как и математика.

Известно высказывание Микеланджело о том, что «рисуют головой, а не руками». Микеланджело также писал: «Рисунок, который иначе называют искусством наброска, есть высшая точка и живописи, и скульптуры, и архитектуры: рисунок – источник и корень всякой науки» [8, с. 56]. А. Дюрер считал, что «в искусстве нельзя полагаться только на чувства и зрительное восприятие, а в основном необходимо полагаться на точные знания» [8, с. 71-72].

Другой подход провозглашал, что чувство колорита и есть то качество, которое характеризует главным образом дарование художника. Колористическое чутье даже мистифицировалось, объявлялось непознаваемым и неподверженным действию закономерностей. Например, В.И. Суриков считал, что «колорист – художник, не колорист – не художник. Этому взгляда придерживались и такие великие художники и педагоги (Крамской, Кардовский, Чистяков). Чистяков писал: «Не рассуждениями, умом искать цвета, - а красками» [5].

Наконец, особо интересна для нас мысль П.А. Флоренского, о том, что за «живописью» или за «графичностью» стоят не просто отдельные специальные способности, но и проявляющееся в них разное мироощущение и, в конечном счете, тип творческой личности [9].

В приведенной таблице представлены обобщенные результаты нашего исследования по выявлению типов художественной одаренности. В левой колонке даны психологические (интеллектуальные, личностные) характеристики, психофизиологические и нейропсихологические (сигнальная система, доминантность полушарий) особенности, свойственные в большей мере типу «графиков-рисовальщиков»; в правой – особенности, присущие типу «живописцев-колористов».

Общие интеллектуальные показатели (ОИП) у живописцев и графиков примерно равны. Вербально-логический интеллект выше у графиков, а невербальный интеллект - у живописцев. По субтестам: у графиков выше оценки по осведомленности, но ниже по объему слуховой оперативной памяти и кодированию (зрительно-моторной координации), понятливости и последовательным картинкам. В целом, у живописцев образно-действенный компонент выражен сильнее, чем у графиков.

По тесту Равена обнаружены также различия у двух типов: оказалось, что в сериях *ABC* большую продуктивность демонстрируют художники-живописцы, а в сериях *DE*, в которых требуется развитое логическое мышление, были сильнее графики-рисовальщики.

Личностные факторы, по Р. Кэттеллу: графики оказались с такими характеристиками - замкнутые, самоуверенные, они реалисты и рационалисты, мало считаются с общепринятыми нормами. Живописцы более открытые, уступчивые, совестливые, эмоциональные, чувствительные. Интересно, что фактор (I+), как правило, в подростковых группах «нехудожников» у девочек существенно выше, чем у мальчиков. В данной же выборке этот фактор характерен как для девочек, так и для мальчиков.

Методика М.Н. Борисовой показала преимущественную выраженность у графиков – второй сигнальной системы, у живописцев – первой сигнальной системы.

Значительный интерес представляют различия между учащимися с левополушарным и с правополушарным доминированием. Результаты дихотической методики показывают, что правополушарное доминирование в большей мере характерно для живописцев, а левополушарное – для графиков.

В работах [4; 6; 7; 10] получены два симптомокомплекса – первосигнальный («художественный») и второсигнальный («мыслительный», по И.П. Павлову). Первый симптомокомплекс характеризуется наличием выраженной правополушарной асимметрии мозга по речи, преобладание произвольных видов познавательной деятельности, высоким невербальным интеллектуальным показателем (НИП), т.е. преобладанием образно-действенных компонентов способностей. Второй симптомокомплекс («мыслительный») включает выраженную асимметрию левого полушария по речеслуховым функциям, преобладание произвольных форм психической деятельности, высокий уровень вербального интеллектуального показателя (ВИП), т.е. преобладание вербально-логических компонентов деятельности.

Теперь обратимся к характеристикам языковых способностей. М.К. Кабардовым были описаны два типа языковых способностей коммуникативно-речевой и когнитивно-лингвистический [6; 7].

Показано, что школьники с преимущественно первосигнальным типом деятельности и обнаруживающие большую грамотность в свободном письме (сочинение, изложение) соответствуют коммуникативно-речевому типу, а школьники с второсигнальным типом, демонстрирующие большую грамотность в диктантах и упражнениях на правила – когнитивно-речевому [6; 10].

В данной работе также определялись особенности орфографической грамотности в двух типах письменных текстов у художественно одаренных подростков. Обнаружилось, что подростки-графики допускают больше орфографических ошибок в изложениях (сочинениях), чем в диктантах. У живописцев, наоборот: у них ошибок в диктантах больше, чем в изложениях (сочинениях).

Наконец, экспертные оценки художественных способностей у двух групп подтвердили нашу гипотезу о разной конфигурации компонентов художественной одаренности у «графиков» и «живописцев»: имея одинаково высокие оценки по параметру «природный дар» и «самостоятельность», они получили разные по двум другим – «воображению» и «работоспособности».

Таблица 1 – Сводная таблица соотношений психологических и морфофункциональных компонентов у двух групп подростков с разными типами художественных способностей

ТИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОДАРЕННОСТИ				
ГРАФИКИ-РИСОВАЛЬЩИКИ		ЖИВОПИСЦЫ-КОЛЮРИСТЫ		
Тест Векслера				
Вербально-логические компоненты способностей		Образно-действенные компоненты способностей		
Общий интеллектуальный показатель	ОИП	=	ОИП	Общий интеллектуальный показатель
Вербальный интеллект	ВИП	>	ВИП	Вербальный интеллект
Невербальный интеллект	НИП	<	НИП	Невербальный интеллект
Субтесты:				
Осведомленность		>		Осведомленность
Повторение цифр		<		Повторение цифр
Кодирование		<		Кодирование
Понятливость		<		Понятливость
Последовательные картинки		<		Последовательные картинки
Тест Равена				
ABC		<		ABC
DE		>		DE
Опросник Кэттелла				
(замкнутый) А		<		А (открытый, общительный)
самоуверенный Е		>		Е уступчивый
Недобросовестный G безответственный		<		G совестливый, обязательный
Рационалист, реалист I		<		I Эмоциональный, чувствительный
Методика М.Н.Борисовой				
Вторая сигнальная система		>		Вторая сигнальная система
Первая сигнальная система		<		Первая сигнальная система
Дихотическая методика				
Левополушарная доминантность				Правополушарная доминантность
Письменные работы: Орфографическая грамотность (количество ошибок)				
Диктант		<		Диктант
Изложение		>		Изложение
Экспертные оценки художественных способностей				
Природный дар		=		Природный дар
Работоспособность		>		Работоспособность
Воображение		<		Воображение
Самостоятельность		=		Самостоятельность

Показано, что школьники с преимущественно первосигнальным типом деятельности и обнаруживающие большую грамотность в свободном письме (сочинение, изложение) соответствуют коммуникативно-речевому типу, а школьники с второсигнальным типом, демонстрирующие большую грамотность в диктантах и упражнениях на правила – когнитивно-речевому [6; 10].

В данной работе также определялись особенности орфографической грамотности в двух типах письменных текстов у художественно одаренных подростков. Обнаружилось, что подростки-графики допускают больше орфографических ошибок в изложениях (сочинениях), чем в диктантах. У живописцев, наоборот: у них ошибок в диктантах больше, чем в изложениях (сочинениях).

Наконец, экспертные оценки художественных способностей у двух групп подтвердили нашу гипотезу о разной конфигурации компонентов художественной одаренности у «графиков» и «живописцев»: имея одинаково высокие оценки по параметру «природный дар» и «самостоятельность», они получили разные по двум другим – «воображению» и «работоспособности». Оценки «воображения» выше у живописцев, а «работоспособности» – у графиков.

Подводя итоги проведенного исследования, можно утверждать, что есть основания для выделения двух типов художественных способностей в парадигме – соотношения общих и специально человеческих типов ВНД («художников» и «мыслителей», по И.П.Павлову). Эти природные характеристики объединяют классы коммуникативных и когнитивных способностей (живописцы-колористы и графики-рисовальщики).

Во-первых, важным результатом исследования является доказательство того, что и «художники», и «мыслители» обнаруживаются среди художественно одаренных подростков. Эти понятия не являются отражением профессиональной принадлежности, а свидетельствуют об индивидуально-устойчивых стратегиях деятельности.

Во-вторых, подростки, отнесенные нами к группе «графиков-рисовальщиков», при исследовании языковых способностей проявили себя как когнитивно-лингвистический тип. Соответственно, подростки из группы «живописцев-колористов» продемонстрировали склонности коммуникативно-лингвистического типа.

Таким образом, типология специальных способностей, проявляющихся в разных способах переработки информации, способах взаимоотношений с окружающей действительностью, построена на закономерностях функционирования высшей нервной деятельности, а также на характере межполушарных отношений. Она дает возможность описать качественные и количественные различия и проявления в общих и в специальных способностях, в частности – языковых и художественных.

Важно отметить, что типы как в языковых, так и в художественных способностях обладают своими преимуществами и недостатками, однако нет оснований утверждать превосходство одного над другим.

Библиографический список

1. Арцишевская, Е.В. Индивидуально-типологические особенности подростков с художественно-изобразительными и языковыми способностями / Е.В. Арцишевская: Автореф. канд. дис. – М.: 2008. – 27 с.
2. Арцишевская, Е.В. Индивидуально-типологические особенности подростков с художественно-изобразительными способностями / Е.В. Арцишевская // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. №28: Научный журнал. – СПб. – 2008. – С. 8-17.
3. Арцишевская, Е.В., Кабардов, М.К., Коркина, Е.В. Типология художественно-изобразительных и лингвистических способностей: дифференциально-

- психофизиологический и нейропсихологический подход / Е.В. Арцишевская, М.К. Кабардов, Е.В. Коркина // 105-летие А.Р.Лурия. – Белгород: 2007. – С. 135-137.
4. Большунова, Н.Я. Взаимосвязь индивидуальных различий по параметру произвольность-непроизвольность регуляции с особенностями соотношения сигнальных систем / Н.Я. Большунова : Автореф. канд. дис. – М.:1982. – 20 с.
5. Волков, Н.Н. Цвет в живописи / Н.Н. Волков. – М.: Искусство, 1984. – 320 с.
6. Кабардов, М.К. Коммуникативные и когнитивные составляющие языковых способностей: автореф. докт. дис. / М.К. Кабардов. – М.: 2001. – 54 с.
7. Кабардов, М.К., Арцишевская, Е.В. Типология языковых способностей // Способности: К 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова / М.К. Кабардов, Е.В. Арцишевская. – Дубна: 1997. – С. 259-288.
8. Ростовцев, Н.Н. История методов обучения рисованию: Зарубежная школа рисунка. Учеб. пособие / Н.Н. Ростовцев. – М.: Просвещение, 1981. – 192 с.
9. Флоренский, П.А. Собр. Сочинений в 4-х тт. / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990.
10. Чепель, Т.Л. Индивидуально-типические способы и предпосылки овладения школьниками орфографией родного (русского) языка / Т.Л. Чепель. Автореф. канд. дис. – М.: 1988. – 24 с.

УДК 159.964

L.V. Boglaeva

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

POSSIBILITIES OF PROJECTIVE TECHNIQUES IN DIAGNOSTICS AND DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY

In the article an idea of projectivity development is analyzed. Its consideration from the point of view of integrity of the subject is offered. Diagnostics possibility of personal experiences by means of a text projective technique is shown.

Л.В. Боглаева

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДИК В ДИАГНОСТИКЕ И РАЗВИТИИ СУБЪЕКТНОСТИ

В статье анализируется развитие идеи проективности. Предлагается ее рассмотрение с точки зрения целостности субъекта. Возможность диагностики переживаний личности при помощи текстовой проективной методики.

Идея проективности, выраженная во многих проективных методиках, продолжает быть актуальной. Понятие проекции (от лат. projection – выбрасывание) впервые появилось в психоанализе и принадлежит З. Фрейду. Он полагал, что, когда психика не может овладеть эндогенно сексуальным возбуждением, то в этом случае происходит проекция (выброс) этого возбуждения во внешний мир [2, 287].

Классическое представление о проекции в психоанализе прочно связано с защитными механизмами [2, 287].

К.Г.Юнг увидел в свободных ассоциациях проявления психических комплексов бессознательного, и связал идею проецирования именно с бессознательным.

Но в то же время еще З. Фрейд говорил, что проекция не привязана намертво к бессознательному, и может пониматься «как человеческая

особенность, без которой нет собственного видения предметов и явлений окружающей действительности». Л. Беллак заметил, что воспоминания влияют на восприятие актуальных стимулов. В серии экспериментов было доказано, что актуальные потребности (например, чувство голода), также детерминируют восприятие. И даже, когда субъект осведомлен о наличии собственных нежелательных черт, то они все равно продолжают влиять на его выборы, а он находит способы для рационализации, находит им оправдание [2, 288]. Т.о. мы видим, что и душевные комплексы бессознательного, и накопленная сексуальная энергия, и осознанные и неосознанные черты личности, а также потребности и мотивы влияют на восприятие, делают его зависимым от сущности человека. Человек наделяет собственными мотивами потребностями и чувствами предметы, других людей, их поступки.

Можно предположить, что скорее речь идет не об отдельных чертах и структурных составляющих личности, влияющий на ее восприятие, а о некой совокупности, которая может быть выражена в таких понятиях как картина мира, мировоззрение. Но и они в свою очередь, обладая целостностью и законченностью, уже являются результатом, продуктом личностной проекции. В них уже отражены выводы личности, ее опыт взаимодействия с миром.

Например, Бертран Рассел как исследователь обнаруживает зависимость между особенностями жизни, происхождением, здоровьем, исторической эпохой и взглядами философов. И в описании философии Эпикура и Платона и других [1, 131, 282]. И даже когда речь идет не о собственной философии, а о восприятии произведений других авторов мы тоже обнаруживаем подтверждение идеи проективности, связанной с целостной личностью. В высказывании Монтеня мы находим: «Во мне, а не в книгах Платона находится все, что я в них вычитываю».

С.Л. Рубинштейн, описывая круг явлений, изучаемых психологией, обращает наше внимание на то, что «это *наши* восприятия, мысли чувства, *наши* стремления, намерения, желания и т.п. – все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве *переживания* как будто непосредственно нам дано. Действительно, принадлежность индивиду, их испытывающему субъекту – первая характерная особенность всего психического» [6, 10]. Мы можем сказать, что человек как бы присваивает себе бытие, объективный мир, но впоследствии, создавая – отдает его обратно, но уже неизбежно с присвоенными ему собственными чертами.

Опыт взаимодействия с миром это не только биографическая история, опыт вытекает из тех первичных *впечатлений*, полученных в процессе развития личности, *пережитых* ею, осмысленных и занявших свое место в целостной картине и в целостном мироощущении личности, через которое она пропускает все современные для нее впечатления.

Переживание понимается нами вслед за Ф. Василюком, «как особая деятельность, работа по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью, которой является повышение осмысленности жизни», «это процессы, направленные на самую жизнь, на обеспечение психологической возможности ее реализации». «Переживание — это преодоление некоторого «разрыва» жизни, это некая восстановительная работа, как бы перпендикулярная линии реализации жизни». Ф. Василюк считает, что к переживанию человек обращается в сложных критических ситуациях [3, 12], нам же представляется,

что переживание это та работа, которая сопровождает человека в различных ситуациях.

Нам близко также понимание М. Мамардашвили, который говорит скорее о впечатлении и его осмыслении, чем упоминает понятие переживания, но то, что он об этом говорит, делает его мысль схожей с мыслью Ф. Василюка. «Труд жизни», с его точки зрения состоит в том, что нельзя пропускать мгновения, связанные с неясностью впечатлений, нужно сосредотачиваться на них и доводить до результата – осмысления – расширения пространства истины. А применительно к личности, расширению осознанности своего существования. «Пространство истины может быть расширено только трудом» [4, 17].

Впечатление М. Мамардашвили вслед за М.Прустом, описывает как значимое начало получения опыта и изменений личности. Впечатление зависит от наблюдательности. Но уже на уровне ориентировочного рефлекса человек получает массу сигналов, отвергаемых мозгом как незначительных. Другая часть, которая могла бы дорасти до уровня впечатлений, отвергается как не значимая для данной личности, что-то в ней мешает воспринять эту информацию как ценную или данной личности чего-то не достает, чтобы обратить внимание на эту информацию.

Пример из современной жизни. Монетизация льгот 2005 года для многих пенсионеров обернулась продолжительными переживаниями и многочисленными конфликтными ситуациями в транспорте. Мы можем пропустить информацию о монетизации, но участвовавшие конфликты в транспорте не могут остаться незамеченными. Тем не менее, многие студенты не заметили никаких изменений, и этого события как факта внутренней политики государства (90% студентов в аудитории не понимали о чем идет речь, не слышали и не заметили изменений в происходящем). И если для М. Пруста значимость впечатлений выражала его любовь к самым тонким проявлениям жизни и проявлялась в бесконечности описаний, то здесь можно ставить другую проблему – проблему узости интереса к жизни, пропуская впечатления и может быть ограниченности рефлексии.

Сейчас, часто можно услышать модное слово молодежного жаргона – «забей», которое означает «не расстраивайся», «не переживай», и еще одно слово – «не парься» - значение аналогично, но еще можно прибавить – «не работай». Т.о., то волнение, то шевеление мысли и чувств нужно себе запретить и тогда все вокруг будет одинаково хорошо!

Мамардашвили же говорит, причем вслед за другими мыслителями, – работайте, и тогда все будет хорошо [4,18]. Работа, связанная с впечатлениями представляет собой *внутренний акт*, который можно назвать «*обостренным чувством сознания*» [4, 9]. Этот внутренний акт представляется возможным соотнести с работой переживания, где соединяются и чувственные и мыслительные процессы. Это именно то внутреннее действие, в результате которого впечатление прорастает смыслом, превращается в результат, вывод, изменения, проявление нового качества. Можем ли мы говорить вслед за З. Фрейдом, что переживание не является предметом проецирования [2, 288]? В многочисленных жизнеописаниях художников и писателей мы найдем сведения о том, что именно переживания становятся предметом воплощения в их произведениях. И сделанный столяром стул, и написанный писателем текст, и музыкальное произведение, и если пойти дальше, то и прожитый человеком день, и жизненный путь, являясь продуктами деятельности нашей психики, несут на себе не только черты личности, но и ее переживания.

Б. Пастернак, после окончания романа «Доктор Живаго» писал: «Я думаю, несмотря на привычность всего того, что продолжает стоять перед нашими глазами и что мы продолжаем слышать и читать, ничего этого уже нет, это уже прошло, состоялось, огромный, неслыханных сил законченный период закончился и миновал... «Живаго» - это очень важный шаг... Но это сделано, и вместе с периодом, который эта книга выражает больше всего... книга эта и ее автор уходят в прошлое...». Здесь мы видим, что в восприятии Б. Пастернака соотносятся книга и период жизни как целостности и период жизни личной [5, 5].

Сам по себе продукт служит свидетельством движения и изменения человека, но, кроме того, он позволяет внутреннюю работу переживания перевести во внешнее пространство и сделать участником работы нашего сознания. Для М. Пруста, как показывает М. Мамордашвили, таким инструментом распутывания опыта является – текст, благодаря которому «мы начинаем что-то понимать в своей жизни, и она приобретает какой-то контур» [4, 11]. Текст, содержащий все перипетии переживания и осмысления, в конечном варианте может нас удивить тем, что было недоступно нашему внутреннему зору. «...Чтобы распутать что-то, нужно эту ситуацию представить в каком-то особом пространстве, в пространстве текста и тогда ситуация меняется».

И первичные впечатления находят отражение в тексте, но даже и они являются выбором данного человека.

С. Эйзенштейн, описывая проблемы творчества, обращается к воспоминаниям П. Пикассо: «Картина не задумана и не определена заранее; пока ее делаешь, она видоизменяется совершенно так же как меняются мысли. И когда картина окончена, она продолжает видоизменяться в соответствии с состоянием мыслей любого из тех, кто на нее смотрит».

Текст как проективное выражение бессознательных влечений, как символический мир психической жизни личности рассматривался еще З. Фрейдом. К.Г. Юнг видел в тексте выражение коллективного бессознательного, и включал в свои исследования понятие авторского бессознательного. Эти концепции, являясь активно востребованными современными литературоведами, утрачивают психологическую сущность этих открытий. Так автор исследуется с помощью концепции К. Юнга, но... не как живой человек?! Но это тема для отдельного исследования.

Мы предлагаем говорить о тексте как о культуре переживания, этапе прохождения жизненного пути.

В проективной практике чаще используются рисуночные тесты, из вербальных - лишь проективные вопросы и неоконченные предложения. Мы предлагаем обратить внимание на текст, создаваемый человеком, как на продукт его деятельности, содержащий не только традиционно диагностируемые черты личности, но и актуальные переживания, устойчивые мотивы и те, которые только предполагают формирование будущих векторов выбора.

Идея предлагаемой проективной текстовой методики возникла, если можно так выразиться, в результате стихийного эксперимента. Отправной точкой послужил повторный просмотр фильма М. Швейцера «Маленькие трагедии». Итак, снова А.С. Пушкин! Всем знакома фигура бедного импровизатора, который, лишь услышав тему, может тут же ее воплотить в художественное

произведение. Но дело даже не в нем, а в идее тематического рассуждения. Предварительная идея названия методики: тематическая импровизация.

В данном исследовании участвовало 5 человек, не имеющих отношения к психологии, одним из участников была задана лишь фраза, которая, нужно сказать, сама по себе обладает законченностью мысли, и была навеяна аниме «Волчий дождь» Набумото Кэйко и, т.о., обладает чертами проективности: «Закрыв глаза, ты увидишь свой рай». В результате было создано 5 текстов. В основной массе это поэтические тексты, содержащие рифмы, верлибр и подобие соединения хокку и верлибра. Качество поэзии, тоже различно.

В качестве примера приведем три текста (орфография и пространственное оформление автора):

1. Розовые пальмы,
Шумный прибой,
Все это рядом-
Только подумай.

2. Мы не видим дорогу
Свой путь выбираем,
Закрывая глаза и
шагая за круг,
обрекая себя на принятие рая, лишь
вслепую и вдруг.

3. Закрыв глаза я вижу мир
И он богат и интересен
Он - рай
Но рай сей тесен...
Закрыв глаза
Лица не увидеть
И остается только
Увядать...
Тот ад, который видим мы вокруг
Таит в себе
Единственное...
«вдруг»...

После обсуждения и прочтения, один из участников, часто вынужденный проходить психологическое обследование, в силу своей профессиональной деятельности, сказал: «Вот это настоящая психология!»

Тема в качестве стимула пробуждает в нас те переживания, которые ей соответствуют, интенсивность эмоций, и активность в исполнении могут свидетельствовать о степени заинтересованности. В данном случае мы видим, что творчество не противоречит рефлексии, а как бы предшествует ей, они взаимодополняют друг друга в процессе жизнетворчества.

Библиографический список

1. Бертран, Р. История западной философии / Р. Бертран. – Ростов н/Д: «Феникс», 1998. – 992 с.
2. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика / Л.Ф. Бурлачук. – СПб: Питер, 2002. – 352 с.
3. Василюк, Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Московский университет, 1984. – 200 с.
4. Мамардашвили, М.К. Психологическая типология пути / М.К. Мамардашвили. – СПб, 1997. – 572 с.

5. Пастернак, Е.И. Дышат почва и судьба / Е.И. Пастернак // Пастернак Б. Доктор Живаго. – М.: 2006. – 624 с.
6. Пруст, М. В поисках утраченного времени / М. Пруст. - СПб.: Кристалл, 2000. – 1136 с.
7. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2006. – 713 с.
8. Юнг, К.Г. Психология и художественное творчество / К.Г. Юнг // В кн. Самосознание европейской культуры XX века. – М.: 1991. – 366 с.
9. Эйзенштейн, С. Письма о цвете / С. Эйзенштейн // Собрание сочинений в 3-х т. – М.: Искусство, 1964.

УДК 159.922.8+316.3/4

N.M. Belousova

*Seaside institute of professional skill improvement and retraining of pedagogical cadres,
Vladivostok*

STRUCTURE OF SOCIO-CULTURAL SELF-IDENTITY AND SOME FEATURES OF THE SENIOR SCHOOLBOYS' SOCIALIZATION OF PRIMORSKI KRAI: REGIONAL ASPECT

Features of socio-cultural self-identity structure and factors of socialization of the senior pupils of comprehensive school in the conditions of Primorski Territory are considered. The results of the empirical research of self-identity carried out with the help of Kun and T. Makpartlend's technique «Who am I? « are presented.

H.M. Белоусова

Приморский институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, г. Владивосток

СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИМОРЬЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматриваются особенности структуры социокультурной самоидентичности и факторы социализации учащихся старших классов общеобразовательной школы в условиях Приморского края. Представлены результаты эмпирического исследования самоидентичности, проведенного с использованием методики М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?»

Несмотря на весьма широкую представленность в научной и философской литературе проблематики самоидентификации, тема формирования социокультурной самоидентичности остается недостаточно разработанной и актуальной. Особый интерес представляет теоретический анализ механизмов формирования культурной самоидентичности и идентификационных предпочтений молодых людей. Именно молодые люди обладают значительным инновационным потенциалом и обладают лабильностью и реактивностью самоидентичности, позволяющими легче адаптироваться в условиях социальных перемен. Таким образом, в настоящее время особый интерес вызывает самоидентичность молодых людей в условиях поликультурности, и, несомненно, формирование социокультурной самоидентичности молодежи в нашем регионе имеет свою специфику.

В качестве методов сбора социологического материала были использованы: социологический опрос старших школьников методом анкетирования для получения первичной информации о степени сформированности

самоидентификации; вторичный анализ социологических данных. При анализе полученных результатов социологического опроса применялись методы группировки, эмпирической типологизации, ранжирования, классификации и сравнения.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы социологических исследований, проведенных автором в 2008-2009 гг в средних школах края (как сельских, так и городских). Всего было опрошено около двух тысяч школьников старшего школьного возраста (9-11 классы), преимущественно девушки (случайное преобладание в выборке).

Возрастной состав респондентов 14 лет - 1%, 15 лет - 29%, 16 лет - 43%, 17 лет - 23%, 18 лет - 5% ; гендерный состав респондентов - девушки - 75% опрошенных, юноши - 25%. Этнический состав респондентов разнороден, 93% опрошенных - русские, по 3% от общего числа составляют армяне и корейцы, 1% - другие этнические группы - белорусы, украинцы, таджики.

Поскольку формирование самоидентичности молодых людей происходит в условиях поликультурности, большинство респондентов (84%) обнаруживают высокую степень этнической толерантности, причем, по нашим наблюдениям, степень этнической толерантности возрастает при продвижении с севера на юг края.

Принадлежность к православной конфессии отмечают 72 % респондентов. Относительно развитую общекультурную компетентность можно отметить для 87% школьников старших классов края (рис.1).

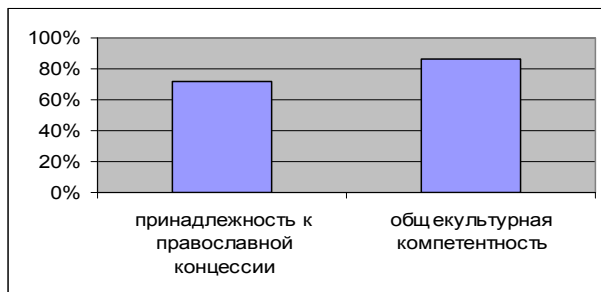

Рисунок 1 - Общекультурная компетентность старших школьников Приморского края и принадлежность к православной конфессии

Согласно полученным результатам нами были выделены следующие направления социокультурной самоидентификации школьников:

1. Социальная самоидентификация - позволяет судить о самом себе как носителе определенных социальных ролей:

- Я гражданин;
- Я человек;
- Я личность;
- Я житель города Владивостока;
- Я - школьник

Социальная самоидентификация предполагает соотнесение себя с определенными социальными группами, или определяется по оказывающему этим группам влиянию на личность.

Достаточно большой процент респондентов 45 и 46 % соответственно идентифицируют себя с позицией «человек» и «личность». Равные проценты ответов показывают, что в основном молодые люди понимают данные позиции

как синонимичные. Позицию «гражданин РФ» определяют для себя 25 % опрошенных.

2. Межличностная самоидентификация - предполагает взаимоотношения, прежде всего, с теми, с кем учится респондент:

- Я друг и умею дружить;
- Я сам по себе;

Рольевые отношения с другими людьми школьники идентифицируют, прежде всего, как семейные и связанные с обучением, а предпочтений, связанных с молодежными социальными группировками по результатам данного опроса не было выявлено.

3. Профессиональная самоидентификация у старших школьников только начинает формироваться: только небольшая часть молодых людей (2%) указали свои профориентационные предпочтения.

В качестве иллюстрации рассмотрим результаты методики Т. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?» на примере учащейся и учащегося одной из школ Приморья.

В методике «Кто Я?» юноша и девушка охарактеризовали себя следующим образом: Кто Я? –

Юноша	Девушка
1) человек	1) личность,
2) личность,	2) гражданин,
3) друг,	3) дочь,
4) сын,	4) внучка,
5) гражданин,	5) красавица
6) брат,	6) соседка,
7) спортсмен,	7) подруга,
	8) девушка
	9) хорошая хозяйка

Выявляется следующая структура идентичности:

- признаки общечеловеческой идентичности (человек, личность) и гендерной;

- характеристики способностей и увлечений (спортсмен, хорошая хозяйка);

- характеристики социально-ролевой идентичности, отражающие принадлежность к официальным группам (ученик, одноклассник, сын, внук, брат, племянник, дочь, внучка);

- наконец, признаки личностной идентичности (красавица).

Поскольку автор работает в системе повышения квалификации педагогических кадров, для выявления ведущих факторов социализации старших школьников было проведено анкетирование педагогов края. Анализ анкет позволил сделать следующие выводы:

По мнению педагогов, факторами социализации подростков преимущественно являются: взаимоотношения со сверстниками (считают 38 % респондентов) и определяются семейными взаимоотношениями (по мнению 62% респондентов).

Прерогативу в социализации подростков педагоги отдают на 50% - школе, 20% - семье, 30% - учреждениям дополнительного образовательного пространства.

Приобретение моральных ценностей, по мнению большинства педагогов, происходит в первую очередь - в семье (так считают 75% респондентов), под воздействием социального окружения и средств массовой информации (20%), в школе (5%).

Большинство педагогов (60%), уверены, что обучение ребенка нормам поведения происходит благодаря организованной воспитательной работе в

учебных учреждениях, 40% считает, что закладывание социальных стереотипов осуществляется в семье.

Приобщение к культурным традициям и включение в культурную деятельность, по мнению педагогов, происходит в семье (30% опрошенных), в учреждениях культуры (30%) и школе (40%).

Формирование культурных норм поведения происходит, по мнению педагогов: на 75% - в семье; 25% - благодаря организации воспитательной работе в учебных учреждениях, в 5% - в учреждениях культуры.

Выработка системы ценностей у подростка (социальных, моральных и эстетических) происходит (по результатам опроса) благодаря:

- включению в активную деятельность при организации целенаправленной воспитательной работы – 50%
- влиянию социальной среды – 30%
- при знакомстве с определенными образцами (художественными произведениями, и т.п.) – 20%

Анализируя ценностно-смысловую сферу личности старших школьников Приморского края (по результатам обработки анкет), можно отметить, что для большинства школьников (92%) характерен высокий и средний уровень социальной зрелости, и только у 8% респондентов уровень социальной зрелости низкий. Однако, около половины респондентов (48%) на первый план выдвигают личностно-значимые ценности, другая часть школьников - 52% - социально-значимые ценности.

Интересно, что большинство школьников (99%) готовы к дальнейшему получению образования, причем две трети из них расценивают это как вынужденную необходимость, только треть считает, что высокий уровень образования гарантирует успешность в социуме, и только 1% опрошенных школьников не готовы продолжать учебу после окончания школы и не считают образование необходимым и обязательным условием успешной социализации.

Результаты анкетирования показали, что у всех молодых людей данной возрастной группы гендерная идентичность сформирована, причем у сельских школьников она формируется в более раннем возрасте, чем у городских.

УДК 159.95

T.A. Guseva

Biysk pedagogical state university of V.M. Shukshin, Biysk

STYLE OF COGNITIVE ACTIVITY OF THE SUBJECT: IN SEARCH OF HARMONY

In the article the substantiation of a problem of research of cognitive activity style is presented; functions and harmonious model of development of style are considered; results of theoretical-empirical research of style are resulted.

T.A. Guseva

Бийский педагогический государственный университет им.В.М. Шукшина, г. Бийск

СТИЛЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА: В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

В статье представлено обоснование проблемы исследования стиля познавательной активности; рассматриваются функции и гармоническая модель развития стиля; приводятся результаты теоретико-эмпирического исследования стиля.

Слово «стиль» прочно вошло в нашу жизнь, являясь нестареющим понятием, не выходящим из моды и обихода. Стиль – это

многофункциональная и полинаучная категория, которой пользуются специалисты разных профилей, выделяя стиль в искусстве (живописи, музыке, архитектуре, поэзии и др.), лингвистический стиль, стиль в одежде и образе человека, стиль в управлении и руководстве, и, наконец, стиль жизни. Это ли не подтверждение бешеной популярности и «всеохватности» понятия стиля?! Такое широкое использование данного понятия во многом обусловливается желанием человека объяснить необъяснимое, охватив разные признаки, синтезируя различные модальности, приводя их к единому знаменателю, и, как ни странно, в итоге подменяя нечто глобальной характеристикой, к которой относится стиль. У стиля, кроме того, большая прогностическая перспектива. Стремясь к определению стиля, к описанию его основных характеристик, диагносты пытаются прогнозировать следствие, например, поведение человека в определенной ситуации. В этом случае стиль выступает своеобразным началом, источником чего-либо, определяющим динамику и развитие.

Психологии не чуждо стремление к интеграции и прогнозу, в связи с чем большинство исследователей признают особую популярность термина «стиль», связанную с повышенным интересом к индивидуальным особенностям личности. Так, М.А. Холодная говорит о «чарующем влиянии» и «романтическом смысле» слова «стиль», отмечая его полисемантический эффект и расценивая как особый знак индивидуальности [1; с. 14].

Исследования стилевых проявлений возникли в начале прошлого века в зарубежной психологии и были обусловлены необходимостью изучения индивидуальности и возникшими при этом определенными трудностями, поскольку доминировавший номотетический подход затруднял и ограничивал применение знаний в сфере общих закономерностей психического к указанной проблематике. Динамика зарубежных стилевых исследований разворачивалась от стиля жизни, впервые предложенного А. Адлером, до когнитивного стиля, связанного с характеристиками познания, до стиля учения и обучения.

Отечественные психологические исследования стилевых феноменов также имеют определенную динамику. Более ранние исследования стилей были посвящены индивидуальным стилям деятельности (ИСД), что свидетельствовало о приоритетности направлений деятельностного характера (Е.П. Ильин, 2004; Е.А. Климов, 1969; В.С. Мерлин, 1980; и др.). Затем появились работы по изучению когнитивных стилей как индивидуально-своеобразных способов переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего (В.М. Аллахвердов, 1986; Г.А. Берулава, 1995; Э.А. Голубева, 1995; М.С. Егорова, 1997; В.А. Колга, 1992; М.А. Холодная, 1992; И.П. Шкуратова, 1983; и др.). Основными признаками когнитивных стилей исследователи называли процессуальный характер познавательной деятельности, биполярность, устойчивость во времени, проявление на разных уровнях функционирования и безоценочность суждений по отношению к полюсам стиля. Однако далее в работах М.А. Холодной (2002), напротив, подчеркивается мобильность, полиполярность, посредническая функция между «ментальным миром» субъекта и «миром реальности», характеризующая стилевые свойства как проявления индивидуальных способностей. Это привело автора к постановке проблемы исследования интегративного стиля - персонального познавательного стиля, который может выступать результатом интеграции разных уровней стилевого поведения, включая уровни стиля кодирования информации, стиля переработки

информации, стиля постановки и решения проблемы, стиля познавательного отношения к миру. Такая тенденция к интеграции стилей наблюдается в исследованиях стиля индивидуальности (Г.А. Борулава, 2001; Т.Я. Решетова, 2003), интегрального индивидуального стиля учащихся в образовательном процессе (А.В. Глазков, 2006), выделении «ригидного» и «флексибельного» стиля познания (Г.В. Залевский, 1993).

В результате анализа современных исследований стилевых характеристик отмечаем новый виток развития стилевой проблематики - смещение акцента к изучению стилей активности. Ряд работ, выполненных под руководством Б.А. Вяткина в пермской психологической школе, посвящен изучению стиля ведущей активности, под которым Б.А. Вяткин понимает по аналогии со стилем деятельности многоуровневое и многокомпонентное образование, обусловленное определенным симптомокомплексом разноуровневых свойств интегральной индивидуальности, спецификой которого является наличие кроме адаптивного аспекта (ориентации на достижение успеха в определенном виде деятельности), неадаптивного – ориентации на развитие, видоизменение как деятельности, так и ее субъекта (Б.А. Вяткин, 2000). В рамках этого подхода изучаются учебная активность младшего школьника, коммуникативная активность подростка, социальная активность старшеклассников.

В работах исследователей указанной психологической школы не найдено описание стилевой характеристика познавательной активности. Познавательная активность, как было указано выше, не вписывается в концепцию ведущей активности, не подчиняется требованиям соответствия ведущему виду деятельности на определенном этапе онтогенеза. Поскольку познавательная активность является одновременно условием и результатом развития личности, пронизывая все виды деятельности от непосредственно-эмоционального общения младенца до профессиональной деятельности зрелого человека, это дает основание рассматривать стиль познавательной активности как особый стилевой конструкт, детерминирующий развитие личности в онтогенезе и обеспечивающий ее индивидуальное своеобразие.

Стиль познавательной активности (СПА) характеризует индивидуальную специфику проявления и реализации активности личности в познании, что репрезентируется количественными показателями и качественными характеристиками стремления субъекта к объекту познания, к реализации конкретных актов познавательного поведения. Структуру СПА составляют разноуровневые свойства, представляющие психофизиологический уровень стиля, уровень индивидуальных психических свойств, уровень социально-психологических свойств. Специфические связи между составляющими компонентами образуют индивидуальный симптомокомплекс, обеспечивающий уникальную стилевую выраженность познавательной активности, что является характеристикой системообразующей функции стиля. Кроме этого, стилю соответствуют функции, определенные нами в модели познавательной активности:

1) адаптивная и компенсаторная (адаптация субъекта познания к условиям и требованиям познавательной деятельности и приспособление к ним за счет компенсации отдельных негативных проявлений ПА преимуществами);

2) оптимизирующая и гармонизирующая (достижение максимально возможных для индивидуальности результатов (оптимума) и достижение внешней и внутренней гармонии (когнитивный консонанс));

3) системообразующая и развивающая (наличие системы разноуровневых связей и развитие интегральной индивидуальности в целом).

СПА по составу и структуре определяется особенностями развития и взаимодействия компонентов познавательной активности, которые представлены блоками и характеризующими их параметрами. Вектор исследования стилей познавательной активности является сквозным, пронизывающим все блоки познавательной активности (мотивационно-потребностный, регуляторный, когнитивно-динамический, продуктивный, рефлексивный), включая разные уровни интегральной индивидуальности. Доминирующая позиция определенного блока в структуре познавательной активности позволяет говорить об индивидуальном стиле, который предлагаем обозначать в соответствии с психологической структурой познавательной активности как стиль потенциальной активности, регуляторный стиль, динамический, продуктивный и метакогнитивный стили. Стилевой симптомокомплекс составляют особенности выраженности признаков, входящих в указанные блоки. В результате теоретико-эмпирического анализа нами были выделены основания описания стилей, представлена их психологическая характеристика

Отметим также, что специфику стиля могут определять как гармоничные, так и агармоничные признаки познавательной активности. Так, субъект познавательной активности с выраженными гармоничными признаками всех блоков может демонстрировать интегративный гармоничный стиль, а субъект с выраженной дисгармонией познавательной активности характеризуется стилем избегания активности.

Гармоничный стиль характеризует высокий уровень стилового развития и является самым эффективным стилем познавательной активности, развертывающейся от мотивационного потенциала до рефлексивной оценки. Этот стиль имеет высокую адаптивную сущность, обеспечивая высокую результативность в познавательной и личностно-значимой сферах. Стиль избегания активности (агармоничный) свидетельствует о низком уровне стилового развития и характеризуется мотивацией избегания неудач, слабо выраженным стремлением к саморазвитию, низкой самооценкой, несформированностью когнитивных и метакогнитивных представлений о возможностях проявления и реализации активности в познании. Субъекты агармоничного типа, как правило, тревожны и неуверенны в себе, с низким уровнем познавательной потребности, имеют слабо развитые навыки получения и обработки информации.

Концептуальные положения, содержательно характеризующие стиль познавательной активности, были подтверждены в результате серии исследований СПА на репрезентативной выборке студентов с учетом разных специальностей, разного возраста и пола.

Сравнительный анализ СПА проводился с помощью критерия Манна-Уитни и показал следующее. Студенты разного профиля не отличаются по сформированности СПА, однако в случае гармоничности стиля отмечена особенность в пользу гуманитариев, что характеризует респондентов данного профиля как лиц с более ярко выраженными гармоничными признаками познавательной активности как системного свойства.

В отношении возрастных особенностей СПА можно отметить отличие лишь по признаку агармоничности познавательной активности. Это доказывает временную устойчивость стиля с возрастной тенденцией потери

гармоничности. Гендерные отличия СПА гораздо многообразнее: отмечены особенности в проявлении общего уровня познавательной активности и стиля потенциальной активности, регуляторного и динамического стилей и агармоничности; у мужчин ярче выражены регуляторный и динамический стили, а также общий уровень познавательной активности; у женщин выше показатели стиля потенциальной активности и агармоничности.

Развитие познавательной активности личности в рамках предложенной концепции становится возможным с точки зрения выделенных функций СПА, как минимум, в двух направлениях. С одной стороны, в соответствии с адаптивной и компенсаторной функциями, с другой стороны, в соответствии с функциями оптимизации и гармонизации. Таким образом, определились две модели развития: адаптивно-компенсаторная и гармонично-развивающая.

Остановимся на гармонично-развивающей модели, при которой возможно достижение максимальных для индивидуальности результатов (оптимума) и достижение внешней и внутренней гармонии (когнитивный консонанс) за счет работы над недостатками стиля, развития слабых компонентов познавательной активности. В основе данной модели лежит целостный подход, предполагающий целевое воздействие на один ведущий компонент в структуре феномена, посредством которого достигается компенсирующее развитие слабовыраженного. Эта модель использовалась нами с целью развития базовых личностных свойств, входящих в состав познавательной активности, и показала эффективный результат (Т.А. Гусева, 2007).

Библиографический список

1. Холодная, М.А. Когнитивные стили: О природе интеллектуального ума: Учебное пособие / М.А. Холодная. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
2. Когнитивные стили. Тезисы научно-практ. семинара [25-27 мая 1986] / Под ред. В.А. Колга. – Таллинн: ТПИ, 1986. – 250 с.
3. Вяткин, Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека / Б.А. Вяткин. – Пермь, 2000. – 179 с.
4. Гусева, Т.А. Оптимизация познавательной активности: методическое пособие / Т.А. Гусева. – Бийск: ГОУ ВПО БПГУ, 2007. – 140 с.\

УДК 159.9+316.3/4

N.V. Dzigilevich

Omsk state university of F.M. Dostoevskiy, Omsk

MANIPULATIVE ORIENTATION AS AN ADAPTATION RESOURCE IN THE MODERN SOCIETY AND THE PROBLEM OF ITS DIAGNOSTICS

On the basis of the empirical research in the article social representations about personal features of participants of manipulative interactions are considered, types of manipulation orientation are shown.

Н.В. Дзигилевич

Омский государственный университет им.Ф.М.Достоевского, г. Омск

МАНИПУЛЯТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДИАГНОСТИКИ

Умение манипулировать окружающими в межличностных и деловых отношениях воспринимается в обществе достаточно противоречиво. Это противоречие проявляется, с одной стороны, в отрицании манипулятивных установок, а, с другой стороны, в использовании разного рода манипулятивных схем в поведении. В связи с этим в статье затрагивается проблема диагностики манипулятивной направленности личности на основе выделения эмоциональных и поведенческих паттернов и их соотношений, характерных для разных типов манипуляций.

Современное общество, с его ориентацией на успех и, как следствие, разобщенностью и эгоистичностью его членов, предъявляет высокие стандарты к личности. Соответствие этим, часто противоречивым, требованиям порождает стремление добиться поставленной цели любой ценой. Кроме того, сопутствующим фактором адаптации в обществе является желание преодолеть разобщенность. В этой ситуации манипуляция окружающими представляется как средство достижения успеха, с одной стороны, и как способ построения близких отношений, с другой стороны. Следует заметить, что проблема «качества» и успеха, и близких отношений, полученных с помощью манипуляции, не является предметом нашего исследования, хотя и затрагивается косвенно.

Манипуляция как вид психологического влияния является достаточно сложным феноменом, в содержание которого включены внутриличностный и межличностный аспекты. Первый проявляется в виде манипулятивной направленности личности (манипулятивности), а второй, в способах организации взаимодействия с окружающими.

Несмотря на то, что данному понятию уделяется значительное внимание в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов, его рассмотрение в психологической литературе явно недостаточно. Большинство исследований данного феномена направлено на изучение отдельных приемов, способов, эффектов манипулятивных воздействий (Э. Берн, Э. Экман, П. Шостром, Г.В. Грачев, И.К. Мельник) [2, 3]. «В общем виде манипулирование другими людьми можно рассматривать как использование другого человека в своих целях для получения собственной выгоды... Психологический смысл манипуляций состоит в том, чтобы контролировать поведение людей, управлять ими, получать над ними власть или преимущества за счет ограничения их свободы, создания такой ситуации, в которой объект манипулирования вынужден вести себя выгодным для манипулирующего образом, не имея выбора или не осознавая его» [7, с. 88-89].

Манипулятивность как личностное качество представлено в работах большинства современных психологов скорее негативно (Л.И. Рюмина, В.А. Лабунская). В поведенческом же компоненте умение манипулировать оценивается не столь однозначно (В.В. Знаков, Н.И. Козлов, В.П. Шейнов) [4, 5, 9]. Кроме того, противоречия в понимании и оценке манипуляции как средства психологического влияния проявляются и в ходе анализа ряда теоретических источников и практико-ориентированных программ, направленных на формирование деловой и межличностной компетентности.

При этом диагностика манипулятивности сталкивается с рядом проблем, в том числе, она обусловлена неопределенностью и односторонностью представлений о манипуляции, недостатком методического инструментария, социальной желательностью ответов в связи с явным нежеланием большинства респондентов признавать себя ее участником.

Следует заметить, что манипулятивность может быть определена как направленность личности на осуществление «такого вида психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [3, с. 60]. При этом под манипулятивностью понимается, скорее, установки, убеждения, направляющие человека на выстраивание манипулятивной коммуникации. Вместе с тем, описания личностных предпосылок манипулятивного поведения в виде конкретных поведенческих паттернов не обеспечивают целостного понимания роли манипуляции в структуре личностных особенностей и механизмов, способствующих и препятствующих формированию манипулятивности.

По нашему мнению, одной из детерминант, формирующих отношение к психологической манипуляции, выступают социальные представления, поскольку они являются «способом интерпретации и осмысления повседневной реальности, определенной формой социального познания, предполагающей когнитивную активность индивидов и групп» [1, с. 360]. Закрепленные в социальных представлениях стереотипы, установки, ценности могут детерминировать манипулятивность путем формирования положительного либо отрицательного отношения к ее проявлениям.

В связи с этим мы провели эмпирическое исследование, основной целью которого являлось изучение социальных представлений о личностных особенностях участников манипулятивного взаимодействия и выделение на их основе факторов манипулятивной направленности.

Выборка на первом этапе составила 200 респондентов, в возрасте от 17 до 60 лет (77 респондентов мужского пола и 123 респондента женского пола). На втором этапе было задействовано повторно 128 респондентов из первоначально сформированной выборки (52 респондента мужского пола и 76 респондентов женского пола). Выборка формировалась с учетом поло-возрастной специфики. При подборе респондентов в выборку мы использовали возрастную периодизацию И.Ю. Кулагиной, согласно которой юность приходится на возрастной период от 17 до 20-22 года, молодость – от 23 до 30 лет, зрелость – от 31 до 60-70 лет [6].

Диагностический комплекс составили следующие методики: В.В. Знаков «Опросник на выявление уровня макиавеллизма», «Незаконченные предложения», «Метод исследования представлений» Х. Азумы и К. Кашиваги (адаптация Н.Л. Смирновой).

Первоначально мы выделили и описали дескрипторы, отражающие базовые личностные особенности участников манипуляции. Далее производилась оценка выделенных личностных особенностей, описывающих манипулятора и «мишени» манипуляции в виде прототипов субъекта и объекта манипулятивного взаимодействия.

На основе контент-анализа ответов респондентов на первом этапе заполнения методики были сформулированы характеристики, описывающие манипулятивную личность. В описании манипулятора респондентами мы выделили ряд эмоциональных, поведенческих и ценностных позиций, которые могут быть объединены в следующие группы:

- Позитивные личностные особенности: фиксируют внимание на лидерской позиции манипулятора. Характерными являются такие высказывания как «руководитель, для этого и предназначен», «умеет управлять», «сильный, лидер» и т.п.

- Позитивные поведенческие проявления: указывают на компетентность в межличностной коммуникации. Характерны такие высказывания как «уверенный», «знает, как себя вести» и т.п.

- Негативные личностные особенности: описывают в основном, осуждаемое социумом отношение. Характерны такие высказывания как «завидует другим», «обманывает», «ему нельзя доверять» и т.п.

- Негативные поведенческие проявления: указывают в наибольшей степени на агрессивность в поведении. Характерны такие высказывания как «заставляет что-либо делать», «давит» и т.п.

- Ценностные ориентации: подавляющее большинство респондентов указывает на приоритет материальных ценностей, ориентацию на получение выгоды, финансовое благополучие.

Мы также выделили ряд личностных черт, представленных в психологической литературе. Эти личностные черты описывают, во-первых, конституирующие признаки манипуляции, и, во-вторых, получены в результате эмпирических исследований. Теоретической базой послужили работы следующих авторов: Е.Л. Доценко, В.В. Знаков, Л.И. Рюмина [3, 5, 7].

В описании манипулятивной личности дается характеристика четырех сфер: когнитивная (указывает на способность к анализу, интеллектуальные ресурсы), эмоциональная (подчеркивается эмоциональная холодность, отчужденность), поведенческая (указывает на умение контролировать поведение, наличие коммуникативных умений), (мотивационная: подчеркивается эгоистичная ориентация, приоритет личных интересов).

Дальнейшая обработка данных представляла собой анализ мер центральной тенденции оценок респондентов (среднее значение и мода). На их основании мы выявили, что в описании манипулятора доминируют определения, характеризующие его как лидера, эффективного, компетентного, ориентированного на собственные интересы человека. Явно негативных характеристик, таких как равнодушие, лживость, завистливость и т.п. в описании практически нет.

В описании объекта манипуляции задействуется значительная часть личностных особенностей, описывающих его как слабого, некомпетентного в деловых и межличностных отношениях человека. При этом часть позитивных характеристик, таких как опора на духовные ценности, компетентность в общении, практически исключаются из описания.

На основе факторизации личностных особенностей манипулятора (метод главных компонент, вращение Varimax) нами была получена структура, включающая 6 факторов. В факторном анализе задействовано 55 % данных. Выделены следующие факторы, описывающие манипулятора: «эгоистичность», «лидерская позиция», «результативность», «компетентность», «контроль эмоций», «контроль поведения». Т.е. в описании прототипа манипулятивной личности заложены эгоистичность, стремление к лидерству и самоконтроль.

На основе факторизации личностных особенностей объекта манипуляции нами также была получена структура, включающая 6 факторов, определяющих «мишени» манипулятивных воздействий. В факторном анализе задействовано 68 % данных. Выделены следующие факторы, описывающие «мишени» манипуляций: «ведомый», «совестливый», «глупый», «неконфликтный», «доверчивый», «нетерпеливый». Т.е. в качестве «мишеней» манипуляции представлены ценностные ориентации, а также недостаточная информированность и слабый контроль эмоций и поведения.

Полученные факторы можно объединить в 4 основных сферы («мишени») воздействия: социальную (фактор 1), ценностную (фактор 2), когнитивную (фактор 3) и аффективную (факторы 4, 5, 6).

Соотнесение факторов, характеризующих участников манипуляции показывает, что в их психологических прототипах проявляются противоположные тенденции:

1. Приоритетность успеха (лидерство) – приоритетность норм и ценностей (нравственность).

2. Ориентация на себя (эгоистическая) – ориентация на других (социальность).

3. Информационный контроль (информированность) – информационный дефицит (неосведомленность)

4. Контроль эмоций и поведения (самоконтроль) – проявление переживаний (эмоциональность)

Т.е., исследование социальных представлений о личностных особенностях участников манипуляции показывает, что с умением манипулировать окружающими связывается лидерская позиция и успешность, а неумение манипулировать связывается с нравственностью, приоритетностью отношений и эмоциональностью.

Имеется и ряд гендерных различий в социальных представлениях о манипуляторе, выявленных нами на основе однофакторного дисперсионного анализа ANOVA.

У респондентов мужского пола уровень манипулятивности оказал влияние на выбор следующих дескрипторов: уравновешенный ($F=3,7$ при $p \leq 0,05$), сдержанный ($F=3,1$ при $p \leq 0,05$), лидер ($F=5$ при $p \leq 0,01$), хороший психолог (хорошо разбирается в людях) ($F=5$ при $p \leq 0,01$), сильный самоконтроль ($F=4,6$ при $p \leq 0,05$). Т.е. чем больше манипулятивность у мужчин, тем чаще они описывают манипулятора как лидера, хорошо разбирающегося в людях, достаточно уравновешенного и сдержанного человека, но признают возможность проявления неуравновешенности и несдержанности.

У респондентов женского пола уровень манипулятивности оказал влияние на выбор следующих дескрипторов: окружен близкими ($F=3,3$ при $p \leq 0,05$), приятный, умеет нравиться ($F=7,8$ при $p \leq 0,001$), компетентный в общении ($F=3,5$ при $p \leq 0,05$). Т.е. женщины с высоким уровнем манипулятивности описывают манипулятора как человека, окруженного близкими людьми, компетентного в общении, приятного (умеющего нравиться).

Так различия в зависимости от пола выявляются в виде предпочтения различных характеристик в описании манипулятивной личности и характеризуют разные сферы взаимодействия. В описании манипулятора мужчинами и женщинами имеется одна точка соприкосновения: и те и другие оценивают его как человека, ориентированного на материальное благополучие.

Изучение социальных представлений показало, что манипуляция воспринимается как ресурс адаптации в современном обществе, поскольку тесно связывается с такими качествами как лидерство, целенаправленность, самоконтроль, коммуникативная компетентность. Манипулятивность признается фактором успеха, а вот выбор сферы приложения данного ресурса личностно детерминирован. Так мы выявили различия в представлениях о манипуляции, ее целях и способах, что подтвердило необходимость типологизации манипулятивности в ходе ее диагностики.

Также изучение представлений о личности манипулятора в обществе подтвердило результаты проведенного ранее исследования личностных особенностей лиц, склонных к манипуляции окружающими, и показало, что на манипулятивность оказывают влияние два фактора: самоконтроль и эгоистичность. На основе соотношения этих факторов выделяется четыре типа манипулятивной направленности, которые мы обозначили следующим образом: интеллектуализирующий, демонстративно-компетентный, агрессивно-доминантный и трансферно-пассивный [8].

В связи с этим мы полагаем, что при создании методики для диагностики манипулятивной направленности следует ориентироваться, помимо общего уровня сформированности манипулятивных установок, на анализ соотношения этих двух основных параметров. Так для интеллектуализирующего и демонстративно-компетентного типов характерен контроль эмоций и поведения, а агрессивно-доминантный и трансферно-пассивный типы, напротив, будут отличаться повышенной эмоциональностью и неконтролируемыми поведенческими проявлениями. С другой стороны, интеллектуализирующий и агрессивно-доминантный типы эгоистичны, ориентируются на достижение материального благополучия, а демонстративно-компетентный и трансферно-пассивный типы демонстрируют альтруизм, приоритет духовных ценностей. Эти закономерности следует учитывать при диагностике манипулятивной направленности, поскольку выбор ряда когнитивных, эмоциональных и поведенческих схем будет определяться указанными аспектами.

В заключение следует заметить, что манипулирование окружающими является одним из наиболее распространенных и часто неосознаваемых способов организации межличностного и делового взаимодействия. Т.е. изучение манипулятивных проявлений и особенностей их формирования, закрепления и влияния на личность, диагностика типов манипулятивной направленности, представляет интерес как для сферы делового взаимодействия, так и для психотерапевтической практики, поскольку высокий уровень манипулятивности может представлять серьезное препятствие для построения конструктивных взаимоотношений.

Библиографический список

1. Абульханова, К.А. Личностные особенности и детерминанты социальных представлений / К.А. Абульханова. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – 469 с.
2. Грачев, Г.В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: Институт философии РАН, 1999. – 229 с.
3. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции. Механизмы манипулятивного воздействия / Е.Л. Доценко. – М.: Че-Ро, 1997. – 215 с.
4. Знаков, В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2000. – № 5. – С. 16-22.
5. Знаков, В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении / В.В. Знаков // Вопросы психологии – 2002. – № 6. – С. 45-54.
6. Кулагина, И.Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колоцкий. – М.: Сфера, 2003. – 544 с.
7. Рюмшина, Л.И. Влияние манипулятивных установок личности на взаимопонимание / Л.И. Рюмшина // Мир психологии – 2001. – № 3. – С. 88-93.

8. Чернобровкина, С.В. Типология личностей с различной манипулятивной направленностью / С.В. Чернобровкина, Н.В. Дзигилевич // Вестник Омского университета (серия психология). – 2008. – № 2. – С. 19-25.
9. Шейнов, В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) / В.П. Шейнов. – Мн.: Харвест, 2004. – 816 с.

УДК 159.922.8+316.6

Е.А. Ermentaeva

East Kazakhstan state university of S. Amanzholova, Ust-Kamenogorsk

PROBLEM OF DEVELOPMENT OF STUDENTS' SUBJECTIVITY

In the article various approaches to the concept «subject» in modern science are analyzed. Methodological aspect of students' subjectivity in the course of vocational training is considered. The problem of formation and realization of the integrated technology of subject-focused psychological training is defined.

Е.А. Ерментеева

*Восточно-Казахстанский государственный университет
имени С.Аманжолова, г.Усть-Каменогорск*

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье анализируются различные подходы к понятию «субъект» в современной науке. Рассмотрен методологический аспект субъектности студентов в процессе профессионального образования. Определена проблема построения и реализации интегрированной технологии субъектно-ориентированной психологической подготовки.

В последние годы понятие «субъект» становится одной из важнейших категорий в психологии и педагогике.

Исходные философско-психологические положения субъекта обосновали С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, Б.Г. Ананьев. В настоящее время в психологии накоплен многомерный опыт исследования субъекта (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, Ю.М. Забродин, В.А. Петровский, В.И. Слободчиков и др.)

В рамках научной школы, продолжающей идеи С.Л. Рубинштейна, субъект определяется как творец и деятель, преобразующий собою мир, как вершитель своего жизненного пути (К.А. Абульханова, Г.И. Аксенова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, А.А. Бодалев и др.). Субъектом не рождаются, а становятся (А.В. Брушлинский). Методологическое, многомодальное значение категории субъекта стало ориентиром для дифференциации различных психологических понятий. Так, в современной психологии появились понятия «субъект деятельности», «субъект познания», «субъект общения» (Б.Г. Ананьев), «субъект психической деятельности» (К.А. Абульханова), «субъект-субъектные отношения» (Б.Ф. Ломов), «коллективный субъект» (А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев), «полисубъект» (И.В. Вачков) и другие.

Подходы различных школ, направлений и взглядов в русле психологии субъекта объединяет однозначное определение основного, системообразующего свойства субъекта – активность. Активность, изменяющая как окружающую действительность – природный и социальный мир, так и самого человека, его психические характеристики – организуется, направляется внутренними условиями индивида. Следовательно, в процессе взаимодействия

с миром реализуются, проявляются и развиваются все потенциалы, ресурсы и индивидуальные свойства человека.

Разработка проблемы субъекта и принципа субъектно-деятельностного подхода в психологической науке открывает новые возможности и перспективы для более глубокого познания сущности человека, развития и функционирования его психического мира. Субъекта в разной степени характеризует многообразная, различного объема совокупность психических свойств, процессов, состояний. Это система психических явлений стала обозначаться «субъектностью» и в последнее время наблюдается всевозрастающий интерес к ее изучению. С.Д. Дерябо субъектность определяет как системное качество субъекта, фундаментальная характеристика которой конкретизируется следующими свойствами: 1) самоупорядочивания – способности человека приводить свои свойства в соответствие со свойствами окружающего мира; 2) самопричинения – способности человека стать первопричиной всех форм движения в мире; 3) саморазвития – способности человека выходить за пределы наличных форм бытия и собственных границ [3, с. 157].

Сущностная характеристика субъектности позволяет развести понятия «личность» и «субъект». Согласно авторам субъектно-деятельностного подхода субъект всегда является личностью, но не сводим к ней. Так же отмечается, что «... не всякая личность может быть субъектом деятельности» [1, с. 63], «... качества личности как субъекта жизненного пути проявляются в способе разрешения противоречий, возникающих в ее жизненном пути при осуществлении его организации» [2, с. 25]. В.В. Знаков [4] выделяет в субъектности те особенности личности, которые способствуют или препятствуют осознанию человеком совершаемых поступков и ответственности за них как свободного нравственного деяния. Е.В. Улыбина предлагает следующее соотношение данных феноменов: «Личность – качество человека, которое формируется при жизни и социально детерминировано. Субъектность – характеристика личности, отражающая ее активность по отношению к обществу и самой себе. Возможность увидеть, выделить в себе качества, детерминированные принадлежностью к группе, социальной среде, как-то отнестись к этим качествам позволяет занять позицию вне этого влияния, не сливаясь с социальной ролью. Осуществление этого – одна из форм проявления субъектности» [8, с. 150-151].

Для конкретизации понятия «субъектность» требуется пояснение категории «субъективность». Если, субъект – «человек как носитель (инициатор, творец, распорядитель) предметно-практической деятельности и познания», то, «... субъективность обнаруживает себя в способности человека встать в практическое (преобразующее) отношение к собственной жизнедеятельности и находит свое высшее выражение в рефлексии» [7, с. 372].

В настоящее время одной из актуальных проблем в психологии субъекта является вопрос о развитии субъектности. Согласно В.О. Татенко, субъектные качества индивид приобретает в процессе внутриутробного развития. Е.А. Сергиенко считает, что ядро субъекта проявляется в раннем онтогенезе. В.В. Селиванов выделяя стадии, показывает линию обретения человеком все большей субъектности, достижения ее апогея, вершины и постепенного угасания: 1) предсубъектная (от 0 до 1 года); 2) стадия аморфной субъектности (от 1 года до 3-4 лет); 3) стадия парциальной субъектности (от 4 до 6 лет); 4) стадия познавательной субъектности (от 6 до 12 лет); 5) стадия

противоречивой субъектности (от 12 до 17 лет); 6) стадия личностной субъектности (от 17-18 до 25 лет); 7) стадия полноценной субъектности (от 25 до 50 лет); 8) стадия воплощенной субъектности (от 50 до 60 лет); 9) стадия угасающей субъектности (от 60 до 75 лет и старше).

Существует классическая точка зрения, согласно которой субъектные свойства личности позволяют успешно реализовать, осуществлять деятельность. Вслед за В.Т. Кудрявцевым и Г.К. Уразалиевой, в наших исследованиях было показано, что субъект отличается совершенствующими действиями, поступками в процессе деятельности и общения. И мы не раз убеждались, что субъектные свойства определяют не только успешное выполнение, но и совершенствование деятельности и общения.

В связи с этим и опираясь на понимание субъекта, данные психологами разных научных направлений, можно предложить следующее определение субъектности: субъектность – это системное, динамичное качество субъекта, позволяющее на основе сознательных нравственно-духовных убеждений качественно преобразовать окружающий мир и свои психические, личностные свойства, значимые в осуществлении, совершенствовании деятельности и общения.

Казахстанское общество, вступив на путь радикальных социально-экономических перемен, не сможет осуществить своего ускоренного развития, прорыва на передовые позиции социального прогресса, не делая ставку на субъектную характеристику будущих специалистов. В связи с этим, положения психологии субъекта могут быть эффективно использованы и развиты в контексте профессиональной подготовки студентов в вузах республики. Вместе с тем, субъектная парадигма разработана в самом общем виде и нуждается в разъяснении и теоретико-экспериментальном обосновании с учетом различных аспектов – образования, условий социализации, возрастных, физических, психологических, этнических особенностей личности или коллектива. В этом контексте нами предпринята попытка обоснования теоретической и научно-практической концепции системы субъектно-ориентированной психологической подготовки студентов [5]. При исследовании субъектности студентов в процессе профессионального образования, мы выделяем ее составную часть – психологическую подготовку в вузе как необходимое и достаточное условие, как предпосылку целенаправленного развития субъектности. Нам представляется, что вопрос психологического образования студентов может способствовать разработке проблемы критерия субъектности. Психологическая готовность, по нашему убеждению, даст возможность прогнозировать непрерывное развитие субъектности студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе и обеспечить целостность, единство и интегрированность субъектных характеристик. Психологическая готовность является основой развития способности разрешать противоречия. Согласно К.А. Абульхановой, без этой способности личность не становится субъектом или утрачивает данный статус. Феноменальность и значимость психологического знания для молодежи позволяет ему стать подлинным средством адекватной реализации и развития субъектных характеристик студента. Следует особо отметить, что такое возможно лишь в случае «опосредствования внутренними условиями» (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский). Это методологически важное положение, поэтому степень самостоятельности психологизированных действий, поступков, мыслей студента в процессе совершенствования учебно-

профессиональной деятельности, общения представляются самыми показательными критериями развития его субъектности.

Субъектно-ориентированная психологическая подготовка студентов характеризуется поэтапным и динамичным процессом развития субъектности и психологической готовности. Психологическая готовность студентов как многомерное, многоуровневое, сложное личностное новообразование, значимое для совершенствования деятельности, общения и актуализации саморазвития определяется степенью усвоения и применения психологического знания. Субъектность студентов в контексте психологической подготовки определяется отношением к психологическому знанию.

Психологическая готовность определяет направления, уровни и конкретные пути развития субъектности студентов. Субъектность выступает как условие реализации психологической подготовки, как внутренний механизм актуализации и развития психологической готовности студентов.

Проблема развития субъектности и психологической готовности студентов во взаимосвязи определяется как проблема построения и реализации интегрированной технологии субъектно-ориентированной психологической подготовки. Специальным образом организованные курсы психологии, психодиагностика, тренинг развития субъектности, психологическая консультация, внеаудиторные психологические мероприятия являются компонентами технологии субъектно-ориентированной психологической подготовки студентов.

Принимая во внимание концептуальные положения психологии субъекта, выделим основные смысловые акценты взаимообусловленного развития психологической готовности и субъектности студентов.

От того, насколько студент как субъект активно совершенствует учебно-профессиональную деятельность и как полно реализует свои субъектные качества, зависят темпы и качество профессионального образования в вузе. Следовательно, изучение субъектности студентов имеет большое теоретико-практическое значение и всегда актуальна проблема о целенаправленном развитии и саморазвитии субъектности студентов.

Следует отметить, что субъектные качества развиваются у личности не хаотично, не изолировано, а, по нашим данным, в закономерных сочетаниях. Так, при высоком уровне психологической готовности, субъектность отражает ценностное отношение к себе и другим, а нравственная культура определяет, направляет действия, поступки человека, в этом случае не имеет место асубъектное поведение. При низком уровне психологической готовности не реализуется субъект-субъектное взаимодействие, субъектность человека может иметь только индивидуалистический характер; в поведенческом репертуаре индивида преобладает прагматичность; совершенствование совместной деятельности и общения не дают желаемого результата, личность не умеет находиться в ситуации неопределенности. Хотя, М. Карват и В. Милянковский субъектность молодежи определяют как «способность к самореализации в результате собственной активности (сознательной, рациональной и самодетельной)...» [Цит. по: 6, с. 80], без психологической культуры субъектность не может соответствовать ожиданиям социальной среды, более того, может превратиться в разрушающую: активность, инициативность, самоуверенность. В.А. Луков вводит понятие – «социальная субъектность», под которой понимается способность общества, социальной группы, человека выступать в качестве активного начала (деятеля, творца) социальной

реальности. В.А. Луков отмечает, что «эта активность проявляется в воспроизводстве и обновлении общественных отношений, в социальном конструировании и проектировании реальности, включая ее ценностно-нормативную сферу, в различных формах социальной деятельности. Она находит отражение и закрепляется различными факторами социальной идентификации» [6, с. 146-147].

В свете вышесказанного «субъектность», на наш взгляд, может быть определена как категория, характеризующая степень нравственного развития личности (или коллектива) как субъекта саморазвития, деятельности и общения, меру овладения им внешними и внутренними (субъективными) условиями жизнедеятельности, предполагающего переход от его «в себе бытия» к «для себя бытию».

Так же, одним из важнейших аспектов содержания субъекта является его отношение к собственным психическим свойствам, процессам, состояниям. Тем не менее, при низком уровне психологической готовности человек не способен к положительному самоотношению, адекватной самооценке, самопознанию, рефлексивной культуре и обеспечению высокого уровня психологического здоровья. Психологически подготовленный человек полностью принимает самого себя, и при этом признает ценность и уникальность окружающих его людей, умеет разрешать противоречия, преодолевать трудности.

Итак, субъектность характеризует уровень социально-психологического развития студентов. Субъектность студентов определяется динамичностью. Субъектность обеспечивает студентам осознание себя и своей роли как будущих специалистов, личности в обществе, меру овладения условиями и средствами совершенствования деятельности и общения.

Субъектность студентов определяется в совершенствовании учебно-профессиональной деятельности и общения.

Внутренними факторами, определяющими субъектность студентов, выступают компоненты самосознания (самооценка, самопознание, самоотношение, саморегулирование, самоопределение, самореализация, саморазвитие).

В свою очередь, непрерывное, целенаправленное развитие психологической готовности требует высокой субъектной активности студентов. От субъектности студентов зависит успешность психологической подготовки в вузе. Так же, высокий уровень психологической готовности молодежи детерминирует субъектную культуру.

Источником субъектности студентов выступают противоречия, всегда объективно возникающие между возможностями и потребностями молодежи.

Субъектность студентов носит объективный и транзитный характер. В этом смысле субъектность можно понимать как обязательное и непереносимое условие для совершенствования учебно-профессиональной деятельности и общения.

Национально-культурные, социально-экономические условия социализации отражаются на субъектности студентов.

Следует отметить, что субъектная культура с высоким развитием психологической подготовленности – удел немногих студентов. Напомним: системообразующими качествами субъектной культуры являются высокая ответственность, самостоятельность, инициативность, настойчивость в сочетании с этичностью, ценностным отношением к себе и другим. Например, в наших исследованиях мы наблюдали такое сочетание у тех студентов, которые стремятся психологизировать свою деятельность, общение; ценят нравственно-

духовную культуру казахов – с одной стороны, с другой – воспитываются в полиэтнической среде.

Вместе с тем, обнаруживается, что некоторые будущие специалисты, не включенные в целенаправленную психологическую подготовку, успешны как субъекты учебно-профессиональной деятельности, общения. Однако, здесь экспериментальное исследование показывает, что их уровень социальной активности преимущественно низкий. Следовательно, мы полагаем, что у таких студентов субъектная культура может проявляться не в полную меру, и не во всех сферах жизнедеятельности.

Тем не менее, пассивность, низкий уровень силы воли, равнодушие, безответственность, зависимость не наблюдались у психологически компетентных студентов. Если степень психологической готовности высока, то даже при самой неблагоприятной ситуации, возможны мобилизация всех ресурсов субъектности, и на этой основе эффективное совершенствование деятельности и общения. Следовательно, подчеркиваем, что психологическая культура определяет оптимум развития и сочетания субъектных качеств студента.

Обобщая результаты исследования студентов (1480 человек), можно сказать следующее:

- высокий уровень психологической готовности позволяет актуализировать субъектность студентов не только в процессе учебно-профессиональной деятельности, но и во всех сферах жизнедеятельности;

- при низком уровне психологической готовности субъектность некоторой части студентов сочетается с конформным поведением («чтобы не отстать от группы» ...);

- независимо от уровня развития психологической готовности субъектность некоторых студентов проявляется только под воздействием внешних обстоятельств («чтобы обрадовать родителей»...);

- психологическая культура и субъектность определенной части студентов отражает поступки, действия, поведение, идеалы значимого другого;

- при отсутствии или низком уровне психологической готовности, субъектность некоторых студентов характеризуется как избегание неудач в различных сферах жизнедеятельности;

- на проявление и развитие субъектности влияет процесс социализации студентов, уклад их жизнедеятельности, национальная культура, традиции и обычаи социума;

- в зависимости от уровня психологической готовности субъектность определенной группы студентов имеет нравственно-духовную или эго-направленную основу;

- адекватная реализация и развитие субъектности зависит от высокого уровня психологической готовности, «психологизированности» студентов;

- доминирование тех или иных субъектных качеств некоторых студентов в процессе учебно-профессиональной деятельности отличается дифференцированностью по изучаемым дисциплинам, по особенностям взаимодействия и взаимоотношения с преподавателями, сокурсниками, родителями, друзьями и по их личностно-психологическим особенностям;

- саморазвитие субъектности зависит от уровней психологической готовности, половых различий, физического и психологического здоровья студентов;

-целенаправленная субъектно-ориентированная психологическая подготовка студентов обеспечивает совершенствование учебно-профессиональной деятельности, общения и актуализирует саморазвитие.

Итак, эффективность учебно-профессиональной деятельности и общения будущих специалистов связана с развитием у них субъектности. Сопряжение субъектных качеств и психологической готовности студентов предопределяет достижение ими жизненно важных целей. Такая взаимообусловленность дает студенту как субъекту своей жизни возможность к самоактуализации.

Предложенная гипотеза развития субъектности студентов в процессе психологического образования в вузе, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке и аргументации, а возможно, и в корректировке.

Библиографический список

1. Абульханова, К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / К.А. Абульханова. – М.: ИПРАН, 1997. – С. 56-75.
2. Абульханова, К.А., Рубинштейн, С.Л. Ретроспектива и перспектива / Проблема субъекта в психологической науке // К.А. Абульханова, С.Л. Рубинштейн. – М.: ИПРАН, 2000. – С. 13-27.
3. Вачков, И.В., Дерябо, С.Д. Окно в мир тренинга / И.В. Вачков, С.Д. Дерябо. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
4. Знаков, В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 1998. – №3. – С. 104-115.
5. Ерментаева, А.Р. Основы психологической подготовки студентов (на казахском языке) / А.Р. Ерментаева. – Усть-Каменогорск, 2007.
6. Ковалева, А.И., Луков, В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы / А.И. Ковалева, В.А. Луков. – М.: Социум, 1999. – 351 с.
7. Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
8. Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

УДК 159.95+316.3/4

А.Е. Imanzhusupova

КГКР «Medical-sports clinic», Pavlodar

LEADERSHIP, AS A QUALITY OF PERSON IN SPORTS ABILITIES REALIZATION

In the article direction of activity of psychologist at work with children in sports collectives is shown. Factors influencing sportsman's productivity of performance at competitions are given.

А.Е. Иманжусупова

КТКП «Врачебно-физкультурный диспансер», г. Павлодар

ЛИДЕРСТВО, КАК КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ СПОРТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Направление деятельности психолога при работе с детьми в спортивных коллективах. Факторы, влияющие на результативность выступления спортсмена на соревнованиях.

Лидер - это тот кто использует собственную личность, собственные ценности, как инструмент для достижения цели

Психологическая подготовка спортсмена, является главной проблемой в спортивной психологии. В большом спорте нередко выдающийся спортсмен одарен уникальными способностями, на актуализации которых основывается вся его соревновательная деятельность. Важной предпосылкой спортивного успеха, является наличие лидерских способностей, которые проявляют себя, помимо других особенностей, в стремлении к достижению цели, самоорганизации, способности принимать решения, действовать в сложных обстоятельствах. Безусловно, у выдающихся спортсменов имеются и другие способности, общие и специальные. Своевременно определить особенности личности и разработать для каждого занимающегося индивидуальный план развития способностей, а так же стратегию пред-соревновательного и соревновательного поведения, важная задача спортивного психолога.

Важную роль в формировании современных педагогических и психологических подходов к решению задачи воспитания и обучения лидеров сыграли исследования в области теории общей педагогики (Ю.З. Гильбух, Н.Е. Мажар, А.И. Савенков, В.Н. Харькин), сравнительной педагогики (М.В. Кларин, З.А. Малькова, Н.Д. Никандров, Е.Г. Тищенко), педагогической психологии (Д.Б. Богоявленская, К.М. Гуревич, В.Н. Дружинин, И.В. Дубровина, А.М. Матюшкин, В.С. Мухина, В.И. Панов, В.А. Петровский, Н.Н. Поддъяков).

Проблема лидерства проанализирована также в работах А.В. Батаршева, Б.Ф. Ломова, Л.М. Митиной, А.В. Петровского, В.М. Шепеля и др. Особый интерес представляют исследования, посвященные явлениям лидерства в коммуникативной деятельности (В.К. Дьяченко, А.В. Мудрик, С.Ю. Курганов). Отдельные аспекты выявления и развития одаренности к лидерству рассматривались в работах Ю.Д. Бабаевой, В.С. Юркевич.

Обширный научный фонд по проблемам детской, в том числе лидерской, одаренности накоплен за рубежом (Дж. Ю. Айзенк, Э. де Боно, Дж. Равен, Дж. Фримен - Великобритания; С. Кэй-план, Д. Сиск, Дж. Рензулли, С. Рис, Р.Дж. Стернбер, К. Клюге, К. Хеллер – Германия).

Между тем степень разработанности механизмов развития лидерской одаренности в подростковом возрасте по-прежнему остается невысокой, что приводит в явное противоречие с логикой педагогической науки и объективными потребностями образовательной практики.

Лидером называют члена группы, за которым признается право принятия ответственных решений в значимых для группы ситуациях [5]. Лидер - это авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе [5].

К числу основных концепций лидерства Ф. Фидлер относит «теорию черт личности лидера», согласно которой важной предпосылкой признания человека лидером является обладание им специфическими лидерскими чертами или особенностями [1].

Проведенные в рамках теории Ф. Фидлера исследования концентрировались на определении и выявлении личностных качеств (черт), специфических для лидера. Наиболее полно этот подход нашел отражение в «харизматической» концепции лидерства. Согласно ей лидерство детерминировано преимущественно внутренними особенностями личности, ее личностным потенциалом, «одаренностью к лидерству». Словосочетание

«харизматический лидер», вошедшее в современный лексикон, трактуется как «харизма» - дар, благодать [2].

Другая точка зрения представлена в концептуальных подходах Д. Хоманса - «интерактивной теории лидерства».

С точки зрения сторонников этой теории, лидером может стать любой человек. Все в этом случае зависит не столько от его личностных особенностей, сколько от характера «сложения» двух основных составляющих. Вопрос о том, кто возьмет на себя роль лидера, должен решаться с учетом как индивидуальных особенностей кандидата в лидеры, так и личностных характеристик других членов группы и ее структуры, сложившейся в ситуации выполняемой задачи.

К третьей группе концепций может быть причислена «ситуационная теория лидерства», иначе называемая «группо-динамическим подходом». Сторонники ее исходят из того, что лидерство - это, прежде всего, продукт сложившейся в группе ситуации.

Близка этому подходу и так называемая «синтетическая концепция лидерства». Ее сторонники акцентируют внимание на взаимосвязи основных составляющих процесса организации межличностных отношений между носителями разных ролей (лидеры, ведомые) и ситуаций, в которых осуществляется лидерство. Сюда же может быть включено и обозначенное выше уточнение, внесенное отечественным исследователем А.В. Петровским, о том, что существенное значение для понимания лидерства и степени его эффективности имеет уровень группового развития.

Способности — совокупность врожденных анатомо-физиологических и приобретенных регуляционных свойств, которые определяют психические возможности человека в различных видах деятельности [3]. Каждая деятельность предъявляет комплекс требований к физическим, психофизиологическим и психическим возможностям человека. Способность — мера соответствия свойств личности требованиям конкретной деятельности. Способности не сводятся к имеющимся у индивида знаниям, умениям и навыкам. Они проявляются в скорости и прочности овладения способами определенной деятельности, выступают как регуляционные особенности психической деятельности индивида.

Наиболее полным является определение, предложенное Б.М. Тепловым. В понятии «способности», заключены три идеи.

«Во-первых, под способностями понимаются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого...

Во-вторых, способностями называют не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей...

В-третьих, понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека» [4].

Таким образом, способности не могут существовать иначе, как в постоянном процессе развития. Способность, которая не развивается, которой на практике человек перестает пользоваться, со временем теряется. Только благодаря постоянным упражнениям, связанным с систематическими занятиями такими сложными видами человеческой деятельности, как музыка, техническое и художественное творчество, математика, спорт и т.п., мы поддерживаем у себя и развиваем дальше соответствующие способности.

В большинстве случаев внимание исследователей и практиков обращено к

проблемам диагностики: как выявить способности у детей, не пропустив при этом творчески одаренного ребенка, а так же как развить способности одаренного ребенка. С нашей точки зрения, при всей важности этих и прочих вопросов, начинать все же надо о корректной постановки главной задачи - работа с одаренными детьми.

Детские психологи выявили различные типы лидерства среди детей, во многом сходные с теми, какие можно наблюдать в группах подростков и взрослых. Они пишут о забияках, которые захватывают лидерство, несмотря на оппозицию группы, о лидере, единогласно выдвигаемом другими членами группы, испытывающими к нему симпатии, и о лидере, назначаемом сверху.

Обнаружив, что спортсмены не подчиняются их распоряжениям, они подчас не могут объяснить, почему это происходит, затрудняются проанализировать свои действия и свое возможное личное влияние на команду. Некоторые из приведенных ниже фактов помогут им этого избежать.

Лидеры действительно обладают, по-видимому, определенными физическими качествами, которых не имеют ведомые. Лидеры несколько выше, агрессивнее и сильнее, чем обычные спортсмены. Было также установлено, что лидерство скорее зависит от случая, нежели от установленных психологических или социальных параметров. Стоит индивиду в чем-то проявить себя лидером, то на него и в других ситуациях будут смотреть как на лидера.

Однако анализ лидерства в спорте осложняется тем обстоятельством, что в команде существуют самые различные как реальные, так и потенциальные возможности для лидерства.

Тренеру необходимо знать характеристики (параметры) лидерства по следующим причинам:

1. Часто бывает полезно выявить потенциальных лидеров среди членов команды – тех ее членов, которые примут на себя ответственность за деятельность команды, будут направлять энергию других членов команды в нужное русло и уравнивать положение, если группа или ее отдельные члены попадут в условия соревновательного стресса.

2. Это помогает формировать необходимые лидерские качества у отдельных спортсменов, когда в команде нет явного лидера. Тренер может также поработать с ними индивидуально, если команда неохотно выбирает того или иного лидера.

3. Данные о динамике лидерства часто оказываются полезными для тренера при анализе его собственного поведения. Некоторые тренеры считают, что если какой-то руководящий орган или комитет удостоил их звания тренера, то это автоматически обеспечивает их и определенными лидерскими качествами.

Таким образом, в команде может появиться относительно влиятельный человек, если тренер как лидер слаб, и в этом случае группа не будет испытывать дискомфорта, поскольку в стрессовых ситуациях обычно члены команды нуждаются в сильном лидерстве. С другой стороны, все мы неоднократно бывали свидетелями ситуации, когда с командой работают два тренера. При этом один из них больше ориентирован на задачу и менее чувствителен социально, а другой больше ориентирован на группу и находит время, чтобы побеседовать с членами команды об их личных проблемах.

Лидерство в спортивных группах и коллективах следует рассматривать как социально необходимый, естественный процесс самоуправления и координации взаимодействий и взаимоотношений между спортсменами в связи с целями и задачами деятельности. Лидер как субъект лидерского процесса воздействует на

ведомых, ведомые же принимают или отвергают эти воздействия. Принятие лидерского влияния обнаруживается в подчинении, следовании указаниям, советам, просьбам лидера и, наоборот, отказ проявляется в неподчинении, несогласии с лидером, уклонении от исполнения его распоряжений. Влияние лидерства и лидера в спорте может быть непосредственным (даже физически), внешне легко фиксируемым, но может иметь и скрытую форму, быть опосредованным многократно через какие-либо факторы, например через этические или нравственные нормы, бытующие в данной спортивной команде.

В роли лидера спортивной команды, как показывает практика, выступает обычно наиболее авторитетный, опытный спортсмен. Встречаются, однако, команды, которые имеют в роли лидеров не самых авторитетных и опытных членов коллектива. В спорте высших достижений лидером является почти всегда один из сильнейших спортсменов команды. Возможность участвовать в управлении спортивной командой у лидеров достаточно широка. Причем, если лидер действует в соответствии с планом и задачами тренера, то достигается, как правило, максимальный положительный эффект в организации и координации совместных усилий членов команды. Иногда между официальным руководителем (тренером) и лидером не возникает полного согласия, не устанавливается взаимопонимание. Это может привести к определенной дезорганизации, к нарушению процессов управления в команде. В такой ситуации тренеру не всегда удается сразу найти оптимальный способ управления командой [5].

Анализ руководящих действий лидера позволяет выделить три наиболее важные обобщенные функции лидерства: организационную, информационную и воспитательную.

Поскольку лидерские способности, безусловно, выступают как компонент спортивной одаренности, их выраженность и индивидуальные проявления очень важно учитывать при подготовке спортсмена.

Результат в спорте – это результат тренировочного процесса и, как правило, основывается на определенном выборе, предполагает известную роль, которую мы понимаем, как совокупность врожденных и приобретенных качеств. Целью же тренировки является определенная способность достижения результата, который имеет потенциальный характер и предоставляет возможность достижения результата.

Библиографический список

1. Кретти Брайент, Дж. Психология в современном спорте / Дж. Кретти Брайен. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 300 с.
2. Немов, Р.С. Психология / Р.С. Немов. – М.: Класс, 1994. – 461 с.
3. Петровский, А.В. Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1979. – 340 с.
4. Теплов, Б.М. Способности и одаренность. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М.: Педагогика, 1961. – С.9–20.
5. Топышев, О.П. Теория и практика лидерства в спортивной команде / О.П. Топышев. – М.: Эксмо, 2000. – 259 с.

V.A. Knjaginina

*East Kazakhstan regional university,
Republic Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk*

TO THE QUESTION ON PHENOMENOLOGY AND FORMATION OF SELF-ESTIMATION

In the article self-estimation characteristic as a regulative function of consciousness is given. The basic aspects of self-estimation formation at teenage and early youthful age are revealed.

В.А. Княгинина

*Восточно-Казахстанский региональный университет,
Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск*

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ФОРМИРОВАНИИ САМООЦЕНКИ

В статье дается характеристика самооценки как регуляторной функции самосознания. Раскрываются основные аспекты формирования самооценки в подростковом и раннем юношеском возрасте.

С самых первых моментов своего возникновения самооценка имплицитно существует в структуре регуляции поведения, и человек далеко не всегда осознает ее присутствие, но именно на ней основано соизмерение, сопоставление себя, своих возможностей с теми требованиями и задачами, которые выдвигают перед человеком те или иные обстоятельства социального взаимодействия.

Самооценка, безусловно, относится к базисным качествам личности. Именно она во многом определяет взаимоотношения с окружающими, критичность, требовательность к себе. Самооценка ценность, которая приписывается индивидом себе или отдельным своим качествам. Главные функции, которые выполняются самооценкой, регуляторная, на основе которой происходит решение задач личностного выбора, и защитная, обеспечивающая относительную стабильность и независимость личности.

Изучению самооценки как особого образования самосознания личности во взаимосвязях с его социальным статусом представляется одним из актуальных направлений данного психического феномена. К настоящему времени накоплен большой эмпирический материал о формах проявления самооценки, ее регулятивной функции, связи самооценки с самоотношением личности и ее самопознанием, уровнем адекватности и устойчивости самооценки в различных возрастах, ее связи с социальными отношениями, устанавливаемыми личностью.

Необходимость самооценки основывается на двух фактах. Первый – наше выживание и овладение окружающей средой зависит от оптимального использования сознания. Второй – в оптимизации мыслительной деятельности, где ключевым вопросом является вопрос выбора. У человека есть выбор думать или не думать, отсюда и нужда в самооценке – необходимости знать, что мы функционируем в соответствии с требованиями жизни.

Самооценки не может быть слишком много, ее может быть достаточно, либо недоставать. Вопрос о переизбытке самооценки поднимают люди, не уверенные в себе. Учитывая принцип осознания, для хорошей самооценки

существенна интеллектуальная независимость («думаем сами за себя»). Часто то, что люди называют «думаньем» - просто переживание мнений других.

В психологии выделяют различные функции самооценки: фиксация определенного уровня развития личности, регулятивная, адаптации, мобилизации. Оценочные суждения, относят к категории различных процессов, так как они размещаются почти во всех психических процессах: когнитивном, переработки информации, регулирующем, мотивационном, эмоциональном и т.д. Достаточно трудно выделить главную функцию самооценки. Л.В.Бороздина, рассматривает самооценку не относя ее ни к самоотношению, ни к «образу Я». Функцию самооценки она находит в ее специфичности.

Источники оценочных суждений это в первую очередь социальное и культурное окружение личности и в связи с этим реакции личности. Самооценка направляется как вовне, так и внутрь, сопрягаясь друг с другом [8]. Основаниями самооценки, по мнению Захаровой, являются обращения индивида к эмоционально – потребностной сфере [6].

А.В.Захарова [9,10с.6-14], характеризует самооценку как стержень процесса самосознания, показатель индивидуального его развития. Она фиксирует внимание, на самооценке исходя из двуединой природы оценки себя, раскрывая, процессуальность и структурность.

По мнению А.А.Реана, психологические понятия самооценки и Я-концепции имеют различия, несмотря на явную близость. «Самооценка» указывает на свое понятийное содержание. Сложность изучения проблемы самооценки усугубляется тем, что она функционирует и как процесс и как итог.

Самопознание выступает в качестве основы для реализации оценочного отношения к самому себе, или самооценки. Различие самопознания и самооценки может быть представлено как несовпадение когнитивно - познавательного и оценочно-ценностного компонентов самосознания. Самопознание может включать в себя самооценку, но оно может быть и чисто констатирующим, внеоценочным. Самооценка - это тот компонент самосознания, который включает в себя и знание о собственной самости, и оценку человеком самого себя, и шкалу значимых ценностей, относительно которой определяется эта оценка. И.С.Кон, при анализе динамической структуры самосознания использует диадические виды «Я»: внутреннее – внешнее; наличное (или реальное) – будущее (или идеальное; текущее – личностное). Но «внутреннее Я» не всегда совпадает с «внешним Я», что проявляется в определенной поведенческой реакции индивида. Именно это и актуализирует проблему самоконтроля. В свою очередь И.С. Кон выделяет, так называемые «предметные» составляющие: физические и морально – психологические компоненты «Я», значимость которых изменяется в зависимости от возраста.

Согласно И.И. Чесноковой, в структуре самосознания самооценка представляет отдельное образование, выступая как результат интегративной работы самопознания и эмоционально - ценностного отношения к себе. Самооценка рассматривается как фиксация результата познания себя, в ее эмоциональном компоненте. У В. Джемса самооценка - это, прежде всего довольство или недовольство собой. А.Г. Спиркин подчеркивает в большей мере ее когнитивную, познавательную функцию.

Самооценке и ее развитию у человека в психологии посвящено значительное число работ. Разработаны особые методические процедуры изучения самооценки. Установлено, что самооценка может быть адекватной

(реальной, объективной) и неадекватной. В свою очередь, неадекватная самооценка может быть заниженной и завышенной. Каждая из них специфическим образом проявляется и в жизнедеятельности человека.

«Качество» самооценки соотносится с адекватностью, устойчивостью, глубиной, являясь результатом саморегулирования. Высокий уровень этих качеств обеспечивает адекватность и тонкость саморегулирования.

Чаще всего неадекватная самооценка осложняет жизнь не только подростку, но и его окружению в разных ситуациях. В случае «аффектной неадекватности», может развиваться комплекс неполноценности.

Таким образом, адекватная самооценка является итогом постоянного поиска реальной меры, т.е. без слишком большой переоценки, но и без лишней критичности. Но адекватная самооценка, труднодостижима для подростка. Вследствие, чего становление самооценки протекает на уровне высокой эмоциональности.

Проблема развития самооценки, как наиболее значимого компонента самосознания и Я - концепции с давних пор находится в центре внимания отечественной и зарубежной науки. Существенный вклад в изучение данной проблемы внесли: Р. Берне, О. Купермит, К. Роджерс, А.А. Рояк, Л.С. Выготский, В.А. Горбачева, И.С. Кон, Я.Л. Коломинский, М.И. Лисицина, Б.Н. Мясищев, Т.А. Репина, Ю.М. Орлов, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, С.Р. Паньелеев, Е.А. Серебрякова, Р.Е. Отеркина, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин. В настоящее время изучение самооценки получило самостоятельное научное направление. В советской психологии проведен ряд фундаментальных исследований особенностей самооценки учащихся старших классов (8-11 классы) (Липкина А.И., Рыбак Л.Н., Критичность и самооценка в учебной деятельности. – М.: 1968), генезис самооценки (А.В. Захарова), особенности развития самооценки в онтогенезе (И.И. Чеснокова), вопросы взаимосвязи самооценки с учебно – воспитательного процесса (А.И. Липкина), вопросы соотношения эмоциональных и когнитивных компонентов самооценки младших школьников (А.В. Захарова, Е.Ю. Худобина), уровни взаимосвязи воспитания в семье и отношения к себе школьника и дошкольника (Т.В. Архиреева, А.С. Спиваковская).

Теоретически самооценка начинает формироваться уже в раннем возрасте. Маленькие дети не имеют четких «границ» своего существа и считают себя причиной всех изменений вокруг, то уже в 2-3 года дети начинают сравнивать себя с другими, вследствие чего у них постепенно складывается определенная самооценка. При сравнении ребенок ориентируется на социальные нормы, приемлемые в его окружении.

Формируясь в раннем детстве, самооценка личности длительное время остается довольно пластичной, что позволяет создать некоторые условия для ее изменения в случае нарушения адекватности и позитивности. Адекватная самооценка как одна из индивидуально – личностных особенностей субъекта, непосредственно связана с проблемами воспитания, обучения и развития.

Один из факторов, важным для формирования самооценки, связан с интериоризацией социальных реакций на данного человека. Иными словами, человек склонен оценивать себя так, как, по его мнению, его оценивают другие. Он испытывает удовлетворение не от того, что он что – то делает хорошо, а от того, что он избрал определенное дело и именно его делает хорошо. Следует отметить, что самооценка, независимо от того, лежат ли в ее основе собственные суждения человека о себе или интерпретации суждений других

людей, индивидуальные идеалы или культурно заданные стандарты, всегда носит субъективный характер.

В работах П.Я. Гальперина и А.К. Марковой показано, что формирование ребенка, как субъекта учебной деятельности, идет в направлении двух взаимосвязанных аспектов – мотивационного и операционного. Самооценка становится фактором саморегуляции, если включает в себя мотивационные функции, т.е. в случае если учебная деятельность становится личностно значимой для ребенка.

Информацию о результатах своей учебной деятельности и поведения старшеклассники получают от учителей, которые на протяжении определенного периода оценивают знания, а также личность учащегося, составляя общие оценочные суждения. На первый взгляд кажется, что сам учащийся в этой оценочной деятельности не участвует. Однако это впечатление ложно, поскольку уровень самосознания старшеклассника таков, что он вполне в состоянии сам оценить и степень своей учебной подготовки, и поведение в коллективе. В работе А.И. Липкиной и Л.Н. Рыбак отмечается, что самооценочная деятельность старшеклассников остается от учителя скрытой, осуществляется по – своему, имеет свои критерии, нередко отличается от критериев учителя. Авторы упомянутого выше исследования наблюдали, что этот фактор не всегда учитывается в школе. Но как подчеркивают они «внешние причины действуют через внутренние условия. Поэтому любое воздействие, направленное на учащегося, и оценка учителя могут обладать эффективностью и оказать влияние на его деятельность только в том случае, если он понимает критерии, на которых эта оценка основана, и внутренне с ней согласен. Адекватная оценка работы учащихся, осознание требований могут быть достигнуты только путем организации его деятельности над критическим анализом и оценкой своей работы» (11,с.9). Проведенные советскими психологами экспериментальные исследования

Возрастных особенностей ориентации детей на самооценку дали основания заключить, что «с возрастом влияние самооценки начинает преобладать над влиянием внешних оценок» [15]. Наблюдения также показали, что формы поведения школьников, регулируемые оценкой и самооценкой, заметно отличаются одна от другой. Так школьники, ориентированные на оценку в своем поведении, очень зависимы от общественного мнения; они экспрессивны в отношении к оценкам, озабочены своими учебными успехами, их личная инициатива минимальна, они исполнительны и обнаруживают большую готовность выполнять требования учителя, к учебным предметам относятся ровно.

Сформировавшаяся способность детей к обобщению дает возможность делать обобщения в достаточно сложной области – деятельности по усвоению норм человеческих взаимоотношений, возрастает способность к утверждению и отстаиванию своей жизненной позиции. Процесс, в результате которого человек привыкает действовать в определенной социальной среде и в соответствии с нормами общества, осваивает мораль, имеет много аспектов и продолжается всю жизнь. Наиболее сензитивными этапами в формировании личности и ее социализации является подростковый и юношеский возраст. Подростковый возраст – завершающий этап первичной социализации. В качестве основных институтов социализации, прежде всего, выступает семья и школа, соответственно родители, ровесники и учителя [14]. В процессе общения происходит социализация человека, его становление, поэтому одним из

факторов продуктивного общения является самооценка субъектов общения, в том числе оценочному представлению о собственной внешности (А.А. Бодалев, В.Н. Куницина, В.Н. Панферов.). Данный фактор очень ярко проявляется в подростковом и юношеском возрасте, особенно у учащихся с низкой самооценкой (А.А. Бодалев, А.Г. Гусев, Р. Бернс, и др.).

Переход от младшего школьного возраста к подростковому возрасту, характеризуется рядом важнейших изменений происходящих в физическом, умственном и эмоциональном уровнях.

В целом для младшего подросткового возраста (особенно это ярко проявляется у 12-летних) характерны негативные оценки себя (по научным данным так оценивает себя третья часть детей этого возраста). Но к 13 годам наблюдается положительная динамика в самовосприятии. К концу подросткового возраста появляется, более дифференцированная оценка собственного поведения в различных ситуациях. Появляется развернутая система самооценок и в основном складывается «Я - образ» - относительно устойчивая система представлений о себе [16].

В подростковом возрасте постепенно происходит отход от прямого копирования оценок взрослых, возрастает опора на внутренние критерии. Поведение подростка начинает все больше регулироваться его самооценкой. Формирование самооценок – характерная особенность подростка. Самооценка не только влияет, но общественное отношение, но и сама опосредует их. В период становления личности, для внушаемого подростка общественное мнение может значительно повлиять на самооценку.

Чем выше степень самопринятия, эмпирическим коррелятором которой является уровень самооценки, тем больше подросток верит в свои собственные возможности, в успешный исход предпринимаемых начинаний, и тем больших успехов он в итоге добивается [12, с.64.].

На первых порах в основе самосознания подростка по - прежнему лежат суждения о нем других – взрослых (учителей и родителей), коллектива, товарищей. Подрастая, ребенок начинает, более критично относиться к оценкам взрослых, для него становятся важными и оценки его сверстниками, и собственные представления об идеале; помимо этого, начинает складываться тенденция самостоятельно анализировать и оценивать собственную личность [13,18]. Но поскольку подросток еще не обладает достаточными умениями правильно анализировать собственные личностные проявления, то на этой основе возможны конфликты, порождаемые противоречием между уровнем притязаний подростка, его мнением о себе и его реальным положением в коллективе. В связи с данным положением, ведущим мотивом в период формирования самооценки выступает желание утвердиться в коллективе сверстников, завоевать авторитет и внимание товарищей.

Индивидуализация в подростковом возрасте характеризуется уточнением и развитием представлений о самом себе – активным формированием образа «Я». Ведущим центральным психическим новообразованием подростка становится чувство взрослости и становящееся самосознание, потребность осознать себя как личность. У подростка возникает интерес к своей внутренней жизни, качествам собственной личности, потребность в самооценке, сопоставляя себя с другими людьми.

В силу своих возрастных особенностей подростки гораздо чаще других возрастных групп могут стать дезапативированными в результате внутренней или внешней дегармонизации взаимодействия личности с самой собой или

окружением, проявляющаяся во внутреннем дискомфорте, нарушениях взаимоотношений, поведения и деятельности. Сами по себе возрастные особенности не влекут дезадаптации, но если появляются провоцирующие факторы, она, как правило, возникает и потом ее, очень трудно преодолеть.

Таким образом, для того чтобы подросток был способен лучше адаптироваться и преодолевать трудности, ему необходимо сохранять позитивное представление о себе. И, напротив, люди с низкой самооценкой так реагируют на ту или иную неудачу, что это затрудняет всякую возможность улучшения «Я - концепции». Кроме того, они не только сами очень низко оценивают результаты своей деятельности, но и крайне озабочены мнением других, если со стороны последних наиболее вероятно неблагоприятная оценка.

Активизируя интимно – личностное и стихийно – групповое общение, как в школе, так и вне ее, подросток имеет возможность проявить себя и самоутвердиться. Поэтому ведущей деятельностью подростка является общение в различных сферах деятельности. Из множества сфер общения подростком выделяется референтная группа сверстников, с требованиями которой он считается и на мнение которой ориентируется в значимых для себя ситуациях.

Если самооценка подростка не находит опоры в социуме и потребность в самоуважении остается нереализованной, развивается резкое ощущение личностного дискомфорта. Одним из распространенных путей решения этой проблемы является переход подростка в группу, в которой характеристика его личности окружающими адекватна самооценке или даже превосходит ее. Описанный путь снятия противоречия между оценкой и самооценкой иногда может приводить к негативным последствиям, в зависимости от вида неформальной группы, в которую включается подросток.

Самооценка подростка зачастую нестабильна и не дифференцирована, поэтому возникают немотивированные поступки. Согласно литературным данным, на подростковый возраст приходится самый противоречивый, конфликтный этап развития самооценки. На психику и самосознание оказывает заметное влияние темпы развития. Сравнивая развитие рано (акселеранты) и поздно (ретарданты) созревающих мальчиков – подростков, можно прийти к выводу, что первые имеют ряд преимуществ перед вторыми. Мальчики – акселеранты увереннее чувствуют себя со сверстниками и имеют более благоприятный образ «Я». Раннее физическое развитие, давая преимущества в росте, физической силе и т.п., способствует повышению престижа у сверстников и уровня притязаний подростка.

С.Л. Рубинштейн, характеризуя процесс развития самосознания у подростков, проводит его через ряд ступеней – от наивного неведения в отношении себя к все более определенной и иногда резко колеблющейся самооценке.

Формирующаяся самооценка в процессе самопознания, подводит молодого человека к тому, что он должен регулировать свое поведение в системе взаимоотношений с другими «...не только с точки зрения соотношения отдельных своих поступков с требованиями окружающих, но и с точки зрения соответствия своих требований к самому себе» (Чеснокова). Наряженные эмоциональные состояния связаны с неудовлетворительностью этим требованиям. И в данном случае эмоции будут являться как бы сигналом к перестройке своего поведения, а в дальнейшем включению самоконтроля. С

этого момента самосознание включается в процесс управления своим поведением.

Регулирование поведения в учебной деятельности старшеклассников все более определяется их собственными требованиями к себе в связи с самооценкой. На данном этапе возрастного развития мыслительные процессы достигают высокой степени совершенства, и создаются условия для более сложных и обобщенных форм самопознания, результат которого в свою очередь является предпосылкой для дальнейшего развития саморегулирования поведения и процессов усвоения в учебной деятельности.

В процессе саморегулирования поведения в различных видах социального взаимодействия самооценка непрерывно развивается, корректируется, углубляется и дифференцируется. На разных генетических стадиях развития саморегулирования коэффициент участия самооценки в этом процессе неодинаков.

Таким образом, только в подростковом возрасте начинает развиваться подлинная самооценка – оценка человеком самого себя с преимущественной опорой на критерии своего внутреннего мира, обусловленное собственным «Я». Это не означает, что оценка окружающих теперь не является значимой: она просто в норме перестает играть доминирующую роль.

Современный этап исследования проблемы самооценки характеризуется все более увеличивающимся потоком экспериментальных работ, основанных на различных методологических подходах, использующих различный категориальный аппарат и инструментарий. Все растущий интерес к феномену самооценки является свидетельством сложности, многогранности исследуемого феномена. Существование одновременно нескольких теорий, описывающих самооценку, является движущей силой в понимании самого предмета.

Таким образом, самооценка как важнейший компонент целостного самосознания личности, выступает необходимым условием гармоничных отношений человека, как с самим собой, так и с другими людьми, с которыми он вступает в общение и взаимодействие. В итоге можно заметить, что самооценка – самостоятельный компонент самосознания, начинающий функционировать в подростковом возрасте.

Библиографический список

1. Альбуханова-Славская, К.А. Личностные механизмы регуляции деятельности / К.А. Альбуханова-Славская // Проблемы психологии личности. – М.: 1982.
2. Ахмедханов, А.М. Влияние самооценки на характер межличностных отношений в студенческой группе: автореф. дис. ... канд. псих. Наук / А.М. Ахмедханов. – М.:1983.
3. Белобрыкина, О.А. Развитие самосознания в детском возрасте: монография/ О.А. Белобрыкина. – Новосибирск, НГПУ, 2003. – С.27.
4. Белобрыкина, О.А. Влияние социального окружения на развитие самооценки старших школьников / О.А. Белобрыкина // Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С. 31-38.
5. Бороздина, Л.В. Что такое самооценка / Л.В. Бороздина // Психологический журнал. – 1992. – №4. – С.99–100.
6. Захарова, А.В. Деятельностный подход к изучению самооценки / А.В. Захарова // Психодиагностика и школа. – Таллин: 1980.
7. Захарова, А.В. Уровень притязаний как показатель самооценки / А.В. Захарова // Новые исследования в психологии. – М.: 1989. – Вып. 1. – С.26.

8. Захарова, А. В. Генезис самооценки: автореф. дис. ... д-ра псих. наук / А.В. Захарова. – М.: 1989.
9. Захарова, А.В. Психология формирования самооценки / А.В. Захарова. – Минск: РБПК «Белинкоммаш», 1993.
10. Захарова, А.В. Структурно-динамическая модель самооценки / А.В. Захарова // Вопросы психологии. – 1989. – №5. – С.6–14.
11. Липкина, А.И., Рыбак, Л.Н. Критичность и самооценка в учебной деятельности / А.И. Липкина, Л.Н. Рыбак. – М.: 1989.
12. Липкина, А.И. Самооценка школьника / А.И. Липкина. – М.: Знания, 1976.
13. Мадорский, Л.Р. Глазами подростков. Книга для учителя / Л.Р. Мадорский. – М.: Просвещение. 1991.
14. Мудрик, А.В. Роль социального окружения в формировании личности подростка / А.В. Мудрик. – М.: Знание, 1979.
15. Различенко, Н.А. Особенности самооценки старших школьников при овладении способами учебной работы / Н.А. Различенко // Вопросы психологии. –1986. – №3. – С.35–44.
16. Савонько, Е.И. Оценка и самооценка как мотивы поведения школьников разного возраста / И.И. Савонько // Вопросы психологии. – 1969. – №4. – С.107
17. Савонько, Е.И. Возрастные особенности соотношения ориентаций школьников на самооценку и оценку другими людьми: автореф. дис....канд. псих. наук / Е.И. Савонько. – М.: 1970. – С.16.
18. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.:1983.
19. Сафин В.Ф. Устойчивость самооценки и механизмы ее сохранения / В.Ф. Сафин // Вопросы психологии. – 1975. – №3. – С.62–73.

УДК 159.96

O. V. Kuzmina

Ural humanitarian institute, Ekaterinburg

TIME COMPETENCE AND SELF-REGULATION OF PEOPLE WITH DIFFERENT PERSONAL FEATURES

In the article the empirical data testifying to distinction of time competence and self-regulation at people with various character accentuations and emotional orientation are presented.

О.В. Кузьмина

Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург

ВРЕМЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

В статье приведены эмпирические данные, свидетельствующие о различии временной компетентности и саморегуляции у людей с различными акцентуациями характера и эмоциональной направленностью.

Социально-экономические изменения, происходящие в условиях современного кризиса, предъявляют особые требования к личности. На первый план выдвигается способность человека к рациональной организации своей деятельности. Повышение ее эффективности связано с оптимальной организацией времени. Деятельность человека не существует вне временного фактора. Возникает острая зависимость от времени. Возможность действовать

эффективно реализуется при условии развития у субъекта целого комплекса личностных свойств, обеспечивающих этот процесс. Временная компетентность выступает в качестве ведущей составляющей регуляционных возможностей человека, определяющих его успешную социализацию, включенность в деятельность. Проблема изучения временной компетентности личности в условиях резких социальных изменений из ряда теоретических переходит в ранг прикладных, носящих комплексный междисциплинарный характер. В этой связи крайне важной задачей современной психологической науки является глубокое и многостороннее изучение этого свойства, выявление специфики его становления. Это позволяет привнести новые данные о природе и путях развития временной компетентности, совершенствовать управление человеческими ресурсами, разрабатывать программы саморазвития и коррекции временной компетентности у детей и взрослых.

Время для личности выступает своеобразным ресурсом, который находится в её распоряжении. По мнению Г.А. Яковенко, изначально в каждом человеке присутствуют структуры субъективного отношения ко времени, структуры восприятия человеком времени, структуры внутренних ритмов. Именно они позволяют ему ориентироваться во времени. В результате работы над собой каждый человек способен выработать новые способы поведения через изменение внутренних принципов и временной структуры [3]. Личностные временные способности проявляются в продуктивном использовании времени, в ориентации во времени, в умении по-своему распределить время в условиях, когда время наступления событий неопределенно, когда отсутствует строгая детерминация времени.

К.А. Абульханова-Славская считает, что уровень активности, ее длительность зависят как от осознаваемых, так и неосознаваемых элементов, например, таких, как последовательное включение восприятия или мышления, способ реализации своих способностей, психические и личностные темпы деятельности, позиция, которую занимает личность в своей деятельности, от оптимального сочетания эмоциональных, волевых качеств. Каждая личность, став субъектом, определенным образом приспособливает и реализует свои особенности в связи с характером деятельности. Субъект типичным и удобным для себя образом актуализирует, направляет систему тех качеств, которыми он обладает как личность [2].

Способности организации времени необходимо рассматривать через призму деятельности, так как именно в деятельности создается «особый временно-пространственный континуум, в котором субъект связывает объективно разобщенные во времени и пространстве объекты, придает им свою временную целостность и цикличность и собственные временные параметры и ритмы» [1, с.115]. Во взаимодействии личности и деятельности регуляция играет координирующую роль. В силу этого в структуре черт личности обнаруживаются элементы, отражающие специфику исполняемой деятельности. Субъективность психической регуляции деятельности связана с вариативностью включения в нее личностных компонентов. По этому анализ структуры личности позволяет выявить и сами механизмы психической регуляции деятельности, и формирование черт личности [4].

С целью установления различий в проявлении временной компетентности у лиц с различной акцентуацией характера и эмоциональной направленностью было проведено эмпирическое исследование. В данном исследовании принимали участие 81 человек. Средний возраст выборки 28 лет. В качестве

диагностического инструментария выступили методики: «Характерологический опросник» (К. Леонгард), опросник «Определения эмоциональной направленности» (Б.И. Додонов), тест «Обладаете ли вы чувством времени?» (из кн. С.Д. Резника, С.Н. Соколова, В.В. Бондаренко) и методика «Стилевые особенности саморегуляции» (В.И. Моросанова, Е.М. Коноз). Статистическая обработка осуществлялась с использованием программы SPSS-17 и вычисления непараметрического коэффициента различий U-Манна-Уитни, а также дисперсионного анализа (ANOVA).

В ходе исследования были выделены особенности саморегуляции у людей с различной эмоциональной направленностью. Статистически значимые показатели были обнаружены лишь в нескольких шкалах (Таблица 1).

Таблица 1 – Статистически значимые различия в саморегуляции у людей с разной эмоциональной направленностью

№	Сравниваемая эмоциональная направленность	Направление	Значение F	Значимые различия при $p > 0,05$
1.	Коммуникативная - гностическая	Планирование	4,155	3,575
2.	Коммуникативная - практическая	Планирование	4,732	4,678
3	Коммуникативная - альтруистическая	Планирование	4,910	3,106
4.	Глорическая - гностическая	Моделирование	4,142	3,708
5.	Глорическая - коммуникативная	Планирование	3,334	2,913
6	Глорическая - коммуникативная	Самостоятельность	5,160	2,978
7.	Глорическая - практическая	Самостоятельность	9,418	4,18
8.	Альтруистическая - гностическая	Моделирование	5,492	5,005

Значения F свидетельствует о существовании различий, проявляющихся в планировании у людей, обладающих коммуникативной, практической, гностической, альтруистической и глорической эмоциональными направленностями. Для людей с доминирующей эмоциональной направленностью на общение в большей степени свойственно осознанное планирование и целеполагание в жизни (Ср.знач. 4,42), чем для людей с доминирующей потребностью в получении новой информации (гностическая эмоциональная направленность - Ср. значение 3), направленностью на успешность в деятельности (практическая эмоциональная направленность – ср. значение 2,25) и потребностью в покровительстве другим людям (альтруистическая эмоциональная направленность – ср. значение 1.06). У людей с другими эмоциональными направленностями по показателю планирования значимых различий не было обнаружено. Исходя из полученных выше данных, можно сделать вывод о том, что ситуации связанные с общением, с организацией взаимодействий способствуют выработке более выраженных навыков планирования и целеполагания. От этих показателей зависит успешность встречи и взаимодействия.

При изучении процесса моделирования, включающего в себя способности выделять главные условия при разных условиях, были обнаружены следующие статистически значимые различия. Существуют различия у людей с гностической эмоциональной направленностью, с одной стороны, и альтруистической и глорической, с другой. Об этом также свидетельствуют средние значения выраженности показателя моделирования (Таблица 2).

Таблица 2 – Значение средних показателей при моделировании условий у разных типов эмоциональной направленности

Тип эмоциональной направленности	Среднее значение по шкале
Глорическая направленность	2,8
Гностическая направленность	3,6
Альтруистическая направленность	4,2

Люди с глорической эмоциональной направленностью более самостоятельны в регуляции поведения, чем лица с коммуникативной и практической направленностью (Таблица 1). Глорические эмоции, проявляющиеся в потребности в самоутверждении, выступают внутренним механизмом, регулирующим самостоятельность в поведении человека.

Исследование особенностей временной компетентности у людей с различной акцентуацией характера показало, что акцентуация характера не является ведущим показателем, обуславливающим различия во временной компетентности личности. Существует минимальное количество статистически значимые различия во временной компетентности личности (Таблица 3).

Таблица 3 – Статистически значимые различия временной компетентности у людей с разной акцентуацией характера

№	Сравниваемая эмоциональная направленность	Значение U-Манна-Уитни	Значимые различия при $p > 0,05$
1.	Гипертимный - демонстративный	8	11
2.	Гипертимный - циклотимный	7	11

Из десяти акцентуаций характера различия во временной компетентности проявились в двух парах. Люди с гипертимной акцентуацией характера более имеют более выраженную временную компетентность, чем люди демонстративной и циклотимной акцентуации. В остальных типах акцентуаций характера различий во временной компетентности не было обнаружено.

Проведенное исследование позволило выделить различия во временной компетентности и саморегуляции у людей с разной акцентуацией характера и эмоциональной направленностью. Результаты свидетельствуют о том, что люди, имеющие повышенный фон настроения в сочетании с высокой активности имеют более высокий уровень временной компетентности. Потребность в самоутверждении стимулирует самостоятельность поведения. Потребность в общении способствует планированию условий и поведения личности. Полученные результаты позволяют углубить знания о механизмах временной организации и регуляции личности.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1991. – 229 с.
2. Абульханова-Славская, К.А. Личностная регуляция времени / К.А. Абульханова-Славская // Психология личности в социалистическом обществе. – М.: 1990. – С.114–129.
3. Ефимова, Е. Живите ритмично! (Теория и расчет биоритмов) / Е. Ефимова // Помогите себе сам. – 2005. – №6. – С.2–8.
4. Кузьмина, О.В. Личностные особенности организации времени деятельности / О.В. Кузьмина // Диссертация на соискание степени к.п.с.н. – М.: 1993. – 154 с.

УДК 159.923+316.6

R.M. Kumysheva

Kabardino-Balkarian state university of H.M. Berbekova, Nalchik

DISPLAYS OF PERSON'S SUBJECTIVITY IN ITS INTERACTION WITH EXTERNAL WORLD

In the article the interrelation between displays of subjectivity in own life and displays of subjectivity in social world is shown, on the basis of the empirical research is considered that the displays of subjectivity in external world and in own life are interconnected and interdependent.

R.M. Кумышева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

ПРОЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ВНЕШНИМ МИРОМ

В статье рассматривается взаимосвязь между проявлениями субъектности в собственной жизни и проявлениями субъектности в социальном мире, на основе эмпирического исследования показано, что проявления субъектности в мире внешнем и в собственной жизни взаимосвязаны и взаимообусловлены.

На всем протяжении своего исторического развития человек взаимодействует с внешним миром. Мир, по определению С.Л. Рубинштейна, - «это совокупность вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен» [7, 295].

У. Бронфенбреннер для обозначения внешнего мира использует понятие «экологическая окружающая среда», которая представляет собой «расположение структур, каждая из которых находится внутри последующих» [9, 94]. Внутреннюю часть составляет микросистема, представленная опытом человека в этой обстановке; следующий уровень образуется мезосистемой, которая «включает взаимосвязи между двумя или большим количеством обстановок, в которых активно участвует человек». Далее следует экосистема, состоящая из одного или большего количества обстановок, которые включают активное участие человека и в которых возникают события. Наконец, макросистема, которая объединяет форму и содержания систем более низкого порядка (микро-, мезо- и экосистем) [9, 95].

А.Н. Леонтьев разделяет внешний мир на естественный и социальный. Предметный мир рассматривается как закономерное продолжение социального мира. Отношения человека с внешним миром опосредованы отношениями с другими людьми и трудом с использованием орудий [3, 250].

В.В. Налимов разделяет Мир на физический и семантический под которым подразумеваются предметный мир и мир экзистенциальный. При этом подчеркивает, что «не только человек адаптирован к Вселенной, но и Вселенная адаптирована к человеку» [5, 61-62]. То есть подтверждается взаимообусловленность и взаимозависимость человека и мира.

«Человек не только находится в определенном отношении к миру и определяется им, но и относится к миру и сам определяет это свое отношение, в чем и заключается сознательное самоопределение человека» [8, 83-84]. Такое отношение к миру интерпретируется как проявление субъектности. Под субъектностью понимается: частичная эмансипация от природных и социальных зависимостей [6, 117]; рефлексивный способ существования человека (группы) [4, 98-99].

Итак, внешний мир подразделяется на мир предметов, мир людей, мир природы. Соответственно выделяется градация субъектности человека: субъект предметного мира, субъект социального мира, субъект внутреннего мира и субъект своей жизни [1].

Потому внешний мир рассматривается нами как совокупность четырех уровней. Первый уровень – предметный мир, второй уровень – мир человеческих отношений, третий уровень – мир социально-экономических и культурно-эстетических условий общества; четвертый уровень – мир природы. Взаимодействие человека с внешним миром осуществляется одновременно на всех обозначенных уровнях, один из которых является доминантным в зависимости ведущих потребностей человека. На уровне природных условий формируются упорядоченные модели поведения, которые имитируют равновесие между внутренним миром человека и внешним миром. На уровне предметного мира вырабатываются те модели поведения, которые позволяют человеку влиять на условия внешнего мира своей деятельностью. На уровне социального мира у человека вырабатывается модель поведения, которая позволяет регулировать и внешние условия, и свой собственный внутренний мир, выбирая оптимальную форму отношений между ними. Процесс взаимодействия осуществляется циклично в три этапа: 1) детерминирующее влияние на человека внешнего мира; 2) ориентация человека в условиях внешнего мира; 3) преобразование человеком ситуации посредством влияния на внешний мир и необходимые внутренние личностные преобразования.

Человек достигает равновесия с внешним миром в случае, если способен адаптировать свой внутренний мир к меняющимся условиям внешнего мира. То есть субъектом взаимодействия с внешним миром становится субъект жизнедеятельности, понимаемый Е.Ю. Коржовой как «творец своей жизни» [2, 69].

События внешнего мира предстают перед человеком в форме жизненных ситуаций, требующих принятия решения и деятельности, направленной на их преодоление или преобразование. Е.Ю. Коржова, рассматривая субъект-объектное взаимодействие, вводит понятие «поле жизнедеятельности». Его появление обусловлено тем, что жизнедеятельность – понятие временное, а ситуация – пространственное; на их пересечении образуется «особое образование. Его можно назвать полем жизнедеятельности» [2, 79-80]. Е.Ю. Коржова различает также две ориентации человека в рамках поля жизнедеятельности: субъектную и объектную. При «субъектной» ориентации для человека характерна сознательная работа над собой; при «объектной» ориентации человек осуществляет жизнедеятельность путем смены все новых ситуаций, в которые он себя помещает [2, 85].

Следовательно, деятельность, детерминированная жизненной ситуацией, может быть направлена на преобразование не только условий внешнего мира, но и состояния внутреннего мира. И человек решает сам, в какой мере необходимо преобразовать условия внешнего мира, а в какой – самого себя. Из

этого следует, что в зависимости от ситуации объектом активности человека могут быть и условия внешнего мира, и он сам. Каково будет решение человека в каждой конкретной ситуации, зависит от его ориентации в поле жизнедеятельности.

Мы приходим к заключению, что субъектность личности, проявляемая им во внутреннем мире, сопряжена с субъектностью в мире внешнем. Его способность управлять собственной жизнью должна трансформироваться в способность оптимального взаимодействия с внешним миром.

В эмпирическом исследовании мы рассматриваем взаимосвязь между проявлениями субъектности в собственной жизни и проявлениями субъектности в социальном мире. Использовались методики: тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. Леонтьева и тест «Социально-коммуникативная компетентность» (СКК) Е. Рогова. В опросе участвовали 675 человек в возрасте от 14 до 35 лет, из них 183 студента, 243 школьника, 129 безработных, 107 работающих (рабочих и служащих), 13 предпринимателей. В значениях СЖО мы рассматривали только показатели двух субшкал: локус контроля-Жизнь (ЛКЖ) и локус контроля-Я (ЛКЯ). Локус контроля-Жизнь подразумевает веру испытуемого в управляемость жизни, признание им этой управляемости; локус контроля-Я означает способность к управлению событиями своей жизни. Значения по этим субшкалам сравнивались с показателями СКК по субшкалам: социально-коммуникативная неуклюжесть (СКН), конформность (К) и фрустрационная нетолерантность (ФН). Достоверность зависимости между переменными вычислялась по критерию ϕ^* Фишера.

Вначале респонденты были разделены на группы с высокими, средними и низкими показателями СЖО и СКК. Сравнив показатели по обоим методикам, мы обнаружили значимые зависимости. Достоверность зависимости между переменными вычислялась по критерию ϕ^* Фишера.

В группе лиц с высокими ЛКЖ ($n=272$) значимое большинство имеет низкие значения СКН (59,2%); в группе лиц с низкими ЛКЖ ($n=259$) респонденты с высокими значениями СКН составляют значимое большинство (51,7%). То есть у лиц, признающих управляемость жизни, значимо ниже социально-коммуникативная неуклюжесть ($\phi^*=5,2 \leq 0,000$), а у лиц, не признающих управляемость жизни, значимо выше социально коммуникативная неуклюжесть ($\phi^*=6,4 \leq 0,000$).

Такая же значимая зависимость обнаружена между показателями ЛКЖ и значениями по субшкале «конформность»: у лиц с высокими значениями ЛКЖ значимо ниже конформность ($\phi^*=4,6 \leq 0,000$) и у лиц с низкими значениями ЛКЖ значимо выше конформность ($\phi^*=4,7 \leq 0,000$). Примерно такое же соотношение обнаружилось и при сопоставлении значений ЛКЖ со значениями ФН: среди респондентов с высокими ЛКЖ лица с высокой ФН составляют 32,0%, с низкой ФН – 54,0%; среди респондентов с низким ЛКЖ 46% имеют высокую ФН и 30,9% низкую ФН ($\phi^*=3,4 \leq 0,000$ и $\phi^*=5,4 \leq 0,000$ соответственно).

При сопоставлении значений ЛКЯ со значениями СКК выявилась такая же зависимость. Среди лиц с высокими способностями управлять собственной жизнью ($n=321$) значимое большинство (57,9%) имеет низкие показатели СКН, а среди лиц с низкими способностями управлять собственной жизнью ($n=257$) значимое большинство (56,0%) имеют высокие показатели СКН. Среди лиц с высокими ЛКЯ большинство респондентов имеют низкие, а в группе лиц с низкими ЛКЯ респонденты с высокими значениями К составляют значимое большинство (57,3%). То есть у лиц с высокой способностью управлять собственной жизнью значимо ниже конформность ($\phi^*=3,9 \leq 0,000$), а у лиц с низкой способностью управлять жизнью значимо выше конформность ($\phi^*=4,1 \leq 0,000$).

При сопоставлении значений ЛКЯ со значениями ФН обнаружилась такая же зависимость: способность управлять событиями собственной жизни и устойчивость к неудачам находятся во взаимной зависимости ($\varphi^*=1,4$ с $\leq 0,081$ и $\varphi^*=2,9$ с $\leq 0,001$).

При сравнении результатов тестирования по возрастным группам обнаружилось, что по мере увеличения возраста возрастает и зависимость между показателями СЖО и СКК. Наименьшая зависимость между значениями двух переменных выявлена у школьников, незначительно эта зависимость выше у студентов, самая высокая зависимость выявлена у работающих взрослых (19-35 лет) и безработных.

Результаты исследования подтверждают, что проявления субъектности в мире внешнем и в собственной жизни взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Библиографический список

1. Карпинский, К.В. Человек как субъект жизни / К.В. Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 279 с.
2. Коржова, Е.Ю. Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности. Дисс. ... д.пс.н. / Е.Ю. Коржова. – СПб.: 2001. – 485 с.
3. Леонтьев, А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2003. – 439 с.
4. Лепский, В.Е. Информационно-психологическая безопасность субъекта в изменяющемся обществе / В.Е. Лепский // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе / Тезисы докладов к международной научно-практической конференции. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – С.98–99.
5. Налимов, В.В. В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.
6. Осницкий, А.К. Самосознание и субъектная активность человека / А.К. Осницкий // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе / Тезисы докладов к международной научно-практической конференции. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – С.117–118.
7. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
8. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
9. Смолова, Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой / Л.В. Смолова. – СПб.: Речь, 2008. – 384 с.

УДК 159.922.8

R.P. Ljahov

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE AS SPECIFICITY OF THE YOUTHFUL REFLECTION

In the given article some forms of youthful creativity and vital communication in a context of its understanding as autobiographical practice which acts as means of a reflection, self-knowledge and self-development are considered.

Р.П. Ляхов

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СПЕЦИФИКА ЮНОШЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В данной статье рассматриваются некоторые формы юношеского творчества и живого общения в контексте их понимания как автобиографической практики, которая выступает как средство рефлексии, самопознания, саморазвития.

В юношеском возрасте, по мнению многих исследователей, происходит самоопределение молодых людей относительно круга общения, профессии, нравственных норм и идеалов, половой и культурной идентичности, своей общественной роли. Отношение к миру устанавливается через раскрывающуюся индивидуальность. В процессе самоопределения, установления отношений с окружающим миром в качестве взрослого человека юноше приходится осознавать смысл и значение тех или иных явлений жизни для себя самого. Все это порождает своеобразную субкультуру, в рамках которой происходит самовыражение молодых людей, поиск общего языка с самим собой, обществом, природой, миром (Н.Я. Большунова, 2005; С.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, 2000 и др.). Приведенные доводы позволяют нам представить некоторые формы самовыражения юношей и девушек как феномен автобиографической практики, к которой относятся тексты традиционной и альтернативной формы: электронный текст, рисунки, фотографии, исповедь, путевые заметки, дневниковые записи, собственно автобиографии, краткие или развернутые сюжетные рассказы о себе и т.д. В рамках нашего диссертационного исследования для выявления предпочтений молодых людей определенным видам рефлексивных самоописаний используется авторская анкета «Отношение к автобиографической практике» [5; с. 152 - 154]. Нами используется несколько разных «жанров» или форм упомянутой практики: личные дневники, автобиографии, фотоальбомы, исповедальное общение. За основной ориентир в анализе была принята практика ведения дневника, как наиболее традиционного вида автобиографической практики, потенциально более протяженного во времени, систематичного, т.е. отвечающего критерию периодичности. В статье представлены результаты анкетирования девушек в возрасте от 17-ти – до 21-го года (студентки новосибирских ВУЗов).

Таблица 1 – Сводная таблица видов практик по отношению к дневниковой практике (N=70).

Виды практик	Дневниковая практика		
	1 группа -12 чел (17%)	2 группа - 34 чел (49%)	3 группа - 24 чел (34%)
Сочинение автобиографий	3 (25%)	5 (14%)	3 (13%)
Составление фотоальбомов	6 (50%)	20 (58%)	14 (58%)
Осознают себя религиозными, исповедуются.	8 из 12 (66%)	17 из 34 (50%)	11 из 24 (46%)
	4 из 8 (50%)	4 из 17 (24%)	2 из 11 (18%)

Из общего количества опрошенных девушек (70 человек) 12 (17%) указали, что регулярно ведут дневник (первая экспериментальная группа), 34 (49%) когда-либо вели, но по разным причинам перестали (вторая экспериментальная группа), 24 (34%) никогда не вели дневника (третья экспериментальная группа).

1 экспериментальная группа. Средний возраст начала ведения дневника: 13-15 лет. Средняя продолжительность – 5 лет. Наибольшая длительность ведения дневника, указанная испытуемыми – 11 лет (с 10 лет). Наименее продолжительная дневниковая практика – 2 года (с 18 лет). Среди основных причин, побудивших к ведению дневника – тяжесть переживания, потребность в тайном, беспристрастном собеседнике: (здесь и далее пунктуация и стилистика респондентов сохранены): «Не всегда можно поделиться своими

мыслями с людьми». Для содержания дневников характерна направленность на личные отношения, собственные состояния, основная темпоральная направленность записей – настоящее (упомянули все 12 девушек).

В целом, все испытуемые 1 экспериментальной группы указали в анкетах, что с определенной периодичностью перечитывают дневниковые записи. Средняя периодичность – 1 раз в полгода/раз в год. Одна респондентка отметила, что обращается к своим записям 2 раза в неделю. 10 человек из 12 отметили, что отношение к ранее написанному меняется, 2 воздержались от ответа. Выявилась определенная степень влияния дневниковой практики на общее представление и жизнедеятельность личности: «Дневник способствует самоорганизации, лучшему пониманию своих целей».

II экспериментальная группа. Средний возраст начала дневниковых записей и средняя длительность ведения те же, что и у первой группы: 13-15 лет и 5 лет соответственно. Мотивы, побудившие к ведению дневника, перекликаются с теми, которые указали испытуемые 1 группы. Что касается характера содержания, то в центре, естественно, личные отношения, преобладающая темпоральная направленность записей – настоящее (встречаются ответы «прошлое-настоящее» и «настоящее-будущее»). Большинство (20 человек) ответили, что отношение к написанному у них не меняется и влияния особого дневник на них не оказал. Некоторые обозначили ограниченное влияние: «Испытала чувство удовлетворения и облегчения, когда поняла, что все, что в моем дневнике написано меня не тревожит. Уничтожение дневника приравнивается к началу новой жизни».

III экспериментальная группа. Из 24-х опрошенных 15 намеревались вести дневник. Что же их останавливало? Одним из характерных ответов был следующий: «Забывала записывать в нем неделями, что-либо и, в итоге, забрасывала все дневники» Все девушки в данной группе положительно ответили на вопрос о периодически возникающем желании понять себя, а в качестве причин указали все те же сложные, запутанные, тяжелые ситуации, кроме этого, 17 девушек признались, что у них периодически возникает желание «собраться мыслями, понять себя и подвести итоги какого-либо периода жизни».

На вопрос «Пробовали ли вы писать автобиографию?» 11 (15%) девушек из 70 ответили утвердительно, указав причины, которые можно условно разделить на «внешне-формальные» и «внутренние» (экзистенциальные). Ниже мы приводим авторские формулировки этих побудительных причин. Внешние: «Несколько дней назад подруги попросили написать роман (раньше я писала рассказы и стихи). Я решила, что лучше любого романа будет моя автобиография!». Внутренние (экзистенциальные): «Событий никаких не было, просто один раз пришла внезапная мысль, что я могу в любой момент умереть, и обо мне никто ничего не узнает». Первенство в предпочтении автобиографий принадлежит первой экспериментальной группе (см. таблица 1), что вполне логично, ведь у девушек данной группы хорошо развит навык самоописания и, видимо, богатый материал самонаблюдений и рефлексивных переживаний «под сукном», в совокупности рождающие желание рассказать о себе.

Сравнивая мотивы к ведению дневниковых записей и создания автобиографии можно зафиксировать интересную особенность – дневники, как правило, начинают, когда есть недостаток в «понимающем» собеседнике, но, скорее, в этом проявляется отсутствие желания делиться сокровенным вообще;

мы наблюдаем здесь «сжатие» бытия человека до изначальной единицы – его рефлектирующего «Я», в то время как автобиографии, напротив, могут быть направлены вовне, это поиск «своей» публики или в принципе некое общественное действие (участие в конкурсе).

Добавив в анкету ряд вопросов, посвященных фотографиям и фотоальбомам, мы руководствовались тем фактом, что молодежь, в силу огромного интереса к окружающему миру, к себе, другим людям, желая получить много впечатлений от общения и познания, старается сохранить краски жизни и возвращаться к ним. Достаточно провести простое наблюдение и убедиться: молодые люди очень много фотографируются, даже находясь в пределах привычного, обыденного для себя пространства, они создают креативные фотографии, выкладывают свои фото в Интернет на персональных страничках, участвуют в фотоконкурсах, придумывают для фото оригинальные названия, составляют красивые фотоальбомы. В самом по себе желании фотографироваться отражается «автобиографический» настрой молодого человека, но это еще не практика. Систематизация фотографий по абсолютно субъективным, но ключевым для данного человека принципам: по значимым датам, от младенческих фотографий до «взрослых»; по степени близости запечатленных на фото людей и т.д., подписи и комментарии под ними и, пожалуй, главное – периодический возврат к фотоальбому для уточняющих вставок, обогащения новым материалом, перелистывания его, и наличие явной потребности к этому возврату для пересмотра «кадров жизни»; осознания пройденного пути (биологического развития – от младенчества к юности, социального развития – детсадовские фото – школьные – студенческие), осознания границ своего мира посредством обращения к фотографиям с другими людьми (родственники, однокашники, возлюбленные и т.д.), или получения доли эмоций, пережитых когда-то – все это мы вполне можем сопоставить с употребляемым нами понятием «автобиографическая практика». Данные, приведенные в таблицах 1, 2 подтверждают наши предположения. Как минимум половина испытуемых в каждой экспериментальной группе призналась, что любит фотографироваться. Однако тех, кто упорядочивает свои фото в альбомах уже немного меньше. И все, за несколькими исключениями, любят рассматривать свои фотографии в одиночку или с друзьями. Наиболее склонны к визуализации воспоминаний представительницы третьей группы и в меньшей степени мы можем отнести эту особенность к девушкам первой группы. Не менее интересны и ответы на вопрос о том, какие чувства возникают при просмотре фотографий. Вот лишь некоторые из них: *«Испытываю теплые чувства о людях, о времени»; «Чувство умиления и жалости по прошедшим годам»; «Хочу вернуться в прошлое и очень многое исправить в своей жизни»; «Появляется чувство утраты чего-то...времени наверное»; «Воспоминания о прошлом, о другой жизни, можно сказать! И думаешь постоянно: «Как же я изменилась! Все было когда-то совершенно по-другому, меняется жизнь, условия жизни и меняешься сам»; «Приятно осознавать, что меняюсь я и мое отношение к себе»* и т.д.

Таблица 2 – Предпочтение фотоальбомам

Экспериментальная группа	Любите ли Вы фотографироваться?	Нравится ли Вам подписывать фотографии и раскладывать их в альбом?	Часто ли Вы показываете свои фото друзьям и близким?	Любите ли Вы рассматривать свои старые фотографии?
I группа - 12 чел (17%)	(58%)	(50%)	(41%)	(83%)
II группа - 34 чел (49%)	(67%)	(58%)	(64%)	(100%)
III группа - 24 чел (34%)	(75%)	(58%)	(50%)	(100%)

Средняя периодичность просмотра фотоальбомов, отмеченная испытуемыми, – раз в полгода. С точки зрения автобиографической практики в целом, фотоальбомы – это «легкий жанр» в силу мобильности фотоаппаратов, скорости производства фото и яркости впечатлений. В этом причина их популярности у молодежи. При восприятии фотографий возникает сложная гамма эмоций, отсюда у наших испытуемых при просмотре фотоальбомов актуализируется переживание «утраченного времени» (см. ответы), жизнь «пробегают» перед глазами. И если по форме фоторяды в альбоме – скорее мозаика, то по сути, т.е. по информативному потенциалу это альтернативный текст, нарративы, мотивирующие нас на интерпретацию, рассказ и соотнесение воспринимаемого с собственной ценностной сферой (вспомним, как увлеченно комментируют свои любимые фото друг для друга собеседники). Таким образом, человек посредством фотоальбомов способен быть нарратором для окружающих и для себя самого.

Исповедальность мы также считаем одной из сторон автобиографической практики. М.М. Бахтин относил исповедь к классу биографических жанров (М.М. Бахтин, 1979), В.В. Нуркова включает исповедь в сферу работы автобиографической памяти (В.В. Нуркова, 2000). Так или иначе, исповедальность является безусловным критерием автобиографичности. Придерживаясь этой мысли, мы включили в анкету ряд вопросов, посвященных религиозности и исповедальной практике. Следует уточнить: нашей задачей не является выяснение «истинных критериев религиозности», мы также можем предполагать некоторую легкомысленность или обыденность понимания религиозности у ряда наших испытуемых. Нам достаточен сам факт осознания религиозного чувства и потребности в исповеди у опрошенных людей. Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что религиозность наиболее присуща девушкам первой группы. В целом по выборке осознают религиозное чувство 36 человек из 70 (51%) из них исповедывалась треть: 10 из 36 человек (27%). Далее логично задаться уже знакомым вопросом: справедливо ли считать единичный опыт, в данном случае исповедальный, практикой? Безусловно, нет. Для выяснения периодичности мы сформулировали вопрос о том, насколько часто испытуемые ходят на исповедь. К сожалению, именно этот вопрос был проигнорирован большинством респондентов, а те немногие, кто ответили, указали, что исповедуются раз в полгода (по 2 человека из второй и третьей групп) и одна девушка первой группы отметила повторяемость 2 раза в месяц. По поводу остальных девушек, признавшихся в исповедальном опыте, следует предположить, что этот опыт у них единичный.

Исповедальный опыт, не связанный с церковью, напротив, присущ каждому, у кого есть близкий человек. В этой же части анкеты мы спрашивали испытуемых, насколько часто у них появляется желание выговориться. Приводим содержание некоторых ответов: *«Каждый день. Когда что-то важное происходило»*; *«Во время неудач и во время интересных происшествий и приключений, чаще во время смеиных ситуаций»*; *«Когда ситуация оказывается таким образом, что кажется, что осталась одна»*; *«Когда совсем плохо и ты не понимаешь почему это случилось именно с тобой»* и т.д. А также, мы включили вопрос о том, с кем готовы поделиться переживаниями наши испытуемые (см. таблица 3). Как можно убедиться, респондентки готовы рассказать о сокровенном в первую очередь близкому человеку, что вполне объяснимо с позиции культуры и традиции. Особенность исповеди в том, что это не просто речевое действие, - это поступок (М.М. Бахтин, 1979). Исповедывающийся очень уязвим, так как рискует остаться неоцененным или оцененным, но не понятым. В силу того, что в момент исповеди отсутствует ценностная вменяемость автора и героя, по выражению М.М. Бахтина, «они слиты воедино», нужен второй, пусть, не разделяющий ценностей исповедывающегося, но понимающий их смысл для него. Поэтому слушатель для исповеди выбирается весьма осторожно, фактически, если он не найден, исповеди нет. Некоторые наши испытуемые называли близким человеком свой дневник, которому можно сказать то, «что не скажешь даже маме».

Сакральность дневника – это защитная оболочка, хранящая поступок-исповедь от посягательств «непонимающих» значения поступка для самого поступающего. Позже мамы узнают все, что было в дневниках детей, если станут близким человеком. Именно в значении поступка тождественны, на наш взгляд, церковная и «бытовая» исповеди. В этом смысле мы отвечаем утвердительно на вопрос, является ли для наших испытуемых исповедальность практикой. Открываться, делиться переживаниями в первую очередь с близким человеком – это практика русского быта. А исповедальность, как мы аргументировали выше, является критерием автобиографичности.

Таблица 3 – Предпочтения в исповедальном общении

Экспериментальная группа	«Если у вас появляется желание выговориться, к кому вы обращаетесь?»				
	Близкий человек	Родственник	Психолог	Случайный человек	Другой вариант
I группа	66%	16%	_____	_____	16%
II группа	88%	20%	_____	3%	_____
III группа	44%	18%	3%	3%	_____

В завершении анализа данной части анкеты, осталось прокомментировать два факта: религиозность испытуемых первой группы и различный диапазон лиц, с которыми респондентки готовы поделиться переживаниями (см. таблица 3). Постоянное обращение к дневнику, сакрализация записей и нередко их исповедальный характер создают ощущение таинства, ритуальности. Об этом читаем у М.М. Бахтина: «чистый одинокий самоотчет невозможен;... чем глубже одиночество (ценностное) с самим собою и, прохождение себя, тем яснее и существеннее отнесенность к богу» [1; 270]. Регулярная автобиографическая практика актуализирует религиозное чувство или усиливает его у тех, у кого оно осознано. В меньшей степени подобной

эксклюзивностью проявления мыслей и чувств обладают испытуемые третьей группы. Из таблицы 3 мы видим у них потенциально более широкий диапазон лиц, с которыми они готовы поделиться переживаниями, что делает их в какой-то степени независимыми от сиюминутных переживаний, но бессильными в «минуты горестных сомнений», когда необходимая уединенность при сильном эмоциональном потрясении переходит в страх одиночества.

В целом, результаты проведенного анкетирования, указывают на приверженность девушек к различным формам автобиографической практики. На первом месте «устные» - составление фотоальбомов, исповедальное общение с близким человеком, церковная исповедь. Менее представлены «письменные» формы – ведение дневников и написание автобиографий, что, видимо, связано с большей энергозатратностью последних.

Причины предпочтений того или иного вида автобиографической практики зависят от жизненной ситуации и душевного состояния испытуемых, к примеру: ведение дневников связано с потребностью в тайном собеседнике, желанием лучше понять себя, что-то поменять в жизни; обращение к фотоальбомам связано с ностальгическими чувствами об ушедшем времени, желанием вспомнить яркие моменты жизни, разделить эмоции и воспоминания с близкими. Исповедальный опыт актуален в тяжелые периоды жизни, обусловлен невозможностью носить в себе тяжелый груз переживаний. Автобиографии и фотоальбомы зачастую направлены вовне, к близкой по духу публике, тогда как дневники и исповеди привлекательны для наших испытуемых сакральностью, и вторжение чужого в подобный дискурс воспринимается как трагедия. В целом, с некоторой оговоркой, мы можем отметить следующую тенденцию: девушек первой экспериментальной группы привлекают исповедальный потенциал автобиографической практики (дневники, доверительное общение), тогда как испытуемых второй и третьей групп - возможность рассказать о себе, т.е. автобиографический дискурс выступает как форма самовыражения, самопрезентации.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: «Искусство», 1979. – 424 с.
2. Большунова, Н.Я. Субъектность как социокультурное явление / Н.Я. Большунова. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – 302 с.
3. Нуркова, В.В. Свершенное продолжается. Психология автобиографической памяти личности / В.В. Нуркова. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
4. Слободчиков, В.И., Исаев, Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школьная пресса, 2000. – 384 с.
5. Социокультурные детерминанты и мотивационные основы развития личности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ Владимира Григорьевича Леонтьева / под ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – 556 с.

**PERSON'S IDENTIFICATION IN THE CIRCLE OF PROBLEMS OF
SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE PRESENT**

In article person's position in the present and possibility of personal identification is considered. Moral identification is presented as the basic in person's self-determination.

Л. Ф. Новицкая

*Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств,
г. Санкт-Петербург*

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КРУГУ ПРОБЛЕМ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОСТИ**

В статье рассматривается положение человека в современности и возможности личностной идентификации. Нравственная идентификация представлена как центральная в деле самоопределения личности.

Становление и развитие индивидуальности всегда сложный, энергично и нервно затратный процесс. Он изобилует массой опасностей социального и нравственного характера. Человек в процессе становления оказывается перед лицом огромного количества проблем, в том числе, - и личностного свойства. А специфика такой проблематики, - что она не выговаривается. И не потому, что окружение может быть недоброжелательно и неспособно понять, а скорее, - есть принципиальная невозможность такой открытости. Речь идет о самой интимной сфере, - сфере становления человека в качестве уникальности и единственности в мире, и слова, способные выразить происходящее, у человека еще не проявились, не созрели, они рождаются в самом процессе и по мере того, как процесс продвигается. Душевное обнажение и вообще-то трудная и опасная вещь, а в ситуации неготовности и в окружении, не настроенном на такой дискурс, и вовсе может привести к стиранию, уничтожению или уродованию робких и неясных ростков самопонимания. А это еще и весьма болезненно. Таким образом, человек оказывается наедине со всеми своими тяготами, муками неопределенности и невыразимости. Потребность в своей определенности остра, реализация затруднена, а нестабильность, подвижность, изменчивость, невозможность установиться в чем-то осознаются как серьезный личностный дефект на фоне - как кажется - так спокойно и уверенно существующих окружающих.

В этом состоянии «человек всегда ищет стабильность вне себя, на которую он может ориентироваться» [3,18]. Такого рода формами стабильности могут быть формы социальной организации, национальное объединение, семья и клан, профессиональные группы, группы людей, объединенных общим хобби и т.п. Установиться в личностно значимом качестве посредством встраивания в стабильно и традиционно существующие социальные структуры – путь давно отработанный в истории и дающий почти стопроцентный успех. Для европейского средневековья, это был, пожалуй, единственный, за крайне редким исключением, и весьма эффективный способ обретения собственного лица. Путь этот не был ни мучителен, ни осложнен проблемами. Матрица образа для каждого сословия четко отработана и не давала возможности отклониться от социально одобренного пути, что довольно серьезно облегчало задачу.

Все кардинально переменилось в эпоху Возрождения, когда буквально «взорвался» интерес к человеку как единичности. Идея о необходимости

развить в себе уникальную личность, сформировать индивидуальность стала одной из ключевых не только в общественном сознании, но и в трудах мыслителей того времени. В частности была высказана интересная мысль, что человек есть свое собственное творение, и что свобода выбирать себя дана ему творцом. В «Речи о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандоллы Создатель говорит: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. ... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные» [2, 249].

Начавшись в эпоху Ренессанса процесс индивидуализации идет до сей поры, обрастая по ходу все новыми закономерностями. С одной стороны, «выбивание» человека из среды, предлагающей традиционные способы самоидентификации, становится все более выразительным. Ведь на самом деле, те общности, что естественно дают человеку некую определенность, - нация, семья, родина и пр. не исчезли и вряд ли когда исчезнут. Но чем далее, тем все менее оказывается значима такая идентификация. Рассматриваясь, как нечто данное, она уже не представляет собой пространства значимого для человека присутствия. А где то социальное пространство, которое дает значимую человеку идентичность? Оказывается, что не только образ идентичности личности, но и пространство ее возможного обретения не определено.

С другой стороны, процесс индивидуализации коррелирует со все более богатым развитием культуры. И само Возрождение, и последующие века показывают все растущую сложность и богатство культурного, социального и духовного развития общества. Но при этом все менее оказывается возможным найти адекватную для индивидуального самообретения человека социальную структуру. Всякий раз что-то остается за ее пределами. Можно определить данное положение так: чем богаче и сложнее культурный код общества, тем в большей степени свободен человек от внешнего принуждения или заданного и одобренного внешнего ориентира в самоидентификации, в самосозидания собственной личности. И тем в большей степени возрастает лакуна неопределенности. А это ведет к тому, что общество, имея все более широкий спектр способов экзистенциального присутствия в жизни, именно этим со все большей настойчивостью вводит человека в ситуацию необходимости самоидентификации своим собственным, уникальным образом. Очевидно, что качественно нарастает и предъявляет к человеку все более высокие требования социально, культурно, эстетически, духовно и нравственно развивающееся бытие современности.

Складывается парадоксальная ситуация: на фоне все растущего богатства и разнообразия культурных, социальных и духовных практик все более одинок и неприкаян человек в своих поисках адекватного кода самоидентификации и утверждения себя в качестве личности. Известная скудость вариантов самоутверждения человека традиционного общества дополнялась теплотой и надежностью этих косных социальных организмов. Тогда как множественность вариантов, не всегда даже поддающаяся охвату сознанием индивида, выбрасывает человека в ледяную пустыню неопределенности и сиротства. Полное ощущение – нигде я не свой. И это «свое» следует создать. Несколько огрубляя реально протекающий процесс можно сказать, что требование самоидентификации присутствует в современности в несколько агрессивном варианте.

Более того, в современном состоянии нашего общества прослеживаются тенденции, еще более осложняющие и без того этот не простой процесс. К ним следует отнести некоторую неестественность появления этой потребности в современном российском обществе. Еще сравнительно недавно, а для темпов,

какими обычно изменяется общественное сознание, так и вовсе рядом, официально одобренным и социально практикующим кодом бытия человека была так называемая социалистическая коллективность. И при всей неестественности и даже некоторой фальши данной практики, она была достаточно устойчивой формой идентификации личности. Дело в том, что здесь нашли воплощение элементы «храмового эффекта», рождающегося в процессе церковной службы. И этот отсыл к вековой духовной практике и делал сие странное образование душевно приемлемым и необходимым. Кризис же этой формы идентификации, кроме всех прочих причин, развился еще и в результате ее острой амбивалентности, состоящей в том, что коллективность в деле ответственности оказалась коллективной безответственностью, трансформировавшейся в персональную ответственность за нереализованность, как выяснилось, - принципиальную, поставленных целей.

Индивидуальная идентификация в рамках социального организма в ситуации его неуспешности вещь довольно затруднительная. Эта трудность рождает несколько ходов своего разрешения, один из которых в том числе ведет к актуализации потребности в индивидуальной идентификации личности. Неестественность такого хода видится в том, что потребность как бы задана извне. А это внешнее ее происхождение, конечно же, подтвержденное душевной склонностью, тем не менее, налагает и на факт ее осознанности, и на способ ее действия определенные, заданные прошлым, интенции и ориентации. «Мертвый хватает живого». Если и нет осознанного «оборачивания» назад, тем не менее, это, еще совсем недавнее прошлое сказывается во многих структурных элементах нового порядка самоактуализации личности. Даже яростное и сильное стремление отринуть прошлое есть показатель его близости и связности с ним. Это еще одна действительная проблема современности на пути индивидуализации личности.

Следует отметить повсеместную «сбитость» моральных ориентиров. Может быть термин «сбитость» не особенно прозрачен, но он наиболее точно отражает то положение, что сложилось в обществе. Наверное, было бы большим преувеличением сказать, что были времена, когда в обществе, возобладала одна система моральных ценностей. Но при этом, всегда системы моральных ориентиров и предпочтений разделены, и довольно четко. Сегодняшнее же состояние общества в нашей стране можно охарактеризовать как моральный хаос. Здесь не просто представлено несколько разнонаправленных моральных ориентаций, дающих возможность выбора. На самом деле так всегда и бывает. Ситуация оказывается труднее и неприятнее: моральные ориентиры по большей части отбрасываются за ненадобностью. Иногда на их место приходят феномены, не имеющие к нравственности никакого отношения. Иногда создается некоторый микс разнообразных устремлений, среди которых оказываются некоторые моральные представления в окружении феноменов другого порядка. Есть и другие варианты. А в целом, невероятная путаница, и хаос.

Указанные характеристики не исчерпывают содержания современной социально-культурной ситуации. Это не может быть предметом исследования в столь малой работе. Но представляется, что указанные особенности дают представление об особой сложности личной идентификации в современном нам обществе.

По мнению В.С. Библера эта сложность может быть обозначена как «вышибленность» из социума [1,38]. При таком понимании положения человека возможность идентификации оказывается достижимой вне социальных структур, а именно на путях предельной сосредоточенности на собственном эго. При этом любое действие человека, или любая реализованная его интенция может состояться только в контексте ее явленности миру, говоря иначе, в случае ее присутствия в мире и в силу этого изменение последнего. То

есть, сравнительно с традиционным обществом здесь имеет место обратное движение: не общество в виде сформированных структур предоставляет возможности самоидентификации личности, а сам человек в движении к самопониманию и конституированию себя как автономной личности задает бытийный статус и собственному существованию и тем изменениям окружающего мира, случившееся в результате этого действия субъекта. В результате получается буквальное созидание человеком себя и мира во всех смыслах и отношениях. Среди всех возможных форм и отношений, которые могут дать поле для самоидентификации личности по значимости и напряжению поиска первой является потребность в этической самореализации. Или, говоря иначе, потребность в собственной моральной идентичности, каковая предстает как осевой стержень всей личностной конструкции. Такая роль моральной идентичности связана с тем, что нравственный срез бытия присутствует во всех его сферах, так что человек, где бы и что бы он ни делал, всегда предстает как человек нравственной так или иначе определенный. Нравственное самочувствие определяет и общее мировоззренческое состояние человека. Нравственность как «внутренний закон во мне» (И. Кант) вообще неустраима и незаменима. Именно с нею, так или иначе, связывается самопонимание человека, именно в сфере нравственной самодеятельности он реализуется как таковой. И как бы общество ни менялось, какие бы новые парадигмы социальной жизни ни появлялись, этот срез бытия остается во всей своей, временами грозной, значимости. А потому и путь из состояния социальной и мировоззренческой неопределенности не может быть иным, как путем этической самореализации и, соответственно, нравственной идентификации. Каковая, первую очередь, реализуется через внесение в мир смысла, хотя бы в сравнительно небольшом ареале личного присутствия.

Библиографический список

1. Библер, В.С. Нравственность. Культура. Современность. (Философские раздумья о современных проблемах) / В.С. Библер // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С.16–57.
2. Мирандолла, Джованни Пико делла Речь о достоинстве человека / Джованни Пико делла Мирандолла // Эстетика Ренессанса: Антология. В 2 т. Т.1. – М.: Искусство, 1981. – С.243–305.
3. Труфанова, Е.О. Человек в лабиринте идентичностей / Е.О. Труфанова // ВФ. – 2010. – № 2. – С.13–22.

УДК 159.923+316.7

G.S. Popova

Yakut state university of M.K. Ammosov, Yakutsk

FORMATION OF PERSON'S «CREATIVE» IDENTITY IN THE COURSE OF ETHNO-CULTURAL SOCIALIZATION

As a result of classification of ethno-cultural identity the author offers identity type under the name «creative» identity and comes to a conclusion that identity of «human» level is inherent in all ethnoses, and for successful socialization it is necessary «humaneness» of person.

Г.С. Попова

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

ФОРМИРОВАНИЕ «ТВОРЧЕСКОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ Личности в процессе этнокультурной социализации

В результате классификации этнокультурной идентичности автор статьи предлагает тип идентичности под названием «творческая» идентичность и приходит к выводу о том, что всем этносам присуща идентичность «человеческого» уровня, а для успешной социализации необходимо «очеловечивание» человека.

Известно, что в современной науке выделяется три модальности идентичности: «психофизиологическая», связанная с единством и преемственностью психологических и физиологических процессов в организме человека; «социальная», связанная с осознанием и переживанием своей принадлежности к определенной социальной общности; «личная» (или самоидентичность), связанная с ощущением «самости», самодостаточности, цельности, с преемственностью и единством жизненных целей, ценностей, мотивов жизнедеятельности. Если психофизиологическая идентичность имеет, прежде всего, антропологические и гендерные истоки, то социальная и личная идентичность индивида устанавливается и воспроизводится только в социуме и в сложных социальных взаимоотношениях. Это установление и воспроизводство представляет собой процесс идентификации и имеет локальные культурные особенности, происходящие на ментальном уровне. Указанные особенности необходимо учитывать в социализации личности. Актуальность рассматриваемого вопроса для успешного решения социокультурных проблем современного человека очевидна. В данной статье мы рассмотрим культурные особенности этнической идентичности на примере этноса саха и формирование идентичности личности в современных этнокультурных и социальных условиях. Работа выполнена с применением методов типологии и лингвокультурного анализа, также проведен теоретический анализ культурологической, философской и психологической литературы по проблеме исследования.

Идентичность – это определенное состояние, означающее постепенное перенесение индивидом на себя (освоение, интериоризация) качеств общности, в которой индивид формируется как личность. Идентичность можно понимать и как постоянное, повседневное деятельное (поведенческое) воспроизводство своей принадлежности к группе. Соответственно, этническая идентификация (самоидентификация) означает «интериоризацию» качеств этнической общности, сформировавшихся в процессе этногенеза [И.Л. Набок, 2009]. «Этническая идентичность это то понятие, определение смысла которого напрямую зависит от решения фундаментальных вопросов этнологической теории – вопросов укорененности (примордиализм) или конструируемости (конструктивизм) этнического на уровне личности и на уровне общности. И то, и другое в определенной степени присутствует и проявляет себя в этнокультурных процессах: нельзя полностью отрицать укорененность этничности, лишая ее тем самым каких бы то ни было онтологических оснований, ибо этому противоречат многие факты жизнедеятельности, поведения как индивида, так и группы, которые не могут быть объяснены сознательным и целенаправленным «конструированием» [4, с. 21]. Действительно, в этнической идентификации роль играют оба указанных фактора – наследственность и сознательность, и это объясняется дуальностью природы человека и природы культуры. В качестве наследственности проявляется природное начало в человеке и культуре, а в качестве сознательности – культурное начало.

Одновременно, идентичность как состояние человека непременно имеет тройственность, и на этот факт указывают многие исследователи. Например,

Л.М. Дробижева вычленяет в идентичности три основных взаимосвязанных компонента: когнитивный (познавательный), эмоциональный и регулятивный (поведенческий) [Л.М. Дробижева, 2006]. Три взаимосвязанных компонента человеческой сущности саха называет Кут, который в нашем понимании представляет собой триединую субстанцию. Указанные компоненты на языке саха называют Ийэ кут, Буор кут, Салгын кут, и они соответственно представляют собой сущностную основу духовно-интеллектуальной, биофизиологической, нравственно-социальной сфер личности человека. Отмечаемые автором Дробижевой компоненты в рамках определенного приближения можно соотнести к этим самым трем Кут.

Выделенные выше три модальности идентичности при конкретизации органических процессов в человеке, осознания и переживания человеком своей принадлежности к общности и, наконец, ощущения им «самости» также соответствуют проявлениям Буор кут, Салгын кут и Ийэ кут человека. Отсюда следует вывод о том, что проявление, реализация данности, вложенной в Кут человека, есть динамичный процесс идентификации, а идентичность как состояние наступает в виде текущего, но одновременно статичного результата процесса идентификации из внутренней триединой сути человека Кут. Тогда получается, что укорененность этничности есть факт неоспоримый и естественный.

Идентичность есть духовно-душевно-телесное статическое, стабильное состояние человека. Притом, духовность выступает как свойство нервной системы человека (айылгы), душевность как свойство психо-эмоциональной системы (уйулга), а телесное в человеке есть свойство его физиологической системы (сиин). Соответственно, духовное заложено в Ийэ кут человека, душевное – в Салгын кут, а телесное – в Буор кут. Человеку присущи разного рода идентичности, которых он достигает постепенно в ходе своей социализации и инкультурации. Приведем эти роды идентичностей в виде таблицы (см. таблицу 1)

Идентификация идет постоянно, а идентичность как состояние наступает, созревает временами, затем прибавляется новый род идентичности, таким образом, постепенно формируется этнокультурная идентичность человека – внутреннее богатство его духовно-душевно-физического состояний.

В культурологической науке выделяют понятие культурной идентичности. Культурная идентичность – это оформленное в виде истории, мифов, религии, духовной жизни народа стремление сохранить и защищать культурные достояния. Это постоянно пересматриваемый и оцениваемый проект жизни индивида или народа, направленный на будущее. Важнейшие признаки идентичности личности – отличие от других и целостность [Б.С. Ерасов, 1997]. То же самое можно утверждать про этнос и этническую личность. В этой связи становится возможным говорить также об этнокультурной идентичности, введя в приведенное определение вместо понятия народа понятие этноса.

А.П. Садохин выделяет 7 условных типов этнической идентичности, которые мы приведем здесь в несколько сокращенном изложении: 1. «Нормальная» или «позитивная» идентичность, связанная с формированием положительного образа своего народа, положительного отношения к своему этническому происхождению. 2. «Этноцентрическая» идентичность, предполагающая не критическое предпочтение какой-либо этнической группы и сопровождающаяся стремлением к изоляции, замкнутости. 3. «Этнодоминирующая идентичность» с признанием этнической

принадлежности высшей, приоритетной для человека ценностью, с признанием превосходства своего народа (Г.П. этноса), сопровождающегося дискриминационными установками в отношении других этнических групп, а также стремлением к «этнической чистоте». 4. «Этнический фанатизм» - крайне агрессивная форма «этнодоминирующей идентичности», связанная с абсолютным и подавляющим доминированием этнических интересов своей группы (иногда иррационально интерпретируемых) и готовностью идти на любые жертвы и действия. 5. Этническая индифферентность – практически полное равнодушие к своей этнической принадлежности, ценностям культуры своего народа и к межэтнической коммуникации, независимость от традиций и норм своей этнической группы. 6. Этнонигилизм – тип идентичности, являющийся выражением «космополитической позиции»: отрицание ценности этничности как таковой, связанное обычно с уничижительной оценкой статуса этнической группы, с которой личность связана по происхождению. 7. Амбивалентная этничность – тип этничности, широко распространенной в этнически смешанной среде, и не явно выраженный в поведении [9, с. 178-179].

Таблица 1 – Роды идентичностей человека

№	Род идентичности человека	Содержание идентичности	Качество личности человека	Адекватное состояние человека
1	Человеческая идентичность	Ребенок начинает отличать себя от остального животного мира	Отличительность, целостность	Пожизненное человеческое состояние
2	Гендерная идентичность	Ребенок начинает отличать свой биологический пол	Отличительность	Пожизненное человеческое состояние
3	Этническая идентичность	Ребенок начинает отличать свою этническую принадлежность	Отличительность, целостность	Пожизненное человеческое состояние
4	Территориальная идентичность	Ощущение и осознание человеком своей неразрывной связи с родной землей	Целостность	Пожизненное человеческое состояние
5	Мировоззренческая методологическая идентичность	Осознание человеком своих мировоззренческих методологических принципов	Позиционность	Возможно преходящее состояние
6	Идеологическая идентичность	Человек начинает поддаваться действенной идейно-политической установке	Оппозиционность	Возможно преходящее состояние
7	Возрастная идентичность	Осознание человеком своих возрастных особенностей	Позиционность	Преходящее состояние

И.Л. Набок предлагает еще один тип идентичности, который называет «толерантной идентичностью» – это тип этнической идентичности, который развивает ее «нормальный» (или «позитивный») тип до состояния, когда «иная» этническая идентичность признается вполне равноправной, паритетной, «рядоположенной». Т. е. тип идентичности, имеющий диалоговый характер, направленность не только «на себя». Автор подчеркивает, что «именно этот тип этнической идентичности только и может стать основой для нормальной, равноправной межэтнической или межнациональной коммуникации» [4, с. 23]. Если это восьмой тип этнической идентичности, то, исходя из триединства Кут и тринарности культуры, мы, в свою очередь, также в качестве дополнения к

приведенной типологии предлагаем девятый тип этнокультурной идентичности, а именно – осознание и ощущение в себе наличия духа творчества (айыы тыына), свободы на творчество (айар кэнгюл). Это есть идентификация себя человеком, наделенным свободой на творчество (айыы киситэ). Мы назовем этот тип идентичности «творческая» идентичность. Для саха этот тип идентичности соответствует идентичности человека-айыы (Айыы киситэбин дэнии). При этом типе идентичности человек не только ощущает, осознает, но и реализует свою внутреннюю творческую свободу, выполняя свое творческое предназначение – айар анал.

Приведем рассмотренные типы этнической идентичности в соответствие с тремя Кут человека и расположим их в девятиричную матричную структуру (см. таблицу 2):

Таблица 2 – Типология этнокультурной идентичности личности

1. Идентичность по Ийэкут	2. Идентичность по Буоркут	3. Идентичность по Салгынкут
1.1. «Творческая» идентичность (Идентичность человека-айыы)	2.1.»Толерантная идентичность»	3.1.»Нормальная» или «позитивная» идентичность
1.2. Этническая индифферентность	2.2. «Этноцентрическая» идентичность	3.2.»Этнодоминирующая идентичность»
1.3. тнонигилизм (космополитизм)	2.3. Амбивалентная этничность	3.3. «Этнический фанатизм»

Разумеется, приводимое структурирование можно оспаривать, но здесь мы хотим показать эволюцию и борьбу духа и антидуха в человеке. Первый уровень идентичности (см. в таблице 1 строку 1.1., 2.1., 3.1.) по всем трем Кут человека соответствует нормальному (нормативному), одновременно природному и культурному проявлению заложенных в человеке данностей и способствует нормальной, творческой, взаимообогащающей коммуникации и социализации в любом социуме. Этот уровень назовем «человеческим» уровнем идентичности. Второй уровень идентичности (там же, строка 1.2., 2.2., 3.2.) еще не представляет явной угрозы для всего человечества, для сохранения человеческого общества, но, как правило, не одобряется социумом – назовем этот уровень «асоциальным». А вот третий уровень идентичности (там же, строка 1.3., 2.3., 3.3.) представляет собой проявление в человеке антидуха – открыто противостоит обществу и вызывает проявление антикультурных действий – назовем этот уровень «нечеловеческим». Толерантность любой степени на этом уровне нивелируется, и человек становится способен на антигуманные действия. С третьего уровня возможен переход на второй и первый уровни, и процесс идентификации при этом называется «очеловечивание» человека –»киситийии». Это есть процесс эволюции духа, отличающий человека от всего остального животного мира.

Также отметим, что по представлениям саха вне указанных девяти типов идентичностей есть идентичность «внечеловеческая». Это есть одновременно и социальная оценка состояния личности. Критерии этой оценки состоят в оценивании степени утери личностью качеств человечности и определяются в культуре саха по следующим маркерам: 1) «Абаасьгыыйы» (буквально «бешенство») – разрушение гармонии в субстанции Салгын кут; 2) «Кыыллыыйы» («озверение» человека) – разрушение гармонии в субстанции Буор кут; 3) «Киси аатыгтан тахсыы» (утеря человечности) – разрушение гармонии в субстанции Ийэ кут;

В проявлении этих внечеловеческих типов идентичностей играет роль не дух, а антидух. В человеке при его появлении на свет по закону двойственности перинатально вселяется не только Дух, но и Антидух. Способ восстановления человечности из власти антидуха – становление на путь очеловечивания, путь постижения творчества – Айыы суолунан айан. Здесь проявляется нормативность культуры – чтобы встать на путь творчества, необходимо придерживаться культурных норм – айыы суолун тутусуу. Путь – это жизненный путь человека, его биография – олох суола. Испросить, вернуть в себя дух творчества (Айыы тыына) – значит вдохнуть дух творчества (айыы тыынын ылыы). Вот способ возвращения личности в человеческое состояние.

Этнокультурной идентификацией мы назовем устремленность на будущее мирное сосуществование этносов в «Саде» общечеловеческой культуры. То есть, этнос с такой идентификацией ясно видит свое достойное место среди других равноценных культур в ходе своего исторического развития. Способность культурного субъекта оттолкнуться от настоящего в будущее возможна только при наличии опоры на традиционное, установившееся, укорененное. И тремя точками этой опоры являются, несомненно, полное владение родным языком, традиционное религиозное верование и чувство родины, дух родной земли [Г.С. Попова, 2004; Г.С. Попова, 2006]. Коротко рассмотрим, каково современное состояние этих трех точек опоры на примере якутского этноса с самоназванием саха.

Важным возрождающим самосознание, традиционную культуру и вместе со всем этим этнокультурную идентичность народов России фактором явилось восстановление в конце 20-го столетия права на частную собственность и землепользование. Именно аграрное производство, скотоводство выступают движущим механизмом традиционной культуры. Традиционная мораль, религиозно-философское воззрение народа, народная педагогика и психология стали воспроизводиться не ради их воспроизведения, а вновь востребованы народом для природосообразного жития, для исконно сельского быта, для самобытия. Вместе с аграрным производством возрождается и крепнет святое чувство истинного патриотизма, чувство родины, привязанности к родным местам, а значит, проявляет себя и состояние, самосознание человека, называемое этнической идентичностью. Представителями коренных народов создаются произведения искусства и народного художественного творчества с патриотическим смыслом, где на первый план явственно выступает актуализированный архетип земли.

Религиозное верование народа саха вот уже с немалым четыре века мирно соседствует с православным христианством и до сих пор в целом сохраняет свою автономность, хотя процесс ассимиляции верования Айыы в известной мере идет. Специалисты отмечают, что налицо фактор явления двоеверия – сосуществования двух религиозных миропониманий в едином культурном пространстве [А.Г. Новиков, 1996; К.Д. Уткин, 2000]. Но в Якутии на нынешнем историческом этапе встретились еще и противоречивые интересы мировых конфессий. Каждая обосновавшаяся в республике конфессия стремится к господствующему положению, ведет борьбу за объединение своей веры и завоевание ее устойчивого положения. В данных условиях возможно проявление амбивалентной идентичности, приводящей людей в смятение духа, в искание потерянного.

Что же касается родного языка, то современные родители, как социальные заказчики системы образования, в силу недостаточности современной

гуманитарной образованности некомпетентны в выборе языка обучения своих детей, в результате чего в столице республики на данный момент только около 40% детей саха, посещающих дошкольные образовательные учреждения, на достаточно высоком уровне владеют родным якутским языком (по результатам мониторинга НИИ НШ МО РС(Я) 2004-2005 гг.). Стереотип мышления в области культурного образования может быть преодолен лишь с приходом нового поколения родителей, просвещенного культурологически, психологически, социологически и понимающего роль родного языка в культуре личности [Ж.Т. Уталиева, 1995]. Также нельзя отрицать наличия в современном обществе маргинальных слоев, которым безразлична судьба как нации, так и всего человечества, и которые неспособны к этнокультурной самоидентификации, и в подобных случаях появляется пример этнической индифферентности.

Обращение к лингвосфере саха, к этническому логосу показывает, что по сравнению с идентификацией современных западных наций, которая последовательна и иерархична: «Я – прежде всего человек, а затем представитель своего народа», отмечается существенное отличие. В олонхо саха говорится: когда заселяли Срединный мир «двуногими» – людьми, то вместе со всеми, наравне со всеми поселили и три племени саха-ураангхай [П.А. Ойунский, 1975]. Это есть начало ментального стремления саха быть наравне с другими людьми – «дьон тэнинэн буолар бага». В этой формуле отсутствует последовательность и иерархия отношений между этносами. Есть рядоположенность, есть равноценность. В этом отношении идентичность представителей этноса саха можно отнести к «нормальному» или «позитивному» типу.

Есть слово сахалар – саха во множественном числе. Вот это-то слово и выражает, видимо, понятие и народа, и нации, и этноса саха. В понятии «биһиги, сахалар» – мы, якуты – и слышится, и чувствуется общенациональность, единение, цельность и инаковость от других [У.А. Винокурова, 1994]. Как известно, этничность всегда связана с географическим происхождением, родным ландшафтом. Здесь также проявляется «позитивная» идентичность.

Фразеологизмы, находящиеся и поныне в употреблении, гласят о том, что все мы «Айыы хаан аймахтарабыт» – айар хааннаахтар бары аймахтыбыт, то есть по предопределению свыше все сотворенные (культуротворящие, людские общности) одной крови (родственны, едины). «Кюн ёркён уустарабыт», то есть как род наделенных разумом, стремимся к свету и жизнеутверждению. Олонхо также говорит об единых корнях, одновременности происхождения и поселения в Срединном мире всех 35-и людских рас (родов – биис уустара), о вере в Единого Творца – Айыы, о человеке айыы (айыы киситэ), о людях Солнечного улуса (Кюн улуусун дьоно) [П.А. Ойунский, 1975]. И человек-саха с таким религиозно-философским воззрением спокойно и мудро смотрит на все другие религии мира. Ибо видит, помнит (входит в анамнесис) и понимает изначальное единство всех религий и будущее их единение. Отсюда питается его религиозная толерантность и толерантная идентичность. Здесь же проявляется и предлагаемый нами тип идентичности – «творческая» идентичность, состоящая в знании и осознании истины о со-творенности человека, всех людей на земле. Идея сотворения, противоположная идее эволюционного происхождения человека из человекоподобных приматов, присуща самосознанию всего человечества с первобытным мышлением. Человечеству

присуща культура анимизма, тотемизма и фетишизма, доказывающая осознание человеком своей отличности от всего остального живого мира – «человеческий» уровень идентичности.

Как видно из приведенного анализа, формирование идентичности личности в современном социуме встречает серьезные трудности, поскольку в психике современного человека в силу воздействия техногенной цивилизации и глобализационных процессов начинает проявляться не творческий дух, а антидух, приводящий общество к антикультуре. Проблемы в межкультурной, межличностной и иных видах коммуникаций, проблемы в формировании идентификации личности в современном социуме можно и нужно решать путем «человечивания» человека и человеческих масс, при этом в первую очередь достигая «творческой» идентичности личности.

Библиографический список

1. Винокурова, У.А. Сказ о народе саха / У.А. Винокурова. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – С.144.
2. Дробизева, Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. – М.: Ин-т социологии РАН, 2006. – С.10–11.
3. Ерасов, Б.С. Социальная культурология: В 2 ч. / Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1994. – 312 с.
4. Набок, И.Л. Этническая толерантность и идентичность // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и межконфессиональной толерантности: Сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 14-17 апреля 2009 г.) / Под науч. ред. И.Л. Набока. В 2-х частях. Часть 1. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 18–24.
5. Новиков, А.Г. Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации / А.Г. Новиков. – Якутск, 2005. – 180 с.
6. Нюргун, Боотур. Стремительный: якутский героический эпос олонхо. Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский / [Перевел на русский язык Владимир Державин] // Науч. ред. И.В. Пухов/ Изд. 2-е. – Якутск: Книжное издательство, 1975. – 432 с.
7. Попова, Г.С. Дух родной земли как исток духовности. Логос. Культура. Цивилизация / Матер. 6-й межвуз. н.т.к (г. Якутск, 29 мая 2002 г.) // Г.С. Попова.. – Якутск, 2004. – С.134–137.
8. Попова, Г.С. О менталитете и языке этноса в условиях глобализации / Сб. докладов, т. 2. Всеросс. науч.-практ. конф. «Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона» (5-6 июля 2006 г.) // Г.С. Попова.. – Улан Удэ: БГУ, 2006b. – С. 284–292.
9. Садохин, А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. и доп. / А.П. Садохин., Т.Г. Грушевицкая. – М.: «Академия», 2003. – 320 с.
10. Уталиева, Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности: Автореф. на соиск. уч. степ. канд. псих. наук / Ж.Т. Уталиева. – М.: 1995. – 26 с.
11. Уткин, К.Д. Религиозно-философские воззрения коренных народов Якутии: учебное пособие / К.Д. Уткин. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 2000. – 220 с.

FEATURES OF THE RELATION TO AND TO THE WORLD AT VARIOUS CHARACTERISTICS OF TIME RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE

In the article on the basis of theoretical analysis and empirical research specific features of students' time perspective and a retrospective, and also the relation to and to the world are considered.

Ю.В. Режепа

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ И К МИРУ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВРЕМЕННОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье на основе теоретического анализа и эмпирического исследования рассматриваются индивидуальные особенности временной перспективы и ретроспективы студентов, а также связанное с ними отношение к себе и к миру.

Изучение и анализ научной литературы убеждает, что в настоящее время вопрос о временной перспективе и ретроспективе является одним из самых важных вопросов, особенно тогда, когда речь идет об отношении человека к себе и к миру.

Отношение человека к себе и к миру есть некое специфическое свойство жизнедеятельности, обусловленное, на наш взгляд, совокупностью нравственных, духовных ценностей человека, устойчивых принципов, взглядов, которые служат фундаментом временной перспективы субъекта.

Временная перспектива по определению К. Левина это «включение будущего и прошлого, реального и идеального плана жизни в план данного момента» [3, с.60]. Способность использовать жизненный опыт в настоящем, планировать будущее является актуальным для лиц студенческого возраста, поскольку на этом возрастном этапе встает с особой остротой вопрос о жизненном самоопределении. Поэтому для успешного решения проблем этого периода жизни важно, чтобы студент осознавал себя как субъекта своей будущей деятельности, умел связать настоящее с прошлым и будущим, что позволило бы ему создавать и сохранять внутреннюю гармонию, и, изменяя свой внутренний мир, не подстраиваться к текущей ситуации, но осмысленно подходить к собственной жизни.

С целью изучения особенностей отношения студентов с различной временной перспективой миру нами были использованы следующие методики: «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой, «Социокультурная позиция» (СКП) Н.Я. Большуновой. Исследовательскую выборку составили 52 студента психолога 4 курса НГПУ.

С помощью методики «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой, изучая наиболее важный показатель – протяженность временной перспективы – время антиципации (будущее) и ретроспекции (прошлое) событий, мы разделили студентов на группы, основываясь на давности их ретроспективных событий, которые носят короткий, средний и длительный временной характер. Анализ полученных данных свидетельствует, что группа студентов с длительным прошлым указывает события, произошедшие в детстве в 3-7 лет, испытываемые со средним по длительности прошлым прописывают события, случившиеся в возрасте 8-15 лет, учащиеся с коротким прошлым припоминают события, происходящие с ними с 16-ти лет и до настоящего времени. Что

касается событий будущего, то здесь мы разделили студентов на подгруппы для выявления потенциальной причинно-следственной связи: длительности ретроспективных событий и последующего планирования возможных будущих событий во временном пространстве, которые также различны по степени удаленности в будущее (см. табл. 1).

Таблица 1 – Распределение испытуемых на группы и подгруппы по длительности ретроспективных событий и их антиципации.

группы	кол-во человек в каждой группе	подгруппы	кол-во человек в каждой подгруппе
1. с длительным прошлым	15 чел (28,85%)	1. коротким будущим	7 чел (46,67%)
		2. средним будущим	5 чел (33,33%)
		3. длительным будущим	3 чел (20,0%)
2. со средним прошлым	11 чел (21,15%)	4. коротким будущим	5 чел (45,45%)
		5. средним будущим	6 чел (54,55%)
3. с коротким прошлым	26 чел (50,0%)	6. коротким будущим	14 чел (53,85%)
		7. средним будущим	12 чел (46,15%)

События у студентов (3 человека – 5,77%) с длительным будущим прописаны на долгие годы, с указанием примерного времени осуществления, максимальная дальность некоторых достигает 27-54 лет, однако не у всех студентов события будущего носят реалистичный характер, для некоторых лиц свойственна фантазийность, мечтательность, порой выдумка в отношении будущего. События у студентов (23 студента – 44,23%) со средним будущим удалены на 3-5 лет вперед, они актуальные, значимые, реалистичные, планомерные, представлены так, как должно быть в идеале, так, как бы им этого хотелось. Короткое будущее студентов (26 учащихся – 50,0%) обусловлено наличием минимального количества событий и их приближенностью к настоящему до 1-1,5 года, здесь прописываются те события, которые должны произойти как само собой разумеющееся явление или как итог длительных стараний, деяний.

Содержательная характеристика событий в группах и подгруппах выглядит следующим образом.

Студенты психологи с длительным прошлым описывают давние как радостные, так и грустные события прошлого, произошедшие с ними в раннем детстве (в 2-3 года): «подарили на день рождения мягкую игрушку – собаку», «потерял игрушку в песочнице», «встреча с новым отчимом»; а также в школьном возрасте (в 7-17 лет): «поступление в школу», «первая любовь», «получение аттестата» и др. Они вспоминают о социально значимых для них событиях, сообщают об испытываемых ими психофизиологических состояниях. Короткая перспектива у отдельных студентов этой подгруппы, вероятно, обусловлена наличием в прошлом эмоционально насыщенных колоритных событий, устойчивых чувств, связанных с горечью и болью утраты: «смерть бабушки», «развод родителей», либо с радостью, неожиданностью приобретения, появления: «покупка котенка», «рождение брата». Возможно, в связи с наличием опыта переживания таких эмоционально значимых, спонтанно возникающих событий в прошлом, мы наблюдаем у данной подгруппы студентов сужение потенциальных событий будущего, ограничение в их количестве, осторожность в загадывании на будущее. Указываются самые ближайшие реалистичные события: «новый год», «сдача сессии», «сдача госэкзамена», «защита диплома».

Анализируя и осмысливая прошлый опыт, который может выступать как опора для проектирования будущего, испытуемые со средней перспективой, прописывают события на ближайшие 3-5 лет. Их события прошлого менее эмоциональны, чем у студентов предыдущей подгруппы. А потенциальные события являются конкретными, жизненными, эти события как бы продолжают

цепочку событий, указанных предыдущей подгруппой, они должны происходить в соответствии с идеализированными представлениями о «правильной» жизни в социуме: «устройство на работу», «свадьба», «рождение ребенка».

Подгруппа с длительными ретроспективой и перспективой указывает похожие по содержанию события прошлого и будущего. Отдаленность их будущих событий обусловлена не столько качественными характеристиками, сколько количественными и временными особенностями. Студенты указывают примерное время их осуществления, хотя точно спрогнозировать их, с учетом содержания событий, не представляется возможным. Они фантазийны, реализация их маловероятна: «стану президентом», «третья мировая война», «смерть», «рождение внуков».

Испытуемые со средним по длительности прошлым начинают описание своих событий с 7-8ми летнего возраста. Их события многочисленны, также как и студенты с длительным прошлым, они отмечают и радостные, и грустные события прошлого. Короткая и средняя перспективы этой группы сконцентрированы на событиях, подобным сюжетам, указываемым испытуемыми с длительной ретроспективой, короткой и средней перспективами. События здесь также имеют определенный, организованный, актуальный характер, датируются.

Учащиеся, имеющие короткую ретроспективу и перспективу, чаще отмечают события недавнего прошлого, случившиеся с ними не так давно, лишь 4-5 лет тому назад: «окончание школы», «поступление в университет». Все события как прошлого, так и будущего преимущественно положительные, радостные, их количество не превышает пяти. События прошлого несколько поверхностные, этим испытуемым не свойственна глубина переживаний, в отличие от двух предыдущих групп. События будущего определены текущими обстоятельствами их жизни, выступают как следствие, как результат того, что сейчас происходит в их жизни: «окончание университета», «поиск работы», «замужество, рождение детей». Потенциальные события звучат как само собой разумеющиеся явления, они актуальны, значимы, четко определены и выступают как основные задачи ближайшего будущего.

Анализ содержания значимых событий по типам в трех группах не обнаружил каких-либо различий. На первом месте у студентов всей выборки представлены события, касающиеся личностно-психологической сферы жизни (выбор жизненного пути, события, происходящие в пространстве свободного времени) и социальных отношений (вступление в брак, продвижение по службе). На втором месте – изменения, условно говоря, «биологического» типа (травма, рождение ребенка). Последнее место занимают изменения физической среды, они являются для испытуемых наименее значимыми.

Рассматривая события по видам, мы отмечаем, что наиболее значимыми событиями для студентов являются события, связанные с учебой, межличностными отношениями, они наиболее актуальны для учащихся. Чуть менее важными – события, относящиеся к сфере «Я» и работе. Наименее значимыми событиями являются те, что связаны со здоровьем, природными и общественными изменениями. Такое распределение событий по видам свидетельствует о направленности личности, ее жизненных целях. Содержание их позволяет предполагать недостаточную осознанность и зрелость ценностных ориентиров, поскольку зачастую указываемые события имеют внешний, формальный характер, а изменения в обществе, природе, здоровье оказываются для студентов не значимыми. Возможно, это связано с возрастной спецификой студентов, потому как более актуальными моментами в их жизни, являются учеба и межличностные отношения.

Таким образом, полученные по методике Е.Ю. Коржовой данные свидетельствуют, что современные студенты старшекурсники предпочитают в

большинстве случаев не планировать события своей жизни далеко вперед, что может быть обусловлено спецификой современной социокультурной ситуации. Существующие индивидуальные различия по длительности временной перспективы и ретроспективы обуславливают необходимость исследования возможных причин этих различий, которые могут быть связаны с некоторыми ориентирами студента, социокультурными отношениями, ценностями, переживаниями, смыслами, жизненными принципами.

Для изучения вышеперечисленных факторов мы обратились к опроснику «Социокультурная позиция» (СКП), который содержит шесть шкал. Они позволяют нам изучить отношение субъекта к себе как носителю определенного типа культуры, его умение взаимодействовать с окружающей действительностью, с миром, умение грамотно применять свои знания и опыт.

Погрупповой анализ различий (критерий F – угловое преобразование Фишера) показывает, что группа студентов с длительным прошлым и коротким будущим более чувствительна к манипуляциям, чем группа студентов с длительным прошлым и будущим ($p \leq 0,05$). Группа учащихся с длительным прошлым и коротким будущим более чувствительна к несвободе, чем группа учащихся с длительным прошлым, длительным и средним будущим ($p \leq 0,05$). По четырем остальным шкалам («ответчивость возвышенному», «устойчивость принципов», «стремление к действительности», «ответчивость мудрости») показатели не достигают уровня значимости, но мы наблюдаем в подгруппе с длительным прошлым и коротким будущим более высокие значения по этим параметрам в отличие от других подгрупп, и тенденцию к значимым различиям.

Полученные данные свидетельствуют о том, что подгруппа студентов психологов с длительным прошлым и коротким будущим выделяется большей чувствительностью к манипуляциям, т. е. более способна опознавать ситуации, в которых присутствует возможность манипулятивных, не искренних отношений. Они более способны различать и активно реагировать на подобные раздражители, а, следовательно, действовать согласно собственным убеждениям, взглядам, устойчивым принципам. Они также более чувствительны к несвободе, т.е. способны, распознавая ограничения, функционировать, не поддаваясь навязыванию извне.

Они не склонны строить долговременных планов, их прошлый опыт – осмысленный, осознанный, прочувствованный, пережитый – показывает им, что в мире нет ничего однозначного, предсказуемого и, вероятно, в связи с этим мы наблюдаем некоторую осторожность, осмотрительность в отношении потенциальных будущих событий. Эта подгруппа студентов предпочитает жить настоящим, «здесь и сейчас», прошлое изменить уже нельзя, будущие планы могут не осуществиться, а вот жить в настоящем, в реальном мире, быть актуальным в нем, реализовываться, выступая субъектом, творцом своей жизни, вероятно, является для них ценностью жизни.

Библиографический список

1. Большунова, Н.Я. Субъектность как социокультурное явление / Н.Я. Большунова. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – 324 с.
2. Бурлачук, Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. Учебное пособие / Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263с.
3. Зейгарник, Б.В. Теория личности К.Левина / Б.В. Зейгарник. – М.: Моск. Ун-т, 1981. – 118 с.

TO THE QUESTION OF RESPONSIBILITY TYPOLOGY

In the article questions of responsibility typology are considered, from the positions of the subject approach the view at responsibility typology is offered. Subject and non-subject responsibility, hyperresponsibility, irresponsibility, partial responsibility, non-act, intact are considered.

A.H. Стражкова

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы типологии ответственности, предлагается взгляд на типологию ответственности с позиций субъектного подхода. Рассматриваются субъектная и несубъектная ответственность, гиперответственность, *неответственность*, парциальная ответственность, не-поступок, антипоступок.

В последнее десятилетие усилился интерес к проблеме ответственности, увеличилось количество публикаций, в которых преимущественно рассматриваются отдельные аспекты ответственности в узком прикладном значении. Недостаточно проработанными остаются вопросы типологии ответственности. В нашей работе предлагается взгляд на типологию ответственности с позиций субъектного подхода (Осницкий А.К., 1986, 1992), предполагающего изучение особенностей преобразующей активности суверенного субъекта, представление о человеке как существе, стремящемся к обретению целостности.

Ответственность как свойство субъектности понимается нами как специфическая форма самодетерминации зрелой личности, осознающей себя причиной совершаемых поступков и их последствий, причиной изменений или противодействия изменениям в окружающем мире и в собственной жизни. Рядом исследователей были предложены варианты классификации ответственности по различным основаниям.

Так, рассматривая формы моральной ответственности, Т.Г. Гаева выделяет следующие основные типы поведения личности: *высоко-ответственный, формально-ответственный, исполнительно-добросовестный, неустойчиво-альтруистический, пассивно-исполнительный, асоциальный*. Для формирования высоко-ответственного типа поведения, по мнению автора, необходимо создавать объективные жизненные условия, которые способствовали бы переживанию индивидом сопричастности к окружающему, развивать направленность на другого человека, умение и потребность чувствовать переживания других людей, эмпатически сопереживать им.

Развитию качества моральной ответственности способствует «нравственный инсайт», а для его возникновения «необходимо желание и умение субъекта осуществлять определенную внутреннюю работу по изменению своих когнитивно-смысловых образований и наличие внешних своевременных воспитательных воздействий» [3, с. 127].

В современной философской [9] и психологической [5, 6, 7, 8 и др] литературе встречается выделение *внешней* и *внутренней* ответственности в

зависимости от того, возлагается ли ответственность на личность извне или принимается самим субъектом.

По сути, любые формы социальной ответственности являются внешне регулируемы: юридическая, правовая, профессиональная и т.д. Правда, в некоторых случаях эти виды ответственности связаны также и с внутренней регуляцией. М.С. Солодкая указывает на различия между внешней и внутренней регуляцией ответственности на примере профессиональной группы врачей. Если в древности на Среднем Востоке, за пределами античной культуры, врачи регулярно подвергались юридическому контролю со стороны государства, то в античном мире, напротив, врачи разработали свои собственные профессионально-этические стандарты, лучшим из которых является клятва Гиппократова, сохранившая актуальность и в наши дни.

Однако во многих случаях рассмотрения социальной ответственности не представляется возможным отделить внешне регулируемый тип ответственности от внутренне регулируемого, и, скорее, можно говорить только о доминировании того или иного типа. Кроме того, существует мнение, что ответственность по своей сути всегда социальна [8].

С.К. Нартова-Бочавер разделяет *социальную* и *личную* ответственность, отмечая, что первая означает социальную типичность человека как способность выполнять различные ролевые обязанности, при этом при несовпадении личных и общественных ценностей социально ответственный человек может быть «глубоко депривированным». Личная ответственность характеризуется принятием обязательств лично на себя без распределения их с другими людьми и наличием внутренней инстанции оценки поступков человека. Личная ответственность как ответственность за содержание и обустройство собственного психологического пространства в понимании автора сходится с понятием *суверенности* [7], имеющим, безусловно субъектный характер.

Преимущественно в правовой литературе, а также во многих работах психологов ответственность анализируется относительно временного аспекта [6, 7, 8 и др.], выделяются *ретроспективная* и *перспективная* формы. В первом случае мы имеем дело с необходимостью ответа (наказания) за совершенные поступки или бездействие в прошлом, юридическим и/или морально-этическим определением меры виновности и формы вины: прямой или эвентуальный (косвенный) умысел, неосторожность по легкомыслию или небрежности (негативная ответственность, «обращенная в прошлое»).

Перспективная ответственность выполняет созидательно-преобразующую функцию и подразумевает предвидение результатов деятельности и совершение поступка с целью предотвращения негативных последствий, а также готовность принять любой результат поступка (позитивная ответственность, «обращенная в будущее»). Общественными средствами регуляции и развития перспективной ответственности являются методы убеждения и поощрения, учета, контроля и воспитания.

Опираясь на положение Н.Я. Большуновой о *субъектной* и *несубъектной* ответственности, мы предлагаем свою типологию ответственности.

Субъектная (адекватная) ответственность – способность человека добровольно (по доброй воле) и в соответствии с самостоятельным выбором осуществлять решение задач, возникающих в результате предъявленных сложными жизненными ситуациями требований.

Отсюда, к субъектной ответственности мы можем отнести тип высокоответственного поведения, по Т.Г. Гаевой; перспективную (проспективную)

ответственность, изучаемую в юридической психологии; внутренне регулирующую ответственность по Л.И. Дементий и т.п. Субъектная ответственность всегда связана с поступком, который, вслед за Н.Я. Большуновой, мы понимаем как действие, совершаемое субъектом в ситуации неопределенности (риска) и некоего разрыва между желанием (личной потребностью), долженствованием (нормы и правила) и ценностью (общечеловеческие идеалы Истины, Добра, Красоты).

В несубъектной ответственности мы выделяем следующие виды: гиперответственность, *неответственность*, парциальная ответственность, гипоответственность (*безответственность*).

В первом случае субъект, который «тотально берёт на себя ответственность за все неудачи, провалы, промахи в жизни, подвержен серьёзному риску дезадаптации. Ориентация на всеобъемлющую ответственность в случае серьёзности или множественности неудач является основательной почвой для возникновения комплекса вины... роста дискомфорта, напряжения. Практическим признанием именно такого состояния вещей является собственно содержание работы психотерапевта, психолога при оказании психологической помощи дезадаптированной личности» [9, с. 49].

Действительно, гиперответственный субъект сверхтребователен к себе вплоть до самоистязания, при этом комплекс вины и/или ущемлённое самолюбие, возникшее в результате неудачи, могут действительно приводить к личностной дезадаптации. Однако эта сверхтребовательность чаще всего находится в плоскости социальных норм и правил. Некоторая ригидность установок может способствовать непониманию отношения окружающих к ситуации, проблеме, задаче, отсюда, вероятно та же повышенная требовательность к другим людям, порой трансформирующаяся в такие компенсаторные модели поведения, как сверхконтроль и авторитарность, исключая субъект-субъектные отношения.

Часто в этом случае возникают отношения созависимости, когда субъект берет на себя абсолютную ответственность за других, зачастую игнорируя собственные потребности, что дает возможность чувствовать себя незаменимым. Думается, что именно о такой позиции человека во многих религиях говорится как о гордыне, а К. Кастанеда определил как «вскармливание чувства собственной важности». Перманентный и тотальный контроль, гиперответственность, по сути, сами являются защитной стратегией, некоей гиперкомпенсацией, необходимой для повышения чувства собственной самооценки. Сюда можно отнести *исполнительно-добросовестный* тип поведения по Т.Г. Гаевой. В какой-то мере тип гиперответственного человека соответствует акцентуации характера по Леонгарду «педантичный» (сверхпунктуальный), склонный долго переживать мелкие обиды, придавать сверхважное значение незначительным событиям. Действует сугубо в рамках определенных образцов, стереотипов поведения без доли творческого подхода к разрешению ситуации. В связи с вышеизложенным, считаем, что нет оснований относить *гиперответственность* к субъектным свойствам индивидуальности.

Неответственность, или ситуативная ответственность может проявляться по типу проективной атрибуции, когда при совершении социально желательных поступков ответственность приписывается себе, при негативных результатах деятельности осуществляются внешние атрибуции. Такое поведение соответствует модели, существующей в классическом представлении как формула «интернал в области достижений - экстернал в области неудач» [9].

Так называемая ответственность, характеризующаяся действиями человека в строго заданных рамках, несмотря на то, что ситуация может требовать нового решения, не является ответственностью, а представляет собой исполнительность и жесткое следование нормам. К *неответственности* имеют отношение, с нашей точки зрения, пассивно-исполнительный и формально-ответственный типы поведения [3].

С *неответственностью* тесно связано явление *не-поступка*, представляющего собой «отрицание самостоятельного, субъектного действия, как в отношении себя, так и в отношении Мира, т.е. полное отрицание себя как субъекта» [2, с. 55]. Именно «ритуальная правильность действий» становится содержанием «не-поступка». Здесь происходит подмена стремления к целостности, интеграции индивидуальности стремлением к самодостаточности. Однако С.Л. Рубинштейн, говоря о проблеме самоусовершенствования, отмечал, что «не себя нужно делать хорошим, а сделать что-то хорошее в жизни – такова должна быть цель, а самоусовершенствование – лишь её результат [10].

Парциальная (локальная) ответственность характеризуется проявлением частичной, локальной ответственности в какой-либо сфере жизнедеятельности, например, человек может быть абсолютно равнодушен к общественной деятельности, к событиям внутри страны, в которой он живет, его абсолютно не занимают проблемы близких людей, соседей, коллег по принципу «хаты с краю». При этом человек чувствует свою причастность только к тому, что происходит сугубо в кругу его семьи, либо другой малой группы, где он демонстрирует ответственное отношение, готовность идти на риск и т.д. Возможен вариант, когда, напротив, человек активно устремляется в направлении общественной или профессиональной деятельности, самоотверженно отдавая себя служению обществу, однако в семейных отношениях склонен к «диффузии ответственности». Из классификации Т.Г. Гаевой к парциальной ответственности близок неустойчиво-альтруистический тип поведения.

Феномен локальной ответственности был отмечен у части испытуемых в нашем исследовании (Стражкова А.Н., 2007-2009), демонстрирующих высокий уровень ответственности наряду с другими личностными коррелятами последней (полнезависимость, надситуативность, самостоятельность, устойчивость эмоциональной сферы, психологическая пластичность и т.д.), но при измерении локуса контроля у них отмечается экстернальность, как общая, так и во всех сферах за исключением одной - двух: семейной, производственной, области здоровья или межличностных отношений, где выявляется высокий уровень интернальности.

Здесь можно согласиться с А.С. Ахиезером, который считает, что сфера ответственности субъекта является важнейшей характеристикой культуры и общественной жизни, и «замыкание значительной части населения на локальных мирах свидетельствует о слабости государственного сознания, сил интеграции общества». Автор указывает, что традиционное общество в состоянии не позволить реализовать расширение сферы собственной ответственности, оттесняя субъекта в его локальный мир, при этом развивается привычка «сваливать на барина». Однако граница сферы ответственности может значительно расширяться в условиях внешней опасности, объединяя локальные миры в борьбе за общее выживание. Отсюда, часто в таком обществе возникают гипертрофированные представления о внешних врагах как факторе интеграции общества.

Для либеральной цивилизации свойственно постоянное расширение границ ответственности вплоть до масштабов человечества. В обществе промежуточного типа, отягощенном расколом, слабость ответственности создаёт предпосылки для усиления государственности и бюрократии как институтов, компенсирующих недостаток ответственности в обществе. Здесь существует опасность превращения государственности в фактор дискомфорта с угрозой бунта локальных миров. Подобные инверсионные колебания приводят к пульсации сферы ответственности от замыкания в локальных мирах до всего общества, от «сжатия ответственности до последней баррикады физиологического существования в условиях крайнего тоталитаризма, до титанизма, охватывающего вселенную» [1].

Е.Д. Дорофеев, исследуя вектора развития ответственности, высказывает необходимость расширения границ индивидуальной ответственности – «от ответственности за себя к ответственности за всех» [5].

Гипоответственность (безответственность) представляет собой уход от ответственности, стремление субъекта переложить ответственность на плечи других людей. Гипоответственность может характеризоваться проявлением различных форм зависимого поведения, беспомощности и т.п. и связана, на наш взгляд, с *антипоступком*, характерным для несоциализированного человека, утратившего причастность к Мы, при этом «человек становится эгоцентрическим субъектом, противопоставляющим себя Миру, и потому ограниченным в своей субъектности. Мир в этом случае представлен субъекту как объект манипуляций в собственных интересах» [2, с. 57]. Гипоответственности, вероятно, соответствует асоциальный тип поведения [3].

При изучении сложного феномена ответственности многими авторами поднимается проблема оценки устойчивости, укорененности в структуре индивидуальности данного свойства личности. Думается, что предложенная нами типология ответственности, рассматриваемая с позиций субъектного подхода, позволяет в определенной степени прояснить эти вопросы.

Библиографический список

1. Ахиезер, А.С. Социокультурный словарь / А.С. Ахиезер. – М.: ФО СССР, 1991. – 470 с.
2. Большунова, Н.Я. Условия и средства развития субъектности. Дисс. ... докт. псих. наук / Н.Я. Большунова. – Новосибирск, 2007. – 545 с.
3. Гаевая, Т.Г. Моральная ответственность как качество личности. Дисс. канд. психол. наук. Москва, 1984 / Т.Г. Гаевая. – 278 с. : ил РГБ ОД 61:85-19/116.
4. Дементий, Л.И. Некоторые методологические, теоретические и практические перспективы исследования феномена ответственности / Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 15-летию факультета психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 9-10 октября 2008 г. // Л.И. Дементий. – Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2008 – С.12–16.
5. Дорофеев, Е.Д. Внутригрупповая ответственность в условиях совместной деятельности. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. псих. наук / Е.Д. Дорофеев. – Москва, 1994. – 22 с.
6. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л.: Наука, 1983. – 214 с.

7. Нартова-Бочавер, С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С.К. Нартова-Бочавер. – Москва [и др.]: Питер, 2008. – 400 с.
8. Прядеин, В.П. Ответственность как предмет психологического исследования / В.П. Прядеин. – Екатеринбург: 2007. – 209 с.
9. Реан, А.А. Психология изучения личности: Учеб. пособие / А.А. Реан. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 288 с.
10. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – Рос. акад. наук, Ин-т психологии. – М.: Наука, 1997. – 189 с.
11. Солодкая, М.С. Социальная ответственность субъекта: состояние проблемы и перспективы исследования / М.С. Солодкая. – Оренбург. – 1998. – №1. – С.33–43.

УДК 159.922.7+316.3/4

G. S. Tokbaeva

Educational centre «Nusitosh», Kazakhstan, Astana

CHILDREN'S LATERAL PREFERENCES AS AN INDIVIDUALITY DISPLAY IN SOCIO-CULTURAL SPACE

The article is devoted to features of children's mental development with presence left-handedness, neuropsychological bases of left-handedness, and necessities of practical working out of the scientifically-proved concept of psychological support of little lefthanders.

Г.С. Токбаева

Образовательный центр «Нуситош», Казахстан, г. Астана

ЛАТЕРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ДЕТЕЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена вопросам особенностям психического развития детей с наличием левшества, нейропсихологическим основам левшества, необходимости практической разработки научно-обоснованной концепции психологического сопровождения маленьких левшей.

Леворукость веками остается загадкой, притягивающей внимание. Существуют различные предположения о возникновении предрассудка, связанного с явлением леворукости. Леворукие люди существовали всегда, но лишь сейчас, в последние годы, за ними оставляют право быть собой, сохранить свою индивидуальность. Но еще двадцать лет назад отношение учителей к левшам было резко негативным, педагоги стремились, во что бы то ни стало, переучить детей на правую руку, порой прибегая к самым жестким методам. Но на сегодняшний день существует уже немало свидетельств того, что насильственное переучивание и негативное отношение к леворукости приводит к нервно-психическим расстройствам, пагубно сказывается на здоровье, развитии и школьных успехах детей.

На сегодняшний день проблемам особенностей в развитии детей с левшеством, становится все более актуальной. При очевидной необходимости разработки проблемы левшества, психологические особенности левшей все еще продолжают оставаться мало изученными. Недостаточная теоретическая изученность этой проблемы во многом определяет отсутствие в практике обучения и воспитания леворуких детей **научно-обоснованных специфических методических приемов их обучения**. Особенности в развитии леворуких детей проявляются в ряде трудностей, которые испытывают дети в

процессе обучения. Природа трудностей, которые дети начальной школы испытывают в процессе обучения, может быть объяснена самыми различными факторами. В этой связи с чем, углубленное изучение ее причин и механизмов осуществляется с позиции педагогической психологии, психофизиологии, прежде всего с позиции детской нейропсихологии.

Рассматривая проблемы, которые ребенок испытывает в процессе обучения, особое внимание следует уделить фундаментальным нейропсихологическим закономерностям, а именно межполушарной асимметрии строения головного мозга.

Содержание учебной деятельности начального образования почти целиком построено на развитии вербально-логического мышления, ориентируясь на левосторонний профиль латеральной организации, осуществляющий последовательную рациональную обработку информации. При правостороннем профиле латеральной организации стратегия переработки информации состоит в целостном, комплексном восприятии, в одновременной обработке многих параметров и явлений. У многих левшей отмечается часто встречающиеся нарушения или недостатки развития зрительно-моторной координации (Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова), зрительной памяти (В.Л. Бианки, Е.Б. Филипова, В.А. Шрам, К.Б. Магницкая, Е.В. Харитонов, И.В. Ефимова, А.В. Семенович) и зрительно-пространственного восприятия (Э.А. Костадантов, В.В. Суворова, Д. Леви), а так же мелкой моторики рук [3, с.23-25].

В настоящее время психологами в области образования разработаны теоретические рекомендации по социальной адаптации леворуких детей к школе, учителям известно о трудностях, которые возникают у леворуких детей при поступлении в школу, однако до сих пор нет концепции (научно-обоснованной программы) психологического сопровождения детей с наличием левшества, недостаточно разработаны исследования проблемы психологического сопровождения детей с наличием левшества в системе общеобразовательной школы.

Одним из важнейших свойств индивидуальности является функциональная асимметрия мозга, которая в большой степени определяет особенности восприятия, запоминания, стратегию мышления, эмоциональную сферу человека. Специалисты утверждают, что в Европе и России люди, у которых доминирующим является левое полушарие головного мозга, составляют 40-42% (левополушарные), правое - 6-8% (правополушарные), около 50% имеют одинаковое развитие полушарий (равнополушарные) [3, с. 32].

Учет закономерностей развития психических функций - основное положение индивидуализации процесса обучения с ориентацией на сохранение здоровья детей и подростков. Недостаточно сформированные и закрепленные в дошкольном детстве, они оказываются наиболее уязвимыми в условиях начальной школы, когда от ребенка требуется мобилизация психической активности, происходит смена ведущей деятельности, наступает кризис развития.

Специалисты выделяют четыре основные причины школьной неуспеваемости:

1. Предъявляемые школьнику требования не совпадают со стадией функционального развития его мозга, опережая возрастную готовность к выполнению поставленных задач.

2. Отдельные структуры мозга отстают в анатомическом развитии и, следовательно, в формировании функциональных систем психики ребенка.

3. Не развиты необходимые межполушарные и внутриволушарные связи.

4. Предлагаемые методики обучения не соответствуют типу мышления, половым особенностям познавательных процессов школьника [4, с.280].

Нарушения межполушарного взаимодействия, блокирование активности ведущего и перегрузка менее активного полушария приводят не только к снижению обучаемости, худшим результатам в деятельности (главным образом учебной), но и к невротизации детей. Дифференцированное обучение и воспитание, учитывающие возрастные и физиологические особенности ребенка, способствуют устранению дисбаланса в работе мозга, снижению и профилактике утомляемости.

Довольно часто у младших школьников, особенно неуспешных, возникают навязчивые опасения сделать что-то не так, неуверенность, а затем и болезненно заостренное чувство долга, обязанности, ответственности. Чрезмерная требовательность к себе нередко усугубляется давлением гиперсоциализированных родителей. Все это создает запредельный режим работы левого полушария, ответственного за деятельность, регламентируемую нормами и правилами. Постоянное перенапряжение нервно-психических сил приводит к хроническому интеллектуальному стрессу, что проявляется в нарастающем чувстве усталости, отвлекаемости, снижении работоспособности, головных болях.

При всех неврозах, по мнению специалистов, происходят нарушения межполушарного взаимодействия [4, с.95]. Их возникновению способствует чрезмерная стимуляция еще не свойственных детям функций левого полушария при активном торможении правого. Следовательно, важно знать о стадиях созревания головного мозга и помнить, что способность к левополушарному мышлению у правши формируется к 7-9 годам, а у левши - к 10-12 годам.

Относительно детей с наличием левшества М.К. Бурлакова (Шохор-Троцкая), отмечает «у этих детей развивающаяся на базе слухового восприятия речь «не знает», в каком полушарии ей «осесть», ее все время «запихивают» в то полушарие головного мозга, которое должно реализовать не речевое, а музыкальное восприятие и воспроизведение; одновременно тормозится развитие тонких движений в ведущей левой руке, ведущем левом глазе, который следит за движением левой руки» М.К. Бурлакова призывает: «Берегите левшу, пусть он будет леворуким, но таким же свободным, как правша, таким же уверенным в своих способностях» [1, с.280]. Как считает, Николаева Е.И., «родителям ни в коей мере не следует подчеркивать леворукость ребенка и не предпринимать никаких попыток что-либо изменить» [2, с.127]. Явление левшества дало миру многих гениев в самых разных, главным образом гуманитарных областях (Леонардо да Винчи, Микеланджело, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ч. Чаплин и др.). К равнополушарным относится М.В. Ломоносов.

Школьному психологу, зная тип межполушарной асимметрии, моторной и сенсорной латерализации, можно объяснить нетерпеливым родителям, почему их не лишенный способностей первоклассник не радуется успехами. Например, праворукий, но левглазый ребенок запаздывает в развитии на ранних этапах, так как до 9-10 лет нервные пути, соединяющие два полушария, окончательно не сформированы. Такие дети потом обязательно догонят сверстников, а став взрослыми, утверждают специалисты, будут иметь более высокий интеллект.

Учителям, в особенности начальных классов, когда доминирование правого полушария очень сильно и у правшей (это определено возрастными стадиями созревания структур головного мозга), следует помнить, что левшам свойственна большая впечатлительность. Из различных видов памяти для такого ребенка более характерна зрительная, образная. Восприятие материала на слух у него затруднено, и новый материал должен сопровождаться схемами, рисунками, иллюстрациями.

Но и для ребенка-правши школа таит множество серьезных моментов, препятствующих нормальному, спокойному, безболезненному процессу адаптации и обучения. И причина порой не столько в его личностных особенностях, сколько в психологической безграмотности учителей и родителей. Следовательно, знания из области нейропсихологии совершенно необходимы современному педагогу, психологу, логопеду, дефектологу.

Несмотря на обоснованные рекомендации психологов, работающих в области образования, не проводить тестирование для детей, поступающих в 1 класс, тем не менее, различного рода тестирования проводятся. Следует отметить, что оценка уровня готовности к обучению в школе проводится без учета латеральных предпочтений детей поступающих в школу, а ведь дети с наличием левшества могут иметь особенности в пространственной ориентировке, скорости выполнения заданий и т.д. Следовательно, результаты тестирования могут оказаться элементарно недостоверными.

В рамках данной статьи мы попытались обратить внимание специалистов на проблему учета индивидуальности маленьких левшей, практика нашей работы показывает, что дети - левши обладают, как бы пафосно не звучало, огромным творческим потенциалом. Творчества, индивидуальности, нетрадиционных подходов в решении любых задач так будут необходимы в их взрослой жизни.

Хотелось бы отметить, что проявление индивидуальности во взаимосвязи с латеральными предпочтениями не зависит от этнической принадлежности детей, феномены «левшества» являются, по нашему мнению «культурно-свободными», **актуальным является развитие этой индивидуальности в социокультурном пространстве.**

Библиографический список

1. Бурлакова, М.К. Речь и афазия / М.К. Бурлакова. – М.: «Медицина», 1997. – 280 с.
2. Николаева, Е.И. Леворукий ребенок: диагностика, обучение коррекция. Учебно-методическое пособие / Е.И. Николаева. – СПб: «ДЕТСТВО – ПРЕСС», 2005. – 127 с.
3. Проблема леворукости в дифференциальной психофизиологии. Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий / Кол. монография под ред. Е.Д. Хомской и В.А. Москвина. – М.; Оренбург: ООИПКРО, 2000. – С.23–25.
4. Семенович, А.В. Психолого-педагогическое сопровождение детей-левшей / А.В. Семенович. – М.: МГПУ, 1998. – 32 с.
5. Семенович, А.В. Межполушарная организация психических процессов у левшей: Уч. пособие / А.В. Семенович. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 95 с.

STUDENT'S PAPERS

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

УДК 159.96+159.922.7

M.V. Andreeva

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N.J. Bolshunova*

AGGRESSIVENESS SYMPTOM CLUSTER IN THE CHARACTER STRUCTURE OF JUNIOR SCHOOLCHILD

In the article on the basis of empirical research and comparison of two groups of subjects differing on aggressiveness level, features of aggressiveness symptom cluster in the character structure of junior schoolchild are revealed.

M.B. Андреева

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Н. Я. Большунова*

СИМПТОМОКОМПЛЕКС АГРЕССИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ХАРАКТЕРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

В статье на основе эмпирического исследования и сопоставления двух групп испытуемых, различающихся по уровню агрессивности, выявляются составляющие симптомокомплекса агрессивности в структуре характера младшего школьника.

Учащение агрессивных проявлений является сегодня одной из острейших социальных проблем нашего общества. Агрессия, в какой бы форме она не проявлялась, представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу [2, 5, 9, 13, 15, 17, 18].

С давних времен человечество проявляло интерес к феномену агрессии. И в наше время агрессия является предметом активных научно-практических исследований.

Особенно тревожит тот факт, что агрессивные проявления у детей наблюдаются уже в начальной школе, от чего страдают и дети, и их учителя, и родители. Стрессы повседневной жизни, распад традиционной структуры семьи, ошибки воспитания, информационная усталость, обилие насилия на телеэкранах – эти и другие причины ведут к усилению тревожности и агрессивности у детей. Агрессивные проявления у детей являются одной из наиболее острых проблем не только для работников сферы образования, но и для общества в целом. Рост детской преступности, увеличение числа детей, проявляющих агрессию в повседневной жизни, выдвигают на первый план задачу изучения психологических условий, вызывающих эти опасные явления [3, 4, 10, 20].

Особенно важным изучение агрессивности является в младшем возрасте, когда эта черта находится в стадии своего становления и когда еще можно предпринять своевременные корректирующие меры. Агрессивное поведение встречается у большинства детей. Однако у ряда детей агрессивное поведение становится устойчивой характеристикой личности. В итоге у ребенка возникают сложности с самореализацией, личностным развитием, общением с окружающими людьми [12, 16, 21, 22].

Ребенок с агрессивным поведением создает массу проблем не только окружающим, но и самому себе. Незрелая детская психика не в состоянии совладать с фрустрирующими влияниями без грамотной помощи взрослого.

Учителю младших классов, психологу и родителям мало знать и учитывать особенности проявления агрессии у детей, нужно быть осведомленным о комплексе факторов, порождающих агрессию. Как известно, профилактика лучше лечения, и речь об успешной борьбе с детской агрессией может идти только тогда, когда прилагаются все усилия по устранению провоцирующих агрессию факторов. Также необходимо учитывать тот факт, что к детям, агрессивность которых имеет разное происхождение и разную природу, необходимо применять дифференцированный коррекционный подход [1, 3, 4, 6, 7, 11, 14].

В этих условиях становится актуальным изучение симптомокомплекса агрессивности у младших школьников.

В исследовании приняли участие 50 детей младшего школьного возраста.

На основе предварительных наблюдений, бесед с родителями детей, педагогами начальной школы, изучения характеристик детей экспериментальная выборка была поделена на две группы:

Группа 1: 25 «агрессивных» детей (15 девочек, 10 мальчиков).

Группа 2: 25 «неагрессивных» детей (15 девочек, 10 мальчиков).

Были использованы следующие методы исследования: проективный, тестирование, наблюдение.

Нами применялись 7 методик [8, 19]:

1. Карта наблюдений Д. Стотта.
2. Проективная методика «Несуществующее животное».
3. Цветовой тест М. Люшера – Восьмицветовой ряд.
4. Детский опросник Р. Кеттелла 12 ФЛЮ–120.
5. Методика «Три оценки» А.И.Липкиной.
6. Опросник структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова (детский вариант).
7. Проективная методика «Кактус».

Предметом данного исследования является симптомокомплекс агрессивности в структуре характера младшего школьника, целью же его стало выявление параметров симптомокомплекса агрессивности в структуре характера.

В организации эмпирического исследования мы исходили из следующих допущений:

1. В структуре характера младшего школьника можно выделить симптомокомплекс агрессивности.

2. В симптомокомплекс агрессивности входят показатели эмоциональной напряженности, тревожности, ослабленность, асоциальность, неприспособленность и избегание долговременных усилий

3. В структуре характера младшего школьника симптомокомплекс агрессивности связан с рядом неблагоприятных факторов развития, таких как уровень здоровья, взаимоотношения со сверстниками, особенности среды.

Математическая обработка результатов исследования осуществлялась на основе корреляционного и факторного анализа.

На первом этапе был использован факторный анализ, результаты которого показали противоречивые данные в отношении параметров симптомокомплекса агрессивности, что дало основание предположить сложный характер их связи

между собой. Именно поэтому для дальнейшей математической обработки результатов исследования был выбран корреляционный анализ.

Анализ коэффициентов корреляций в группе 1 выявил следующее:

- чем больше избыток побуждений и нервного напряжения (Q4), тем выше эмоциональное напряжение (X);
- чем больше избыток побуждений и нервного напряжения (Q4), тем выше энергичность, активность, отсутствие страха в ситуации повышенного риска, переоценка своих возможностей (F);
- чем больше избыток побуждений и нервного напряжения (Q4), тем выше невротичность, тревога, депрессивность (O);
- чем больше избыток побуждений и нервного напряжения (Q4), тем выше тревожность (I);
- чем больше избыток побуждений и нервного напряжения (Q4), тем выше асоциальность (VII);
- чем выше возбудимость, активность, моторное беспокойство, отвлекаемость внимания (D), тем выше избыток побуждений и нервного напряжения (Q4);
- чем выше тревожность (IV), тем выше возбудимость, моторное беспокойство, отвлекаемость внимания (D);
- чем выше тревожность (IV), тем выше невротичность, тревога, депрессивность (O);
- чем выше тревожность (IV), тем выше тревога по отношению к детям (VI);
- чем выше невротичность, тревога, депрессивность (O), тем выше тревога по отношению к детям (VI);
- чем выше недоверие к людям (I), тем выше невротичность, тревога, депрессивность (O);
- чем выше недоверие к людям (I), тем выше асоциальность (VII);
- чем выше асоциальность (VII), тем выше враждебность к взрослым (V);
- чем выше асоциальность (VII), тем выше враждебность к детям (VIII);
- чем выше недоверие к людям (I), тем выше враждебность к детям (VIII);
- чем выше недоверие к людям (I), тем выше враждебность к взрослым (V);
- чем выше эмоциональное напряжение (X), тем выше энергичность, активность, отсутствие страха в ситуации повышенного риска, переоценка своих возможностей (F);
- чем выше самоуверенность, противопоставление себя другим детям (E), тем выше энергичность, активность, отсутствие страха в ситуации повышенного риска, переоценка своих возможностей (F);
- чем выше самоуверенность, противопоставление себя другим детям (E), тем выше асоциальность (VII);
- чем выше самоуверенность, противопоставление себя другим детям (E), тем выше враждебность к детям (VIII);
- чем выше энергичность, активность, отсутствие страха в ситуации повышенного риска, переоценка своих возможностей (F), тем выше асоциальность (VII);
- чем более неблагоприятные условия среды (XII), тем выше энергичность, активность, отсутствие страха в ситуации повышенного риска, переоценка своих возможностей (F);
- чем более неблагоприятные условия среды (XII), тем выше невротичность, тревога, депрессивность (O);

- чем более неблагоприятные условия среды (XII), тем выше возбудимость, моторное беспокойство, отвлекаемость внимания (D);
- чем более неблагоприятные условия среды (XII), тем выше эмоциональное напряжение (X);
- чем более неблагоприятные условия среды (XII), тем выше самоуверенность, противопоставление себя другим детям (E);
- чем более неблагоприятные условия среды (XII), тем выше тревога по отношению к детям (VI).

При анализе корреляционной матрицы группы 2 выявлено следующее:

- чем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I), тем выше приспособленность социальная (A);
- чем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I), тем ниже тревога по отношению к детям (VI);
- чем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I), тем меньше избегание детей (контакты с детьми) (III);
- чем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I), тем меньше враждебность по отношению к детям (VIII);
- чем ниже тревога по отношению к детям (VI), тем меньше избегание детей (контакты с детьми) (III);
- чем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I), тем ниже тревожность по отношению к взрослым (IV);
- чем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I), тем ниже враждебность по отношению к взрослым (V);
- чем ниже тревожность по отношению к взрослым (IV), тем ниже враждебность по отношению к взрослым (V);
- чем выше контроль поведения (Q3), тем меньше недоверие к миру, к людям (высокое доверие) (I);
- чем выше контроль поведения (Q3), тем ниже асоциальность (VII);
- чем ниже возбудимость, ниже сверхактивность, меньше моторное беспокойство, меньше отвлекаемость (D), тем выше контроль поведения (Q3);
- чем выше контроль поведения (Q3), тем выше социальная приспособленность (A);
- чем ниже нервное напряжение (Q4), тем выше контроль поведения (Q3);
- чем выше устойчивость настроения, выше контроль эмоций (C), тем выше социальная приспособленность (A);
- чем ниже неблагоприятные условия среды (преимущественно благоприятные условия) (XII), тем выше социальная приспособленность (A);
- чем ниже эмоциональное напряжение (X), тем выше устойчивость настроения, выше контроль эмоций (C);
- чем ниже нервное напряжение (Q4), тем выше устойчивость настроения, выше контроль эмоций (C).

Анализ корреляционных плеяд (Рис. 1 и Рис. 2), составленных на основе корреляционных матриц, полученных по обеим группам, свидетельствует, что системообразующие факторы в обеих группах различны.

В группе «агрессивных» детей таковыми являются: «недостаток социальной нормативности (асоциальность)» (по карте Стотта), «неблагоприятные условия среды» (по карте Стотта), фактор «склонный к риску, беспечный, храбрый, веселый» (по методике Кеттелла), фактор «тревожный, озабоченный, полный мрачных опасений» (по методике Кеттелла),

фактор «напряженный, раздражительный, фрустрированный» (по методике Кеттелла).

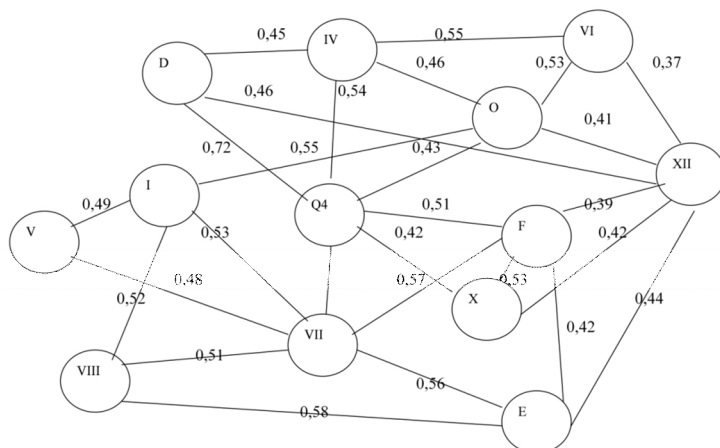

Рисунок 1 - Корреляционная плеяда по 1-й группе (агрессивные дети)

В группе «неагрессивных» в качестве таких параметров выступают «недоверие к новым людям, вещам социальных, ситуациям» (по карте Стотта), «высокий самоконтроль, хорошее понимание нормативов» (по методике Кеттелла).

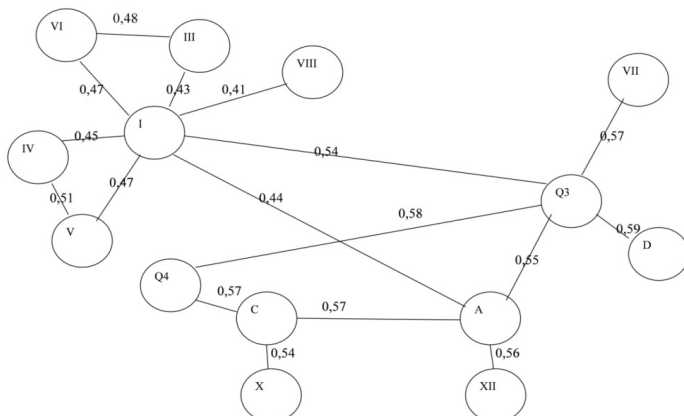

Рисунок 2 - Корреляционная плеяда по 2-й группе (не агрессивные дети)

Эти данные свидетельствуют о том, что, по-видимому, действительно существует симптомокомплекс агрессивности в структуре характера младших школьников, в который входят такие параметры, как недостаток социальной нормативности (асоциальность), склонность к риску, беспечность, тревожность, озабоченность, доминирование, независимость, напористость.

Причем, становление такого симптомокомплекса обусловлено такими системообразующими факторами, как напряженность, раздражительность, фрустрированность и неблагоприятные условия среды.

Полученные нами данные могут применяться в психологическом сопровождении младших школьников (в работе с родителями, педагогами, в психокоррекционной работе) с целью снижения уровня агрессивности и коррекции ее причин.

Библиографический список

1. Абрамова, Г.С. Возрастная психология: Учеб. пособие для студентов вузов / Г.С. Абрамова. – М.: Академия, 2005.
2. Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
3. Александровская, Э.М., Кокуркина, Н.И., Куренкова, Н.В. Психологическое сопровождение школьников / Э.М. Александровская, Н.И. Кокуркина, Н.В. Куренкова. – М.: Академия, 2002.
4. Бандура, А.У., Уолтерс, Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А.У. Бандура, Р. Уолтерс. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО–Пресс, 2000.
5. Берковец, Л. Агрессия / Л. Берковец. – СПб.: Прайм–Еврознак, 2001.
6. Бернс, Р. Развитие «Я – концепции» и воспитание / Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986.
7. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968.
8. Бурлачук, Л.Ф., Морозов, С.М. Словарь–справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер Ком, 1999.
9. Бэрон, Р., Ричардсон, Д. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001.
10. Бютнер, К. Жить с агрессивными детьми / К. Бютнер. – М.: Педагогика, 1991.
11. Выготский, Л.С. Проблема возраста / Л.С. Выготский // Собр. соч. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984.
12. Долгова, А.Г. Агрессия в младшем школьном возрасте. Диагностика и коррекция / А.Г. Долгова. – М.: Генезис, 2009. – 216с.
13. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Питер, 2000.
14. Корытченкова, Н.И. Влияние стилей семейных отношений на агрессивность: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.И. Корытченкова. – Новосибирск, 2000.
15. Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. – М.: Прогресс, 1994.
16. Парсенс, Г. Агрессия наших детей / Г. Парсенс. – М.: 2007.
17. Краткий психологический словарь / ред.–сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Т. Ярошевского. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
18. Рабочая книга школьного психолога / И.В. Дубровина, М.К. Акимова, Е.М. Борисова и др.; под ред. И.В. Дубровиной. – М.: Просвещение, 1991.
19. Русалов, В.М. Опросник структуры темперамента / В.М. Русалов. – М.: ИП РАН, Смысл, 1992.
20. Семенюк, Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков / Л.М. Семенюк. – М.: Речь, 1996.
21. Фурманов, И.А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция / И.А. Фурманов. – Минск: 1996.
22. Чижова, С.Ю., Калинина, О.В. Детская агрессивность / С.Ю. Чижова, О.В. Калинина. – Ярославль: Академия развития; Академия, К: Академия Холдинг, 2001.

O.S. Livanova

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N.J. Bolshunova*

PSYCHOLOGICAL MAINTENANCE OF AGGRESSIVE BEHAVIOUR SYMPTOM CLUSTER

In the article on the basis of empirical research the place of aggressive behavior symptom cluster in the character structure and its interrelation with other personal features is considered.

О.С. Ливанова

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Н. Я. Большунова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СИМПТОМОКОМПЛЕКСА АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье на основе эмпирического исследования рассматривается место симптомокомплекса агрессивности в структуре характера и ее связь с другими особенностями личности.

В современном обществе заметно повысился уровень агрессии. Педагоги и психологи стали всё чаще диагностировать повышение агрессии у детей в школах, детских садах. В крупных компаниях периодически проводится психологическая профилактика агрессивного поведения сотрудников. Об этом неоднократно упоминают средства массовой информации. Однако, не смотря на значительное количество исследований и монографий, посвящённых этой тематике, ключевые вопросы, связанные с природой и истоками агрессивности, остаются открытыми, связь агрессивности с другими особенностями характера исследованы недостаточно. Зависит ли уровень агрессивности от таких свойств личности, как уровень рефлексии, эмпатические способности, особенности темперамента. Тем более недостаточно изучено такое понятие, как симптомокомплекс агрессии.

Проблемой нашего исследования является выявление места агрессивности в структуре характера и взаимосвязь агрессивности с другими особенностями личности, то есть исследование агрессивности, как особого симптомокомплекса агрессии. При этом под симптомокомплексом мы понимаем совокупность сформированных и стойких черт, особенностей характера, влияющих на поведение, мотивацию человека в той или иной ситуации.

Объектом данного исследования является агрессия, предметом – характерологический симптомокомплекс агрессивности.

Гипотеза исследования имеет сложный характер и содержит следующие допущения:

- Существует характерологический симптомокомплекс агрессии, который включает закономерным образом взаимосвязанные черты и особенности характера
- В характерологический симптомокомплекс агрессии входят такие черты характера, как агрессивность, враждебность, недоброжелательность, недостаточный уровень эмпатических способностей и рефлексии.

Агрессия изучается в контексте различных подходов. Это этиологический, психоаналитический, фрустрационный и бихевиористический подходы [2].

Проблему агрессивности поднимали в своих трудах Э. Фромм, З. Фрейд, Л. Берковиц и другие известные психологи [1, 6, 7].

Согласно одному из определений, предложенному Бассом, агрессия – это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим [5].

Второе определение, предложенное, несколькими известными исследователями, содержит следующее положение: чтобы те или иные действия были квалифицированы как агрессия, они должны включать в себя намерение обиды или оскорбления, а не просто приводить к таким последствиям. И, наконец, третья точка зрения, высказанная Зильманом, ограничивает употребление термина агрессия попыткой нанесения другим телесных или физических повреждений [5].

Несмотря на значительные разногласия относительно определений агрессии, многие специалисты в области социальных наук склоняются к принятию определения, близкого ко второму варианту. В это определение входит как категория намерения, так и актуальное причинение оскорбления или вреда другим. Таким образом, в настоящее время большинством принимается следующее определение: Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения [9].

В исследовании приняли участие 108 человек. Это студенты факультета психологии НГПУ. Исследование проводилось по 6 методикам: Опросник структуры темперамента В.М. Русалова, диагностика уровня эмпатических способностей В.В. Бойко, методика диагностики рефлексии В.В. Пономарёвой, определение интегральных форм коммуникативной агрессивности В.В. Бойко, диагностика доброжелательности по шкале Кэмпбелла, самооценка форм агрессивного поведения Басса — Дарки.

Опросник структуры темперамента В.М. Русалова используется для диагностики свойств «предметно-деятельностного» и «коммуникативного» аспектов темперамента и содержит 105 утверждений, на которые нужно ответить положительно или отрицательно. Опросник содержит следующие шкалы: предметная эргичность, социальная эргичность, пластичность, социальная пластичность, темп или скорость, социальный темп, эмоциональность, социальная эмоциональность, шкала лжи - «К». Обработка данных проводится путём сравнения ответов с «ключевыми». Каждое совпадение ответа оценивается в один балл. Количество баллов суммируется по каждой шкале.

Диагностика уровня эмпатических способностей В.В. Бойко используется для выявления эмпатических способностей. Содержит 36 утверждений, на которые также надо ответить положительно или отрицательно. Опросник содержит шесть шкал: рациональный канал эмпатии, эмоциональный канал эмпатии, интуитивный канал эмпатии, установки, способствующие эмпатии, проникающая способность в эмпатии, идентификация в эмпатии. Подсчитывается число правильных ответов, соответствующих «ключу», по каждой шкале. Также определяется суммарная оценка.

Методика диагностики рефлексии В.В. Пономарёвой используется для определения уровня рефлексии. Содержит 27 утверждений, на которые нужно ответить по данным вариантам ответов. Для получения итогового балла суммируются в прямых вопросах цифры, соответствующие ответам испытуемых, а в обратных — значения, намеченные на те, что получают при инверсии шкалы ответов.

Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности В.В. Бойко позволяет определить тонкие формы проявлений агрессивности и потребность в ней, а также степень агрессивного заражения, способность к торможению и способы переключения агрессивности. Опросник содержит 55 утверждений, на которые нужно ответить положительно или отрицательно. Содержит одиннадцать шкал: спонтанность агрессии, неспособность тормозить агрессию, неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевлённые объекты, анонимная агрессия, провокация агрессия у окружающих, склонность к отражённой, аутоагрессия, ритуализация агрессии, склонность заражаться агрессией толпы, удовольствие от агрессии, расплата за агрессию. За каждый ответ, соответствующий «ключу», начисляется один балл. Баллы суммируются по каждой шкале.

Диагностика доброжелательности по шкале Кэмпбелла позволяет определить уровень доброжелательности по отношению к другим людям. Опросник состоит из 8 номеров, в каждом из которых даны два варианта ответа. При совпадении ответа испытуемого с ключом, он оценивается в один балл. Далее ответы суммируются.

Самооценка форм агрессивного поведения Басса-Дарки позволяет выявить преимущественные формы агрессивного поведения. Опросник состоит из 40 утверждений, на которые нужно ответить положительно или отрицательно. В методике представлены следующие шкалы: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражительность, негативизм, обидчивость, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Ответы испытуемых сравнивают с «ключом». При совпадении начисляется один балл. Далее ответы суммируются по каждой шкале.

Математическая обработка результатов исследования осуществлялась на основе корреляционного и факторного анализа. Матрица повернутых компонент представлена в статье.

В результате проведения факторного анализа было получено восьмифакторное решение. По критерию Кайзера число факторов равно 8. Детерминант положителен, критерий Кайзера – Мелькина – Олькина КМО равен 0,686. Значение критерия Бартлетта указывает на достоверное отклонение от сферичности ($\chi^2 = 1605,398$; $p = 0.0$; $df = 630$). Метод выделения: анализ главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошло за 13 итераций.

При оценке пунктов по каждому фактору использовались следующие критерии: уровень факторной нагрузки должен быть не ниже 0,2; утверждение не должно иметь равных нагрузок по нескольким факторам.

Было получено 8 факторов, которые описывают 60% от общей дисперсии. Первый фактор описывает 13% дисперсии, второй – 8%, третий фактор – 8%, четвёртый фактор – 7% дисперсии, пятый – 6%, шестой фактор описывает 6% дисперсии, седьмой – 5%, восьмой фактор – 4% дисперсии.

Анализ всех факторов свидетельствует об одном: между агрессивностью и его тонкой психологической организацией существует обратная связь.

В отдельный фактор выделились следующие шкалы: провокация агрессии у окружающих, раздражительность, склонность к отражённой агрессии, проникающая способность в эмпатии (с отрицательным полюсом), вербальная агрессия, спонтанность агрессии, косвенная агрессия, расплата за агрессию, социальная пластичность, удовольствие от агрессии, ритуализация агрессии, физическая агрессия. Обратная связь говорит о том, что чем больше человек

открыт для общения, доверчив к партнёру, расслаблен, тем больше будет уровень эмпатии и тем меньше будут показатели агрессии. То есть, чем выше открытая агрессия, тем ниже способность к эмпатии. Назовём этот фактор – **«симптомокомплекс открытой агрессивности»**, поскольку большинство шкал, имеющих высокие факторные веса, так или иначе связаны с агрессией.

В следующий фактор вошли шкалы: косвенная агрессия, расплата за агрессию, эмоциональный канал эмпатии, эмоциональность, социальная эмоциональность, уровень рефлексии, раздражительность. Здесь речь идёт об эмоциональности, чувствительности к неудачам в работе, в общении; эмоции, чувства в коммуникативной сфере. А также соучастие, сопереживание, эмоциональная отзывчивость. Этому фактору присвоено название – **«симптомокомплекс косвенной агрессии»**.

Третий фактор состоит из следующих шкал: уровень рефлексии (с отрицательным полюсом), темп, социальный темп, социальная эргичность, пластичность, социальная пластичность, уровень доброжелательности. Эти шкалы касаются определения скорости, быстроты всевозможных реакций. Реакции в коммуникативной сфере – переключение внимания в процессе общения от одного человека к другому, скоростные характеристики речедвигательных актов в процессе общения. Быстрота или замедленность моторно-двигательных актов при выполнении предметной деятельности, высокая или низкая психическая скорость при выполнении конкретных заданий. Поскольку одна шкала с обратной связью, можно предположить, что чем выше уровень рефлексии, тем выше способность пропускать через себя, свой внутренний мир ситуации, проблемы и т.д., проецировать всё это на себя, тем ниже скорость всех этих реакций. Из всего этого следует название фактора – **«фактор общей активности»**, находится в обратной связи с уровнем рефлексии.

В четвёртый фактор выделились следующие шкалы: расплата за агрессию, подозрительность, чувство вины, ритуализация агрессии, обидчивость, анонимная агрессия, склонность заражаться агрессией толпы, уровень доброжелательности (с отрицательным полюсом). Здесь речь идёт тоже об агрессии, но направленной на себя. О неуверенности в себе, о скрытой агрессии, о чувстве вины и как следствие – аутоагрессии. Чем выше эти показатели агрессии, тем ниже уровень доброжелательности и наоборот. Этим объясняется обратная связь между этими шкалами. Четвёртый фактор – **«внутренняя агрессия»**.

В пятый фактор вошли следующие шкалы: косвенная агрессия, неспособность тормозить агрессию, анонимная агрессия, склонность заражаться агрессией толпы, неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевлённые предметы (обратная связь), физическая агрессия. Речь идёт о неумении управлять агрессией, о несдержанности агрессии. Назовём этот фактор – **«не способность адекватно проявлять переживания агрессии»**.

В шестой фактор выделились шкалы: темп, неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевлённые предметы (обратная связь), эргичность, пластичность, уровень доброжелательности. Речь здесь идёт о скорости операций при осуществлении предметной деятельности, о быстроте этих реакций; о степени лёгкости или трудности переключения с одного предмета на другой, быстрота перехода с одних способов мышления на другие; об уровне потребности в освоении предметного мира. Соответственно, чем выше эти показатели, тем быстрее переход с одних форм мышления на

другие в процессе взаимодействия с предметной средой, и чем выше скорость выполнения операций при осуществлении предметной деятельности, а также чем выше уровень доброжелательности, тем больше развито у человека умение переключать агрессию на деятельность или неодушевлённые предметы. Другими словами, чем выше уровень активности, тем ниже способность переключать агрессию. Человек менее пластичен и более агрессивен. Название этого фактора – «**пластичность агрессивности**».

В седьмой фактор вошли следующие шкалы: спонтанность агрессии, косвенная агрессия, интуитивный канал эмпатии, физическая агрессия, идентификация в эмпатии. Речь здесь идёт о предвидении поведения партнёра, о постановке себя на его место, о понимании другого на основе сопереживания, о способности к подражанию. Седьмой фактор – «**спонтанная физическая агрессия**».

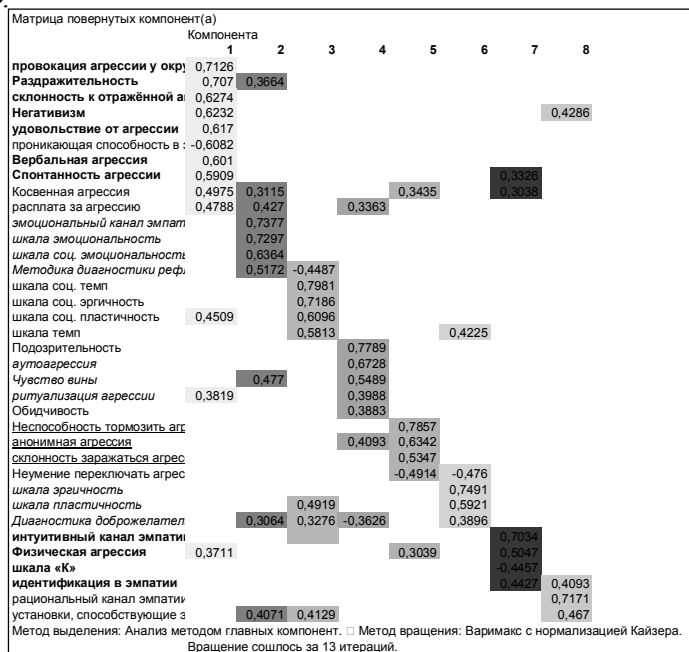

Рисунок 1

В восьмой фактор вошли следующие шкалы: негативизм, идентификация в эмпатии, рациональный канал эмпатии, установки, способствующие эмпатии. Здесь говорится об облегчении или затруднении действий всех эмпатических каналов. Различные каналы эмпатии действуют активнее, если нет препятствий со стороны личности; также речь идёт о спонтанном интересе к другому человеку, к его состоянию, проблемам, поведению. Назовём этот фактор – «**негативизм как форма агрессии**».

На основе теоретического анализа материала по проблеме агрессии и агрессивного поведения и результатам моего исследования можно сделать следующие выводы:

- существует симптомокомплекс агрессии, и он связан с чертами характера, с уровнем рефлексии, с эмпатическими способностями

- внутри симптомокомплекса можно выделить более частные связи, которые позволяют понять, почему разные люди склонны к разным формам и проявлениям агрессивности. В характерологический симптомокомплекс агрессии входят различные формы агрессивности и различные свойства личности.

Можно совершенно определенно сказать, что у каждого из нас в характере присутствует агрессивность. У кого-то она имеет оборонительные, доброкачественные формы, у кого-то, возможно, уже перешла и в деструктивную, злокачественную область. Но как бы то ни было, человеку предоставляется возможность как существу разумному предотвращать появление агрессии, контролировать её и преобразовывать в конструктивные формы.

Библиографический список

1. Берковиц, Л. Агрессия. Причины, последствия, контроль / Л. Берковиц. – М.: 2001. – 512с.
2. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с
3. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. – М.: 1994. – 269с.
4. Сельчёнок, К.В. Психология человеческой агрессивности / К.В. Сельчёнок. – Мн.: 1999. – 656с.
5. Психологическая энциклопедия. 2-е издание / под ред. Р. Корсини, А.Ауэрбаха – СПб: Питер, 2003.
6. Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ, в 2-х т., Т.1. / З. Фрейд. – М. 1999, – 250 с.
7. Фромм, А. Анатомия человеческой деструктивности / А. Фромм. – М.: Просвещение, 1994. – С.447.
8. Реан, А.А. Агрессия и агрессивность личности / А.А. Реан // Психологический журнал. – 1996. – №5. – С.3–18.
9. Ениколопов, С.Н. Понятие агрессии в современной психологии / С.Н. Ениколопов // Прикладная психология. – № 1. – 2001. – 13 с.

УДК 159.923+159.925

J.A. Lushnikova

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N. J. Bolshunova*

STRONG-WILLED QUALITIES OF CHARACTER SYMPTOM CLUSTER

In the article on the basis of empirical research the place of strong-willed qualities in character structure and interrelation of these features with other personal spheres is considered.

Ю.А. Лушникова

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Н.Я. Большунова*

СИМПТОМОКОМПЛЕКС ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ХАРАКТЕРА

В статье на основе эмпирического исследования выявляется место волевых качеств в структуре характера и взаимосвязи этих особенностей с другими сторонами личности.

В современных условиях, характеризующихся отсутствием единых стандартов деятельности и поведения, наличием множества подходов к анализу и оценке ситуаций, альтернативностью решений, резко увеличивается роль

индивидуального выбора. Все больше требуются активные волевые личности, умеющие организовывать свою работу и себя, способные проявлять инициативу и самостоятельно преодолевать трудности. Специфика сложившихся общественных отношений и темпа современной жизни определяет потребность в быстрых, неординарных и нередко сложных решениях. Перед человеком встают особые задачи по развитию его личностного потенциала. В связи с этим проблема воли и волевой саморегуляции является особенно важным аспектом становления личности. От особенностей волевых качеств человека, и от того, как эти качества взаимосвязаны с различными чертами характера, зависит его способность быть успешным в своей деятельности, принимать верные решения и добиваться поставленных целей.

В то же время проблема воли является одной из наименее исследованных в отечественной и зарубежной психологии. Хотя в последнее время появляется все больше работ, посвященных волевой саморегуляции, проблема остается до конца не исследованной. Тем более не изучены связь различных волевых качеств между собой, а так же их связь с чертами характера.

В этих условиях становится актуальным изучение симптомокомплекса волевых качеств характера.

Настоящее исследование направлено на выявление места волевых качеств в структуре характера и взаимосвязи этих особенностей с другими сторонами личности, т. е. на исследование воли как особого симптомокомплекса волевых качеств. При этом под симптомокомплексом мы понимаем совокупность сформированных и стойких черт, особенностей характера, закономерным образом взаимосвязанных между собой, и влияющих на поведение, мотивацию человека в той или иной ситуации.

В организации исследования мы исходили из предположения, что в характерологический симптомокомплекс воли входят такие черты характера, как терпеливость, настойчивость, упорство, выдержка, смелость, агрессивность, целеполагание, анализ ситуации и другие. В основе гипотезы лежит анализ трудов таких авторов, как Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко, У. Джемс, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А. Шопенгауэр, А.Ц. Пуни, В.И. Селиванов и др.

Первоначально в работах Аристотеля категория воля вводилась в связи с проблемой порождения действий на основе разумного решения о его необходимости [1, с. 49]. Речь шла о действиях необходимых, но не имеющих субъективно переживаемых желаний к ним (обратная задача связана с торможением действия желаемого, но социально или личностно неприемлемого).

Затем воля стала наделяться функцией выбора в случае конфликтов мотивов и целей. Такое понимание воли ярко представлено в работах Спинозы. В XX веке проблема воли стала обсуждаться в связи с задачей преодоления препятствий, снижающих побуждение к действию. В работах К.Н. Корнилова, В.И. Селиванова, П.А. Рудика, А.Ц. Пуни и других воля связывалась с мобилизацией усилий по преодолению внешних и внутренних препятствий, возникающих при реализации действий. Л.С. Выготский обозначил проблему воли в связи с задачей «овладения собой», то есть развития произвольности, сознательного управления человеком своими процессами и поведением [3, с. 455].

В. Джемс определяет волевые акты как произвольные функции нашего организма [4, с. 108].

Согласно А.Н. Леонтьеву: «Волевое действие — это действие, осуществляемое по выбору. Выбор есть признак волевого действия. Где нет выбора, там нет волевого действия» [11, с. 403]. А.Г. Маклаков считает, что воля — это сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать внутренние и внешние трудности при совершении целенаправленных действий и поступков [13, с. 316].

В исследовании приняли участие 100 человек – студенты факультета психологии НГПУ с 1 по 5 курс в возрасте от 17 до 23 лет.

Нами применялись 7 методик:

1. Опросник для самооценки терпеливости (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко) [7, с. 574]

Опросник направлен на изучение самооценки терпеливости испытуемых, и состоит из 18 вопросов. Оценка результатов происходит по двум параметрам: высокая или низкая степень терпеливости.

2. Опросник для самооценки упорства (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко) [7, с. 576-577]

Опросник ориентирован на изучение самооценки упорства испытуемых. Состоит из 18 вопросов. Для определения степени упорства начисляются баллы за ответы «да» или «нет» на определенные вопросы. Чем больше баллов наберет испытуемый, тем выше степень его упорства.

3. Опросник для самооценки настойчивости (Е.П. Ильин, Е.К. Фещенко) [7, с. 577-578]

Опросник состоит из 18 вопросов. Проводится подсчет баллов за ответы «да» и «нет» по определенным позициям. Чем выше сумма баллов, набранных по всем позициям, тем более выражена у испытуемых самооценка настойчивости, свидетельствующая о склонности доводить начатое дело до конца.

4. Методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» (Дж. Роттер) [7, с. 509-511]

Методика позволяет выявлять направленность личности на внешние (экстерналы) или внутренние (интерналы) стимулы. Соответственно, он имеет две шкалы: экстернальности и интернальности. О направленности локуса контроля испытуемого следует судить по относительному превышению суммарных баллов показателей интернальности или экстернальности.

5. Исследование уровня субъективного контроля [10, с. 79-84]

Данная методика позволяет оценить сформированный у испытуемого уровень субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями. Опросник УСК состоит из 44 пунктов. Оценка результатов происходит по семи шкалам: шкала общей интернальности, шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области неудач, шкала интернальности в области семейных отношений, шкала интернальности в области производственных отношений, шкала интернальности в области межличностных отношений, шкала интернальности в отношении здоровья и болезни.

6. Опросник «Диагностика особенностей самоорганизации-39» (ДОС-39) [14, с. 306-310]

Опросник позволяет выявить индивидуальные особенности самоорганизации. Содержит интегральную шкалу «Уровень самоорганизации»

и шесть частных шкал, характеризующих уровень развития одного личностного компонента самоорганизации (волевые усилия) и пяти функциональных компонентов: целеполагание, анализ ситуации, планирование, самоконтроль, коррекция.

7. Методика диагностики оценки самоконтроля в общении М. Снайдера [20; с. 398]

Испытуемым предлагается внимательно прочитать десять предложений, описывающих реакции на некоторые ситуации. Каждое из них необходимо оценить как верное или неверное применительно к самому себе.

В исследовании применялись следующие методы статистической обработки данных:

1. Факторный анализ – факторизация матрицы методом главных компонент.
2. Коэффициент корреляции r Пирсона – для выявления корреляции.
3. Тест Колмогорова – Смирнова – для оценки нормальности распределений.

В результате проведения факторного анализа по критерию Кайзера была получена шестифакторная модель. Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.

При оценке пунктов по каждому фактору использовались следующие критерии: уровень факторной нагрузки должен быть не ниже 0,2; утверждение не должно иметь равных нагрузок по нескольким факторам.

Было получено 6 факторов, которые описывают 81% от общей дисперсии. Первый фактор описывает 19% от общей дисперсии, второй – так же 19%, третий фактор описывает 15% дисперсии, четвертый – 11%, пятый – 9% от общей дисперсии, шестой – 8% дисперсии.

В отдельный фактор выделились следующие шкалы: планирование, самоконтроль, анализ ситуации, целеполагание, волевые усилия.

Прямые связи здесь говорят о том, что чем выше у человека уровень самоконтроля, чем больше волевых усилий он прикладывает, тем больше внимания он уделяет планированию своих действий, анализу ситуаций, постановке целей и задач, тем продуктивней он в своей деятельности. Так же верно и обратное утверждение. Назовем этот фактор **«симптомокомплекс волевых качеств целеполагания и самоконтроля»**, поскольку шкалы, имеющие наиболее высокие факторные веса, непосредственно связаны с целеполаганием, самоконтролем и анализом ситуации.

Во второй фактор вошли следующие шкалы: целеполагание, волевые усилия, коррекция, интернальность в области достижений, интернальность в области производственных отношений, настойчивость, общая интернальность, упорство.

В этом случае следует говорить, что такие качества, как целеполагание, коррекция, настойчивость и упорство связаны в первую очередь с интернальностью прикладываемых волевых усилий. Другими словами, все эти качества детерминируются человеком «изнутри» при опоре на собственные цели, потребности, желания и возможности. Этот фактор получил название **«интернальные волевые качества»**, потому как большинство шкал в данном случае имеют непосредственную связь с интернальностью.

Третий фактор составили следующие шкалы: интернальность в межличностных отношениях, интернальность в области неудач, общая интернальность, интернальность в отношении здоровья, интернальность в области семейных отношений, интернальность в области достижений.

В данном случае в один фактор выделились шкалы, свидетельствующие об интернальности в различных сферах жизни. К тому же, шкала общей интернальности здесь имеет наибольший вес, что позволяет нам сделать вывод о том, что если человек имеет внутренний локус контроля, направленность личности на внутренние стимулы, то это будет охватывать большинство сфер его деятельности, проявляться в разных жизненных ситуациях. Поэтому третий фактор получил название **«фактор интернальности»**.

В четвертый фактор вошли следующие шкалы: интернальность в отношении здоровья, экстернальность (причем эта шкала включается в фактор с отрицательным показателем, что говорит об обратной связи с остальными шкалами), интернальность.

По сути дела, этот фактор обозначает характер отношений между экстернальностью и интернальностью. Поскольку экстернальность включена в фактор с отрицательным показателем, а интернальность – с положительным, следует говорить об обратной связи между этими характеристиками, что вполне логично и объясняется психологическим содержанием этих понятий. При внешней локализации контроля человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил — случая, других людей и т.д. А в случае внутреннего локуса контроля, человек интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности. Мы назвали его **«фактор отношений между экстернальностью и интернальностью»**.

Пятый фактор составляют следующие шкалы: интернальность в области семейных отношений, самоконтроль в общении (причем эта шкала включается в фактор с отрицательным показателем, что говорит об обратной связи с остальными шкалами), интернальность, интернальность в области неудач, интернальность в производственных отношениях.

Чем выше самоконтроль в общении, тем ниже уровень интернальности в разных сферах жизнедеятельности человека, и, соответственно, тем ярче проявляется внешний локус контроля, потребность объяснить все внешними обстоятельствами. И наоборот, чем ниже самоконтроль в общении, тем сильнее проявляется способность человека проявлять внутренний локус контроля, брать ответственность на себя. В связи с этим фактор получил название **«самооценка способности самоконтроля в общении»**.

Последний, шестой фактор составляют шкалы: самооценка терпеливости, самооценка упорства, самооценка настойчивости.

Несомненно, все эти качества имеют прямую связь между собой. К тому же, от них зависит, насколько успешны будут прилагаемые волевые усилия. Чем более развиты у человека терпеливость, упорство и настойчивость, тем продуктивнее будет его деятельность, и самое главное, тем дольше он сможет прилагать волевые усилия для достижения желаемого результата. Исходя из этого, шестой фактор получил название **«симптомокомплекс качеств длительности волевых усилий»**.

Таким образом, по итогам теоретического изучения темы «Симптомокомплекс волевых качеств характера» и результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы:

- Существует симптомокомплекс волевых качеств, и он связан с чертами характера
- Внутри симптомокомплекса воли можно выделить частные связи, которые позволяют понять, почему разным людям свойственна разная степень

проявления волевых усилий. В характерологический симптомокомплекс воли входят различные формы волевых качеств и различные свойства личности.

Наше исследование показало, что симптомокомплекс воли имеет сложное строение, внутри него можно выделить два наиболее весомых комплекса: первый – это «симптомокомплекс волевых качеств целеполагания и самоконтроля», второй – «симптомокомплекс качеств длительности волевых усилий». Большинство из исследованных качеств образует связи с различными показателями интернальности, что позволяет нам сделать вывод о том, что воля – это качество, обусловленное в первую очередь внутренним локусом контроля.

Библиографический список

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах / Аристотель. – М., 1975
2. Божович, Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна // Л.И. Божович. — Москва; Воронеж: Ин-т практической психологии, 1995
3. Выготский, Л.С. Проблема воли и ее развитие в детском возрасте / Л.С. Выготский // Собр. соч. в 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 454–465
4. Джемс, У. Психология / У. Джемс. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
5. Зимин, П.П. Воля и ее воспитание у подростков / П.П. Зимин. — Ташкент, 1985
6. Иванников, В.А. Психологические механизмы волевой регуляции / В.А. Иванников. – М.: МГУ, 1991. – 140 с.
7. Ильин, Е.П. Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.
8. Ильин, Е.П. Психология воли / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
9. Калинин, В.К. Актуальные аспекты теории воли / В.К. Калинин // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности: Тезисы Всесоюзной конференции. – Симферополь, 1986. – 159 с.
10. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин. – Эксмо, 2007. – 416 с.
11. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии / А.Н. Леонтьев. – М., 2000. – 509 с.
12. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
13. Маклаков, А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. — СПб.: Питер, 2001. — 592 с.
14. Милорадова, Н.Г. Психология и педагогика: Учебник / Н.Г. Милорадова. – М.: Гардарики, 2005. – С. 306–310
15. Моросанова, В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 2001. – 192 с.
16. Никандров, В.В. Систематизация волевых свойств человека / В.В. Никандров. – Весник СПбУ, 1995. – №3
17. Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. – М.: «Академический проект», 2000. – 320 с.
18. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
19. Пуни, А.Ц. Психологические основы волевой подготовки в спорте / А.Ц. Пуни. – М.: 1977. – С. 23
20. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Д.Я. Райгородский. - Самара: БАХРАХ-М, 2003. – 672 с.
21. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.

22. Селиванов, В.И. Избранные психологические труды / В.И. Селиванов. – Рязань, 1992. – С.56
23. Фещенко, Е.К. Возрастно-половые особенности самооценки волевых качеств / Е.К. Фещенко. – СПб.: 1999. – С.32
24. Чхартишвили, Ш.Н. Проблема воли в психологии / Ш.Н. Чхартишвили // Вопросы психологии. - 1967. – №4. – С.72–81
25. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. Дополнения / А. Шопенгауэр. – М.: Харвест, 2005. – 992 с.

УДК 159.923+316.3/4

A.V. Pisjach

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N. J. Bolshunova*

PSYCHOSOCIAL FEATURES OF MILITARY MEN'S PERSON

The given article is devoted to a problem of psychosocial features of military men's person.

A.B. Писяч

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Н.Я. Большунова*

СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Данная статья посвящена проблеме социально – психологических особенностей личности военнослужащих.

На современном этапе реформирования Вооруженных Сил РФ стоит задача формирования профессиональной армии. Выявление личностных качеств и особенностей, а также отбор лиц, наделенных ими – это самая важная задача, которая стоит на сегодняшний день перед психологами в Вооруженных Силах.

Сложность и многообразие социально-политических процессов, охвативших Россию, не могли не коснуться и российской армии. Изучение социально-психологических особенностей личности военнослужащих способствует адекватному решению вопросов социально-психологической адаптации военнослужащих как важнейшей части комплексной проблемы их социальной защищенности, что имеет сегодня не узкоспецифическое и даже не институциональное, а общесоциальное значение и настоятельно требует разработки новых подходов в изменившихся социально-политических и экономических условиях.

Среда и условия воинской деятельности предъявляют достаточно жесткие требования к личности молодого человека, призванного на военную службу. Проблема развития личности вооруженного защитника отечества на фоне довольно сложных социально-экономических преобразований и реформирования общества в целом в первую очередь предполагает создание условий для успешной адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву, непосредственно к армейской среде.

Особая роль в оценке профессиональной пригодности принадлежит изучению социально-психологических характеристик личности, в значительной мере определяющих успешность любой профессиональной деятельности. Социально-психологический уровень развития личности определяется

закономерностями явлений психики, обусловленными включением человека в различные социальные связи, а также психологическими характеристиками реальной социальной среды [1].

На становление личности военнослужащих влияют факторы: индивидуальные свойства в структуре личности, социальное окружение, а также особенности рода деятельности, а именно – военной службы.

Период службы в армии по призыву как переход от молодости к взрослости Л. Пэнто квалифицирует как ритуал перехода, сопровождаемый многообразными формами испытания [2].

Нежелание служить многие мотивируют царящей в настоящее время в армии «дедовщиной». Сложные условия и жесткие взаимоотношения накладываются на ощущение бессмысленности службы, отсутствие реального эффекта от тех видов деятельности, которыми заняты солдаты срочной службы в армии. К ним можно прибавить имевшие место недостатки в отдельных воинских частях в организации питания, гигиены, соблюдение температурного режима в казармах, обеспечение обмундированием и пр. Реакцией на воздействие множества психогенных факторов является стресс.

Согласно Д.В. Туманову, проблема отклоняющегося поведения военнослужащих является одной из наиболее значимых для профессиональной деятельности военного психолога. На формирование того или иного типа как нормального, так и отклоняющегося поведения влияют:

1. Ценностные ориентации личности (которые, в свою очередь, вытекают из потребностей, мотивов и интересов человека).

2. Тип социальной среды [3].

Объектом нашего исследования является личность, ее структура и факторы формирования.

Предметом исследования – личность военнослужащих и ее социально-психологические особенности.

Целью нашей работы было выявление социально-психологических особенностей личности военнослужащих.

Теоретический анализ литературных источников по заявленной проблеме позволил сформулировать гипотезу исследования, которая содержит следующие допущения:

1) военнослужащие обладают специфическими социально-психологическими особенностями, обусловленными их профессиональной деятельностью,

2) социально-психологические особенности личности проявляют себя в сфере использования копинг-стратегий, в стрессовой ситуации, в эмоционально-волевой сфере, в сфере акцентуаций характера, в сфере возможных отклонений в поведении.

При проведении исследования приняли участие две экспериментальные выборки - лица мужского пола.

Первая экспериментальная выборка (30 чел.) – это военнослужащие, курсанты 5-го курса НВВКУ.

Вторая экспериментальная выборка (30 чел.) – гражданские.

Общее количество испытуемых - 60 чел.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Экспресс диагностика склонности к аффективному поведению (В.В. Бойко).

2. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой).
3. Тест Н. Шмишека-К. Леонгарда (взрослый вариант).
4. Торонтская алекситимическая шкала.
5. Определения деструктивных установок в межличностных отношениях (В.В. Бойко)
6. Определения уровня депрессии (Т.И. Балашова)
7. Диагностика парциальных позиций интернальности – экстернальности личности (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд).
8. Определение склонности к отклоняющемуся поведению, мужской вариант (А.Н. Орёл) [4].

Полученные нами данные по всем методикам были обработаны по критерию Колмогорова – Смирнова, где мы получили ненормальное распределение. Исходя из полученного использовали непараметрический критерий – критерий Манна – Уитни.

В результате были получены значимые различия между двумя экспериментальными выборками (группой военнослужащих и группой гражданских лиц) по следующим критериям:

- 1) по всем шкалам копинг-поведения в стрессовых ситуациях (стратегии, ориентированные на решение задач, на эмоции, на избегание) ($U = 234,5$, $U = 89,5$, $U = 186,0$), а также по всем субшкалам методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» ($U = 91,5$),
- 2) по тесту Н.Шмишека-К. Леонгарда значимыми оказались различия по таким шкалам, как «гипертимность» ($U = 12,0$), «ригидность» ($U = 2,0$), «эмотивность» ($U = 6,0$), «тревожность» ($U = 396,0$), «неуправляемость» ($U = 36,0$), «дистимность» ($U = 18,0$), «экзальтированность» ($U = 124,0$),
- 3) по всем видам деструктивных установок в межличностных отношениях по методике В.В.Бойко ($U = 87,0$, $U = 45,0$, $U = 238,5$),
- 4) по методике Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда значимыми оказались различия по таким шкалам, как «Интернальность в семейных отношениях» ($U = 279,0$), «Интернальность производственных отношений» ($U = 153,0$), «Интернальность межличностных отношений» ($U = 1,35$), «Интернальность в отношении здоровья-болезни» ($U = 9,0$),
- 5) по методике определения склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орёл) значимыми оказались различия по таким шкалам, как шкала установки на социальную желательность (служебная шкала) ($U = 45,0$), шкала склонности к преодолению норм и правил, шкала склонности к аддиктивному поведению, шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, шкала склонности к агрессии и насилию, шкала волевого контроля эмоциональных реакций, шкала склонности к деликвентному поведению.

Итак, по результатам проведенного эмпирического исследования были выявлены следующие социально-психологические особенности личности военнослужащих:

- дисфункциональность стереотипа эмоционального поведения;
- в стрессовых ситуациях доминирует копинг-стрессовая поведенческая стратегия, ориентированная на эмоции, далее по нисходящей – копинг, ориентированный на решение задач и копинг, ориентированный на избегание;
- ригидность: акцентированное стремление к повышению значимости, честолюбии, целеустремленности, чувствительности по отношению к

несправедливости, склонность к преувеличению собственных способностей и объяснение неудач неблагожелательностью окружающих, подозрительность;

- педантичность: чрезмерная выраженность может привести к неудовлетворительной адаптации, поскольку сопровождается снижением способности действовать спонтанно, сообразно эмоциям и настроению в связи с потребностью «все тщательно обдумывать»;
- дистимность - склонность к постоянно пониженному настроению;
- управляемость: нет затруднения в фиксации на какой-нибудь определенной деятельности;
- снижена способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний, трудность в определении (идентификации) и описании собственных переживаний, снижение способности к символизации (бедность фантазии, воображения), сфокусированность в большей мере на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях;
- есть завуалированная жестокость в отношении к людям, ярко выражен обоснованный негативизм в суждениях о людях, который выражается в объективно обусловленных отрицательных выводах о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия, высок негативный личный опыт общения с окружающими;
- субдепрессивное состояние (замаскированная депрессия), легкая депрессия ситуативного генеза и невротического генеза;
- высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями, склонность приписывать ответственность за неудачи другим людям или считать их результатом невезения;
- конформные установки испытуемого, склонность следовать стереотипам и общепринятым нормам поведения, хороший социальный контроль поведенческих реакций, низкая ценность собственной жизни, склонность к риску, выраженная в потребности в острых ощущениях;
- наличие агрессивных тенденций у испытуемого, агрессивная направленность личности во взаимоотношениях с другими людьми, склонность решать проблемы посредством насилия;
- жесткий самоконтроль любых поведенческих эмоциональных реакций, чувственных влечений.

Результаты нашего исследования могут иметь решающее значение при разработке программ подготовки военнослужащих для выполнения боевых целей, а также программ адаптации военнослужащих к условиям гражданской жизни (в ситуации увольнения в запас).

Библиографический список

1. Абдурахманов, Р.А., Анцупов, А.Я. Военная психология / Р.А. Абдурахманов, А.Я. Анцупов. – М.: 2006.
2. Пэнто, Л. Личный опыт и научное требование объективности / Начала практической социологии // Л. Пэнто. – СПб.: Алетей, 2001. – С.19–76.
3. Туманов, Д.В. Социально-психологические предпосылки отклоняющегося поведения военнослужащих / Д.В. Туманов // [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://psiwar.narod.ru/konf.htm>
4. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Институт Психотерапии, 2005. – 490 с.

T.I. Solodkova

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N.J. Bolshunova*

MANIFESTATION SUBJECTIVITY FEATURES AT YOUTHFUL AGE

In the article psychological specificity of subjectivity and its individual developmental varieties at youthful age is considered.

Т.И. Солодкова

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Н.Я. Большунова*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматривается психологическая специфика субъектности и ее индивидуальные варианты развития в юношеском возрасте.

В отечественной психологии накоплен богатый материал, связанный с рассмотрением человека как субъекта деятельности, способного сознательно, творчески, целенаправленно и позитивно преобразовывать окружающую действительность. Теоретические исследования природы субъектности проведены К.А. Абульхановой-Славской, А.К. Осницким, В.А. Петровским, С.Л. Рубинштейном, В.И. Слободчиковым и др. [1; 2; 3; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 20]. К сожалению, недостаточно исследований, посвященных целостному рассмотрению развития субъектности в юношеском возрасте, обеспечивающей эффективное функционирование современной молодежи в социокультурном контексте.

В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью изучения специфики субъектности в юношеском возрасте. Поскольку субъектность - это отношение к себе как к деятелю, то в юношеском возрасте можно говорить только о личностных предпосылках субъектности.

Объектом исследования является субъектность как психологическое явление (способ бытия человека). Термин субъектность был введен А.К. Осницким как указание на специфическое качество человека, проявляющееся и реализующееся в субъектной позиции по отношению к самому себе, своей деятельности и взаимоотношениям с другими людьми, выраженное, в особенности, в самостоятельности как особом свойстве активности [11].

Анализ изучения субъектной природы человека, выполненный в научной школе С.Л. Рубинштейна [1; 2; 3; 14; 15; 16; 17; 18;] приводит к пониманию субъектности как способности человека воспроизводить взаимообусловленные изменения в мире и себе самом. Представления о сущности и содержательных составляющих субъектности исходят из понимания организации внутренней жизни человека, предложенной С.Л. Рубинштейном. Он отмечал, что изучение психологического облика человека включает три основных вопроса. «Первый - Чего хочет человек? (что для него привлекательно, к чему он стремится?) - это вопрос о направленности, установках, потребностях, желаниях интересах, идеалах. Второй вопрос - Что он может? - это вопрос о способностях, дарованиях человека. Третий вопрос - Что он есть? - предполагает выяснение того, как человек использует свои возможности, т. е. характер человека»

[17, с. 5-7]. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что качественное своеобразие человека составляет основу его субъектности.

Развитие понятия субъектности как характеристики личности, отражающей ее активность по отношению к обществу и самой себе, представлено в концепции В.А. Петровского: «Констатирующей характеристикой личности человека (и выявления соответствующих областей психологии личности) является его субъектность» [13, с. 11]. По мнению автора, возможность быть субъектом для человека означает возможность утверждения себя в мире. «Субъектность человека проявляется в его деятельности - особой активности, посредством которой человек воспроизводит себя, свое собственное бытие в мире» [13, с. 8]. С точки зрения Н.Я. Большуновой, субъектность представляет собой явление не столько социальное, сколько социокультурное (духовное). «Появление субъектности связано с обнаружением и актуализацией социокультурных (духовных) смыслов человеческой жизни» [4, с. 32]. Субъектность с одной стороны задана, как мера (не как идеал), как социокультурные образцы, но с другой стороны она дана как духовное Я человека [4].

Под предметом исследования мы понимаем проявление субъектности в юношеском возрасте. Развитие субъектности выступает как сложнообусловленный процесс, в котором большее значение имеют не только природные особенности человека, но и социокультурные обстоятельства его жизни [4].

Гипотеза заключалась в предположении, что в юношеском возрасте индивидуально выражены особенности проявления субъектности, и юношеский возраст является сенситивным периодом для развития субъектности. В соответствии с обозначенной гипотезой цель исследования состояла в выявлении различных вариантов развития субъектности в юношеском возрасте.

В работе использовались следующие методики: вопросник «Ответственность» В.П. Прядеина, методика исследования макиавеллизма личности В.В. Занкова, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказова, Торонтская Алекситимическая Шкала, методика «Четыре вопроса».

Экспериментальное исследование проводилось на базе факультета психологии Новосибирского Государственного Педагогического Университета в течение 2008-2009 г.г. В исследовании приняли участие 81 испытуемых обоего пола в возрасте 17-21 лет.

Исследование включало в себя четыре этапа. Первый этап был связан с анализом психологического феномена «субъектность». На втором этапе изучались историко-методологические основания для выделения психологической категории «субъектность» в основных направлениях, подходах и концепциях отечественной и зарубежной психологии. Третий этап исследования заключался в проведении психодиагностики испытуемых. И четвертый этап предполагал экспериментальное исследование особенностей субъектности в юношеском возрасте проведение корреляционного анализа и факторного анализа.

Корреляционный анализ с последующей факторизацией данных вопросника В.П. Прядеина, методики СЖО, теста жизнестойкости, методики исследования макиавеллизма личности, Торонтской алекситимической шкалы (было выделено 3 фактора) показал следующее.

В первый фактор вошли с достаточно большими весами показатели методики СЖО и тест жизнестойкости. Можно предположить, что, когда более выражены смысложизненные ориентации такие, как цели в будущем (которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу), процесс жизни (интерес и эмоциональная насыщенность жизни), результативность жизни (удовлетворенность самореализацией), локус контроля-Я (Я — хозяин жизни), локус контроля-жизнь (управляемость жизни) — то сильнее выражена жизнестойкость.

2-й и 3-й фактор отражают направленность связей внутри самой методики «Ответственность», что и подтверждает данные, полученные в исследованиях В.П. Прядеиным.

По данным корреляционного анализа параметр «алекситимия» образовал отрицательные корреляционные связи со следующими переменными: «динамическая эргичность», «социоцентрическая мотивация», «предметная результативность», «осмысленность жизни», «цели», «процесс», «локус-контроля-Я», «жизнестойкость», «вовлеченность», «контроль». Высокое значение переменной «алекситимия» способствует уменьшению значимости параметров ответственности «динамическая эргичность», «социоцентрическая мотивация», «предметная результативность», смысложизненных ориентаций «цели», «процесс», «локус контроля - Я», показателей жизнестойкости «жизнестойкость», «вовлеченность», «контроль». Чем сильнее выражена алекситимия, тем менее выражены потребность в социальной жизни, общественная активность, желание помочь окружающим, осмысленность жизни, интерес жизни, представление о себе как о сильной личности, жизнестойкость, вовлеченность, контроль.

Отрицательные корреляционные связи зафиксированы между параметром «трудности» и переменными «процесс», «локус контроля-жизнь». Чем выше значение параметра «трудности», тем ниже такие смысложизненные ориентации, как «процесс» и «локус контроля - жизнь». Таким образом, чем ярче выражена неспособность преодолевать трудности, тем менее выражены интерес и эмоциональная насыщенность жизни, управляемость жизни. Неспособность преодолевать трудности, возникающие в ходе реализации ответственных дел, порождает неудовлетворенность жизнью и исходит из убежденности в том, что жизнь неподвластна сознательному контролю. Человек, неспособный преодолевать трудности, не будет воспринимать процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

Представляет интерес анализ результатов факторизации и корреляционного анализа с показателями методики «Четыре вопроса» Выборка испытуемых была дифференцирована на три группы — группа 1 (с высшим уровнем характера), группа 2 (со средним уровнем характера) и группа 3 (с низким уровнем характера) по методике «Четыре вопроса». Произведенные расчеты методом χ^2 — критерия Фишера подтверждают правомерность дифференциации выборки. Дифференциация осуществлялась методом контент-анализа, основываясь на типологии характера Лазурского. А.Ф. Лазурский выделял три психологических уровня в зависимости от степени приспособления человека к среде, в зависимости от того, насколько среда «давит» на человека [7]. Низший уровень — это недостаточно приспособленные люди, среда накладывает на них сверхсильный отпечаток, насильственно приспособляя их к своим запросам и почти не считаясь с врожденными особенностями каждого отдельного

человека. Средний уровень — люди смогли найти свое место в окружающей среде и использовать ее в своих целях. Высший уровень — это уровень творчества, когда человек стремится среду переделать.

Можно предположить, что выраженность смысловых ориентаций и жизнестойкости соответствует высшему уровню характера по типологии А.Ф. Лазурского. То есть при высшем уровне характера наблюдается осмысленность жизни, целеустремленность, интерес и эмоциональная насыщенность жизни, удовлетворенность самореализацией, представление о себе как о сильной личности, жизнестойкость. И, наоборот, при низких значениях смысловых ориентаций и жизнестойкости выражен низший уровень характера, для которого свойственны неудовлетворенность жизнью в настоящем, отсутствие целей в будущем, неудовлетворенность прожитой частью жизни, неверие в свои силы контролировать события собственной жизни. Выраженность таких параметров ответственности, как динамическая азгичность, эгоцентрическая мотивация, астеническая эмоциональность, регуляторная экстернальность, трудности, и принятие риска относится к низшему уровню характера. Для данного типа личности будут характерным отсутствие интереса к различным фактам общественной жизни, стремление к удовлетворению собственных потребностей, забота о собственном благополучии, соотнесение достижения социально значимого результата со случайностью, принятие риска. Снижение значений по данным показателям свидетельствует о среднем уровне характера, а низкие значения — о высшем. Ярко выраженная предметная результативность и отсутствие склонности к макиавеллизму являются признаками высшего уровня характера, и, наоборот, низкая предметная результативность и склонность к манипулированию другими людьми характеризуют низший тип личности.

Таким образом, экспериментальное исследование позволило выявить два варианта развития субъектности в юношеском возрасте на основе комплекса следующих показателей: ответственность, ценностные ориентации, смысловые ориентации, жизнестойкость, макиавеллизм, алекситимия.

Первый вариант развития субъектности (низкий) предполагает безответственность как качество личности, алекситимическую направленность, макиавеллизм, отсутствие в жизни целей в будущем, низкую жизнестойкость. Люди этого типа испытывают трудность в определении и описании собственных переживаний. Для них характерно фокусированность в большей мере на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях. Они убеждены в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать. Такие субъекты более эффективно обманывают других, в межличностном общении чаще используют лесть и в целом успешнее влияют на других людей. При вступлении в контакт с другими склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно, ориентироваться на проблему, а не на собеседника. Для них характерна гедонистическая направленность личности. Смысл их жизни заключается в наслаждениях, выражается в позиции делаю все, что хочу, что доставляет удовольствие.

Другой тип развития субъектности (высокий) связан с выраженной ответственностью, четко обозначенными жизненными целями, высокой жизнестойкостью, отсутствием стремления манипулировать другими людьми, развитой эмоциональной сферой. Для представителей этого типа характерно готовность отвечать за совершенные действия, поступки и их последствия. Такие люди воспринимают процесс своей жизни как интересный,

эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Они удовлетворены своей жизнью, воспринимают себя как сильную личность, обладающую достаточной свободой выбора, чтобы построить жизнь со своими целями и представлениями о ее смысле. Убеждены, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Они обладают ярко выраженной жизнестойкостью; способны видеть и принимать действительность такой, какова она есть; готовы действовать такими способами, которые позволят им легче пережить неприятности; умеют находить смысл в различных сторонах жизни. Они как правило хорошо понимают свое эмоциональное состояние и другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир.

Как считает Н.Я. Большунова, возможны и «промежуточные» варианты развития субъектности в юношеском возрасте. Один из них предполагает признание значимости нравственных ценностей и следование им на основе принуждения. Другой «промежуточный» вариант развития субъектности представлен как разочарование в действительности, значимости базовых ценностей в мире людей, что выступает как основание поступать «по выгоде». «Именно этот вариант часто выбирается как защитное поведение при природно обусловленной «безответственности» [4, с. 256].

Таким образом, становление субъектности в юношеском возрасте имеет разные пути развития. Выделенные индивидуальные варианты субъектности имеют очевидные различия по целому ряду психологических характеристик. Выявленные типологические особенности, прежде всего в уровнях осмысленности жизни, жизнестойкости, степени макиавеллизма, выраженности алекситимии, ответственности, признании социокультурных образцов как мер своих поступков, могут быть интерпретированы как различия в общем уровне развития субъектности у описанных типов личности.

Библиографический список

1. Абульханова, К.А. Психология и сознание личности (проблемы, методологии, теории и исследования реальной личности) / К.А. Абульханова. – М.: ИПП; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 224 с.
2. Абульханова–Славская, К.А. Проблема определения субъекта в психологии / К.А. Абульханова–Славская // Субъект действия, взаимодействия, познания. – М.: Воронеж, 2001. – С. 36–53.
3. Абульханова–Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова–Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
4. Большунова, Н.Я. Субъектность как социокультурное явление / Н.Я. Большунова. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – 324 с.
5. Большунова, Н.Я. Структура субъектности / Н.Я. Большунова // Деятельность личности: сборник научных трудов /. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – С. 13–19.
6. Волков, Б.С. Психология ранней юности / Б.С. Волков. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 96с.
7. Ермолаева, М.В. Субъектный подход в психологии развития взрослого человека (вопросы и ответы) / М.В. Ермолаева. – М.: Московский психолого–социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006. – 200 с.
8. Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
9. Кон, И.С. Психология юношеского возраста: (проблемы формирования личности) / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1979. – 59 с.
10. Ольховская, Т.А. Становление субъектности студента университета: Автореф. дис.

- ... д-ра пед. наук / Т.А. Ольховская. – Оренбург, 2007. – 44 с.
11. Осницкий, А.К. Проблема исследования субъектной активности / А.К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С.5–19.
 12. Петровский, В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности / В.А. Петровский // Вопросы психологии. – 1985. – № 4. – С.17–30.
 13. Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов на Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
 14. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1957. – 328с.
 15. Рубинштейн, С.Л. Принципы и пути развития психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1959.
 16. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 2003, – 361 с.
 17. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – Наука, 1997. – 712 с.
 18. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – М.:Наука, 1957. – 190 с.
 19. Сергиенко, Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект / Е.А. Сергиенко // Проблема субъекта в психологической науке. – М., 2000. – С. 184–203.
 20. Слободчиков, В.И. Психология развития человека / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школьная пресса, 2000. – 415 с.

**SECTION II. MODERN PSYCHOANALYSIS AND CLINICAL
PSYCHOLOGY: NEW SYMPTOMS AND DISCOURSES**

**СЕКЦИЯ II. СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ И КЛИНИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ: НОВЫЕ СИМПТОМЫ И ДИСКУРСЫ**

УДК 17+159.9

O.A. Aleksandrova

University Paris-8, Department of psychoanalysis, Bordeaux

**MORAL QUESTION IN TERMS OF THE SUBJECT OF DESIRE:
FROM MORALS READING TO LECTURER'S ETHICS**

In the article an attempt of definition of concepts of public morals and ethics is undertaken. Such categories as desire, pleasure and taboo are considered. Examples of some ethical positions are given.

O.A. Александрова

Университет Париж-8, Департамент психоанализа, г.Бордо

**НРАВСТВЕННЫЙ ВОПРОС В ТЕРМИНАХ СУБЪЕКТА
ЖЕЛАНИЯ: ОТ ЧТЕНИЯ МОРАЛИ К ЭТИКЕ ЛЕКТОРА**

В статье предпринята попытка определения понятий общественной морали и имплицитно в ней присутствующей и ее обуславливающей этики. Рассматриваются категории желания, наслаждения и запрета. Приведены примеры нескольких этических позиций.

Опираясь на ряд заимствованных из психоанализа Жака Лакана категорий, предложенная вниманию статья предпримет попытку развести понятия общественной морали и имплицитно в ней присутствующей и ее обуславливающей этики. Речь пойдет, среди прочих, о категориях желания, наслаждения и запрета. Текст возьмет за основу аналогию со структурой лакановского Субъекта бессознательного и проиллюстрирует основной тезис примерами нескольких этических позиций.

Если на что и наводит чтение Лакана, так это на мысль, что по ту сторону читаемой морали присутствует лектор со своей, по-видимому бессознательной, этикой. Беря за точку отсчета формулу данного предположения, текст представленной статьи станет говорить об этике общественной морали.

Вопросы, в той форме, в какой мы их перед собой ставим, звучат следующим образом: этична ли нравственность, и что представляет собой эта этика? Чтобы решить поставленную задачу, мы продедем путь от Субъекта бессознательного желания к функции общественной морали быть у этого желания на страже, оживив данный пассаж короткими интерпретациями трех, условно говоря, социальных кодексов – любовного, экономического и политического.

Нравственность – продукт работы психики и ее структур, в первую очередь структуры Супер-Эго. Тезис этот не нов: со времен Фрейда Эго несет на себе функцию ответственного за разрешение конфликтов между инстанциями и разнонаправленными векторами их требований.

Чтобы подойти к интерпретации, предполагающей дать новое прочтение нравственному вопросу, нам понадобится еще один элемент, который мы

позаимствуем из учения Жака Лакана. Понятие, объединяющее и выходящее в некотором смысле за пределы фрейдовской структуры психики, – Субъект.

Субъект – место, из которого человек действует, мыслит, говорит, занимает позицию, делает выбор, самоопределяется, из которого, среди прочего, приходит решение внутриспсихического конфликта. Что есть это место? Лакан строит Субъекта вокруг желания и наслаждения. Желание – пункт, из которого и в связи с которым все начинается и происходит. Всё здесь не иначе как течение бытия в лоне языка, где человек не есть бесконечная в своей странности «метаморфоза Грибуя, следующего течению реки, как зеленая ветвь, уносимая в направлении наслаждения» или, в символическом смысле, означающей неизвестности, он – не простое присутствие в собственной жизни, но тот, кто ее пишет и в ней сказывается [10, с. 751]. Мы подошли здесь совсем близко к тому базовому тезису, который определяет мысль Ж. Лакана, соединяя в одно неделимое целое человека и язык в термине «говорящее существо».

Что путь наш лежал в направлении этого тезиса, так это в связи с одним вопросом, который мы хотим сформулировать: что заставляет человека высказываться? Что движет им в поисках своей сущности, идентификации, буквы закона его существования, имени счастья? То, что им движет, есть желание. Субъект неудовлетворимого желания и недостижимого наслаждения тем не менее желает и наслаждается в языке.

Человек не есть исключительно живое существо, но Субъект, тот, кто о себе думает, говорит, кто ищет и находит себя в имени, определении, в словах, первое из которых – «я». Человек есть Субъект, Субъект же, в свою очередь, – здание беспрецедентной конструкции, выстроенное по некому вне сомнений имевшему место, но стертому каким-то небрежным движением архитектурному проекту, от которого до нас дошло одно лишь название без имени автора. Это название – Фаллос.

Желание бессознательно, оно где-то за скобками языка, неуловимо в них присутствуя и из них ускользя. Оно, как и палимпсест, есть знание, которое, будучи однажды утрачено, восстановлено по памяти на старой – пожелтевшей от времени и уставшей от усилий всех на ней отметившихся пытливых умов – странице. Новый текст, который мы чертим своей жизнью и своей мыслью там, где желание должно бы было вписать истинное имя нашего существования, – текст этот ложен.

Таким образом мы можем определить структуру Субъекта как поиск посредством языка того, что он него, языка, бесконечно ускользает, – имени желания. Эта ускользящая субстанция – причина существования неповторимого. То, у чего нет слова, не может быть повторено. Только желание делает Субъекта единичным. Помимо желания, все, через что только не пытается он себя определить, не более чем оскомина на зубах блуждающего в делях означающих. Пережил он две войны, трех жен или семь госпитализаций, скажи он даже «я уникален», он никогда не произнесет того, что единственно, что не может быть сказано дважды, не превратившись в тривиальность. Нет означающего, которое не могло бы быть повторено другим, не могло бы стать означающим Другого. В измерении человеческого не было бы ни единичного, ни уникального, не имей мы того, что превосходит язык, делая нас субъектами, – это и есть то самое желание, о котором мы не перестаем писать, и которое, несмотря на все усилия, «не прекращает [при этом] не писаться» [11, с.55].

Субъект – нечто большее, чем означающее, поскольку в сущности он есть то, что не может себя высказать. Субъект не говорится, хотя и держит речь,

посредством, конечно, слов, которые – в отличие от него – говорятся, артикулируясь в нечто подвижное, текучее и живое – цепочку означающих.

Какое место занимает общественное в поле Субъекта, на какой вопрос его дискурса оно отвечает? Общество не равно Субъекту, оно выступает в качестве поставщика символических координат, в которые этот последний вписывает свое существование. Оно что-то вроде набора означающих, набора, однако, особого порядка.

Общество, которое мы создали и, со временем об этом факте забыв, себя которому противопоставили, предлагает означающее - *full* (*фулл*, англ. full – совершенный, полный, целостный, в высшей степени), то совершенное, иными словами, означающее, что не укрывает истину, именуя наслаждение.

Социальное образование как некий живой организм, самоорганизующаяся субстанция якобы содержит в себе ответ на нехватку или то, что в Субъекте не говорится и не имеет имени. Это, конечно, не больше чем его, этого самого Субъекта, верование, видение в том смысле, что все это ему, вероятно, привиделось в том мифическом сне, который Фрейд описал в нескольких работах, касающихся религии и цивилизации [4;7].

Общество – его, Субъекта, сновидение наяву. Почему мы позволяем себе такое сопоставление, так это в связи с его символической структурой. Все бы ничего, все бы в нем было реально, если бы не ответ, что призвано оно дать на нехватку. Этот ответ – иллюзорность, видимость осуществления бессознательного желания его субъектов. Дело обстоит в точности как в толковании Фрейдом сновидения.

Подведем промежуточные итоги и предпримем одновременно еще один шаг. Субъект – конструкция, возведенная на фундаменте желания. Желание не имеет имени, оно остается во все времена вне означающего, потому на уровне языка оно представлено не иначе как в виде нехватки, нехватки того якобы возможного слова, которое могло бы его сказать. Фантазм – что-то наподобие компромисса между языком и нехваткой. Недостающее означающее приобретает в фантазме рельеф, то есть осуществление желания становится реальным, оставаясь воображаемым. Фантазм имеет, исходя из сказанного, структуру сна. Один из таких фантазмов, составляющий предмет нашего внимания, – общественная мораль.

Тогда как основной вопрос нашего исследования касается морали и этики, определим, наконец, их во всей этой россыпи элементов место.

В чем состоит отличие моральных и этических принципов? Мораль манипулирует двумя условными категориями: добра и зла. Ее принципы, задающие некий порядок действиям и помыслам Субъекта, не подвергаются оспариванию. В свою очередь этика никогда не окончательна, не однозначна, ее постулат может быть поставлен под вопрос. В связи с этим она стоит иерархически выше моральных требований, поскольку вопрошание ее касается их оснований, то есть оснований нравственного. Этика не судит и не осуждает, ее подход subtilen, цивилизован, тонок. Мораль предписывает правила функционирования, тогда как этика дает последнему смысл.

К примеру, что есть этика и мораль психоанализа? Понимая первую как формулировку абсолютной, предельной ценности, скажем, что этика психоаналитика есть его центрированность на бессознательном желании Субъекта, поскольку нет для него ничего мельче, истинней и аутентичней желания как ядра бессознательного, ядра человеческого, субъективного, психики. Этика говорения – сказать то, что дает сбой, что не в порядке, что

разладились или идет «не так». Это вещи, которые по сути своей не говорят, не ухватываются в слове. Мораль же может быть сказана и черным по белому записана, как это сделал в тексте 1895 года Фрейд, требующий от своих пациентов в соответствии с методом свободных ассоциаций «рассказывать обо всем, что придет им на ум [...] вне зависимости от того, насколько это будет кстати, с их точки зрения, и насколько неприятно им будет об этом говорить, стало быть, [...] говорить все без разбора, ничего не оценивая и не поддаваясь эмоциям» [5, с.336], [3, с.100]. В аналитическом смысле этика может быть также трактована как выбор места, из которого звучит ответ, из которого другой держит слово. Будь то другой в лице человека, Бога или социальной формации, он отвечает на две вещи: на требование и желание. Вот, собственно, почему мы так долго говорили о желании и Субъекте, которые через требование взаимно претворяют друг друга в жизнь.

Мы предлагаем строить этику общественной морали на двух фундаментальных понятиях: объекта *a* и Идеала Я. Субъект имеет в своем арсенале два инструмента удовлетворения: объект и означающее или, технически, овещствление и наименование фаллоса, Ф, того, что представляет собой ответ-*full* на нехватку.

Общество как Другой – ответ, который Субъект в него помещает и затем от него требует, – ответ на желание. Здоровое общество, как и «здоровый» аналитик, на требование это не отвечает, дабы не потерять свое привилегированное место того, кто предполагает ответить на желание. Впрочем, следуя Лакану, Другой этот сам, естественно, ничего не предполагает, но любезно соглашается быть объектом предположения [14, с. 248].

Исходя из ответов, которые мы ожидаем от него получить, и которых не так много, а именно: два, *I* и *a*, – мы условно разводим две социально-этические позиции. Европейская этика зиждется сегодня на праве – если не сказать обязанности – обладания объектом; тогда как этика российская – это по-прежнему, в хорошем смысле этого «по-прежнему», этика идеала или идеи, например, к слову, национальной.

Массообразование подразумевает способ решения вопроса нехватки. Решение записывается в виде морального закона, по ту сторону которого маячит причина, что эту мораль обуславливает. Этика морали есть связь закона с желанием. То, как связан моральный закон общества с бессознательным желанием его субъекта, то, чем он это желание называет и какое понимание ему дает, – вот определяющая данное общество этическая компонента. Этика морали – скрытая формулировка счастья как благодати или благополучия тех, для кого она написана или, скорее, кому прочитана.

Приведем теперь несколько «животрепещущих» – термин, которым бессознательное было артикулировано в декабре 2004 на IV^{ym} Семинаре «Фрейдова поля» в Москве – примеров. Поверхность, на которой изложенная логика проступает с наибольшей очевидностью, – любовные мифы.

Если взять вопрос отношения полов, мораль сегодняшней западной массы будет состоять в поиске личного счастья и любви, где иллюзия обладания объектом *a* присутствует и поддерживается. Лишь до той поры, пока иллюзия эта не иссякнет, любовь считается моральной. Аморальная, согласно европейской мысли, любовь общества идеала строится на иной этике, исключаящей насаждение права обладания абсолютным объектом, исключаящей наслаждение через обладание, в чем и состоит ее, в глазах западного человека, аморальная, в смысле непростительная, консервативность.

Идеализированная любовь, или идея любви, есть способ причастия к именам Фаллоса, репрезентированного в консервативных обществах – названных так не иначе как обществами прогрессивными – идеалами семьи, брака, верности, уважения и т.п. Сладострастная же любовь включает в игру объект *a*, в обществе свободы и счастья определяющий любовный идеал и представляющий собой ответ на желание и нехватку.

Действительно ли сдвиг от *I* к *a*, от Идеала к объекту, можно отнести на счет прогресса – тезис, далеко не очевидный. Колебания Субъекта между этими двумя полюсами мало связаны с развитием и прогрессом, но лишь с фактологией частного порядка вещей. Называть способы обхождения с нехваткой консервативными или прогрессивными равносильно суждениям относительно нормы и патологии семейной структуры [13]. Нет ничего лучше симптома, который не дает сбоев, выйди он хоть трижды из моды! Симптом – сбой несуществующего «нормального» функционирования, который в своей повторяемости не дает сбоев.

Еще несколько мыслей, которые прояснят картину, – на этот раз из области экономики. Дабы избежать критических ремарок на сырые суждения об экономическом облике современной России, обратим взгляд на мораль экономики страны Советов. Безусловно, речь здесь и идти не может о морали обладания, но скорее отнятия. Отнятие это ни произвольно, ни необоснованно. Его знаменитая, кристальной чистоты и справедливости, мораль, заимствованная у К. Маркса и прочитанная товарищем Лениным на 22ой Съезде Партии: «От каждого по возможностям, каждому по потребностям», – прочно стоит на сваях веры в идеал [2, с. 20]. Этика советского коммунизма – дать ответ на желание каждого посредством идеи. Нехватка как обратная сторона желания выносится за скобки частного, филогенетического, субъективного и принимает за этими скобками новый облик – непретворимости в жизнь идеи построения идеальной экономики. Однако, будучи непретворима в реальности, она остается, тем не менее, претворима на уровне Воображаемого, на уровне идеи.

Та же, если судить по означаящим, идея экономического равенства пишет в истории западной системы страницу совершенно иной морали – морали, так называемой капиталистической. Идеал уходит на второй план. Это объект будет играть здесь ведущую роль. Аморальной станет отныне идея «каждому по заслугам». В западной культуре морально быть обладателем ценного объекта, капиталистом, в российском же обществе «честно» быть – благо, хоть не ума – лишенным во имя идеи.

Провозглашенная Лениным идея финансового равенства «От каждого по возможностям, каждому по потребностям» многократно подвергалась остракизму и критике. Мы излагаем в данном случае возможную аналитическую трактовку ленинского силлогизма. Коммунистической идеологии удовлетворения потребностей противостоит сама человеческая природа, отсылающая к бессознательным истокам жадности или жажды потребления и удержания. В конечном счете, получить по потребностям есть способ удовлетворения через объект, которое ослабляет веру в идею. Идея же отдать по возможностям сохранна до тех пор, пока объект изъят, то есть пока потребность не удовлетворена. Истинный марксистский капитализм антинравственен согласно Ленину. Это очевидно, поскольку экономический или иной дискурс, центрированный на объекте, разрушает идеал.

1. Итак, объект держит в своих руках бразды правления потребительского общества. Если можно так выразиться, «скажи мне, сколько ты потребляешь, и

я скажу, кто ты». Такое привилегированное место объекта *a* становится причиной понимания и определения Субъекта через его манеру находить доступ к наслаждению: ни больше ни меньше, как «я наслаждаюсь, следовательно я существую», что вполне в духе последних Семинаров Ж.Лакана [11].

2. В обществе идеала решающее слово остается за последним: «Скажи мне, во что ты веришь, а я скажу тебе, кто ты». Не оно ли это – зеркало каждого из нас, свято верующих в идеальное будущее или, того фатальней, идеальное прошлое?

Нам не придется далеко идти за третьим примером – та же этика, что стоит за советской экономической идеологией, определяет, если уместно говорить о власти в терминах морали, и корни тоталитаризма. Еще не так давно русская история переживала период, отмеченный триумфом идеологии, в которой объект был обесценен его противопоставлением пророчествам Идеала. Идея тоталитарного общества есть в определенном смысле его мораль, поскольку именно она устанавливает моральный закон его функционирования.

Какая цепь ассоциаций выстраивается в этой связи? Однопартийность – режим, требующий, диктующий, назидующий – с трибун, балконов и броневигов – последнюю истину, провозглашаемую от имени Отца, именем морального закона и во имя высшего блага. Какое количество имен! Каждое есть означающее-*full*, заранее, однако, обреченное на дефолт.

Общество высокого авторитета, незыблемой морали возлагает на Другого полномочия распределять блага, провозглашать правду, давать ответ. Если система, экономическая, политическая или, скажем, система духовных ценностей, заявляет о своем желании предоставить Субъекту совершенный ответ, она заведомо нивелирует ценность объекта. Все, что относится к порядку единичного, измерению *синтома*, объявляется патологией, ретушируется, уравнивается [12]. Единичное несовместимо с коллективным, имеющим в качестве конечного пункта, цели аннулировать частность. Единичное становится патологией, когда оно расходится с требованиями Идеала Я. *I* отменяет *a*, набирая в регистре Воображаемого больший означающий вес.

Моральные принципы, задающие универсальные рамки добра и зла, не ставятся под сомнение – тезис, целиком и полностью отвечающий тоталитарной логике. Почему все-таки мораль эта столь прочна? Система рождает идею. Идея эпохи звучала так: «Вперед к победе коммунизма!» Означающее, пришедшее на место означающего - *full*, становится проводником наслаждения.

Вот где разгадка!

Осуществление желания, будь то посредством работы сновидения, фантазма или социальной идентификации, – палка о двух концах: наслаждения и запрета. Если человек и создал общество и мораль, если он вообще что-либо создал или еще создаст, то это не иначе как в связи с этими двумя элементами, которые для него предельно экзистенциальны. Нет ничего из разряда человеческого, что не имело бы прямо или косвенно – метафорически или метонимически – отношения к наслаждению и запрету, на него наложенному [1; 15, с. 821]. В том, что касается статуса запрета, нельзя не отметить, что запрет этот есть явление, одно из всех прочих, что находится с наслаждением в той же самой связи, что любой другой символический акт, то есть связи исполнительной инстанции с законом.

Мы все-таки возводим запрет в особый ранг. Это, если позволите, акт 1 из всего, что человек, будучи человеком, предпринял. Первое, что с ним

приключилось, – и наслаждение было здесь трижды задействовано как причина, объект и цель, – был запрет, запрет как означающее, как символический или языковой барьер.

Запрещение, или заграждение, повлекло за собой возникновение общественного существа, того, что не существует само по себе, но всегда бок о бок с другим. Барьер породил Субъекта и общество как имя Другого. Разделив их, он, можно сказать, прекратил их слитость, их идентичность.

Работа психической инстанции, в том числе Супер-Эго, не сводится к подавлению импульса, но к поиску такого решения, которое делает возможным удовлетворение. В этом и состоит ее этичность, как этичность любой продиктованной морали.

Библиографический список

1. Лакан, Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70)) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис/Логос, 2008.
2. Маркс, К. Критика готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М.: Гос. Изд. Политической литературы, 1955. – Т. 19.
3. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – СПб.: Азбука, 1997.
4. Фрейд, З. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд // Психоаналитические этюды. – М.: Аст, 2004.
5. Фрейд, З. О психотерапии истерии (1895) / З. Фрейд, Й. Брейер // Исследования истерии. – СПб.: ВЕИП, 2005.
6. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – Минск: Попурри, 2000.
7. Фрейд, З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия / З. Фрейд. – М.: Наука, 1993.
8. Газета «Правда» от 21 декабря 1949. – С.7.
9. Chemama, R., Vandermersch, B. Dictionnaire de la psychanalyse / R. Chemama, B. Vandermersch. – Paris : Larousse, 2009.
10. Lacan, J. Jeunesse de Gide ou la lettre et le désir / J. Lacan // Lacan, J. Écrits. – Paris: Seuil, 1966. – С.739-765.
11. Lacan, J. Le séminaire, Livre XX: Encore / J. Lacan. – Paris: Seuil, 1975.
12. Lacan, J. Le séminaire livre XXIII : Le sinthome / J. Lacan. – Paris: Seuil, 2005.
13. Lacan, J. Les complexes familiaux dans la formation de l'individu / J. Lacan // Lacan, J. Autres écrits. – Paris : Seuil, 2001. – С.23-85.
14. Lacan, J. Note sur l'enfant / J. Lacan // Lacan, J. Autres écrits. – Paris : Seuil, 2001. – С.373-375
15. Lacan, J. Subversion du sujet et dialectique du désir dans l'inconscient freudien / J. Lacan // Lacan, J. Écrits. – Paris : Seuil, 1966. – С.793-829.

УДК 159.9

S. Benvenuto

Main Editor of the European Journal of Psychoanalysis, Rome, Italy

FREUD: NARCISSISM, MOURNING, MELANCHOLY

In Part I of this text, the author reconstructs Freud's theory of melancholy stressing its relation with the complex concept of Freudian narcissism. The specific narcissism of depression is described as a certain relation to one's mirror image. Through the paradoxes of narcissism, the author focuses on the mystery of the Freudian *object*, whose lack throws its shadow on the "I" of the subject.

In part II, the author reconstructs the Freudian concept of narcissism itself and of some other major Freudian concepts making use of a figure which tries to make clear these Freudian concepts as “functional” ones, i.e. considering them as mathematical functions. A function, in mathematics, is when the semantic dimension of a term varies proportionally to the variations of the semantic dimension of the term connected to the former. According to this reconstruction, graphic and conceptual at once, the author situates three of Freud’s fundamental concepts – Ich, Objekt, Ideal – as functional concepts. Melancholy and mania are situated in this frame as mood states which belong to the border-line separating Ich-Libido from Objekt-Libido: this means that they are not bound to either sexual libido or the idealization processes, but rather mark the functional limit between libido and idealization. The mood shifts are always in-between eroticism and idealization.

The pleasure of slandering oneself far exceeds that of being slandered.
E.M. Cioran (1973)

1. Splitting

In *Mourning and Melancholia*, Sigmund Freud (1915) associates two striking syndromes, melancholy and mania, to two “normal” experiences comprehensible to everyone: he inscribes melancholy within the phenomenology of *mourning* and connects maniacal excitement to the experience of *the feast* (“*Freude, Jubel, Triumph*”³⁷).

By mourning he means our dysphoric reaction to the loss of something that is of value to us: health, money, success, youth, one’s country, a lover, a friend, and so on. For Freud mourning is a mental *labor* and, like all labor, produces something: its own end. The pain of grief leads us to detach ourselves little by little from the lost object: it is one of the ruthless laws of life that, over time, even our most dearly loved departed ones are often forgotten. Melancholy too is the labor of eliminating a lost object, which can lead to its opposite: mania.

Why do some subjects choose the cliff road of melancholy rather than the (supposedly) normal one of mourning? To respond to this, Freud brings in two catalysts – *ambivalence* and *narcissism*.

He who is predisposed to melancholy – Freud writes – harbors ambivalent feelings towards the lost beloved object, which also drew the subject’s hatred and resentment. In fact, this thesis was quickly challenged by several Freud’s pupils: an object attracts ambivalent feelings precisely because it is lost. There is always an element of resentment for the dearly departed: “why did you leave me?” All mourning, in short, is ambivalent. The loved and disappointing object – whether a person, ideal or value – is scourged with reproach. *De mortuis nihil nisi bonum* – of the dead, speak no evil. This adage compensates for the primal hostility towards the person who has left us. Except that in melancholy this hostility is no longer directed towards the lost object: the subject identifies with it, which is why, instead of being angry at the vanished object, he rages against his own “I”. The spear becomes a boomerang coming back against what is known in English as *the ego*. But here I will use a more literal translation of *das Ich*: the “I”.

Take note, in fact: the melancholic prostrates not *himself*, but his own “I”. This difference between one’s self and “I” is crucial. The melancholic tortures

³⁷ GW, X, p. 441.

the “I”, since the “I” has replaced the other. We should ask a subject, “*against whom* are you depressed?”

In the 17th century Samuel Butler wrote that “a melancholic man is one that keeps the worst company in the world, that is, his own”³⁸. According to Darian Leader³⁹, Freud would say exactly the opposite of what Butler said: that the company the melancholic keeps is actually that of his lost object. Except that he diverts all of the hateful rage he has towards this object towards his own “I”: he incessantly accuses his own “I” of every weakness and defeat. He is a centripetal variant of the scapegoat: the subject makes his own “I” into a sacrificial victim. And he plays the two complementary parts in this drama, as in Baudelaire (1861):

I am the wound and the knife, the cheek and the slap! I am the victim and the executioner, the bone and the wheel that breaks it!

Melancholy thus lays bare a dyscrasia we may find in any human being: *the splitting of subjectivity*. In melancholic syndrome a part of subjectivity sadistically attacks – he is a *plaintiff*, “*Klagen sind Anklagen*” Freud⁴⁰ says – another part of subjectivity, the “I”. Freud will call this stern persecuting agent the Super-ego or Hyper-ego or Over-ego (*Über-Ich*).

2. Narcissism

What leads the melancholic to torment his “I” instead of the other who has disappointed him? Narcissism.

Freud takes up a literary tradition that chose to associate melancholy to the mirror of Narcissus. For centuries the mirror has been the symbol not only of feminine coquetry and of truth, but also of the *melancholic reflection*. The myth of Narcissus develops around a double deadly reflection: between Echo’s pining after Narcissus and the trembling image in the water. The melancholic Jacques in Shakespeare’s *As You Like It* bends over a river and cries. Even in Baudelaire, *mélancolie* often gives rise to the cold pure figure of the mirror.

In its connection to this game of mirrors, Freudian narcissism is not a clear distinct concept and carries with it an abysmal oscillation. The Freudian idea of narcissism is terribly vertiginous, as if the notion itself were narcissistic. Narcissus is the handsome young man who falls in love with his own reflection in the water and drowns in it, failing to realize “he” is only his own image. Narcissism, then, is not simply self-love, or egoism: it is, first and foremost, loving an image that is not recognized as an image of oneself. It is not, then, the love of one’s self, it is the love of an *image* of oneself that is, however, something *other* than oneself. Only apparently does the narcissist withdraw from the disappointing external world into his own solid universe – his self. In reality he loses himself in total alienation. The narcissist is he who exchanges his own “I” for “him-self” or “her-self”. This distinction, which is difficult to grasp in many languages (English, not incidentally, distinguishes between the *Ego* and the *Self*), is the basis of the entire psychoanalytical doctrine of narcissism.

³⁸ Butler (1908).

³⁹ D. Leader (2008).

⁴⁰ GW, X, p. 434.

Hence the peculiar Freudian paradox: the more we are fascinated by ourselves – or, the more narcissistic we are – the less we actually are. A sound, successful narcissism – respecting oneself, being indulgent and compassionate to oneself – is strangely a minor form of narcissism. The so-called “narcissistic syndromes” reveal a profound narcissistic fragility, its downside. In psychoanalysis the narcissist – the unhappy one – is someone who is unable to be authentically narcissistic.

The melancholic is narcissistic because he grandiosely charges all guilt and all evil onto his own “I”. Melancholy – the magnificence of one’s own collapse – is the pompous manner in which a subject experiences his own unraveling. The Freudian notion of narcissism thus inherits the ambiguity of melancholy in Western tradition, from Aristotle onwards: melancholy is source of some of the most horrifying forms of madness, but also of the most sublime creations. Today, too, narcissism is considered indispensable self-love that allows us to forgive ourselves, but also the root of the most devastating psychoses.

The other, euphoric side of narcissism is mania. Maniacal subjects live in a continuous state of imperious triumph, their invading “I” overflowing in the world. But what are they celebrating? The liberation from the lost (and therefore hated) object, which cast a shadow over their “I”. Now they are free, the object no longer blocks their path to action.

Of course, we should not oppose mourning and festivity, even because in many cultures mourning is also a celebration. One need only think about the Irish *wake* as a funerary rite. But this ambiguity surrounding mourning—which releases certain psychological brakes, permitting an enjoyment which we usually don’t allow ourselves—is evident even in very personal experiences. For many, shedding tears is an experience linked to enjoyment: both have an excessive character. And more than one might expect, a woman may explicitly propose a one-night stand to console a man who has just lost someone very dear. Sexual enjoyment not only compensates the pain of loss, but even appears fit to mourning in that it seems to exalt its ‘off limits’ character, its transgression of ordinary emotions. This ambiguity, in fact, implies the double-face of mania and melancholia: perhaps mourning lurks behind every manic state, and every mourning has an euphoric face.

3. The shadow on the mirror

I am the sinister mirror in which the vixen looks.

C. Baudelaire, “Héautontimorouménos”

What type of relationship is established between the object on one hand – *odiosamato*, hatefully-beloved, as Carlo Emilio Gadda coined it - but disappointing, and the “I”, on the other, which melancholically takes its place?

According to several later schools of psychoanalysis – particularly the British one of Melanie Klein – the melancholic introjects the bad object into himself (that is, into his own mental body). Thus melancholic self-flagellation becomes the persecution inflicted by this internalized bad object.

But Freud’s theory is less drastic. For Freud, in melancholy *the shadow of the object* falls on the “I”. The object that the melancholic attacks is therefore not the “bad” part of the other that he puts inside himself: it is a shadow that obscures the “I”. The melancholic persecutes not the object, but its shadow.

Freud specifies that the melancholic often “er zwar weiss **wen**, aber nicht, **was** er an ihm verloren hat” (“knows *who* he has lost, but not *what* he has lost”)⁴¹. For example, he will say that for him life no longer has any meaning because he has split up with Ulrike; but he cannot say *what* it is about Ulrike that was so important to the extent that, now he has lost her, his life has lost any value. Freud does not explicitly speak “this thing” lost in severe depression (possibly because it is impossible to articulate). It seems to have something to do with the *narcissistic value* of the “who” that is lost. Losing beautiful Ulrike destroys him, because in some way she was the image that gave meaning to his “I”. In other words, for mourning to shift to melancholy you not only need to lose something of value, but value itself. This is the real *object* the melancholic loses. In short, the self has value for the narcissist in relation to a value-object, and as soon as this value wavers, the subject as a whole loses value, becoming nothing more than waste to get rid of.

In a painting by Arnold Böcklin titled *Melancholy* FIG., Melancholy is a woman in mourning clothes looking at a mirror in front of her. But this mirror is covered with a black cloth. It is said that the melancholic sees everything in black: but the darkness she looks at is the missing object she has ultimately become. She denounces herself as the black hole she is blindly staring at. Cioran wrote that mirrors should reflect a little before reflecting – indeed, in melancholy the reflecting mirror no longer reflects.

The melancholic hence fails to see the other in his own “I”: an unwitting claimant, he knows not that the self blocking him is actually the other. Thinking he sees himself, he sees the shadow of the other instead. A dialectics between mirror and shadow is here outlined.

4. Narcissism as obstacle

When we talk about narcissism, we are actually thinking about mirrors and reflections. In fact, when Freud introduced this concept (Freud 1914a), he centered it around the figure of the *obstacle*. First and foremost, narcissism is an obstacle to analytic cures. The narcissist is the subject that analysis cannot reach, or that it reaches only with difficulty: too preoccupied with himself to be touched by what the Other says, be this other an analyst or a friend. Narcissism emerges in the difficulties of psychoanalytic work on neurotics, “den es schien, als ob ein solches narzisstisches Verhalten derselben eine der Grenze ihrer Beeinflussbarkeit herstellte”⁴² (“this kind of narcissistic attitude in them constituted one of the limits to their susceptibility to influence”⁴³). Even if, as we have seen, narcissism is an indispensable dimension of all human beings.

Now, narcissism is an obstacle or limit in proportion to how much it focuses on *reflection*. Narcissus falls in love with his own image because his drive does not reach the other; his only object is his own image. And the subject can mistake the imaginary reflection of himself for an *other* object because a surface is reflecting it. It is as if a mirror were acting as a *screen*, with all the ambiguity this word implies: a screen is, on the one hand, something that protects our eyes from a source of light, but also – as in a movie or TV screen – a surface that

⁴¹ Freud, GW, X, p. 431; SE, 14, p. 246.

⁴² GW, X, p. 138.

⁴³ SE, 14, p. 73.

reflects images. In narcissism a surface, *acting as a screen*, does not let through the drive towards the object, and at the same time, sends the image of the subject back to the subject. A surface that blocks and reflects.

Let's imagine a subject that emits desiring rays of light. Let's also imagine that there is a screen between the light source and the object these rays could strike, which cuts them off. The screen leaves itself in the shadow as an object, but reflects the light source itself, the various rays, that I the subject, source of light, will be able to see and admire. The screen-barrier is not perceived, but the radiating subject "knows itself" because of the image the screen reflects. All "self-knowledge" is narcissistic (all "psychological vision" is narcissistic?).

But the object, which thus remains in the shadows because of the reflecting surface, still remains in the picture: when it is absent, it projects its shadow – or better, the shadow of its absence – on the reflecting screen. The screen projects itself on the images reflected on the screen. Like a solar eclipse, when the moon we cannot see blacks out the sun. The subject no longer sees his own bright reflected image, but sees himself as a black spot.

Therefore, by intimately linking the reflecting mirror and the frustrating obstacle, Freud points out that our reflected image is not only our most sublime and moving love object – it is also our most unrelenting obstacle. We become the deadly obstruction to joy in ourselves. Narcissism is on the one hand our joy for our own shining image, on the other it is suffering our own "I" as a beam in the eye of pleasure; it is a screen that does not allow human desire – which Freud calls *libido* – to satisfy itself by investing in fellow human beings.

An enigmatic trait of depression is that the worst comes in the morning, at the time of waking up, while towards the evening depression tends to recede. Many hypotheses have been advanced to explain this. The point is that subjects who have recovered from depression give their best in the morning, when they feel alert and energetic. It is as if in depression all psychic energy turns against the subject himself: the stronger and more impetuous the libido, the more strongly the "I" acts as an obstacle against it, so that the subject lives out his desire to live as a barrier and burden. Depressives give their best against themselves. But one thing is certain: it takes *a great vitality* to become severely depressed.

The melancholic, then, in his transitive relationship with his own "I", reveals an intransitive dimension of desire: the object is not something desire invests, but is rather like a detrimental wall that leaves desire painfully 'out of gear'. As far as intransitive desire is concerned, the melancholic makes no compromises with himself and does not admit that his hatred is directed towards those he misses.

But what does this obstacle, which every mirror is, consist of? What is the consistence of this inconsistent but insistent reflection?

The obstacle is the loss of the object. This loss can become a smooth surface which can coincide with the purity of emptiness. This emptiness, which signals the object as hole, takes on the uncanny, reflective aspects of the mirror. That hole represented by the Freudian object, which failed to meet up with the drive, becomes a reflecting mirror. The loss of our loved one makes us reflect to such a length that we risk falling in love with our own reflection.

But if the encounter with our deficit as a reflecting mirror inevitably occurs in all situations of disappointment, what is so special about narcissistic specular reflection? The point is that Freudian narcissism is not so much love for one's

own mirror image – the love of one’s own “I” as the Ideal – but the love of the mirror itself. As D.W. Winnicott said, if the mother’s face is unresponsive, “then a mirror is a thing to be looked at, but not to be looked into⁴⁴.” What distinguishes the narcissist from the narcissism found in all human beings is this tendency to get wrapped up in reflexivity – in other words, this inability to love others transitively.

Since the narcissistic libido is not dispersed in the world – which interest us, which we love and care about – this desire turns back to the melancholic in its *essentiality*: the unhappy subject, through the narcissistic mirror-obstacle, clashes with desire itself and captures it in its radical truth as pain.

5. **Morals are melancholic**

Freud’s thought would not have been so successful had it only been a theory of mental disorders. By analyzing the pathological, Freud aimed at laying bear the pathos we are all made of. In this way, his theory of melancholy becomes the key to explaining our moral consciousness, the fact that it is the Other in us (not just any other, but the Other: Father, Law, Morals, God...) that judges and grades us.

We should never forget that in Freud the mental is always imbued with the extra-mental, the subject is never *pure*. Freud says that “the “I” is not master in his own home”, and here he gives body to Rimbaud’s verdict, *Je est un Autre* (I is an Other). Indeed, the home of the “I” is always occupied by the non-I. One is the Over-ego, the other is *Es* – which we can translate as *It*. *It* is “the flesh” – as theologians called it – as sensual desire; and this flesh is represented in the home of the “I” as fantasies, drives, emotions and thoughts, all inappropriate. Because *It* remains an obtrusive foreigner, an unwelcome guest to the “I”. *I* is therefore only supposedly its own boss: it is essentially intersected by an *Over-ego* that controls it and the *It* that is constantly overflowing, soiling *I*’s house. “I” am always conditioned both by conscience (*Over-ego*) beyond my consciousness and by the unruly unconsciousness of the *Flesh*.

Fortunately, the *Over-ego* does not always boss us about in our house – not everyone is depressed. Our self-esteem is proof that, at times, the *Over-ego* spares us. When we live up to our *I-Ideal* (*Ich-Ideal*), then the *Over-ego* rests. The melancholic, instead, loses his self-esteem: the *Over-ego*, the ruthless *padre padrone*, father-master, rages in his own home and prostrates him.

But why is the melancholic persecuted by his own Ideal? Perhaps because the melancholic subject is envious of his own Ideal? It could be that this Ideal, peculiar to him, but which feels improper, overshadows him. And, precisely because he is clouded over by his own Ideal, he ends up perceiving himself as a screen and obstacle to his ideal.

Hence the prolix tenor of the melancholic’s complaints. Freud says: “Why will the melancholic not stop denigrating himself so tediously? Why does shame not keep him quiet? Why this unabashed self-guilt? Simple: because this complaining gives him *pleasure*.” But for *whom*? *Who* is the melancholic ultimately? The “I”, which suffers for his moral sins, or the slave-driving *Over-ego*, which derives pleasure from mistreating him? For Freud, all subjective suffering involves the enjoyment of the Other. The subject, in suffering, draws pleasure from somewhere else.

⁴⁴ D.W. Winnicott (1971, p. 132).

When you hate something, you reject it, you throw it up, as Freud said in *Die Verneinung*, “Negation” (Freud 1925)⁴⁵. As the “I” of the melancholic is identified with the hated lost object, the melancholic wants to vomit himself up as an object (the term comes from *ob-jectum*: thrown away). This is the orality of the melancholic: on the one hand he – mental cannibal – has “swallowed” the other, incorporating it into himself (but in the end he becomes the disappointing other, not vice versa), on the other he vomits himself up as the bad other he is trying to free himself from. Hence the temptation to sweep him-self away, to kill himself – precisely when depression is beginning to lessen, when dry desperation is about to melt into the relief of tears. The “I” appears to the melancholic as an implacable obstacle to his true being, the bar that keeps him from enjoying life (the sadistic Over-ego certainly enjoys, not the “I”!). Suicide attracts the depressive, as a form of liberation: eliminating his own body-mind to allow the triumph of Pleasure. Even if there will no longer be a subject to enjoy this pleasure.

6. Eros and Thanatos

In his essay, *Beyond the Desire-Pleasure Principle* (Freud 1920), Freud says that our various drives can be summed up as two fundamental drives: Eros and Thanatos. Eros is the strange drive that pushes us towards others, to connecting with things and with our fellow humans, even at the expense of putting us in a heap of troubles. Thanatos, however, is the slothful drive pushing us towards rest, serene retirement, definitive satisfaction, the peace of the senses – in other words, death.

This distinction between the drives of life and death is horribly complex, because Eros and Thanatos always mutually imply one another. Their knot is un-logical. Love becomes excessive, revealing Death, and Death always magnetizes the rush of Life. As Ricoeur wrote, “In a sense, everything is death, since self-preservation is the circuitous path on which each living substance pursues its own death; in another sense everything is life, since narcissism itself is a form of Eros [...] This dualism [between Eros and Thanatos] expresses rather the reciprocal superimposition of two kingdoms that cover each other perfectly”⁴⁶. They are linked, tangled, non-linear categories. We can say, to simplify, that the death drive hastens us towards satisfaction and pleasure – it aims for Nirvana, as Schopenhauer said. The death drive hastens us to the end of desire, the end of the pain of living. Eros, however, is a bizarre circuitous path away from the goal of pleasure-death, it is a waste of time, taking care of others, creating new drives and new ties, and new woes. Eros is a delaying of death, as we are distracted by the living; it is a search for a reason to live for and, perhaps, one to die for. Our impatient impulse towards happiness is in fact, according to Freud, an aspiration to die. But Eros prolongs our fatal journey thanks to a particular mishap: love.

The death drive is often identified with destructiveness. In actual fact Thanatos expresses itself with the destruction of others, but Freud thinks that this is still a form of “altruism” and therefore erotic: radical, fundamental destruction is that of oneself as a living being. He calls this “primary masochism”. And this

⁴⁵ GW, XIV, p. 12; SE 19, p. 236.

⁴⁶ Ricoeur 1970, p. 292.

is because the living “I” – as we have seen in melancholy – is the toughest obstacle on the road to Nirvana. Fundamentally, the death drive is a destructive *impatience to enjoy pleasure*. In this way the melancholic, who walks towards the edge of suicide and occasionally goes beyond it, puts into action the fundamental destructive drive against himself: but precisely because he always desires. The melancholic suffers so much because he desires in vain.

The ancient stoics proposed a perfect prescription to prevent suffering: stop desiring anything and willingly accept your destiny, whatever it may be. The melancholic does not follow this prescription: he desires. Eros still stimulates and captivates him, but his own “I” blocks his satisfaction, it obstructs it. The melancholic, a go-getter for desire, can’t wait to satisfy himself and thus plunges into the abyss. The same Eros that motivates the melancholic, thus turns him into a soldier of Thanatos. In him the Over-ego certainly draws pleasure from dismantling the *I*, but this strategy turns out to be self-destructive. As Schopenhauer had already said, suicide is not the renunciation of Will, but rather the submission to ruthless Will.

7. The cynicism of happiness

Depression, therefore, is the price we pay for a flight towards happiness. But today, after Freud, we believe that this flight is not limited to those who fall prey to melancholy: it is for all of us in the modern world. Today we never stop talking about depression and narcissism, because we feel that in these recesses of reflections or pain lurks a costly truth about our form of life. For many thinkers – such as Christopher Lasch (1979) – our civilization is constitutionally narcissistic. This means that, with respect to the past, our idealities have changed.

Our common Ideal is now nihilistic. Freud said that man is ruled by a law – at once biological and ethical – called the pleasure principle, or even, we could say, *Lust-principle (Lustprinzip)*. When we desire the other, we are in Eros; when desire is annihilated in pleasure, we are in Thanatos. Today we have made the lust principle our modern narcissistic ideal. The strength to desire and enjoy is our ideal, to desire is what we want first and foremost.

But for man lust is the only ideal left, once life has lost sense, once he has given up all other ideals. Pleasure is the nihilist’s ideal. And is our society not aggressively nihilistic? Is it not a civilization where great ideals are no longer idealizable?

Depression proves that pleasure cannot be sense, that it cannot invigorate life. Melancholy proves that Pleasure, as Ideal or Principle, can become the deadliest obstacle to pleasure, unless pleasure becomes a *life ideal*, as it was for the libertine heroes of some eighteenth-century novels. Indeed, Mozart’s Don Juan – a martyr of Pleasure – prefers being dragged down to hell by the Stone Guest rather than repent.

But the depressive threat magnetizes modern thought, because our way of life reads into melancholy and narcissism the reflection and reverse of its own nihilism: the difficulty to make the fall of all values, even the Pleasure Principle, into the ultimate and radical value.

8. Causes and guilt

How do we situate the Freudian vision of desperation with respect to other earlier, contemporary and later approaches? Today nobody considers psychoanalysis a science, for the simple reason that its hypotheses are not controlled using scientific protocols. Yet many psychoanalytic theories seduce

us: they are persuasive in that they seem fully suited to an era in which science and technology are more and more dominant.

Therefore, psychoanalysis, though not a science, is convincing to the men and women of our science-dominated era. Indeed, Freud seems to be looking for a third way between a *positive* scientific vision on the one hand, and a *negative* spiritualistic vision on the other. Our civilization, in fact, appears divided between a culture concerned only with *causes* (most of which are tangible causes) and one that instead asserts the dimension of *sense*. Therefore, in psychiatry, the organicist approach, which bets on the cerebral causes of depression, prevails; on the other hand a phenomenological or existential approach persists, one that attempts to make even the deepest depressions comprehensible and to find explanations and meanings in them. Psychoanalysis tries to sail in an unknown, critical space between scientific causality and phenomenological meaning. On this tightrope, psychoanalysis tries out causal explanations while at the same time satisfying the humanistic hunger for sense. Psychoanalysis tries to square the circle of the Cause and Sense gap thanks to its “conflictualist” vision: every subject is a theater of conflicts between the *I*, the *Over-ego* and the *It*, between Eros and Thanatos, as well as between contradictory and elusive impulses. Now, every battle, precisely because it is uncertain, leaves room for the marginal freedom of the will, of decisions and enthusiasm. On a battlefield – which is *what* we are, according to Freud – causes and senses become inextricably interlinked. Psychoanalysis remains true to the principle that truly *explaining* things also means finding their causes, but at the same time it allows for the hope that somehow *understanding* oneself and others is a worthy Cause.

In the case of melancholy, Freud’s *tour de force* consisted in describing it in a way that presumes the impossibility of separating cause and guilt – that is, we are depressed because we suffer a loss (the cause), but also because we are narcissistic, in other words, because we are guilty in some way (the sense). Melancholy is caused by a loss inflicted upon us, but it also reveals our narcissistic vanity. For the ancient Greeks, cause and guilt were one and the same – *aition*. In their vision, causing something meant being guilty of that change. Freud seems to return to the ancients, who did not make a strict distinction between the mechanic world of concrete things and the spiritual world of volition. Not in the sense that we are guilty in some ways and innocent in other ways: with Freud, guilt and innocence are both involved in a *loop* that relativizes them. We are at once victims and persecutors. Psychoanalysis on the one hand absolves (“you are suffering because of an early trauma, your mother was not good enough to you, your father was a pervert, etc.”) and on the other it accuses (“you are suffering because you are narcissistic, because you are stuck in the past, instead you must open yourself up to Eros”). But cause and guilt are not two halves of the same cake, that could, in practice, be separated: psychoanalysis says that cause and guilt are the same thing, i.e. different points of view on the same question, or rather, *two moments of the same thing*. Every psychological pathology is, in a certain sense, both suffered and chosen; it is a shadow from which to free ourselves, but also the penalty for an unwitting cowardice that persecutes us. Psychoanalytic theory seeks, therefore, to be *timely*: indicating causes or deciphering senses *as needed*. It is a question of *kairos*, the right or opportune moment. A practice of grasping the fleeting moment.

3. ФРЕЙД: НАРЦИССИЗМ, ПЕЧАЛЬ (СКОРБЬ) И МЕЛАНХОЛИЯ

В первой части данной статьи, автор реконструирует теорию меланхолии З.Фрейда, особо подчеркивая ее отношение со сложным понятием нарциссизма З.Фрейда. Особенная нарциссическая депрессия описана как определенное отношение к зеркальному отражению (образу). Через парадоксы нарциссизма автор сосредотачивается на тайне фрейдистского объекта, нехватка которого отбрасывает свою тень на “Я” объекта.

Во второй части статьи автор непосредственно реконструирует концепт нарциссизма З. Фрейда и некоторые другие его основные положения, которые используют число, и описывает эти фрейдистские понятия как "функциональные", то есть рассматривает их как математические функции. Функция, в математике, состоит в том, что когда семантическое измерение термина меняется, происходит пропорциональное изменение семантического измерения термина, связанного с ним. Согласно этой реконструкции, графической и концептуальной одновременно, автор представляет три фундаментальных понятия З.Фрейда – Я, Объект, Идеал – как функциональные понятия. Меланхолия и мания расположены в этой модели как структуры настроения, которые принадлежат пограничному отделению Я-либидо от Объекта-либидо. Это означает, что они не связаны ни с сексуальным либидо, ни с процессами идеализации, а скорее представляют собой функциональную границу между либидо и идеализацией. Изменения настроения всегда занимают промежуточную позицию между эротизмом и идеализацией.

Удовольствие клеветнических слухов намного превышает
удовольствие того, чтобы быть оклеветанным
E.M. Cioran, 1973

1. Расщепление (сплитинг)

В работе «Печаль и меланхолия» (1915), Зигмунд Фрейд соединяет два поразительных синдрома, меланхолию и манию, и сводит их к двум состояниям в пределах "нормы", всем хорошо известным: он вписывает меланхолию в пределы феноменологии депрессии и соединяет маниакальное возбуждение с опытом празднеств [1].

Под депрессией (печалью) он подразумевает нашу дисфорическую реакцию на потерю чего-либо очень значимого для нас: здоровья, денег, успеха, молодости, страны, любви, друга, и так далее. Для З. Фрейда, депрессия – это умственная работа, и как любая работа, она имеет результат, некий конец: его собственный конец. Боль горя вынуждает нас постепенно отдаляться от потерянного объекта: это - один из безжалостных законов жизни, он состоит в том, что по пришествию времени, даже о наших наиболее нежно любимых людях часто забывают. Меланхолия также – работа по устранению потерянного объекта, которая может привести к противоположности: к мании.

Почему некоторые люди выбирают извилистую дорогу меланхолии, а не (возможно) нормальный траур? Чтобы ответить на это, З. Фрейд вводит два понятия – амбивалентность и нарциссизм.

Тот, кто предрасположен к меланхолии – пишет З. Фрейд, – испытывает двойственные (амбивалентные) чувства к потерянному любимому объекту, который также вызывает ненависть и негодование у

человека. Фактически, этот тезис начал быстро обсуждаться учениками З. Фрейда: объект вызывает двойственные чувства именно, потому, что он утрачен, потерян. И здесь всегда присутствует элемент негодования по отношению к умершему: “Почему ты оставлял меня?” Весь траур, короче говоря, является двойственным. Любимый или ненавистный объект, идеал или ценность для человека – всегда вспоминается с упреком. *De mortuis nihil nisi bonum* – о мертвых плохо не говорят. Эта поговорка компенсирует основную враждебность к человеку, который нас оставил. Исключение составляет меланхолия, в которой эта враждебность больше не направлена на потерянный объект: человек идентифицируется с ней, и потому, вместо того, чтобы злиться на исчезнувший объект, он бушует против своего собственного “Я”. Копье становится бумерангом, и возвращается обратно, поражая то, что в английском языке известно как Эго. Но здесь я буду использовать более буквальный перевод *das Ich*: “Я”.

Обратите внимание, фактически: меланхолия поражает не самого человека (себя), а его собственное “Я”. Это различие между «себя» и “Я” крайне важно (*себя – в английском языке – возвратное местоимение, направляющее говорящего или делающего на самого себя – примечание наше*). Меланхолия атакует “Я”, до тех пор, пока не происходит замены “Я”. И нам стоит спросить человека, “Кто является причиной вашего подавленного настроения?”

В 17-ом веке Самуэль Батлер (Samuel Butler) написал, что “меланхоличный человек - тот, который владеет худшей компанией в мире, то есть, его собственной”. Согласно Дориану Лидеру (Darian Leader), З. Фрейд высказался бы точно противоположно тому, что сказал Батлер: компания, которой владеет меланхолик, является фактически компанией его потерянного объекта. Но суть здесь в том, что человек направляет всю ненависть, которую он испытывал к умершему на свое собственное “Я”: он постоянно обвиняет свое собственное “Я” в любой мелочи и в любой неудачи. Он - центростремительный вариант козла отпущения: человек приносит свое “Я” в жертву. И он играет две дополнительных роли в этой драме, как в Baudelaire (1861): Я - рана и нож, щека и удар! Я - жертва и палач, кость и колесо, которое все ломает!

Таким образом, меланхолию, мы можем найти у любого человека: раскол субъективности. В меланхолическом синдроме, одна часть субъективности, истец “Klagen sind Anklagen” по – садистски нападает на другую часть субъективности, на «Я». З.Фрейд называет этого строгого агента преследования Супер-эго или Гипер-эго или Сверх Я (*Über-Ich*).

2. Нарциссизм

Что заставляет меланхолика терзать свое “Я” вместо другого человека, который разочаровал его? – Нарциссизм.

В связи с этой игрой зеркал фрейдистский нарциссизм – это не четкое определенное понятие, оно несет в себе бесконечную неустойчивость. Идея З.Фрейда о нарциссизме просто головокружительна, как если бы само понятие страдало от нарциссизма. Нарцисс – это красивый юноша, который влюбляется в свое собственное отражение в воде и тонет в нем, будучи не в состоянии понять, что «он» – это только его собственный образ. Поэтому нарциссизм - это не просто любовь к самому себе или эгоизм – это, прежде всего, любовь к образу, который не признается изображением самого себя. Поэтому это не себялюбие, а любовь к образу

себя, т.е. любовь к чему-то *другому*, а не к себе. Очевидно по этому, нарцисс уходит из разочаровавшего его внешнего мира в свою собственную бесконечную вселенную – в самого себя. В действительности он утрачивает себя в полном отчуждении. Нарцисс – это тот, кто меняет свое собственное “Я” на «Свое я». Это различие, которое трудно передать на многих языках (неслучайно английский язык различает *Эго* и *Селф* – *Свое Я*), служит основой всей психоаналитической теории нарциссизма.

Таким образом, специфическая идея З. Фрейда состоит в том, что чем больше мы восхищаемся собой – или чем больше в нас нарциссизма – тем меньше мы фактически являемся самими собой. Здоровый, успешный нарциссизм – самоуважение, снисходительность и сочувствие к самому себе – как ни странно, представляет лишь незначительную форму нарциссизма. Так называемый “синдром нарцисса” обнажает чрезвычайную хрупкость человеческого «Я», высвечивая ее изнанку. В психоанализе нарцисс- несчастный – этот тот, кто не может по-настоящему любить самого себя.

Меланхолик влюблен в самого себя, потому что он претенциозно возлагает всю вину и все зло на свое собственное “Я”. Меланхолия – великолепие собственного краха – это напыщенная манера, в которой человек переживает свое собственное бессилие. Таким образом, понятие нарциссизма З. Фрейда унаследовало двусмысленность меланхолии Западного подхода, начиная с Аристотеля: меланхолия – источник некоторых из наиболее ужасающих форм безумия, но и самых возвышенных творений. Нарциссизм и сегодня считают необходимым эгоизмом, который позволяет нам прощать себя, но который также является первопричиной самых разрушительных психозов.

Другая, сторона нарциссизма – мания. Страдающие от мании живут в непрерывном состоянии деспотичного триумфа, и их “Я” неудержимо переполняет мир. Но что они празднуют? Освобождение от потерянного (и поэтому ненавистого) объекта, который бросает тень на их “Я”. Теперь они свободны, и объект больше не блокирует их свободу к действию.

Конечно, мы не должны противопоставлять скорбь и веселье, хотя бы потому, что во многих культурах скорбь – тоже празднование. Вспомним лишь об ирландском *wake* (поминки перед погребением), как о погребальном обряде. Но эта двусмысленность, окружающая траур, которая провоцирует определенный психологический срыв и разрешает удовольствие, которое мы обычно себе не позволяем, очевидна даже в очень интимных переживаниях. Для многих проливать слезы – это переживание, связанное с удовольствием: они оба чрезмерны. И чаще, чем можно было бы ожидать, женщина может предложить провести с ней ночь, чтобы утешить человека, который только что потерял кого-то очень дорогого. Сексуальное удовольствие не только компенсирует боль утраты, но и, как кажется, соответствует скорби, поскольку, как кажется, возвеличивает ее беспредельный характер, ее выход за рамки обыденных эмоций. Эта двусмысленность на самом деле подразумевает двуличие мании и меланхолии: возможно, за каждой манией таится скорбь, и в каждом трауре есть своя эйфория.

3. Тень в зеркале

Я - злое зеркало в которое смотрит лисица.
Бодлер, “*Héautontimorouménos*”(Самомучитель)

Какие отношения устанавливаются между ненавистно любимым объектом с одной стороны – *odiosamato*, ненавистно любимым, как назвал его Карло Эмилио Гадда – но разочаровывающим, и “Я” с другой стороны, меланхолически занимающим его место?

Согласно нескольким более поздним школам психоанализа – особенно британской школе Мелани Кляйн – меланхолик интроецирует плохой объект в себя (т.е. в свое собственное психическое тело). Таким образом, самобичевание меланхолика, связанное с втянутым плохим объектом, постоянно преследует человека.

Но теория З. Фрейда не столь радикальна. Для З. Фрейда *тень объекта* в меланхолии падает на “Я”. Объект, на который нападает меланхолик, поэтому не «плохая» часть другого, которую он переводит внутрь себя, а тень, которая скрывает его “Я”. Меланхолик преследует не объект, а свою собственную тень.

З. Фрейд определяет, что меланхолик “*er zwar weiss wen, aber nicht, was er an ihm verloren hat*” (“знает, *кого* он потерял, а не *что* он потерял”). Например, он скажет, что для него жизнь не имеет больше ни малейшего смысла, потому что он расстался с Ульрике; но он не может сказать, *что* было такого в Ульрике, что было настолько важно для него, что теперь, когда он потерял ее, его жизнь потеряла весь смысл. З. Фрейд не называет явно “эту вещь”, потерянную в сильной депрессии (возможно, потому что ее невозможно четко сформулировать). Кажется, что это имеет некоторое отношение к *нарциссической ценности* этого потерянного «кого-то». Потеря красавицы Ульрике убивает его, потому что в некотором роде она была его отражением в зеркале, которое наполняло его “я” смыслом.

Другими словами, для того, чтобы скорбь перешла в меланхолию, нужно потерять не просто нечто имеющее смысл, а сам смысл. Это и есть реальный *объект*, который теряет меланхолик. Короче говоря, “Я” имеет ценность для нарцисса только в отношениях с ценным объектом, и как только эта ценность меркнет, объект в целом теряет ценность, становясь не чем иным как мусором, от которого нужно избавиться.

На картине Арнольда Беклина под названием «Образ Меланхолии» Меланхолия изображена как женщина в траурной одежде, глядящая на зеркало перед собой. Но это зеркало покрыто черной вуалью. Говорят, что меланхолик видит все в черном цвете, но темнота, в которую она смотрит, и есть недостающий объект, которым она, в конце концов, стала. Она осуждает себя как черную дыру, на которую она смотрит не глядя. Чоран писал, что зеркала должны немного подумать прежде, чем отражать – и действительно, при меланхолии, зеркало больше ничего не отражает.

Поэтому меланхолик не в состоянии увидеть другого в своем собственном “Я”: как невольный истец, он не знает, что ему препятствует не его собственное я, а интроецированный другой. Думая, что он видит себя, он видит вместо этого тень другого. Здесь в общих чертах обрисована диалектика между зеркалом и тенью.

4. Нарциссизм как препятствие

Когда мы говорим о нарциссизме, мы на самом деле думаем о зеркалах и отражениях. В действительности, когда З. Фрейд вводил это понятие (Фрейд 1914а), то помещал в центр образ *препятствия*. Самое главное состоит в том, что нарциссизм – это помеха аналитическому способу исцеления. Нарцисс – это человек, до которому не может помочь анализ,

или может, но с большим трудом: он слишком занят собой, и его не волнует то, что говорит Другой, в независимости от того, будет ли такой другой аналитиком или другом. Нарциссизм проявляется в трудностях психоаналитической работы с невротиками, “den es schien, als ob ein solches narzisstisches Verhalten derselben eine der Grenze ihrer Beeinflussbarkeit herstellte” (“этот вид нарциссического отношения представляет собой препятствие их восприимчивости чужому влиянию”). Даже если нарциссизм, как мы видели, есть обязательная черта всех людей.

Итак, нарциссизм – это препятствие или граница соразмерно тому, насколько он сосредоточен *на отражении*. Нарцисс влюбляется в свой собственный образ, потому что его усилия не доходят до другого; его единственный объект – его собственное отражение. Человек может принять воображаемый образ себя за *другой* объект, потому что его отражает поверхность. Зеркало действует как *экран*, со всей двусмысленностью, которую подразумевает это слово: экран, с одной стороны, это нечто, что защищает наши глаза от источника света, но как в кино или в случае экрана телевизора, экран – это поверхность, которая отражает образы. При нарциссизме поверхность, *действуя как экран*, не пропускает усилие к объекту, и в то же самое время, возвращает человеку назад его образ. Это поверхность, которая препятствует и отражает.

Представим человека, который испускает лучи желания. Также представим экран между источником света и объектом, на который направляются эти лучи, и который блокирует их. Экран остается в тени как объект, но отражает сам источник света, те различные лучи, которые «я» человека – источника света сможет видеть и восхищаться. Экран-барьер не ощущается, но излучающий эти лучи человек “знает себя” по образу, который отражает экран. Все «самопознание» нарциссично (все “психологическое восприятие” нарциссично?).

Но объект, который таким образом остается из-за отражающей поверхности в тени, все еще остается на картине: когда его нет, он проецирует на отражающий экран свою тень – или скорее, тень своего отсутствия. Экран проецирует себя на образы, отраженные на экране, это как солнечное затмение, когда луна, которую мы не видим, затемняет солнце. Человек больше не видит свой собственный яркий отраженный образ, а видит себя как черное пятно.

Поэтому тесно связывая отражающее зеркало и обманчивое препятствие, З. Фрейд указывает на то, что наш отраженный образ - это не только наш самый возвышенный и волнующий предмет любви, это и наше самое непреодолимое препятствие. Мы становимся непреклонной преградой радости внутри нас. Нарциссизм – это с одной стороны наша радость, вызванная нашим собственным ярким образом, а с другой он относится к нашему собственному “Я” как к лучу, бьющему в глаза удовольствия; это экран, который не позволяет человеческому желанию, которое З. Фрейд называет *либидо*, получить удовольствие и направить внимание на других людей.

Загадочная особенность депрессии состоит в том, что хуже всего бывает утром, в момент пробуждения, а к вечеру депрессия обычно отступает. Было выдвинуто множество гипотез, чтобы это объяснить. Дело в том, что люди, вылечившиеся от депрессии, лучше всего работают утром, когда они чувствуют себя внимательными и энергичными. При депрессии

вся психическая энергия словно оборачивается против самого человека: чем сильнее и импульсивнее либидо, тем упорнее “Я” препятствует ему, и человек ощущает свое желание жить как препятствие и как бремя. Депрессивные типы тратят свои силы на борьбу с собой. Но бесспорно одно: нужно иметь *огромные жизненные силы*, чтобы страдать от сильной депрессии.

Меланхолик в переходных отношениях со своим собственным “Я” обнаруживает непереходное измерение желания: желание направлено не на объект, он скорее похож на ненужную стену, которая мучительно побеждает желание. Что касается непреходного желания, меланхолик не идет на компромиссы с собой и не допускает, что бы его ненависть направлялась на тех, по кому он скучает.

Но из чего состоит это препятствие, которым является каждое зеркало? Какова устойчивость этого неустойчивого, но настойчивого отражения?

Препятствие – это утрата объекта. Эта утрата может стать гладкой поверхностью, которая может совпадать с чистотой пустоты. Эта пустота, которая обозначает объект как дыру, приобретает странные, отражающие особенности зеркала. Та дыра, представляемая объектом у Фрейда, который не мог встретиться с *drive*/внутренним импульсом, становится отражающим зеркалом. Утрата любимого заставляет нас настолько глубоко задуматься, что мы рискуем влюбиться в наше собственное раздумье/отражение.

Но если столкновение с тем, чего нам не хватает, как с отражающим зеркалом неизбежно происходит во всех ситуациях разочарования, то, что же особенного в нарциссичном зеркальном отражении? Дело в том, что нарциссизм по З. Фрейду – это не столько любовь к собственному зеркальному образу, любовь к собственному “Я” как Идеалу, сколько любовь к самому зеркалу. Как сказал Д.В. Винникотт, если лицо матери безразлично, «тогда человек будут смотреть *на зеркало*, а не *в зеркало*». Что отличает нарцисса от нарциссизма, который можно найти у всех людей, это склонность погружаться в раздумья, другими словами, эта неспособность любить других напрямую.

Поскольку нарциссическое либидо не рассеяно по миру, который интересует нас, который мы любим и о котором заботимся, это желание возвращается обратно к меланхолику в его прежней *сущности*; несчастный человек, сталкивается с самим желанием через нарциссичное препятствие-зеркало и берет его силой в его радикальной истинности, ощущая его как боль.

5. Мораль меланхолична

Идея З. Фрейда не была бы столь успешна, будь она лишь теорией о психических расстройствах. Анализируя патологии, З. Фрейд сосредоточил свое внимание на чувствительности, из которой мы все состоим. Поэтому его теория меланхолии становится ключом к объяснению нашего морального сознания, того факта, что в нас есть Другой (не любой другой, а Другой - Отец, Закон, Мораль, Бог...), который судит и оценивает нас.

Мы не должны забывать, что у З. Фрейда психическое, всегда пропитано телесным, человек не *безупречен*. З. Фрейд говорит, что “Я” не хозяин в своем собственном доме”, и здесь он выносит телу вердикт Рембо, *Je est un Autre* (Я – это Другой). И действительно, дом “Я” всегда занят «не Я». Ты - Суперэго, а другой это *Es*, мы можем перевести это как *Оно*. Оно –

это “плоть”, как называли его богословы, это чувственное желание; и эта плоть представлена в доме “Я” как фантазии, внутренние импульсы, эмоции и мысли – совершенно неуместные, поскольку Оно остается бесцеремонным чужаком, непрощенным гостем для “Я”. Поэтому Я лишь предположительно является хозяином для самого себя, по сути, оно пересекается с *Суперэго*, которое им управляет, и с Оно, которое постоянно переполняет его, пятная дом Я. “Я” всегда обусловлено совестью (Суперэго) за рамками моего сознания и непокорным бессознательным Плотью.

К счастью, Суперэго не всегда командует нами в нашем доме – не все испытывают депрессию. Наше чувство собственного достоинства – это доказательство того, что время от времени, Суперэго щадит нас. Когда мы соответствуем нашему *Я-идеальному (Ich-ideal)*, Суперэго отдыхает. Меланхолик же теряет свое чувство собственного достоинства: Суперэго, безжалостный *padre padrone*, отец-хозяин, бушует в гневе в своем собственном доме и покоряет его.

Но почему меланхолика преследует его собственный Идеал? Возможно, потому что меланхолик завидует своему собственному Идеалу? Может быть, этот Идеал, особенный для него, но кажущийся неуместным, оставляет его в тени. И именно потому, что его затмевает его собственный Идеал, он приходит к тому, что чувствует себя как экран и помеха его идеалу.

Отсюда занудный тенор жалоб меланхолика. З. Фрейд спрашивает: «Почему меланхолик не прекратит так утомительно недооценивать себя? Почему позор не заставляет его молчать? Откуда это беззащитное самообвинение? Все просто: эти жалобы приносят ему *удовольствие*». Но для *кого?* *Кого* представляет собой меланхолик в конечном счете? ”Я”, которое страдает от своих моральных грехов, или властное Суперэго, которое получает удовольствие из жестокого обращения с ним? Для З. Фрейда любое субъективное страдание подразумевает удовольствие для Другого. Человек в своем страдании получает удовольствие где-то в другом месте.

Когда Вы ненавидите что-то, Вы отвергаете это, Вы вырываете это из себя, как сказал Фрейд в *Die Verneinung*, «Отрицание» (Фрейд 1925). Поскольку «Я» меланхолика отождествляется с ненавистным потеряннным объектом, меланхолик хочет вырвать себя как объект (этот термин взят из *ob-jectum*: выброшенный). Это - оральность меланхолика: с одной стороны он – умственный каннибал – он «поглотил» другого, заключив его в себя (но в конце концов он становится разочарующим другим, а не наоборот); с другой он вырывает из себя плохого другого, от которого он пытается освободиться. Отсюда этот соблазн смести себя, убить себя – как раз тогда депрессия начинает уменьшаться, когда сухое отчаяние вот-вот растает в облегчении от слез. «Я» кажется меланхолику неумолимой помехой его истинной сути, преградой, которая не дает ему наслаждаться жизнью (садистское Суперэго конечно же радуется, но не “Я”!). Самоубийство привлекает страдающего от депрессии, как некая форма освобождения: уничтожение своего собственного тела-ума, чтобы разрешить триумф Наслаждения. Даже если больше не будет человека, чтобы насладиться этим удовольствием.

6. Эрос и Танатос

В своем эссе, «По ту сторону принципа удовольствия» (Фрейд 1920), З. Фрейд пишет, что все наши бессознательные влечения можно свести к двум фундаментальным движущим силам: Эросу и Танатосу. Эрос – это странное влечение, которое толкает нас в объятия друг друга, к соединению с вещами и с другими людьми, пусть и создавая для нас массу проблем. Танатос же – пассивное влечение, ведущее нас к отдыху, безмятежному уединению, полному удовлетворению, умиротворенности чувств – другими словами, к смерти.

Невероятно трудно определить это различие между влечением к жизни и смерти, поскольку что Эрос и Танатос всегда подразумевают друг друга. Их союз алогичен. Любовь становится чрезмерной, обнажая Смерть, а Смерть всегда притягивает поток Жизни. Как писал П. Рикер: “В каком-то смысле, все есть смерть, поскольку самосохранение – окольный путь, которым всё живое добывается своей собственной смерти; в другом смысле всё есть жизнь, так как нарциссизм сам по себе – это форма Эроса <...>. Этот дуализм (между Эросом и Танатосом) выражает взаимное совмещение двух царств, которые идеально перекрывают друг друга”. Это связанные, запутанные, нелинейные категории. Мы можем для простоты сказать, что влечение к смерти толкает нас к удовлетворению и удовольствию – оно стремится к Нирване, как говорил А. Шопенгауэр. Влечение к смерти ведет нас к концу желаний, концу страданий бытия. Эрос же – это причудливый окольный путь, уводящий от цели удовольствия-смерти, это – пустая трата времени, заботы о других, создание новых влечений, новых связей, и новых горестей. Эрос – это задержка смерти, поскольку нас отвлекает наше бытие; это – поиск причины, ради которой следует жить и, возможно, ради которой следует умереть. Наше нетерпеливое стремление к счастью на самом деле, по З. Фрейду, это стремление к смерти. Но Эрос продлевает наше неизбежное путешествие благодаря заслуживающему особого внимания несчастному феномену – любви.

Влечение к смерти зачастую отождествляется с разрушительными действиями (деструкцией). На самом деле Танатос выражается в разрушении других, но З. Фрейд все равно считает его формой «альтруизма» и потому считает его эротичным: радикальное, фундаментальное разрушение – это уничтожение себя как живого существа. Он называет это “первичным мазохизмом”. Потому, что жизненное “Я”, как мы видели в меланхолии, служит самым непреодолимым препятствием на пути к Нирване. По существу, влечение к смерти – это разрушительное *нетерпеливое стремление насладиться удовольствием*. Так меланхолик, который находится на грани самоубийства и порой совершает его, приводит в действие фундаментальную разрушительную силу против самого себя: именно потому, что он всегда наслаждается. Меланхолик так много страдает, именно от бесконечного наслаждения.

Древние стоики предложили прекрасное лекарство от страдания: прекратите желать чего-либо и с готовностью примите свою судьбу, какой бы она ни была. Меланхолик не следует этому предписанию, он хочет чего-то. Эрос все еще побуждает и очаровывает его, но его собственное “Я” препятствует получению удовольствия, затрудняет его. Меланхолик,

стремясь добиться желаемого, не может дожидаться удовлетворения и поэтому бросается в пропасть. Тот же самый Эрос, который мотивирует меланхолика, тем самым превращает его в раба Танатоса. Его Супер-эго конечно же, получает удовольствие от разрушения “Я”, но эта стратегия оказывается финалом – самоубийством. Как уже говорил А. Шопенгауэр, самоубийство – это не отказ от желания, а скорее подчинение неумолимому желанию.

7. Цинизм счастья

Депрессия, таким образом, это цена, которую мы платим за стремление к счастью. Но сегодня, после З. Фрейда, нам хочется верить, что счастье возможно, даже для тех, кто стал жертвой меланхолии: оно существует в современном мире для всех нас. Сегодня мы не прекращаем говорить о депрессии и нарциссизме, потому что мы чувствуем, что в этих паузах между размышлениями и болью кроется ценная правда о нашей жизни. Для многих мыслителей, таких как Кристофер Лэш (1979), наша цивилизация по своей структуре нарциссична. Это означает, что по сравнению с прошлыми веками сильно изменились наши идеалы.

Наш общий Идеал теперь нигилистичен. З. Фрейд писал, что человеком управляет закон, одновременно биологический и этический, который он называл принципом наслаждения, или даже *Принципом удовольствия (Lustprinzip)*. Когда мы желаем «другого», мы находимся в Эросе; когда желание растворено в удовольствии, мы находимся в Танатосе. Сегодня мы сделали принцип удовольствия своим современным нарциссическим идеалом. Наш идеал – способность желать и наслаждаться, и желать – это то, чего мы больше всего хотим.

Как только мы отбросил все прочие идеалы, жизнь неминуемо потеряла свой смысл, и удовольствие для современного человека – это единственный оставшийся идеал. Удовольствие – идеал нигилиста. И разве наше общество не является агрессивно нигилистическим? Разве наша цивилизация не является примером того, где великие идеалы больше не воспеваются?

Депрессия доказывает, что наслаждение не может быть смыслом, что оно не может вдохновлять жить. Меланхолия доказывает, что Удовольствие, как Идеал или Принцип, может стать самым серьезным препятствием для удовольствия, если оно не становится *жизненным идеалом*, каким оно было для распутных героев некоторых романов восемнадцатого века. И действительно, Дон Жуан у Моцарта – мученик Удовольствия – предпочитает раскаянию ад, куда и утаскивает его Каменный Гость.

Но опасность депрессии привлекает современную мысль, так как в нашем образе жизни отчетливо видны и меланхолия и нарциссизм, которые представляют собой отражение и обратную сторону собственного нигилизма: трудно превратить падение всех ценностей, даже Принципа Удовольствия, в конечную и главную ценность жизни.

8. Причины и вина

Куда поместить представление З. Фрейда об отчаянии в соотношении с другими более ранними, современными и более поздними теориями и концепциями? Сегодня никто более не считает психоанализ наукой по той простой причине, что его гипотезы не проверяются и не контролируются с помощью научных протоколов. И все же нас привлекают многие

психоаналитические теории: они кажутся вполне убедительными, потому, что вполне подходят для эпохи, в которой все больше господствуют наука и техника.

Психоанализ, хотя и не является наукой, но все же вполне подходит мужчинам и женщинам нашей эпохи господства науки. И действительно З. Фрейд, как нам кажется, ищет третий путь между *позитивным* научным подходом с одной стороны, и *отрицательным* спиритуалистическим подходом с другой. Наша цивилизация кажется расщепленной между культурой, озабоченной только *причинами* (большинство которых – материальные причины) и культурой, которая вместо этого заявляет о важности *смысла*. Поэтому в психиатрии господствует органический подход, абсолютно уверенный в церебральных причинах депрессии; с другой стороны сохраняется и феноменологический или экзистенциальный подход, который пытается объяснить самые глубокие причины депрессии и найти в них какой-нибудь смысл. Психоанализ пытается плыть в неизвестном, переломном пространстве между научными причинными связями и феноменологическим значением. На этом туго натянутом канате психоанализ ищет причинно-следственные связи, одновременно удовлетворяя гуманистическую жажду смысла. Психоанализ пытается уменьшить разрыв между Причиной и Смыслом благодаря своему “конфликтологическому” подходу: каждый предмет – этот театр конфликтов между *Я*, *Суперэго* и *Оно*, между Эросом и Танатосом, а также между противоречивыми и ускользающими импульсами. Теперь каждое сражение, именно в силу неопределенности, оставляет место для минимальной свободы воли, решений и энтузиазма. На поле боя, которое, по мнению З. Фрейда показывает, *все то, что мы из себя представляем*, причины, и чувства неразрывно связаны. Психоанализ остается верным принципу, что *объяснение* вещей означает также нахождение их причин, но в то же самое время он дает надежду, что так или иначе *познание* себя и других – это важное, стоящее дело.

В случае меланхолии *tour de force* (*проявление силы*) по З. Фрейду состояло в описании ее таким образом, который предполагает невозможность разделения причины и вины – то есть, мы подавлены, потому что мы страдаем от утраты (причина), но также и потому, что мы нарциссичны, другими словами, потому что мы в некотором роде виновны (смысл). Меланхолия вызвана навязанной нам утратой, но она также обнажает наше нарциссическое тщеславие. У древних греков причина и вина обозначались одним и тем же словом – *aition*. По их мнению, вызывать что-то означало быть виновным тем или иным образом. Кажется, что З. Фрейд возвращается к взглядам древних, которые не проводили четкое различие между механическим миром конкретных вещей и духовным миром желания и воли. Не в том смысле, что мы в чем-то виновны и в чем-то невиновны: у З. Фрейда вина и невиновность запутаны в *узел*, который делает их относительными. Мы – одновременно и жертвы и преследователи. Психоанализ, с одной стороны освобождает от ответственности (“Вы страдаете из-за ранней травмы, Ваша мать не достаточно заботилась о Вас, Ваш отец был извращенцем, и т.д.”), а с другой обвиняет (“Вы страдаете, потому что Вы нарциссичны, потому что Вы застряли в прошлом, вместо этого Вы должны открыть себя Эросу”). Но причина и вина – это не две стороны одной медали, которые на

практике можно было бы разделить: психоанализ говорит, что причина и вина – это одно и то же, т.е. различные точки зрения на один и тот же вопрос, или скорее *два значения одного и того же предмета*. Каждая психическая патология, в некотором смысле, это нечто, от чего одновременно и страдают и то, что выбирают; это тень, от которой нужно освободиться, но это также и наказание за невольную трусость, которая преследует нас. Психоаналитическая теория, поэтому стремится быть *своевременной*: указывая причины или расшифровывая чувства *по мере необходимости*. Это - вопрос о *kairos*, правильном или подходящем моменте, практике точного улавливания ускользающего момента.

Библиографический список

1. Baudelaire, C. "Heautontimoroumenos", LXXXIII, 1861.
2. Butler, S. The Collected Works of Samuel Butler / A.R. Waller, editor, vol. 2, Characters and Passages from Note Books – Cambridge, Cambridge English Classics.
3. Cioran, E.M. De l'inconvénient d'être né. – Paris: Gallimard, 1973.
4. Freud, S. Zur Einführung des Narzissmus. – GW, X, 1914a. – pp. 137-170; SE, 14, pp. 73-102.
5. Freud, S. Trauer und Melancholie. – GW, X, 1914b. - pp. 427-446; SE, pp. 242-257.
6. Freud, S. Die Verneinung. – GW, 1925. – pp. 11-15; SE, pp. 235-239.
7. Lasch, C. The Culture of Narcissism. - New York: Warner Books, 1979.
8. Leader, D. The New Black. Mourning, Melancholia and Depression. – London: Hamisch Hamilton, 2008.
9. Ricoeur, P. De l'interprétation. Essai sur Freud. - Paris: Editions du Seuil, 1970.
10. Winnicott, D.W. Playing and Reality. - London: Pelican, 1971.

УДК 159.96+159.923

T.V. Belashina

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

INTERRELATION OF AGGRESSION AND PERSONAL ALEXITHIMIC DISPLAYS

In the article the results of the research of interrelation between personal alexithimic displays and aggression are presented. It is revealed that with increasing alexithimic sign contextual filling of aggression changes and the specific configuration of alexithimic-like displays of the person is formed.

T.V. Белашина

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИИ И АЛЕКСИТИМИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между алекситимическими проявлениями личности и агрессией. Выявлено, что с нарастанием алекситимического признака изменяется содержательное наполнение агрессивности и образуется специфическая конфигурация алекситимически-подобных проявлений личности.

Мы живем в сложном мире, отягощенном непростыми политическими проблемами, которые усугубляет тяжелая экономическая ситуация. Иссякают

источники энергии; перед людьми встают небывалые проблемы, связанные с головокружительным по скорости ростом населения нашей планеты. Политики и экономисты пытаются найти выход из сложившейся ситуации, привлекая к сотрудничеству различных специалистов.

Человеку зачастую не находится места в мире, порабощенном техникой. Его с успехом заменяют механизмы. В том случае, если все же используется труд человека, то от последнего требуют уподобиться роботу или персональному компьютеру. В таком мире неважно, что у человека могут быть какие-то личные потребности, чувства и желания. Чувства пользуются не большим уважением, чем сентиментальность. Страсти вообще считаются анахронизмом. Даже в период отпуска человек попадает в сферу индустрии туризма и бывает вынужден подчинить свои желания ее правилам.

Из психологии — учения о душе, пытаются изъять понятия страсти и чувства, заменяя их на такие точные, с естественнонаучной точки зрения, понятия, как эксперимент, статистика и математическая закономерность. Эта тенденция не миновала даже психоанализ: предпочтение теперь отдается не многолетнему анализу по пять-шесть часов в неделю, а разнообразным формам психоанализа, адаптированным для краткосрочного лечения, а также для политологии, социальной работы и педагогики.

Мы уже почти не способны на спонтанное выражение чувств. Не только человек, работающий, на конвейере, но и служащий становится всего лишь винтиком огромной машины; вместе со своим начальником он подчиняет свою жизнь деловому расписанию, в котором не учитывается его личная свобода, гарантированная каждому гражданину конституцией. Даже на отдыхе поведение человека запрограммировано. Достопримечательности производятся словно на конвейере, фотографируются и рекламируются с помощью путеводителей. Для неожиданных, непредсказуемых переживаний, романтических встреч времени просто нет.

Поэтому неудивительно, что изнутри личность человека ограничивает заостренный «панцирь характера», не менее жесткий, чем те ограничения, которые накладывает на человека общество. Такая личность с «авторитарным характером», подчиняясь внешней власти, в свою очередь стремится властвовать над окружающими и, вместо того чтобы жить свободно, неординарно и независимо, существует экономно, ординарно и аккуратно. Подобные люди потеряли связь со своими чувствами. Поступают они рационально, мыслят прагматично и «функционируют» внешне безупречно. Они делают то, что требует от них общество, лозунг которого — бесстрастный человек в бесстрастном мире.

Существо, которое в прежние времена именовалось в психотерапии бесчувственным и равнодушным, превратилось сейчас в широко распространенную особь «марионетки цивилизации» и не способно выражать свои чувства, поскольку попросту не может адекватно воспринимать собственные ощущения. Их телесная чувственность, а, следовательно, и жизнь искажены. Они опустошены, безразличны, не способны чувствовать, а значит, не способны поддерживать отношения с другими людьми, поскольку отношения эти, равно как и ощущение собственного тела, оказываются нездоровыми.

В данном случае речь идет об алекситимии. В большинстве литературных источников алекситимия рассматривается как некая совокупность признаков, характеризующих психическую организацию индивидов и являющуюся

предрасполагающим фактором возникновения у них психосоматических заболеваний.

Начало изучению алекситимии положили J. Nemiah и P. Sifneos в семидесятых годах двадцатого века [10]. Термин «алекситимия» предложил P. Sifneos в 1967 году и буквально он означает: «без слов для чувств» или в близком переводе — «нет слов для названия чувств» (от греч. а – отсутствие, lexis - слово, thymos – чувство). P. Sifneos охарактеризовал им некоторые особенности пациентов психосоматических клиник, которые выражались в утилитарном способе мышления, тенденции к использованию действий в конфликтных и стрессовых ситуациях, обедненной фантазиями жизни, сужении аффективного опыта и, особенно, в трудностях подыскать подходящее слово для описания своих чувств. Некоторые учёные [1; 2; 8], исследующие это понятие, иногда высказывают мнение о том, что речь идет о проявлении первичного нейроанатомического дефекта, другие, однако, указывают на различные психологические проблемы, как первичные, так и вторичные. Так, например, Макдугалл В. и соавторы полагают, что с психоаналитической точки зрения феномен алекситимии следует рассматривать как группу защитных механизмов, возникающих при развитии и тесно связанных с отрицанием и расщеплением [9].

Однако стоит отметить, что в настоящее время среди исследователей нет единого мнения относительно природы данного феномена, а *алекситимию* понимают, преимущественно как *психологическую характеристику индивида, характеризующуюся затруднением или полной неспособностью человека точно описать собственные эмоциональные переживания и понять чувства другого человека, трудностями определения различий между чувствами и телесными ощущениями, фиксацией на внешних событиях в ущерб внутренним переживаниям* [11].

Как отмечает Е.Ю. Брель, алекситимичным людям свойственно бесконечное описание физических ощущений, часто не имеющих связи с определенным заболеванием. Пренебрежение к своему внутреннему психическому и физическому благополучию сочетается с ограниченной способностью к регуляции внутренних состояний. Внутренние ощущения описываются как скука, пустота, усталость, напряжение, возбуждение. Главный дефект в области аффектов у алекситимиков – неспособность дифференцировать эмоции с ощущениями неопределенного физиологического нарушения. Выделяют и такой признак, как ограниченное использование символов, о чем свидетельствует бедность фантазии и воображения. У алекситимичной личности перечисленные особенности могут проявляться в равной степени или может преобладать одна из них [3].

Одним из важных признаков алекситимии, по мнению Г. Кристал, является дефицит рефлексии, т.е. осознания собственной человеческой сущности, потребностей и мотивов деятельности, и, следовательно, невозможности управлять своими побуждениями, гибко перестраивать их в соответствии с требованиями ситуации, меняя при необходимости «жизненный замысел» в целом или, находя новые внутренние средства для сохранения прежнего. Внутренняя закованность, отсутствие внутренних средств гармонизации жизни или неспособность их адекватного выбора и делают такого пациента подобным, по образному выражению одного из исследователей, «чем-то вроде туго натянутого каната» [10].

По данным различных литературных источников [3; 4; 5; 7; 9] можно выделить ряд черт относящихся к характеристикам проявлений алекситимии. К ним относят:

- бедность языка в самоописаниях и общении;
- малая представленность в настоящем событий прошлой жизни;
- невозможность адекватного прогноза собственной деятельности;
- недостаточная инициатива и активность в поиске средств - даже при выполнении экспериментальных заданий;
- зависимость от близкого взрослого (матери) при совместном выполнении ряда заданий;
- неустойчивость и недифференцированность самооценки;
- неустойчивость и неадекватность целеполагания при исследовании уровня притязаний;
- неопределенность или полное отсутствие перспективы будущего.

В настоящий момент можно утверждать, что единой концепции, объясняющей развитие алекситимии, не существует, но имеющиеся исследования позволяют выделить три подхода, различающихся представлениями о причинах и условиях становления алекситимии:

1. Биологическая теория.
2. Теория травматической соматизации.
3. Теория социального научения.

Биологическая теория рассматривает алекситимию как первичный процесс, в котором ведущая роль принадлежит генетическим механизмам, дефектам или особым вариантам развития головного мозга. Такие характеристики алекситимии позволяют именовать ее конституциональной.

Подход, утверждающий травматическую природу алекситимии, рассматривает ее как вторичное расстройство, которое проявляется в состоянии глобального торможения аффектов или «оцепенения», наступающем в результате тяжелой психологической травмы. В этом случае алекситимия в патологической форме отражает горе или скрытую депрессию и рассматривается как защитный механизм, не являясь психологической защитой в классическом понимании. К этому же подходу примыкают исследования представителей психодинамического направления, выявившие алекситимию при маскированных депрессиях и неврозах, что дало основание рассматривать алекситимию с позиций невроза.

Третий – социологический – подход объясняет появление синдрома алекситимии в аспекте поведения, социальных и культурных факторов. Один из представителей этого подхода, выделяющего в качестве причины алекситимии социальное научение, Г. Кристал, полагает, что эмоциональное развитие человека и соответственно патология эмоциональности находятся в прямой зависимости от характера отношений в системе «мать – ребенок» в раннем детстве [11].

Разумеется, психологическое исследование феномена алекситимии требует специальной теоретической проработки, строгого (насколько это возможно, учитывая сложность феномена) экспериментального исследования. В настоящей статье мы предлагали остановиться лишь на некоторых аспектах этой проблемы, а именно, на рассмотрении связи феномена алекситимии с агрессией.

Теоретический анализ литературных источников по исследуемой проблеме позволили сформулировать *гипотезу*, имеющую следующие допущения:

1. Существует взаимосвязь между агрессивностью и алекситимически-подобными проявлениями личности.

2. С нарастанием алекситимического признака изменяется содержательное наполнение агрессивности и образуется специфическая конфигурация алекситимически-подобных проявлений личности.

Далее мы представим некоторые фрагменты экспериментального исследования взаимосвязи алекситимических проявлений личности с агрессией.

В исследовании применялся комплекс *методов*: теоретический анализ литературных источников по проблеме алекситимии, алекситимически-подобных проявлений и агрессивности, наблюдение, опрос, тестирование. При обработке данных использовались параметрические и непараметрические методы математической статистики (статистический критерий нормальности Колмогорова-Смирнова, коэффициент корреляции Пирсона, критерий U – Манна-Уитни, критерий H - Краскала-Уоллеса).

В исследовании использовались следующие *методики*:

1. *Опросник исследования факторов агрессии FAF*, адаптированный и стандартизированный Белашиной Т.В., Шамшиковой О.А. [20];

2. *Опросник А. Басса-А. Дарки* в адаптации А.К.Осницкого [7];

3. *Многофакторный личностный опросник FPI* [6];

4. *Торонтская алекситимическая шкала*, адаптированная в институте Бехтерева В.М. [19].

Экспериментальную выборку составили 100 человек – учащиеся старших классов в возрасте от 15-17 лет – из них 55 девушек и 45 юношей.

На первом этапе по результатам проведенного исследования была произведена дифференциация общей выборки на три экспериментальные группы, по критерию степени выраженности алекситимических черт:

ЭГ-1 – «неалекситимический тип» - у испытуемых по данным экспериментального исследования не было выявлено черт алекситимии (итоговое количество баллов не превышает 62);

ЭГ-2 – «группа риска» - у испытуемых по данным экспериментального исследования были выявлены алекситимические проявления (итоговое количество баллов в промежутке от 62 до 74);

ЭГ-3 – «алекситимический тип» - у испытуемых по данным экспериментального исследования были выявлены черты, позволяющие говорить о наличии алекситимически подобных состояний (итоговое количество баллов превышает 74).

По результатам проведенной диагностики первая группа составила 34% от общего количества испытуемых; вторая – 47% и третья группа составила 19%.

Таким образом, самой многочисленной оказалась группа испытуемых с так называемой «группы риска», т.е. у испытуемых по данным экспериментального исследования были выявлены алекситимические проявления. А самой малочисленной – группа алекситимического типа.

Далее, экспериментальное исследование было сосредоточено на проведении сравнительно-сопоставительного анализа агрессивных характеристик.

Для определения достоверности различий показателей по шкалам опросников А. Басса-А. Дарки, FPI и FAF по трем экспериментальным группам был рассчитан H – критерий Краскала-Уоллеса.

Удалось установить, что **ЭГ-1**, **ЭГ-2** и **ЭГ-3** достоверно различаются по параметрам опросника FAF: «реактивная агрессия» ($H = 6,689$ при $p < 0,05$),

«торможение агрессии» ($N = 9,937$ при $p < 0,01$), по параметрам опросника А. Басса-А. Дарки: «физическая агрессия» ($N = 5,386$ при $p < 0,05$), «обида» ($N = 10,259$ при $p < 0,01$), «подозрительность» ($N = 10,472$ при $p < 0,01$), по параметрам опросника FPI: «спонтанная агрессия» ($N = 5,904$ при $p < 0,05$), «депрессивность» ($N = 7,406$ при $p < 0,05$), «раздражительность» ($N = 6,596$ при $p < 0,05$),

Следует отметить, что H – критерий Краскала-Уоллеса не позволяет судить о том, какие из выявленных признаков могут считаться дискриминативными, поэтому следующим шагом нашей экспериментальной работы стало проведение оценки достоверности различий исследуемых признаков попарно, между ЭГ-1 (здоровые испытуемые, $N = 34$) и ЭГ-2 (испытуемые «группы риска», $N = 47$), между ЭГ-1 (здоровые испытуемые, $N = 47$) и ЭГ-3 (алекситимический тип, $N = 19$) и между ЭГ-2 (испытуемые «группы риска», $N = 47$) и ЭГ-3 (алекситимический тип, $N = 19$). Для решения этой задачи использован U -критерий Манна-Уитни, который предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака.

Парное сравнение экспериментальных групп производилось по параметрам, позволяющим исследовать агрессивные характеристики.

Анализ результатов исследования достоверности различий по параметрам агрессии между ЭГ-1 и ЭГ-2 показал, что по сравнению с ЭГ-2 у испытуемых ЭГ-1 преобладают такие параметры как, торможение агрессии ($U = 566$ при $p < 0,01$) и обида ($U = 570$ при $p < 0,01$).

Анализ результатов исследования достоверности различий по параметрам агрессии между ЭГ-1 и ЭГ-3 показал, что испытуемые ЭГ-3 достоверно отличаются от испытуемых ЭГ-1 по двум из четырех параметров на 1 % уровне значимости.

Установлено, что среди испытуемых ЭГ-3 реже встречаются такие параметры как, «реактивная агрессия» ($U = 474$ при $p < 0,01$) и «раздражительность» ($U = 489$ при $p < 0,01$).

Анализ результатов исследования достоверности различий по параметрам агрессии между ЭГ-2 и ЭГ-3 показал, что испытуемые ЭГ-2 достоверно отличаются от испытуемых ЭГ-3 по трем из четырех параметров на 1 % уровне значимости: «обида» ($U = 438$ при $p < 0,01$), «физическая агрессия» ($U = 447$ при $p < 0,01$) и «подозрительность» ($U = 417$ при $p < 0,01$).

На втором этапе исследования проводился корреляционный анализ Пирсона отдельно по трем экспериментальным группам.

В корреляционной структуре ЭГ-1 были выявлены 2 отрицательных и 6 положительных связей из них 3 на 1% уровне значимости и 5 на 5% уровне значимости.

Анализ корреляционной плеяды для ЭГ-1 показал следующее:

Испытуемые ЭГ-1 (неалекситимический тип) легко выражают актуальное эмоциональное состояние посредством речи (*вербальная агрессия* ($r=0,669$ при $p=0,01$)), способны понимать свои эмоции, выражать их, а не копить, направляя на самого себя (*самоагрессия, депрессия* ($r=-0,534$ при $p=0,01$)). Также им свойственно выражение агрессивных импульсов окольными путями, т.е. направленными против других лиц сплетен, шуток или ненаправленных, неупорядоченных, взрывов ярости (крик, топание ногами, стучание кулаком по столу и т.п.) (*косвенная агрессия* ($r=0,515$ при $p=0,01$)). Т.к. испытуемые не испытывают затруднений в распознавании и выражении обозначенных эмоциональных состояний, они способны при необходимости адекватно, в

социально приемлемой форме проявлять свои агрессивные импульсы, в частности вспыльчивость, резкость *раздражительность* ($r=0,542$ при $p=0,05$), *спонтанная агрессия* ($r=0,444$ при $p=0,05$), *физическая агрессия* ($r=0,404$ при $p=0,05$). Испытуемые ЭГ-1 достаточно устойчивы к воздействию различного рода стрессоров, за счет того, что у них дифференцированная эмоциональная сфера и они способны относительно контролировать мир своих чувств и эмоций (*уравновешенность* ($r=0,305$ при $p=0,05$)).

В корреляционной структуре ЭГ-2 были выявлены 4 отрицательных и 4 положительные связи. Из них 4 на 1% уровне значимости и 4 на 5% уровне значимости.

Анализ корреляционной плеяды для ЭГ-2 показал следующее:

Испытуемые ЭГ-2 испытывают затруднения чувствовать и дифференцировать свои состояния, тем самым, возникающие агрессивные импульсы не находят своего выражения вовне и остаются внутри, и с течением времени накапливаются (*торможение агрессии* ($r=0,458$ при $p=0,01$)). Дальше накопленные эмоции могут быть реализованы в двух направлениях: либо это спонтанный и неконтролируемый выплеск (*спонтанная агрессия* ($r=0,419$ при $p=0,01$)), либо вытеснение эмоций в бессознательную сферу и как следствие развитие депрессии (*самоагрессия, депрессия* ($r=0,387$ при $p=0,05$)).

Т.к. испытуемые испытывают затруднения чувствовать и дифференцировать свои состояния, они склонны к недоверию и осторожному отношению к людям, испытывать чувство гнева, недовольства кем-то именно или всем миром за действительные или мнимые страдания, и даже использовать физическую силу против другого лица (*физическая агрессия* ($r= -0,480$ при $p=0,05$), *подозрительность* ($r= -0,319$ при $p=0,05$), *чувство вины* ($r= -0,312$ при $p=0,05$)). Отношение и действия по отношению к себе и окружающим, проистекающие из возможного убеждения самого обследуемого в том, что он является плохим человеком, позволяют им поступать нехорошо: вредно, злобно или бессовестно. Испытуемые склонны окольным путём (т.е. посредством сплетен, шуток) выражать направленные против других лиц отрицательные эмоции, а также ненаправленные, неупорядоченные, взрывы ярости (крик, топанье ногами и т.п.) (*косвенная агрессия* ($r=0,371$ при $p=0,01$)).

В корреляционной структуре ЭГ-3 были выявлены 7 положительных связей, на 1% и 5% уровне значимости.

Анализ корреляционной плеяды для ЭГ-3 показал следующее:

Испытуемым ЭГ-3 в большей степени характерна слабая дифференцированность эмоциональной сферы или неспособность к точному распознаванию и описанию своего эмоционального состояния и эмоционального состояния других людей. Кроме того, проявляется невозможность выражения негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных образов к другим лицам (угрозы, проклятия, ругань) (*вербальная агрессия* ($r= -0,642$ при $p=0,01$)).

Испытуемые блокируют эмоциональные проявления, в том числе агрессивные импульсы, т.к. не умеют их распознавать и проявлять в социально приемлемой форме (*торможение агрессии* ($r=0,404$ при $p=0,01$)). Невыраженные эмоции накапливаются внутри и с течением времени могут быть выплеснуты в виде неконтролируемого аффекта, включающего в себя гнев, ярость и другие сопутствующие состояния, «сметающие все на своем пути». Они не способны адекватно, в социально приемлемой форме проявлять свои агрессивные импульсы, или же выражают их окольным путём

направленных против других лиц сплетен, шуток. Кроме того, для них может быть характерно проявление ненаправленных, неупорядоченных, взрывов ярости (крик, топание ногами и т.п.): *самоагрессия*, *депрессивность* ($r=0,405$ при $p=0,01$), *физическая агрессия* ($r=0,669$ при $p=0,01$), *спонтанная агрессия* ($r=0,534$ при $p=0,01$), *косвенная агрессия* ($r=0,415$ при $p=0,05$).

Таким образом, можно утверждать, что цель экспериментальной работы достигнута, все поставленные задачи решены, гипотеза подтверждена.

Библиографический список

1. Афтанас, Л.И. Эмоциональное пространство человека: психофизиологический анализ / Л.И. Афтанас. – Новосибирск: СО РАМН, 2000. – 126 с.
2. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 512 с.
3. Брель, Е.Ю. К проблеме изучения особенностей взаимосвязи алекситимии, агрессивности и тревожности в структуре личности / Е.Ю. Брель. – Томск, 2005. – 157 с.
4. Брель, Е.Ю. Некоторые факторы формирования алекситимического радикала в структуре личности / Е.Ю. Брель. – Томск, 2005. – 420 с.
5. Бэрн, Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб.: 1998. – 336 с.
6. Вотчин, И.С. Психология личности: Учебно-методическое пособие / И.С. Вотчин. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 116 с.
7. Ениклопов, С.Н. Опросник Басса — Дарки / С.Н. Ениклопов // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М.: 1990. – 230 с.
8. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
9. Коростелева, И.С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств / И.С. Коростелева, В.С. Ротенберг. – М.: 1999. – 321 с.
10. Кристалл, Г. Терапевтические стратегии при алекситимии / Г. Кристалл // Журн. практич. психологии и психоанализа. – 2003. – №3. – С. 54–68.
11. Кристалл, Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия / Г. Кристалл. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 800 с.
12. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. – М.: 1994. – 272 с.
13. Мальхина, С.В. Семейные факторы формирования алекситимии / С.В. Мальхина // Журн. практич. психологии и психоанализа. – 2004. – №5. – С. 23–38.
14. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных / А.Д. Наследов. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.
15. Пошивалов, В.П. Новые направления в изучении агрессивного поведения / В.П. Пошивалов // Журн. высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1987. Т. 37. – Вып. 4. – С. 805–806.
16. Румянцева, Т.Г. Агрессия и контроль / Т.Г. Румянцева // Вопросы психологии. – 1992. – №5–6. – С. 35–41.
17. Румянцева, Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии / Т.Г. Румянцева // Вопросы психологии. – 1991. – №1. – С. 81–88.
18. Соложенкин, В.В. Алекситимия (адаптационный подход) и психотерапевтическая модель коррекции / В.В. Соложенкин, Е.С. Гузова // Социальная и клиническая психиатрия. – 1992. – Т. VIII. – Вып. 2. – С. 18–24.
19. Торонтская алекситимическая шкала / Авторы-составители: Ерьско Д.Б. и др. – СПб.: 1994. – 130 с.
20. Hampel R. FAF: Fragebogen zur Erfassung von Aggressivitätsfaktoren / R. Hampel, H. Selg. – Göttingen, 1980.

THE PROSPECTS OF PSYCHOLOGY DEVELOPMENT IN AUSTRALIA

This article discusses the ways of better understanding of mental illness aetiology.

The twentieth century has been a period of immense scientific excitement in the mental health research, and the future of psychology looks brighter than ever [25]. The recent developments particularly in the field of neuroscience and genetics will no doubt add to knowledge base of psychopathology [12]. Further study of interaction between genes and environment will provide a better understanding of aetiology of mental illness. This knowledge will aid, improved assessment of conditions, early detection, conceptualization of disease, and in turn help advance treatment outcomes, however so much more still needs to be investigated and learned [4; 9].

Another recent proposal for the future is a higher push for integration of therapeutic approaches [14]. It is likely that the more is known about various conditions and evidence based practice it will be essential that integrative techniques are used in order to provide the best possible, individualized treatment to our clients [1].

The recent advances in the brain imaging technology, genetics and neurochemistry aid identification of various biological substrates of patients' symptomatology, as well as help creation of designed molecules that target specific receptors and processes [9]. Currently however, the process of identifying these biomarkers has been slow [9]. This maybe at least partially because psychopathology can rarely be explained by a single biomarker [12]. In fact it is the combination of multiple biomarkers (e.g., genes, distinct neuroimaging patterns from a brain scan, a certain response during a cognitive assessment, abnormal quantities of a certain protein or other indicators from various body fluids) that manifest in a disorder [12]. The complexity increases when each of these biological substrates is also variable [16]. For example, psychopathology seldom shows any single gene responsible for manifestation of a condition, but is often caused by multiple genes, as well as multiple environmental factors which makes their identification more multifaceted [16]. That is one gene may account for 5% of trait variance, whereas 5 genes might each account for 2% variance and still 10 other genes might each account for 1% for variance [16]. Similarly, an abnormally large head circumference in an infant has been linked to the development of autism [4]. While this can be treated as an important signal that an infant is at heightened risk of autism, on its own it cannot be used as a unique identifier of this condition [4].

As the field of neuroscience develops it is possible that there will be a larger focus on assessment via various brain imaging tools, use of technology for studying genes (for example, DNA analysis pre - conception)[18], assessment of other biomolecules in order to gain a better understanding of underlying aetiology of the condition, its progression and aid diagnosis [9]. Further, better knowledge of biomarkers of mental illness, will also assist development of better and more rigorous treatments (both biological and psychological), that can be implemented at an appropriate time period (e.g., prior to onset) where the severity of the condition may be reduced or better still prevented [4; 9].

While understanding of biological factors is important, psychological and social factors cannot be discounted in understanding psychopathology [12]. In fact growing

evidence suggests that it is the interaction between biological factors (e.g., genetic factors) that may initially predispose the individual to conditions, however it is the environment or psychosocial factors that determines genes and how they are expressed [15]. One such example, had been highlighted in Capsi et al., 2002 study, who demonstrated that children with low activity monoamine oxidase – A (MAOA) genotype and were maltreated during childhood were twice as likely to be diagnosed with conduct disorder, and three times more likely to be convicted by 26 years of age [3]. Other important psychosocial factors contributing to development of conditions have been noted in a number of studies, for example; maternal stress, and psychopathology during pregnancy, can have deleterious effect on the child's neurobehavioural outcomes, including: cognitive functioning, emotional/social functioning etc. [5]. Similarly maternal anxiety has been linked to 22% of variance in symptoms of ADHD in 8 – 9 year old children [24].

Retrospective studies showed that children of women pregnant during the German invasion of the Netherlands in 1940 were at significantly increased risk for development of schizophrenia in adulthood [19]. Other factors contributing to psychopathology are the intergenerational transmission of poor attachment [20]. Whereby the mother – child relationship is influenced by the mother's representation of her own past experience, as well as her representation of care giving [20].

Given that the time of pregnancy and postnatal period can be a time of severe stress and emotion it would be ideal that the intervention strategies of the future are targeted directly at these critical periods in order to help prevent later life psychopathology [8; 23].

Targeting this period in life will not only aid prevention and reduction of intergenerational 'trauma,' but also provide a better understanding of the specific difficulties encountered during this period [2]. Moreover it will help clinicians with more information with respect to assessment, conceptualization of cases and ultimately provision of interventions that are appropriate and targeted at the underlying causes of the problem at hand [2].

It is likely that as psychology moves towards, integration of ideas from psychology, biology and neuroscience a more holistic approach to psychology and treatment will be established [11]. The recent attempt to integrate therapeutic approaches is another example of the steps towards improving treatment of mental illness and making treatment more individualized.

Currently many psychotherapies have demonstrated substantial efficacy, but no single form is consistently successful with all patients and with all problems [10]. While psychotherapy has travelled far, past the early bitterness between psychoanalytic and behavioural perspectives, more needs to be learnt about the best ways to integrate ideas [1; 6]. To date four general routes of integration has been recognized, these are: common factors, technical eclecticism, theoretical integration and assimilative integration [13]. Perhaps the most important contributions of these routes is that they serve to keep the clinician open to consideration of factors that do not fit his or her preconceptions [22]. However, despite various proposals of integration there is little consensus on how clinicians make decisions to integrate, yet they are constantly making these decisions in an effort to improve services to their clients [22].

It seems that it would be important that future integration research focuses on explaining what works, why certain strategies and techniques work, and for whom [1; 6; 22].

Perhaps giving therapists an opportunity to observe different clinical approaches to dealing with a variety of different cases could be useful, as well as seeking out information about successes of therapists from other orientations of certain patient problems, particularly when the patient is not responding well to treatment within the therapist particular orientation [22]. For example, cognitive behavioural therapists may learn from psychodynamic colleagues on how to deal with cases that present with relationship problems. Whereas psychodynamic therapists may benefit from learning cognitive behavioural therapy tools that help manage symptom reduction and homework tasks [22]. Similarly therapists from both these orientation could learn from experiential therapists about how to work with overly intellectualizing, affect blocked patients etc. [21].

Rigorous assessment of the presenting problem, past history, precipitating and perpetuating factors and client strengths are important as an initial step to selection of any treatment currently and would be just as important in the future [17]. Other factors of importance are; biological factors, life stage, stages of change, cultural socioeconomic background, relational preferences, psychological mindedness and type of presentation acute vs. chronic [14]. For example, a patient that presents with chronic depression, as compared to acute onset or ... will need to be treated accordingly [14]. As the chronically depressed patient is likely not only to be bringing in emotion and behavioural problems to the session, but are likely to have past history of interpersonal issues [14]. Hence, in order to address the multifaceted aspects of the condition present a monomodel approach, for example treatment with cognitive behavioural therapy would not be adequate, as it will not address the underlying interpersonal struggles the client is presenting with [7; 14]. Alternatively an interpersonal psychotherapy or psychodynamic approach may not be enough, to manage the cognitive distortion and perpetuating automatic thoughts that a depressed patients could be engaged in [7; 14].

With an integrate perspective in mind the assessment of symptomatology would need to be reflective of the multifaceted nature of an individual [6]. Similarly the conceptualization of the problem and intervention needs to be far more individualized in the future in order to provide adequate ethical treatments to clients [6].

It would be ideal that the future research, training and most importantly clinical practice, moves towards a more integrated model of treatment [6]. That will allow assessment and conceptualization of patients struggles at multiple levels e.g., genetic, neurological, biological, biochemical and psychosocial [12]. Further such knowledge will aid early detection of conditions, understanding of progression of disease and ultimately help facilitate development of appropriate therapeutic interventions targeted early enough to reduce the deleterious effects of a specific condition, better still to prevent its onset [9]. Development in biological sciences will also aid improvement in pharmacotherapy interventions and enable development of treatment with less side effects [12]. With such developments in biological sciences, it is probable that psychology would benefit from better understanding of this field, and start to provide a more holistic care, particularly to the patients with more complex problems that clearly require and would benefit from using psychotherapy with pharmacotherapy in conjunction [17]. Further research and identification of better integration strategies of psychotherapy treatments, as well as identification of what works, why it works and for whom, will hopefully aid provision of services that target the multifaceted aspects of an individual, as well as allow for a more individualized treatments to be developed [1].

Bibliography

1. Anchin, J.C. (2008). Contextualizing Discourse on a Philosophy of Science for Psychotherapy Integration/ J.C. Anchin// *Journal of Psychotherapy Integration*, 18(1), 1-24.
2. Bakermans – Kranenburg, M.J., (2003) / M.J Bakermans – Kranenburg, M.H van IJzendoorn, F. Juffer// *Less Is More: Meta – Analyses of Sensitivity and Attachment Interventions in Early Childhood*. *Psychological Bulletin*, 129(2), 195 – 215.
3. Capsi, A.(2002)/ A. Capsi, J.McClay, T.E.Moffitt, J.Mill, J.Martin, I.W Craig// *Role of genotype in the cycle of violence in maltreated children*. *Science*, 297(5582), 852 – 854.
4. Courchesne, E. (2003)/ E.Courchesne, R. Carper, N. Akshoomoff // *Evidence of Brain Overgrowth in the First Year of Life in Autism*. *JAMA*, 290 (3), 337 – 344.
5. Davidson, R.J. (1998)/ R.J. Davidson// *Affective style and affective disorders: Perspectives form affective neuroscience*. *Cognition Emotion*, 12, 307 – 330.
6. Greben, D.H.(2004)/ D.H. Greben// *Integrative Dimensions of Psychotherapy Training*. *Can J Psychiatry*,49(4).
7. Goin, M.K.(2005)/ M.K.Goin// *A Current Perspective on the Psychotherapies*. *Practical Psychotherapy*, 56(3), 255 -257.
8. Kaitz, M. (2005)/ M. Kaitz, H.Maytal// *Interactions between anxious mothers and their infants: an integration of theory and research findings*. *Infant Mental Health Journal*, 26(6), 570 -597.
9. Kas, MJH., (2007)/ MJH.Kas, C. Fernandes, L.C.Schalkwyk, D.A.Collier// *Genetics of Behavioural domains across the neuropsychiatric spectrum; of mice and men*. *Molecular Psychiatr*, 12, 324 – 330.
10. Lazarus, A.A., (1992)/ A.A., Lazarus, L.E. Beutler, J.C.Norcross// *The Future of Technical Eclecticism*. *Psychotherapy*, 29(1).
11. Levine, E.S (2006)/ L.Pedhazur Schmelkin// *(The move to prescribe: A change in Paradigm? Professional Psychology: Research and Practice*, 37(2), 205 – 209.
12. National Institute of Mental Health. Strategic Plan. <http://www.nimh.nih.gov/about/strategic-planning-reports/index.shtml>. Last reviewed August 29, 2008.
13. Norcross, J. C., & Goldfried, M. R. (Eds.). (2005)/ J. C., Norcross, M. R. Goldfried (Eds.)// *Handbook of psychotherapy integration* (2nd ed.). New York: Oxford.
14. O’Connor, R.(2003)/ R. O’Connor// *An Integrative Approach to Treatment of Depression*. *Journal of Psychotherapy Integration*, 13(2), 130 – 170.
15. Orlova, V.A., (2007)/ V.A. Orlova, N.I. Voskresenskay, N.P. Shcherbakova, N.K. Korsakova, T.D. Savina, E.P. Solenova, N.N Efanova, J.V.Malova// *Integrative Neuropsychological Characteristics of Subcortical – Frontal Brain Regions as a Schizophrenia Liability Factor*. *The Spanish Journal of Psychology*, 10 (2), 430 – 435.
16. Plomin, R. (2003)/ R.Plomin, P.McGuffin// *Psychopathology in the Postgenomic Era*. *Annu.Rev.Psychol*,54,205 – 28.
17. Roth, A. (2005)/ A.Roth, P. Fonagy// *(What Works For Whom?)* The Guilford Press: United States of America.
18. Rusk,T.N., (2007)/ T.N. Rusk, N.Rusk// *Not by genes alone: New hope for prevention*. *Bulletin of the Menninger Clinic*,71(1), 1 – 21.
19. Selten, J.R., (2004)/ J.R.Selten, M.J. Meaney// *Glucocorticoid programming*. *Annals of the New York Academy of Science*,1032, 63 – 84.
20. Slade, A.(1996)/ A.Slade, L.I.Cohen// *The Process of Parenting and the Remembrance of Things Past*. *Infant Mental Health Journal*, Vol. 17 Issue 3, p37-58, 22p.
21. Stricker, G. (2006)/ G.Stricker// *Using Homework in Psychodynamic*. *Journal of Psychotherapy Integration*, 16(2), 219 – 237.

22. Stricker, G. (2008)/ G.Stricker, J.R Gold// (Psychotherapy Integration: An Assimilative, Psychodynamic Approach. Clinical Psychology: Science and Practice, 3, 47 – 58.
23. Tange, N.M. & the Early Stress, Translational Research and Prevention Science Network: Fetal and Neonatal Experience on Child Adolescent Mental Health (2007)/ N.M.Tange, C.Neal, V.Glover// Antenatal material stress and long – term effects on child neurodevelopment: how and why? Journal of Child Psychology and Psychiatry, 48(3/4), 245 – 261.
24. Van den Berg, B.R.H.(2005)/ B.R.H. Van den Berg, M. Mennes, J.Oosterlaan, V.Stevens, P. Stiers, A.Marcoen, L. Lagae// High antenatal maternal anxiety is related to impulsivity during performance on cognitive tasks in 14 – 15 year olds. Neuroscience and Biobehavioural Reviews, 29, 259 – 269.
25. Woodworth, R.S. (1992)/ R.S. Woodworth// The Future of Clinical Psychology. Journal of Consulting Psychology, 1, 4 -5.

С. Волкова

Университет Дикин, Австралия г. Мельбурн

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В АВСТРАЛИИ

В данной статье рассматриваются пути более точного понимания этиологии психических болезней.

Двадцатый век был периодом активизации научных исследований психического здоровья, и будущее психологии выглядит перспективнее, чем когда-либо [25]. Недавние успехи особенно в области неврологии и генетики без сомнения внесут большой вклад в психопатологию [12]. Дальнейшее исследование взаимодействия между генами и окружающей средой приведёт к более точному пониманию этиологии психических болезней. Это знание поможет улучшить раннюю диагностику, понимание концепции болезни, что в свою очередь даст возможность повысить качество лечения, однако многое ещё не исследовано и не изучено [4; 9].

Другое недавно возникшее направление состоит в стремлении к интеграции терапевтических подходов [14]. Вероятно, что чем больше информации мы имеем о различных болезнях и данных, полученных на практике, тем важнее применение интегративных методик для того, чтобы обеспечить эффективную индивидуализированную помощь нашим клиентам [1].

Недавний прогресс в технологии гамма энцефалографии, генетике и биохимии будет полезен как в идентификации разных биологических субстратов симптоматологии пациентов, так и в создании молекул, нацеленных на особые рецепторы и процессы [9]. В настоящее время, однако, процесс идентификации этих биомаркеров происходит медленно [9]. Возможно, это происходит так, потому, что психопатологию редко можно объяснить действием одного биомаркера [12]. Фактически это комбинация множества биомаркеров (т.е. генов, точных снимков сканирования головы, аномального количества определенного белка или других индикаторов из различных жидкостей тела), что проявляется в разных расстройствах [12]. Это осложняется тем, что каждый из этих биологических субстратов непостоянен [16]. Например, психопатология редко вызывается единственным геном, ответственным за проявление болезненного состояния, но часто зависит от многих генов, так же как от многих экологических факторов, которые делают их идентификацию более сложной [16]. То есть один ген может отвечать за 5 % отклонений, тогда как пять генов могли бы быть ответственны за 2% каждый, а

десять других генов могли бы каждый составлять 1 % отклонения [16]. Точно так же ненормально большая окружность головы у младенца связана с развитием аутизма [4]. Хотя это важный сигнал риска аутизма, но это всё же нельзя рассматривать как единственный показатель этого состояния [4].

Поскольку неврология развивается, возможно, внимание будет в большей степени сфокусировано на определении эффективности с помощью различных способов отображения мозга, использовании технологии изучения генов (например, предварительный анализ ДНК) [18], на определении других биомолекул, чтобы получить лучшее представление об этиологии, лежащей в основе болезни, её развитии и оказании возможной помощи [9]. Далее, наличие большей информации о биомаркерах психических болезней также будет способствовать более эффективному и быстрому лечению (и биологическому и психологическому), которое может быть осуществлено в соответствующем периоде времени (например, до проявления начала болезни), серьезность состояния может быть уменьшена или предотвращена [4; 9].

Несмотря на важность биологических факторов в понимании психопатологии, психологические и социальные факторы тоже не могут быть сброшены со счетов [12]. Действительно, накапливающиеся данные исследований наводят на мысль, что предрасположенность человека к болезни можно объяснить взаимодействием между биологическими факторами (например, генетическими), однако именно окружающая среда или психосоциальные факторы определяют гены и то, как они проявляются [15]. Один такой пример был описан в исследовании в Сарси в 2002 году, где сказано, что дети с низким уровнем моноаминовой оксидазы – А (МАОА) генотипа, с которыми плохо обращались в детстве, имели в два раза больше шансов иметь проблемы с поведением и в три раза более вероятно оказаться на скамье подсудимых к 26 годам [3]. Во многих исследованиях были отмечены и другие важные психосоциальные факторы, влияющие на развитие болезни, например, стресс, психопатология во время беременности могут оказать негативное влияние на нервную систему ребенка, в том числе на способность к обучению, эмоциональное состояние, социальное функционирование и т.д. [5]. Результатом подобного стрессового состояния во время беременности было в 22 % проявление признаков синдрома гиперактивности у 8 - 9-летних детей [24].

Ретроспективные исследования показали, что дети женщин, беременных во время немецкого вторжения в Нидерланды в 1940, имели большой риск развития шизофрении во взрослой жизни [19]. Другие факторы, влияющие на развитие психопатологии, связаны с передачей из поколения в поколение привязанности между матерью и ребёнком. На отношения между матерью и ребёнком оказывает влияние её собственный прошлый опыт и её представление о материнской заботе [20].

Учитывая, что течение беременности и послеродового периода может быть периодом стресса, было бы идеальным, чтобы оперантные стратегии в будущем были направлены непосредственно на эти критические периоды, чтобы помочь предотвратить более позднюю психопатологию [8, 23].

Планирование этого периода жизни не только поможет предотвратить и сократить относящиеся к разным поколениям 'травмы', но также обеспечит лучшее понимание определенных трудностей, с которыми сталкиваются в этот период [2]. Кроме того, это поможет клиницистам получить больше информации, касающейся оценки, концептуализации случаев заболевания и, в

конечном счете, условий оперантного вмешательства, лежащих в основе данных проблем [2].

Психология движется вперед, и, вероятно, будет достигнута интеграция идей психологии, биологии и неврологии, более целостный подход к лечению [11]. Недавняя попытка объединить терапевтические подходы – ещё один пример того, что предпринимаются определённые шаги к улучшению лечения психических болезней и большей индивидуализации этого лечения.

В настоящее время многие психотерапевтические методики продемонстрировали значительную эффективность, но со всеми пациентами и со всеми проблемами не справляется ни одна [10]. В то время как психотерапия ушла далеко вперед, должны быть изучены новые пути интеграции идей [1; 6]. В настоящий момент имеется четыре основных направления интеграции: общие факторы, технический эклектизм, теоретическая интеграция и ассимилирующая интеграция [13]. Возможно, самое важное в этих направлениях состоит в том, что их предназначение - облегчить клиницисту восприятие разных точек зрения на факторы, которые не соответствуют его или её предвзятому мнению [21]. Однако, несмотря на различные предложения об интеграции, клиницисты редко приходят к консенсусу в этом вопросе, но они постоянно ищут эти решения, чтобы улучшить обслуживание своих клиентов [21].

Вероятно, было бы важно, чтобы будущие объединённые исследования сосредотачивались на том, чтобы объяснить, что работает, почему определенные стратегии и техники работают, и для кого они работают [1; 6; 21].

Статья I. Возможно, было бы полезно давать врачам – психологам из данной области возможность наблюдать разные клинические подходы к различным заболеваниям, а так же искать информацию об успехах врачей - психологов из других областей психологии при решении определенных проблем, особенно когда пациенту не помогает лечение врача-психолога из данной области [22]. Например, врачи, придерживающиеся когнитивно-бихевиористической стратегии в лечении могут учиться у коллег, придерживающихся психодинамического подхода тому, как работать с проблемами взаимоотношений. В то же время врачи-психодинамисты могут извлечь выгоду из изучения когнитивно-бихевиористических инструментов терапии, которые помогают улучшить состояние клиента и, как инструмент помощи, дают домашнее задание клиенту [22]. Подобным образом врачи обоих этих направлений могли бы использовать методики эмпирических терапевтов в работе со сверх интеллектуализированием, оказывать влияние на пациентов с разными формами блокирования и т.д.[21].

Статья II. Точная оценка представленной проблемы, история болезни, стимулирующие и поддерживающие факторы, положительные качества клиента и состояние клиента важны как начальные шаги выбора лечения в настоящее время и, возможно, будут столь же значительными в будущем [17]. Другие важные моменты: биологические факторы, этапы жизни, стадии изменения, культурные, социально-экономические предпосылки, поведенческие предпочтения, психологические (фон) и наличие острого или хронического периода [14]. Например, пациент, который страдает депрессией в хронической форме, а не в острой должен получать соответственно другое лечение [14], т.к. страдающий хронической депрессией человек, вероятно, не только будет иметь внутриличностные проблемы с эмоциями и поведением, но и много межличностных проблем [14]. Следовательно, чтобы рассматривать разносторонние аспекты болезни требуется единообразный подход, например,

использование когнитивно-бихевиористической психотерапии не было бы успешным, если бы это не было бы обращено к истокам межличностного напряжения, которому подвержен клиент [7; 14]. В качестве альтернативы межличностной психотерапии или психодинамического подхода, возможно, будет недостаточно, чтобы справиться с когнитивными искажениями и 'автоматическими' мыслями, которые может иметь клиент в состоянии депрессии [7; 14].

С интегративной точки зрения оценка симптомов должна отражать многогранную природу человека [6]. Подобным образом концептуализация проблемы и лечение должно быть гораздо более индивидуализировано в будущем, чтобы обеспечить адекватный нравственный комфорт клиентам [6].

Было бы идеально, чтобы будущее исследование, обучение и, что наиболее важно, клиническая практика, стремилась к более интегрированной модели лечения [6]. Это позволит оценивать и анализировать состояние напряжения у клиентов на нескольких уровнях, например, генетическом, неврологическом, биологическом, биохимическом и психосоциальном [12]. Далее такое знание поможет раннему выявлению болезни, пониманию развития болезни и, в конечном счете, поможет назначить соответствующее терапевтическое лечение, чтобы уменьшить вредные последствия болезни или лучше всего предотвратить её начало [9]. Развитие биологических наук также поможет усовершенствовать медикаментозное лечение и течение болезни с меньшими побочными эффектами [12]. Развитие биологии как науки, вероятно, поможет специалистам – психологам лучше понять болезнь, и обеспечить более (единую) целостную заботу, особенно клиента с более сложными проблемами, и это будет эффективнее, если сочетать психотерапию с медикаментозным лечением в [17]. Дальнейшие исследования и выявление лучших объединённых стратегий психотерапевтического лечения, понимание того, что работает, почему оно работает и для кого, мы надеемся, помогут обеспечить как многосторонний подход к человеку, так и более индивидуализированное лечение [1].

УДК 159.9+159.964

A.N. Grishanov

Psychotherapeutic clinic «Insajt», Novosibirsk

MAX STIRNER'S INDIVIDUALISM AND MODERN NARCISSISM

This article discusses distinctions between representations of Max Stirner's theory of individualism and characteristics of modern narcissistic personality. The conclusion is drawn that the modern narcissus is a variant of passive individualist who has not overcome self-alienation state.

A.N. Гришанов

Психотерапевтическая клиника «Инсайт», г. Новосибирск

ИНДИВИДУАЛИЗМ МАКСА ШТИРНЕРА И СОВРЕМЕННЫЙ НАРЦИССИЗМ

В статье рассматриваются различия между представлениями теории индивидуализма Макса Штирнера и характеристиками современной нарциссической личности. Сделан вывод, что современный нарцисс – это вариант пассивного индивидуалиста, не преодолевшего состояние самоотчуждения.

Зарубежные философы и социологи, анализируя процессы, происходящие в современном обществе, констатируют наступление эпохи нарциссической культуры, носителем которой является человек нового типа [3, 4]. Для него характерна усиленная «забота о себе» и своем теле, своеобразные формы межличностных отношений, когда Другой используется преимущественно как функциональный объект, а также «отстраненное» пребывание в социокультурном пространстве. На фоне все большего обесценивания социальных и политических идеалов для современного человека, а также общего состояния апатии, свойственного ему, провозглашается пришествие новой стадии в развитии индивидуализма, которую определяют термином «нарциссизм», а самого «нарцисса» рассматривают как современный вариант индивидуалиста [3, 4].

Термин «индивидуализм» широко используется в философских, религиозных, политических и экономических концепциях, и зачастую наполняется противоречивым содержанием. Однако различие подходов к пониманию индивидуализма объединяет то, что все они, тем или иным образом, утверждают свободу и независимость самодостаточного человека, относительно неограниченного в своих действиях, направленных преимущественно на себя. Например, французский философ Р.Генон дает более строгое, но по сути несущее тот же смысл определение: «Под индивидуализмом мы понимаем отрицание всякого принципа, превышающего уровень человеческой индивидуальности, а также логически вытекающее из этого сведение всех компонентов цивилизации к чисто человеческим элементам» [1, с. 175]. Хотя индивидуализм в истории общества никогда не был господствующим мировоззрением или образом жизни - эта тема всегда была в центре философских и психологических исследований Человека [3]. Сейчас же многие авторы признают фундаментальной ценностью нашего времени – ценностью индивидуального развития, признания индивидуального своеобразия, неповторимости личности [3; 4].

Многие исследователи связывают появление философской теории индивидуализма с именем немецкого философа Макса Штирнера (псевдоним Каспара Шмидта). Его книга «Единственный и его собственность» [6], в которой изложена теория крайнего индивидуализма, была издана в 1844. Забытый на 50 лет, он был «заново открыт» в конце 19 века, когда появилось второе издание его книги. С тех пор в многочисленных исследованиях творчества Штирнера, его рассматривают как предшественника и теоретика современного индивидуализма и анархизма [2; 5]. И хотя теорию Штирнера иногда рассматривают как карикатуру на одну из доминант европейской культуры – абсолютный субъект познания, идея всемогущего человека в теории Штирнера обрела еще один вариант существования, который в наше время помогает понять современный вариант индивидуализма. Конечно, 19 век определил горизонты философского дискурса Штирнера, однако его взгляды явно не вписываются в традиционные подходы, ставя вопросы существования конкретного человека в таком ракурсе, который стал привычным примерно на столетие позже.

В настоящее время многие из положений теории крайнего индивидуализма Штирнера можно наблюдать в массовом явлении нарциссизма, которое становится реальностью современного социокультурного пространства, а в единичных своих проявлениях нередко встречается в кабинете психоаналитика. То, что в 19 веке казалось порождением философских умопостроений, то, что представлялось невероятным в качестве проявлений человеческой природы для индивида, живущего в социуме, стало визитной карточкой образа жизни человека в современном мире.

Исходя из этого, можно сравнить, хотя бы в некоторых аспектах, теорию индивидуализма Штирнера с современной актуализацией индивидуализма в

феномене нарциссизма. Можно предположить, что такой подход к явлениям, разделенным временным промежутком в полтора века, поможет лучше понять современный индивидуализм в варианте нарциссизма. В данной работе мы ограничимся сравнением только двух следующих характеристик прошлого и современного проявлений индивидуализма.

Во-первых, многое из того, что Штирнер исследовал и критиковал, как механизмы и формы отчуждения человека, сохранилось и даже обрело более выраженные варианты реализации на нынешней стадии индивидуализма. В частности, речь идет об усилении декартовской дихотомии душа – тело, о постановке новых акцентов в восприятии себя, когда внимание к телу и забота о нем становятся для человека одержимостью. Другая дихотомия, рассмотренная Штирнером, сохранилась и еще сильнее поляризовалась в наше время – это раскол в психике человека, выделение в ней истинного и неистинного Я, что также является своеобразной формой самоотчуждения личности.

Во-вторых, вызывает интерес изменения жизненной активности современного индивидуалиста и смещение направленности этой активности с мира внешнего на мир внутренний. Характерная черта современного индивидуалиста – его апатия и пассивность в отношении внешнего мира и усиленная активность в направлении себя для наслаждения своей жизнью и осуществления своего Я. Нарцисс по-новому строит отношения с внешним миром и людьми его населяющими. Его отстраненность и пассивность в отношении их, составляют существенное отличие от активного и деятельного индивидуалиста Штирнера, который свободен в проявлениях своей воли: «Своею свободу по отношению к миру Я обеспечиваю для себя тем, что присваиваю себе этот мир, «захватываю и занимаю» его для себя каким бы то ни было насильем, силой убеждения, просьбы, категорического требования, даже лицемерия, обмана и т.д., ибо средства, которыми Я для этого пользуюсь, соотносятся с тем, что Я собой представляю» [6, с.199].

1. Современный нарциссизм как вариант углубленного самоотчуждения личности.

Отдельные черты современного нарциссизма весьма напоминают вариант крайнего индивидуализма, исследованного Штирнером. Современный французский философ Ж.Липовецки так пишет о процессах в социокультурном пространстве западного мира: «...возникает индивидуализм, освобожденный от последних социальных и моральных ценностей... семьи, революции и искусства, свободный от всяческого преходящего окружения; сама частная сфера меняется, поскольку она находится во власти одних лишь меняющихся желаний индивида» [3, с.79]. Подобная картина целиком укладывается в теорию индивидуализма Штирнера. Индивидуалист Штирнера – Единственный, как он его называет – это человек, который ставит в центр всего самого себя и преломляет разного рода ценности через мировосприятие своей личности. Будучи Единственным, он тем не менее не желает быть одиноким и призывает других следовать за ним: «Почему же у вас нет смелости действительно сделать себя единственным средоточием и центром всего?» [6, с.194]. Цель существования Единственного – получение удовольствия от своего бытия, путем «изживания», использования себя в этом мире в соответствии со своим своеобразием, своей уникальностью. При этом Единственный овладевает, превращает в свою «собственность» и использует всех и все, что необходимо ему для собственного удовлетворения.

За такой, казалось бы, примитивной картиной существования человека, к реализации которой призывает Штирнер, скрываются черты, которые могли бы быть украшением любой современной личности – стабильная и высокая самооценка, вера в свои силы, самодостаточность, способность бороться против любых внешних и внутренних оков, против любой опеки над ней, а также многие другие достоинства.

Штирнер неоднократно указывает, что тот путь, по которому надо идти, чтобы «прийти к себе», избавившись от отчуждения в этом мире – это путь самоосознания. Именно область сознания, а не внешний мир человека, по мнению Штирнера, является основным полем битвы человека против самоотчуждения личности. Первый шаг на этом пути – это осознание уникальности и конкретности своего Я, которое находится в постоянном процессе самосозидания и саморазрушения, а также освобождение от всех зависимостей, как внешних (религии, государства, семьи), так и внутренних (чувств, представлений, волевых решений и т.д.): «... единичный – непримиримый враг всякой всеобщности, всяких уз, цепей. Хотя и до сих пор полагают, будто «священные узы» необходимы Человеку, на самом деле он – смертельный враг всяких «уз» [6, с.256].

Сейчас социологи, философы и психологи наблюдают в социокультурном пространстве процессы, которые Штирнер рассматривал, как движение в направлении обретения себя и избавления от разнообразных форм и механизмов отчуждения человека. Действительно, в окружающем нас мире фиксируются процессы освобождения от «политических и социальных идеалов», что отражает общую апатию, в которой «...уцелела лишь частная сфера; следить за своим здоровьем, сохранять собственное материальное благополучие, освобождаться от «комплексов», занимать вакансии, то есть жить без идеалов, без высоких целей...» [3, с.80]. Однако то, что Штирнер определял, как процесс индивидуализации с конечной целью достижения состояния Единственного, теперь рассматривается как появление homo psychologicus – человека, сконцентрированного на вопросах своей психологии, «заботящегося о себе самом и собственном благополучии» [3, с.80]. Поэтому можно констатировать, что современный человек не проходит путь полного избавления от отчуждения и самоотчуждения, а только изменяет структуру зависимостей от кумиров и авторитетов, продолжая безоговорочно служить чему-то, навязанному извне или изнутри.

В теории Штирнера критика самоотчуждения занимает существенное место. По его мнению, как только человек начинает создавать что-то святое и поклоняться этому, «...как только он отделяет от себя какое-то свое качество, мысль или произведение и возносит над собой, убирая из-под огня критики, – возникает «одержимость», рабство, отчуждение..» [6, с.54]. В результате формируется раскол в личности, подчинение одной ее части другой и пока это так – отчуждение и рабство личности не может быть преодолено.

Штирнер правильно отмечает, к чему может привести этот бесконечный процесс самоотчуждения, т.е. освобождения «от» при поисках своего «истинного» или «идеального» Я – к потере самого себя! Современные исследователи с этим согласны. Они проявляют сходную озабоченность этим процессом самоотчуждения и его результатом: «Нарцисс уже не стоит неподвижно перед собственным отражением, у него даже нет этого отражения, остался лишь нескончаемый поиск самого себя...» [3, с.88].

Штирнер приводит множество примеров отчуждения личности в духовной, политической, социально - экономической сферах. Однако особое внимание он уделяет критике самоотчуждения через процесс разделения человека на две части – «истинного Я» и «неистинного Я». Штирнер так определял отношение человека к двум частям своего Я «...одна из них, недостижимая и требующая выполнения, – истинная; другая, неистинная, должна быть принесена в жертву, – это бездуховная; истинная должна стать всем Человеком – духом» [6, с.388]. В результате этого раскола, по мнению Штирнера, человек начинает искать свое призрачное «истинное Я»: «...как будто гонятся за собой и ищут себя и в погоне теряют себя самого и то, что собой представляют» [6, с.388]. Человек впадает в зависимость от этого недостижимого «истинного Я» и в результате: «Так как Я – еще не Я, то нечто другое становится мною, моим Я» [6, с.387].

Так Штирнер рисует мрачную картину того, как человек окончательно теряет себя в поисках призрачной цели – своего «истинного Я».

Следует отметить, что именно в этот процесс поисков своего «истинного Я», описанный Штирнером полтора века назад, погружена современная нарциссическая личность. Однако между индивидуалистом Штирнера - Единственным и современным нарциссом есть существенное различие. Ослабляя свои психологические защиты и расширяя область осознаваемой психической реальности в процессе углубления в себя, нарцисс, в отличие от Единственного, не копит силы для разрушения внешних препятствий, а все больше поглощен расширением своих психологических возможностей. Нарцисс выбирает путь самоизменений, будучи в глубине души неудовлетворенным собой, а не внешним миром. Он превращает этот путь самоизменений в фетиш, все более отчуждаясь от себя и превращая свое Я в объект непрестанного совершенствования.

Однако есть и другой подход к пониманию и осознанию человеком самого себя. Именно его проповедует Штирнер как единственно возможный путь осуществления себя: «Не в будущем, как предмет вожеланий, находится истинный Человек; нет, он существует действительно и реально здесь, в современности. Кто бы Я ни был, полон ли Я радости или преисполнен страданий, дитя ли Я или старец, фанатик ли Я или скептик, сплю Я или бодрствую, - Я всегда истинный Человек» [6, с.387]. Штирнер подчеркивает принципиальное отличие такого взгляда на человека от традиционных подходов к нему: «Одним словом, огромная разница в том, являюсь ли Я исходным или конечным пунктом» [6, с.387].

Опираясь на представления об общих принципах и путях преодоления внутреннего и внешнего отчуждения [5], можно отметить, что жизнь современного индивидуалиста – нарцисса, поглощенного своим внутренним миром, может быть охарактеризована, если использовать терминологию самого Штирнера, как «тайный, скрытый, замаскированный эгоизм», как «рабство, служение, самоотрицание» [6, с.199]. Таким образом, современный нарцисс - это еще один вариант человека, идущего по пути отчужденного от самого себя. И в этом он радикально отличается от образа штирнеровского индивидуалиста.

Действительно, в наше время: «Нарцисс, одержимый самим собой упорно трудится над освобождением собственного «Я», над великой судьбой собственной самобытности и независимости» [3, с.85]. Индивидуалист Штирнера совершенно другой, потому что он: «... изначально свободен, так как он ничего не признает, кроме себя, ему не нужно сначала освободить себя, так как он с самого начала отвергает все, за исключением себя, так как он выше всего ценит, выше всего ставит себя, - короче, так как он исходит от себя, то и «к себе приходит» [6, с.198].

Ж. Липовецки верно отмечает характерную черту в самоощущении нарцисса – это глобальная недооценка подлинности субъекта. Нарцисс реагирует с чувством собственной неполноценности и страха на трудности, сразу начиная искать причину трудностей в своих глубинных недостатках: «Нарциссизм - это реакция на вызов бессознательного: побуждаемое потребностью обрести себя, наше «Я» погружается в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности» [3, с.86]. В противовес этому Штирнер настаивает на истинности Единственного и осуждает путь поисков себя, как путь к самоотречению, идя по которому: «...в конце концов избавляетесь от самих себя, «отрекаетесь от самих себя» [6, с.196]. Единственный и Нарцисс обладают различной психологической оценкой себя – удовлетворенность и всемогущество в первом случае, неудовлетворенность и слабость во втором.

Современные философы констатируют, что «наряду с информационной революцией постмодернистское общество познало «внутреннюю революцию» -

мощное «движение сознания», беспрецедентное увлечение самопознанием и самоусовершенствованием...» [3, с.84]. В этом аспекте Штирнера можно назвать предвестником «внутренней революции», обозначившим тот тупиковый вариант, в направлении которого развивается современный индивидуализм. Существенное отличие индивидуалиста Штирнера от современного нарцисса в том, что если первый осознает свою духовно – телесную цельность, следует ей и борется с любыми вариантами навязанного ему самоотчуждения, то второй изначально находится в отчужденном состоянии и даже не пытается его преодолеть, а только углубляет его.

Вторым характерным проявлением отчуждения у современного нарцисса и ярким проявлением продолжающейся традиции дуализма – разделение души и тела, является отношение у современного нарцисса к собственному телу, которое достигает у него масштабов культа. Это в корне противоположно холистическим подходам к человеку Штирнера, который придерживается представления о едином душевно-телесном Я.

Тело, по мнению Ж.Липовецки «обозначает нашу сущность» [3, с.95], т.е. оно одна из сторон Человека вообще, а не конкретного человека. По мнению Штирнера, при таком традиционном «сущностном» подходе, тело отделяется от цельного Я, становится внешним по отношению к Я объектом, к которому у Я может сформироваться зависимость. Именно это предвидение Штирнера осуществляется в жизни нарцисса.

Современный философ Ж. Липовецки считает, что: «Подобно всем великим дихотомиям, с противоречием между телом и душой покончено...» [3, с.96]. С нашей точки зрения, это не так. Процесс этого разделения между душой и телом в нарциссизме все углубляется, причем именно в той патологической форме формирования «одержимости», зависимости Я и его самоотчуждения. Действительно, идет процесс превращения тела в отдельный субъект, существующий независимо от Я: «Психологическое тело подменяет тело объективное, и осознание тела им самим стало конечной целью нарциссизма: заставить тело существовать ради самого себя, стимулировать его авторефлексивность, победить приниженное положение, в котором находится тело – в этом заключается работа нарциссизма» [3, с.96-97].

Штирнер не отрицал тело и его потребности, наоборот, его Единственный – это чувственно – волевое и телесно - разумное Я. Потребности Я – органично включают в себя телесность и ее проявления. Однако из Я не должна выделяться телесность и тело не должно становиться объектом, от которого зависит Я. Именно эти процессы, не вписывающиеся в представления о едином телесно-духовном Я, мы наблюдаем в современных тенденциях индивидуализации общества. В связи с этим надо признать, что нарцисс – это еще более самоотчужденная личность, реализующая современные суррогатные формы индивидуализма.

2. Деформации волевой сферы современного индивидуалиста.

Современный нарцисс – это пассивный вариант Единственного Штирнера. Нарцисс не обладает выраженными проявлениями воли, что ограничивает его способность к действиям, направленным на изменение внешнего мира, а что касается его эмоциональной сферы – она обеднена и просто пропитана апатией. Ж.Липовецки пишет: «...нарциссизм устраняет трагичное и возникает как ранее неизвестная форма апатии, появляющаяся в результате чувственного восприятия мира и одновременно глубокого безразличия к нему» [3, с.83]. В этом серьезное отличие от штирнеровского индивидуалиста, который активен и целеустремлен по своей сути. Штирнер так определяет его: «... Ты не только творение, но вместе с тем и творец самого себя...» [6, с.60]. Такой человек активен и по отношению к миру, поскольку, изживая себя в этом мире, или, как мы сейчас говорим, «реализуя заложенный в себе потенциал», он использует этот мир, становясь его «собственником».

А что можно сказать по – поводу современного нарцисса? Его жизненный путь – это процесс формирования безвольного индивидуалиста «...усилия больше не в моде; все, что является принуждением или жесткой дисциплиной, обесценивается в пользу культа желаний и их немедленного удовлетворения...», наблюдается современная тенденция «благоприятствовать «слабости воли» [3, с.89]. Как сильно эта нарциссическая личность отличается от Единственного Штирнера, для которого жизнь – это проявление своей силы, своего своеобразия, реализация своего Я, а не бессмысленные поиски себя «настоящего»? Заметим, что цель в обоих случаях одинакова – наслаждения своей жизнью. Но если у Штирнера достижение этой цели связано с борьбой за удовлетворение своих желаний, то у современного индивидуалиста жизнь качественно носит другой характер: «Конец эпохи воли совпадает с эпохой чистой индифферентности, с исчезновением великих целей и великих начинаний, ради которых можно пожертвовать жизнью: «все и сейчас же», а не *per aspera ad astra*» [3, с.89].

Штирнер призывал к достижению состояния Единственного, поскольку именно оно дает возможность получать удовольствие от своего существования: «И только как это единственное Я присваиваю себе все, и только как такое Я утверждаю и развиваю себя» [6, с.425]. Современный же нарцисс – это человек, не столько осознанно стремящийся к удовольствиям, сколько вынужденно в них спасающийся от страхов, порождаемых в нем внешним миром: «...все это породило ... пессимизм в ожидании неизбежной катастрофы, что объясняет развитие стратегии нарциссов, теорию «выживаемости», обещающую физическое и психическое здоровье» [3, с.81]. Нарцисс терпим к этому миру, не так радикально настроен, потому что с его точки зрения, чтобы обрести независимость от ограничений внешнего мира, надо не разрушать эти ограничения, а просто стать к этому миру безразличным.

В этом отличие Единственного от нарцисса. Единственный всегда активен и использует весь мир для реализации своего всемогущества, а там где ему не хватает сил – он старается стать сильнее, надеясь только на себя. Цель его жизни – утвердить самого себя и при этом «... Я всегда буду возвращать себе себя самого, если буду подпадать под чье – либо господство» [6, с.387]. В противоположность этому, нарцисс не агрессивен, он «...жаждет не столько возвыситься над остальными, сколько оказаться в обществе раскованных и коммуникабельных людей, среди «симпатяг», среди лиц, которым чужда заносчивость и чрезмерная претенциозность» ...» [3, с.109].

У нарцисса формируется своеобразное отношение к чужому Я, суть которого в том, что потребность в Другом как функциональном объекте, удовлетворяющем нарциссические потребности, снизилась. Свои потребности и их удовлетворение нарцисс связывает в большей степени с собой, а не с Другим: «...соперничество постепенно уступает нейтральным отношениям между людьми, где чужое «Я», лишнее излишней весомости, уже не является ни противником, ни конкурентом, став индифферентным, десубстанциализированным...» [3, с.108]. Таким образом, безразличие и безволие охватывает не только отношение к внешнему миру, но и сферу общения нарцисса с Другим в этом мире.

Сравнивая Единственного Штирнера и современного нарцисса, можно констатировать, что последний, если рассматривать его с позиции теории крайнего индивидуализма Штирнера, представляет собой слабовольного потомка Единственного, представителя боковой ветви эволюционного дерева индивидуализма, не зараженного пафосом «овладения» внешним миром и самим собой и терпящем поражение в борьбе с самоотчуждением.

Библиографический список

1. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Арктогея, 1991. – 302 с.

2. Курчинский, М.А. Апостол эгоизма: Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк / М.А. Курчинский. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Липовецки, Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 331 с.
4. Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 474 с.
5. Рябов, П.В. Философия классического анархизма (проблема личности) / П.В. Рябов. – М.: Вузовская книга, 2007. – 340 с.
6. Штирнер, М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – СПб.: Азбука, 2001. – 448 с.

УДК 159.96+159.923

A. Drees
Germany, Krefeld

EMOTIONAL RELAX BY MEANS OF EGO-EXPANSION

The article is based on a lecture given by the author to a seminar for Russian speaking psychologists and psychotherapists – Psychocatalysis and related methods (Trier, Germany. 2009). It describes the prismatic approach to the emotional–psychological problems and the application of prismatic catalytic conversation in psychotherapy, psychological clinic and monitoring.

The author analyses the conception of the social unconscious environment as an initial source of psychosocial behaviour.

He describes, in detail, the prismatic method and prismatic Balint groups in psychotherapy, the psychological clinic, monitoring, as well, tutorial and educational processes. The examples show, that during the therapeutic conversations with psychotic, psychosomatic, traumatised by violence, dying patients, prismatic catalytic communication allows the activation of blocked emotions and feelings of the patient. The therapist does not focus on the symptomatology and personal problems of the patient. Thus, the method resolves the problems of ‘psychological transfer’ that can have an adverse impact on doctors, psychotherapists, medical personnel, as well as teachers, spiritual advisers.

A. Дреес
Германия, г. Крефельд

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РАЗГРУЗКА С ПОМОЩЬЮ РАСШИРЕНИЯ-Я

Статья подготовлена по материалам доклада на семинаре для русскоговорящих психологов и врачей-психотерапевтов «Психокатализ и родственные методы» (Трир, Германия. 2008). Здесь представлен призматический подход и описано применение призматически-катализирующей беседы в терапии, супервизии и консультировании.

Автор понимает общественное бессознательное как первоначальный источник психосоциального поведения.

Подробно представлен опыт призматических балинтовских групп в психотерапии, консультировании, супервизии и педагогике, как и теоретические основы призматике. Примеры показывают, что в терапевтических беседах с психотическими, психосоматическими, травмированными насильем, умирающими пациентами призматически-каталитическая коммуникация позволяет мобилизоваться заблокированным областям переживаний и чувств пациента, без фокусирования на симптоматике и его личной проблематике отношений.

Тем самым доказано, как одновременно разрешаются проблемы психологического переноса, обременяющие врачей, психотерапевтов, медицинский персонал, также как и преподавателей, священнослужителей и консультантов.

Я хотел бы представить вид беседы, в которой удаётся получить в качестве результата освобождение от фиксации эмоциональных связей. Зафиксированные эмоциональные связи обладают останавливающей, сдерживающей функцией. Одновременно они, всё-таки, являются источником невротических состояний и соматических страданий, а также источником конфликтов и блокад научения. Насилие, алчность, злоупотребление властью и нарциссические фантазии величия, равно как и известное поведение нынешних (банковских) бонус-фокусников и (спекулятивных) Hedge-Fonde-режиссёров финансового мира – всё это выражение ограничивающих Я-фиксаций.

С эпохой просвещения в «стране заходящего солнца» – на Западе, начался процесс поиска идентичности, чтобы освободить себя от церковной и светской форм господства. Это же привело к перегрузке «Я» и к перенапряжению субъекта. Принцип Канта – «...И поступать ты должен так, как если бы от тебя и твоих действий зависела бы судьба всего немецкого общества и ответственность была б на тебе...», уже раскрывает эту перегрузку. Она находит своё выражение в росте психических затруднений, в увеличении случаев психических заболеваний, а также конфликтов и промахов-крушений в бизнесе.

Психоанализ полностью посвятил себя этому закреплённому «Я». Состояния страдания, конфликты, блокады научения можно понять как некие специфические фиксации-Я. Религиозные представления и духовные установки содержат традиционные методы для разрешения подобных блокад. В рамках призматической беседы ограничивающие Я-представления обогащаются социальными, культурными и религиозными представлениями. Они приобретают тем самым субъект-разгружающую функцию и способствуют проникновению в многообразие нашей идентичности. Толерантность, этически-моральные и религиозные установки получают на этом пути новые возможности своего раскрытия. Наш информационный век, как и расширение горизонтов в глобализации, открывают пространства возможностей призматического многообразия восприятия.

Понятие «призма» мы нашли в сравнении с солнечным светом, в котором она раскрывает многообразие всех красок.

Призматическое понятие приёма групповой техники мы переняли от психоаналитика В. Лоха. Он сравнил балинтовскую группу с призмой, с помощью которой эмоциональная Связь-Врач-Пациент раскладывается из монохроматического света в многоцветной фасетке кристалла, без необходимости какой-либо проработки психогении или сопротивления. Эти представления мы смогли развить далее в призматических группах, - в психотерапевтических, консультационных, супервизорских и педагогических областях применения.

Это было, прежде всего, метафорическое многообразие беседы, которая делает возможным расширение «Я».

Призматические стратегии Я-расширения мы опробовали в сравнении - по возможностям метафорического и художественного выражения. Мы понимаем их как дальнейшее развитие религиозных и глубинно-психологических представлений. Призматика увязана с идеей эстетического воспитания человека Гёте и Шиллера. Она образует важное дополнение психотерапевтических

практик. Фридрих Шиллер описал уже в 1795г. в Письмах об эстетическом воспитании человека «поэтическую призматическую как многогранное преломление бесконечности». Он объяснил тем самым поле напряжений между закреплённостью бытия и возможностями свободы человека. Носрат Пезешкиан из Висбадена со своей «позитивной психотерапией» и его многогранная фантазия Востока стали для нас важной помощью. Дальнейшее родство мы обнаружили в психокатализе Андрея Ермошина. Ведущий русский врач-психотерапевт описывает как единое энергетическое пространство поле человеческого сознания в своей работе «Space-Energetic-Paradigma». Татьяна Перц старается эти представления передавать в Трире. Дальнейшее родство мы находили у Castoriadis, который ещё с 1984 описывает общественное подсознание как собственно источник психосоциального поведения.

Состояния страдания и конфликты фиксируются на эмоциональных связях чувств. С помощью метода призматической беседы удаётся достичь полной искренности и тем самым открыть дальнейшие области переживаний и творческие возможности. Состояние страдания и конфликты таким путём высвобождаются из фиксированных связей. В многочисленных областях лечения и сопровождения существуют уже соответствующие коммуникативные установки, которые создают возможности для улучшенных форм лечения и сопровождения-курирования. Они расширяют наши Я-компетенции и нашу контактность, а тем самым и наше чувство идентичности.

Для врачей эти установки тем не менее трудны, так как эмоционально-захватившие (врача) фиксации страдания пациента, а также рационально ограниченные представления об исцелении, связанные с необходимыми технико-аппаратными методами обследования и лечения, затрудняют целостность установок самого врача. В сопровождении и терапии больных раком, а также умирающих, травмированных, психотических и психосоматических пациентов, призматика даёт возможность разгрузки терапевтов, обслуживающего и сопровождающего медперсонала, также как пациента и его близких.

После того, как в квантовой физике и астрономии постоянно росло понимание полученных теорией относительности представлений о материальных, энергетических и временных факторах воздействия, в психотерапии между тем тоже создалась возможность ставить под сомнение рациональные объяснения. Тем самым удалось приобрести представления о расширении границ естественнонаучно-ориентированной медицины. Пополняющиеся исследования мозга, с их проникновением в бессознательные процессы и структуры связей, так же как и представления о зеркальных функциях фотонов и нейронов, содействовали дальнейшему расширению взглядов, которые вели всё-таки ещё к частично ограниченному описанию мозга. Мозг потерял таким образом свою функцию органа-посредника субъекта для возможностей его психических, органических, социальных и культурных переживаний.

Психотерапевтическая призматика развилась в 70-е годы в социальной психиатрии медицинского института в Ганновере. Возможности для её развёртывания были созданы принципом субъективного принятия и предложением в консультировании партнёрской беседы. При этом удалось понять бредовые представления психотических пациентов как недостаточность компетенций вытеснения и форм переработки индивидуального и общественного Бессознательного. Тогда мы получили системные результаты

проходящих через поколения фиксаций с их социальными, культурными и религиозными областями переживания. Как управляющий главный врач клиники Рейнхаузен в Дуйсбурге я мог опробовать в клинике с пациентами и сотрудниками призматически дефокусирующие беседы (консультации) и далее раскрыть многообразие их применения в многочисленных странах и институтах.

Эти, часто ошеломляющие, результаты призматического Я-расширения, с которыми пациенты, конфликтующие партнёры, учителя и ученики смогли высвободиться из каких-либо своих фиксаций, полученное при том осознание психо-социальных блокад и неосознанных фиксаций (у себя), - всё это соответственно позволило всё большую степень принятия и других.

Ознакомление с культурными различиями, равно как и положительные результаты глобализации в наш информационный век, мы поняли как познание потенциально имеющихся возможностей раскрытия человека. Мы в конце концов отважились увидеть перспективу, что гуманитарные достижения и человечность поведения в будущем смогут развёртываться и далее. Разрешение эмоциональных ограничений путём возрастающего Я-расширения может дать человечеству шансы на выживание.

В следующем материале мне хотелось бы представить некоторые примеры применения призматической беседы из своей книги «Я-расширение»:

Беседа при приёме в случае острого психоза

- должна показать, что даже в той ситуации, когда пациент пока ещё явно не способен вести осмысленно-упорядоченную беседу и описать своё теперешнее состояние, терапевт, ориентируясь на чувства и фантазии, в силах снять блокировку беседы при индивидуальном консультировании.

Один 24-летний пациент из общежития (для психически больных) прибыл в возобновившемся остром психотическом состоянии с полным страха аутистическим сопротивлением (враждебностью) при приёме. При первом контакте я лишь с большим трудом могу выдержать неподвижный взгляд пациента. Какая-либо беседа - невозможна. Я пытаюсь настроиться на пациента чувствами и чувствую себя при этом неуверенно, как бы во взвешенном состоянии или в невесомости – без опоры. Я говорю ему: «Мне как-то так, как будто во мне что-то, как бешеное - гоняет туда-сюда. Во мне возникла картинка автомобильных дворников, которые на переднем стекле машины борются с потоком дождя.» Я описываю пациенту свои ощущения и свою фантазию и немедленно вбрасываю эту картинку пациенту в поддержку своего приглашения к беседе:

«Итак, странно, у меня такое чувство, что мы оба сидим в машине. Дождь льёт как из ведра. Дворники носятся, как дикие, по стеклу. Машина стоит всё же надёжно. Мы съехали на обочину. Но сверкающие огни встречного движения продолжают воздействовать и наводят страх. «Здесь расслабляется поза и взгляд пациента, и он поражённо спрашивает: «Откуда Вы знаете, что я дома собираю машинки?» Он начинает сбивчиво рассказывать, что у него в общежитии в своей комнате собрано много маленьких автомобильчиков и фотографий машин. Собственно, страх-то у него за кролика, которого он держит в саду. Он хотел бы даже в зоопарке или в цирке с удовольствием ухаживать за животными, лучше всего за львами... На основании этого мы обсуждаем актуальную проблему насилия. Настроение теперь теплеет и становится полным доверия.

Пациентка, травмированная насилием

Особо быстро включающейся функцией снятия (эмоциональной перегрузки) обладает призматическая беседа с пациентами, травмированными насилием. Пациенты получают через неё доступ ко своим дотравматическим чувствам и областям переживаний, на основании чего они могут дистанцироваться от своих травматических переживаний и стереть (записанные данные памяти) в других областях мозга. Такие беседы часто оставляют ошеломляющее переживание от того, насколько скоро, благодаря готовности к чувственно-резонансной коммуникации, появляется возможность трансформации фиксированных состояний страдания. Далее последует пример о значении свободной фантазии в лечении курдской пациентки, пережившей пытки:

Эта 27-летняя пациентка в течение 6 месяцев находится в Германии. На втором часу моей призматической беседы она поведала о муках своей 10-летней сокамерницы, которые она вместе с ней испытала и не может забыть об этом.

Мы согласовали, что сегодня мы будем говорить о её переживании пыток, ориентированных на фантазии ... Пациентка сидит в своём кресле, в полном напряжении при рассказе. Я описываю ей то, что я после первоначальной перегрузки из-за её рассказа переключил теперь в плоскость фантазии. Действительно, я чувствую себя на основании этого переключения более расслабленным и описываю, что в моих внутренних переживаниях – великолепный холмистый ландшафт. Вверху тянутся вдаль косяком белые лебеди. Голубое небо. Это может быть могло быть серединой лета. Своеобразные деревья на склонах. Высоко на дороге, на холме, гуляют люди...

На этом пациентка с удивительно изменившимся голосом и позой прерывает меня фразой, что это было бы так, как на её родине. Она описывает теперь в деталях, откуда она приехала, - и что её деревня лежит в холмистой местности, - и что она ходила с сестрой за покупками в соседнюю деревню как раз через такой холм, какой я описал.

Я был поражён изменением её голоса и тому детальному описанию, которое она могла теперь рассказать о своём детстве и родителях. После 7 дальнейших призматических встреч её фиксированная травма была снята, и я не смог отвертеться от приглашения на её свадьбу, которая была перед терапией отменена по причине, обусловленной той пережитой травмой.

Встреча балинтовской группы в Кувейте

В одной из призматических балинтовских групп в Кувейте, в год после окончания войны с Ираком, призматически-зеркально прорабатывались травматические состояния страдания членов группы:

В качестве примера может служить облегчение симптомов одного из участников группы сразу в начале встречи в Кувейте. Он рассказал, что как сотрудник социальной службы он курирует многочисленных пациентов, которые страдают от выраженных симптомов депрессии и страха, а также нарушений сна и парализации побуждений (влечений).

Он описал при этом мучения одной почти 50-летней женщины, которой пришлось пережить, когда на её глазах муж и 16-летний племянник были зарублены топором. Кровь, вид и то парализующее отчаяние не выходят полностью из её головы. На этом месте он сбивчиво начинает говорить на арабском языке о своих собственных страданиях. У него уже много месяцев затруднения со сном и сильные боли в желудке. Это, вероятно, из-за потери матери во время войны. Об этом он всё же здесь не собирался говорить. Ему это

пришло в голову потому – он снова начал на английском – потому что он хочет привести себя в форму для выполнения своих задач – «моя работа – это моя жизнь, знаете...» и добавил энергично – «Вы знаете это, доктор».

Группа реагирует смущённо, хотя скоро настраивается на уже тренированные чувственные установки-фантазии. Пробуждаются парализующие, безрадостные и отвратительные ощущения и образы состояний. Отрубленная кровоточащая рука танцует в лабиринте корабельных мачт, «как дервиш с развевающимся шлейфом». «Капли крови танцуют вместе, окрашивая море». Возникают головная боль и тяжесть в желудке. Затем следуют переживания картины горящих полей нефти, «которые освещают, как свадебные свечи». Много народа, танцы и весёлая музыка. Настроение открывается теперь для мирного каравана верблюдов на фоне лучей заходящего солнца. Мечтательное настроение моря и нежной колыбели младенца контрастирует с седыми полями тумана. Огромная мечеть простирается в небо, в несущиеся мимо облака «ist's like a sword, or a bow of a ship». «On the trip in a nowhere land» смеясь дополняет психологиня, которая работает преподавательницей религии.

Сотрудник социальной службы воспринимает отдельные образы настроений и пытается ассоциативно соединить их со своими социо-семейными полями переживаний. В осознании призматического опыта самости этому члену группы удалось понять взаимно передающиеся страдания между той 50-летней клиенткой и своим личным семейным эмоционально перегруженным фоном и ослабить это в контексте совместного социокультурного и религиозного бытия-по-одну-сторону. На последней встрече группы, четыре дня спустя, социальный сотрудник сообщил, что боли в желудке уже несколько дней, как исчезли. «They just flew away.» Для него было важно всё же рассказать, что он со своей клиенткой нашёл совершенно новый базис беседы. Он стал теперь свободнее и смог без напряжения обсуждать с ней семейные и практические вопросы.

Призматика на сцене смерти

Умиравшие и больные раком пациенты в нашем обществе, как и в медицине практически не находят партнёра для беседы. Даже психотерапевтам трудно заниматься травмой «должен умереть». Преодолеть эту травму удаётся с помощью отзеркаливающей беседы, в фасеточных гранях которой пережитая жизнь вспоминается снова и становится возможным «взрослое умирание». При этом между пациентом, его близкими, терапевтами и помогающим персоналом происходит разрешение коммуникаций, которые в эпизоде смерти были заблокированы. Горизонты прожитой до этого жизни могут вновь раскрыться перед пациентом. Подобная призматическая ориентировка беседы способна вывести из конфликтного напряжения, помочь уменьшить проявления посттравматического стрессового расстройства («burn-out-Symptome») у сотрудников и притом способствовать освоению чувственно-ориентированных форм коммуникации. В супервизии персоналу, помогающему при умирании, также как и для близких умирающего или умершего пациента удаётся передать призматическое изменение установок. В апробации призматического способа работы с врачами различных предметных областей я смог передать эти компетенции в призматических тренинговых группах. В последующем материале – такой опыт с элементами ролевой игры:

Призматическая балинтовская группа для врачей работала на разрешение фиксации печали. Один врач из области рассказал на группе о пациентке,

которая после смерти её сына от лейкемии почти два года назад, до сих пор как парализованная. Даже её муж больше никак не может вести с ней нормального разговора. Он тоже только тупо сидит возле неё. Она тем временем уже побывала в психо-соматической клинике и вслед за этим прошла психотерапию. Ничего всё же не помогло.

В ролевой игре врач берёт на себя роль пациентки и его опрашивает одна коллега-интернист. Она удивлённо описывает, что уже в начале разговора возникает в фантазии красный флаг на вершине горы. Для всех шоком стало сообщение врача о белом флаге с воздушным змеем, которого смастерил больной сын этой женщины и которого он уже после выписки домой из стационара каждый раз то с ненавистью, то с взглядом полным надежды запускал на вершине ближайшей горы. Тот флаг положили на крышку его гроба и похоронили вместе с ним. В ежедневной газете напечатали потом этот снимок.

Все поражены этим интуитивно воспринятым флагом в начале интервью. Они глубоко взволнованы и обсуждают, насколько сильно эта печаль связана с погребённым флагом мёртвого сына и расширит ли тот фантазийный флаг данное ассоциативное поле и будет ли возможно таким путём разрешение этой фиксации печали.

Проводящая интервью врач-интернист описывает, что она должна была прекратить беседу после того, как эта нарастающая печаль, как она характеризует – сделала её беспомощной и онемевшей. Врач, которого эта ситуация касалась, описывает те же самые чувства. Он лишь с большими усилиями может сдержать подступающие слёзы. Эта парализующая печаль у него длится месяцами, с тех пор как перед ним сидела эта пациентка. Он рассказывает, что семь лет курировал этого заболевшего лейкемией сына, до его смерти в 11 лет. Он даже находился у его постели при смерти.

В последующей групповой беседе одна участница группы смогла рассказать об образе обрушивающегося в долину дикого водопада, который возник из печали и сопутствующего напряжения тела, при этом описала полный энергии причудливый горный ландшафт. Врач, к которому относился случай, рассказывает теперь уже изменившимся голосом об этом до самой смерти активном и творческом пациенте, который до последнего также утешал свою мать. После дальнейших образов из группы – о бесконечной дали, о согревающем огне камина, об утешающих и сексуальных и юмористических сценах, о настроении осени и милостиво пожертвованных хлебах, врач сообщает, что теперь он со своей пациенткой смог бы говорить свободнее. Он получил для беседы широкое пространство.

В последующие встречи группы тот домашний врач сообщает, что в последующие сеансы у пациентки больше не наблюдалось траурного напряжения и она облегчённо говорила о своём новом рабочем месте. И здесь также метафизическая многогранность привела к разрешению проблемы.

Призматическая балинтовская группа для священников

После того, как в 70е гг. я узнал о растерянной беспомощности священников, а также врачей, медицинских сестёр в обращении с онкологическими больными и умирающими, то смог в конце 80-х гг. в течение года тренировать группу евангелистских духовников чувственно-интуитивным формам беседы. Центральным пунктом стояла беседа с умирающими. Это показало, что священники обладают безграничным сокровищем библейской притчи. Также и они могли учиться находить чувственную связь с клиентом:

Одна участница представила случай пациентки, которым она ещё очень сильно была занята. Она описывала в глубокой взволнованности - как бы беспомощна и раздражена... да – даже разгневана! была она сама. Эта пациентка вызывала в ней большой страх. Она рассказала коротко: «молодая мать в купальной ванне лишила жизни своего 6-месячного ребёнка», её признали больной и она пойдёт в закрытую психиатрическую больницу, так как сильна угроза суицида. «...Больше я не скажу ничего об этой истории. Мне интересно, как будет обращаться с этим группа».

В первых фантазийных образах группы всплывает колодец, «на котором сидят дети, которые грозятся туда упасть.» «Или шахта, в которую что-то провалилось – просто так, в бесконечную тьму...». «...Тут куклы или младенцы, которые в церкви или в зале перед алтарём вывалились из детской коляски...». «.Или пелёнки грудничков, которые так крепко завязаны, что ничего не всовывается больше в ту практически металлическую трубу, в которой они не могут двигаться...». «...Одному младенцу содрали с левой стороны кожу, на которой пишут латинские цифры, чтобы потом использовать её на абажур для лампы».

Теперь просыпаются воспоминания о концентрационных лагерях. Один пережил ещё маленьким мальчиком, как его отца забрали палачи из концентрационного лагеря. Слезы «боли тех времён снова были здесь». Женщина-протагонист затравленно реагирует на этот обвал мыслеобразов группы: «Руки у меня стали горячими и мокрыми. Я едва сдерживаюсь, чтобы не уйти прочь из круга. Во мне высоко поднимается страх. Гнев ушёл прочь. Что на меня находит? Что мне надо преодолеть?».

Здесь начинается следующий круг: «Женщин волокут за волосы по улице к груди дров для костра». «Другие костры горят». Одна женщина стоит в полыхающем пламени, народ орёт, радуется, злорадно плюётся. Но женщина кричит: «Это была не я». Некоторые члены группы впадают в настроение буйного веселья. Что-то жарится и печётся, свинина и баранина распространяют вкусный аромат хрустящей корочки. Настроение группы становится хаотичным и суматошным.

Протагонист не может устраниваться из общего течения и сообщает: «Я чувствую себя так, как если бы я стояла на жарочной решётке и холодное пламя взвивалось по мне вверх». Некоторые участники группы сообщают о затруднениях – жалобы на боли в желудке и головные боли, а также на давление в грудной клетке. Всплывает образы жрецов, которые преследуют женщин. Жрецы-священники с серьёзным праздничным выражением лица за столом, - сидя за столом и оглашая приговор...». Невинная жертва и жертвенная смерть Христа предстают во внезапном сиянии. Один из священников испуганно убегает вон. Он сообщает впоследствии, что в этом фантазме снял Иисуса с креста и изрубил на куски., но что это была не его фантазия. Что-либо подобное от него самого никогда не могло пойти.

Протагонист сообщает впоследствии: «со мной тем временем происходило странное. Чем хуже чувствовали себя члены группы, тем меньше становилось, ослабевало моё напряжение. У меня ощущение, что я почти скольжу в кожу детоубийцы и чувствую бесконечность пространства. Было ли это то, чего я хотела? Крик женщины «это была не я» , позволил мне наконец ощутить близость с нею. Я уверена, что теперь я могу при ней быть и говорить с нею.

Это была заряженная напряжением и очень трудная работа группы. Мне она напомнила похожие переживания психиатрической супервизорской

группы, когда там был представлен психотический пациент. Всё-таки, таким образом чары были разрушены. В группе на этом проработалось то, в насколько высокой степени после того, как преодолены границы наших рациональных, религиозных и культурных областей защиты, мы в состоянии чувственно-резонансно позволить оживить в себе мир своих пациентов - так, что он воспринимается в себе, как своё собственное переживание.

То, что в группе священников это переживание ищется прежде всего в форме переносных образах религиозных представлений и по-своему выраженных идей, стало понятно только после нескольких подобных групповых процессов.

В заключительной беседе годового супервизионно-тренингового мероприятия было единодушно отмечено, что беседы с умирающими получили несущую опору благодаря призматической смысло-интуитивной ориентировке. Я сам пережил эту группу как обогащающую. Я приобрёл понимание роли священнослужителя и понял, что на основе проповеднической функции, преодолевающей ограничения связей, и благодаря богатству притч библейских текстов, в этой профессиональной группе быстрее прививается способность к чувственному резонансу и способность к метафорически повествовательной фантазии.

Балинтовская группа в хосписе г. Линдау у Бодензее

Из моей книги: «Интуиция при сопровождении к смерти в хосписе и семье».

У меня была однажды возможность познакомиться с одним очень активно интересующимся жителем Линдау, которым были предложены беседы для людей, умирающих в одиночестве в больницах Линдау.

Я уже переживал подобную заинтересованность, но также и перегрузку добровольцев, и предложил призматически разгружающие групповые беседы для дилетантов - помощников в больницах. Для этого приглашены были также сотрудники по уходу за престарелыми, а также врачи и священники клиник. Группы проводились в одном стационарном хосписе.

Я изучил годами длящиеся круговые пути для специального, бюрократического и общественного принятия трудности и необходимости оснащения хосписов. В то время, как в англо-саксонских странах в последние два десятка лет развернулось широкое движение хосписов, в Германии их можно было внедрять только с торможением. У нас носители данного движения, в большинстве своём, церковно ориентированные, породили в светски-ориентированных врачах и людях, которых это касалось, оборонительную неприязнь и скепсис. Кроме того, быстрому и непрерывному развитию (движения хосписов) препятствовала обусловленная финансированием возня компетентных структур между различными организациями, хотя этим пострадавшим (от эмоциональной перегрузки) – как врачам, так и их помощникам были доверены беды и заброшенность умирающих. Этими добровольными помощниками в Линдау вначале были, в большинстве своём, женщины. Они были выходцами из различных слоёв общества. Они начали в рамках благотворительной сферы с молитвы и развернули под неустрашимым и настойчивым руководством госпожи Дорниир по-светски открытый, человеческий, религиозного характера широкий ангажемент, что поразило меня и вызвало высочайшее почтение. Я встречаюсь с этой группой для супервизии, между прочим, в течение 22 лет и описываю далее одну групповую встречу из времени начала:

Одна участница описывает свои беседы со старой женщиной, больной раком в финальной стадии. Её горький комментарий: «...её привезли в больницу только для того, чтобы ей там околоть». Эта докладчица характеризует затем своё чувство вины. Она не знает, как должна теперь снова наладить контакт. До этого у неё были хорошие отношения с этой женщиной. Она регулярно её посещала и вместе с ней пила кофе. Теперь, после ухудшения состояния и страданий её пациентку ещё бессмысленно подвергли медицинской интенсивной терапии. Агрессия против больницы звучит только подспудно. Беспомощность и чувства вины налицо - стоят на переднем плане её переживаний. Участники группы реагируют на это сообщение многочисленными телесными ложными ощущениями:

«Мне как будто тяжёлый камень лёг на желудок...», «это так как будто живот набухает и набухает, распирает его...», «...колющие, разъедающие головные боли...», «я не могу дышать нормально...», «грудь, как будто зашнурована...». Эти первые образы, представлений закрепощающей фазы-настроения характеризует образ одной участницы, которая переживает как бы неподвижность взаперти в комнате: «Полутьма...ни окна...ни дверей, не видно никаких контуров, нет никакой надежды...Я себя тут не могу чувствовать. Я не в состоянии двигаться». Я сам был удивлён изобилию образов ощущений в теле в начале этой встречи. Докладчица случая описала потом в подробностях безнадежную ситуацию той раковой пациентки, которая апатично и неподвижно лежала в своей кровати, крепко привязанная своими шлангами, не в состоянии подняться. Она была тоже изумлена телесными жалобами отдельных участников, так как они точно соответствовали болям этой пациентки.

После этого начинается руководство второй фазой настроения группы через её участницу, которая всё ещё жалуется на нехватку воздуха и стеснение в грудной клетке. На переднем плане у этой помощницы (из непрофессионалов) чувство депрессивного отчаяния, которое она передаёт остальным участникам группы и которое находит выражение в виде греческого ландшафта, в котором заброшенный, глубоко печальный одиночка не в силах найти какой-либо связи с миром.

В группе освобождаются теперь агрессивно окрашенные образы: пылающие, горящие ландшафты, взрывы, сверкающие ножи. У некоторых возникает мучительное чувство утомления. Другие пытаются советами и объяснениями найти поддержку группе. Докладчице вспоминаются досадные, вызывающие беспомощность ситуации с этой пациенткой. По этому опыту она начинает понимать, как необходимо регулярно выговариваться. Здесь, после длинной паузы, вступило ведущее и частично торжественное настроение. Псевдоощущения в теле совершенно затухли.

Одна участница в следующем образе уже может воспринимать благоухание окружающей природы. Она чувствует себя полностью освобождённой, расслабленной и снова включённой в группу. Одна участница описывает, что молится и это даёт ей покой и силу, лучше выдержать подобные ситуации. Образы настроений и ощущений кружатся впоследствии вокруг расслабленного, парящего и лёгкого чувства; белые облака, которые кружатся над возвышенной рельефной местностью, река, широкий поток которой тихо туда направляется, - зеркально отражающее многообразие.

В заключительной беседе о переживаниях, настроениях и чувствах в группе было понято, какое разнообразие чувств содержалось в связи –

отношениях между участницей семинара и её больной раком пациенткой, и что только с разрешением-допуском отдельных граней (призматической) фасетки получила своё пространство эта мучительная смесь страха, печали, чувства вины, и агрессии, а также ведущего чувства во всех его аспектах - «смочь-позволить-умереть», которое смогло быть связано с религиозными представлениями. Следующую встречу группы открыла одна участница со своим замечанием-выводом, что важнейшей помощью, которую она вынесла из этого группового метода работы, стало представление и переживание, что те проснувшиеся ощущения и фантазийные озарения во время группового процесса, были не её собственными, а пришедшим от пациентки отражением, которому ею была лишь придана форма. Она смогла таким способом открыть соответствующий мир переживаний пациентки, без причинения вреда от этого своему собственному религиозному представлению мира.

Психосоматическая переработка конфликтов

- это дальнейшая область применения призматике. Нередко изумляет, насколько быстро, буквально уже за несколько минут снимаются боли и состояния перенапряжения. Области болевых ощущений описываются пациентом в виде образов, без поиска причин. Соответственно в качестве причины боли живописно обрисовывается им в словах давящий или колющий продукт фантазии, чтобы его куда-либо «утилизировать». Психические проблемы, содержащиеся в областях телесного напряжения и болевых зонах, но сами по себе словесно-невыразимые, становятся содержимым давящих или вызывающих боли предметов и вместе с ними утилизируются. После того открываются заблокированные до того времени области переживаний. Такие поражающие результаты призматически-дефокусирующей работы родственны шаманистическим и иным «чудом исцеляющим» результатам, однако без того, чтобы связывать их с духовными-спиритуальными представлениями.

Жалобы на боли в желудке

При той картине болезни в тех рамках я также не мог уже прибегнуть к прежним приёмам - ни к истории заболевания пациента, ни к принципиальным положениям психосоматической теории заболеваний желудка. Пациент сообщает о жалобах на значительные боли в желудке, которые восстановились после того, как его мать снова усиленно стала вмешиваться в его жизнь. Он сообщает в подробностях о частных телефонных звонках матери, от которых он не в силах себя защитить, так как его мать страдает от своей изолированности.

По моей просьбе пациент детально описывает качественные характеристики и место переноса своих затруднений. На его желудке лежит холодный, мерзкий серо-зелёный камень с шероховатой ослизлой поверхностью, который как бы давит из-под рёберной дуги наружу. На основании этого пациент сообщает, что после того, как противный камень был отправлен лежать где-то на лугу, его неприятные ощущения в желудке стали уже меньше.

Как только и во мне устанавливается ощущение неприятного сдавливания желудка, я интуитивно получаю образ – вид на церковь. Я формирую в себе этот вид – это маленькая церковь, посещаемая паломниками... и описываю пациенту детально своё настроение (в образах), тот ландшафт, маленькая возвышенность и широкий луг, по которому поднимается вверх у церкви шествие - вереница одетых в чёрное монахинь и священник в белой одежде. Солнечно. Осень.

Пациент: ...его действительно поразило, как это я пришёл к такой своей фантазии. Он ведь почти 10 лет страдает от выраженных болевых ощущений в желудке. Но тогда его мать вообще никакого участия в этом не принимала. Он хотел бы обсудить эту зависимость в другой раз. Ему сейчас важно то, что он ведь через орден сестёр-монахинь пришёл в маленькую церковь паломников, совершая совместное паломничество. Эта церковь, поблизости от Кобленца, была такой, как я и описывал. В заключение на мои расспросы он рассказывает, что как раз там были потеряны все его проблемы с желудком. В последнее время он полностью пренебрегал своей верой. Может быть ему следует снова посетить эту церковь паломников, которая здесь – в земле Рейнланд, поддерживается в порядке тем же орденом монахинь...

В последующие часы обсуждались его религиозные сомнения и сомнения в самооценности и насыщались речевыми образами. Жалобы на затруднения с желудком не всплывали, ни в течение 4 следующих часовых сеансов, ни по их завершении.

Хронифицированный страх метастаз

Один учитель, ушедший раньше на пенсию, с прооперированным в тонкой кишке 8 лет нейроэндокринным карциноидом, всё ещё страдает в течение многих лет от «ужасающего страха смерти», который как колющая и обжигающая боль распространяется прежде всего в плечи и область сердца.

Она вступает всякий раз, когда он идёт на регулярное контрольное обследование, при котором, кроме прочего, измеряется размер метастаз, некоторые из которых за все эти годы увеличились с 30 мм до 42 мм. Этот пациент приходил ко мне, чтобы «заколдовать» себя от этих болей.

С этим пациентом каждый раз удавалось призматически, за час сеанса, устранить эти боли и в заключение обсудить его жизненные установки на подавление агрессии.

Так пришёл он снова, - в ноябре 2006 года, с соответствующей жалобой на „мучительные « недуги в теле, после того, как в ответ на приглашение лечащего врача отказался прийти на ежеквартальное контрольное обследование и вообще потом больше не захотел на них ходить.

Он описывает мне детально, как колющие боли будто бы охватили его левую верхнюю часть тела и лишили сна. После того мы смогли обговорить функцию его болезненных ощущений, существующую для смягчения его мучительных обязанностей и ослабления возобновляющегося страха смерти. На мой уже доверительно призматический вопрос о том таинственном приборе, который тут, в теле вызывал эти боли, он описал детально старую заржавевшую электрическую отопительную батарею, жар и электрическое излучение которой были непрерывны. Ему хотелось завернуть её в серебряную фольгу и убрать подальше.

На мой вопрос, куда он её хочет отправить для утилизации, он ответил – к моему изумлению, - в чистилище. Этот ответ поразил меня, так как до того, три месяца назад, он хотел свои боли в форме горящего терновника хранить в алтаре.

Решающим при этом было то, что вместе с этим детальным описанием он расстался и со своими болезненными ощущениями.

Мы смогли теперь обговорить и углубиться в вытесненное чувство вины, которое он со своего детства носит в себе. Он вспомнил при этом и своё строгое воспитание, и устрашающие предостережения деревенского священника.

Призматический способ работы

В заключение я хотел бы обобщить подход к работе в призматике:

Призматическая компетентность в беседе состоит в том, чтобы настраивать себя телесно-чувственно для того, чтобы могли бы остаться позади эмоциональные чувства переноса.

Если мы описываем, в какое настроение мы попали и какие телесные ощущения в себе воспринимаем, и если соответственно включаем свою фантазию – конфликты и страдания тогда отступают и «подают в отставку».

При этом важно эти фантазии описывать многочисленными прилагательными, оформлять зримо и не искать каких-либо связей и истолкований.

Тем самым удаётся собственные чувства, которые при этом возникают, понимать как инструмент реакции и вводить их в действие, - партнёру в беседе или группе отражать их назад – зеркально, в фантазийной форме.

Решающим при этом является детальное речевое оформление фантазии. Не общее название-заголовок фантазии, а именно большое количество детальных описаний по типу прилагательных обладает проблеморазрешающей функцией.

Начальные трудности состоят в том, чтобы себя настроить целостно и мастерски-играючи обмениваться метаформами. Часто переживается шокирующе, как через эти, поначалу непривычные чувственные установки, и через детализирующие уточнения-вопросы – «как?» дефокусированно разрешаются и снимаются эмоциональные напряжения, конфликты и фиксированные связи.

Эти установки позволяют описывать собственные представления и переживания и их передавать, каждый раз расширяя пространство восприятия и возможностей. Это позволяет избежать толкований переноса и обременяющих чувств контрпереноса.

«...Приведут ли описанные здесь примеры и размышления к какому-то расширению я-компетенции?»

Выиграем ли мы тем самым пополнение взглядов в психосоциальной, медицинской, социальной и педагогической областях работы?

Приобретём ли мы этим понимание и принятие каких бы то ни было иных представлений и образов жизни?

Станет ли тем самым наше существование более гуманным?..»

Дальнейшие размышления и примеры из других областей применения Вы найдёте в моей книге: «Ich-Erweiterung», («Я-расширение») которая перед публикацией доступна на моём сайте.

УДК 159.97+376

D.I. Ithamova

National University of Uzbekistan, Tashkent

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF CHILDREN WITH CHRONIC SOMATIC DISEASES

This article discusses problems of working out of the program of psychological correction and rehabilitation of children with chronic somatic diseases. Approaches and methods of complex correctional influences for children and teenagers with chronic somatic diseases, directed on optimization of their personal growth are stated.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМИ СОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В статье рассматриваются проблемы разработки программы психологической коррекции и реабилитации детей, с хроническими соматическими заболеваниями. Излагаются подходы и методы комплексных коррекционных воздействий для детей и подростков с хроническими соматическими заболеваниями, направленные на оптимизацию их личностного роста.

Разработка программ по улучшению социально-психологической адаптации детей и подростков с хроническими соматическими заболеваниями является в настоящее время актуальной задачей, имеющей важное социально-экономическое и медико-социальное значение в решении общей проблемы реабилитации. Значимость её определяется тем, что наличие соматической патологии, ранняя инвалидизация ребенка неизбежно создают тяжелый психологический фон, накладывает неизгладимый отпечаток на его душевную жизнь, является благоприятной почвой для возникновения нервно-психических расстройств.

Серьезным источником возникновения отклонений в поведении детей в разные возрастные периоды являются заболевания, особенно хронические, которые стойко изменяют общую реактивность детского организма и создают условия для появления нарушения поведения. Если своевременно не будут приняты меры, то могут возникнуть неблагоприятные для развития отклонения у больных, переболевших и часто болеющих детей. Как показывают исследования последних лет, дети с ограниченными возможностями, в том числе с хроническими соматическими заболеваниями (патология желудочно-кишечного тракта, хронический вирусный гепатит, бронхиальная астма, врожденные пороки сердца и т.д.) имеют отклонения в психическом здоровье. У них отмечаются пограничные нервно-психические расстройства различной степени выраженности. Их психическая адаптация имеет неудовлетворительный характер ввиду высокой представленности таких составляющих дезадаптации, как высокая утомляемость, сниженный уровень интеллектуальной деятельности, дисгармоничность эмоционально-волевой сферы, гиперактивность и синдром дефицита внимания.

Залогом эффективности программ социально-психологической адаптации детей и подростков с ограниченными возможностями служит конкретная адресация психокоррекционных воздействий, основанная на данных медицинских и психофизиологических параметров, характера основного заболевания, наличии отклонений в состоянии нервно-психического здоровья, особенностях психологического развития, преморбидных психологических особенностей, установленного в результате углубленного психодиагностического исследования.

Коррекция психологических нарушений у детей и подростков с ограниченными возможностями должна носить комплексный характер, ориентированный на структуру отклонений в психической деятельности. Первостепенное значение для успешной адаптации таких детей имеет развитие познавательной потребности. Именно благодаря высокоразвитой потребности в познании у детей развиваются способности. Наиболее эффективными направлениями психотерапевтической работы с детьми в дошкольном возрасте являются те её виды, которые предполагают активную, внешне проигрываемую деятельность самого ребенка. Игра, рисование, лепка и другие формы деятельности ребенка в этом возрасте – это способ самопознания и саморазвития. Развитие и совершенствование навыков полноценного общения,

необходимых для успешной социальной адаптации подростка наиболее продуктивно осуществляются с помощью специальных психологических игр в группе.

Современная психология и педиатрия накопили немалый опыт применения различных видов игр с целью психотерапии при хронических соматических заболеваниях. Имеются также данные о возможности использования игр как психопрофилактического фактора, ослабляющего стрессорные реакции организма больного ребенка, которые возникают при болезненных, крайне неприятных и тягостных диагностических и лечебных процедурах и манипуляциях. Высказываются мнения о целесообразности включения различных видов игр в комплексную психотерапию больных детей не только в условиях больниц, но и общеобразовательных и специальных учебных заведениях. Игровая психотерапия ослабляет отрицательные эмоции больных детей, обусловленные отрывом их от семьи, изоляцией в пределах отделения, а порой и палаты, вынужденной гиподинамией, смягчает стрессогенные влияния болезненных и других крайне неприятных диагностических и лечебных процедур, предупреждает раннее проявление госпитализма, способствует установлению доброжелательных и доверительных отношений больного ребенка с медицинскими работниками и психологами, облегчает знакомство с другими детьми.

В основе психотерапевтической работы с подростками лежит длительное, сначала в условиях индивидуальной, а затем групповой психотерапии. В индивидуальных психотерапевтических беседах выясняются система ценностей подростка, его самооценка, уровень притязаний. В дальнейшем проводится работа по выработке адекватной самооценки, формированию притязаний в социально значимых видах деятельности, изменению ценностных ориентаций.

Реализация изложенных подходов и методов комплексных коррекционных воздействий для детей и подростков с хроническими соматическими заболеваниями, направленных на оптимизацию их личностного роста, способствует совершенствованию социально-психологической адаптации этого контингента детского населения и призвана внести существенный вклад в дело сохранения и укрепления психического здоровья детей.

Библиографический список

1. Антропов, Ю.А. Психосоматические расстройства у детей и подростков / Ю.А. Антропов. – М.: Наука, 2000. – 314 с.
2. Николаева, В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. – М.: Наука, 1988. – 166 с.

УДК 159.97

I.A. Kazakova

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

PSYCHOLOGY OF SUICIDE AND THE DEVIATION PRECONDITION AT TEENAGE AGE

Modern society shows higher requirements to young generation. It is necessary to consider a suicide as the extremely dangerous and tragic displays of deviation. Suicide is the third principal cause of teenage and youthful death after accidents and murders.

ПСИХОЛОГИЯ СУИЦИДА И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕВИАЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Современное общество предъявляет к молодому поколению иные, более высокие требования. Крайне опасными и трагическими проявлениями девиации следует считать суициды (самоубийства). Самоубийство – третья основная причина подростковой и юношеской смертности после несчастных случаев и убийств.

Современная социальная жизнь предъявляет к психике молодого поколения иные, более высокие требования. Крайне опасными и трагическими проявлениями девиации следует считать суициды (самоубийства). Самоубийство – третья основная причина подростковой и юношеской смертности после несчастных случаев и убийств.

Современная социальная жизнь предъявляет к психике молодого поколения иные, более высокие требования. А если к этому прибавить крушение идеалов, распад многих молодежных организаций и почти ничего не созданного взамен, становится понятно, почему отклоняющееся, девиантное поведение в подростковом возрасте стало актуальной проблемой нашего общества.

Отклоняющееся поведение имеет сложную природу, обусловленную разнообразными взаимодействующими факторами: биологическими, психологическими, социально-психологическими. Отклоняющееся поведение может быть охарактеризовано как взаимодействие молодого человека с микросоциумом, нарушающее его развитие и социализацию вследствие отсутствия адекватного учета средой особенностей его индивидуальности и проявляющееся в поведенческом противодействии установленным нравственным и правовым общественным нормам. Очевидно, что отклоняющееся поведение является одним из проявлений социальной дезадаптации, т.е. не адекватное прохождение ступеней социализации.

В результате неэффективных или несвоевременных профилактических действий либо их отсутствия дезадаптивное поведение закрепляется в различного рода социальных отклонениях – девиациях.

Крайне опасными и трагическими проявлениями девиации следует считать суициды (самоубийства). Самоубийство – третья основная причина подростковой и юношеской смертности после несчастных случаев и убийств. Какими бы тревожащими эти данные ни были, они, вероятно, занижены. О самоубийствах не всегда сообщают по причинам религиозных запретов и исходя из пожеланий семьи. От 6 % до 13 % подростков указали при опросах, что они хотя бы раз в жизни пытались покончить с собой, пишет в своей книге «Психология развития» Г.Крайг [6].

Учитывая специфику работы с дезадаптивными молодыми людьми, важно определить характер и причины отклоняющегося поведения. Индивидуально-психологическое обследование предполагает выявление как слабых, так и сильных сторон личности, которые, с одной стороны, требуют психолого-педагогической коррекции, а с другой, – составляют здоровый психологический потенциал молодого человека, на который нужно опираться в процессе воспитания, перевоспитания и самовоспитания.

Проблемой отклоняющегося, девиантного поведения занимались многие ученые, специалисты из области педагогики, психологии и социологии: А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, внесшие огромный вклад в теорию и практику воспитания «трудных» детей; А.М. Прихожан,

Т.И. Юферева, исследовавшие экспериментально аффекты неадекватного поведения у старших школьников; В.Т. Кондрашенко, исследующий девиантное поведение в подростковом возрасте; Л.С. Савина, Е.Т. Соколова, изучающие проблемы недисциплинированности и психологических феноменов у детей с отклоняющим поведением; В.С. Битенский, А.А. Вдовиченко, В.Ю. Завьялов, Н.Ю. Максимова, изучающие проблему аддиктивного поведения несовершеннолетних. Ю.Р. Вагин, Е.М. Вроно, исследующие проблему суицидального поведения у подростков. Не обошли стороной эту тему и классики отечественной психологии Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев.

Проблема исследования суицидального поведения и его профилактики заключается в том, что изучение взаимоотношений нормы и патологии при суицидальном поведении выявило, что на долю психических больных людей (в том числе и подростков) приходится не более 1/3 суицидов, а остальные совершаются людьми практически здоровыми или с пограничными нервно-психическими расстройствами, т. е. есть людьми, не нуждающимися в обязательном лечении у психиатра, причем, последний даже не имеет права без согласия суицидента обсудить с ним его проблемы.

Именно поэтому особая роль в профилактике суицидального поведения отводится изучению и пониманию индивидуальных психологических механизмов поведения подростка. Только в том случае, если мы сможем понять скрытые эмоциональные и мыслительные процессы, мотивы, лежащие за внешними поведенческими актами, мы сможем реально повлиять на отклоняющееся поведение подростка.

Зигмунд Фрейд считал, что человеком руководят две силы: эрос (воля к жизни) и танатос (воля к смерти) [9]. К проблеме самоубийства люди никогда не были равнодушны, в наши же дни о ней говорят особенно часто [6].

Причин, которые толкают людей на этот фатальный шаг, множество: несчастная любовь, карьерные неудачи, страх перед болезнями, старостью и т.д., но это – лишь пусковые факторы. Причины гораздо глубже. Они – в подсознательной готовности к самоуничтожению. Ученые предполагают, что у каждого из нас есть ген самоубийства, который может включиться под влиянием обстоятельств [3].

Развитие человека «застревает» на каком-то архетипе, крутится, как испорченная пластинка. Развитие бессознательных структур останавливается, личность инфантилизируется. Не следует путать это с задержкой умственного развития, люди с инфантилизмом бессознательного часто имеют очень высокий уровень интеллекта. Поскольку в конкретной жизни действие этого архетипа уже отыграно – пластинку хочется снять. Включается ген саморазрушения [3].

А «заедает пластинку» чаще всего на пике молодости – в 15-24 года, и на пике инволюции – старше 50 лет. Но есть и промежуточные возрасты риска: 6-11 лет, 14-15 лет, 18-25 и 30-35 лет. Именно в эти переходные периоды человек подобен гусенице, превращающейся в куколку, а затем в бабочку – он чрезвычайно раним и с трудом представляет свою жизнь в новом качестве, он как бы переживает маленькую смерть.

Почему в 6-11 лет? Потому что именно в этом возрасте в психической эволюции человека происходит первый (после рождения) качественный скачок: от материнских архетипов он переходит к «установке» других – отцовских, тех, что необходимы для выживания в патриархальном обществе. Маленький человек должен совершить переход – словно бы с одной плывущей льдины шагнуть на другую. Обычно он совершает его бессознательно, незаметно для себя. Но это в том случае, если обе «льдины» – у него на глазах. Потому среди пусковых факторов, толкающих ребенка на самоубийство, на одном из первых мест стоит развод родителей. Ребенку с задержкой развития бессознательного, не доросшему до понятия борьбы за себя, которая кодируется архетипами

патриархата, известны только два выхода – родиться обратно (то есть умереть) и заболеть (откуда и берутся психосоматические заболевания) [3].

По данным хронобиологии, возраст 14-15 лет соответствует «часу быка» в суточном ритме – т. е. времени, когда власть тьмы подсознания особенно сильна. Именно в этом возрасте должен «подключиться» архетип самоидентификации, сыновний архетип, который помогает человеку оторваться от «пуповины», связывающей его с родителями. Психиатры считают, что отсутствие уверенности и самоидентификации и является одной из важнейших причин самоубийства в этом возрасте. Причём беспокойство должны вызывать те ребята, особенно мальчики, у которых переходный период проходит слишком гладко, и дети из семей, где нарушен нормальный контакт с родителями. Ребята с задержкой бессознательного, лишённые руководящей информации, не знают как «выпрыгнуть» из детства, а все, что может предложить их обедненное подсознание, – это опыт их биологического рождения, тесно переплетающийся в их психике с образом смерти. Подростки пытаются «спасти» себя через смерть-возрождение. Спусковым крючком для суицида может стать даже пример молодежного кумира, героев книг, кинофильмов. «Фаны» стремятся «срисовать» образ героя, который им поможет преодолеть узловые моменты индивидуальной эволюции [3].

Переходный подростковый период, как лакмусовая бумага, проявляет все пороки общества. Подростковый возраст — один из самых трудных и сложных возрастов. Его можно называть переходным возрастом, потому что в этот период происходит переход от детства к взрослости, от незрелости к зрелости, который пронизывает все стороны юношеского развития: анатомо-физиологическое строение, интеллектуальное, нравственное развитие, а также разнообразные виды его деятельности.

В подростковом возрасте серьезно изменяются условия жизни и деятельности человека, что, в свою очередь, приводит к перестройке психики, появлению новых форм взаимодействия между сверстниками. В подростковом возрасте меняется общественный статус, позиция, положение в коллективе, ему начинают предъявляться более серьезные требования со стороны общества.

В подростковом возрасте возникает потребность в познании самого себя. Ответ на вопрос «Кто я?» «Зачем Я?» часто мучает подростка. Он проявляет интерес к самому себе, у него формируются собственные взгляды и суждения; появляются собственные оценки на те или иные события и факты; он пытается оценить свои возможности и поступки, сопоставляя себя со сверстниками и их действиями.

Часто подросток стоит перед выбором между официальным коллективом и неформальной группой общения. Предпочтение отдается той среде и группе, в которой он чувствует себя комфортно, где относятся к нему с уважением. Это может быть и спортивная секция, клуб, но может быть и специально выделенное место, где происходит неформальное общение, где они курят, выпивают, принимают наркотик и т.д.

Часто в подростковом возрасте возникают проблемы со взрослыми, в частности, с родителями. Родители продолжают смотреть на своего ребенка как на маленького, а он уже взрослый и пытается вырваться из этой опеки. Изменяется характер отношений со старшими: из позиции подчинения подростки стараются перейти в позицию равенства. Одновременно изменяется и характер взаимоотношений со сверстниками, присутствует сильная потребность в общении с целью самоутверждения, что в неблагоприятных условиях может привести к различным формам отклоняющегося поведения; повышенный интерес к вопросам интимной жизни человека, что может приводить к асоциальным нарушениям ранней сексуальной жизни молодого человека [1, с.109]

Взрослость в подростковом возрасте проявляется через стремление к независимости и самостоятельности, протест против желания взрослых «поучить» его. Подросток нередко выбирает для себя кумира (герой фильма, топ-модель, певица, герой передачи, выдающийся спортсмен и др.), которому он (она) пытается подражать: его внешнему облику, манере поведения. Внешность для них имеет очень большое значение. Необычная прическа, серьга, а то две и три в ушах. Рваные джинсы, яркая косметика и другие атрибуты дают возможность отделиться от других, утвердиться в группе сверстников [4, с.44].

Все это происходит на фоне развития эмоционально-волевой сферы. В подростковом возрасте развивается эмоционально выраженное стремление познания окружающей действительности, стремление к общению со сверстниками, потребность в дружбе и любви на основе общих интересов и увлечений. Формируются умения самообладания, самоуправления своими мыслями и поступками, развиваются настойчивость, упорство, выдержка, терпение, выносливость и другие волевые качества [4, с.46].

Попытка самоубийства – это крик о помощи, желание привлечь внимание к своей беде, отчаянию, а иногда попытка оказать давление на окружающих – это еще недостаточно зрелый и недостаточно социально возмужалый человек, это личность, находящаяся на особой стадии формирования ее важнейших черт и качеств. Стадия эта пограничная между детством и взрослостью. Личность еще недостаточно развита, чтобы считаться взрослой, и в то же время настолько развита, что в состоянии сознательно вступить в отношения с окружающими и следовать в своих поступках и действиях требованиям общественных норм и правил [4, с.52].

В подростковом возрасте человек способен принимать продуманные решения, совершать разумные поступки и нести за них нравственную и правовую ответственность. Следует особо выделить, что юноша (девушка) – лицо, вступившее в период правовой ответственности за свои действия и поступки. И хотя закон, учитывая особенности социально-психологического развития несовершеннолетних, устанавливает для него ограниченную ответственность, можно считать старший подростковый возраст как характеризующийся личностной ответственностью [7, с.50].

Очевидно, что отклоняющееся поведение является одним из проявлений социальной дезадаптации. К социально дезадаптированным относятся, не посещающие школу (в нашей стране их около 7% , т. е. примерно 1,5 миллиона); сироты, общее число которых превысило 500 000; несовершеннолетние, совершившие противоправные действия; по официальным данным, их число растет в два раза быстрее, чем среди взрослых [7, с.21].

Типичными проявлениями девиантного поведения являются ситуационно обусловленные поведенческие реакции подросткового возраста, такие как: демонстрация, агрессия, вызов, самовольное и систематическое отклонение от учебы; уходы из дома, бродяжничество, пьянство и алкоголизм; наркотизация и связанные с ней асоциальные действия; антиобщественные действия сексуального характера; попытки суицида.

Резюмируя вышеописанное можно сказать, что сам подростковый возраст способствует отклоняющему поведению, и если оно становится повторяющимся, подросток в нем застревает, то это говорит о его дезадаптации, требующей социально-психологической коррекции. Самое опасное отклоняющееся поведение – суицидальное.

Термин «суицидальное поведение» объединяет все проявления суицидальной активности – мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки самоубийства [8, с.43]. Этот термин особенно актуален для юношеского возраста, поскольку у них наблюдается множество форм суицидального

поведения. Самоубийство (суицид) редко встречается у детей младше 13 лет. Это объясняется тем, что дети этого возраста еще очень зависимы от близких взрослых и у них только начинается процесс внутренней идентификации, поэтому мысль, что можно совершить враждебные агрессивные действия по отношению к себе самому, не приходит им в голову. С возрастом число самоубийств увеличивается.

Соотношение суицидных попыток и смертельных случаев самоубийства составляют 12:1 у детей и 5:1 у взрослых. Пропорция суицидных попыток и суицидов меняется год от года и связана с большим или меньшим напряжением в обществе или значительными социальными событиями. Так, в Чехословакии в период с 1961 по 1969 гг. число суицидов, совершенных в возрасте 15-18 лет, на 100 тысяч населения колебалось от 13 до 36 для юношей и от 6 до 15 для девушек. Число попыток самоубийства было от 80 до 158 для мальчиков и от 192 до 386 для девочек. Рост числа проявлений суицидального поведения в Чехословакии к концу 60-х гг. был обусловлен социальным напряжением общества, в котором попытки социальных перемен окончились разгромом [8, с.43]. В развитых странах подростковый суицид стал острой проблемой, начиная с 60-х гг. XX в. Так, в США до 1958 г. на долю подростков приходилось только 8% суицидных попыток, а после 1960 г. – более 20%. При этом среди мальчиков в возрасте 15-18 лет на 100 тысяч человек населения приходится 22 самоубийства, а среди девочек – 3,8. В 90-х гг. самоубийства занимали второе место среди причин гибели подростков в США, подобная статистика существует и среди большинства европейских стран, где подростковый суицид стоит на 3-м месте [8].

Подростковое суицидальное поведение относится к области «пограничной психиатрии» – области психопатий и не психопатических реакций на фоне акцентуаций характера, свойственных данному возрасту [8]. Только 5% суицидов, включая попытки, падает на психозы, тогда как на психопатии по европейской статистике приходится 20-30%, а остальное – на «подростковые кризисы», а по отечественным данным, число попыток самоубийства среди юношей и девушек одинаково в случае психопатий и акцентуаций характера [8, с.147].

Суицидные действия у подростков часто носят демонстративный характер, который обретает черты «суицидного шантажа». По данным А.А. Александрова (1973), кроме истинного суицида и демонстративных попыток можно выделить особый юношеский тип суицидального поведения – «недифференцированный», где трудно определить истинность намерения. Такие «неясные» попытки окрашены острым аффектом при потере или угнетении сознательного контроля, расстройством рассудочной деятельности. Отнести попытку к истинным или демонстративным действиям бывает невозможно. Объективно малоопасный способ самоубийства мог быть субъективно чрезвычайно эффективен [2, с.40].

Французский психиатр Л. Мишо описал пять типов суицидных попыток: импульсивные, гиперэмотивные, депрессивные, паранойяльные и шизофренические, и три типа «суицидального шантажа»: истинный, аффективный и импульсивный. Однако данная классификация не имеет четких критериев разграничения форм суицидального поведения [5, с.48].

А.Е. Личко (2009) предлагает выделять три формы суицидального поведения: демонстративное, аффективное и истинное. Исследования 300 подростков-юношей, проведенные А.Е. Личко, показали, что суицидальное поведение наблюдалось у 34%, из них демонстративное поведение – у 20%, аффективные попытки – у 11% и только 3% совершали обдуманные и спланированные покушения. В большинстве случаев суицидальное поведение в юношеском возрасте – это «крик о помощи», адресованный близким людям, надежда быть услышанным и понятым. 80% суицидных попыток совершается в дневное или вечернее время дома [8, с.214].

Попытка самоубийства – это крик о помощи, желание привлечь внимание к своей беде, отчаянию, а иногда попытка оказать давление на окружающих. Попытка самоубийства не всегда обусловлена желанием умереть, а скорее намерением обратить на себя внимание, просьбой о помощи, сострадании. Некоторые особенности характера также обуславливают склонность к самоубийству. Эти подростки особенно чувствительные, тонкие, с чувством ответственности за свои поступки, ранимые, берущие вину за происходящее на себя, зависимые от мнения окружающих, отличающиеся низкой самооценкой, неуверенные в себе, в своих возможностях. Жизненные проблемы у подростков такого типа вызывают обостренное чувство вины и отчаяния, мысли о собственной никчемности и бесполезности [5, с.41].

А.Е. Личко приводит следующую статистику подросткового суицидного поведения: «Семейные» проблемы были ведущими при демонстративном или аффективном типе суицидального поведения в 52% случаев и только в 13% – при истинном суициде. «Школьные» проблемы связаны с 29% аффективных суицидов, 26% – демонстративных и 12% – истинных. «Сексуальные» проблемы доминировали при истинном суициде в 61% случаев, при аффективном – в 28% и при демонстративном – в 24%. При истинном суицидальном поведении мотивом поступков была чаще не неудачная любовь, а переживание собственной сексуальной неполноценности. 70% молодых людей пытающихся покончить с собой, в той или иной степени злоупотребляли наркотиками или алкоголем. 93%, пытавшихся покончить с собой, были знакомы с кем-то, кто уже совершал попытку самоубийства [8].

Знание особенностей разных типов характера позволяет прогнозировать поведение, предвидеть вероятность суицидов. Разные типы акцентуированных характеров также проявляют склонность к разным формам суицидального поведения.

Считаем, что основная задача ранней профилактики суицидального поведения состоит в предупреждении и коррекции социальных отклонений и социальной дезадаптации молодых людей, возникающих в результате неблагоприятного социального развития – социопатогенеза, обусловленного различными неблагоприятными факторами среды, воспитания, психобиологическими особенностями. Основными методами являются психологические тренинги, консультации, психотерапия, обучение, помощь в социальной адаптации, профориентации.

Библиографический список

1. Александров, А.А. Нарушения поведения у подростков как один из критериев оценки степени психопатизации / А.А. Александров // Патологические нарушения поведения подростков. – Л.: 1973. – С.37-48.
2. Алмазов, Б.Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних / Б.Н. Алмазов. – Свердловск: 1986. – 231 с.
3. Башкатов, И.П. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей / И.П. Башкатов – М.: 1993. – 272 с.
4. Волкова, А.Н. Психолого-педагогическая поддержка детей – суицидентов / А.Н. Волкова // Психосоциальная и коррекционно – реабилитационная работа. – 1998. – № 2. – С. 43-45.
5. Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон – М.: Педагогика, 1989. – 246 с.
6. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2008. – 940 с.
7. Лазарашвили, И.С. Повторное суицидальное поведение у подростка / И.С. Лазарашвили. – М.: Медицина, 1986. – 87 с.
8. Личко, А.Е. Психопатия и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – М.: Речь, 2009. – 256 с.
9. Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ / З. Фрейд. – М.: Академический проспект, 2009. – 597 с.

PSYCHOSOCIAL ASPECTS OF POSITION TO HEALTH

In article categories «health», «the relation to health», «the behaviour directed on preservation of health» are considered. Results of empirical research of psychosocial features of a behavioural component of the relation to health are presented.

M.X. Карамян*Национальный университет Узбекистана им.М.Улугбека, г. Ташкент***ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ**

В статье рассматриваются категории «здоровье», «отношение к здоровью», «поведение, направленное на сохранение здоровья». Представлены результаты эмпирического исследования психосоциальных особенностей поведенческого компонента отношения к здоровью.

Сложность и целостность категории «здоровье» наиболее емко выступают в определении, предложенном Всемирной Организацией Здравоохранения в 1948 году: «Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни или немощи» [3; 4]. Это определение согласуется с биопсихосоциальной парадигмой Дж. Энджела (1977), отражающей экосистемное понимание природы заболеваний и здоровья и лежащей в основе современной социальной психологии здоровья. В психологической литературе при рассмотрении когнитивных, эмоциональных, поведенческих паттернов, связанных со здоровьем, используется понятие «отношение к здоровью». По мнению Г. Никифорова и Р. Березовской, отношение к здоровью - это «система индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующих или, наоборот, угрожающих здоровью людей, а также определенная оценка индивидом своего физического и психического состояния» [1, с.279]. Согласно концепции В.Н. Мясищева, отношение здоровью включает в себя три основных компонента: когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий [1].

Исследование поведенческого компонента отношения к здоровью или поведения, направленного на здоровье (health behavior), представляет собой определенные трудности, связанные, с одной стороны, с его определением и структурой, а с другой, с выбором адекватных методов изучения [2; 5]. Наиболее полным является определение Harris и Guten (1979), которые рассматривают поведение, направленное на здоровье как любое поведение, совершаемое человеком независимо от воспринимаемого или реального состояния здоровья, для его укрепления или поддержания, даже если не совсем ясна объективная результативность таких действий [2]. В структуру поведения, направленного на здоровье, включают здоровые привычки; действия, связанные с безопасностью; превентивные медицинские действия; избегание риска, связанного с окружающей средой; избегание употребления вредных веществ (Harris D., Guten S., 1979; Vickers и др., 1990).

С целью изучения психосоциальных особенностей поведенческого компонента отношения к здоровью было проведено эмпирическое исследование поведения, направленного на здоровье, в зависимости от его

социально-демографических (пол, возраст) и психологических (локус контроля, гендерные характеристики) детерминант. В исследовании приняло участие 533 человека (270 женщин и 263 мужчины в возрасте от 18 до 65 лет). Методический инструментарий исследования включил список, состоящий из 40 утверждений, описывающих действия, направленные на поддержание здоровья [3]; тест-опросник уровня субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд), опросник половых ролей С.Бэм.

Анализ различий в поведенческих паттернах в зависимости от социально-демографических факторов выявил следующие тенденции. Во-первых, различия между мужчинами и женщинами наблюдались по общему показателю поведенческой активности в отношении здоровья ($t=-2,58$, $p<0,05$), показателю курения и употребления алкоголя ($t=-10,93$, $p<0,05$), здоровых привычек ($t=-2,16$, $p<0,05$), профилактической и медицинской активности ($t=-3,41$, $p<0,05$). Другими словами, в целом женщинам более свойственно поведение, направленное на здоровье, а в частности, им чаще, чем мужчинам были характерны такие здоровые привычки как регулярный сон, отдых и завтрак, избегание переохлаждения; женщины статистически значимо реже, чем мужчины, курят и употребляют алкоголь; у женщин больше, чем у мужчин, наблюдаются превентивные действия. Во-вторых, уровень поведенческой активности статистически значимо различается в разных возрастных группах ($F=6,49$, $p<0,05$): чем старше человек, тем он более склонен вести здоровый образ жизни в целом и реализовывать действия, направленные на поддержание сбалансированного питания, регулярного отдыха и сна, оптимальной рабочей нагрузки, безопасности.

Корреляционный анализ выявил возможную детерминированность поведенческого компонента отношения к здоровью психологическими факторами: была показана статистически достоверная положительная связь между поведенческой активностью в отношении здоровья и общей интернальностью ($r_s=0,252$), интернальностью в области здоровья и болезни ($r_s=0,134$), показателем фемининности ($r_s=0,355$).

Самым важным критерием позитивного отношения человека к своему здоровью является поведенческий, то есть то, какие действия и усилия он совершает для сохранения, поддержания и укрепления здоровья. Учет психосоциальных факторов, влияющих на отношение к здоровью, позволяет создавать эффективные программы обучения здоровому образу жизни.

Библиографический список

- 1.Березовская, Р.А., Никифоров Г.С. Отношение к здоровью / Р.А. Березовская, Г.С. Никифоров // Психология здоровья: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003. – С. 275-292.
- 2.Harris, D. M., Guten, S. Health Protective Behaviour: an exploratory study / D.M. Harris, S.Guten // Journal of Health and Social Behaviour. -1979. - № 20. – С.17-29.
- 3.Jonhston, M., Wright, S., Weinman, J. Measures in Health Psychology: A User's Portfolio. Health-Related Behaviour / M. Jonhston, S. Wright, J. Weinman. – NFER-NELSON, 1995.
- 4.Rutter, D., Quine, L., Chesham, D. Social Psychological Approaches to Health / D. Rutter, L. Quine, D. Chesham. – Harvester Wheatsheaf, 1993.
- 5.Steptoe, A., Wardle J. The European health and behaviour survey: The development of an international study in health psychology / A. Steptoe, J. Wardle // Psychology and Health. 1996. – № 11.- С. 49-73.

*N.M. Klepikova**Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk***THE ADAPTATION PROCEDURE OF THE RUSSIAN-SPEAKING
VERSION OF THE TECHNIQUE «NARCISSISTIC QUESTIONNAIRE OF
THE PERSON» (R. RASKIN, C.S. HALL, 1979; J.ZIMMERMANN, 1994)**

Psychometric analysis of the technique «Narcissistic questionnaire of the person» ($n = 371$) is presented. The estimation of psychometric attributes is made: scales are checked up on an internal consistency, stability, it is analyzed discriminative ability of the points. It is confirmed constructive and a factorial validity of the questionnaire.

*H.M. Клепикова**Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск***АДАПТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ МЕТОДИКИ
«НАРЦИССИЧЕСКИЙ ОПРОСНИК ЛИЧНОСТИ»
(R. RASKIN, C.S. HALL, 1979; J.ZIMMERMANN, 1994)**

Представлен психометрический анализ методики «Нарциссический опросник личности» ($n = 371$). Произведена оценка психометрических свойств: шкалы проверены на внутреннюю согласованность, устойчивость, проанализирована дискриминативная способность пунктов. Подтверждена конструктивная и факторная валидность опросника.

Интерес к проблеме нарциссизма обусловлен все более широким распространением обозначенного феномена. Как отмечают Ю.В. Попов и В.Д. Вид, нарциссический тип личностной организации «привлекает к себе в последнее время все большее внимание в силу видимого нарастания его распространенности» во всем мире [7, с. 262]. Характерные способы мышления и поведения нарциссической личности, такие как, например, претензия на обладание правом и сопутствующая ей ярость, высокомерие и магическое мышление (ощущение грандиозности и всемогущества), стремление использовать других людей для заполнения эмоционального вакуума, образовавшегося вследствие отсутствия эмпатии хорошо известны [8]. В последнее время все чаще речь идет о «здоровом нарциссизме», который проявляется в эмоционально богатой продуктивной и дающей удовлетворение жизни. Именно здоровый нарциссизм позволяет человеку смеяться над собой своим несовершенством и недостатками, уходить глубоко внутрь себя, чтобы создавать что-то уникальное, свое собственное, и оставлять след своей деятельности в мире. Здоровый нарциссизм говорит о наличии у человека способности чувствовать эмоции во всем их разнообразии, разделяя свою эмоциональную жизнь с другими людьми, о присутствии у него мудрости, позволяющей отделять истину от фантазии, и вместе с тем – о способности мечтать, наряду с умением уверенно идти к своей цели и радоваться собственным успехам, не закидываясь на терзающих сомнениях [8].

Социальный запрос на изучение данной темы предполагает разработку новых и адаптацию хорошо зарекомендовавших себя методических инструментов для исследования, отвечающих с одной стороны психометрическим требованиям, а с другой требованиям по повышению универсальности их использования (сокращение временного ресурса, упрощение процедуры диагностики и анализа, возможность проведения кросс-культурных исследований).

Основная цель данной статьи представить результаты адаптации методики Narcissistic Personality Inventory – NPI – R. Raskin, C.S. Hall, 1979; J.Zimmermann, 1994 («Нарциссический опросник личности»). Основой исследования стала модифицированная версия методики «Нарциссический опросник личности» созданная в 1994 году J.Zimmermannом на основе 40 утверждений оригинальной методики R. Raskina и C.S. Halla [23]. R. Raskin и C.S. Hall в 1979 году создавая нарциссический опросник личности, ориентировались на классификатор «Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим заболеваниям» (*DSM*), разработанный Американской психиатрической ассоциацией (*APA*), который начиная с третьей версии включает таксон «Нарциссическое расстройство личности». «Нарциссическое расстройство личности» относится к расстройствам личности группы «Б». Данный кластер базируется на психоаналитической теории и определяется клиницистами как преувеличенное чувство собственной значимости и повышенной озабоченности вопросами самоуважения (с проявлениями театральности, эмоциональности и лабильности). Последняя модификация *DSM-IV-TR* (2000) содержательно не отличается от предложенной ранее классификации *DSM-IV* (1994), отражая неоднократно подтвержденную статистикой диагностику нарциссической патологии.

Согласно *DSM APA* [14; 15] диагноз этого вида личностного нарушения может быть установлен *при наличии пяти и более устойчивых нарциссических признаков, наблюдаемых на протяжении полугода*:

1. грандиозное чувство самозначимости;
2. захваченность фантазиями неограниченного успеха, власти;
3. вера в собственную уникальность;
4. потребность в восхищении;
5. чувство привилегированности;
6. эксплуативность в межличностных отношениях;
7. отсутствие эмпатии;
8. зависть к достижениям других;
9. вызывающее, наглое поведение.

Поскольку методика «Нарциссический опросник личности» была изначально ориентирована на критерии *DSM*, было предпринято большое количество исследований относительно ее факторной структуры. Основная цель – воссоздать многомерную структуру обозначенного таксона. Одна из первых попыток принадлежала R.A. Emmonsу (1984–1987 г.г.), он остановился на *четырёх факторном решении*, выделив следующие основные сферы:

- 1) лидерство, авторитетность;
- 2) самовосхищение, самолюбование;
- 3) превосходство, надменность;
- 4) использование, притязание [16].

В 1987 году R.A. Emmons провел повторное исследование, используя протоколы опроса студентов ($n = 381$) и применив аналогичную процедуру факторного анализа обнаружил те же измерения нарциссизма. По свидетельству R. Raskina и H.Terry существуют неоспоримые доводы в пользу существования четырехфакторного решения полученные в результате многочисленных исследований предпринятых в США и Европе [20, с.893-894]. На данный момент методика R. Raskina и C.S. Halla прошла неоднократную апробацию и адаптацию. Исследователи из Германии [13], Швеции [18], Голландии [21], Норвегии [22], США [19] и др. получили результаты, подтверждающие

состоятельность оригинального состава вопросов, факторная структура опросника оказалась менее устойчива в различных социокультурных условиях. Стремление улучшить психометрические свойства опросника, минимизировать ошибки и получать более дифференцированные результаты мотивировало исследователей из Германии (J. Zimmermann) заменить бинарную шкалу на ступенчатую шкалу лайкерт-типа и частично изменить полярность утверждений для уменьшения тенденции односторонних ответов [23].

Адаптируя методику «Нарциссический опросник личности» на русскоязычную популяцию, мы учитывали опыт зарубежных коллег, уделяя особое внимание результатам, которые повторялись при адаптации опросника в разных языковых культурах. В процессе исследования нами были проверены *гипотезы*:

1. Адаптация методики «Нарциссический опросник личности» на российской выборке будет иметь свою специфику и возможно потребует модификации исходного варианта, представленного разработчиками теста.

2. Ответы на пункты опросника являются эмпирически проверенными и метрически анализируемыми индикаторами выраженности нарциссических проявлений: самовосхищение, самолюбование; лидерство, авторитетность; использование, притязание; превосходство, надменность.

3. Методика «Нарциссический опросник личности» характеризуется точностью измерений, устойчивостью, а также удовлетворительной внутренней согласованностью.

4. «Нарциссический опросник личности» является валидным инструментом, характеризуется удовлетворительной конструктивной валидностью: могут быть обнаружены корреляции между шкалами опросника NPI и шкалами, исследующими конструкты – способы нарциссической регуляции представления личности о себе, нарциссические черты личности; валидностью по половозрастной дифференциации.

Участники исследования. Адаптация методики «Нарциссический опросник личности» проводилась на выборке студентов дневного отделения психологического факультета и факультета начальных классов Новосибирского государственного педагогического университета, курсантов Высшего военного командного училища, учителей и учащихся средней общеобразовательной школы № 126 г. Новосибирска, Новороссийской и Нижне-Урюмской средних общеобразовательных школ Здвинского района Новосибирской области. Всего обследовано 371 человек (115 мужчин и 256 женщин) в возрасте от 15 до 60 лет.

Процедура исследования. Методика «Нарциссический опросник личности» Р. Раскина, К.С. Халла, Дж. Циммермана (R. Raskin, C.S. Hall, 1979; J. Zimmermann, 1994). Пилотажное исследование по адаптации методики «Нарциссический опросник личности» (оценка трудности и дискриминативности пунктов) проводилось в рамках дипломной работы М.И. Посоховой, выполненной под научным руководством О.А. Шамшиковой. Адаптация методики проводилась в рамках диссертационного исследования Н.М. Клепиковой. Для адаптации методики «Нарциссический опросник личности» на разновозрастной русскоязычной выборке нами предпринято *два этапа* исследования. В задачи *первого этапа* входило осуществление процедуры перевода опросника, а также непосредственное конструирование его рабочей версии. Над переводом параллельно работали три специалиста, с целью получения более точных результатов. Для формулирования вопросов русскоязычной версии методики «Нарциссический опросник личности» была

создана группа экспертов (восемь человек, в возрасте от 25 до 55 лет, $M=34.06$; $Med=33$; $SD=9.8$) с участием специалистов по русскому и немецкому языкам, специалистов в области психологии.

На *втором этапе* оценивались психометрические свойства психодиагностического инструмента: 1) оценка пригодности пунктов опросника – исследование корреляции между пунктами, для исключения дублирующих друг друга утверждений; сложности и дискриминативности (коэффициент избирательности), способности отдельных пунктов дифференцировать обследуемых относительно «максимального» или «минимального» результата в целом; по результатам эксплораторного факторного анализа оценивался уровень факторной нагрузки, переменные с небольшим индексом не являются определяющими для факторов [6]; 2) надежность – оценка внутреннего постоянства шкал (коэффициент α -Кронбаха); оценка надежности-устойчивости ($n=72$), которая осуществлялась через две недели с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена; 3) валидность – определение факторной структуры опросника с помощью эксплораторного факторного анализа (ЭФА), проверка в процессе конфирматорного факторного анализа (КФА), в обоих случаях использовалось *Varimax-вращение*, для оценки моделей применялся критерий сферичности Бартлетта и критерий Кайзера-Мелькина-Олькина; изучение конструктивной (конвергентной) валидности (через корреляции со шкалами других опросников); оценка валидности по половозрастной дифференциации.

Методики. Наряду с методикой «Нарциссический опросник личности», испытуемым предлагалось заполнить следующие опросники:

1. Опросник «Диагностика нарциссизма» (сокращенно ДН) F.-W.Deneke, V.Hilgenshtok, R.V.Muller, 1989-1994 (в адаптации О.А. Шамшиковой, Н.М. Клепиковой [11]) направлена на выявление способов регуляции представления личности о себе и определение нарциссических состояний личности в широких пределах психической нормы.

2. Опросник «Нарциссические черты личности» (сокращенно НЧЛ) Шамшиковой О.А., Клепиковой Н.М. Методика позволяет измерять конфигурации *нарциссических черт личности*, образующих континуум многочисленных переходных форм нарциссизма в широких пределах психической нормы как вариативный ряд *дескриптивных характеристик, входящих в структуру нарциссического расстройства личности, но не достигающих уровня, необходимого для диагностики патологического нарциссизма по DSM APA* [9].

Данные методики использовались для оценки конструктивной валидности методики «Нарциссический опросник личности». Показатели конструируемой методики сопоставлялись с показателями стандартизированных и адаптированных тест-опросников, направленных на диагностику близких по содержанию конструктов.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием *SPSS 13.0 for Windows*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе осуществлен перевод инструкции текста методики «Нарциссический опросник личности», сопроводительной литературы, сформулированы пункты. При компоновке рабочей версии опросника была изменена структура некоторых утверждений, мы старались избегать двусмысленности и излишней абстрактности, каждое оставшееся утверждение

обращается к личному опыту респондентов [1; 3; 4; 5]. В результате было отобрано 48 пунктов для проведения дальнейшего исследования.

Результаты второго этапа исследования. Психометрический анализ утверждений методики «Нарциссический опросник личности» позволил сконструировать инструментарий включающий 37 пунктов.

Подсчет корреляции между пунктами с использованием коэффициента r_s -Спирмена не обнаружил того уровня корреляции ($r > 0,6$), на основании которого можно утверждать, что какие-то из пунктов опросника дублируют друг друга [5].

Таблица 1 – Доля ключевых ответов по каждому из утверждений методики «Нарциссический опросник личности» в адаптации О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой

Номер утверждения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Доля ключевых ответов (%)	37,7	47,5	45,6	86,5	48,5	68,7	68,5	17,8	65,2	55
Номер утверждения	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Доля ключевых ответов (%)	69	49,1	56,3	78,4	55,5	74,6	66,8	35,3	49,9	49,9
Номер утверждения	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
Доля ключевых ответов (%)	59,6	49,3	80,0	56,6	69,3	33,4	47,7	36,1	56,6	37,5
Номер утверждения	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
Доля ключевых ответов (%)	60,9	57,1	44,2	63,6	54,7	69,3	50,9	46,1	88,4	71,1
Номер утверждения	41	42	43	44	45	46	47	48		
Доля ключевых ответов (%)	74,1	40,4	85,2	54,2	83,8	52,6	64,2	69,5		

Примечание: курсивом отмечены пункты с недопустимым индексом сложности.

При оценке сложности пунктов пригодными для дальнейшего использования признаны 43 утверждения. Утверждение считалось пригодным, если индекс сложности находился в интервале 20% до 80% (результаты представлены в таблице 1). Под индексом сложности понимается доля ключевых ответов. Ключевыми ответами считались оценки 3 («полностью относится») и 2 («скорее относится») для прямых утверждений, 1 («скорее не относится») и 0 («совершенно не относится») для обратных утверждений.

Два других критерия оценки пригодности утверждений опросника – *уровень факторной нагрузки* и *коэффициент избирательности* (дискриминативность) – были проанализированы после проведения эксплораторного факторного анализа.

Эксплораторный факторный анализ. Корреляционная матрица по 43 утверждениям была исследована методом главных компонент с использованием ортогонального вращения *Varimax* ($n=371$). По критерию Кайзера: число факторов равно 11, по критерию Р. Кеттела: число факторов равно 4. Детерминант положителен, критерий Кайзера-Мейера-Олкина КМО равен 0,775. Значение критерия Бартлетта указывает на достоверное отклонение от сферичности ($\chi^2=4720,993$; $p=0,0$; $df=903$).

На основании полученных результатов мы решили полностью отказаться от *шести пунктов* опросника. Эти пункты были признаны непригодными на основании того, что уровень их факторной нагрузки по соответствующим шкалам оказался ниже 0,3. Переменные с небольшим индексом не являются определяющими для факторов (шкал), следовательно, могут быть исключены из опросника [6, с.111]: *Скромность это не про меня* (факторная нагрузка: 0,285); *Я неохотно иду на риск* (факторная нагрузка: 0,249). *Если бы я правил миром он не стал бы лучше* (факторная нагрузка: 0,235), *Как правило, я не переносю отговорок* (факторная нагрузка: 0,263), *Мне не свойственно авторитарное поведение* (факторная нагрузка: 0,272), *Когда меня хвалят, я иногда смущаюсь* (факторная нагрузка: 0,157).

Таблица 2 – Факторные нагрузки и коэффициент избирательности пунктов методики «Нарциссический опросник личности» в адаптации О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой

Пункты опросника	Факторные нагрузки	Коэффициент избирательности
1. Я не могу влиять на других людей	0,327	0,708
2. Я люблю находиться в центре внимания	0,488	0,764
3. Я не лучше и не хуже большинства людей	0,300	0,784
4. По натуре я лидер	0,421	0,691
5. У меня есть жесткие принципы	0,406	0,694
6. У меня есть способность манипулировать другими людьми	0,466	0,766
7. Я настаиваю на том, чтобы ко мне относились с уважением	0,394	0,696
8. Я не очень люблю демонстрировать свое тело	0,316	0,663
9. Я хорошо разбираюсь в других людях	0,471	0,683
10. Я охотно беру на себя ответственность за принятие решений	0,458	0,685
11. Мне безразлично, значу ли я что-либо в глазах окружающих	0,334	0,659
12. Я люблю демонстрировать свое тело	0,386	0,775
13. Мне нравится демонстрировать себя	0,357	0,640
14. Я не всегда уверен в правильности своих действий	0,423	0,639
15. Я редко нуждаюсь в помощи других	0,287	0,715
16. Я могу оказать поддержку, и каждый охотно ко мне прислушивается	0,493	0,682
17. Я многого ожидаю от близких	0,288	0,785
18. Я не буду доволен пока не получу все, что мне полагается	0,482	0,765
19. Мне неловко получать комплименты	0,462	0,632
20. Я не заинтересован в том, чтобы управлять другими	0,429	0,770
21. Я люблю быть законодателем моды	0,244	0,680
22. Мне нравится любоваться собой в зеркале	0,346	0,756
23. Я чувствую себя неловко, если нахожусь в центре внимания	0,378	0,650
24. Я не всегда могу управлять своей жизнью, так как я хочу	0,329	0,660
25. Другие всегда признают мой авторитет	0,352	0,641
26. Мне безразлично, есть ли у меня управляющие функции или нет	0,332	0,660
27. Я непременно стану выдающейся личностью	0,567	0,755
28. Мне сложно доверять другим	0,304	0,665
29. Лидерские способности не врожденные, их можно развить	0,333	0,707
30. Я хочу, чтобы кто-нибудь однажды написал мою биографию	0,451	0,768
31. Мне безразлично если кто-то не считается с моим мнением	0,325	0,660
32. Я необычный человек	0,441	0,769
33. Я более способный, чем другие	0,360	0,639
34. Я знаю, что я хороший, потому что все вокруг говорит мне об этом	0,450	0,613
35. Я не всегда хорошо понимаю других людей	0,316	0,660
36. Я могу сделать так, чтобы другие верили всему, что я говорю	0,508	0,595
37. Всем нравится слушать мои истории	0,411	0,627

Устранив пункты мы получили корреляционную матрицу ответов по 37 утверждениям, на которые вновь провели *конфирматорный (подтверждающий)* факторный анализ с использованием того же метода и способа вращения. В результате были выделены четыре фактора, которые описывают 35% дисперсии: *Самовосхищение, самолюбование* объясняет 10% от общей дисперсии; *Лидерство, авторитетность* - 9%; *Использование, притязание* - 8%; *Превосходство, надменность* - 8%. Факторные нагрузки и коэффициенты избирательности утверждений по четырехфакторной структуре русскоязычной версии методики «Нарциссический опросник личности» представлены в таблице 2.

Все 37 утверждений обладают факторной нагрузкой выше принятого нами критического значения 0,3. Подсчитанные для каждого утверждения значения коэффициента избирательности (дискриминативность) также свидетельствуют в пользу пригодности всех утверждений четырехфакторной структуры [4; 6].

Таблица 3 – Показатели надежности пунктов методики «Нарциссический опросник личности» в адаптации О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой (внутренняя согласованность, устойчивость)

Шкала	α -Кронбаха	r-Спирмена (n = 73)
Самовосхищение, самолюбование	0,785	0,755***
Лидерство, авторитетность	0,720	0,849***
Использование, притязание	0,681	0,703***
Превосходство, надменность	0,669	0,783***

Примечание: *** $p < 0.001$.

Анализ внутренней согласованности и устойчивости шкал, произведенный на этом этапе исследования (таблица 3), позволяет говорить о высокой внутренней согласованности шкал: *Самовосхищение/самолюбование, Лидерство/авторитетность* (коэффициент α -Кронбаха больше 0,70); удовлетворительной можно признать согласованность по остальным шкалам. Все шкалы опросника обладают ретестовой устойчивостью, об этом свидетельствуют высокие показатели коэффициентов корреляции по всем шкалам ($p < 0.001$).

Оценка конструктивной валидности шкал проводилась с учетом сформулированных в результате теоретического анализа литературных источников по проблеме нарциссизма [6, 9, 10, 12, 26, 27] предположений о том, что должна наблюдаться умеренная взаимосвязь показателей шкал методики «Нарциссический опросник личности» и шкал, исследующих конструкты: регулятивный модус нарциссизма, нарциссические черты личности. Гипотеза о валидности методики нашла эмпирическое подтверждение (табл. 4).

Итоговые баллы по шкале *Самовосхищение, самолюбование* методики «Нарциссический опросник личности» коррелирует с итоговыми баллами по шкалам опросников: **ДН**: «бессильное Я» ($r_s = 0,227$ при $p < 0,01$); «базовый потенциал надежды» ($r_s = -0,304$ при $p < 0,01$); «ничтожное Я» ($r_s = 0,150$ при $p < 0,01$); «негативное отношение к телу» ($r_s = 0,151$ при $p < 0,01$); «стремление к идеальному self-объекту» ($r_s = -0,164$ при $p < 0,01$); «идеал самоудовлетворения» ($r_s = -0,150$ при $p < 0,01$); «идеалы ценностей» ($r_s = -0,232$ при $p < 0,01$); «симбиотическая самозащита» ($r_s = -0,206$ при $p < 0,01$); **НЧЛ**: «грандиозное чувство самозначимости» ($r_s = -0,162$ при $p < 0,01$);

«Самовосхищение, самолюбование» выражается в представлении о собственной необычности, уникальности, физической привлекательности и способности воздействовать на окружающих. Подтверждена гипотеза о конструктивной валидности: шкала связана с такими психологическими конструктами, как «грандиозное чувство самозначимости», которое выражается в преувеличении собственных способностей, достижений и в ожидании оценки себя окружающими как особо одаренной личности, невзирая на то, что достижения объективно не столь значительны («грандиозное чувство самозначимости», $r_s = -0,162$ при $p < 0,01$), а также рядом защитно-компенсаторных механизмов регуляции представления о себе, которые защищают от разочарования в отношениях. Чем более выражена грандиозность, тем менее выражено стремление получать стабильность в идентификации с различными, высоко оцениваемыми замыслами, идеями, людьми («стремление к идеальному self-объекту», $r_s = -0,164$ при $p < 0,01$; «идеал самоудовлетворения» $r_s = -0,150$ при $p < 0,01$; «идеалы ценностей» $r_s = -0,232$ при $p < 0,01$; «симбиотическая самозащита» $r_s = -0,206$ при $p < 0,01$). Стоит отметить, что грандиозность сопряжена с переживанием беспомощности («бессильное Я» $r_s = -0,227$ при $p < 0,01$), неуверенности в будущем («базовый потенциал надежды» $r_s = -0,304$ при $p < 0,01$), стыда и страха по поводу того, что окружающие люди догадуются о ничтожности личности («ничтожное Я», $r_s = -0,150$ при $p < 0,01$), также с болезненным восприятием даже небольших физических дефектов («негативное отношение к телу», $r_s = -0,151$ при $p < 0,01$)

Таблица 4 – Корреляционные связи между показателями по шкалам методики «Нарциссический опросник личности» в адаптации О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой и методик, привлеченных для оценки конструктивной валидности

Шкалы опросника NPI	Шкалы методик, привлеченных для оценки конструктивной валидности	r-Спирмена
Самовосхищение, самолюбование	Бессильное Я (ДН)	0.227**
	Базовый потенциал надежды (ДН)	-0.304**
	Ничтожное Я (ДН)	0.150**
	Негативное отношение к телу (ДН)	0.151**
	Стремление к идеальному self-объекту (ДН)	-0.164**
	Идеал самоудовлетворения (ДН)	0.150**
	Идеалы ценностей (ДН)	-0.232**
	Симбиотическая самозащита (ДН)	-0.206**
	Сверхзанятость чувством зависти (НЧЛ)	0.116**
Лидерство, авторитетность	Бессильное Я (ДН)	0.171**
	Базовый потенциал надежды (ДН)	-0.324**
	Стремление к идеальному self-объекту (ДН)	-0.158**
	Идеалы ценностей (ДН)	-0.241**
	Симбиотическая самозащита (ДН)	-0.252**
Использование, притязание	Базовый потенциал надежды (ДН)	-0.206**
	Идеал самоудовлетворения (ДН)	-0.145**
	Обесценивание объекта (ДН)	-0.146**
	Идеалы ценностей (ДН)	-0.241**
	Симбиотическая самозащита (ДН)	-0.233**
Превосходство, надменность	Базовый потенциал надежды (ДН)	-0.265**
	Идеалы ценностей (ДН)	-0.215**
	Грандиозное чувство самозначимости (НЧЛ)	-0.157**

Итоговые баллы по шкале *Лидерство, авторитетность* методики «Нарциссический опросник личности» коррелируют с итоговыми баллами по шкалам опросника ДН: «бессильное Я» ($r_s=0,171$ при $p<0,01$); «базовый потенциал надежды» ($r_s=-0,324$ при $p<0,01$); «идеалы ценностей» ($r_s=-0,241$ при $p<0,01$); «симбиотическая самозащита» ($r_s=-0,252$ при $p<0,01$); «стремление к идеальному self-объекту» ($r_s=-0,158$ при $p<0,01$).

«Лидерство, авторитетность» выражается в представлении о своих способностях изменять поведение другого человека, его установки, намерения в ходе взаимодействия с ним. Выражается в представлении о своей компетентности, способности оказывать помощь, тем, кто в ней нуждается. При этом отрицается потребность помощи со стороны, вся ответственность за принятие решений возлагается на себя, вследствие потенциальной опасности обнаружить собственную уязвимость.

Подтверждена гипотеза о конструктивной валидности: шкала связана с нарциссическими способами регуляции представления о себе, которые отражают как *подчеркнутую независимость* от окружающих, от их мнения («симбиотическая самозащита», $r_s=-0,252$ при $p<0,01$), отрицание возможной необходимости получения помощи от них («стремление к идеальному self-объекту», $r_s=-0,158$ при $p<0,01$), так и *внутреннюю уязвимость* – субъективно воспринимаемое ощущение хрупкости собственной личности («бессильное Я», $r_s=0,171$ при $p<0,01$), неспособность сохранять надежду на изменение положения к лучшему, на возможность преодолеть кризис («базовый потенциал надежды», $r_s=-0,324$ при $p<0,01$), снижение уверенности в том, что жизненные ориентиры выбраны верно и могут служить опорой («идеалы ценностей», $r_s=-0,241$ при $p<0,01$).

Итоговые баллы по шкале *Использование, притязание* методики «Нарциссический опросник личности» коррелируют с итоговыми баллами по шкалам опросника ДН: «базовый потенциал надежды» ($r_s=-0,206$ при $p<0,01$); «идеалы ценностей» ($r_s=-0,241$ при $p<0,01$); «симбиотическая самозащита» ($r_s=-0,233$ при $p<0,01$).

«Использование, притязание» выражается в представлении о правильности всех принятых решений и осуществленных действий, о том, что жизнь контролируема, все окружающие люди тоже потенциально контролируемы и предсказуемы.

Подтверждена гипотеза о конструктивной валидности: шкала связана с нарциссическими способами регуляции представления личности о себе которые отражают потребность во внешних средствах для активизации внутренних ресурсов, направленных на самосохранение и конструирование внутренних ориентиров («базовый потенциал надежды», $r_s=-0,206$ при $p<0,01$; «идеалы ценностей», $r_s=-0,241$ при $p<0,01$). Представление о контролируемости и предсказуемости другой личности, вероятно обусловлено фантазией о существовании двойника, психологической копии с полностью идентичными установками, мнениями, системой ценностей и т.п. («симбиотическая самозащита», $r_s=-0,233$ при $p<0,01$).

Итоговые баллы по шкале *Превосходство, надменность* методики «Нарциссический опросник личности» коррелируют с итоговыми баллами по шкалам опросника ДН: «базовый потенциал надежды» ($r_s=-0,265$ при $p<0,01$); «идеалы ценностей» ($r_s=-0,215$ при $p<0,01$); НЧЛ: «грандиозное чувство самозначимости» ($r_s=-0,157$ при $p<0,01$)

«Превосходство, надменность» отражает потребность во внимании (комплиментах), в признании окружающими авторитета личности, права быть законодателем моды, быть в центре внимания (все должны слушать и восхищаться услышанным).

Подтверждена гипотеза о конструктивной валидности: шкала связана с такими психологическими конструктами, как «грандиозное чувство самозначимости» ($r_s = -0,157$ при $p < 0,01$), которое выражается в преувеличении собственных способностей, достижений и в ожидании оценки себя окружающими как особо одаренной личности, невзирая на то, что достижения объективно не столь значительны, а также защитно-компенсаторными механизмами регуляции представления о себе, которые отражают неспособность самостоятельно мобилизовать внутренние ресурсы, направленные на самосохранение («базовый потенциал надежды», $r_s = -0,265$ при $p < 0,01$), снижение уверенности в том, что можно полностью полагаться на себя в нахождении и пересмотре жизненных ориентиров («идеалы ценностей», $r_s = -0,215$ при $p < 0,01$), потребность в «зеркалах», которые смогут активизировать и подтвердят правильность сделанного выбора

Для исследования валидности по половозрастной дифференциации нами выбраны непараметрические критерии, выбор основан на предварительной оценке типа распределения результирующих показателей по шкалам опросника. Оценка типа распределения данных осуществлялась с использованием критерия λ -Колмогорова-Смирнова путем сравнения эмпирического распределения с нормальным (таблица 5). Полученные данные свидетельствуют о том, что распределение баллов по шкалам *Превосходство, надменность* ($\lambda = 2,032$ при $p < 0,05$), *Лидерство, авторитетность* ($\lambda = 1,726$ при $p < 0,05$), *Использование, притязание* ($\lambda = 1,521$ при $p < 0,05$) существенно отличается от нормального [3, 5].

Таблица 5 – Результаты оценки распределения по критерию Колмогорова-Смирнова (λ)

Шкала	Оценка типа распределения		Оценка устойчивости распределения	
	λ Колмогорова-Смирнова	Уровень значимости	λ Колмогорова-Смирнова	Уровень значимости
Самовосхищение, самолюбование	1,297	0,069	0,358	1,000
Лидерство, авторитетность	1,726	0,005	0,481	,975
Использование, притязание	1,521	0,020	0,477	,977
Превосходство, надменность	2,032	0,001	0,265	1,000

Выборка испытуемых была дифференцирована по половому признаку на две экспериментальные подгруппы – женскую ($n = 256$) и мужскую ($n = 115$); критерий Манна-Уитни (U) позволил обнаружить значимые различия в уровне выраженности параметра *влияние, лидерство* ($U = 9624$ при $p < 0,001$). Полученные данные не противоречат результатам зарубежных и отечественных исследований, в которых указывается на устойчивые различия в проявлении нарциссических черт у мужчин и у женщин, подчеркивается, что мужской нарциссизм сопровождается борьбой за признание и автономии, а женский, в свою очередь, стремлением получить признание через приспособление [10]. Дифференциация выборки по возрастному признаку на 3 экспериментальные подгруппы – подростки ($n = 68$), юноши ($n = 246$), взрослые ($n = 57$) – позволила выявить значимые различия в уровне выраженности признаков. Для погруппового сравнения применялся критерий Манна-Уитни (U), который позволил установить, что подростковая и юношеская выборки различаются по параметру *использование, притязание* ($U = 7739$ при $p < 0,001$), признак более

выражен у респондентов, относящихся к юношеской группе. Подростковая и взрослая выборки различаются по параметру *лидерство, авторитетность* ($U = 1410$ при $p=0,008$), признак более выражен у респондентов подростковой выборки. Юношеская и взрослая выборки различаются по параметрам *самовосхищение, самолюбование* ($U=5582$ при $p=0,016$), *лидерство, авторитетность* ($U=5320$ при $p = 0,04$), *использование, притязание* ($U = 4927,5$ при $p = 0,001$). Признак более выражен у респондентов юношеской выборки.

Таблица 6 – Достоверность различий в значениях исследуемого признака (подростки (n=68), юноши (n=246), взрослые (n=57))

Шкала	Подростки (n=68)	Юноши (n=246)	Взрослые (n=57)	Краскала-Уоллеса (H)	Уровень значимости
	Средний ранг				
Самовосхищение, самолюбование	182,29	195,55	149,19	8,776	0,012
Лидерство, авторитетность	201,18	189,72	151,85	7,487	0,024
Использование, притязание	149,38	204,17	151,25	21,102	0,000
Превосходство, надменность	194,97	189,77	159,04	4,423	0,110

ВЫВОДЫ

1. Результаты проведенного психометрического анализа подтверждают пригодность адаптированной русскоязычной версии методики «Нарциссический опросник личности» для диагностики таких нарциссических черт личности (самовосхищение, самолюбование; лидерство, авторитетность; использование, притязание; превосходство, надменность), которые не входят в структуру DSM APA, но указывают на характеристики личности нарциссического типа (конкурентность и самоуверенность).

2. Адаптация методики «Нарциссический опросник личности» потребовала модификации исходного варианта, представленного J.Zimmermannom, при этом количество утверждений было сокращено с 40 до 37 без потери факторной структуры опросника.

3. Адаптированная методика «Нарциссический опросник личности» характеризуется точностью измерений, устойчивостью, а также удовлетворительной внутренней согласованностью по всем шкалам.

4. Опросник характеризуется удовлетворительной конструктивной валидностью и валидностью по половозрастной дифференциации. Факторная валидность опросника исследовалась с ориентацией на модель, предложенную R.A. Emmonsom. Согласно этой модели основными характеристиками личности нарциссического типа являются самовосхищение, самолюбование; стремление к лидерству, авторитетности; использовании, притязании на обладание; превосходство и надменность.

5. Последующая работа над адаптированной русскоязычной версией опросника, направленная на дальнейшее изучение конвергентной, дивергентной, прогностической и факторной валидности, позволит использовать методику для решения задач на прогнозирование нарциссических проявлений. Использование опросника в исследованиях различных социальных

групп и кросс-культурных исследованиях позволит проанализировать социально-психологический контекст существования нарциссизма.

Библиографический список

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С Урбина. – СПб.: Питер, 2001.
2. Блос, П. Психоанализ подросткового возраста / П. Блос. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. – 272 с.
3. Бодалев, А.А. Общая психодиагностика / А.А. Бодалев, В.В. Столин. – СПб.: Речь, 2002.
4. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер, 2003.
5. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов / П. Клайн. – Киев: ПАН Лтд, 1994.
6. Митина, О.В. Факторный анализ для психологов / О.В. Митина, И.Б. Михайловская. – М.: Психология, 2001. – 169 с.
7. Попов, Ю.В., Вид, В.Д. Современная клиническая психиатрия / Ю.В. Попов, В.Д. Вид. – СПб.: Речь, 2002.
8. Хотчкис, С. Адская паутина: Как выжить в мире нарциссизма / С. Хотчкис. – М.:Класс, 2010 – 248 с.
9. Шамшикова, О.А. Опросник «Нарциссические черты личности» личности / О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова // Психологический журнал – 2010. – №2. – С. 114-128.
10. Шамшикова, О.А. О принадлежности пола и способах нарциссической регуляции личности личности / О.А. Шамшикова, А.В. Гайдук // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – С. 324-349.
11. Шамшикова, О.А. Процедура стандартизации зарубежной методики «Narzissmusinventar» F.W. Deneke, В. Hilgenstock, R. Muller (1989–1994) / О.А.Шамшикова, Н.М.Клепикова // Развитие человека в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – С.260-286.
12. Barelds, D.P. Narcissistic Personality Inventory: structure of the adapted Dutch version / D.P.Barelds, P. Dijkstra // Scand J Psychol. – 2010. – № 51(2). – P. 132-138.
13. Brown, R.P. On the meaning and measure of narcissism / R.P.Brown, K. Budzek, M. Tamborski // Pers Soc Psychol Bull. – 2009. – № 35(7). – P.951-964.
14. Diagnostic criteria from DSM-IV-TR APA. Published by the American Psychiatric Association. Washington, DC. 2000.
15. DSM-IV (1994): American Psychiatric Association: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4-th Edition. Washington, DC, American Psychiatric Association.
16. Emmons, R.A. Narcissism: theory and measurement / R.A. Emmons // J Pers Soc Psychol 1987. - № 52(1). – P.11-17.
17. Foster, J.D. Individual differences in narcissism: InXated selfviews across the lifespan and around the world / J.D.Foster, W.K.Campbell, J.M.Twenge // Journal of Research in Personality. – 2003. – 37. – P. 469–486.
18. Kansi, J. The narcissistic personality inventory: applicability in a Swedish population sample / J. Kansi // Scand J Psychol. – 2003. – № 44(5). – P. 441 – 448.
19. Pincus, A.L. Initial construction and validation of the Pathological Narcissism Inventory / A.L. Pincus, E.B. Ansell, C.A. Pimentel // Psychol Assess. – 2009. – № 21(3). – P.365-379.

20. Raskin, R. A principal-components analysis of the Narcissistic Personality Inventory and further evidence of its construct validity / R. Raskin, H. Terry // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – 54. – P. 890–902.
21. Soyer, R.B. Further assessment of the construct validity of four measures of narcissism: replication and extension / R.B. Soyer, J.L. Rovenpor, R.E. Kopelman, L.S. Mullins, P.J. Watson // *J Psychol*. – 2001. – № 135. – P. 245-258.
22. Svindseth, M.F., Smebush O, Nutttestad JA, Roaldset JO, Wallin J, Dahl AA Psychometric examination and normative data for the narcissistic personality inventory 29 item version // M.F.Svindseth, O. Smebush, J.A. Nutttestad, J.O. Roaldset, J.Wallin, A.A. Dahl // *Scand J Psychol*. – 2009. – № 50(2). P. 151-159.
23. Zimmermann, J. Metrische Erfassung der Persönlichkeitsdimension „Narzi.mus» bei Normalpersonen, Patienten mit narzisstischen Persönlichkeitsstörungen und anderen Persönlichkeitsstörungen, unveröffentlichtes / J. Zimmermann. – Aachen, 1994.

УДК 159.923

E.N. Levshunova

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

TO THE QUESTION ON NATURE AND ESSENCE OF THE PHENOMENON OF «ALEXITHIMIC DISPLAYS OF THE PERSON» IN MODERN PSYCHOLOGY

In the given article the theoretical analysis of nature and essence of the phenomenon of «alexithimic displays of the person» in foreign and domestic literature is presented. The authors designate various theories considering reasons and conditions of formation alexithimia.

E.H. Левшунова

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА «АЛЕКСИТИМИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В данной статье представлен теоретический анализ природы и сущности феномена «алекситимические проявления личности» в зарубежной и отечественной литературе. Авторы обозначают различные теории, рассматривающие причины и условия становления алекситимии.

О природе и сущности феномена «алекситимия» в современной научной литературе не прекращаются споры. В отечественных и зарубежных исследованиях [1;6;7;8;14;16;24] открытыми остаются вопросы о происхождении алекситимии: в частности, о ее первичности или вторичности, генетической, травматической или социальной обусловленности, наличии ее зависимости от социальных, культурных и этнических особенностей общества, в котором живет человек; о ее стабильном характере или временном, приспособительном проявлении, которое может обнаружить себя в определенной жизненной ситуации [6].

Начало изучения феномена «алекситимия» относят к семидесятым годам двадцатого века [17; 23]. Однако в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что единой концепции, объясняющей природу и сущность алекситимии, по-прежнему не существует. Рядом исследователей (С.В. Мальхина, В.В. Николаева) выделяются три подхода, кардинально различающихся представлениями о причинах и условиях становления

алекситимии – это биологическая теория, теория травматической соматизации и теория социального научения [10; 11; 12; 13].

Биологическая теория рассматривает алекситимию как первичный процесс, в котором ведущая роль принадлежит генетическим механизмам, дефектам или особым вариантам развития головного мозга (П. Сифнеос, В.В. Калинин) такие характеристики позволяют именовать ее конституциональной или первичной [5;23]. Подход, утверждающий травматическую природу алекситимии, рассматривает ее как вторичное расстройство, которое проявляется в состоянии глобального торможения аффектов или «ощепенения», наступающего в результате массивной психической травмы. В этом случае алекситимия в патологической форме отражает горе или скрытую депрессию и рассматривается как защитный механизм, не являясь психологической защитой в классическом понимании [14].

Социально-психологический подход объясняет появление феномена алекситимии в аспекте поведения, культурных и социальных факторов. Большинство представителей данного подхода (Г. Кристал, Д. Тэйлор, С. Воликова, Н.Г. Гаранян, С.В. Мальхина, А.Б. Холмогорова и др.) считают, что алекситимия имеет психологическую, а не физиологическую основу. В связи с этим, эмоциональное развитие человека и соответственно патология эмоциональности находятся в прямой зависимости от характера отношений между человеком и окружающей его средой, начиная еще с раннего детства [12].

Третий подход [7; 8; 10; 12; 13; 24] объясняет появление синдрома алекситимии в аспекте социальных и культурных факторов, не отрицая, а подчеркивая наличие психической травмы. Один из ярчайших представителей социокультурного подхода, Г. Кристал [1; 7; 8] не рассматривает алекситимию как группу защитных механизмов, а исключительно как регрессию аффекта.

Можно рассматривать алекситимию как своеобразную форму парциальной задержки психического развития, а именно нарушение развития у ребенка способности выражать свои эмоции словами. Алекситимия возникает в том случае, если эта способность в достаточной мере не сформировалась. Кроме того, недостаточное воображение при алекситимии приводит и к нарушению процесса идентификации с окружающими, а соответственно, к неумению вообразить себя на месте собеседника и представить его чувства. А это приводит к неспособности чувствовать симпатию к другим людям и отсюда – к нарушению эмоционального контакта с людьми.

Отношения пациентов, страдающих алекситимией, с окружающими характеризуются формальностью, бездушностью, «гипернормативностью» [2], тем самым – неспособностью поддерживать устойчивые, действительно близкие и открытые отношения. Отчасти же проявления алекситимии, эмоциональной «зажатости», склонности скрывать свои чувства или по крайней мере не демонстрировать их открыто являются приобретенной реакцией, так как служат моделью для подражания (научение по модели, А. Бандура).

В самом деле, нередко подобное поведение поощряется обществом, и алекситимия тем самым в определенном смысле представляет собой социальную болезнь. В целом стереотипы поведения человека в обществе (в первую очередь связанного с эмоциональной экспрессией), способствующие формированию алекситимии, объединяются представлением о стандартах так называемого депрессивного сообщества: нельзя показывать свои эмоции открыто, дабы они не были приняты окружающими за проявления слабости [10].

Многие исследователи алекситимии согласны, что основные ее источники находятся в дисфункциональных стереотипах семейных отношений, когда не поощряется свободная экспрессия чувств с помощью значимых слов, а используемые в семье «пустые» слова не приводят к адекватному

взаимопониманию. Анализ истории жизни алекситимических личностей показывает, что функцию организатора деятельности и главного «контролера» подобных лиц обычно выполнял их близкий человек, как правило мать (вплоть до периода взрослости алекситимиков). Неразрывная симбиотическая связь с матерью служила препятствием к формированию собственных целей, намерений, ориентации на автономию.

Иначе говоря, собственная деятельность саморегуляции у подобных личностей оказалась недостаточной или совсем несформированной. Следствием этого явилось формирование неустойчивой и ограниченной по содержанию жизненной направленности, задержка в усвоении приемов произвольного опосредования и незрелость рефлексии [1; 7; 8].

В рамках структурного психоанализа (в основе этого течения лежит языковая проработка словесных проявлений судьбы) уделяется особое внимание свободному обмену словами, языковой проработке болезненного опыта, смене «пустых» слов на «полные». В этом контексте некоторые ученые, например А.А. Зайченко, считают, что с алекситимией этиопатогенетически могут быть связаны речевые расстройства неясного происхождения [4]. Эти нарушения возникают без видимых причин, при отсутствии неврологических расстройств, нормальном развитии слуха и невербального интеллекта.

Подобные речевые расстройства интерпретируются как репрезентация неврогической попытки вербализации ребенком своего болезненного опыта в условиях жесткой цензуры Супер-Эго. Они характеризуются разрывом между высокой рецепцией речи и низкими продуктивными навыками, заключающимися в нарушении способности выражать свои мысли в синтаксически, фонологически и семантически правильной форме [1].

Существуют значительные расхождения в понимании природы алекситимического феномена, его статуса, взаимоотношении с другими устоявшимися категориями психопатологии. Возможное влияние генетического фактора на присутствие алекситимии подтверждается исследованием: Ag. Heiberg, продемонстрировавшим более значительные внутрисемейные различия по алекситимии у дизиготных близнецов по сравнению с монозиготными [3; 14; 18].

Некоторыми авторами алекситимия рассматривается как следствие недостаточной связи левого (сознательного, вербального, малоэмоционального) и правого (подсознательного, невербального, эмоционального) полушарий. При этом человек как бы живет в состоянии непрекращающегося внутрисемейного (межполушарного) конфликта – у него по сравнению с «обычными» людьми в большей степени выражено доминирование вербального полушария и подавление невербального.

Существует мнение, что нарушение взаимодействия между полушариями имеет свою органическую основу в виде разрывов мозолистого тела, которое обеспечивает связь между ними. Эти морфологические нарушения незначительны (возможно, существуют лишь на микроструктурном уровне) и не вызывают существенного неврологического дефицита [15].

Существует и нейрофизиологическая ветвь гипотез относительно природы алекситимии. К. Норре предположил, что в основе когнитивных и аффективных проблем, связанных с алекситимией лежит «функциональная комиссуротомия», блокирующая взаимодействие левого и правого полушарий головного мозга. Он обнаружил качественное и количественное уменьшение фантазий, грез и символизма у людей, перенесших комиссуротомию [3; 14; 19].

Концепция алекситимии, в том виде как она была сформулирована Сифнеосом, породила интерес к изучению соотношения между уровнями идентификации и описания собственных эмоций и подверженностью психосоматическим расстройствам. Была выдвинута гипотеза, согласно которой ограниченность осознания эмоций и когнитивной переработки аффекта ведет к

фокусированию на соматическом компоненте эмоционального возбуждения и его усилению. Этим, вероятно, и объясняется установленная рядом авторов тенденция алекситимических индивидов к развитию ипохондрических и соматических расстройств [24]. Было высказано предположение, что неспособность алекситимических индивидов регулировать и модулировать причиняющие им страдания эмоции на неокортикальном уровне может вылиться в усиление физиологических реакций на стрессовые ситуации, создавая тем самым условия, ведущие к развитию психосоматических заболеваний [3].

J. Nemiah развил идею P. Mac Lean, о возможности блокировки импульсов от висцерального (эмоционального) мозга к коре. Алекситимическое расстройство он локализует в палеостриарном тракте, каким-то образом подавляющем импульсы, идущие от лимбической системы к кортексу, следствием чего и является неспособность осознавать и вербализовывать эмоции [3; 14; 21].

J. Nemiah для объяснения синдрома алекситимии и ее роли в формировании психосоматических расстройств [21; 22] выделил две модели: «отрицания» и «дефицита». Модель «отрицания» предполагает глобальное торможение аффектов. Если отрицание рассматривать как психологическую защиту, то теоретически можно допустить обратимость защитного процесса и последующее исчезновение синдрома алекситимии и соматических симптомов. В этом случае можно говорить о «вторичной алекситимии», то есть состоянии, которое обнаруживается у некоторых пациентов, перенесших тяжелые травмы, и у пациентов с психосоматическими заболеваниями, которые после проведенной психотерапии обретают чувства и фантазии, ранее столь поразительно у них отсутствовавшие [3; 21; 22].

Однако, как показывает клинический опыт [3; 14], у многих больных с психосоматическими нарушениями алекситимические проявления необратимы, несмотря на длительную, интенсивную и искусную глубинную психотерапию. Такие больные остаются тотально неспособными на аффект и фантазию. Для них более приемлемой представляется модель дефицита. В соответствии с этой точкой зрения имеет место не торможение, а отсутствие функций и лежащего в их основе ментального аппарата [3]. В модели дефицита акцент делается на разладе инстинкта, который, минуя психическую переработку из-за сниженной способности символизировать инстинктивные потребности и фантазировать, непосредственно воздействует на соматику с неблагоприятными последствиями. Этой модели придерживается и автор термина алекситимии П. Сифнеос [23].

Социологические теории алекситимии, в противоположность физиологическим, пытаются встроить этот синдром во внешний социальный контекст и объяснить его извне действующими факторами. R. Bogens показал, что фиксированность на симптомах, выражение эмоций с помощью языка тела и т. д. могут быть свойственны и психосоматическим больным, и больным с функциональными расстройствами. Он предположил, что алекситимия связана с низким социальным статусом, носители которого обычно имеют невысокий уровень образования и словесной культуры [3].

Специально проведенное исследование способности к саморефлексии и фантазированию, а также реакций на конфликты больных из низкого и высокого социальных слоев показало, что последние характеризовались врачами как более креативные, творческие, интересные люди. Даже молчание в беседе с таким пациентом оценивается как «упрямое», «стойкое», тогда как в случае больного с низким социальным статусом – как «скучное» и «пустое» [3].

F. Lolas рассматривал алекситимию как феномен, в огромной степени зависящей от взаимодействия испытуемого терапевта и экспертного характера ситуации. Он подчеркивал, что особенности коммуникативного стиля, провал

функции коммуникации эмоций (именно так понимают многие исследователи суть алекситимии) необходимо рассматривать в контексте соответствующей культуры.

Например, немногословность и сдерживание эмоций, будучи нормой для некоторых культур, для других таковыми не признаются, что, однако, не является основанием для рассмотрения этого коммуникативного стиля как болезненного или дефектного [3]. Многие исследователи пытались рассмотреть природу алекситимии с психоаналитической точки зрения. С позиций фрейдовской модели невроза этот синдром концептуализировался как особый тип защиты против непереносимых аффектов, которые, будучи подавленными, приводят к расстройству деятельности внутренних органов [7; 8; 9]. Производное от этих представлений понятие соматизации аффекта используется в связи с алекситимией и в настоящее время. Так, например, J. Kauhane обнаружил, что выраженность выше у тех индивидов, которые предъявляют больше жалоб соматического характера (головные боли, тремор рук и т. п.). Эти же люди чаще, чем неалекситимичные, оценивают состояние своего здоровья как неудовлетворительное [20]. По заключению автора, эти данные могут свидетельствовать о возможной соматизации аффекта [3; 14; 20].

Очень многие современные работы явно или неявно основаны именно на представлении об алекситимии как о защите. Наблюдаемые у пациентов с угрожающими жизни болезнями (раком и т.п.) паттерны поведения – гибернализация или, напротив, гиперактивность в сочетании с эмоциональным «отупением» – рассматриваются как защита от невыносимых аффектов. В связи с этим развито понятие вторичной алекситимии, которая в хронической или острой формах появляется у пациентов в особой стрессовой ситуации и вбирает в себя отрицание болезни, вытеснение, элемент покорности обстоятельствам [3].

Поскольку алекситимия может встречаться и у здоровых людей, и у больных с различными заболеваниями, то следует иметь в виду, что алекситимия — это не «мотивированное забывание», которое может объясняться простым вытеснением или отрицанием и которое можно обнаружить в оговорках, распознаваемом переносе. Ее следует отличать от такого рода психической нечувствительности, которая может развиваться как активный мотивированный процесс вследствие массивной психической травмы, угрожающей изоляцией, дезинтеграцией и депрессией; ее следует отличать также от тех видов познавательной деятельности и экспрессии, которые характеризуют сходные виды таких психиатрических синдромов, как привычные аффективные нарушения при вялотекущей шизофрении, а также от того типа операционального мышления, которое характерно для малограмотных или когнитивно неразвитых, по Пиаже, людей. То, что квалифицируется как алекситимия, в некоторых случаях может оказаться культурной или субкультурной характеристикой.

Таким образом, алекситимия трактуется с различных позиций: как проявление защитного механизма, как социокультурный феномен, как задержка или регрессия аффективного и когнитивного развития, как нейрофизиологический дефект и т.д. Остаются по-прежнему открытыми вопросы о наличии ее зависимости от социальных и культурных особенностей общества, в котором живет человек. А также о ее стабильном или временном характере, приспособительном проявлении, которое может обнаружить себя при определенных условиях и в определенной жизненной ситуации.

Библиографический список

1.Белашина, Т.В. К вопросу об алекситимии и алекситимически подобных проявлениях личности / Т.В. Белашина // Социокультурные проблемы современной молодежи:

- материалы Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – Ч. I. – С.234 – 242.
2. Бройтигам, В. Психосоматическая медицина / В. Бройтигам, П. Кристиан. – М.: Гэотар медицина, 1999. – 376с.
 3. Былкина, Н.Д. Алекситимия / Н.Д. Былкина // Вестник Московского ун-та. – 1995. – № 1. – С.43 – 53.
 4. Зайченко, А.А. Психоаналитическая интерпретация идиопатических нарушений речи / А.А. Зайченко // Становление детской речи. – 1995. – №2. – С.45 – 46.
 5. Калинин, В.В. Алекситимия, мозговая латерализация и эффективность терапии ксанаксом у больных паническим расстройством / В.В. Калинин // Соц. и клинич. психиатрия. – 1995. – № 5 (4). – С.96 – 102.
 6. Коростелева, И.С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств /И.С. Коростелева, В.С. Роттенберг // Телесность человека. – М.: Философское общество СССР, 1993. – С.25 – 40.
 7. Кристал, Г. Терапевтические стратегии при алекситимии / Г.Кристал // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – №3. – С.54-68.
 8. Кристал, Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия / Г. Кристал. – М.:Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 800с.
 9. МакДугалл, Дж. Алекситимия: психоаналитический аспект / Дж. Мак-Дугалл. – 1985. – [Электронный ресурс] – //http://www.riku.ru/lib/alexithimia.htm.
 10. Мальхина, С.В. Семейные факторы формирования алекситимии / С.В. Мальхина // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2004.– №5. – 2004. – С.23–38.
 11. Николаева, В.В. О психологической природе алекситимии [Электронный ресурс] / В.В. Николаева // Интернет-журнал «Ломоносов», 2000 – Режим доступа – <http://lomonosov.rambler.ru>.
 12. Никулина, Д.С. Алекситимические проявления студентов вуза / Д.С. Никулина // Известия ТРТУ. – 2004. – № 6 (4) – С.314–317.
 13. Никулина, Д.С. Об алекситимических проявлениях у студентов технического вуза / Д.С. Никулина // Известия ТРТУ. – 2004. – № 8 (43) – С. 156-157.
 14. Провоторов, В.М. Алекситимия / В.М. Провоторов, Ю.Н. Чернов, О.В. Лышова, А.В. Будневский // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2000. – №6. – С.66–70.
 15. Сандомирский, М.Е. Психосоматика и телесная психотерапия: практическое руководство / М.Е. Сандомирский. – М.: Класс, 2005. – 592с.
 16. Семенова, Н.Д. Возможности психологической коррекции алекситимии / Н.Д. Семенова // Телесность человека. – 1993. – С.94–100.
 17. Смулевич, Б. Глоссарий терминов (депрессия в общей медицине) [Электронный ресурс] / Б. Смулевич – Режим доступа – <http://www.vocabulary.ru/dictionary/29>.
 18. Heiberg, Ar., Heiberg, As. A possible genetic contribution to alexithymia traits. *Psychother Psychosom* 1978; 30: 3-4: 205-210.
 19. Hoppe, K.D. Hemispheric specialization and creativity / K.D. Hoppe. – *Psychiat Clin North Am*, 1988; 11: 3: 303-315.
 20. Kauhanen, J., Kaplan, G.A., Julkunen, J. et al. Social factors in alexithymia / J. Kauhanen, G.A. Kaplan, J. Julkunen. – *Compr Psychiat*, 1993; 34: 5: 330-335.
 21. Nemiah, J. C., Sifneos, P. E. Affect and fantasy in patient with psychosomatic disorders / Ed. O. W. Hill // *Modern Trends in Psychosomatic Medicine*. – London, 1970.
 22. Nemiah, J.C., Sifneos, P.E. Psychosomatic illness and problem of communication / J.C. Nemiah, P.E. Sifneos. – *Psychother Psychosom*, 1970; 18: 154-160.
 23. Sifneos, P. E. The prevalence of «alexithymia» in psychosomatic patient / P. E. Sifneos // *Psychother. Psychosom*. – 1973. – Vol. 22. – p. 255 – 262.
 24. Taylor, G.J., Bagby, R.M., Parker, J.D.A. Disorders of Affect Regulation: Alexithymia in Medical and Psychiatric Illness / G.J. Taylor, , R.M. Bagby, J.D.A. Parker. –Cambridge: University Press, 1999.

BODY-BOUNDARIES FEATURES OF MOTHERS WITH PERSONALITY DISORDERS

The features of emotional, cognitive, motivational and corporal (bodily) experience of motherhood at women with personal disorders are allocated. The internal boundary of a corporality of women with personal disorders is defined.

Н.В. Осипова
Ставропольский государственный университет, г. Ставрополь

ОСОБЕННОСТИ ГРАНИЦ ТЕЛА МАТЕРЕЙ С ЛИЧНОСТНЫМИ РАССТРОЙСТВАМИ

Выделены особенности эмоционального, когнитивного, мотивационного и телесного опыта материнства у женщин с личностными расстройствами. Определена внутренняя граница телесности женщин с личностными расстройствами.

Понятие материнства в науке крайне неоднозначное. Можно выделить и точку зрения на материнство, как на божественный дар, единственно возможную форму самореализации женщины; и точку зрения, определяющую материнство как препятствие любви и творчеству. Отношение к материнству в истории человечества изменялось в зависимости от представлений о нем в данной конкретной культуре. Даже в те времена, когда возможности женщины в социальном мире минимальны, мать и хранительница домашнего очага почтенны и уважаемы. Материнство позволяет женщине, даже при максимальной ограниченности ее социальных отношений и свобод, оказывать влияние на культурный процесс всего общества. Исследования феномена материнства многообразны и ведутся в самых различных аспектах, дополняя и уточняя известные на сегодняшний день факты. Тем не менее, как считают и сами авторы исследований [2; 5; 7], существует еще очень большое «поле» для дальнейших исследований. Материнство, отягощенное психической патологией, является важным объектом для изучения. Личностные особенности накладывают заметный отпечаток на материнскую функцию женщины, и дают широкий спектр нарушений от агрессии до безразличной пассивности по отношению к ребенку. Материнское чувство привязанности к ребенку формируется во время беременности, в том числе и благодаря новому телесному опыту. Телесный опыт беременных чрезвычайно специфичен. Он участвует в формировании привязанности не только как фактор, стимулирующий появление тех или иных фантазий будущих матерей, но и непосредственно связан с более глубинными, витальными, физиологическими аспектами этого чувства [1; 4].

Обзор психологических исследований феномена материнства, а также девиантного материнства, позволил выдвинуть гипотезу об особенностях эмоционального, когнитивного, мотивационного и телесного опыта материнства у женщин с личностными расстройствами, не характерных для условно-здоровых матерей.

Результаты теоретического обзора позволили спроектировать эмпирическое исследование, направленное на изучение феномена материнства у женщин с личностными расстройствами и у условно-здоровых женщин.

В ходе исследования было показано, что наличие невротических явлений в большей степени характерно для женщин с личностными расстройствами. Это проявляется в виде: вегетативных нарушений – неустойчивость сосудистого тонуса, аппетита, сна, снижение сердечно-сосудистой деятельности, расстройства желудочно-кишечного тракта, нарушения терморегуляции, изменения сосудистой проницаемости, эпизодические головные боли; навязчивых воспоминаний – сомнения, опасения, страх заболеть каким-либо тяжелым заболеванием, страх темноты, страх одиночества, страх открытых площадей и закрытых пространств, неуверенность в своих поступках, при принятии решений; астении – явления снижения работоспособности, быстрая утомляемость, раздражительность, вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость, слабость, нарушения внимания; истерического реагирования – требования признания, повышенная чувствительность, впечатлительность, обидчивость. Такие проявления часто сопровождаются вегетативно-соматическими проявлениями: нарушением деятельности сердечно-сосудистой системы, нарушением дыхания, тиками, двигательными нарушениями; невротической депрессии – пониженный фон настроения, не доходящий до степени тоски, ограничение контактов с окружающими, снижение интересов до апатии, чувство безрадостности, ослабление тонуса, энергии, беспокойство по поводу чувства одиночества, обделенности судьбой; тревожности – беспокойство по поводу здоровья своего или своих близких, неуверенность при общении с окружающими, плохая переносимость ожидания, нетерпеливость, непоседливость, нерешительность.

Высокий уровень невротизации у женщин с личностными расстройствами проявляется эмоциональной возбудимостью, тревожностью, напряженностью, беспокойством, растерянностью, раздражительностью. Имеет место ипохондрическая фиксация на неприятных соматических ощущениях. Характерно сосредоточение на переживании своих личностных недостатков, что формирует и поддерживает чувство собственной неполноценности, затруднительность в общении, социальную робость и зависимость. Подобные явления не свойственны женщинам контрольной группы.

У женщин с личностными расстройствами отмечается высокий уровень нейротизма свидетельствующий о чрезвычайной нервности, неустойчивости, плохой адаптации, склонности к быстрой смене настроений, чувстве виновности и беспокойства, озабоченности, депрессивных реакциях, рассеянности внимания, неустойчивости в стрессовых ситуациях, эмоциональности, импульсивности в контактах, изменчивости интересов, неуверенности в себе, выраженной чувствительности, впечатлительности, склонности к раздражительности. Высокий уровень нейротизма может явиться причиной развития неврозов у детей.

В группе женщин с личностными расстройствами отмечается преобладание родительского отношения по типу контролирующего и по типу «маленький неудачник»: матери склонны вести себя слишком авторитарно по отношению к ребенку, требуя от него безоговорочного послушания и задавая ему строгие дисциплинарные рамки. Они навязывают ребенку почти во всем свою волю. Родительское отношение по типу «маленький неудачник» проявляется в следующем: матерям с личностными расстройствами характерно считать ребенка маленьким неудачником и относиться к нему как к несмышленому существу. Интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка кажутся матерям несерьезными, и они игнорирует их. Они склонны к излишней

концентрации на ребенке, отличаются чрезмерной заботой, стремятся исключить внутрисемейные влияния на ребенка, опасаются его обидеть. Однако, им специфично стремление подавлять сексуальность и агрессивность ребенка, а также его волю. Матерям с личностными расстройствами присуще чрезвычайное вмешательство в мир ребенка, они нередко стремятся ускорить его развитие. Также женщины с личностными расстройствами в семейных отношениях склонны к самопожертвованию.

В группе условно-здоровых женщин нет отрицательного отношения к детям, в группе матерей с личностными расстройствами отрицательное отношение к ребенку выявлено у 25% испытуемых. Актуальное эмоциональное состояние условно-здоровых женщин характеризуется большим благополучием, чем актуальное эмоциональное состояние женщин с личностными расстройствами. Женщины с личностными расстройствами чаще, чем условно-здоровые женщины, испытывают к близким негативное, конфликтное отношение.

Внутренняя граница телесности [3] условно-здоровых женщин оптимальна и универсальна. Для условно-здоровых женщин характерна сформированная, отчетливая, устойчивая, хорошо защищающая и восприимчивая граница. Внутренняя граница телесности женщин с личностными расстройствами характеризуется как недостаточно сформированная или поврежденная, неустойчивая, высокопроницаемая. Чувство открытости, незащищенности порождает как страх нападения извне, ведущий к защитной изоляции, сокращению контакта с внешним миром, так и страх собственного распада, провоцирующий поиск «стимуляции» для укрепления своей границы.

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно говорить о следующем, высокие показатели невротического состояния у женщин с личностными расстройствами. Наличие невротического состояния влияет на семейные отношения, увеличивает проблемы в отношениях с детьми. Невроз у матерей часто предшествует развитию невроза у детей. Результатом выраженного чувства беспокойства или тревоги в родительском отношении, как правило, выступает гиперопека, как неестественный, повышенный уровень заботы. Гиперопека является в таких случаях навязчивой, невротически спроецированной потребностью в психологической защите, скорее себя, чем ребенка. Мать непрерывно испытывает страх, что с ним может что-то случиться, произойти и предохраняет от всех, даже кажущихся опасностей. Невротизация женщин с личностными расстройствами проявляется вегетативными нарушениями, обсессивно-фобическими нарушениями, астенией, истерией, невротической депрессией, тревогой. По данным Е.Т. Соколовой, невротическое состояние является причиной в затруднениях установления доверительных отношений с другими людьми, однако не столько из-за отсутствия душевного тепла, а скорее из-за неуверенности в себе. Впоследствии эти личностные особенности проявляются в стиле родительских отношений: например, связь между жестокостью родителей и отвержением их самих в детстве, влияние низкой самооценки матери на формирование заниженной самооценки у ребенка [6].

Когнитивный и мотивационный опыт материнства, т.е. ценностные установки, представления о материнстве, ребенке, себе и детско-родительских отношениях у женщин с личностными расстройствами имеют особенности, не характерные для условно-здоровых матерей. Это проявляется в склонности к самопожертвованию, авторитарности по отношению к ребенку с одной стороны и чрезмерной заботой о ребенке с другой. Женщинам с личностными расстройствами характерно считать ребенка маленьким неудачником, они

склонны игнорировать его «Я». Им специфично стремление подавлять сексуальность и агрессивность ребенка, а также его волю. Матерям с личностными расстройствами присуще чрезвычайное вмешательство в мир ребенка, они нередко стремятся ускорить его развитие. Условно контроль разделяется на отношение родителей к дисциплине и конкретное выражение ее в виде санкций (стимуляция, в том числе подгонка, ограничения, порицания, угрозы и физические наказания). В случаях, когда для родителей характерны тревожность, мнительность и невротические состояния, непоследовательность и конфликты в семье, не происходит реализация установок родителей. Чрезмерный контроль часто распространяется на эмоциональную и двигательную активность детей, непосредственность в выражении чувств, приготовление уроков и «свободное» времяпрепровождение. Избыток контроля наблюдается также в отношении приема пищи и формирования навыков самообслуживания в первые годы жизни детей. Нередко контроль носит характер тотальных, прямо или косвенно подразумеваемых запретов, когда запрещается делать что-либо без разрешения или даже выражать свои желания. Часть матерей с личностными расстройствами продемонстрировали отрицательное отношение к ребенку.

Библиографический список

1. Айвазян, Е.Б. Развитие телесного и эмоционального опыта женщины в период беременности : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / Е.Б. Айвазян. – Москва, 2005. – 319с.
2. Айвазян, Е.Б., Аронова, Л.Е., Урядницкая, Н.А. Некоторые аспекты психологического изучения беременности: от анализа практики к проектированию исследования / Е.Б. Айвазян, Л.Е. Аронова, Н.А. Урядницкая // Альманах Коррекционной педагогики РАО. – №8. – 2004.
3. Бескова, Д.А., Тхостов, А.Ш. Телесность как пространственная структура // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. – С.236-252.
4. Брутман, В.И., Радионова, М.С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В.И. Брутман, М.С. Радионова // Вопросы психологии. – № 6. – 1997. – С.38-47.
5. Мещерякова, С.Ю. Психологическая готовность к материнству / С.Ю. Мещерякова // Вопросы психологии. – 2000. – №5. – С.18-27.
6. Соколова, Е.Т., Николаева, В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. – М.: Аргус, 1995. — 360 с.
7. Филиппова, Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие / Г.Г. Филиппова. – М.: Институт Психотерапии, 2002. – 240 с.

УДК 159.9+61+316.3/4

V.V. Otradinskaya

Russian state social university, Moscow

THE PROBLEM OF DESENSITIZATION OF MOTHERS LOSING CHILDREN AS A RESULT OF ACT OF TERRORISM AT BESLAN SCHOOL

In the article features of experience of loss of child by mothers are considered losing their children as a result of act of terrorism. The results of empirical research of socially-psychological features of experience of loss of the child after almost 4 years after tragedy are presented.

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МАТЕРЕЙ, ПОТЕРЯВШИХ ДЕТЕЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРАКТА В БЕСЛАНСКОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются особенности переживания утраты ребенка матерями, потерявшими детей в результате теракта. Представлены результаты эмпирического исследования социально-психологических особенностей переживания утраты ребенка спустя почти 4 года после трагедии.

Современный мир постоянно сотрясают масштабные трагедии, катастрофы, природные катаклизмы. Следствием этого стали не только громадное количество смертей, но и миллионы искалеченных судеб. Зачастую жертвами становятся дети.

В то же время особо заметен недостаток в области психологии утраты ребенка. В немногочисленных работах акцент делается на том, что болезненные реакции родителей будут более острыми за счет того, что на это переживание будут накладываться супружеские отношения и, главным образом, то, что родители не готовы, что ребенок уйдет раньше их, в связи, с чем они будут чувствовать вину и потерю смысла жизни [1; 6; 7]. Дж. Холлис подчеркивает, что чувство вины часто бывает настолько сильным, что они принимали «сознательное или бессознательное решение похоронить себя заживо. Так, они ходили по кругу, эмоционально опустошенные, живущие в молчании и подозрительности, никогда не ощущая ни вкуса жизни, ни ее радостей» [10, с.28].

К.У. Перриш-Харра сравнивала смерть ребенка с двойной смертью: реальной потерей с сопутствующей ей болью и «вторичной» смертью – смертью надежд и мечтаний о том, что этот ребенок мог принести в нашу жизнь [8].

Родительское горе, по сути своей являющееся противоестественным событием, потому что с момента его рождения они по-другому видят свое будущее – оно связано с ребенком и уверенностью, что он будет жить дольше, чем мать и отец. Горе родителя переживается особенно долго и интенсивно и зачастую сопровождается сильнейшими эмоциональными проявлениями, такими как вина перед ребенком, депрессивное настроение, потеря смысла жизни, возмущение, протест [1; 11].

Разница между отцовским и материнским переживанием утраты ученые определяют так: женщины сразу же дают волю чувствам, оплакивая ребенка, мужская же скорбь имеет более длительный или отложенный характер - через год женская боль постепенно утихает, а отцы возвращаются к своей потере и обращаются к женам за поддержкой. Приведенные заключения описаны в книге Р. Моуди и Д. Аркэнджел, но ссылок на подтверждающие это исследования в ней не содержатся [6].

Интересной является работа, посвященная переживанию утраты ребенка, произошедшей 2-4 года назад. Канадские исследователи A. Lang, L. Gottlieb, R. Amsel исследовали супружеские пары и выяснили, что мужья испытывают меньше вины, тоски и страха смерти, потери смысла жизни, чем их жены [11].

На основе теоретического анализа литературы мы выстроили модель переживания утраты ребенка, в которую входят следующие компоненты:

- **поведенческий** (способы психологической защиты, стратегии совладающего поведения, разговоры с умершим ребенком, «поклонение» месту гибели ребенка или месту захоронения, существование комнаты в память о ребенке, избегание встреч с детьми возраста ушедшего, социальная изолированность),

- КОГНИТИВНЫЙ (ощущение своей крайней несчастью, суицидальные мысли, оценка помощи окружения, представление о ценностях, представления о Боге, представления о виновнике трагедии, представления о смысле жизни)
- ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ (чувство вины, плач как реакция на воспоминание, тревога, депрессия).

Каждый из этих компонентов мы исследовали у матерей, которые потеряли детей в результате трагедии в Беслане 1-3 сентября 2004 года. На момент исследования прошло 3,5 года с момента трагедии.

Сразу оговоримся, что утрата ребенка в результате теракта является, по мнению психологов, особенно тяжелой утратой по нескольким причинам: внезапная или насильственная гибель близкого, трагические ситуации неопределенности (когда близкий исчез, без вести пропал, не похоронен); умерший играл исключительную роль в жизни скорбящего, был для него целью и смыслом жизни [5].

Мы исходили из мнения большинства психологов, что процесс переживания утраты, который получил название «работа горя», свойственна динамика. Нормальное протекание горя характеризуется присутствием всех стадий и симптомов горя и продолжительностью от трех месяцев до двух лет (в западной психологии – до трех лет). Чаще всего процесс восстановления продолжается еще дольше, а случаи, когда «он короче, крайне редки» [3, с.132], хотя в МКБ-10 написано, что «нормальные реакции горя не превышают 6 месяцев, а если горе длится дольше, оно должно рассматриваться как аномальное» [9, с.78]. Срок в год на восстановление состояния после потери дают Р. Моуди и Д. Аркэнджел в работе «Жизнь после утраты» [6]. Но большинство авторов все же полагают, что средний срок, в течение которого произойдет стабилизация личности, составляет 4-6 лет. За это время перенесшие утрату восстанавливают свою жизнь до практически нормального состояния. Критерием завершения переживания острого горя является способность говорить об умершем без сильной боли, выход из состояния крайней зависимости от умершего, способность адресовать большую часть чувств не усопшему, а другим людям приспособление к окружающему миру и формирование новых взаимоотношений с умершим, где нет места чувству вины, гневу, отчаянию [1; 3; 4; 5]. В связи с вышесказанным, мы исходили из того, что спустя 3,5 года «работа горя» будет либо закончена, либо подходить к концу.

Однако, поговорив с 20 женщинами, которые в результате трагедии потеряли одного или двух детей, мы пришли к выводу, что завершение «работы горя» присутствует лишь в единичных случаях. В остальных случаях мы можем говорить об остром горе, характеризующемся физическим страданием, ощущением своей крайней несчастью, поглощенностью образом умершего (постоянные обращения к умершему, комната в его память), виной, враждебными реакциями, утратой прежних моделей поведения, мыслями и попытками самоубийства, депрессией, высоким уровнем тревоги, отчаянием, острой болью, пессимистическим взглядом на будущее. Рассмотрим каждый из этих компонентов отдельно.

Так, например, почти все пострадавшие матери (89%) в течение всего времени с момента трагедии постоянно испытывают ощущение потерянности, оцепенения и потерянности. Они характеризовали свое состояние и чувства после трагедии ответами, которые мы объединили в четыре группы: нежелание жить («я не живу»), «жизнь не имеет смысла», «все закончилось, жизнь идет впустую»), признание себя отличной от той, что была до трагедии («я стала другая: мало, что радует», «я не такая»), чувство одиночества («я одна», «не нужна никому», «мне трудно без моего ребенка»), физические и моральные страдания («раздавленность», «у меня боль на душе»).

Большая часть матерей даже спустя три с половиной года после трагедии не избавились от ощущения, характерного для начальных этапов работы горя, что они самые несчастные люди на свете. Три четверти опрошенных признали, что данная мысль постоянно посещает их.

Одним из основополагающих признаков патологического горя является поглощенность образом умершего, выражающаяся в наличии комнаты памяти ребенка и постоянных обращениях к ребенку. 19 из 20 матерей признались, что сохранили комнату ребенка в том же виде, что и при его жизни, или выделили одну в качестве комнаты в память о ребенке (лишь одна мать призналась, что такой комнаты у нее нет, хотя «многие его вещи я храню, но специально отведенного помещения для этого у меня нет»). 90% опрошенных матерей ответили, что они постоянно обращаются к ребенку за советом, разговаривают с ним, просят прощения, ругают за то, что те не послушались и пошли в школу.

Чувство вины за смерть ребенка прослеживается в ответах почти половины матерей. Ощущение своей вины прослеживалось в описании события, связанного с ребенком и в ответе на вопрос: «Какая мысль сейчас больше всего вас волнует?» Предложив вспомнить случай, связанный с ушедшим, они чаще всего описывали события, произошедшие в последние дни перед трагедией, в которых они видели собственную вину за будущие события: «я не успела позвонить 1 сентября утром», «я не покормила ее с утра, а ведь все эти три дня они не ели», «уходя один в школу, он оглянулся, и взгляд был очень грустным, я должна была его остановить» и т.д. Четверть матерей больше всего волнует мысль о том, что «я здесь, а мой ребенок там», «о том, что я не смогла помочь», «лучше бы Бог забрал меня, а не его, я ведь уже пожила, а он - нет», «несмотря на плохие предчувствия, ее пустила». Была и ситуация, когда мать не верила, что эксгумация была проведена верно, и что останки принадлежат ее сыну. Это еще раз подтверждает, что неизжитое горе чаще всего бывает у тех, кто не смог «хорошо» проститься с умершим: не видел мертвое тело или не был на похоронах.

Враждебные реакции направлены, прежде всего, на ближайшее окружение и предполагаемых виновников трагедии. Зачастую роль окружения оценивается пострадавшими отрицательно: они либо недовольны помощью и поддержкой, либо сами не верят в то, что им может быть оказана помощь, и считают, что только они сами могут справиться со своим состоянием. В вопросе о виновниках трагедии испытуемые выражают редкое единодушие: все они обвиняют в смерти детей власть на местном и федеральном уровне.

Утрата прежних моделей поведения выражается в признаниях почти половины матерей о том, что после трагедии они стали больше жить интересами других, стали более сострадательными, терпимыми, заботливыми, больше помогают другим, входят в общественные и другие комитеты, правда, в некоторых ответах причиной такого интереса к другим называлось и то, что «своих интересов нет».

Половина респондентов признались, что и спустя три с половиной года их периодически посещают мысли о самоубийстве, в некоторых случаях даже предпринимались попытки суицида, по разным причинам неудавшиеся, причем это далеко не всегда люди, оставшиеся после трагедии одинокими. Это еще раз подчеркивает мнение психологов, работающих в области психологии утраты, что количество оставшихся детей у матери не влияет на процесс переживания утраты, потеря каждого ребенка уникальна.

У 65% и 70% матерей отмечается высокие уровни тревоги и депрессии соответственно. Высокая тревожность связана, прежде всего, с боязнью повторения теракта и потери близких. Клинический уровень депрессии характеризуется нежеланием жить, отсутствием стратегии последующей жизни, самообвинительными и упадочническими настроениями.

Состояние отчаяния и острой боли, характеризующееся ощущением своей крайней безнадежности и упадка духа, выражается в таких типичных заявлениях матерей: «Нет смысла жить дальше», «Все потеряло смысл», «Я не живу, а доживаю» - и признания ухудшения их физического и психического состояния после потери ребенка.

Пессимистический взгляд на будущее, а чаще даже полное непонимание смысла жизни встречается у трети опрошенных матерей. При этом мы условно разделили их на две группы: первая группа считает, что настоящая и будущая жизнь у них ни в чем не заключается или они не знают, в чем она заключается, смысла жизни теперь у них нет; вторая группа опрошенных ответили, что смыслом жизни для них является «жить в мире», «дальше жить» - данный ответ мы также считаем доказательством неопределенности и подавленности, размытости жизненных приоритетов и ориентиров, желания уйти от ответа, поэтому мы и относим их к группе матерей, которые не смогли назвать смысла своей настоящей и будущей жизни.

Нам показалось интересным то, как пострадавшие матери продолжили оценить свое отношение к Богу после трагедии. Среди ответов наблюдается три полярности: отношение к Богу трагедия не изменила – 30% («отношение не изменилось, ближе к нему не стала», «верила и верю», «такова судьба»), отношение изменилось в худшую сторону – 30% («перестала верить, если бы он был, он бы этой ситуации не допустил», «обиделась, что не помог»), отношение изменилось в лучшую сторону – 40% («после этого в феврале 2005 года с дочкой покрестилась», «больше стала считаться с Богом»). В полученных результатах видно, что для одних эта ситуация стала поводом поверить в Бога или еще больше поверить в него, для кого-то та же самая ситуация оттолкнула от Бога, заставила усомниться в его существовании, обидеться на него. Мы предполагаем, что последняя ситуация является попыткой переложить ответственность за случившееся на высшие силы.

Мы также определили, что женщина, не закончившая после 3,5 лет «работу горя», имеет в большинстве случаев следующие характеристики: среднее образование, одинокая или рассталась с мужем или спутником жизни после трагедии, испытывает чувство вины, постоянно общается с ребенком, избегает детей возраста своего ребенка, испытывает постоянное желание прийти к зданию школы и выполняет это желание; имеет низкие показатели интеллектуализации и компенсации, высокие показатели замещения, реактивного образования и идентификации со счастливым человеком, поколебавшиеся отношения с Богом после трагедии, низкое представление о добре и справедливости; справляется с переживаниями в одиночку (общество ей, по ее мнению, не помогает), не видит смысла в жизни.

Мы считаем, что результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что пострадавшим от потери ребенка матерям необходима последовательная долговременная психологическая помощь (особенно в ситуациях потери ребенка в масштабных трагедиях). Данная помощь должна быть направлена на признание факта утраты, снятие чувства вины и построение новых взаимоотношений с миром и ушедшим. Показанные в работе патологические особенности переживания утраты требуют коррекции, которая наиболее полно может быть выражена в рамках долговременной психологической работы.

Библиографический список

1. Волкан, В., Зинтл, З. Жизнь после утраты: психология горевания / В. Волкан, З. Зинтл. – М.: Когито-Центр, 2007. – 160 с.
2. Заманаева, Ю.В. Утрата близкого человека – испытание жизнью / Ю.В. Заманаева. – СПб.: Санкт-Петербургского университета, 2007. – 272 с.
3. Дейтс, Б. Жизнь после потери / Б. Дейтс. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 1999. – 300 с.

4. Линдемманн, Э. Клиника острого горя / Э. Линдемманн. // Психология эмоций. Тексты. – М.: Моск. ун-т, 1984. – С. 212-219.
5. Малкина-Пых, И.Г. Экстремальные ситуации / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2005. – 960 с.
6. Моуди, Р., Аркэнджел, Д. Жизнь после утраты / Р. Моуди, Д. Аркэнджел. – Киев: София; М: Гелиос, 2002. – 288 с.
7. Осипова, А.А. Справочник психолога по работе в кризисных условиях / А.А. Осипова. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 315 с.
8. Перриш-Харра, К.У. Смерть и умирание: новый взгляд на проблему / К.У. Перриш-Харра. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2003. – 224 с.
9. Трубицына, Л.В. Процесс травмы / Л.В. Трубицына. – М.: Смысл, ЧеРо, 2005. – 218 с.
10. Холлис, Дж. Душевные омуты: Возвращение к жизни после тяжелых потрясений / Дж. Холлис. – М.: Когито-Центр, 2006. – 192 с.
11. Шефов, С.А. Психология горя / С.А. Шефов. – СПб.: Речь, 2006. – 144 с.

УДК 159.9+316.3/4

T.G. Perts
Germany, Trir

USE OF PSYCHOANALYSIS FOR INTEGRATION OF RUSSIAN-SPEAKING CITIZENS OF GERMANY INTO THE MODERN SOCIAL AND CULTURAL COUNTRY ENVIRONMENT

The adapting of the person in a new legal, social and cultural environment is described about the strain of all resources, including psychological. The migration process of the 1990s that resulted in Germany occurred Russian speaking citizens who required psychological support and help.

The article is based on the practical experience of consulting those immigrants and members of their families from the post Soviet Union countries regarding their difficult life situations. The method of psychocatalysis is presented as an effective tool in urgent cases of emotional-psychological traumas, post-stress disorders, 'emotional burning out' and phobias.

There are descriptions of experiences and recommendations of how to apply the method of psychocatalysis as a useful mean of personal 'psychological hygiene' and self-help in cases of emotional and psychosomatic problems.

The article gives a review of problems of the Russian speaking population of Germany, and a significant part is dedicated to the specific problems of immigrants relating to the barriers in using German language during verbal and written communications.

The author substantiates psychocatalysis as an essential method of work for the consultant, describes, in essence, the process of reducing (lysis) emotional fixations related to excessive emotional and psychological overloads, and characterizes the basis of the method and its application with practical examples.

T.G. Перц
Германия, Трир

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОКАТАЛИЗА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ РУССКО-ЯЗЫЧНЫХ ГРАЖДАН ГЕРМАНИИ В СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТРАНЫ

Адаптация человека в новом правовом, социальном и культурном пространстве связана с напряжением всех ресурсов – в том числе психологических. Миграционные

процессы 90-х годов привели к тому, что в Германии оказались русскоговорящие граждане, нуждающиеся в психологической поддержке и помощи.

Данная статья основана на практике консультирования выходцев из стран бывшего Советского союза и членов их семей по сложным жизненным ситуациям. Здесь представлен в качестве инструмента срочной помощи метод психокатализа, как эффективный инструмент работы консультанта при эмоционально-психологических травмах, постстрессовых расстройствах, «эмоциональном выгорании» и фобиях. Представлены описания опыта и рекомендации к применению психокатализа в качестве прекрасного средства личной психогигиены и самопомощи при возникновении эмоциональных и психосоматических проблем.

В статье даётся обзор проблематики русскоязычного населения Германии, в которой значительную часть занимают специфические проблемы мигрантов, связанные с барьерами при использовании немецкого языка в процессе устной и письменной коммуникации.

Автор раскрывает основания для выбора психокатализа в качестве обязательного метода работы консультанта, описывает суть и процесс расформирования «лизиса» эмоциональных фиксаций, связанных с чрезмерными переживаниями и психологическими перегрузками, характеризует суть метода и описывает его применение на конкретных примерах.

В рамках направления «Проблемы межкультурной коммуникации в обучении иностранным языкам»

Общая характеристика психокатализа и условия его применения.

I. Описание метода и алгоритм работы.

II. Результативность психокатализа с точки зрения пациента и психотерапевта.

III. Обзор проблематики русскоязычного населения в процессе интеграции и примеры применения психокатализа для психологической помощи.

3.1. Переживание горя

3.2. Семейные проблемы

3.3. Потеря социального статуса

3.4. Угроза потери работы

3.5. Языковой барьер

3.6. «Сопровождение знания в тело» при изучении иностранного языка

IV. Психокатализ как инструмент психологической помощи и средство психогигиены.

I. Общая характеристика психокатализа и условия его применения

Миграционные процессы 90-х годов привели к тому, что в Германии оказались русскоговорящие граждане, нуждающиеся в психологической поддержке и помощи. Адаптация человека в новом правовом, социальном и культурном пространстве связана с напряжением всех ресурсов – в том числе психологических.

В практике консультирования выходцев из стран бывшего Советского союза и членов их семей инструментом срочной помощи в сложных жизненных ситуациях стал психокатализ – метод, разработанный российским врачом-психотерапевтом А.Ф. Ермошиным и развитый им до уровня психотерапевтической технологии в течение последних двадцати лет. Этот подход и техники работы применялись нами в комплексной консультативной работе. Они оказались эффективными при эмоционально-психологических травмах, постстрессовых расстройствах, «эмоциональном выгорании» и фобиях.

Психокатализ показал себя также в качестве прекрасного средства комплексной психогигиены и первой помощи при возникновении эмоциональных и психо-соматических проблем. Ясность метода, который относится к соматотерапии, его культурно-лингвистическая узнаваемость для клиента, а также наличие алгоритмов и значительного массива описанного автором метода опыта, - всё это позволило успешно обучать консультируемых саморегуляции с использованием психокатализа с целью самопомощи.

«Ему бы надо сначала голову полечить» - говорят о человеке, который неадекватно реагирует на какие-либо жизненные обстоятельства или ситуации. Окружающие видят, как человек становится, по сути, врагом самому себе, проходя мимо открывающихся возможностей или наталкиваясь на препятствия, созданные им же самим. Такое бывает, когда речь идёт о проблемах профессионального и бытового характера, о вопросах создания или сохранения семьи, а также при воспитании детей или формах обращения человека со своим собственным здоровьем. «Дурная голова ногам покоя не даёт», - эта присказка справедлива лишь отчасти. Мало кто думает о том, что психическая жизнь и переживания человека не ограничиваются парой полушарий головного мозга. Что не только голова и высшая нервная деятельность человека связаны с его самочувствием, с теми или иными решениями или формами поведения. Мало кто придаёт заслуженное внимание тому, что вегетативная нервная система: спинной мозг, нервные окончания, ганглии, распределённые по всему телу, - всё это участвует как в формировании психологической проблематики, так и в процессах её расформирования и последующего восстановления гармонии.

Специалисты в области психотерапии и психологического консультирования чаще всего выбирают методы, которые работают с неопсихикой, с «головой», пренебрегая работой с более древним уровнем сознания, размещенным в теле. Достижением становится лишь частичная результативность терапевтических усилий. Так бывает, если не произведён психокатализ, способствующий активизации и успешному расформированию эмоциональных фиксаций: страхов, языковых и иных барьеров, застарелых переживаний обид, утрат итп. Это происходит через ощущения, на уровне тела, с подключением работы сознания в процессе фантазийной переработки образов, связанных с ощущениями. Автор классического психокатализа - эффективного метода психотерапевтической работы Ермошин А.Ф., пишет о том, что «психокатализ, благодаря тому, что берет во внимание наряду с новой и древнюю часть психики, позволяет достичь полной результативности». (1) Это подтверждает на практике опыт применения психокатализа для помощи русскоязычным гражданам на различных стадиях интеграции в странах Евросоюза. Сочетаемость данного метода с любой психотерапевтической техникой делает его оптимальным инструментом практикующего специалиста. Автор метода, московский врач психиатр-психотерапевт А.Ф. Ермошин успешно применяет психокатализ в психотерапии, начав с его использования в лечении зависимостей. В последние годы опыт применения метода становится всё более разнообразным.

Психокатализ базируется на законах высшей нервной деятельности и функционирования вегетативной нервной системы, в нём учтены также конституциональные особенности человека. Работы немецкого невролога доктора Иоганна Шульца по аутогенной тренировке были использованы в качестве одного из источников данного метода.

Другим источником служит психолингвистика. Метод А.Ф. Ермошина интегрировал в себя глубинную мудрость народов, которые создали для обозначения эмоционально-психологических проблем устойчивые предметно-образные описания в любом из языков. В этом смысле психокатализ является культурно-независимым методом. И на русском, и на немецком при сходных состояниях люди описывают сходными образами: « в голове туман» (den Kopf

benebeln – нем.). В обоих языках находятся, например, слова и схожие обороты, чтобы обозначить «камень на сердце» или «обруч, сдавивший виски».

Работы К. Юнга, обозначившего врождённую склонность человека мыслить образными категориями («архетипами») и создавать соответствующие символы также интересны с точки зрения понимания закономерностей, заложенных в психокаталитический подход.

В психокатализе в виде образов используется имеющийся культурный опыт конкретного пациента, но алгоритм работы с извлечением этого опыта для разрешения эмоциональных проблем универсален – он одинаково успешен для представителей любой культуры. В нашем случае речь идёт о немецкоязычных и русскоязычных консультируемых, рождённых в Германии или России, либо переселенцах. В связи с вопросом роли культурного опыта в психокатализе, хочется привести высказывание И. Эйбл-Эйбесфельдта. Он подтверждает мнение Кизинга о том, что «мир воспринимаемых вещей и событий мы творим с помощью внутренних заготовок, и антропологам открылась тайна, что заготовки-то эти—в основном культурного происхождения».(3)

При этом внимание обращено на склонность, связанную с дневным образом жизни. «...В связи с этим свет мы обычно оцениваем положительно, а темноту — отрицательно. Мы боимся ночи, таящей невидимые опасности. В этом, по-видимому, и состоит основа отрицательного к ней отношения. Распространение этой символики света и тьмы не ограничено Европой. Как мы выяснили, папуасы-эйпо, живущие в Западном Ириане, относятся к светлому и тёмному примерно так же. Желая выразить любовь и привязанность, они приветствуют соплеменника словами «нани корунье» — «ты светлый брат мой». Поскольку сами они не светлы, а темнокожи, в предпочтении светлого нет никакого этноцентрического намека на цвет кожи...» (3).

Даже в тех случаях, когда способность к визуализации и удержанию чётких и ясных образов невелика у пациента, он может при психокатализе идентифицировать ощущения психогенной природы через образы света и тьмы. Ощущения, связанные с неприятными переживаниями, воспринимаются, как правило, «чем-то тёмным», «какой-то чернотой», «вроде кучки сажи». Светлые пятна, светящиеся облака характеризуют положительные ощущения и состояния наполненности созидательной энергией и покоем.

Рисуя себе внутренний мир, практически любой человек становится талантливым художником. Восприятие этих «произведений искусства», порождённых фантазией пациента, может «утолить любопытство, вызвать благоговение и удивление, сбить с толку и озадачить, а также удовлетворить наше стремление к открытию нового и к поиску упорядоченности. Тяга человека к расширению своего психического опыта доходит до того, что он старается изменить состояние своего сознания.»(3)

В психокатализе пациент действительно творчески работает со своей внутренней, субъективно воспринимаемой реальностью, стремясь к её упорядочиванию и структурированию. Медитативная реализация принятых решений по поводу найденных образов происходит на фоне самостоятельно изменённого состояния сознания. В этом плане родство психокатализа с аутотренингом прослеживается достаточно чётко.

Психотерапевт создаёт для этого соответствующие условия. Одним из самых важных условий является помощь в концентрации внимания на образах и для их проработки. Это происходит путём задавания серии вопросов и определённых правил реагирования на опыт внутренней работы пациента с его ощущениями и образами. Для работы с этими образами используется фантазия клиента, которая направлена на самоисцеление, а вопросы психолога служат катализатором естественного процесса восстановления душевного равновесия; контроль сознания и сила интеллекта задействованы при этом в полной мере.

Автор данной статьи использует психокатализ в течение 8 лет. Применение нами метода в консультативном сопровождении адаптации человека в новом правовом, культурном, социальном и языковом пространстве показало, что психокатализ отличается высокой эффективностью при минимальных затратах времени.

Данный метод оказался наиболее подходящим средством помощи при следующих условиях:

а) терапевтической беседы часто слишком «мало», а выписывать медикаменты против страхов – было бы неоправданно «много»,

б) эмоциональная проблема уже захватила тело пациента, но не настолько, чтобы против фобии принимать лекарства

в) к работе в терапевтической группе пациент не готов, и предлагать её сейчас – бессмысленно

г) иные методы были бы, наверняка, отвергнуты этим пациентом.

В процессе психологической помощи выходцам из стран бывшего Советского Союза было необходимо:

1) эффективно ликвидировать эмоциональное напряжение или болезненные последствия психотравм,

2) быстро восстановить необходимые ресурсы,

3) достичь продуктивного эмоционального состояния и подготовить базу для формирования оптимальных стратегий поведения,

4) развить ряд коммуникативных и социальных навыков.

II. Описание метода и алгоритм работы

Суть психокатализа заключается в работе с предметно-материальным образом ощущений психогенной природы. Таким путём происходит расформирование «лизис» эмоциональных фиксаций, связанных с чрезмерными переживаниями и психологическими перегрузками.

Клинические исследования показывают, что каждое эмоциональное состояние имеет телесный эквивалент и связано с соответствующими ощущениями. (2) Многие люди ощущают на своих плечах тяжесть неразрешённых проблем. Эмоциональные травмы часто ощущаются, как стрелы и копья, пронзившие сердце. Застарелое ощущение беспокойства, раздражение, напряжение, разочарование и страх, – всё это субъективно воспринимается человеком как камень, металлическая пластина, ком грязи, скопление сажи, медуза или еж итп. в субъективно воспринимаемом пространстве собственного тела: во лбу, в висках, в затылке, в груди и в животе.

На первом этапе работы Ермошин А.Ф. предлагает использовать:

1) диагностику – с помощью специальная серия вопросов о непосредственных ощущениях и квази-материале псевдообъектов, содержащихся в теле, с целью их выявления и уточнения их природы путём ассоциаций с реальными жизненными переживаниями и опытом;

2) решение пациента, – о том, что должно происходить с этим объектом (должен ли он быть удалён, преобразован или оставлен без изменений) на основе оценки выявленных образов с точки зрения функциональности или дисфункциональности их природы,

3) медитативную реализацию решения об удалении или преобразовании фантазийного объекта – эквивалента прорабатываемого ощущения;

Вышеперечисленное рекомендуется автором метода для концентрации внимания пациента на объекте работы. Это является трёх-шаговым алгоритмом метода.

На втором этапе по тому же 3-х шаговому алгоритму пациентом «диагностируется целостность» тела, оценивается и прорабатывается субъективный образ контуров; «повреждённые» контуры субъективно выравниваются, а искажённые (в представлении пациента) пропорции тела восстанавливаются до «нормальных».

Если третий этап закончен, то следует рефлекторный - лёгкий или же довольно отчётливый выдох «облегчения» у пациента. Иногда к этой классической реакции – «визитной карточке» психокатализа, добавляются индивидуальные проявления: потягивания, дрожь, «мурашки по телу» и др. По мере того, как происходит «растворение» сконцентрированных ощущений и устранение остатков неинтегрированного эмоционального опыта наступает фаза, которая характеризуется равномерным распределением приятного тепла и/или ощущения блаженства в теле. Отчётливо усиливаются и распространяются чувства, которые связаны с комфортными телесными ощущениями, воспринимаемыми как позитивные объекты и представления.

Данные состояния - идеальная база для пациента, чтобы он смог анализировать жизненную ситуацию, искать и находить новые эффективные стратегии поведения, видеть жизненные перспективы. Это и является содержанием третьей стадии работы, в которой также три шага. Поиск и оценка нового знания о своём желательном поведении и конструктивном отношении к проблеме, а также соответствующего « места» в теле или области в пространстве для «размещения» этого знания тоже соответствуют стандартному для психокатализа трёх-шаговому алгоритму.

Сначала проводится субъективная оценка пространства внутри себя. Пациент удивляется: « А места-то вполне достаточно!» Вторым шагом является принятие им решения о полноценном усвоении определённой информации и «размещении» её в выбранном «месте» (по личному усмотрению). Медитативная реализация – это наблюдение, которое является третьим шагом, 3-й (последней) стадии полного цикла психокатализа.

Полный цикл психокатализа насчитывает 9 шагов – по три в каждой из 3-х стадий. После третьего шага последней стадии наступает готовность к тому, чтобы спокойно справляться с различными жизненными ситуациями, используя наступившее состояние душевного равновесия.

К числу проблем, которые прорабатываются с применением техник психокатализа относятся: языковые и коммуникативные барьеры, состояния потерь и разочарований из-за изменений в семейной жизни, переживание потери социального статуса, ощущение враждебности со стороны окружающих, страх перед официальной перепиской на иностранном языке, страх при взаимодействии с чиновниками итд.

Обычно, под технологией понимается некоторая последовательность действий и условий для этих действий, при соблюдении которых «гарантируется» положительный результат. С этой точки зрения психокатализ является технологией. Чёткий алгоритм действий психотерапевта, последовательность и логика вопросов обуславливают эффективную проработку эмоционально-психологической проблематики пациента, что приводит к облегчению его внутреннего состояния.

Серия вопросов психотерапевта инициирует и ускоряют естественные процессы разрешения эмоциональных фиксаций через их проработку в культурно-обусловленных образах, связанных с ощущениями. Эти ощущения в теле подобны ключам (когда идёт речь о психогенной проблематике), они связаны с зафиксированными психотравматическими переживаниями и предоставляют доступ к их проработке. Эмоциональные фиксации, доступные в ощущениях, являются для пациента предметными фантазийными образами. Оценка этих предметных образов пациентом, оперирование этими образами (веществом, субстанцией, иногда просто цветовым пятном или «сгустком тьмы»), принятие им соответствующих решений по поводу найденного образа и реализация этого решения в медитативном созерцании, - всё это – этапы движения к результату – желательному изменению пациентом своего состояния в «лучшую» сторону.

Здесь нет речи об «усыплении» пациента, о гипнозе. Отсутствует борьба с интеллектом и работой сознания, напротив, - они берутся в союзники. В процессе проработки стихийно сложившихся состояний человеку предлагается «включить» активнее в работу и внимание, и свой интеллект, и фантазию.

III. Результативность психокатализа с точки зрения пациента и психотерапевта

Тема результата в психологической практике остаётся одной из самых болезненных. Психолог или психотерапевт, работающий с полной самоотдачей и в точном соответствии с выбранной им техникой, не знает часто о результате своей работы. Ему часто не ясно, когда именно его клиент или пациент почувствует улучшение качества своей жизни, и почувствует ли такое улучшение вообще. На такое улучшение, как правило, у обоих участников психотерапевтической работы есть надежда, но – без уверенности.

Справедливо и то, что достаточно редко с полной уверенностью можно сказать, что улучшение или облегчение состояния является следствием терапевтического взаимодействия с психотерапевтом и применения им конкретного метода. Психологические изменения, как правило, имеют сложную природу и могут проявиться позже, или же совсем не проявиться.

Важным фактором выбора психокатализа в качестве важной составляющей при консультативной работе является то, что успех психотерапевтического сеанса распознаётся участниками немедленно и однозначен для них. Речь идёт не об отсроченных изменениях в поведении или самочувствии пациента, а о его состоянии «здесь и сейчас».

Отчётливый, немедленный, исключительно благоприятный для самочувствия эффект разрядки избыточного психоэмоционального напряжения и перераспределения ощущений при психокатализе поражает как пациента, так и терапевта. Он фиксируется зрительно - со стороны, и идентифицируется пациентами на уровне их собственных чувств и ощущений. Этот эффект «вздоха облегчения», сотни раз наблюдавшийся в нашей практике сходно описывается различными пациентами.

Лицо, минуту назад сосредоточенное на внутренней работе, как правило, становится «открытым» и спокойным. Пациент делает глубокий вдох и полноценный ровный выдох. Иногда одновременно с выдохом «шире открываются глаза на вещи». Сенсорные системы пациента начинают воспринимать мир более отчётливо и детально. «Отдохнувшие и восстановившиеся» зрение и слух готовы к более полному восприятию. Они начинают воспринимать сигналы и образы мира, подобно тому, как это было детстве. Границы мира для пациента расширяются, изменяется субъективное восприятие и окружения, и собственного тела... Пациент часто с удивлением и удовлетворением обнаруживает, что приходит неожиданное облегчение: покой наполняет душу, а волна тепла согревает всё тело... Часто психотерапевт слышит от пациентов следующие фразы: «Знаете, мне стало как-то легче!.. Это какое-то чудо...»

Выраженность эмоционально-физиологических реакций пациента зависит от ряда факторов: – от конституционального типа человека, от его физического состояния на данный момент, от выраженности эмоциональных фиксаций, связанных с переживаниями. Пациенты пикнического телосложения часто демонстрируют более яркие реакции, чем худощавые люди «тонкого» телосложения. Реакции полного, крепкого человека могут даже сопровождаться звуками при выдохе «Ух!!!» или реакцией потягивания. Выдох облегчения у ослабшего онкологического больного может быть, в отличие от здорового, едва заметен. Негативные эмоции взрослого человека, зафиксировавшиеся в детском возрасте дают более выраженные реакции при их разрешении, чем эмоциональные фиксации более позднего – недавнего времени. Самостоятельные упражнения для улучшения засыпания и качества сна имеют

некоторое отличие – измученный бессонницей человек успевает заметить только начало эффекта, так как погружается в спокойный и здоровый сон. Пациенты, страдавшие бессонницей из-за психо-эмоциональных перегрузок после психокатализа, проведённого в консультационном кабинете, отмечают действенность метода так: « я уже забыл, что значит спать нормально, один сеанс – и сон восстановился, « сегодня хоть ночь, наконец, нормально спала...»

Ощущение умиротворённости сочетается с чувством достижения результата, а возвратившееся спокойствие дополняется приливом энергии и силы, тратившихся прежде на поддержание или компенсацию внутреннего напряжения психогенной природы. Это всё – варианты описания положительного результата завершённого психокатализа. Обычно пациенту предлагается после этого психотерапевтом предлагается пациенту «спокойно посидеть минут пять...», в этом достигнутом состоянии наполненности, силы и покоя для дальнейшего самовосстановления.

Данный, характерный для классического психокатализа, маркер достигнутого результата обычно завершает проработку какой-либо эмоциональной проблемы в течение примерно 15 минут. Их достаточно, чтобы пройти все три стадии цикла психокатализа, либо одну-две из них, если третью стадию по каким-либо причинам необходимо отложить. Психокатализ - это довольно короткий процесс, хотя он для пациента не всегда прост. Тем не менее к нему возвращаются силы, затрачиваемые ранее на поддержание внутреннего напряжения эмоциональных фиксаций.

Для психотерапевта, по сравнению с большинством других методов, быстрый положительный эффект психокатализа выглядит удивительным, особенно на фоне простоты вопросов, при относительной краткости процесса разрешения эмоциональных фиксаций. Но при соответствии требованиям методики и следованию алгоритму за короткое время у каждого пациента достигается значительное улучшение состояния. Оно сопровождается характерным выдохом облегчения, который показывает психотерапевту, что ещё одно упражнение завершилось, последствия психологической травмы пациента или его стрессовой перегрузки устранены или существенно уменьшены. При этом психотерапевтом осуществляется не допинговая активация ресурсов, а поддержка естественных процессов их гармонизации путём разрешения (лизиса) эмоциональной фиксации. Выдох облегчения – эффект, неконтролируемый пациентом, но внешне отчётливо наблюдаемый и заметный для психотерапевта, свидетельствует о достигнутом пациентом душевном равновесии.

Тогда для терапевта появляется реальная возможность успешно приступить к работе по формированию новых форм поведения пациента или новых жизненных стратегий, соответствующих его потребностям и актуальной ситуации.

Не лишне упомянуть при этом, что сам психотерапевт лишь косвенно участвует в процессе психокатализа. Он не настроен на интерпретацию проявлений проблемы и не требует её от пациента. Если интерпретация ощущений предъявляется клиентом и он связывает свои ощущения и образы с каким-либо событием своей жизни, эта информация просто принимается, без её ретроспективного разворачивания и детализации. В большинстве случаев содержание и история возникновения эмоциональной проблемы даже неизвестны ни психотерапевту, ни самому пациенту. В их отношениях минимизирован риск возникновения отношений переноса и контрпереноса. Поэтому психотерапевту работать методом психокатализа относительно легко.

Следующие полчаса после разрешения эмоциональной фиксации, как правило, используются для работы с применением методов поведенческой терапии. Иногда требуется оценка когнитивных установок и их переосмысление.

Получивший заметное облегчение пациент становится деятельным и заинтересованным партнёром в подборе методов дальнейшей работы, а также и в самой работе по изменению ситуации. Очень часто он тут же, по собственной инициативе, формулирует новые планы, решения или новое отношение. Нередко встречается и прямо противоположное поведение – полученное состояние облегчения пациент считает уже достаточным результатом, а свои дальнейшие действия собирается планировать самостоятельно. В таком случае, беседа продолжается терапевтом ещё некоторое время. Она часто связана с желанием пациента понять принципы действия метода, поделиться мнением по поводу известных и родственных психокатализу практик, а также выяснить возможности самостоятельного применения психокатализа.

Здесь очень важно соблюдение психотерапевтом принципа демистификации при объяснении метода. Требуется простое и доступное объяснение устройства нервной системы, природы стресса, психотравм и действия предохранительных защитных сил человеческой психики. Если в распространенных подходах над пациентом, как над «черным ящиком», совершают некие обряды или манипуляции и допускают, что в это время и произойдет исцеление, то в осознанной саморегуляции методом психокатализа весь процесс должен быть прозрачен. «Процесс профессионального психокатализа проходит без всякой мистификации или истеризирования пациента, очень спокойно и быстро». (1)

IV. Обзор проблематики русскоязычного населения в процессе интеграции и опыт применения психокатализа для психологической помощи

В нашей практике работы с людьми, попавшими в в другую страну и сложные жизненные условия в силу миграционных процессов, эта методика является инструментом срочной помощи пациентам при эмоционально-психологических травмах, постстрессовых расстройствах, «эмоциональном выгорании» и фобиях.

Всегда актуальна «базовая работа» по разрядке адаптационных напряжений, накопившихся за жизнь, работа по восстановлению нормального кислородного обеспечения мозга и другие формы помощи, способствующие усилению потенциала организма и личности. Но этот потенциал особенно необходим при интеграции человека в новые условия другой страны, иной культуры.

Для русскоязычных граждан Германии, оказавшихся в условиях частых стрессов и обратившихся за помощью, психокатализ стал средством самовосстановления. Их рекомендации и положительные отзывы своим немецким родственникам привели к обращениям за помощью и со стороны немецкоговорящих клиентов. В этих случаях психокатализ также сохраняет свою эффективность. Некоторое отличие состояло только в характере используемых образов. У немецких клиентов, родившихся в Германии значительно чаще, чем среди русскоговорящих пациентов из Германии и пациентов из России встречались образы, связанные с религиозной тематикой. Специфика работа с русскоговорящими клиентами были связана более с характером проблематики и спецификой эмоциональных фиксаций мигрантов.

4.1. Переживание горя

Женщине, обратившейся за помощью в связи с нарушениями сна после смерти сына, далеко за пятьдесят. Она так описывает своё душевное состояние: *«...Мы как были алтайскими колхозниками. Так ими и остались здесь в Германии... Никто мне ничем помочь не сможет, и сына мне теперь с того света не вернуть. Кому я здесь об этом могу рассказать?.. Не поймут меня немецкие врачи. Да и не пойду я к ним...»,* хоть уже несколько ночей не сплю...» В процессе психокатализа происходит разрядка эмоциональной фиксации, связанной со смертью сына этой пациентки. Вокруг сердца обнаруживается

«что-то тёмное», связанное с горем. Светлое постепенно вытесняет темноту, вздох облегчения возвращает ей силы и даёт возможность говорить об утрате. После успешного психокатализа устанавливается доверительная атмосфера, в которой можно поговорить о случившемся. Продуктивной оказывается тема деревенских традиций оформления могил.

После первого же сеанса восстановлен сон. На вторую консультацию пациентка приходит, чтобы поблагодарить за то, что «первую ночь за много дней хоть спала...». Она теперь может рассказать о других детях и внуках, о их достижениях в этой новой стране проживания. У неё есть чем заниматься, муж неплохо зарабатывает, а сама-то уж «наработалась» и по решению семейного совета посвящает время внукам. Теперь её энергия направлена также на то, чтобы в Германии или даже в России найти заказать достойный портрет сына на керамике для памятника – в соответствии с традицией.

4.2. Семейные проблемы

В случае переживания развода пятидесятилетний мужчина также испытывает трудности со сном. «Здесь у многих женщин, да и у мужей «башню сносит», и они уходят из семьи. Новую жизнь начать хотят... Я уже год назад чувствовал, что у меня тоже этим кончится...». Для водителя крупного транспортного средства вереница бессонных ночей не просто тяжела, но и опасна в связи сповышением риска дорожно-транспортных происшествий. Сон необходим для восстановления работоспособности и реагирования на дороге. Сеанс психокатализа возвращает эту способность за 15 минут. Окончание этого сеанса и два последующих сеанса были потрачены на формирование новой жизненной стратегии в изменившихся обстоятельствах.

Следующие примеры показывают, что проблематика русскоязычных переселенцев довольно разнообразна. Интеграция в рынок рабочей силы важна и для отдельного человека, и для общества в целом. Часто в основе неудовлетворённости сродняшнего дня лежит потеря социального статуса, который был на «прежней» родине.

4.3. Потеря социального статуса

«...Я никогда не получу здесь таких же условий, как коренные немцы..., меня посылают на самые неприятные и невыгодные участки только потому, что я для них русская, да ещё вдова. Знают, что за меня некому заступиться и держусь на этой работе только из-за того, что ни разу не сказала «нет», когда надо в праздничные и выходные дни на работу выходить...А тут ещё начальница новая будет...». В данном случае психокатализ является лишь малой частью комплексной работы с пациенткой. Изменение установок и повышение уверенности в себе потребовали длительной комплексной работы. Результатом стала способность устанавливать длительные партнёрские отношения и установка на создание новой семьи.

4.4. Угроза потери работы из-за смены руководителя

Угроза смены руководителя часто вызывают тревогу, боязнь потерять работу и связанные с этим состояния. Основанием для переживания может быть боязнь критики или каких-либо непредсказуемых реакций нового руководителя... Причины бывают разные, результат один – снижение работоспособности и ухудшение качества жизни.

Здесь приведена краткая запись сеанса психокатализа, сделанная пациенткой для осмысления и закрепления результата. Она настроена освоить психокатализ в качестве средства самопомощи. Слова консультанта обозначены обычным шрифтом, свои реакции выделены пациенткой при описании данного случая курсивом.

Страх предстоящей подчиненности другому руководителю возник за несколько дней до этого сеанса, он был не хроническим, но сильным...

-Закройте, пожалуйста глаза. Я поняла, что Вас сейчас тревожит вопрос подчиненности новому руководителю. Какое это чувство?

- *Страх*
- Где он находится\концентрируется?
- *Сзади, на уровне крестца, по позвоночнику вверх, примерно до уровня грудины, передается в руки\ноги. (По позвоночнику, конечностям идет дрожь...)*
- В каком виде\форме присутствует?
- *В виде ленты...*
- Какая лента? Красивая? Опиши
- *Красная атласная красивая ленточка, трепещущая\дрожжащая как на ветру, переходит в руки\ноги*
- Цвет её меняется?
- *Да, становится синей к конечностям, заканчивается неаккуратными мохрушками - нитками. Трепещет.*
- Она играет какую-то полезную роль?
- *нет...она мне не нужна*
- Что Вам хочется сделать с этой лентой?
- *Давайте её сожжем!*
- Как это происходит? Опишите, как она горит, во что превращается?
- *Вспыхивает, огонь быстро распространяется по ленте, доходит до мохрушек-ниток. На её месте остается пепел*
- Что сделаем с пеплом?
- *Тесто. Соберем в чучку и замесим тесто, получился маленький темный комочек.*
- Где его поместите?
- ... (задумалась. Думала разместить в животе, но не решилась – *Зачем он во мне?*)
- Где его место? Может быть в теле, или за его пределами ?...
- *В стол, на работе - в офисе, а потом выброшу как долго неиспользуемый и ненужный предмет...*
- На месте ленты осталось что-либо?
- *Нет, совершенно бесследно исчезла. Дрожь прошла.*

К представленному пациенткой описанию есть смысл добавить, что в конце сеанса наблюдалась серия вздохов облегчения, которые сопровождали процесс восстановления внутреннего равновесия и снятия неприятного состояния внутренней дрожи при одних только мыслях о скорой смене руководителя и возможной необходимости менять работу.

4.5. Языковой барьер

Высказывания о затруднениях, связанных со слушанием или говорением на немецком языке, наиболее распространены среди людей, поменявших место жительства уже во взрослом состоянии. Проживание среди русскоговорящих соседей, практически отсутствующие социальные контакты для общения на немецком, приверженность к русскоязычным программам телевидения не способствует развитию языковых навыков. Часто это приводит к жизни в «параллельном русско-говорящем обществе», которое живёт по стандартам и правилам, сформировавшимся в России. За всем этим стоят и специфические эмоциональные фиксации при использовании немецкого языка.

«Когда я не понимаю, начальница ещё быстрее тараторить начинает и злится, что я не понимаю...Я эти их письма официальные уже видеть не могу.Как только вижу письмо – сердце вниз проваливается. В ящик боюсь заглядывать...»

Для специалистов в области образования, социальной и профессиональной интеграции существуют специальные техники психокатализа, способствующие преодолению языковых и социокультурных барьеров.

«У меня есть проблема - языковой барьер», - говорит молодая женщина, которая несколько лет назад окончила филологический факультет по

специальности «русский и немецкий языки». Анна из русской семьи немецкого происхождения. С раннего детства бабушка рассказывала её сказки и читала книжки на немецком языке. Именно благодаря этому Анна полюбила этот язык и выбрала его своей профессией. Но выбор не реализовался на практике – не ладилась что-то с общением на немецком. *«Я всё понимаю, в Германии общаюсь с родственниками, но мне трудно говорить... часто просто молчу».*

Дома говорили на немецком, но на улице мама не разрешала этого делать, чтобы дети не дразнили «фашисткой». *«Выходи замуж за русского и смени фамилию,* - советовала мама. В этом случае миграционные процессы произошли задолго до представленной ситуации. Негативный опыт нескольких поколений оставил свои следы и поучаствовал в формировании языкового барьера. Успешное обучение на отделении немецкого языка педагогического института не смогло помочь его преодолеть. Таким образом, на эмоциональном-психологическом уровне отношение к немецкому языку так и осталось двойственным – таким, как оно было сформировано в ходе воспитания и развития.

В работе мы не тратим много времени на обсуждение и интерпретацию информации – просто принимаем её как данность – так случилось... Нас интересует, какова ситуация с языком «здесь и сейчас». Это характерно для психокатализа.

- Давайте проведём инвентаризацию ощущений в теле. Когда Вы думаете о русском языке, какая часть тела «отзывается» на это особенными ощущениями? Где у Вас «находится» русский язык?

- *Тут, у сердца как-то тепло. Почти в центре – немного слева ... там русский язык.*

- Какова область этих особенных ощущений? 5-10-15 сантиметров?

- *Вот столько, - показывает руками. Примерно с книжку размером.*

- Есть ли там что-либо? Как выглядит эта область? Есть ли цвет?

- *Да. Красный. Это, как большое сердце – плоское, как будто из геля полупрозрачного – алого.*

- А где место немецкого языка, есть ли он там?

- *Да. Он внизу – где-то под этим плоским сердцем, только края видно сбоку.*

- Какого цвета и формы эти края, как выглядит образ немецкого языка?

- *Голубое всё по краям. Почти синее... и тоже как сердце – такого же размера, только голубое. Яркое...*

- Что хочется сделать с ним? Может быть есть более хорошее место для его размещения?

- *Я хочу его вытащить - поднять оттуда и рядом с русским языком с другой стороны поместить.*

- Хорошо, наблюдай этот процесс.

- *Всё. (выдыхает облегчённо после пары минут медитации). Теперь они симметрично – красное и голубое сердце... Это очень красиво... Только мне что-то к горлу подступило и ком какой-то давит... и плакать хочется (на лице сурово закрытыми глазами у пациентки вдруг возникает тревожное выражение, дрожат веки)*

- Что именно в горле давит? Как выглядит ком?

- *Это шар металлический... чёрный - сантиметра 4 в диаметре, он мне горло перекрыл. (показывает ладонью на шею и делает глотательное движение)*

- Это твоё или чужое? Внутри возникло или извне пришло?

- *Это чужое, только оно давно там – почти всегда.*

- Тогда может быть пусть уйдёт туда, откуда пришло и тем же путём, как вошло?..

- ...

Анна, скажите, что там происходит?

- Шар поднимается и разделяется на маленькие шарики. Они уже не чёрные – светлее, как алюминиевые ...из ушей выкатываются...

- Сколько процентов уже выкатилось?

-Больше половины.

- Продолжайте, наблюдайте до конца. . .

Сеанс заканчивается отчётливым выдохом облегчения и заметной дрожью в теле. После этого Анна открывает глаза и произносит тихим голосом - почти шепетом: « Ушло всё... Свободно там...»

- Wie geht es Dir? Ist alles gut? (Как себя чувствуешь? Все хорошо..?)
Дальнейшая беседа проводится на немецком. Анна улыбается неожиданному переходу психотерапевта на другой язык.

- Ja. Alles ist gut. Danke...

Последующая беседа касалась того, что возможно стоит перечитать теперь самой те же детские немецкие сказки, попеть песенки на немецком. Шёл разговор о том, как поставить немецкий язык на достойное место и посвящать ему некоторое время.

Анна находится в процессе закрепления найденного состояния гармонии и свободу по отношению к немецкому языку. После растворения «лизиса» языкового барьера ушли затруднения при говорении. Дальнейшее её решение – освоить психокатализ для самостоятельного применения получило поддержку в виде индивидуализированного курса обучения в малой группе.

В этом, как и во многих других случаях бывает уместна также дополнительная работа: активизация осознания «внутреннего Я», хранящего проект жизни человека. После того, как проблематика психогенной природы путём психокатализа разрешена, создаются наилучшие условия для реализации энергии возможностей и намерений. В этот момент важно возвращение доверия пациента к себе и принятие на себя ответственности за свою жизнь.

4.6.«Сопровождение знания в тело» при изучении иностранного языка

В 1992 году автор классического психокатализа впервые применил свой метод для освоения итальянского языка, столкнувшись первоначально с трудностями его освоения.

Он описывает свой опыт так:

Отъезд намечался через 3 месяца. ... я принялся добросовестно изучать итальянский язык. Что же произошло уже через пару недель? Голова «распухла», большие «не лезет». Щёки горят, ноги холодеют.

Мой коллега бросает фразу: «Неправильно мы изучаем язык - мы изучаем его головой, - показывает пальцем на лоб, - а надо бы сердцем», - указывает ладонью на грудь.

- Интересно, где у меня русский язык? - осенило меня задаться вопросом по дороге домой с этого занятия. - В голове или ещё где-либо?

Позже я задавал этот вопрос многим.... оказалось и у меня, и у десятков других людей... чаще всего он - в животе!

Тогда я решил отправить из головы в живот и итальянский язык. Живот дал согласие на прием нового поселенца, и я пронаблюдал как белая густая масса спустилась, «стекла» в живот. Лоб стал прохладным, каким ему и положено быть. Живот приятно пополнился.

Это, конечно, похоже на «сюр», но это сработало....

С тех пор много воды утекло. Я давно уже пользуюсь языком. Иногда храню его в животе в холщевом мешочке, иногда, даю ему подступить к губам, – это когда надо быстро говорить... Пришло много способов оптимизировать восприятие и использование языка...(4)

Знание языка или лингвистическая компетентность предстаёт часто в виде белой массы, сгущения газа, жидкости, массы, предметного образа. У одного из участников семинара по психокатализу немецкий язык предстал репортером

Шрайбикусом - персонажем старого школьного учебника величиной с пальчиковую куклу. Местом «размещения» иностранного языка в теле, как правило становится зона груди и живота. Был случай выбора для этой цели правого плеча.

Особенностью техники психокатализа для содействия освоению иностранного языка является перераспределение ощущений и «разгрузка» головы. В последние годы практикуются коллективные формы «психотерапевтического путешествия», где используется опыт непосредственного погружения в языковую среду с последующей его проработкой методом психокатализа.

V. Психокатализ как инструмент психологической помощи и средство психогигиены

Системное, методически грамотное обучение психокатализу для самостоятельного его применения позволяет использовать метод в качестве средства индивидуальной психогигиены. Метод поддерживает уверенность в собственных силах, эмоциональную стабильность, что повышает социальную гибкость и способность справляться с нестандартными жизненными ситуациями, сохраняя душевное равновесие.

Психокатализ является эффективным и проверенным нами в многолетней практике средством повышения стрессоустойчивости и эмоциональной стабильности;

Он применяется при повышенных эмоциональных и интеллектуальных нагрузках,

- способствует выздоровлению и предотвращает психосоматические заболевания,

- позволяет эффективно выходить из панических состояний и страхов,

- помогает справиться с застарелыми психотравмами и со свежими обидами,

- улучшает общее самочувствие,

- способствует развитию эмоциональной компетентности.

Настраиваясь на восприятие новых знаний, на освоение иностранного языка или любой другой жизненный проект, человек открывается для творчества и развития.

Положительный опыт использования психокатализа позволяет рассматривать его как необходимый инструмент психолого-консультативной поддержки мигрантов, при их интеграции в культурно-языковое и правовое пространство.

Библиографический список

1. Ермошин, А.Ф. Фобии, утраты, разочарования. Саморегуляции против травм / А.Ф. Ермошин. – М.: Форум, 2010. – 272 с.
2. A 'Space-Energetic' Paradigm in Psychotherapy. International Journal of Psychotherapy, 2009.
3. Биологические основы эстетики [Электронный ресурс] / И. Эйбл-Эйбесфельдт – Режим доступа – <http://www.ethology.ru/library/?id=67>
4. Ермошин, А.Ф. Вещи в теле: Психотерапевтический метод работы с ощущениями / А.Ф. Ермошин. – М.: Класс, 1999, 2004. – 320 с.

T.J. Petrovskaya
Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

COGNITIVE-BEHAVIORAL APPROACH TO RESEARCH OF NARCISSISTIC ASPECTS OF THE PERSON

In the article the review of modern cognitive-behavioral approaches to a problem of the phenomenon «narcissism» is presented.

Т.Ю. Петровская
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НАРЦИССИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЛИЧНОСТИ

В статье представлен обзор современных когнитивно-поведенческих подходов к проблеме феномена «нарциссизм».

На сегодняшний день существует достаточное количество теорий личности в области психологии, каждая из которых посвящена какому-либо отдельному, конкретному аспекту предметной области науки. Существование же идеи о том, что люди реагируют на субъективное значение, которое они приписывают событиям, подчеркивается практически во всех значимых теориях в истории психологии личности [2].

Предположение о том, что возникающие эмоции и реакции на какое-то событие определяют тем, как личность его интерпретирует является базовой предпосылкой когнитивного подхода. Начиная с середины прошлого века когнитивисты изучали один из аспектов познавательных процессов, который в итоге улучшил понимание сути неспецифичных, «хронических» жизненных трудностей. Этот феномен сформулирован в когнитивной психологии под названием схема [4]. Схемы – это когнитивные структуры, организующие опыт и поведение, это система убеждений, глубинные мировоззренческие установки человека по отношению к самому себе и окружающему миру, влияющие на актуальное восприятие действительности. Источником формирования схем является то, как ведут себя другие по отношению к личности; то, как личность взаимодействует с миром; то, какие чувства переживаются. Таким образом, за развитие каждой схемы отвечает множество факторов, особенно важное значение при этом имеет временной фактор. Иначе говоря, переживаемое в детстве закладывает основной фундамент схемы [4]. В отсутствии схем, любая информация при каждом новом предъявлении воспринималась бы как новая, что привело бы к непредсказуемости окружающей реальности, взаимодействие с которой стало бы невозможным. Это положение свидетельствует о некой адаптивной функции схем. Некоторые схемы обладают разрушительным эффектом в отношении эмоциональной сферы [4]. Поэтому возникает необходимость в более глубоком понимании причин их возникновения, механизмов их действия, а также возможности их реконструкции или разрушения.

Впервые употребил термин «схема» в 30-е годы психолог Фредерик Бартлетт, при этом введенный термин лишь некоторое время назад стал предметом исследования практических психологов. Ученый продемонстрировал, что восприятие и память — это не пассивные процессы, при которых сознание просто регистрирует поступающую извне информацию. На процесс получения нового опыта динамически влияют уже существующие

схемы. Схемы структурируют и преобразуют поступающие сигналы извне. Таким образом, значения происходящих событий содержат не только компонент настоящего, но и прошлого – сформировавшиеся представления и накопленные знания. В ситуациях неопределенности возникает необходимость не только анализировать фактическую информацию, но и использовать накопленные знания. Таким образом, интерпретации окружающей действительности отражают не только, а порой и не столько саму действительность, сколько нас самих [2].

Теория другого ученого – Джерома Брунера о перцептивной готовности – явилась еще одним важным фактором интереса современных исследователей к теории схем. Исследователь установил, что качественные характеристики входящих импульсов лишь в некоторой степени определяют их категорию. Личностные факторы в большей степени обуславливают легкость восприятия сигналов из среды, и как следствие их появление в сознании.

Не менее значимой фигурой в истории развития теории формирования значений был Джордж Келли. В своей теории личностных конструктов ученый предположил, что психический опыт зависит от способа предвосхищения событий. Это предвосхищение возникает благодаря существованию личностных конструктов. Другими словами личностные конструкты – это представления или когнитивные шаблоны, относящие объекты к категории известных или неизвестных. Совокупность всех личностных конструктов личности представляет собой систему, иначе говоря, устойчивую личностную структуру, направляющую личностные процессы, определяя понимание личности самой себя и окружающей действительности, а также ожидания в отношении своего Я и окружающих [2].

Разрабатывая когнитивную модель психотерапии, А. Бек и его коллеги, предложили модель диагностики расстройств личности, входящих в классификатор «Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим заболеваниям» (DSM), разработанный Американской психиатрической ассоциацией версии IV-TR (2000). Модель основывается на предположении, что каждое расстройство личности может быть классифицировано по искажению когнитивных убеждений. Содержание убеждений устанавливается на основе исследования поведения и характерных черт личности (12).

Особого внимания заслуживает рассмотрение нарциссического расстройства личности в силу неоднозначности трактовок феномена «нарциссизм». Понятие нарциссического расстройства личности основано, в большинстве своем, на психоаналитической литературе. Исследование когнитивной регуляции нарциссизма также способствует спецификации наблюдаемых признаков.

Обозначенная нозологическая единица в практике психотерапии определяется как преувеличенное чувство собственной значимости и повышенной озабоченности вопросами самоуважения [8].

Согласно DSM APA [10; 11] диагноз данного вида личностного нарушения может быть установлен при наличии пяти и более устойчивых нарциссических признаков, наблюдаемых на протяжении полугода:

- 1 грандиозное чувство самозначимости;
- 2 захваченность фантазиями неограниченного успеха, власти;
- 3 вера в собственную уникальность;
- 4 потребность в восхищении;

- 5 чувство привилегированности;
- 6 эксплуативность в межличностных отношениях;
- 7 отсутствие эмпатии;
- 8 зависть к достижениям других;
- 9 вызывающее, наглое поведение.

Как отмечают Ю.В. Попов и В.Д. Вид, нарциссический тип личностной организации «привлекает к себе в последнее время все большее внимание в силу видимого нарастания его распространенности» во всем мире [5, с. 262].

А. Бек и А. Фримен приводят следующие основные убеждения, характерные для лиц, страдающих нарциссическим расстройством личности: я заслуживаю специальных разрешения, привилегий и прерогатив; я лучше других, и они должны признать это; мне все дозволено (2, с. 50-51). А. Бек свидетельствует и о связи между конкретными дисфункциональными убеждениями и расстройствами личности. В своих исследованиях ученого было обнаружено, что степень дисфункциональных убеждений нарциссических личностей оказалась выше, чем у пациентов с диагнозом избегающего, зависимого, обсессивно-компульсивного и параноидного расстройства личности. При этом дисфункциональные убеждения при НРЛ показали высокую степень корреляции с демонстративным и антисоциальным расстройством личности [9]. Исследования А. Бека и его коллег внесли серьезный вклад в понимание феномена «нарциссизм», однако по-прежнему актуальной является проблема объяснения причин его возникновения.

Новая полоса изысканий в области когнитивного и бихевиорального подходов представлена американским исследователем Д.Э. Янгом. В рамках интегративного подхода Д.Э. Янг разработал схема-ориентированную модель психотерапии расстройств личности. В отличие от традиционного когнитивного подхода, схемаориентированная модель предполагает более широкое использование терапевтических отношений как источника изменений, смещает акцент на значение опыта эмоциональных переживаний, а также уделяет большее внимание обсуждению прошлого опыта личности. По мысли ученого, традиционная модель представлений когнитивного подхода была недостаточна для того, чтобы рассматривать широкий спектр проблем личностных нарушений.

Согласно автору данного подхода, центральным образованием расстройств личности являются восемнадцать ранних дезадаптивных схем. Ранние дезадаптивные схемы определяются как «чрезвычайно широкое явление, касающееся личности и ее отношений с другими, которое сформировалось в детстве, продолжает свое развитие в течение всей жизни и является в значительной степени дисфункциональным» [13, с. 257]. Схемы - чрезвычайно устойчивые структуры, включающие воспоминания, телесные ощущения, эмоции, когниции. Если личность имеет раннюю дезадаптивную схему отвержения, то это значит, что она обладает всеми воспоминаниями о раннем отказе, эмоциями беспокойства или депрессии, которые присоединены к отвержению, телесным ощущениям и мыслями, что люди собираются оставить их. Ранние дезадаптивные схемы являются самым глубоким уровнем осознания, который содержит воспоминания и интенсивные эмоции прошлого опыта.

Эти схемы неосознаваемы, однако при терапевтической работе они могут стать доступны осознанию. Выделены три процесса: поддержание, избегание и компенсация, которые определяют то, насколько легко и быстро личность будет способна осознать, принять и изменить дисфункциональные схемы.

Для объяснения происхождения ранних дезадаптивных схем, Д.Э. Янг применяет эволюционную модель. Эта модель состоит из пяти доменов: отделение и отвержение, неполноценная автономность и достижение, направленность на другого и ограниченное самовыражение, сверхбдительность и ингибция (торможение), нарушенные границы. Другими словами, каждый домен отражает центральную потребность, удовлетворение которой необходимо для нормального психологического развития личности.

По предположению Д.Э. Янга, для НРЛ характерны три основные дезадаптивные схемы (правомерность, эмоциональная депривация и дефектность) и ряд вторичных схем (поиск одобрения, завышенные стандарты, подчинение, недоверие, избегание).

Сущность *схемы правомерности* можно выразить словами А. Бека из работы «Когнитивная психотерапия расстройств личности»: «Нарциссические личности живут согласно правилу, что они выше обычных правил, обязательных для других, или освобождены от них» [2]. Личность пытается реализовать свои собственные желания без учета интересов окружающих. Собственные цели ставятся и достигаются также за счет других. В схеме акцент сфокусирован на стремлении к превосходству (например, стремление быть самым успешным, самым знаменитым или самым богатым). «Правомерность» часто содержит в себе выраженное ощущение конкуренции во всех сферах жизнедеятельности. Лица, имеющие нарциссические проявления ведут активную общественную жизнь, но в конечном счете у них не возникает истинного взаимодействия с реальной человеческой общностью. Активная жизненная позиция выступает как специфический способ выживания. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева отмечают, что их истинная активность направлена исключительно на создание и поддержание имиджа [3].

Отмечаются постоянные попытки контролировать других. Это проявляется в навязывании своей точки зрения или требовании поведения окружающих в соответствии с собственными желаниями, не взирая на внешние обстоятельства, потребности или чувства других. Вместе с тем, клиницистами отмечается, что потребности манипулировать, эксплуатировать, использовать других людей с целью самовозвышения и удержания позитивной самооценки проявляются на более выраженном уровне нарциссических проявлений личности [1; 3].

Контроль в данном случае выполняет защитную функцию, избавляя подобных лиц от болезненной уязвимости, бессилия и предотвращая возможные унижения и обиды [7].

Выделяется три типа схемы правомерности. Первый тип определяется как компенсированная правомерность (легкая степень). В этом случае личность пытается компенсировать переживаемое чувство стыда, собственной дефективности и эмоциональную депривацию. Личность с данным типом схемы испытывает чувство зависти, уязвимости и хрупкости собственной психики.

Второй тип схемы характеризуется отсутствием эмоциональной депривации и дефективности, и при этом, наличием веры в собственную неограниченную привилегированность. В отличие от первого типа, личности этого типа не реагируют на критику, их настроение не ухудшается из-за отвержения их другими или поражения в межличностных или общественных отношениях. Зависть и уязвимость практически не свойственна этому типу. При

этом оба типа схемы содержат убеждение в собственном всемогуществе и вседозволенности.

Третий тип схемы правомерности – это зависимая правомерность, которая состоит в необходимости проявления заботы и любви со стороны окружающих по отношению к личности этого типа. Психотерапевты-практики отмечают, что в детстве такие личности не имели никаких обязательств. Родители, выполняя все за детей, создавали условия для формирования безынициативности и зависимости от других. Во взрослой жизни, сформированные в детские годы качества, приводят к неспособности брать на себя ответственность и принимать самостоятельно решения. Ожидание заботы от других сопряжено с нежеланием отдавать что-то взамен. При этом постоянно испытывается страх неспособности отдельно, самостоятельно существовать в этом мире.

Эмоциональная депривация характеризует ожидание того, что собственная потребность в эмоциональной поддержке не будет адекватно или в достаточной степени удовлетворена другими.

Д.Э. Янг выделяет три главные формы эмоциональной депривации:

Недостаточная забота: отсутствие внимания, заботы, теплоты или дружелюбного отношения.

Недостающая эмпатия: отсутствие понимания, слушания, откровения или разделения чувств с другими.

Недостаточная защита: отсутствие силы, руководства или управления со стороны других.

Дефективность характеризуется чувством дефектности, плохости, нежелательности, неполноценности или неспособности на что-либо. Вместе с тем, это часто связано со сверхчувствительностью к критике, отказу или обвинениям. Как отмечают отечественные исследователи нарциссизма, «у личностей фалло-нарциссического типа чувство стыда и необходимость его гиперкомпенсации всегда сопровождаются чувством всемогущества и собственной неуязвимости, которые защищают надежду на удачу и объясняют их неоправданные риски» [6]. Это соотносится с положением Д.Э. Янга о существовании чувства смущенности или стыда за собственные недостатки. Переживаться могут, к примеру, такие недостатки, как: эгоизм, приступы ярости, неприемлемые сексуальные наклонности, непривлекательность или неудачливость.

В схеме «поиск одобрения» всё вращается вокруг того, чтобы получить одобрение, интерес или внимание других. Потребность в принадлежности к группе удовлетворяется ценой развития собственной идентичности. В результате, это ведет к принятию не тождественных самому себе решений жизненно важных вопросах. Самоотношение таких людей прежде всего зависит от реакций, мнений других, а не от собственных представлений, что детерминирует сверхчувствительность к отказам. Отмечается проявление чрезмерного внимания к социальному статусу, внешнему облику, социальная признанию, деньгам, успеху как средствам получения уважения, восхищения или внимания. Именно стремление ко всему вышеперечисленному подпитывает имидж нарциссической личности. Возникает ощущение самодостаточности и полноценности, которых нет на самом деле. Получив желаемый социальный статус, достаточно денег, можно верить в особую значимость собственной личности. Демонстрируя самодостаточность и успешность, они могут эффективно удовлетворять потребность в восхищении,

одобрении и признании, так необходимые им для поддержания представления о себе [7].

Необходимо уточнить, что первоначально стремление ко всем выше перечисленным явлениям не является стремлением к власти и контролю. «Быть успешным, неотразимым – вот к чему стремятся подобные лица и выбирают для себя такое поле деятельности, которое содержит в себе потенциальную возможность успеха» [6].

Схема «*Завышенные стандарты*» характеризуется убеждением, что необходимо выстраивать свое поведение в соответствии с высокими интернализированными стандартами. Часто это связано с потребностью избежать критику. Если такая схема имеет место быть, то, как правило, возникает чувство подавленности, неспособность расслабиться и отдохнуть, сверхкритическое отношение к самому себе. Исполнение завышенных стандартов распространяется и на все окружение личности. Срабатывание схемы осуществляется ценой получения удовольствия от жизни, переживания счастья, проявления произвольности, спонтанности, сохранения здоровья.

Завышенные стандарты часто проявляются в форме:

- Перфекционизма, который проявляется в концентрации внимания на деталях и недооценке собственных успехов.

- Ригидных правил и долженствований.

- Постоянного фокусирования на продуктивности.

В схеме «*подчинение*» основной фокус сконцентрирован на контроле за собственными эмоциями, поведением и т.д. Личность подавляет проявление собственной индивидуальности, чтобы избежать негативные реакции, отвержение, или не „стать покинутым» значимыми другими.

Выделяются две основные формы подчинения:

Подавление собственных пристрастий, решений и желаний.

Подавление собственных чувств, в частности, гнева.

Подчинение часто сопровождается ощущением, что собственные пристрастия не ценятся другими и не важны им. Длительное действие этой схемы ведет к появлению гнева, дисфункциональных симптомов, таких как пассивно-агрессивное поведение, неконтролируемые вспышки ярости или психосоматические симптомы.

Недоверие описывает ожидание от окружения обмана, манипулирования, унижения, оскорбления. Внешний контроль как полагают лица с нарциссическими проявлениями, позволяет установить связи с миром без опасения быть использованными [7].

Схема предполагает, что травмирующие действия со стороны происходят либо намеренно, либо в результате несправедливости. Личность, имеющая эту схему, может испытывать чувство постоянной обманутости или „проигрыша».

Избегание. Большинство нарциссических личностей склонны к аддиктивному поведению, позволяющему избегать ощущение собственной уязвимости и эмоциональную депривацию. Прием алкоголя, наркотиков и т.п. отвлекает от болезненных переживаний. При этом демонстрируется уникальность собственной личности и неограниченная вседозволенность.

Первичные и вторичные схемы объединяются в три кластера, или типы схем: самовозвеличивание, ранимый ребенок и обособленный селф льстец. Данные три типа схем относительно отделены друг от друга, что позволяет нарциссической личности переходить от одного типа к другому в зависимости от происходящих событий и изменений в окружающей действительности.

Самовозвеличивание. Смысл этого типа заключается в получении одобрения, признания и внимания в процессе удовлетворения своих нужд и установления контроля над окружающими. Большую часть своего времени «успешные» нарциссистические лица проводят в этом типе. Самовозвеличивание включает в себя схемы правомерности, поиска одобрения, завышенных стандартов и недоверия. Данный тип характеризует высокомерное, критичное поведение по отношению к другим. Подобные лица проявляют мало эмпатии и могут относиться к другим по-эксплуататорски и манипулировать ими. В данном случае лицам нарциссистического типа присуще чувство зависти, конкуренция, недоверие к искренности других, фантазии о неограниченном успехе и славе.

Ранимый ребенок. Причинами появления данного типа могут быть следующие: ситуация, когда личность отделена от источников одобрения, похвалы и оценки, например, когда они долгое время находятся в одиночестве, когда они получают негативные ответные реакции или критику, когда они испытывают неудачи, когда они получают меньше внимания или добиваются меньших успехов, чем другие. В данном типе схем очень остро переживается потеря статуса собственной уникальности, в случае переживания одиночества и заурядности. Этот тип включает в себя схемы дефектности, эмоциональной депривации и подчинения.

Ощущение заурядности переживается нарциссистическими личностями как пустота и одиночество. Они чувствуют себя отвергнутыми, униженными, проигнорированными. В случае, когда данный тип действует длительное время, они становятся самокритичными и впадают в депрессию. Актуализируются чувства, связанные с эмоциональной депривацией и дефективностью, которые были пережиты в детстве, когда родители не проявляли в достаточной мере одобрения, тепла и оставляли в одиночестве. Чтобы избежать этот болезненный детский опыт, нарциссистические лица стремятся получить одобрение, и тем самым возвращаются к самовозвеличиванию или, в случае неудачи, переходят к третьему типу схем – обособленный селф-льстец.

Обособленный селф-льстец. Если тип раннего ребенка становится невыносимым, и личность не способна вернуть чувство собственной уникальности, или в ситуации одиночества, происходит переход к данному типу. Этот тип представляет из себя избегание схемы. Иначе, его цель заключается в том, чтобы избежать схемы эмоциональной депривации и дефективности. Данный тип может принимать различные формы, такие, как злоупотребление наркотиками и алкоголем, маниакальная сексуальная активность, азартные игры, переедание и трудовоголизм. Нарциссистические личности делают все возможное, чтобы избежать тип обособленного селф-льстеца.

Таким образом, схема-ориентированная терапия является собой новую, многообещающую модель подхода к проблеме нарциссизма. Этот подход объединяет глубокий теоретический пласт с директивными методиками, основанными на когнитивной, поведенческой и экспериментальной терапии.

Библиографический список

1. Кернберг, О. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии / О. Кернберг. – М.: Класс, 2000. – 464 с.
2. Когнитивная психотерапия расстройств личности / Под ред. А. Бека и А. Фримена. - СПб.: Питер, 2002. — 544 с.

3. Короленко, Ц.П. Психоанализ и психиатрия / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 667с.
4. Лассен, М.К., Элиот, Ч. Как получить то, что я хочу / М.К. Лассен, Ч. Элиот. – Питер, 2002. – 256 с.
5. Попов, Ю.В., Вид, В.Д. Современная клиническая психиатрия / Ю.В. Попов, В.Д. Вид. – СПб.: Речь, 2002. – 262 с.
6. Соколов, С.Е., Шамшикова, Е.О. Ценности и ценностные ориентации в диапазоне нарциссических проявлений личности / С.Е. Соколов, Е.О. Шамшикова // Социокультурные проблемы современного человека: материалы III Международной научно-практической конференции (22-26 апреля 2008 г.). – Новосибирск: НГПУ, 2009. – Ч. II. – 538 с.
7. Шамшикова, Е.О. Некоторые аспекты нарциссического характера: потребность во власти и контроле / Е.О. Шамшикова // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 446с.
8. Шамшикова, О.А., Клепикова, Н.М. Опросник «Нарциссические черты личности» / О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова // Психологический журнал. – М.: , 2010. – Т. 31. – С. 114-128.
2. Beck, A.T., Brown, G.K., DeRubeise, R.J. Response to cognitive therapy in depression: The role of maladaptive beliefs and personality disorders / A.T. Beck, G.K. Brown, R.J. DeRubeise, N. Kurzer, W. Kuyken // Journal of Consulting and Clinical Psychology, № 69. – 2001. – pp. 560-566.
3. Diagnostic criteria from DSM-IV-TR APA. Published by the American Psychiatric Association. – Washington: DC, 2000.
4. DSM-IV (1994): American Psychiatric Association: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th Edition. Washington, DC, American Psychiatric Association.
5. Levy, K.N., Reynoso J.S., Wasserman R.H. Narcissistic Personality Disorder / K.N. Levy, J.S. Reynoso, R.H. Wasserman, J.F. Clarkin, J. and S.I. Weill. – City University of New York. – pp. 83.
6. Young, J. E., Flanagan, C. Schema-Focused Therapy for Narcisctic Patients. In: E.F. Ronningstam (Ed). Disorders of Narcissism / J. E. Young, C. Flanagan. – Washington: American Psychiatric Press, 1998. – pp. 239-288.

УДК 159.9

N.A. Samojlik

Kasbabs state pedagogical academy, Novokuznetsk

TO THE QUESTION ON THE MAINTENANCE OF IDENTITY CRISIS IN PSYCHOANALYSIS

In the article the tradition of studying of identity crisis in psychoanalysis is considered. The analysis of the maintenance of identity crisis is presented in Z. Freud's, K.G. Jung's, E. Erikson's, J. Marcia's works.

Н.А. Самойлик

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

В статье рассматривается традиция изучения кризиса идентичности в психоанализе. Представлен анализ содержания кризиса идентичности в работах З. Фрейда, К.-Г. Юнга, Э. Эриксона, Дж. Марсиа.

Изменение условий жизни человека в современном обществе неизбежно приводит человека к кризису, основными причинами которого являются разного рода внутриличностные проблемы, связанные с трудностями установления тождественности и устойчивости индивидуального опыта. В подобных обстоятельствах наиболее остро встает о содержании и сути кризиса идентичности, а также выделении дефиниций данного понятия в различных психологических теориях. Особое место в ряду психологических теорий, безусловно, занимает психоаналитическое направление, основные открытия которого составляют ядро современной концепции развития личности.

Начало исследования кризисов личности в западной психологии следует отнести к работам З.Фрейда, основателя психоанализа. Придавая особое значение биопсихической трактовке внутриличностного конфликта, автор отмечает, что постоянная борьба «Я» и «Оно» нарушает равновесие для «Я» и поэтому является основной причиной конфликта и невроза. Необходимым условием сохранения равновесия «Я» служит идентичность, поддержанию которой способствуют защитные механизмы. Важное значение среди защитных механизмов имеет идентификация, введенная З.Фрейдом при анализе сновидений и процессов психосексуального развития ребенка. Первоначально идентификация понималась как процесс подражания чему-либо, а затем идентификация рассматривалась как субъективное переживание некоей степени слияния с объектом, когда человек чувствует угрозу своей целостности. Наиболее ярким примером идентификации является проявление на фаллической стадии эдипова комплекса у мальчиков или комплекса Электры у девочек [3, с.124].

В литературе отмечается, что неспособность к идентификации в детстве с родителями, особенно с родителем своего пола, уменьшает чувство идентичности, но и неудавшийся уход от идентификации с ними в подростковом возрасте приводит к тому же результату [5, с.190]. В результате возникает кризис идентификации, когда подросток оказывается неспособным зафиксировать самождественность себя как личности и это может привести к развитию негативной идентичности, в которой подросток будет идентифицироваться с асоциальными ролями. Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева замечают, что негативная идентичность становится привлекательной в период кризиса идентичности для тех подростков, которые считают позитивную идентичность недостижимой для себя [2, с.118].

Однако, следует отметить, что в настоящее время понятия «идентичность» и «идентификация» нетождественны. М.В. Заковоротная отмечает, что «идентичность включает в себя различные аспекты, а идентификация – описание таких аспектов» [1]. Таким образом, идентичность – некий результат своей целостности и защита себя, а идентификация – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок.

Продолжает изучение внутреннего конфликта в психоанализе К.Г. Юнг, который ввел понятие «самости», понимая под ним архетип, представляющий стремление человека к целостности. К.Г.Юнг полагал, что самость («все мое существо в целом») является центром личности, объединяющей и удерживающей все остальные системы, а также позволяющей обеспечивать для личности единство и стабильность. Когда достигнута интеграция всех

составляющих частей души, человек способен ощутить целостность и единство. Постоянная борьба между архетипами является причиной невозможности «обретения самости» или внутренней целостности. Однако, достижение архетипа самости становится возможным только в период кризиса середины жизни у человека [7].

Несмотря на то, что во многом идентичность и самость могут рассматриваться как тождественные, все же они отличаются друг от друга. Важнейшее отличие заключается в том, что самость – носитель коллективного бессознательного, идентичность – личностная структура, формируемая прижизненно, на определенном этапе развития.

Принципиальное важное значение кризису идентичности придает В.Хесле, сущность которого характеризует через отвержение самости со стороны «я». Дифференциация «я» и самости относительна, но «Я» включает в себя самость и чувства. «Я» имеет описательные и нормативные образы не только других людей, но и собственной самости», - указывает автор [4]. Факторами идентичности являются: тело, память, рефлексия, синтетическое ядро апперцепции. Отсутствие целостной идентичности указывает на невозможность сохранения какого-либо из компонентов «я». Поэтому для достижения идентичности необходимо признание самости со стороны «я». Возникающий в период взросления, кризис идентичности несет в себе продуктивное начало, итогом которого становится отвержение прежней идентичности и формирование новой.

Другой взгляд на природу внутриличностного конфликта представлен у Э. Эриксона, основателя эпигенетической психологии. С точки зрения автора, идентичность – «конфигурация, которая возникает путем успешного эгосинтеза и ресинтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» [8, с.32]. Таким образом идентичность представляется некой структурой, субъективно переживаемой человеком как чувство тождественности и постоянства собственной личности при восприятии других, признающих это тождество. Процесс развития идентичности продолжается всю жизнь и не является линейным. В жизни человека возникают периоды, когда необходимо разрешить конфликт между сложившейся к данному моменту структурой идентичности и требованиями личностного развития, - такие периоды и являются кризисами идентичности. Э.Эриксон выделил два типа кризиса идентичности. Диффузия идентичности, сопровождаемая неустойчивостью идентичности, а также спутанность идентичности, в результате чего у человека не может быть сформирована когерентная идентичность. При этом оказывается невозможным выделить у человека какую-либо преобладающую идентичность в качестве основной [8, с.32]. Чтобы выйти из кризиса с развитой эго-идентичностью человеку необходимо приложить определенные усилия для реализации новых целей, усвоения новых ценностей. При определенных, неблагоприятных обстоятельствах процесс формирования идентичности может задержаться или возможно возвращение к более ранним, примитивным ее формам.

Теоретический анализ проблемы и отсутствие эмпирических исследований в работах Э. Эриксона привели к попыткам дать более строгое и операциональное определение идентичности.

Для операционализации понятия идентичности, под которой Дж. Марсиа понимал «структуру эго – внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории», автор вводит наблюдаемый критерий «решения проблем». Решение любой, даже незначительной жизненной проблемы вносит определенный вклад в достижение идентичности. Таким образом, по мере принятия разнообразных решений относительно себя и своей жизни развивается структура идентичности, повышается целенаправленность и осмысленность своей жизни. В построенной модели Дж.Марсиа используется два параметра: наличие или отсутствие кризиса, характеризующее состояние поиска идентичности; другим параметром выступает наличие или отсутствие составляющих идентичности, а именно лично значимых целей, ценностей, убеждений, принятых решений [9].

На основании разработанного метода полуструктурированного интервью, Дж.Марсиа выделил следующие статусы идентичности. Самой первой и поэтому слабой стадией развития идентичности является диффузная идентичность, характеризующаяся «отягощенностью отсутствия обязательств» [5, с. 241]. Подобное состояние идентичности свойственно для людей, не имеющих четких ценностей и убеждений, и не пытающихся их сформировать. Их идентичность не находилась в состоянии кризиса, либо оказались неспособными решить возникшие проблемы. Статус преждевременной остановки развития идентичности (или стадия предрешения идентичности) приписывается человеку, который никогда не переживал состояние кризиса идентичности, хотя обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений. По содержанию система ценностей и убеждений может возникнуть вследствие идентификации с родителями или другими авторитетными лицами, но не являться результатом самостоятельного поиска и выбора и переживания кризиса идентичности. Поэтому человек принимает определенный набор ценностей и убеждений, не подвергая их сомнению, и может рассматриваться как вариант навязанной идентичности.

Для человека, находящегося в состоянии кризиса и активно пытающегося преодолеть его, Дж. Марсиа использует статус моратория. Для того, чтобы разрешить кризис, человек находится в состоянии поиска информации, необходимой для выхода из кризиса. Для первых стадий такого поиска характерно переживание радостного ожидания и любопытства.

Разработанные Дж. Марсиа стадии образуют общую последовательность формирования идентичности, однако они не являются жестко заданными и предыдущая стадия не является необходимым условием для последующей. Стадия диффузной идентичности условно является промежуточной, так как человек может вступить в стадию «моратория» и затем перейти к «зрелой идентичности». Однако, многие люди остаются на этом этапе, отказавшись от активного выбора и самоопределения.

Полное развитие или достижение идентичности, согласно Дж. Марсиа, возникает, когда индивидуум пережил период кризиса и самоанализа и в результате сформировавшим определенную совокупность лично значимых для него целей, ценностей и убеждений. Он знает, кто он, к чему стремится, что следует делать. Для такого человека характерна целенаправленность и целеустремленность. Осознание трудностей не уменьшает стремления придерживаться избранного направления. Свои ценности, цели и убеждения

такой человек переживает как личностно значимые и обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни [9].

Итак, полное развитие идентичности (достижение идентичности), согласно Дж. Марсиа, возникает, когда индивидуум пережил кризис и вышел из него, приняв на себя «разумно твердое обязательство» по отношению к профессиональной деятельности и(или) идеологии [2, с.41]. Другими, менее зрелыми исходами кризиса, являются диффузия идентичности, при которой ни кризис, ни принятие на себя обязательств не были пережиты; мораторий – в течение, которого кризис переживается, но обязательства еще не приняты; кризис не переживается, однако обязательства были приняты, часто следуя родительскому примеру либо примеру других авторитетных лиц, является показателем преждевременной остановки идентичности. Как считает автор, в определенный момент времени человек имеет смешанное состояние идентичности, при этом диффузная или достигнутая идентичность довольно редки. Кризис идентичности, отмечает исследователь, не охватывает всей жизни человека, а фокусируется на относительно ограниченном числе проблем определенных жизненных сфер [2]. Как правило, данные проблемы (семейная жизнь, профессиональный выбор и др.) взаимосвязаны, и решение одной из них может повлечь определенные изменения в отношении других, которые еще не решены.

Развивая статусную теорию идентичности, Л.Б. Шнейдер вводит статус псевдоидентичности, заключающийся в постоянном отрицании своей уникальности, либо напротив, ее амбициозном подчеркивании. Псевдоидентичность может возникнуть в результате тотального поглощения статусом, ролью, профессиональной деятельностью, другим объектом или субъектом, при завышенном положительном оценивании собственных качеств и нарушении связей с социумом [6, с.68].

Подводя итоги, следует отметить, что согласно психоаналитической традиции, конфликт является интрапсихическим феноменом, возникающим как противоречие между сознательным и бессознательным проявлениями психики. Поэтому конфликт – необходимый компонент жизни человека, приводящий к кризису. Примерами таких кризисов могут служить кризис идентификации у З. Фрейда или кризис эго-идентичности у Э. Эриксона. Для развития эго-идентичности необходимо пройти через кризисы, которые возникают в различные переломные моменты жизни человека, названные кризисами идентичности.

Библиографический список

1. Заковоротная, М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М.В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 175 с.
2. Короленко, Ц.П. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство: Монография / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – 427 с.
3. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – СПб.: Питер, 2005. – 384 с.
4. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле. // Вопросы философии. – 1994. - №10. – С. 112 – 123.
5. Хьелл, Л. Теории личности (Основные положения, исследование и применение) / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
6. Шнейдер, Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.

7. Юнг, К.Г. Психика: структура и динамика / К.Г. Юнг. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 416 с.
8. Ericson, E. H. The problem of ego identity // Stein M. R. (eds) Identity and anxiety: Survival of the person in mass Society Glencje: The Free Press, 1960.
9. Marsia, J. E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.). Handbook of adolescent psychology. N. Y.: John Wiley, 1980.

УДК 159.95+159.964

M.M. Solobutina

Tatar state humanitarian -pedagogical university, Kazan

RESEARCH OF ANTICIPATION ABILITIES IN SPEECH ACTIVITY DEPENDING ON DISTRESS EXPRESSIVENESS

In the article the results of studying of prognostic competence, the comparative analysis of speech anticipation are presented at actualization of separate lexical units and speech communications, pattern and interrelation degree of anticipation abilities in speech activity with distress expressiveness in norm and at neurotic disorders are defined.

M.M. Солобутина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Казань

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЦИПАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫРАЖЕННОСТИ ДИСТРЕССА

В статье представлены результаты изучения прогностической компетентности, сравнительного анализа речевых антиципаций при актуализации отдельных лексических единиц и речевых связей, определены характер и степень взаимосвязи антиципационных способностей в речевой деятельности с выраженностью дистресса в норме и при невротических расстройствах.

В психологической науке отмечается актуальность исследований, раскрывающих особенности адаптации человека в современных условиях и причины нарушений адекватности поведения. Известно, что одной из причин нерационального, неадекватного поведения является актуализация неравновесных состояний. А.О. Прохоров отмечает, что «неравновесные состояния представляют собой функциональную структуру, образующуюся при нарушении симметрии между организмом и средой» [7]. Стресс, являясь трудным неравновесным состоянием, возникает в результате негативного воздействия извне на психические и физиологические функции организма и «сопровождается изменением интенсивностей многих процессов в организме и психике в сторону повышения или понижения» [3, с. 312].

Несмотря на понимание стресса как реакции организма на события негативного характера, Г. Селье выделял полезный стресс, мобилизующий работу и защитные ресурсы организма – эустресс, и деструктивный – дистресс [9]. При значительной силе внешнего воздействия, превышающей адаптационные возможности организма, и невозможности мобилизоваться в стрессовой ситуации первичный стресс может перейти в деструктивную, повреждающую форму. Энергетический уровень дистресса соответствует повышенной психической активности, соответственно, состояние дистресса является неравновесным и сопровождается аффективными и физиологическими проявлениями. В литературе указывается, что стресс ведет к изменению многих

психических процессов. Когнитивный дисбаланс при дистрессе выражается в преобладании негативных мыслей, нарушении логики, спутанном или импульсивном мышлении, сужении «поля зрения» возможных вариантов действия. Среди изменений интеллектуальных процессов при стрессе отмечается значительное нарушение внимания, трудности в сосредоточении обусловлены формированием стрессорной доминанты в коре больших полушарий. Нарушение базовых свойств интеллекта, с одной стороны, является следствием развития стресса, а с другой стороны, ведет к искаженной интерпретации событий и неадекватному поведению, препятствует успешному выходу из стрессовой психотравмирующей ситуации [11].

В рамках известных психологических теорий доказываемается, что одним из условий успешной адаптации индивида и продуктивного выхода из стрессовой ситуации является также способность к антиципации, как умению отражать закономерности среды в структуре прошлого опыта, формировать стратегии поведения, предвосхищая ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением (А.В. Брушлинский [1], Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков [4], В.Д. Менделевич [5], Е.А. Сергиенко [10], Л.А. Регуш [8], И.М. Фейгенберг [2]).

Нарушение способности к прогнозированию детерминирует социальную дезадаптацию, так как антиципационные возможности индивида являются одним из факторов психологически здоровой, устойчивой к стрессам, умеющей преодолевать жизненные трудности личности. При психической напряженности, вызванной сильным стрессом, происходит изменение всей психической сферы человека, что, в свою очередь, препятствует успешному и своевременному разрешению стрессовой ситуации. Однако стоит принять во внимание, что антиципация является универсальным механизмом психической организации человека, имманентно присущим любой деятельности. Известны исследования, раскрывающие вероятностный характер перцептивных, мнестических, речевых и мыслительных процессов. Любое поведение, в том числе и речевое, невозможно без антиципации. Следовательно, исследуя антиципационные способности в речи, можно опосредованно оценивать способность к предвосхищению событий, умение прогнозировать развитие ситуации. Но речевое прогнозирование человека в условиях негативного влияния стресса остается неизученным, что явилось источником проблемы выявления специфики антиципационных способностей в речевой деятельности в зависимости от степени выраженности дистресса.

Для наиболее глубокого понимания различных психических явлений в психологических исследованиях часто используется сравнительный анализ их проявления в норме и при патологии. В связи с адаптивно-дезадаптивным психологическим характером антиципации, можно говорить об участии этого механизма в возникновении и протекании различных психических состояний и заболеваний. Известна концепция В.Д. Менделевича, суть которой заключается в рассмотрении неврозогенеза как результата неспособности личности предвосхищать ход событий и собственное поведение во фрустрирующих ситуациях, что обусловлено антиципационной несостоятельностью «потенциального невротика» [5].

Исходя из вышесказанного, данное исследование строилось на основе изучения взаимосвязи антиципационных способностей в речевой деятельности и выраженности дистресса у здоровых лиц, а также у больных с невротическими расстройствами. Предполагалось, что высокая степень

выраженности дистресса может сопровождаться антиципационной несостоятельностью личности и, соответственно, снижением антиципационных способностей в речевой деятельности.

С целью выявления специфических особенностей антиципации в речи при переживании дистресса необходимым явилось изучение следующих показателей: 1) прогностические способности, 2) вероятностная организация идиолексикона, 3) речевое прогнозирование при смысловом восприятии речи и актуализации речевых связей, 4) процесс построения субъективного речевого прогноза, 5) интенсивность дистресса; 6) психопатологическая симптоматика заболевания неврозом. В качестве инструментов исследования, которые позволили оценить прогностические способности в речи, были использованы: методика восстановления зашумленных слов, методика по получению субъективных частотных оценок слов Р.М. Фрумжиной [6], методика заполнения фразового пробела. Для диагностики прогностических способностей испытуемых применялся тест антиципационной состоятельности В.Д. Менделевича, а для определения интенсивности дистресса испытуемых – методика «Комплексная оценка проявлений стресса» Ю.В. Щербатых [11] и опросник SCL-90-R.

Эмпирическую базу исследования составили результаты диагностики 180 психически здоровых испытуемых, которые сравнивались с диагностическими данными больных, страдающих невротическими расстройствами и проходящих лечение в дневном стационаре Республиканской клинической психиатрической больницы г. Казани (90 человек). Для достижения цели исследования выборка здоровых испытуемых была разбита на две группы: 100 человек, у которых отсутствовал значимый стресс на момент исследования, и 80 человек с выраженным дистрессом. Общий объем выборки составил 270 человек обоего пола в возрасте 25 - 50 лет.

Результаты изучения проявлений стресса с помощью методики Ю.В. Щербатых позволили заключить, что у большинства здоровых испытуемых первой группы отсутствовал значимый стресс (65%), остальные испытывали умеренный стресс, который компенсировался в связи с наличием достаточных ресурсов для его преодоления. В группе здоровых лиц, испытывавших психологические трудности на момент исследования, были обнаружены достаточно выраженное напряжение эмоциональных и физиологических систем организма, а также негативные последствия стресса, связанные с невозможностью сопротивляться действию стрессорного фактора и истощением адаптационных ресурсов личности. Доля лиц с ярко выраженным дистрессом преобладала в группе больных с невротическими расстройствами.

В результате тестирования испытуемых с помощью опросника SCL-90-R было выявлено, что для больных невротическими расстройствами отмечалось превышение нормативного значения по показателям GSI и PDSI, выражающим общий индекс глубины расстройства и индекс наличного дистресса. Среднее значение индексов GSI и PDSI у испытуемых с невротическими расстройствами указывает на значительную интенсивность дистресса и выраженность психопатологических симптомов расстройства. Для всех обследованных больных с невротическими расстройствами было характерно наличие психопатологии, вызванной психотравмирующей ситуацией, что выражалось количественно в очень высоких значениях по всем симптомокомплексам и было вызвано достаточно широким диапазоном симптоматики ($PST_{cp} = 58$).

В группе здоровых, имевших психологические затруднения, показатель

напряженности от негативного влияния стрессора также был выше нормы, но степень выраженности дистресса была меньше, а диапазон жалоб укладывался в меньшие границы в сравнении с больными неврозами. Следует отметить, что наличие невротического расстройства у данных испытуемых исключалось, так как характер и количество их жалоб не соответствовали клиническим критериям расстройств, включенных в раздел F-4 МКБ-10.

Полученные эмпирические данные позволили раскрыть характер изменений антиципационной деятельности при дистрессе у здоровых испытуемых и больных с невротическими расстройствами. Аффективная и физиологическая напряженность организма, возникающая в ответ на сильный стрессорный фактор, сопровождалась отклонениями в коммуникативном, пространственном и временном уровнях антиципации ($p \leq 0,001$). Здоровые с выраженным дистрессом и больные неврозами были неспособны адекватно прогнозировать жизненные события и ситуации, испытывали затруднения в предвосхищении движений предметов в пространстве, координации собственных движений, для них была характерна неспособность прогнозировать течение времени и точно распределять время. Тогда как 90% здоровых лиц, у которых отсутствовал стресс на момент исследования, демонстрировали нормовариантный тип антиципации, моторную ловкость и хроноритмологические способности.

Результаты изучения речевых антиципаций позволили выявить существенные отклонения по этому показателю в норме при выраженном дистрессе и при невротических расстройствах. Наблюдавшиеся у здоровых в состоянии дистресса и больных с неврозами нарушения в прогностической деятельности обнаруживались и при рассмотрении особенностей проявления вероятностной организации их идиолексикона в речевой практике. Другими словами, характерный для них преимущественно моновариантный тип вероятностного прогнозирования сопровождался снижением антиципационных способностей в речевой деятельности.

При рассмотрении вероятностной организации идиолексикона на уровне изолированных лексем был установлен факт несоответствия субъективных вероятностей речевых элементов их объективным вероятностям в норме в состоянии дистресса и при неврозах (коэффициент I) ($p \leq 0,001$). Выявленные нарушения актуализации вероятностной структуры речевого опыта объясняются ослаблением дифференциальной чувствительности при определении вероятности появления слов, относящихся к классам высокочастотных и низкочастотных, и, как следствие, дихотомическим типом мыслительной деятельности.

Полученные диагностические данные позволили отметить у 41,3% испытуемых с дистрессом и у 72,2% больных с невротическими расстройствами ослабление прогностической деятельности при смысловом восприятии речи и актуализации речевых связей. Выявлено, что результаты методики заполнения фразовых пробелов непосредственно определялись снижением антиципационных способностей, а контекстуальная обусловленность сообщения усложняет речевой прогноз. Полученные коэффициенты стандартности S , данные о латентных периодах реагирования при выполнении задания, показатели средней вероятности ответов по всем фразовым пробелам у испытуемых, переживающих деструктивные последствия стресса, достоверно отличались от результатов группы здоровых ($p \leq 0,001$).

Изучение особенностей построения субъективного прогноза в норме и при

невротических расстройствах позволило сделать вывод об адекватности речевого прогноза здоровых испытуемых (89%) и о наличии нарушений у значительной части испытуемых в состоянии дистресса (43,8%), а также больных с невротическими расстройствами (57,8%) (коэффициент *B*). Наблюдающиеся неадекватные проявления вероятностной организации идиолексикона в языковой практике при переживании дистресса, выражающиеся в несоответствии субъективных вероятностей речевых элементов их объективным вероятностям, могут объясняться сбоями при построении субъективного прогноза в речевом поведении.

При сопоставлении результатов изучения речевых антиципаций с помощью методики по получению субъективных оценок частот слов, методики зашумленных слов и методики заполнения фразового пробела обнаружилось, что здоровые с дистрессом и больные с невротическими расстройствами, имеющие значения коэффициентов парадоксальности *П* и адекватности речевого прогноза *B* вне пределов нормы, продемонстрировали отклонение и по показателю *S*, который раскрывает способность индивида антиципировать речевые связи. Такая же тенденция прослеживалась в группе здоровых лиц, не испытывавших трудных состояний на момент исследования: высокий уровень развития антиципационных способностей проявлялся как при вероятностной оценке отдельных лексических единиц, так и при смысловом восприятии речи.

Соответственно, данные о речевом прогнозировании обследованных больных и здоровых лиц, полученных с использованием трех методик, хорошо согласовывались между собой, что подтвердилось статистически ($p \leq 0,001$). Эти результаты указывают на факт возможного проявления антиципационной несостоятельности в речевой деятельности в норме и существенном снижении антиципационных способностей при невротических расстройствах как на лексическом, так и на смысловом уровнях. Однако стоит отметить, что в сравнении с распределениями *B* и *П* процент лиц с невротическими расстройствами при прогнозировании смысловых связей (*S*), не отличавшихся от нормы меньше (27,8%), а демонстрировавших нарушения – намного больше (72,2%). Соответственно, речевые антиципации, обусловленные контекстом сообщения, являются более сложными процессами по сравнению с прогнозом при актуализации изолированных лексем и требуют более тонкой работы блоков прогноза, когда выдвижение и верификация смысловой гипотезы зависят от сочетаемости и грамматической регулярности лексических единиц.

Корреляционные плеяды, составленные в результате корреляционного анализа, демонстрируют, как интенсивность переживаемого дистресса отразилась на антиципационных способностях в речевой деятельности в норме и при невротических расстройствах (рисунок 1).

Выявленные взаимосвязи между показателем общей антиципационной состоятельности и индексами дистресса ($p \leq 0,001$) в группах здоровых, переживающих деструктивные последствия стресса, и больных с невротическими расстройствами подтверждают участие механизмов антиципации в возникновении напряжения эмоциональных и физиологических систем организма в психотравмирующих ситуациях. В норме и при невротических расстройствах ярко выраженный дистресс сопровождается

снижением способности прогнозировать жизненные события и ситуации, моторной неловкостью и сложностями в предвосхищении течения времени.

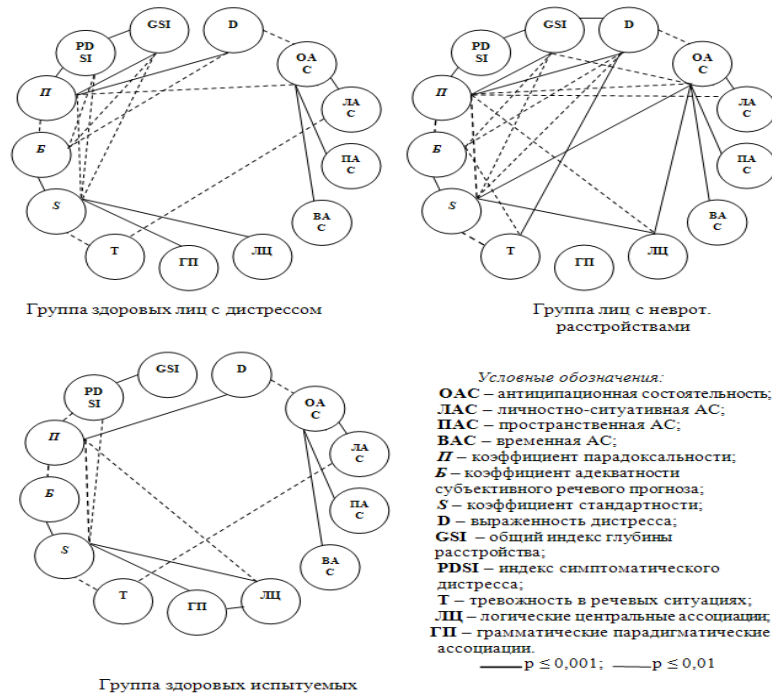

Рисунок 1 - Корреляционные плеяды, образованные взаимосвязями показателей

Между степенью парадоксальности речевого поведения и выраженностью переживаемого дистресса испытуемых, страдающих невротическими расстройствами, имеется отчетливая прямая корреляционная связь ($p \leq 0,001$). Это дало основание считать, что степень дезорганизации вероятностной структуры речевого опыта в среднем пропорциональна выраженности психопатологической симптоматики. Соответственно, больные неврозами со сравнительно небольшой степенью глубины расстройства способны осуществлять субъективный прогноз в речи, а при увеличении клинических проявлений заболевания наблюдаются нарушения антиципационных механизмов речевого поведения. У здоровых лиц с выраженным дистрессом происходит снижение антиципационных способностей в речевой деятельности. При отсутствии эмоциональных и физиологических симптомов стресса наблюдаются адекватные субъективные оценки вероятностей встречаемости лексических единиц в речи ($p \leq 0,001$).

Обнаружено, что адекватность построения речевого прогноза в норме и при невротических расстройствах взаимосвязана с выраженностью дистресса ($p \leq 0,01$). Отличающиеся от «нормы» показатели больных по методике восстановления зашумленных слов могут быть обусловлены высокой степенью интенсивности дистресса, так как характерные для них индексы D, GSI и PDSI значительно выше, чем для остальных испытуемых данной группы. Больные неврозами с меньшей степенью выраженности дистресса при заполнении

зашумленных слов показывают большее количество высоковероятных речевых реакций. Для испытуемых с выраженным дистрессом и психопатологической симптоматикой характерен выбор значительного числа редких слов. Соответственно, у больных с высокими показателями дистресса обнаруживается неадекватный речевой прогноз. В группе здоровых испытуемых низкие значения по индексам степени расстройства сопровождаются высокими результатами по показателю B , то есть здоровые испытуемые способны осуществлять субъективный прогноз в речи. Но при наличии даже слабовыраженного дистресса здоровые лица демонстрируют снижение продуктивности речевого прогноза ($p \leq 0,01$).

При оценивании степени влияния интенсивности дистресса на антиципацию при смысловом восприятии речи в норме была выявлена взаимосвязь между этими показателями ($p \leq 0,001$). В группе здоровых лиц показатели D , GSI и $PDSI$, высокие значения которых свидетельствуют о присутствии негативного характера стресса, сопровождаются низкими значениями коэффициента S . Переживая дистресс, здоровые испытуемые допускают прогностические ошибки в речевой деятельности при актуализации речевых связей. В группе больных с невротическими расстройствами снижение антиципационных способностей в условиях контекстуальной обусловленности речевого сообщения взаимосвязано со значительной выраженностью дистресса и психопатологической симптоматикой заболевания ($p \leq 0,001$). Но, так как доля испытуемых с заболеванием (72,2%), осуществлявших неадекватный речевой прогноз на уровне смысла, превышает процент больных (27,8%), не отличающихся от здоровых лиц, то, соответственно, нельзя прийти к выводу, что выявленные нарушения свойственны только больным с очень высокими значениями дистресса и симптоматического индекса расстройства. Непонимание контекста речевого сообщения характерно для больных как с очень острыми формами невротических состояний, так и со средней выраженностью глубины расстройства. Тем не менее, характер выявленной взаимосвязи указывает на факт ухудшения речевого прогноза на уровне контекста при увеличении степени тяжести заболевания: чем больше степень выраженности невротического расстройства и интенсивность дистресса, диагностированного у данного больного, тем сложнее ему осуществлять вероятностный прогноз при смысловом восприятии речи.

С уровнем речевой тревожности (T) больных невротиками взаимосвязан показатель адекватности построения речевого прогноза (B) ($p \leq 0,001$). Также в обеих группах выявлена зависимость между речевыми антиципаниями при смысловом восприятии речи (S) и возникновением тревожности в речевых ситуациях ($p \leq 0,001$). Данный результат указывает на то, что антиципационная несостоятельность в речи, снижение способности прогнозировать развитие речевой ситуации у здоровых с выраженным дистрессом и больных с невротическими расстройствами находят свое отражение и в возникновении тревожности в процессе коммуникативного акта. У большинства испытуемых, переживающих деструктивное влияние стресса, наблюдаются сложности в эффективном использовании вербальных и невербальных средств поведения, ситуативная неадаптивность, неумение быстро и адекватно ориентироваться в многочисленных и разнообразных коммуникативных ситуациях. Тем не менее, у здоровых лиц при низком и среднем уровне речевой тревожности происходит адекватное функционирование антиципационных механизмов речи.

Основные итоги работы позволили сделать вывод, что в состоянии

дистресса у человека наблюдается нарушение вероятностной организации речевого опыта, в связи с чем осложняется предвосхищение предстоящей речевой ситуации и возникает нарушение речевых антиципаций на уровне смысловых гипотез. А это, в свою очередь, создает коммуникативные преграды и формирует готовность к невротическому осмыслению действительности.

Библиографический список

1. Брушлинский, А.В. Мышление и прогнозирование / А.В. Брушлинский. – М.: Мысль, 1979. – 230 с.
2. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / Под ред. И.М. Фейгенберга, Г.Е. Журавлева. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
3. Куликов, Л.В. Виды трудового стресса / Л.В. Куликов, О.А. Михайлова // Психология состояний. Хрестоматия / Составители Т.Н. Васильева, Г.Ш. Габдреева, А.О. Прохоров / под ред. А.О. Прохорова. – М.: ПЕР СЭ: СПб.: Речь, 2004. – С. 311-321.
4. Ломов, Б.Ф. Антиципация в структуре деятельности / Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков - М.: Наука, 1980. – 278 с.
5. Менделевич, В.Д. Неврология и психосоматическая медицина / В.Д. Менделевич, С.Л. Соловьева. – М.: МЕДпресс-информ, 2002. – 608 с.
6. Прогноз в речевой деятельности: сб. / под ред. Р.М. Фрумкиной. – М.: Наука, 1974. – 235 с.
7. Прохоров, А.О. Определение понятия «психическое состояние» / А.О. Прохоров // Психология состояний. Хрестоматия / Составители Т.Н. Васильева, Г.Ш. Габдреева, А.О. Прохоров / под ред. А.О. Прохорова. – М.: ПЕР СЭ: СПб.: Речь, 2004. – С.34-39.
8. Ругуш, Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л.А. Ругуш. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.
9. Селье, Г. Что такое стресс? / Г. Селье // Психология состояний. Хрестоматия / Составители Т.Н. Васильева, Г.Ш. Габдреева, А.О. Прохоров / под ред. А.О. Прохорова. – М.: ПЕР СЭ: СПб.: Речь, 2004. – С.298-302.
10. Сергиенко, Е.А. Антиципация как принцип психического развития / Е.А. Сергиенко – М.: Наука, 1997 – 198 с.
11. Щербатых, Ю.В. Психология стресса и методы коррекции / Ю.В. Щербатых. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.

УДК 159.923+159.96

G.S. Tajgulova

*Novosibirsk state pedagogical university,
Novosibirsk institute of improvement of professional skill and retraining of educators,
Novosibirsk*

TYPOLOGIES OF THE LONELINESS PHENOMENON IN MODERN PERSONAL PSYCHOLOGY

In the article the theoretical analysis of typologies of loneliness phenomenon in modern psychology is presented.

Г.С. Тайгулова

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников
образования, г. Новосибирск*

ТИПОЛОГИИ ФЕНОМЕНА ОДИНОЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

В статье представлен теоретический анализ типологий феномена одиночества в современной психологии.

Интенсивные изменения современного российского общества в политической, экономической, культурной сферах неизбежно приводят к изменениям и в самосознании людей, вызывая ощущение нестабильности, неопределенности, а иногда потерянности и брошенности. Теряется ощущение постоянства мировосприятия, происходит взаимное отчуждение людей. Многие постоянно переживают разрыв старых значимых связей, невозможность приобрести новые, одновременно испытывая в них потребность. Недостаточные или поверхностные значимые отношения вызывают острые негативные переживания одиночества у людей разного возраста.

Одиночество – это сложный, многогранный, динамичный феномен, детерминированный многими факторами. Наряду с многообразием определений понятия «одиночество» в современной психологии личности таким же разнообразием отличается и проблема типологии одиночества.

Первые попытки классифицировать одиночество принадлежат философам. Именно они первые заинтересовались вопросом различий между позитивными и негативными переживаниями уединенности и одиночества. Особенно часто обращались к этой проблеме немецкие философы, которые обсуждали различия между позитивными и негативными переживаниями одиночества.

В своей статье Д. Джонг-Гирвельз и Я. Раадшельдерс, обращают внимание, на то, что авторы ранних работ подчеркивали позитивные аспекты уединения, как важного условия обеспечения возможности для рефлексии и общения с Богом и самим собой. Одиночество рассматривалось как средство реализации силы характера, выбирающего одиночество на определенный ограниченный период времени. Так, Дж. Янга и группа других исследователей, выделили следующие разновидности одиночества:

1. Хроническое одиночество, которое развивается у человека в том случае, когда он в течение длительного периода времени не может установить удовлетворяющие его социальные связи.

2. Ситуативное одиночество, возникающее в результате значительных стрессовых событий в жизни человека, таких, как смерть супруга или другого близкого родственника, разрыв брачных отношений.

3. Преходящее одиночество, являющееся наиболее распространенным и характеризующее кратковременные, быстро проходящие приступы одиночества.

4. Естественное одиночество, под которым подразумевается состояние необходимого уединения, к которому временами стремится практически каждый человек, для того, чтобы побыть наедине с собой, услышать и понять себя. Пример естественного типа одиночества представлен в романе Г. Гессе «Степной волк», где герой видит свою форму отчуждения естественной и даже необходимой. Автор пишет: «Никто никогда не испытывал более страстной потребности в одиночестве, чем он. В юности, когда он был еще беден и с трудом зарабатывал себе на хлеб, он предпочитал голодать и ходить в лохмотьях, но зато иметь хоть чуточку независимости...». И далее Г. Гессе рассуждает: «Как часто люди, стремившиеся к независимости и достигшие ее, оказываются одни: «Властолюбец погибает от власти, сребролюбец от денег, раб от рабства, искатель наслаждений от наслаждений. Так и степной погибал

от своей независимости... Среди достигнутой свободы Гарри вдруг ощутил, что его свобода – это смерть, что он в одиночестве, что мир каким – то зловещим образом оставил его в покое, что ему, Гарри, больше дела нет до людей и даже до самого себя, что он медленно задыхается во все более разреженном воздухе одиночества и изоляции» [2, с. 69]. Следовательно, все хорошо в меру, даже одиночество, но нужно учитывать тот факт, что затянувшееся одиночество может привести к негативным последствиям для личности.

Негативные аспекты одиночества были изучены в более поздних работах. Так, например Кёльбель [4, с. 302] различает четыре типа одиночества:

1. Позитивный внутренний тип («гордое одиночество»), переживаемый как необходимое средство раскрытия новых форм свободы или новых форм общения с другими людьми.

2. Негативный внутренний тип, переживаемый как отчуждение от своего «Я» и от других людей, чувство отчужденности, даже в окружении других людей.

3. Позитивный внешний тип, наличествующий в ситуациях физического уединения, когда ведутся поиски нового позитивного опыта.

4. Негативный внешний тип, наличествующий в том случае, когда внешние обстоятельства (смерть партнера, потеря контакта) ведут к весьма негативным ощущениям одиночества [4, с. 302].

Часто повторяющейся темой философских рассуждений подобного рода является утверждение, что позитивный опыт одиночества является более основательной, или истинной формой одиночества, а негативный опыт одиночества в свою очередь носит патологический характер. По мнению Д. Джонг-Гирвельд и Д. Раадшелдерс Дифференциация одиночества как основополагающего факта человеческого существования и одиночества как психологической реакции на дефицит отношений, связана с оценочным измерением.

Миускович Б. различает метафизическое, или экзистенциальное, одиночество и психологическое одиночество: «Я хочу сказать, что человек одинок не только психологически но, и изолирован метафизически. Я настаиваю на том, что мы постоянно, ежеминутно чувствуем или думаем, что мы одиноки. Я убежден, что мы действительно одинокие люди, но не всегда осознаем это» [4, с. 303].

Многие типологии одиночества возникли, как попытки определить природу дефицита социальных отношений или выделения характеристик социального положения одинокой личности, которое определяет ее одиночество. Одна из наиболее известных типологий одиночества принадлежит Р. Вейсу. Изучая социальный контекст типологии одиночества, Р. Вейс выделял два основных типа:

1. Социальное одиночество, выражающееся в глубоком переживании человеком отсутствия доступного круга общения и удовлетворяющих его социальных связей. Человек особенно чувствителен к социальной изоляции, он остро переживает разрыв социальных связей и отношений с другими людьми, с обществом. В любом коллективе, где имеет место отторжение, неприятие, человек остро переживает, что его оттолкнули, исключили, не оценили.

2. Эмоциональное (психологическое) одиночество проявляется при отсутствии у человека тесной эмоциональной привязанности, неспособности найти душевный отклик и понимание у других людей. Этот тип одиночества возникает при отсутствие близкого человека, способного разделить чувства

этого человека. Люди, переживающие подобное одиночество, испытывают чувство глубокого уединения, независимо от того, доступно или недоступно им общество [7].

Типология Р. Вейса получила эмпирическое подтверждение в исследованиях Бреннана и Ослэндера, Кутропа [6] и Рубинстайн и Шейвера [11], Джонни де Джонг-Гирвельд и Джоз Раадшелдерс [4].

Так, Рубинстайн и Шейвера на основе проведенного ими факторного анализа анкеты, направленной на изучение состояния одиночества, пришли к выводам, подтверждающие проводимое Р. Вейсом различие эмоциональной и социальной изоляции. Из четырех факторов чувств два - «отчаяние» и «невыносимая скука» концептуально близки к эмоциональной и социальной изоляции. Из пяти факторов причин две трети их общего распределения обуславливают «свобода от привязанностей» и «отчужденность», вместе взятые. Свобода от привязанностей, отсутствие супруга или любимого человека — это то самое состояние, которое исследовал Р. Вейс, разрабатывая теорию эмоциональной изоляции. Отчужденность — чувство «белой вороны», никчемности, отсутствие близких друзей — весьма напоминает социальную изоляцию недавних переселенцев, обследованных Р. Вейсом, хотя переселение, конечно, нельзя считать единственной причиной отчужденности и социальной изоляции человека [11, с. 295].

Д. Джонг-Гирвельд и Д. Раадшелдерс проводили экспериментальное исследование типологии одиночества с опорой на разработанный ими многомерный конструкт одиночества [4]. Понятие одиночества они рассматривали как связанное с переживанием индивидом ситуаций, воспринимаемых как нежелательный и неприемлемый для него дефицит определенных отношений в их количественном и качественном измерении. Они исходили из различия субъективного чувства одиночества и объективной социальной изоляции индивида. Объективная социальная изоляция связана с дефицитом продолжительных межличностных отношений. Одиночество соотносится с манерой восприятия, переживания и оценки индивидом своей изолированности, а также с дефицитом общения индивида с другими людьми. В своих теоретических рассуждениях по поводу комплексной природы одиночества Д. Джонг-Гирвельд и Д. Раадшелдерс опирались на идеи Р. Вейса и собственный контентанализ биографий одиноких мужчин и женщин. На основе этих данных, а также результатов дополнительных исследований ими было выделено три измерения одиночества:

1. Эмоциональные характеристики одиночества выявляют отсутствие позитивных эмоций, таких, как счастье, привязанность, и наличие негативных эмоций, таких, как страх и неуверенность.

2. Тип ущербности определяет природу недостающих отношений. Здесь решающим является сбор информации о значимых для индивида отношениях. Этот показатель разбивался на три подкатегории: чувство ущербности, вызванное отсутствием интимной привязанности, чувство опустошенности и чувство покинутости.

3. Временная перспектива — третье измерение одиночества. Его также можно подразделить на три подкомпонента:

- степень, до которой одиночество переживается как неизменное,
- степень, до которой одиночество переживается как временное,
- степень, до которой индивид примиряется с одиночеством, усматривая причину одиночества в других (своем окружении).

В ходе эксперимента Д. Джонг-Гирвельд и Д. Раадшелдерс выявили четыре различные группы одиноких людей. Самую большую группу (тип IV, 59% выборки) составили неодинокие или в незначительной степени одинокие люди. Три другие группы представляют различные типы одиночества. Респонденты всех трех групп ощущали дефицит интимных отношений (например, супружеских), но различались по своим отношениям с друзьями и сотрудниками, а также по чувству ущербности. Согласно Р. Вейсу респонденты всех трех групп, испытывающие недостаток интимных отношений, в той или иной форме подвержены эмоциональному одиночеству.

Результаты исследований Гирсона и Перлмана свидетельствуют о значимости этой разновидности типологии для понимания опыта одиночества. Гирсон и Перлман обнаружили, что: «У ситуативно одиноких индивидов, как и у хронически одиноких индивидов, наблюдалась более глубокая депрессия, чем у неодиноких индивидов. Но ситуативно одинокие индивиды более способны к эмоциональным проявлениям одиночества, чем хронически одинокие люди. Видимо, хронически одинокие индивиды больше сконцентрированы на способах взаимодействия» [4. с.305]. На основании этих данных мы можем сделать предположение, что менее выраженная эмоциональная сторона проявления одиночества у хронически одиноких людей является следствием наличия у них мощных защитных механизмов, направленных против полного осознания этого состояния.

Интересную типологию, описывающую различные состояния переживания одиночества разработали У. Садлер и Т. Джонсон [12]. Они выделили три типа (измерения) одиночества:

1. Космическое измерение одиночества;
2. Культурное измерение одиночества;
3. Социальное измерение одиночества.

Космическое измерение одиночества, по их мнению, является наиболее сложным. Космическое измерение применяется для обозначения, по крайней мере, трех различных форм самовосприятия: 1) постижения себя как цельной реальности, благодаря которому человек соотносится с природой и космосом; 2) причастности к мистическим, таинственным аспектам жизни, предельно близким к Богу или к глубинам бытия; 3) веры человека в уникальность своей судьбы или причастности к великим историческим целям [12].

Космическое одиночество присутствует там, где есть хотя бы один из этих аспектов; другие выражения космического одиночества могут заключать в себе два или даже три указанных аспекта.

Наиболее близким по смыслу к культурному измерению одиночества является – социальное отчуждение или отрыв от культурной традиции. В качестве примера У. Садлер и Т. Джонсон приводят одиночество групп эмигрантов, приезжающих в США они пишут: «Культурное отчуждение может быть частью или следствием неразрешенности одиночества именно в культурном измерении. Культурное одиночество проявляется также в малых группах, когда люди ощущают, что их связь с собственным культурным наследием порвана или что общепринятая культура неприемлема для их внутреннего мира» [12, с. 37]. С одиночеством в культурном измерении часто сталкиваются, по мнению У. Садлер, Т. Джонсон, ученые, пророки, реформаторы и критики социальных порядков.

Третье измерение одиночества - социальное. Особенно острые его формы: социальная изоляция, изгнание, остракизм, неприятие, и с недавнего времени

отставка. В социальном измерении одиночества человек чувствует себя покинутым, посторонним, одиночкой и лишним человеком.

О.Б. Долгинова в своем диссертационном исследовании рассматривает одиночество как результат депривации жизненных потребностей личности. В связи с этим предлагается классификация, основанная на выделении различных уровней депривации. Уровни депривации, как условия возникновения одиночества, в целом соответствуют структуре психического отражения действительности «познание - отношение - действие» и характеризуются неудовлетворенностью потребностей в эмоциональной, когнитивной и социальной сферах [5, с. 55]. Соответственно, можно говорить об одиночестве, связанном преимущественно с одним из типов депривации: эмоциональное одиночество; когнитивное одиночество; социальное одиночество.

Представитель экзистенциальной психологии И. Ялом разделяет изоляцию, три типа: межличностная, внутриличностная, экзистенциальная.

1. Межличностная изоляция, обычно переживаемая как одиночество, является изоляцией от других индивидуумов.

2. Внутриличностная изоляция — это процесс, посредством которого человек отделяет друг от друга части самого себя. В современной психотерапии понятие «изоляции» используется не только по отношению к формальным защитным механизмам, но и при случайном упоминании любой формы фрагментации «Я». Таким образом, внутриличностная изоляция имеет место тогда, когда человек душист собственные чувства или стремления, принимает «нужно» и «следует» за собственными желаниями, не доверяет собственным суждениям или сам от себя блокирует собственный потенциал» [14, с. 398-399].

3. Экзистенциальная изоляция — изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов, пишет И. Ялом. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию — отделенность между индивидом и миром [14, с. 400].

Экзистенциальная изоляция вызвана непреодолимым разрывом между «Я» и Другими, разрывом, который существует даже при очень глубоких и доверительных межличностных отношениях. При этом она воспринимается уже как разрыв не просто с «товарищами по биологическому виду», но и с Бытием как таковым. «Человек отделен не только от других людей, но, по мере того как он создает свой собственный мир, он отделяется также и от этого мира», — пишет И. Ялом [14, с. 17].

Глубокий анализ видов одиночества в своем диссертационном исследовании проводит Г.Р. Шагивалеева [13]. Она исходит из того, какие ситуации взаимодействия человека с социальным окружением, возможно, обозначить понятием одиночества. В основу классификации берется три основания:

- 1) по уровням взаимодействия человека с окружающим миром,
- 2) по временной протяженности,
- 3) по происхождению (причинам, факторной структуре).

В рамках первого основания классификации, взаимодействие человека с окружающим миром, она выделяет четыре ситуации одиночества: а) физическое (пространственное) одиночество, делающее невозможными любые формы контактов человека с другими людьми, кроме виртуальных, ситуация Робинзона, одиночного плавания и т.д.; б) коммуникативное одиночество,

наблюдаемое при более или менее длительном нахождении среди множества незнакомых людей: ситуация командировки в неизвестную местность, новичка в группе и др.; в) эмоциональное одиночество, имеющее место при отсутствии доверительно близких, в том числе интимных отношений с кем-либо из окружающих людей, несмотря на наличие контактов и общения с ними; г) духовное одиночество, понимаемое нами как отсутствие у человека духовного взаимопонимания с кем *бы* то ни было, несмотря на наличие и взаимодействия, и общения, и эмоциональных отношений.

Причем на указанных уровнях происходит возрастание от простого к сложному. Первый уровень наиболее прост и легко фиксируется как самой личностью, так и посторонним наблюдателем. В значительной мере он физиологичен, т.к. связан с нарушением биосоциальной потребности быть вместе с себе подобными. Следующий уровень — коммуникативный — отличается тем, что в пределах доступности имеются люди, но взаимодействие и общение с ними затруднено: в лучшем случае имеется эпизодический обмен отдельными действиями и короткими репликами то с одним, то с другим человеком. Два следующих уровня — эмоциональное и духовное одиночество — являются в психологическом плане более сложными и труднее поддаются внешнему наблюдению. Каждый из них можно назвать одиночеством в толпе. Именно такие ситуации считаются наиболее проблемными в условиях современного высокотехнологического общества.

Второе основание классификации, временная протяженность, позволяет говорить об эпизодическом и хроническом одиночестве. Г.Р. Шагивалеева обращает внимание на один важный момент - вопрос о разграничении между первым и вторым. В качестве критерия она предлагает, что одиночество нужно считать эпизодическим, если оно в любой момент может быть прекращено самой личностью или если ей известно, когда оно будет прекращено в результате наступления определенных событий. Хроническим же будет такое одиночество, временная перспектива которого бесконечна или неопределенна в направлении будущего и уже достаточно велика в направлении прошлого.

По третьему из приведенных оснований, происхождению, Г.Р. Шагивалеева выделяет две отличающиеся друг от друга в субъективном восприятии и оценке разновидности одиночества: добровольное и вынужденное.

Выделение указанных разновидностей связано с причинами, приводящими к ситуации одиночества. Их можно сгруппировать следующим образом: а) причины, исходящие от самой личности; б) причины, исходящие от других людей (игнорирование, избегание, насильственное заточение и др.); в) причины, вытекающие из стечения обстоятельств (объективная изоляция, не зависящая ни от самой личности, ни от действий других людей).

В свою очередь, причины, исходящие из самой личности делятся на две группы:

- осознанное и целенаправленное стремление человека к одиночеству;
- тенденция к одиночеству, обусловленная наличием определенных черт характера, затрудняющих коммуникацию и поддержание близких отношений с людьми.

Для дифференцирования добровольного и вынужденного пребывания в одиночестве Г.Р. Шагивалеева предлагает использовать понятия «уединение» и «изоляция». «Уединение» (добровольное одиночество) — наличие осознанного стремления человека к тому, чтобы остаться одному. Все остальные случаи она

относит к «изоляции» (вынужденное одиночество), даже если оно является следствием черт ее характера (застенчивость, робость и др.).

Исследователь С.В. Малышева также различает одиночество и уединение. Одиночество она понимает как негативное переживание скуки, тоски, никчемности, отчаяния, изолированности, покинутости, которое возникает из-за неудовлетворения потребностей в разделении чувств, общении и понимании человека значимыми людьми. Уединение — сложное эмоциональное переживание, сопровождающее глубокий внутренний процесс постижения самих себя, смысла человеческого существования и окружающей действительности [8, с. 23].

Существуют виды одиночества, которые достаточно сложно включить в основу какой-либо типологии. Так, например, С.В. Бакалдин в своем диссертационном исследовании предлагает типологию одиночества, опирающуюся на дифференциацию личностных истоков чувства одиночества, особенности его переживания и связи с характером функционирования «Я» «одинокое» человека. Автор выделил две группы «одинокое» респондентов: «пассивно одинокие» и «активно одинокие». Они отличаются друг от друга по целому ряду показателей: отношение к себе и к другим, к одиночеству и уединению, включая поведенческие и эмоциональные реакции на чувство одиночества, особенности функционирования «Я» [1]. И.И. Овчаренко пишет о трех формах одиночества: обыденное одиночество, экстремально-ситуативное одиночество и искусственное (экспериментальное и лечебное) одиночество [10].

Однако, несмотря на кажущуюся полноту представленных в литературе типологий одиночества, они не являются исчерпывающими. Любой тип одиночества человека неразрывно связан с обществом, его нормами, категориями, понятиями. Переживание человеком какого-либо вида одиночества, неотделимо от других людей, потому что человек, его сознание, ценности, установки, были сформированы в ходе социальной жизни, взаимодействия индивидов друг с другом.

Библиографический список

1. Бакалдин, С.В. Одиночество и его связь с функциями «Я»: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / С.В. Бакалдин. - Краснодар, 2008. - 25 с.
2. Братусь, Б.С. Нравственное сознание личности (психологическое исследование) / Б.С. Братусь. - М.: Знание, 1985. - 64 с.
3. Вейс, Р. Вопросы изучения одиночества / Р. Вейс // Лабиринты одиночества. Сб. статей. Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. - М.: Прогресс, 1989. - С.14 - 40.
4. Джонг-Гирвельд, Д., Раадшелдерс, Д. Типы одиночества / Д. Джонг-Гирвельд, Д. Раадшелдерс // Лабиринты одиночества. Сб. статей. Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. - М.: Прогресс. - 1989. - С.301-319.
5. Долгинова, О.Б. Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте: Дис.... канд. психол. наук / О.Б. Долгинова. - СПб, 1996. - 161 с.
6. Кутрона, К. Поступление в колледж: одиночество и процесс социальной адаптации / Лабиринты одиночества / К. Кутрона. - М.: Прогресс, 1989. - С.384-411.
7. Лабиринты одиночества: Сборник статей / Сост., общ. ред. и предисловие Н.Е. Покровского. - М.: Прогресс, 1989. - 624 с.
8. Малышева, С.В. «Образ Я» и представление о сверстнике у подростков, переживающих одиночество: Дис. ... канд. психол. наук / С.В. Малышева. - Москва.

2003. – 214 с.

9. Миоскович, Б. Одиночество: междисциплинарный подход / Б. Миоскович // Лабиринты одиночества. Сб. статей. Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С.14–40.

10. Овчаренко, И. Одиночество / И. Овчаренко // Новейший философский словарь. – Мн., 1998. – С.485.

11. Рубинстайн, К., Шейвер, Ф. Одиночество в двух городах Северо-Востока / К. Рубинстайн, Ф. Шейвер // Лабиринты одиночества. Сб. статей. Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс. – 1989. С.14–40.

12. Садлер, У.А., Джонсон, Т.Б. От одиночества - к аномии / У.А. Садлер, Т.Б. Джонсон // Лабиринты одиночества. Сб. статей. Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С.53–76.

13. Шагивалеева, Г.Р. Одиночество и особенности его переживания студентами ССУЗ: Дис. ... канд. психол. наук / Г.Р. Шагивалеева. – Казань. 2003. – 169 с.

14. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Класс, 1999.

15. Янг, Д. Одиночество, депрессия и когнитивная терапия: теория и ее применение / Д. Янг // Лабиринты одиночества. Сб. статей. Пер. с англ. Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – С.552–593.

УДК 159.964

N.A. Tsoy

Far East state university, Vladivostok

NETWORK INDIVIDUALISM AND PROBLEM OF INTERNET DEPENDENT BEHAVIOUR

In the article the problem of Internet dependent behavior and an escalating role of online social interaction in public organization as a whole is considered. The phenomenon of network individualism is estimated as the dominating form of a sociality and a probable basis for Internet dependence development.

Н.А. Цой

Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

СЕТЕВОЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРНЕТ- ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается проблема интернет-зависимого поведения и все возрастающая роль онлайн-социального взаимодействия в общественной организации в целом. Феномен сетевого индивидуализма оценивается в качестве доминирующей формы социальности и вероятной основы для развития интернет-зависимости.

В настоящее время трудно переоценить значимость Интернета в жизни современного человека и преимущества виртуального общения, которые привлекают все больше людей. Недавние исследования влияния интернет пользования на социальные черты могут быть рассмотрены с двух сторон: дистопия (негативные эффекты) и утопия (позитивные последствия). С одной стороны, ранние исследования демонстрируют, что частное онлайн активность приводит к уменьшению социальной поддержки, семейной коммуникации, социального взаимодействия с другими людьми, а также повышению депрессии и чувства одиночества. С другой стороны, существуют исследования, которые доказывают, что онлайн медиа пользование способствует увеличению новых

социальных взаимоотношений с друзьями и семьей, увеличивает социальные связи, переводит онлайн взаимоотношения в оффлайн, усиливает оффлайн взаимоотношения, и уменьшает чувство одиночества и депрессию. Специалисты по психическому здоровью последние двадцать лет в средствах массовой информации, включая саму сеть Интернет, активно обсуждают так называемый феномен интернет-зависимого поведения. Таким образом, вопрос о влиянии Интернета на общество во всех его проявлениях является весьма актуальным.

Люди входят в Интернет и выходят из него, переключают свои интересы, они не стремятся идентифицировать свою личность, вступают в контакты с другими онлайнными партнерами. Однако, если соответствующие связи оказываются непрочными, данный процесс продолжается, и многие участники используют ее в качестве одного из своих социальных проявлений.

Наиболее важную роль Интернет играет в структурировании общественных отношений благодаря своему вкладу в развитие новой модели социального взаимодействия, основанного на индивидуализме. Люди во все больших масштабах организуются не только посредством социальных сетей, но и посредством социальных сетей на основе компьютерной коммуникации. Таким образом, не Интернет создает модель сетевого индивидуализма, но развитие Интернета обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности [2, с. 157].

Сетевой индивидуализм – это социальная структура, а не собрание изолированных индивидуумов. Именно индивидуумы строят свои сети, оналайновые и оффлайновые, основываясь на своих интересах, ценностях, склонностях и проектах. Благодаря гибкости и коммуникационным возможностям Интернета оналайновое социальное взаимодействие играет все возрастающую роль в общественной организации в целом. В некоторых случаях оналайновые сети становятся разновидностями «специализированных сообществ», то есть формами социальности, строящимися вокруг специфических интересов. Поскольку люди вполне могут принадлежать к нескольким из таких сетей, отдельный индивидуум стремится формировать свое «портфолио социальных связей» путем дифференцированных инвестиций, осуществляемых в разные моменты времени в различные сети с низкими ограничениями для доступа и низким уровнем временных издержек. Результатом этого становится, с одной стороны, необычайная гибкость выражения социальности, поскольку индивидуумы конструируют и реконструируют свои формы социального взаимодействия. С другой стороны, относительно низкий уровень обязательств может обусловить определенную хрупкость форм социальной поддержки [2, с. 158].

Согласно данным исследования, представленного в феврале 2009 года, маркетинговой компанией Nielsen, одна из одиннадцати минут в онлайн во всем мире принадлежит сайтам социальных сетей и блогов [9]. Социальные ресурсы перевесили пользование личной электронной почты, став четвертым сервисом по посещаемости после поисковой системы, порталов и компьютерного программного обеспечения. Социальные сети быстро растущее и развивающееся явление – и по широте аудитории и неоспоримым функциональным возможностям.

В таблице 1 представлены данные исследования (процент и количество интернет-пользователей различных социальных ресурсов сети Интернет),

проведенного в 2009 году исследовательской компанией Trendstream в шестнадцати странах [8].

Таблица 1 – Количество интернет-пользователей социальных ресурсов в разных странах

	Загрузка фото	Загрузка видео	Создание профиля в соц. сетях	Ведения блога	Микро-блоггинг
Австралия	39,1% 4,85	11,9% 1,48	40% 4,96	11,4% 1,41	5,6% 0,7
Бразилия	54% 16,21	34% 10,21	59,6% 17,88	20,7% 6,2	14,2% 4,25
Канада	40,9% 9	14,9% 3,28	46,2% 10,17	10,6% 2,32	5,1% 1,13
Китай	60,3% 117,66	28,7% 55,93	27,3% 53,23	46% 89,69	21,3% 41,47
Франция	27,5% 10,48	9,501% 3,63	29,3% 11,16	9,5% 3,63	3,8% 1,44
Германия	31,6% 13,44	8,5% 3,61	32,7% 13,88	10% 4,26	5,7% 2,44
Индия	63,9% 22,37	36,2% 12,68	57,5% 20,12	34% 11,9	24% 8,41
Италия	43,3% 9,13	20,9% 4,41	35,8% 7,56	19,4% 4,09	12,3% 2,6
Япония	19,5% 12,69	5,7% 3,74	14,9% 9,66	24,5% 15,93	8% 5,22
Мексика	52,9% 6,35	22,1% 2,66	40,2% 4,82	25,6% 3,07	13,7% 1,64
Нидерланды	37% 4,77	10% 1,29	36,3% 4,67	10,1% 1,3	3,5% 0,45
Россия	58,9% 18,78	39,6% 12,62	48% 15,3	18,3% 5,83	12% 3,81
Юж. Корея	53,1% 14,92	19,5% 5,47	15,6% 4,39	39,9% 11,2	14% 3,95
Испания	39,4% 7,42	16,2% 3,05	35,8% 16,72	17,2% 3,24	7,5% 1,4
Великобритания	40,5% 15,69	12% 5,48	47,1% 15,89	9% 4,57	5,5% 2,44
США	42,5% 79,17	14,9% 23,52	43,1% 92,13	12,4% 17,63	6,6% 10,67

Примечание: количество указано в млн. чел., процент от всех интернет-пользователей в стране.

По данным национального исследования Pew Internet & American Life Project 35% американских интернет-пользователей зрелого возраста имеют свой профиль на сайте социальной сети. Взрослые составляют большую часть популяции США, чем подростки, поэтому 35% представляет большее количество пользователей, чем 65% онлайн-подростков, которые также используют социальные сети [7].

В России существуют русскоязычные версии социальных сетей. Исследовательский холдинг Ромир провел опрос среди более чем 1300 активных интернет-пользователей старше 18 лет, пытаясь выяснить их знание социальных сетей и отношение к ним. Самой известной социальной сетью Рунета стали «Одноклассники». Этот сайт указали более 90% пользователей. На втором месте оказался проект портала Mail.ru – «Мой мир», о его существовании знают 71% респондентов, сайт vkontakte.ru назвали 66% опрошенных. Самым малоизвестным проектом оказался facebook.org – о его существовании известно 12% респондентов. Наибольшее количество зарегистрированных участников у сети «Одноклассники»: 72% пользователей зарегистрированы именно на этом сайте. На втором месте по количеству

зарегистрированных пользователей – социальная сеть «В контакте» – 44%. Не зарегистрированных ни в каких социальных сетях 12% респондентов [1].

Виртуальная природа Интернета проявляется в том, что протекающие в нем коммуникации выполняют функции реальных социальных интеракций, тем самым, заменяя последние. Таким образом, те возможности, функциональные особенности, которые имеет и предоставляет сеть Интернет, служат основой формирования проявлений феномена интернет-зависимого поведения.

Рассмотрим феномен интернет-зависимости в Китае, в этой стране он наиболее ярко выражен: борьба с данным социальным явлением, признанным социальной проблемой, вышла на государственный уровень, наблюдается повышенное внимание со стороны средств массовой информации по сравнению с другими странами, количество исследований, посвященных данной проблематике, превалирует в КНР, и открытие первых клиник для лечения интернет-зависимых также произошло в Пекине, в отличие от США, где созданы виртуальные клиники для лечения интернет-зависимых. В сравнительном исследовании между Китаем и США было выяснено, что интернет-зависимость является более распространенной проблемой среди студентов в Китае, стране быстро индустриализующейся, чем среди студентов США, которые уже знакомы и используют интернет дольше, чем их китайские сверстники. Исследователи пришли к заключению, что интернет-зависимость является артефактом стадии интернет-усвоения в обществе [4].

Некоторые исследователи утверждают, что интернет-зависимость символизирует социально-экономические изменения в современном Китае. В основе лежит общественное напряжение и обеспокоенность относительно исчезновения морального порядка, произошедшее в связи с социальными переменами, медиализацией социальных отношений, увеличением социально неодобряемых новых форм самовыражения, предлагаемые новыми медиа, проблемами в воспитании детей, структуре семьи и ростом потребительского жизненного стиля (консюмеризма) [5].

Трансформация среднего класса жизни в Китае, таким образом, включает то, что Фатгер назвал «открытием (освоением)» - экспериментирование с новыми формами идентичности и ассоциацией через консюмеризм и интернет. Консюмеризм предлагает новые способы людям конструировать свои идентичности сначала в новой обстановке, где происходит радикальная переоценка личности [10]. Происходит массовая потребность в индивидуализации. Интернет предлагает возможность самовыражения, удовлетворения потребности в конструировании неповторимой идентичности. В жизни людей, особенно молодежи, все большее место занимают компьютерные игры, в которой формируется увлекательная, захватывающая параллельная реальность, конкурирующая с однообразием будней. Дети с ранних лет становятся потребителями этой виртуальной реальности. В результате, система ценностей начинает видоизменяться. Ранняя работа Zhao Bin о влиянии телевидения и консюмеризм молодежи в Китае в конце 1980-х и начале 1990-х способствовали появлению идеи о том, что интернет-зависимость связана с угрозой родительскому авторитету и меняющимся формам самовыражения молодых людей [3].

В современном Китае напряжение между родителями и детьми выражено тем, что подростки ищут определение собственной идентичности через потребление практик, которые требуют автономии, а не зависимости от родителей. Система традиционных ценностных ориентаций современной китайской молодежи испытывает сильное влияние с одной стороны – стремительно реформирующегося китайского общества, а с другой – западной культуры, внося в социальную реальность идеи прагматизма и рациональности [6]. Таким образом, обеспокоенность относительно интернет-аддикции в Китае возникает из-за того, что интернет предоставляет молодежи возможность экспериментировать с идентичностью и социальными отношениями вдали от родительского контроля.

Безусловно, нельзя утверждать, что влияние Интернета несет сугубо деструктивный характер, несмотря на распространенное мнение о негативном воздействии информационных технологий на личностное и социальное развитие. Данная точка зрения не имеет адекватного эмпирического обоснования. Однако поставлен вопрос о направлениях изменения социальных отношений пользователя новых информационных технологий, и в частности социальных ресурсов сети Интернет.

Библиографический список

1. Одноклассники шагают по стране, общаясь и не замечая рекламы. Цифры и факты. РОМИР. URL: <http://www.romir.ru> (дата обращения: 20.11.2009).
2. Мануэль, К. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / К. Мануэль. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Zhao, B. Young pioneers: children and making of Chinese communism / B. Zhao // *Cultural studies*. – 10(2). – P. 201 – 217.
4. Zhang, L. A comparative study of internet addiction between the United States and China / L. Zhang // *CyberPsychology&Behavior*. – 2008. – Vol. 11, №6. – P. 727 – 729.
5. Yan, Y. The politics of consumerism in Chinese society / Y. Yan // *China briefing 2000: The continuing transformation*. – P. 159 – 193.
6. Weber, I. Shanghai youth's strategic mobilization of individualistic values: Constructing cultural identity in the age of spiritual civilization / I. Weber // *Intercultural Communications Studies*. – 2000. – 10(2). – P. 23 – 46.
7. Lenhart A. Adults and social network websites. Pew Internet&American Life Project. 2009. URL: <http://www.pewinternet.org/> (дата обращения: 25.11.2009).
8. Global map of social map. Social web involvement. Trendstream. November 26. 2009. URL: www.globalwebindex.net (дата обращения: 13.01.2010).
9. Global Faces and Networked Places. A Nielsen report on Social Networking's. New Global Footprint. March 2009. URL: www.nielsen-online.com (дата обращения: 25.11.2009).
10. Farrer, J. Opening up: youth sex culture and market reform in Shanghai / J. Farrer // Chicago: University of Chicago Press. – 2002.

**PSYCHOLOGICAL CORRELATES OF FEEDING BEHAVIOR
DISORDER AND THE METABOLIC SYNDROME AT LIQUIDATORS OF
CONSEQUENCES OF THE CHERNOBYL ACCIDENT**

In the article the phenomenon of a metabolic syndrome is considered. The results of the experimental study of interrelation of feeding disorder and a metabolic syndrome at liquidators of consequences of the Chernobyl accident are presented.

Л.Н. Чугунова, Е.М. Решетникова, Е.И. Чистякова
г. Санкт-Петербург

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ НАРУШЕНИЙ ПИЩЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ И МЕТАБОЛИЧЕСКОГО СИНДРОМА У
ЛИКВИДАТОРОВ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ
АЭС**

В статье рассматривается феномен метаболического синдрома. Представлены результаты экспериментального исследования взаимосвязи нарушений пищевого поведения и метаболического синдрома у ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Проблема метаболического синдрома на протяжении последних десятилетий привлекает особое внимание врачей самых различных специальностей - кардиологов, эндокринологов, гастроэнтерологов и т.д. В настоящее время метаболический синдром определяется как сочетание различных нарушений обменных процессов в организме, которые (в совокупности) существенно увеличивают риск сердечно-сосудистой патологии и сахарного диабета.

Термин «метаболический синдром» был введен в 1981 году, а в 1989 D.Karlan (35, 36) обозначил его как «смертельный квартет», включающий резистентный к инсулину сахарный диабет, ожирение, артериальную гипертензию и ишемическую болезнь сердца. В последующем клиническая картина заболевания дополнилась повышенной склонностью к тромбообразованию.

В настоящее время активно ведутся исследования по фармакотерапии метаболического синдрома, однако, его психологические корреляты, а также его влияние на качество жизни и профессиональную деятельность пациентов изучены недостаточно, что и составило цель настоящей работы.

Материал и методы исследования

Психологические исследования пациентов с метаболическим синдромом проводилось в 2009 на базе клиники ВЦЭРМ году в процессе плановых лечебно-профилактических обследований участников аварийно-спасательных работ на ЧАЭС (1986-1987). В основную выборку вошли 60 мужчин в возрасте от 43 до 76 лет. Все обследованные имели признаки сочетанных метаболических нарушений, квалифицированных как метаболический синдром. Контрольную группу составили пациенты клиники с аналогичными формами патологии, без проявлений метаболического синдрома.

В процессе исследований применялся ряд стандартизированных методов психологического исследования личности, в частности использовались:

- «Оценка качества жизни» (Health Status Survey), которая позволяла осуществлять самооценку таких показателей, как общее состояние здоровья, преобладающий эмоциональный фон, социальное функционирование, способность к повседневной деятельности и др.;

- Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилберга-Ю.Л. Ханина;

- Вопросник Бека для диагностики уровня выраженности депрессии;

- Методика Дж. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий» (The Coping Strategy Indicator), адаптированная в НИПНИ им. В.М. Бехтерева;

- Патофизиологический вопросник «Модуль» - для определения уровня нервно-психической устойчивости, акцентуаций характера и симптомов пограничных психических расстройств с соотношением их с диагностическими критериями МКБ-10;

- Личностный вопросник Бехтеревского института (ЛОБИ) для диагностики сложившегося под влиянием заболевания паттерна отношения к болезни, к лечению, врачам и медперсоналу, родным и близким, окружающим, работе (учебе), актуальному состоянию, будущему и т.д.

Математико-статистический анализ данных осуществлялся с использованием пакета прикладных программ SPSS-15.

Гипотеза о психогенезе метаболического расстройства

Развитие нарушений пищевого поведения представляется как следующая последовательность: хронический эмоциональный стресс активирует негативные переживания, для компенсации которых личность пытается найти различные стимулы, доставляющие удовольствие. Одним из наиболее доступных (бытовых) способов «ухода» от стресса является получение пищевого удовлетворения, в процессе которого присутствуют определенные элементы занятости, деятельности и удовольствия. Избрав этот путь, пациент через некоторое время начинает испытывать дополнительный стресс, обусловленный появлением избыточного веса и утратой контроля над объемом потребляемой пищи, вплоть до приступов булимии, в некоторых случаях сопровождающихся последующим приемом слабительных, искусственным вызыванием рвоты, ритуальным и ограничительным поведением. Эти порывы возвращения к адекватным схемам пищевого поведения сменяются «позволяющими» мыслями и поступками, с последующим самобичеванием, переходящим в само-прощение, и возобновление порочного круга.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного исследования было установлено, что у 45,0% ликвидаторов можно прогнозировать высокий риск развития дезадаптивных нарушений (методика «Модуль»), которые требовали дополнительного индивидуально-психологического обследования, консультации психиатра и определяли потребность в психокоррекционных мероприятиях. Еще у 13,4% обследованных были выявлены выраженные акцентуации характера, при которых возможны проявления отдельных психопатологических симптомов и развитие дезадаптивных нарушений, что также требовало повышенного внимания к их психоэмоциональному состоянию. Отсутствие выраженных признаков акцентуаций характера и низкая вероятность пограничных психических расстройств была установлена у 41,6% обследованных. В целом эти три группы охватывали 100% обследованной выборки, а, следовательно, ни один из ликвидаторов не принадлежал к группе психически здоровых.

В процессе проведенного психодиагностического обследования было выявлено, что показатели качества жизни у исследуемой группы достоверно ниже показателей аналогичных шкал контрольной группы – «здоровых» пациентов, не страдающих метаболическим синдромом (Рис. 1).

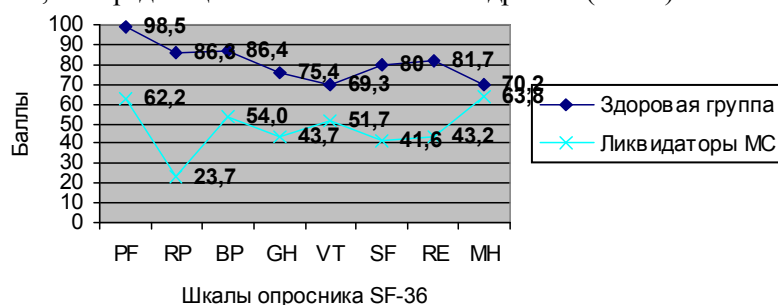

Рисунок - 1 Графическое изображение соотношения показателей качества жизни в исследуемой и контрольной группах. Обозначения шкал: PF – физическое функционирование; RP – ролевое (физическое) функционирование, BP – боль; GH – общее здоровье; VT –жизнеспособность; SF – социальное функционирование; RE – эмоциональное функционирование; MH – психическое здоровье

Полученные данные позволяли констатировать снижение значений всех базисных шкал в изучаемой группе, за исключением шкалы психического здоровья. Таким образом, все испытуемые оценивали состояние своего здоровья довольно низко, испытывали беспокойство и тревогу по поводу своего физического и ролевого функционирования, а также – относительно эффективности проводимого лечения. Особо следовало бы отметить резкое снижение самооценки возможности эффективного осуществления своей профессиональной деятельности. В тоже время обследуемые не находили, что их здоровье ощутимо лимитирует выполнение бытовых нагрузок (таких как самообслуживание, подъем по лестнице, перенос тяжестей и т.д.). Свое психическое здоровье и настроение они также оценивали положительно, что не вполне соответствовало результатам обследования по шкале ситуационной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина и шкале депрессии Бека (Рис.2).

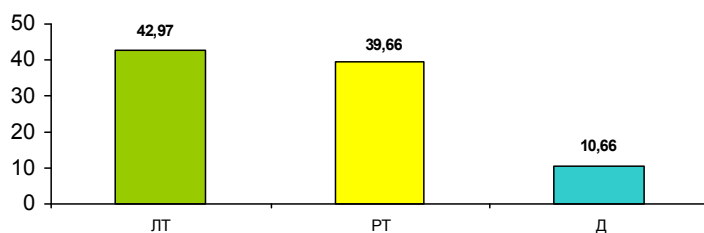

Рисунок - 2 Графическое изображение уровней реактивной (РТ) и личностной (ЛТ) тревожности, а также депрессии (Д)

Результаты обследования показали, что у испытуемых имеются умеренные повышения уровня личностной ($42,97 \pm 1,04$) и реактивной ($39,66 \pm 1,18$) тревожности, что обычно коррелирует с чувством психологического дискомфорта, беспокойства и неуверенности, а также – с потребностью в поддержке и одобрении в сочетании со склонностью к повышенному самоконтролю, рефлексивности и эмоциональной чувствительности.

Результаты обследования по шкале Бека выявили легкий уровень депрессии, что (в сочетании с непосредственными наблюдениями) интерпретировалось как снижение общего эмоционального фоне, сужение интересов и способности получать удовольствие. Эти проблемы могут создавать трудности в выполнении профессиональной деятельности, однако обычное социальное функционирование обычно полностью сохраняется. В целом, выявленный уровень депрессии (невротического генеза) позволяет работать с обследуемыми лицами без привлечения врача-психиатра.

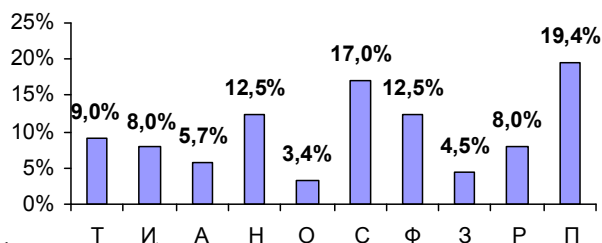

Рисунок. - 3 Графическое изображение выраженности типов отношения к болезни у ликвидаторов с метаболическим синдромом (Т – «тревожный», И – «ипохондрический», А – «апатический», Н – «неврастенический», О – «обсессивно-фобический», С – «сенситивный», Ф – «эйфорический», З – «анозогнозический», Р – «эргопатический», П – «паранойальный»)

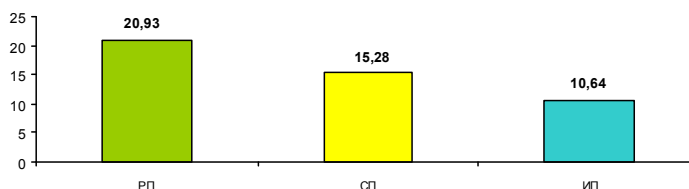

Рисунок - 4 Графическое изображение соотношения базисных копинг-стратегий в структуре совладающего поведения у ликвидаторов страдающих метаболическим синдромом (РП – разрешение проблем, СП – поиск социальной активности, ИП – избегание проблем).

Ведущими типами отношения к болезни у ликвидаторов с метаболическим синдромом, являлись «Паранойальный» (П) - 19,4%, «Сенситивный» (С) - 17%, «Эйфорический» (Ф) - 12,5% и «Неврастенический» (Н) - 12,5% (данные представлены на Рис. 3). В совокупности эти четыре типа охватывали 61,4% выборки. С учетом содержательной характеристики шкал, для лиц с паранойальным типом реагирования характерна подозрительность, в том числе – относительно назначенного лечения и процедур, попытки во всем искать чей-то злой умысел. Сенситивный тип обычно связывается с чрезмерной озабоченностью тем впечатлением, которое пациенты или сведения об их заболевании могут произвести на окружающих. Эйфорический тип определяется склонностью к демонстрации повышенного настроения, легкомысленного отношения к болезни и лечению в сочетании с мало обоснованной уверенностью, что как-то «само все обойдется». Неврастеническому типу свойственно поведение по типу «раздражительной слабости», особенно при болях и неблагоприятных данных обследования.

Наиболее редко встречались обсессивно-фобический (О) - 3,4%, анозогнозический (З) - 4,5% и апатический тип отношения к болезни (А) - 5,7%. Следует отметить, что ни у одного их обследованных не был диагностирован гармоничный тип отношения к болезни.

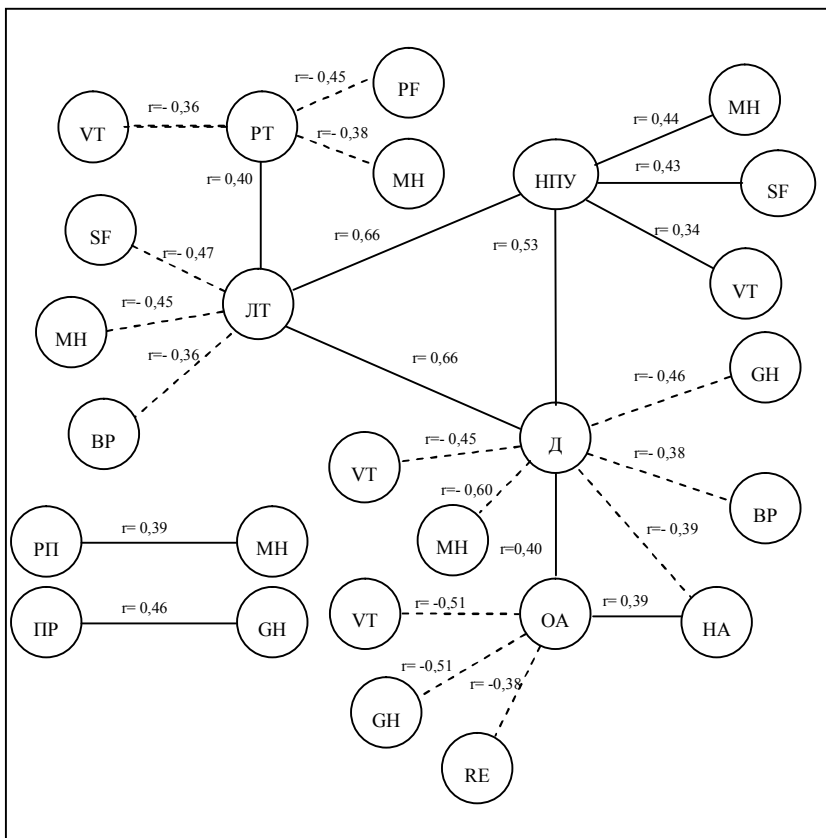

Рисунок - 5 Графическое изображение корреляционных связей исследуемых показателей

Исследование копинг-стратегий показало, что группа обследованных имеет низкие значения показателей по шкалам «разрешения проблем» ($20,93 \pm 0,63$), «социальной активности» ($15,28 \pm 0,47$) и очень низкий показатель по шкале «избегание проблем» ($10,64 \pm 0,58$). Полученные данные и их сопоставление с непосредственными наблюдениями свидетельствовали, что ликвидаторы, страдающие метаболическим синдромом, практически не способны к мобилизации имеющихся ресурсов личности для эффективного разрешения проблем и преодоления трудностей. Для них типичен, скорее, уход от проблем и адекватного реагирования на трудности повседневной жизни, включая уход в болезнь, алкоголизацию и т.д. Одновременно с этим они ограничены в выборе вариантов поиска социальной поддержки, которая могла бы способствовать эффективному разрешению проблем. Им тяжело обратиться за помощью и поддержкой даже к ближайшему окружению (семье, родственникам, друзьям). Что предполагает необходимость активного терапевтического взаимодействия с

этой группой пациентов и активное побуждение их к социальным контактам, как в клинике, так и вне ее.

Результаты обследования ликвидаторов по методике «Мысли и паттерны поведения» показали резкое повышение по шкалам негативных и позволяющих мыслей, при одновременном снижении уровня позитивных эмоций и настроения, что в некоторых случаях может приводить к проявлениям неадекватного поведения. Было отчасти неожиданным, что, несмотря на избыточный вес, самооценка поведения переедания оказалась заниженной, то есть - испытываемая группа считала, что у нее нет проблем в этой сфере.

При корреляционном анализе выявлено «жесткая» (треугольная) структура связей между показателями общего уровня неврно-психической устойчивости (НПУ), личностной тревожности (ЛТ) и депрессии (Д) – от 0,53 до 0,66, при $P < 0,05$ (Рис. 5). С этими тремя показателями оказались связанными практически все остальные, за исключением показателей уровня разрешения проблем (РП), переедания (ПР). Это может быть интерпретировано, как определенная «расщепленность» эмоционального и рационального компонентов.

Полученные данные позволяют сделать заключение, что метаболический синдром во всех случаях сопровождается выраженными отклонениями в психологическом статусе пациентов, которые негативно сказываются на их состоянии и самочувствии, а также – на отношении и доверии к осуществляемой терапии соматических нарушений, что определяет обоснованность и необходимость включения психотерапевтических и психокоррекционных мероприятий в структуру комплексной терапии таких пациентов.

Библиографический список

1. Агарков, В.А. Апробация структурированного клинического интервью для диагностики диссоциативных расстройств (СКИД-Д) в рамках классификации DSM-IV / В.А. Агарков, Н.В. Тарабрина // Материалы IV научно-практической конференции «Посттравматический и поствоенный стресс. Проблемы реабилитации и социальной адаптации участников чрезвычайных ситуаций: междисциплинарный подход». – Пермь, 1999.
2. Актуальные проблемы психофизиологической коррекции функционального состояния военнослужащих // Материалы Всесармейской научно-практической конференции 25 – 26 октября 2001 года. – СПб.: ФАРМиндекс, 2001. – С. 158 – 159.
3. Алексанин, С.С. Особенности психологического статуса и медико-психологическая реабилитация ликвидаторов / С.С. Алексанин, В.Ю. Рыбников, Л.Н. Чугунова, Н.А. Алиева и др. // Ликвидаторы последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции: медико-биологические последствия в отдаленном периоде и вопросы медицинского обеспечения (Руководство для врачей). Изд. 2-е, пер. и доп. – СПб.: БИНОМ, 2007. – С. 206 – 252.
4. Александровский, Ю.А. Динамика психической дезадаптации в условиях хронического стресса у жителей районов, пострадавших после аварии на Чернобыльской АЭС / Ю.А. Александровский, Г.М. Румянцева, В.В. Юров, А.Н. Мартышов // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, 1991. – Т. 91. – Вып. 12. – С. 3–5. Анастаси, А. Психологическое тестирование: в 2-х т. / А. Анастаси. – М.: Педагогика, 1982. – 318 с.
5. Вассерман Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение / Л.И. Вассерман, О.Ю. Щелкова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. – 736 с.

6. Вассерман, Л.И. Компьютерный психодиагностический инструментарий в практической работе медицинского психолога. Методическое пособие / Л.И. Вассерман, В.В. Бочаров, Е.Л. Вассерман, А.Я. Вукс. – СПб.: НИПНИ им. В.М.Бехтерева, 2002. – 84с.
7. Головенко, С.В. О взаимоотношениях между психическими и соматическими расстройствами у ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС / С.В. Головенко // Журнал неврологии и психиатрии. – 1994. – Т. 94. – № 2. – С. 93-95.
8. Диагностика, лечение нервно-психических расстройств и реабилитация участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Методические рекомендации № 99/99. – М.: ГНЦ СиСП им. В.П. Сербского, 1999.
9. Диденко, И.К. Эфферентная терапия лучевых поражений / И.К. Диденко, А.В. Стариков, В.В.Стрелко. – Киев, 1996. – 412 с.
10. Никифоров, А.М. Состояние и коррекция индивидуального психологического статуса ликвидаторов аварии на ЧАЭС / А.М. Никифоров, В.Ю. Чепрасов, Л.Н. Чугунова, Н.А. Алиева // Отчет НИР. – СПб.: ВЦЭРМ МЧС России, 1999. – Инв. № 190/н. – 89 с.
11. Менделевич, В.Д. Неврология и психосоматическая медицина / В.Д. Менделевич, С.Л. Соловьева. – М.: МЕДпресс–информ, 2002. – 608 с.
12. Мамедов, М.Н. Школа по диагностике и лечению гиперлипидемий (Пособие для врачей) / М.Н. Мамедова. – М.: Пфайзер, 2007.
13. Мычка, В.Б. Акробазы — средство профилактики множественных сердечно-сосудистых факторов риска метаболического синдрома / В.Б. Мычка, Р.М. Богиева, И.Е. Чазова // Клин. Фармакол. и тер. — 2003. – № 12(2). – С.80-83.
14. Никифоров, А.М. Особенности психологического статуса и медико-психологическая реабилитация участников аварийно-восстановительных работ на Чернобыльской АЭС / А.М. Никифоров, С.С. Алексанин, Л.Н. Чугунова // Медицинская радиология и радиационная безопасность, 2002. – Т. 47, N 5. – С.43–50.
15. Никифоров, А.М. Психологическая коррекция и реабилитация участников ликвидации последствий радиационных аварий / А.М. Никифоров, С.С. Алексанин, Л.Н. Чугунова // Материалы научно-практической конференции «Депрессивные расстройства в общемедицинской практике» 22 ноября 2005 г. – СПб.: МАПО. – 7 с.
16. Никифоров, А.М. Психологические аспекты преждевременного старения участников ликвидации последствий радиационной аварии / А.М. Никифоров и др. // Материалы научно-практической конференции, Челябинск, 2005.
17. Новик, А.А. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / А.А. Новик, Т.И. Ионова. – СПб.: Нева; М.: «ОЛМА–ПРЕСС Звездный мир», 2002. – 320 с.
18. Патология отдаленного периода у ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС / Под ред. А.М. Никифорова. – СПб.: Бином, 2002. – 304 с.
19. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
20. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 752 с.
21. Психологический статус участников ликвидации последствий радиационных аварий в отдаленный период. Медико-психологическая реабилитация / Под ред. С.С. Алексанина // Сборник материалов международного симпозиума «Вопросы защиты населения и территорий от радиационных и химических аварий и катастроф», 2006.
22. Рыбников, В.Ю. Психологическая коррекция и реабилитация пострадавших от экологических и техногенных катастроф (авария на ЧАЭС) / В.Ю. Рыбников, Л.Н. Чугунова, А.В. Маркина // Материалы IV международной конференции «Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф», 26 – 29 мая 1999 г. – Минск, 1999. – С. 64 – 65.
23. Тарабрина, Н.В. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС / Н.В. Тарабрина // Психологический журнал, 1994. – Т.15. – №5. – С.67 – 77.

24. Тарабрина, Н.В. Психофизиологическая реактивность у ликвидаторов аварии на ЧАЭС / Н.В. Тарабрина, Е.О. Лазебная, М.Е. Зеленова, Н.Б. Ласко, С.Ф. Опп, Р.К. Питман и др. // Психологический журнал, 1996. – Т.17. – №2. – С.30–45.
25. Тарабрина, Н.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Теория и методы / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков, Ю.В. Быховец и др. – М.: Когито-Центр, 2007. – Ч. 1. – 208 с. (Психологический инструментарий).
26. Тихомирова, О.В. Разработка программы комплексной диагностики и лечения при сосудистых заболеваниях мозга у участников аварии на ЧАЭС / О.В. Тихомирова, Л.Н. Параничева и др. // Отчет НИР. – СПб.: ФГУЗ ВЦЭРМ МЧС России, 2003.
27. Хазова, И.Е. Метаболический синдром / И.Е. Хазова, В.Б. Мычка // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2003. – № 3. – С.32-38.
28. Школа по диагностике и лечению метаболического синдрома / Под редакцией Р.Г. Оганова, М.Н. Мамедова. – М.: Медицинская книга, 2007.
29. Bjorner, J.B., Kosinski, M., Ware, J.E. Calibration of an item pool for assessing the burden of headaches: An application of item response theory to the Headache Impact Test (HIT TM) // Quality of Life Research, 2003. – № 12. – P. 913-933.
30. Brazier, JE, Harper, R, Jones, NMB, et al. Validating the SF-36 Health Survey Questionnaire: new outcome measure for primary care. Br Med J 1992;305:160-4.
31. Jenkinson, C, Coulter, A, Wright, L. The Short Form 36 (SF-36) Health Survey Questionnaire: normative data for adults of working age. Br Med J 1993; 306 : 1437 - 40.
32. Carney, R.M., Freedland, K.E., Rich, M.W., Jaffe, A.S. Depression as a risk factor for cardiac events in established coronary heart disease: a review of possible mechanisms // Ann Behav Med 1995; 17:142–149; Manuck S., Olsson G., Hjemdahl P., Rehnqvist N. Does cardiovascular reactivity to mental stress have prognostic value in postinfarction patient? A pilot study // Psychosom Med 1992; 54: 102–108
33. Expert Panel on Detection, Evaluation, and Treatment of High Blood Cholesterol in Adults. Executive Summary of The Third Report of The National Cholesterol Education Program (NCEP) Expert Panel on Detection, Evaluation, And Treatment of High Blood Cholesterol In Adults (Adult Treatment Panel III). JAMA 2001; 285:2486-97.
34. Grundy, SM. Obesity, Metabolic Syndrome and Cardiovascular Disease. J. Clinical Endocrinology and Metabolism, 2004; 89:2595 - 600.
35. Manuck, S., Olsson, G., Hjemdahl, P., Rehnqvist, N. Does cardiovascular reactivity to mental stress have prognostic value in postinfarction patient? A pilot study// Psychosom Med 1992; 54: 102-108.
36. McHorney, CA, Ware, JE, Raczeck, AE. The MOS-36-item Short-Form Health Survey (SF-36). II. Psychometric and clinical tests of validity in measuring physical and mental health constructs. Med Care 1993;31:247-63.
37. Nikiforov, A.M., Aleksanin, S.S., Chugunova, L.N. Psychological status peculiarities and methods of medico-psychological rehabilitation of liquidators of
38. consequences of Chernobyl of accident Proceedings of tenth symposium on Chernobyl-related health effects: Long-term Health Effects of Chernobyl Accident on Liquidators, December 5 – 6, 2001. – Tokyo: RADIATION EFFECTS ASSOCIATION. – P. 109 – 122.
39. Nikiforov, A.M., Cheprasov, V.U., Aleksanin, S.S., Chugunova, L.N., Alieva, N.A. Psychological status peculiarities and methods of medico-psychological rehabilitation of liquidators of the Chernobyl accident consequences in the remote period Health effects of the Chernobyl Accident: results of 15 – year follow – up studies 3-rd International Conference, June 4 – 8, 2001, Kiev, Ukraine Special issue/ - Vol.3, No. 1-2. – P. 94.
40. Ware, JE, Sherbourne, CD. The MOS 36-item Short-Form health Survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. Med Care 1992; 30:473-83.

*E.O. Shamshikova**Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk***PSYCHOLOGICAL DISTANCE AS A SPECIAL
TOPOLOGICAL CATEGORY**

The given article is devoted to the theoretical analysis of the concept «distance» in theories of domestic and foreign researchers. It is shown that the psychological distance concerns topological categories of psychological space of the person and is a function of Ego boundaries.

*E.O. Шамшикова**Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск***ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК ОСОБАЯ
ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ**

Данная статья посвящена теоретическому анализу понятия «дистанция» в концепциях и теориях отечественных и зарубежных исследователей. Показано, что психологическая дистанция относится к топологическим категориям психологического пространства личности и является функцией границ «Я».

Термин «дистанция» относится к топологической категории, выражающей пространственное разделение двух объектов. Толковый словарь русского языка определяет дистанцию (в широком смысле) как расстояние между кем-либо или чем-либо [7]. Проблема психологической дистанции представляет собой большой интерес для различных областей психологического знания. Анализу данного понятия посвящены работы Б.Ф. Поршнева, А.А. и Е.А. Кроник, но психологическая дистанция изучалась ими лишь в отношениях с близкими людьми, преимущественно в межличностных контактах. Также психологическая дистанция выявлялась в характере взаимодействия лиц, обладающих различными уровнями сознания (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), овладения учебным материалом (Б.Г. Ананьев) и др.

В современной психологической науке существует несколько подходов к исследованию дистанции. В рамках первого подхода дистанция рассматривается как соблюдение во время взаимодействия определенного, относительно стабильного расстояния между одним и другим человеком при соответствующей организации мест общения [1; 12]. В рамках второго подхода дистанция понимается как личностное пространство, как сфера вокруг тела человека [3; 13]. Сторонники третьего подхода рассматривают дистанцию как контроль и управление определенным местом, территорией, объектом или как структурирование психологического пространства личности на «свои» и «чужие» части [11; 14; 15].

В рамках этологического подхода «психологическая дистанция» рассматривается с позиций биосоциальных инстинктивных программ – ее связывают с понятиями «территориальность», «территориальное поведение» и «границы». Н. Тинберген, К. Лоренц, Р. Шовен и др. отмечают, что территориальное поведение подразумевает способность создавать и распознавать животными границы собственных владений [2; 6; 8]. Граница территории проходит, как говорят этологи, «через сердце ее владельца» – это зона особой психологической напряженности [5]. Фактически, принадлежащая животному, территория может быть описана как *функция различения порога*

агрессивности – страха. Порог агрессивности у животного всегда выше всего там, где оно чувствует себя уверенно, например, в безопасности своего гнезда, норы. Это – центр его психологического комфорта. По мере удаления от эпицентра комфорта и приближения непосредственно к границе территории, где проживает популяция, агрессивность животного убывает и сменяется страхом. Этот страх достигает максимума на чужой территории. Границы являются той демаркационной линией, где неизменно происходят сражения между особями различных популяций. Но главное здесь то, что понятие «территориальность» описывает не столько физическое, сколько *структурированное психофизическое пространство, где собственные поведенческие акты животного приобретают различную эмоциональную окраску* [2; 6; 8].

Примечательно, что у животных кроме территории, привязанной к физическому окружению, которую они делят со своими ближайшими сородичами, каждая особь имеет еще и свое собственное индивидуальное пространство – некую неотчуждаемую, неотделимую от особи «психологическую территорию», радиус которой определяется психологической индивидуальной дистанцией. По К. Лоренцу, предписанный интервал или индивидуальная *психологическая дистанция – это радиус крошечной транспортабельной психологической территории* животного, которая перемещается вместе со своим хозяином *как социальный статус* животного. Поведенческие механизмы, обеспечивающие поддержание этого пространства, определяют психологические границы биологической особи [2]. «Нарушение дистанции, психологического суверенитета животного, всегда чревато острыми конфликтами. И это влечет за собой целый ряд проблем. Даже в нормальных условиях инстинктивный запрет на нарушение индивидуальной дистанции приводит к трудноразрешимым коллизиям» [5, с.155], что в первую очередь проявляется в статусных и брачных отношениях (и играх) животных.

Здоровая биологическая особь способна создавать и распознавать территориальные границы и удерживать индивидуальную дистанцию, что позволяет ей сохранять избирательный уровень индивидуальной ориентированности и автономии, имея при этом устойчивую привязанность к другим членам животного сообщества. «Дефекты в развитии оформленного преодоления индивидуальной дистанции ведут к тяжелым нарушениям в осуществлении конструктивных элементов агрессивного и родительского поведения» [5, с. 156] и часто приводят к гибели подобных животных. *Различные состояния физического и психического здоровья биологической особи позволяют проводить градации границ психологического пространства от ослабленных до здоровых* [2]. Следует отметить, что базовые инстинктивные программы поведения животных сохранны и у человека [2; 6].

Соединяя этологический и психоаналитический подходы, Н. Браун (N.W. Brown) пишет, что психологическое пространство «Я» и психологическое пространство другого человека соединяются и разделяются благодаря *оптимальной психологической дистанции*, которая выстраивается в зависимости от представлений личности о самой себе и о другом человеке. Не являясь идентичными и находясь в постоянном диалектическом взаимодействии, взаимопроникая друг в друга, психологические пространства отдельных людей в норме всегда существуют автономно [12].

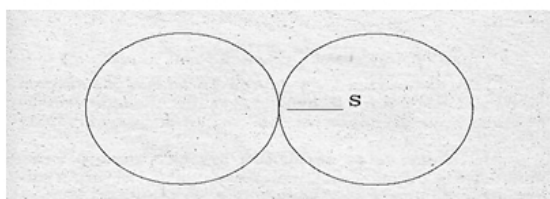
С.К. Нартова-Бочавер пишет, что в рамках науки проксемики уровень переживаемого субъективного комфорта (или функцию различений состояния

агрессивности–страха) в контексте пространственного размещения и поведения людей исследовал Р. Соммер (R. Sommer) [цит. по: 3]. Он зафиксировал устойчивый факт образования у людей не только «личного пространства» (психологической территории), но и зон комфорта и дискомфорта, которые всем им были присущи.

Х. Дикманн в свою очередь предлагает графическую модель, отображающую суть механизма «психологическая дистанция» [1]. Модель исходно представлена в форме двух кругов, соединенных вместе как показано на рис. 1, пункт а.

Х. Дикманн поясняет: по отношению друг к другу эти круги образуют стабильное единство, касаясь друг друга только в одной точке S. Здесь потоки информация (или стимулы) могут беспрепятственно перемещаться через оба круга. Любая порция информации немедленно из каждой точки системы беспрепятственно перетекает через всю систему, а любое движение (вектор E) всегда влияет на оба круга одновременно и целиком, как показано на рис. 1 пункт б). Можно обнаружить отношения подобного типа, например, в случае «плод в утробе» [1]. Здесь один отдельный круг привязан в одной точке к другому, так что все, что затрагивает одного, передается и другому кругу в точно таком же виде. В отношениях этого типа не существует дистанции.

а)

б)

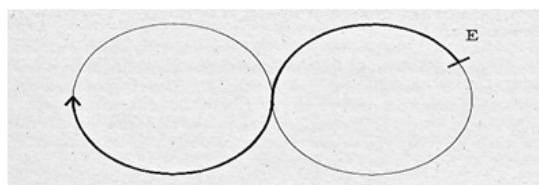

Рисунок 1 - Позиция первая: отсутствие психологической дистанции (например, плод в утробе), по Х. Дикманну

Психологическая дистанция может быть создана, только если разорвать связь этих двух кругов. Тогда они разойдутся на отдельные системы, существующие целиком изолированно друг от друга, как показано на рисунке 2. Подобная ситуация очень часто встречается в межличностных отношениях, например, когда между влюбленными наблюдается непонимание (как вариант, из-за разницы в характерах этих двух людей). В их отношениях появляются чрезвычайно интенсивные, аффективно заряженные взаимные реакции, что может привести к разрыву отношений и вызывает чувство, что партнеры вдруг перестали друг друга понимать или, что одного из них избегают или полностью отодвинули [1].

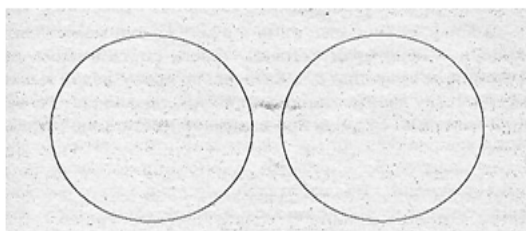
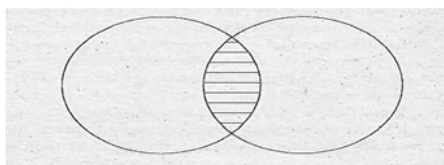

Рисунок 2 - Позиция вторая: отсутствие психологической дистанции (например, разрыв отношений), по Х. Дикманну

Более зрелая модель отношений, принимающая различия между двумя личностями, и позволяющая поддерживать оптимальную психологическую дистанцию соответствует образу двух пересекающихся кругов (рис. 3). На этой диаграмме есть только определенная область, где существует наложение, тогда как другая часть, гораздо большего размера, никогда не становится общей, а сохраняется как индивидуальная сфера, поддерживающая необходимую дистанцию между двумя кругами. В отличие от предыдущих позиций, общая область является подвижной, так как общее пространство может быть увеличено или уменьшено в зависимости от потребностей обоих людей или ситуационных требований ситуации, (см. рис 3).

а)

б)

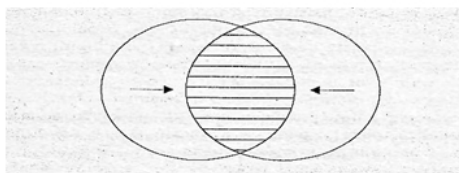

Рисунок 3 - Позиция третья: оптимальная психологическая дистанция, по Х. Дикманну

На рис. 4. изображена позиция конфликтной ситуации между двумя партнерами. В этой позиции может быть сохранена некоторая степень общего разделяемого содержания, а ситуация не обязательно сразу ведет к полному разрыву взаимоотношений. Скорее, возникает только увеличение или сокращение взаимной дистанции, но сохраняется возможность индивидуации, избегается опасность полного разрыва и изоляции от партнера [1].

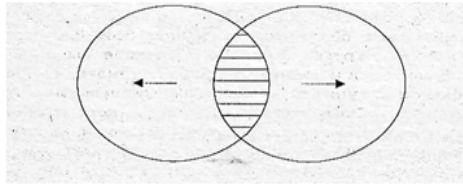

Рисунок 4 - Позиция четвертая: увеличение психологической дистанции (например, в конфликтной ситуации), по Х. Дикманну

Дж. Брэдшоу (J. Bradshaw) пишет, что границы «Я» являются той внутренней силой, с помощью которой личность устанавливает барьер, защищающий ее внутреннее пространство. Вместе с тем границы «Я», так же позволяют воспринимать и интерпретировать внешний мир через устанавливаемую дистанцию, которая помогает человеку справляться, видоизменять и моделировать взаимодействия с внешним миром» [11]. Д. Брэдшоу *предлагает рассматривать границы, по степени их сформированности и по наличию/отсутствию устанавливаемой дистанции.* Он предлагает метафорическую модель границ «Я» как «графическое соотношение двери и ручки» и пишет следующее: образно выражаясь *сформированные (сильные) границы «Я»* могут быть представлены следующим образом – ручка расположена на внутренней стороне двери, что позволяет человеку, устанавливающему границы регулировать доступ вовнутрь, с помощью психологической дистанции. Психологическое пространство личности в данной реальности является достаточно сформированным и защищенным, содержит в себе прочные границы и отображает модель здорового функционирования психики (Рис. 5).

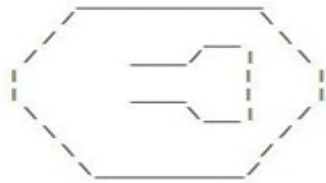

Рисунок 5 - Модель сформированных сильных границ Я, по Д. Брэдшоу

При этом личности свойственны такие характеристики как доверие к миру (выражающееся в надежде на лучшее), автономия (указывающая на силу желаний), инициатива (проявляющаяся в способности к целеполаганию) и трудолюбие (как опытное переживание действительности). При *слабых границах «Я»* психологическое пространство личности представляет собой, открытую систему, где ручка расположена на внешней стороне двери, что вполне дает возможность внешней среде (другим людям) свободно проникать внутрь. Такую систему характеризует слабая защищенность. Для поддержания безопасности требуются дополнительные защитно-компенсаторные меры. Личность подобного типа характеризуют настороженность, ей присущи стыд и вина, присутствует слабо осознаваемое ощущение собственной уязвимости и неполноценности (Рис. 6).

Психологическое пространство со *сломанными (несформированными или разрушенными) границами*, или вообще с их отсутствием, напоминает дом без

дверей (Рис. 7). В подобной реальности границ «Я» как таковых нет, и нет надобности, контролировать или защищать пространство ни изнутри, ни снаружи. Кроме того, у личности отсутствует способность устанавливать и удерживать психологическую дистанцию.

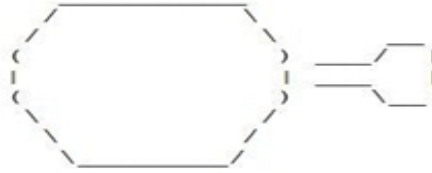

Рисунок 6 - Модель слабых границ Я, по Д. Брадшоу

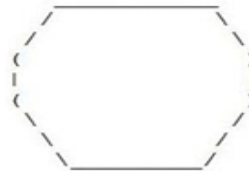

Рисунок 7 - Модель разрушенных границ Я, по Д. Брадшоу

Это ярко открытая и незащищенная позиция. Личность в данном случае быстро вовлекается в сеть взаимоотношений, теряя собственную субъективность и способность проводить на эмоциональном уровне различие между собой и другими. Имея сломанные границы, она прибегает к использованию мало эффективных защитных механизмов, а, кроме того, не осознает, т.е. эмоционально не различает, где заканчивается ее «Я» и начинается другой человек. Доминантными эмоциональными состояниями подобной личности являются смятение, бессилие, беспомощность и подчиненность. Мера уверенности в прочности границ Я, способность удерживать комфортную дистанцию при взаимодействии с другими людьми определяет психическое здоровье личности. Нарушение психологической дистанции другим человеком в норме неминуемо приводит личность к осознанию существования границ «Я» и переживанию дискомфорта.

А.В. Петровский в своей концепции развития личности показал, что на различных фазах возрастного развития, при включении в группу и трансляции своего «Я» другим, личность по-разному относится к построению психологической дистанции. Так, *при адаптации личность воспринимает и осваивает внешние границы, приспосабливается к ним. При индивидуализации она соотносит границы собственной психологической дистанции с границами личностного пространства других.* В процессе интеграции человек корректирует внешние границы психологической дистанции: сужает или расширяет их в соответствии с необходимостью трансляции собственной личности другим и принятия других как компонента своей личности [4]. Психологическое пространство человека позволяет ему адекватно обособиться, отграничиться от мира предметов, социальных и психологических связей, представляющих среду его жизнедеятельности. Но в зависимости от того, воспринимается ли окружающий мир как чуждый или родственный, строится и собственная активность человека, принимая либо агрессивную, либо

кооперативную окраску [10]. Оптимальная развитость границ «Я» определяет отношение личности к себе и малому или большому социуму – семье и друзьям, социальной группе, этносу, человечеству. Восприятие среды как дружественной, как части позитивного психологического пространства, позволяет проявляться конструктивным, жизнетворческим тенденциям, приводящим к взаимопроникновению человека и мира.

Принятие широкого круга людей в психологическое пространство в его социальном измерении свидетельствует, как отмечал Э. Эриксон, о «широкой идентичности», чувстве общности с другими. Если же среда воспринимается как чуждая, то это может быть результатом непрочности (возможно нарушаемых другими в прошлом) границ, следами ранних психотравм, ограничивая поле самореализации личности [10]. Социальная среда может восприниматься как угрожающая и в том случае, если некоторое явление воспринимается как внеположный психологическому пространству объект, и человек, переживая свою нецелостность, осознанно или бессознательно предвосхищает вторжение извне, используя избыточные защиты – от житейской агрессивности до нетерпимости к целым социально-этническим группам. Потребность в определенной дистанции Э. Эриксон понимал, как «готовность человека отвергать, изолировать и, если необходимо, разрушать те силы и тех людей, сущность которых кажется ему опасной. Потребность в определенной дистанции проявляется, в частности, в готовности укреплять и защищать границы своей территории (интимности и общности), рассматривая все находящиеся за этими границами с фанатичной «переоценкой малейших различий» между своими и чужими [там же, с. 147]. Вслед за Э. Эриксоном можно определить три основные функции психологической дистанции:

- а) регулирование контактов между «Я» и социальным миром,
- б) налаживание и поддержание связи между «Я» и социальным миром,
- в) самоопределение и поддержание социальной идентичности.

Как отмечает С.К. Нартова-Бочавер, сегодня психологическую дистанцию исследователи стали все больше рассматривать как центральный регуляторный процесс, посредством которого отдельный человек или группа делает себя более или менее открытой и доступной для других, отражая селективный контроль доступности человеческого «Я», синтез стремления быть в контакте и вне контакта с другими людьми. Психологическая дистанция – это и механизм, и процесс установления «межличностных границ, который, подобно клеточной мембране, открывает или закрывает субъекта для любых видов и форм общения» [3, с. 237]. Дистанцию можно описать и как диалектический процесс поиска взаимодействия и его ограничения, установление баланса между открытостью и закрытостью, оптимизацию интенсивности и избирательности общения применительно к текущему моменту. А. Раппорт (A. Rapoport) полагал, что психологическая дистанция – это способность личности контролировать взаимодействие и располагать средствами предотвращения нежелательных контактов или достижения желательного взаимодействия [14]. Некоторые исследователи основной функцией дистанции считали контроль открытости-закрытости. Так, А.Ф. Уэстлн (A.F. Westln) утверждал, что установление психологической дистанции – это право индивида решать, какая информация и при каких условиях может быть направлена на него [15].

При описании феноменологии и развитии психологической дистанции Х.М. Прошанский (H.M. Proshansky) и М. Вольф (M. Wolfe) считали целесообразным выделять следующие ее измерения:

- 1) сила «Я», т.е. рост личной автономии;
- 2) жизненный цикл дистанции, то есть изменение дистанции в онтогенезе;
- 3) контроль и свобода выбора;
- 4) культурная обусловленность [цит. по: 3].

Авторы считают, что в первом приближении можно выделить возможные уровни сформированности психологической дистанции с учетом ее эмоционального, когнитивного, поведенческого и рефлексивного компонентов:

1. Низкий уровень сформированности психологической дистанции характеризуется отсутствием системы представлений об оптимальных параметрах протяженности собственного психологического пространства и в условиях межличностных отношений частым нарушением границ другого человека, отсутствием позитивного самоотношения, адекватной самооценки, независимых суждений, безразличным отношением к собственному телу и здоровью, несформированностью жизненно и лично значимых ценностей.

2. Средний уровень характеризуется наличием знаний о функциях психологической дистанции, о ее влиянии на развивающуюся личность, слабой выраженностью эмоционального и когнитивного компонентов психологической дистанции, несерьезным отношением к собственному здоровью, потребностью в острых ощущениях и отсутствием самостоятельности, подверженностью влиянию группы и ситуативным нарушением границ других людей.

3. Высокий уровень характеризуется тесной взаимосвязанностью эмоционального, когнитивного, поведенческого и рефлексивного компонентов психологической дистанции, сформированностью субъектной позиции и стремлением к сотрудничеству, наличием выраженной потребности в самопознании и саморазвитии, наличием позитивного самоотношения и творческого потенциала, потребностью «быть самим собой» и одновременно «быть вместе с другими».

Дистанция как проявление свободного выбора всегда характеризуется двумя аспектами – это *желаемое*, как состояние идеального уровня взаимодействия, и *достигнутое*, как актуальный уровень контактов. Положение дел, при котором эти аспекты совпадают, на самом деле достигается нечасто, в других же случаях человек переживает психологический дискомфорт, а вследствие этого появляются такие защитные поведенческие реакции как немотивированная агрессия, необоснованное упрямство, избегание общения, излишнее самоутверждение и т.д. Чтобы не допустить возникновения психологического дискомфорта, связанного с нарушением границ собственного психологического пространства, личность пытается определить для себя оптимальную психологическую дистанцию. Этому способствуют отсутствие негативных установок, соблюдение взаимодействующими субъектами внутренней (психологической) и внешней дистанции, наличие коммуникативной культуры, осознание ценности социального бытия других людей, проявление толерантности и доверия, отсутствие завышенных, неадекватных притязаний и псевдоавторитетности, высокий уровень развития социальной сенситивности. Незрелая личность характеризуется инфантильностью и импульсивностью, подчиненностью поведения спонтанным побуждениям. Неспособность удерживать психологическую дистанцию, кроме того, определяется такими факторами как отсутствие рефлексии, осмысленности происходящего, эмпатийного отклика, неспособности к со-переживанию и со-радованию на всех трех уровнях

психической организации (эмоциональном, когнитивном, поведенческом), неустойчивая идентичность – неустойчивый образ «себя» и фрагментарное видение другого человека. Нарушение границ личностного пространства приводит к изменению характера взаимодействия людей [9].

В завершение можно отметить, что психологическая дистанция призвана регулировать степень доступности и открытости психического содержания «Я» любым другим объектам, и является функцией границ «Я».

Библиографический список:

1. Дикманн, Х. Методы в аналитической психологии / Х. Дикманн. – М.: Ин-т аналит. психологии, 2001. – 328с.
2. Лоренц, К. Агрессия / К. Лоренц. – М.: Прогресс, 1994. – 272с.
3. Нартова-Бочавер, С.К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления [Электронный ресурс]: Дис. д-ра психол. наук: 19.00.13. – М.: РГБ, 2006. – 431с.
4. Петровский, А.В. Личность. Деятельность. Коллектив / А.В. Петровский. – М.: Политиздат, 1982. – 255с.
5. Правоторов, Г.В. Зоопсихология для гуманитариев / Г.В. Правоторов. – Новосибирск: ЮКЭА, 2001. – 496с.
6. Тинберген, Н. Социальное поведение животных / Н. Тинберген. – М.: Мир, 1993. – 152с.
7. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – Т.1. – 1551с.
8. Шовен, Р. Поведение животных / Р. Шовен. – М.: Мир, 1979. – 489с.
9. Эльконин, Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Хрестоматия по возрастной психологии / Сост. Л. М. Семенюк. – М.: Педагогика, 1994. – С.169-175.
10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Флинта, 2006. – 352с.
11. Bradshaw, J. On The Family. A New Way of Creating Soild Self-Esteem / J. Bradshaw. – United States, Ed.: 2, 1996 – pp. 305.
12. Brown, N.W. The Destructive narcissistic pattern / N.W. Brown. – Westport, Connecticut, London, 1998. – pp. 369.
13. Hart, R. Children's Experience of Place: A Developmental Study. –N.Y.: Irvington Press, 1978. – pp. 218.
14. Rapoport, A. An approach to the construction of man-environment theory / A. Rapoport // Environmental design research. – 1973. – V.2. – P. 124-136.
15. Westln, A. F. Privacy and freedom / A.F. Westln. – N.Y.: 1967. – pp. 166.

УДК 159.9

O.A. Shamshikova, A.V. Gajduk

Novosibirsk state pedagogical university,

Socio-cultural-educational center for children and teenagers «Star», Novosibirsk

THE INFLUENCE OF NARCISSISTIC FEATURES EXPRESSIVENESS ON SELF-REPRESENTATION (ON FEMALE SAMPLE)

In the article the experimental research is presented. It is drawn that self-representation is realized through a corporality reflecting a continuum of transitive forms of a narcissism:

dissolution in society and acceptance of its norms as own; integration of corporal and mental (body is I); alienation of body and relation to it as to a separate object.

О.А. Шамишкова. А.В. Гайдук

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Социо-культурно-образовательный центр для детей и подростков «Звёздный»,
г. Новосибирск*

ВЛИЯНИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ НАРЦИССИЧЕСКИХ ЧЕРТ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ О СЕБЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖЕНСКОЙ ВЫБОРКИ)

В статье представлен фрагмент экспериментального исследования, по результатам которого сделан вывод о том, что через телесность реализуется представление личности о себе на континууме нарциссической регуляции: растворение в социуме и принятие его норм как собственных; интеграция телесного и психического (тело и есть Я); отщепление тела и отношение к нему как к отдельному объекту.

Проблема отношения человека к своему телу приобретает особое звучание в технократическом обществе. Отчуждение от природно обусловленного тела, стремление к созданию суррогатных органов, искусственное оплодотворение обуславливают необходимость изучения феномена «телесности» и ее функционирования в структурах психики личности [10]. Пропаганда в средствах массовой информации взаимосвязи телесной красоты и успеха, а также внешней непривлекательности и неудачи, способствует формированию убеждения, что красивым телом можно достичь в жизни практически всего. Особенно завораживает эта тема женскую аудиторию, так как именно для них наиболее жестко навязываются телесные каноны [19], формируя определенную систему мироощущения.

Единство телесного опыта и психики в свое время было показано З. Фрейдом, который писал, что «Я», прежде всего, телесно» [13, с.363], и телесные проявления ребенка, отраженные матерью, означаются и приобретают смысл, вписанный в психологическую систему «образа мира» [8, с. 212]. Принятие матерью телесности ребенка, символизация его образа тела, определяют базовые эмоционально-оценочные координаты, то, что позволяет ему чувствовать себя в «самобытии», прибывать в нарциссической континуальности [17]. Ф. Дольто определяет нарциссизм как «желание жить», «самобытие», известное и признанное, продвигающееся, становящееся для каждого в духе своего пола» [5, с.44].

Ученые предлагают ряд различных форм и классификаций нарциссизма. О.Ф. Кернберг выделяет *нормальный здоровый нарциссизм взрослого*, который характеризуется адаптивным способом регуляции поведения, константностью самопредставления и способностью к длительным прочным межличностным отношениям [6]. При этом тело переживается как часть личности: тело и есть Я.

Материнское отрицание или истолкование по иному детских чувств ведет к разрушению самопереживаний и служит созданию фальшивой личности, которая больше соответствует ожиданиям окружающей среды, чем собственной личности [17].

Одним из последствий подобного дефицитарного развития можно назвать *коллективный нарциссизм* (групповой нарциссизм), обозначенный Э. Фроммом [14]. Компенсировать внутреннюю недостаточность человек может за счет социальной группы, которые будут играть для него роль коллективного отца и

матери, давая поддержку, признание и социальные ориентиры [1]. Нарциссическая травма не позволяет осознавать себя как индивидуальность, сохраняя психологические матрицы общественного поведения как единственно возможные. Телесные каноны диктуемые обществом принимаются как собственные и не вызывают внутреннего конфликта.

Совсем иные отношения с телом строятся при наличии выраженных нарциссических черт личностной организации [7]. Обширное исследование проявлений нарциссических черт у женщин провела Б. Вардецки (B. Wardetzki). Она отмечает, что настоящие самопереживания у нарциссических людей по большей части являются недостаточными. Возвращение к ним крайне болезненно, так столкновение со своими глубинными чувствами и потребностями приводит к переживанию детских психических травм. Прежде всего, речь идет о неисполненных желаниях уверенности, защищенности, доверия и принадлежности. А также о нарушениях в восприятии голода и сытости, телесного благосостояния, теплых прикосновений и телесной близости. Сама личность с этими переживаниями едва находится в связи, и воспринимает их в основном в колебании между двумя полюсами фальшивого Я: грандиозное Я и ничтожное Я [19].

В рамках данной статьи мы представим фрагмент экспериментального исследования, направленный на выявление способов нарциссической регуляции представления женщин о себе в зависимости от выраженности нарциссического признака. Методологической основой данного исследования являются основные теоретико-методологические положения концепций нарциссизма З. Фрейда [13]; О.Ф. Кернберга [6]; концепции нарциссической регуляции личности Ф.-В. Денеке [18], Кохута [7], Э. Фромма [14] положения об образе телесного Я относительно контингента нормы – Е.Э. Газаровой [3], Е.Т. Соколовой [11], А.Ш. Тхостова [12].

В исследовании использовался следующий комплекс методов: теоретический анализ литературных источников по проблеме, тестирование, психологический анализ телесности, образа телесного Я в структуре нарциссической регуляции личности, методы математической статистики [метод Уорда, метод к-средних, Н – критерий Краскала-Уоллеса, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмана (r_s)].

В исследовании использовались следующие методики:

I. *Метод семантического дифференциала* Ч. Осгуда (Osgood, Suci, & Tannenbaum, 1957). Согласно Ч. Осгуду, оцениваемые концепты могут выбираться в соответствии с любой изучаемой проблемой. В контексте данного исследования с помощью семантического дифференциала изучалась самооценка телесного образа Я [4].

II. *Опросник «Нарциссические черты личности»* О.А. Шамшиковой, Н.М. Клепиковой, с помощью которого делалось заключение о выраженности нарциссических черт испытуемых [15].

III. *Опросник «Диагностика нарциссизма»* – Narzißmusinventar, F.W. Deneke, B. Hilgenstock'a, R. Müller (в адаптации О.А. Шамшиковой, Н.М. Клепиковой), который позволяет изучать защитно-компенсаторные механизмы представления личности о себе или способы нарциссической регуляции [16].

IV. *Структурированное клиническое интервью SKID - II* (T. Fydrich, H.U. Wittchen). Направлено на диагностику особенностей личности, входящих в структуру личностных расстройств, но не достигающих необходимого уровня для диагностики личностного расстройства [2].

Экспериментальная выборка составила 198 девушек: студентки Новосибирского государственного педагогического университета в возрасте от 20 до 30 лет.

На первом этапе была проведена кластеризация данных, в результате которой было выявлено, что наиболее оптимально деление на 3 группы, пограничные значения которых составляют от 0 до 3; от 4 до 8; от 9 до 14. На следующем этапе экспериментального исследования общая выборка (N=198) была дифференцирована по признаку выраженность нарциссизма. Удельная доля испытуемых, относящихся к экспериментальной группе ЭГ-1 (N₁=70) – составила 35%; удельная доля испытуемых, относящихся к экспериментальной группе ЭГ-2 (N₂=52) составила – 27%, удельная доля испытуемых, относящихся к экспериментальной группе ЭГ-3 (N₃=76) составила – 38% от общей выборки.

Для определения достоверности различий показателей между тремя экспериментальными группами по шкалам всех используемых методик применялся Н – критерий Краскала-Уоллеса. Обнаружено, что достоверность различий в значениях исследуемого признака присутствует в *одинадцати из тридцати одной* возможных шкал (18 шкал методики NI, шкалы «Самооценка образа телесного Я», 9 шкал опросника «Нарциссические черты личности») и подтверждает правомерность дифференциации общей выборки на две экспериментальные группы по признаку – выраженность нарциссического признака у женщин. Результаты исследования сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Достоверность различий в значениях исследуемого признака между ЭГ 1 (N₁=70), ЭГ-2 (N₂=52), ЭГ-3 (N₃=76)

Исследуемый признак / Наименование шкал	Н-критерий Краскала-Уоллеса	Уровень значимости
Оценка реального тела*	19,359	0,000
Оценка идеального тела*	14,880	0,001
Самооценка телесного образа Я*	19,974	0,000
Социальная изоляция	15,457	0,000
Обесценивание объекта	9,267	0,01
Навязчивые страхи	8,214	0,016
Нарциссическая польза от болезней	9,440	0,009
Нарциссизм**	177,006	0,000
Поглощенность фантазиями о неограниченном успехе, силе, красоте или идеальной любви***	10,299	0,006
Манипуляции в межличностных отношениях***	7,452	0,024
Отсутствие эмпатии***	10,899	0,004

Примечание: * - шкала методики «Семантический дифференциал»;

** - шкала опросника Skid-II;

*** - шкала опросника «Нарциссические черты личности».

Проведенные расчеты с применением U – критерия Манна-Уитни позволили установить, что *уровень самооценки телесного Я* растет при переходе от группы к группе. Результаты исследования сведены в таблицу 2.

На последнем этапе экспериментальной работы нами был проведен корреляционный анализ (критерий r_s – Спирмена), позволивший обнаружить значимые взаимосвязи между переменными, образованными по шкалам используемых методик, по каждой экспериментальной группе. Экспериментально исследовались параметры адекватность «самооценки телесного образа Я» женщин, в зависимости от выраженности нарциссического признака.

Таблица 2 – Средний ранг в значениях исследуемого признака между ЭГ 1 (N₁=70), ЭГ-2 (N₂=52), ЭГ-3 (N₃=76)

Исследуемый признак / Наименование шкалы	ЭГ 1 (N ₁ =70)	ЭГ-2 (N ₂ =52)	ЭГ-3 (N ₃ =76)
Самооценка телесного образа Я*	52,84	57,73	69,13

Примечание: * - шкала методики «Семантический дифференциал».

Прототипический профиль испытуемых ЭГ – 1 (N₁=70)

По результатам корреляционного анализа Спирмена, в 1 экспериментальной группе зафиксировано 9 корреляционных связей, из них 2 на 0,1%-м уровне значимости, 1 на 1%-м уровне значимости и 6 – на 5%-м уровне значимости. Общий анализ корреляционных связей дает основания предполагать, что отличительной особенностью испытуемых экспериментальной группы 1 (от 1 до 3) является выраженность группового нарциссизма (группа – это и есть «Я»). Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют два паттерна: отсутствие конфликтного поведения испытуемых относительно социума и ощущение удовлетворенности собой.

Респондентки отказываются от веры в свою уникальность в пользу группы («самооценка образа телесного Я – вера в собственную уникальность»: $r = -0,598$ при $p = 0,001$), получая взамен удовольствие от причастности к общему делу и гордость за свой вклад в него [14]. Разделяя общепринятые взгляды и стереотипы, испытуемые не чувствуют острой зависти к другим людям и не ожидают особого отношения к себе, поскольку есть субъективная уверенность, что все думают и чувствуют одинаково («самооценка образа телесного Я – сверхзанятость чувством зависти»: $r = -0,546$ при $p = 0,001$; «самооценка образа телесного Я – ожидание особого отношения»: $r = -0,466$ при $p = 0,01$).

Коллективные интересы требуют солидарности, прозрачных бесконфликтных отношений внутри группы и отказа от личных амбиций («самооценка образа телесного Я – грандиозное Я»: $r = -0,382$ при $p = 0,05$; «самооценка образа телесного Я – манипуляции в межличностных отношениях»: $r = -0,369$ при $p = 0,05$; «самооценка образа телесного Я – дерзкое заносчивое поведение»: $r = -0,367$ при $p = 0,05$). Активная включенность в общественную жизнь позволяет не только чувствовать свою принадлежность, но и «ориентироваться в ситуации, поскольку согласие с групповым мнением стабилизирует образ реальности, укрепляет уверенность в себе» [1] («самооценка образа телесного Я – социальная изоляция»: $r = -0,255$ при $p = 0,05$; «самооценка образа телесного Я – поглощенность фантазиями»: $r = -0,269$ при $p = 0,05$).

Однако сам феномен коллективного нарциссизма основан на архаической фантазии: восприятие своей нации и культуры, как единственно возможные, только свою родину как свою защитницу и естественную сферу обитания, без которых существование бессмысленно [1] («самооценка образа телесного Я – возвращение к архаичным фантазиям»: $r = 0,246$ при $p = 0,05$).

Прототипический профиль испытуемых ЭГ – 2 (N₂=52)

По результатам корреляционного анализа Спирмена, во 2 экспериментальной группе зафиксировано 8 корреляционных связей, из них 3 на 0,1%-м уровне значимости, 1 на 1%-м уровне значимости и 4 – на 5%-м уровне значимости. Мы предполагаем, что данная экспериментальная группа по основным параметрам демонстрирует *нормальный здоровый нарциссизм*.

Как утверждает Б. Вардецкий (B. Wardetzki), позитивная установка к себе связана с глубинным принятием своего тела, так как не существует самосознания без телесного осознания [19, с. 72]. Корреляционная связь «самооценка образа телесного Я» – «негативное отношение к телу» ($r = -0,355$ при $p = 0,05$) свидетельствует о том, что испытуемые положительно относятся к своему телу и принимают свою ограниченность. Это позволяет адекватно оценивать свои силы и способности, не рассчитывая на удачное стечение обстоятельств, или легкое решение проблемы («самооценка образа телесного Я – базовый потенциал надежды»: $r = -0,474$ при $p = 0,001$).

Стабильное представление о себе и своем теле позволяет строить отношения с другими людьми, сохраняя самоуважение и свои идеалы, при этом не обесценивая объект («самооценка образа телесного Я – обесценивание объекта»: $r = -0,381$ при $p = 0,05$) и не растворяясь в нем («самооценка образа телесного Я – симбиотическая самозащита»: $r = -0,433$ при $p = 0,01$).

Можно предположить, что опыт отношений с родителями, позволил сформироваться представлению о надежном объекте, с которым можно вступать в потенциально близкие отношения («самооценка образа телесного Я – идеал независимости»: $r = -0,407$ при $p = 0,01$). Фантазии не являются привлекательным прибежищем, так как реальные отношения позволяют респонденткам реализовать свой потенциал («самооценка образа телесного Я – поглощенность фантазиями»: $r = -0,369$ при $p = 0,05$).

При этом испытывая фрустрацию испытуемые способны встать в конфронтацию, провоцируя окружающих на агрессивное поведение относительно себя («самооценка образа телесного Я – дерзкое заносчивое поведение»: $r = 0,467$ при $p = 0,001$), а сильный нарциссический удар способен привести к потере ориентации во времени и пространстве («самооценка образа телесного Я – дереализация / деперсонализация»: $r = 0,284$ при $p = 0,05$).

Прототипический профиль испытуемых ЭГ – 3 ($N_2=76$)

Отличительной особенностью испытуемых экспериментальной группы 3 (от 9 до 14) является балансирование между величием и неполноценностью, депрессией и эйфорией [19, с.163]. По результатам корреляционного анализа Спирмена, в 3 экспериментальной группе зафиксировано 15 корреляционных связей, из них 8 на 0,1%-м уровне значимости, 4 на 1%-м уровне значимости и 3 – на 5%-м уровне значимости. Из них самая сильная взаимосвязь наблюдается между переменными «самооценка образа телесного Я – ожидание особого отношения» ($r = 0,721$ при $p = 0,001$). Данная корреляционная связь демонстрирует уверенность, что исключительные телесные данные могут дать право на ожидание особого отношения со стороны окружающих. В стремлении сохранить свой грандиозный имидж, респондентки не только отрицают свои истинные телесные и душевные желания, но и не могут позволить их другим [19, 74] («самооценка образа телесного Я – отсутствие эмпатии»: $r = 0,577$ при $p = 0,001$).

Разрыв между восприятием реального тела и представлениями об идеале, формирует внутренний конфликт и фантазии о взаимосвязи внешней привлекательности и собственной ценности. Надежды на чудо (пластическая хирургия, диеты, медикаменты) связаны с желанием быть красивой, стройной и счастливой. Эта установка грандиозна, так как она намного больше относится к состоянию счастья, чем к реальному желанию быть худой и красивой [19] («самооценка образа телесного Я – поглощенность фантазиями»: $r = 0,567$ при $p = 0,001$).

Демонстрируя самодостаточность, женщины защищаются от желаний симбиотического слияния с партнером («самооценка образа телесного Я – симбиотическая самозащита»: $r = - 0,566$ при $p = 0,001$), так как в начале отношений они могут наслаждаться близостью, но быстро начинают растворяться в другом. Эта потеря самопереживания во многом обусловлена нарушенным доверием к своим собственным потребностям и сигналам тела («самооценка образа телесного Я – базовый потенциал надежды»: $r = - 0,510$ при $p = 0,001$) [19, с.24].

Неуверенные в себе женщины уравнивают проявление желаний с их удовлетворением. Они пропускают свои желания через цензуру и позволяют себе только те, которые могут быть выполнимы. Другие желания, которые они считают слишком нескромными, даже не допускаются в сознание. Как результат в отношениях начинают доминировать манипуляции и попытка контроля над другими людьми, нацеленные на то, чтобы непрямым способом получать желаемое («самооценка образа телесного Я – манипуляции в межличностных отношениях»: $r = 0,492$ при $p = 0,001$) [19, с. 164].

Чувствуя собственное совершенство, испытываемые не нуждаются в положительном подтверждении своей значимости со стороны окружения, так как их представление о себе в это время не подлежит сомнению («самооценка образа телесного Я – жажда похвалы и одобрения»: $r = - 0,466$ при $p = 0,001$). Исключительность и уникальность дает субъективное право на высокомерное, дерзкое поведение относительно других, даже значимых людей («самооценка образа телесного Я – дерзкое заносчивое поведение»: $r = 0,402$ при $p = 0,001$). При этом величие является верой в то, что всего можно достичь при большом напряжении и иметь полный контроль над собственным телом, окружением, и даже манипулировать миром.

Если им это не удастся, то они очень быстро впадают в отчаяние, чувствуют пустоту и покинутость. Насколько они грандиозны, настолько беспочвенным является их обесценивание себя. Слабо сформированная идентичность не позволяет чувствовать себя непрерывной, и срыв переживается как угрожающее падение в никуда («самооценка образа телесного Я – потеря контроля над импульсами и аффектами»: $r = 0,346$ при $p = 0,01$; «самооценка образа телесного Я – грандиозное Я»: $r = - 0,339$ при $p = 0,01$) [19, с. 164].

Защищаясь от психической боли, респондентки используют *соматизацию*, через которую достигается несколько целей одновременно. С одной стороны болезнь обеспечивает алиби, не только блокируя назревающие конфликты с окружающими, но и реализовывая потребность во внимании и любви. С другой стороны «психосоматические и ипохондрические недуги являются основой того, что человек показывает свои нужды» [19, с. 34], и для нарциссической женщины телесные страдания – это отдушина, через которую она переживает и выражает душевную боль («самооценка образа телесного Я – нарциссическая польза от болезней»: $r = 0,317$ при $p = 0,01$); «самооценка образа телесного Я – навязчивые страхи»: $r = 0,312$ при $p = 0,01$).

В попытке сохранить рушащееся представление о себе респондентки начинают чрезмерно подчеркивать свою самодостаточность, ответственность за свои действия и слова, дистанцируясь от большого тела и его обвиняя в своей вынужденной несостоятельности («самооценка образа телесного Я – идеалы ценностей»: $r = - 0,286$ при $p = 0,05$). Глубоко внутри женщины не принимают свое тело, так как оно не соответствует их представлению об идеале. Приписывая телу, долг и ответственность, которые ему совершенно не

свойственны, его делают главным источником проблем («самооценка образа телесного Я – негативное отношение к телу»: $r = 0,247$ при $p = 0,05$).

Для преодоления навязчивых ипохондрических страхов, сохранения самопредставления и поддержания имиджа испытываемые идентифицируются с объектами, которые представляются совершенными. Возникает уверенность, что удастся компенсировать нарциссический дефект и слившись с идеальным объектом можно стать целостным («самооценка образа телесного Я – стремление к идеальному Self-объекту»: $r = - 0,244$ при $p = 0,05$). Таким образом, можно предположить, что, укрепив собственную значимость совершенным другим, женщины постепенно начинают чувствовать свою уникальность и исключительность, вновь и вновь повторяя по кругу нарциссический паттерн: колебания самопредставления от грандиозности до обесценивания себя.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы:

1. Телесность является репрезентативной системой, через которую реализуется представление личности о себе. Опыт отношений со значимым окружением влияет на формирование выраженности нарциссических черт, а соответственно на принятие или отвержение своего тела.

2. В зависимости от типа нарциссической регуляции женщин формируется специфика представлений о себе на континууме: растворение в социуме и принятие его норм как собственных; интеграция телесного и психического (тело и есть Я); отщепление тела и отношение к нему как к отдельному объекту.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Мотивация терроризма. Личность террориста / Ю.М. Антонян – [Электронный ресурс] – режим доступа – <http://psyfactor.org/lib/terror14.htm>
2. Волобуева, Н.Л. Нарциссическая личностная ориентация взрослых / Н.Л. Волобуева // Аспирантский сборник НГПУ – 2001 (По материалам научных исследований аспирантов, соискателей, докторантов). Часть 2. / Под ред. А.Ж. Жафярова. – Новосибирск: изд-во: НГПУ, 2001. – 24 с.
3. Газарова, Е.Э. Психология телесности / Е.Э. Газарова. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 192 с.
4. Двоглазова, О.В. Образ тела в структуре нарциссической регуляции / О.В. Двоглазова, О.А. Шамшикова // Социокультурные вопросы современной молодежи: материалы международной научно-практической конференции. Часть 1 / Под науч. ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – С.234 – 245.
5. Дольто, Ф. Бессознательный образ тела. Собрание сочинений, том XVI / Ф. Дольто. – Ижевск: ИД «ERGO», 2006. – 376 с.
6. Кернберг, О.Ф. Тяжелые личностные расстройства / О.Ф. Кернберг. – М.: Класс, 2000. – 456 с.
7. Кохут, Х. Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности: [пер. с англ.] / Х. Кохут. – М.: «Когито-центр», 2003. – 667 с.
8. Лоуэн, А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн. – Екатеринбург, 2000. – 256 с.
9. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика / Н. Мак-Вильямс. – М.: «Класс», 1998. – 480 с.
10. Никитин, В.Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд / В.Н. Никитин. – М.: Когито-Центр, 2006. – 320 с.

11. Соколова, Е.Т. Расщепление образа телесного Я в структуре пограничной личности и лиц с пищевыми аддикциями/ Е.Т. Соколова // Клиническая психология. – СПб. – С.61 – 83.
12. Тхостов, А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 2002. – 288 с.
13. Фрейд, З. «Я» и «ОНО», Кн.1. / З. Фрейд. – СПб.: Алетея. – 1998. – 414 с.
14. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Попурри, 1999. – 624 с.
15. Шамшикова, О.А. О конструировании диагностического инструментария для оценки нарциссических черт личности / О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова // Социокультурные вопросы современной молодежи: материалы международной научно-практической конференции. Часть 1 / Под науч. ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – С. 167–184.
16. Шамшикова, О.А. Процедура стандартизации зарубежной методики Narzissmusinventar F.-W.Deneke, V.Hilgenstock, R.Müller (1986 – 1994)// Развитие человека в современном мире. Материалы всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, О.А. Шамшиковой – Новосибирск, 2006. – С.260–286.
17. Шамшикова, О.А. Онтогенез телесности / О.А. Шамшикова, А.В. Гайдук // Социокультурные проблемы современного человека: материалы III международной научно-практической конференции. Часть II / Под науч. ред. О.А.Шамшиковой, Н.Я.Большуновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – С.479–487.
18. Deneke, F.-W. (1994): Die Regulation des Selbsterlebens bei Gesunden, psychosomatischen, psychoneurotischen und alkoholkranken Patienten - ein taxonomischer Forschungsansatz //Psychotherapie, Psychosomatik und medizinische Psychologie. – Heft. 44. P.260 –280.
19. Wardetzki, B. «Weiblicher Narzissmus Der Hunger nach Anerkennung»/B. Wardetzki – München: Kösel – Verlag, 2008. – 303p.

УДК 159.964

О.А. Shamshikova N.M. Klepikova

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk

THE ANALYSIS OF MODERN APPROACHES IN RESEARCH OF PSYCHIC NORM

In the article the basic approaches in research of psychic norm in modern theory and practice are considered. The author comes to a conclusion that today in a science a search for a new definition of «normal» is conducted. The results of the theoretical analysis allow to say that psychic norm is always individual, and its disturbance is defined not by size of a deviation from a descriptive average, but possible functional consequences.

О.А. Шамшикова, Н.М. Клепикова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В статье рассматриваются основные подходы к исследованию психической нормы в современной теории и практике. Автор делает вывод о том, что в науке сегодня ведутся поиски нового определения «нормального». Результаты теоретического анализа позволяют говорить о том, что психическая норма всегда индивидуальна, и ее

нарушения определяется не величиной отклонения от статистического среднего, а возможными функциональными последствиями.

Проблема нормы продолжает оставаться одним из самых актуальных, интригующих и сложных вопросов в психологической науке. На современном этапе развития науки становится вполне очевидным, что границы между нормой и нарушениями психики не являются жесткими, дискретными, что реально наблюдается различные психические состояния, когда однозначно определить их отношение к норме или патологии представляется весьма затруднительным, а при определенных обстоятельствах, по замечанию Б.Д. Лыскова, и невозможным [25]. Б.С. Братусь по этому поводу замечает, что вопрос определения нормы относится к числу тех, которые стараются по возможности обойти [7]. Различные подходы к решению проблемы предлагаются специалистами из разных областей знания: философами, психологами, биологами, медиками [3; 7; 8; 9; 13; 18]. А.Ф. Ануфриев (2006), Н.Г. Штыков (2003) подчеркивают, что при разработке проблемы нормы отчетливо прослеживается тенденция заимствования некоторых представлений из обозначенных областей. Б.Д. Лысков, занимаясь проблемой отграничения психической нормы от аномальных и болезненных изменений психической деятельности, подчеркивает, что предметом исследования психологии длительное время оставалась только психика здорового человека [25]. Постижение вопроса либо связано с пониманием психической нормы как нормы развития, расширением области исследований природы психического и изменениями в понятийном строе [27]; либо с пониманием психической нормы как физиологической нормы функций головного мозга, лежащих в основе психических процессов и как статистической нормы психических составляющих личности (восприятие, память, внимание и др.) [5].

Анализируя современное состояние изученности данного вопроса, необходимо отметить, что в теоретическом отношении понятие психической нормы до сегодняшнего дня по-прежнему достаточно расплывчато и относительно, категория «нормальности» психики человека исследована сегодня все еще недостаточно и не имеет строгих критериев [31]. Среди ключевых подходов исследующих критерии соотношения норма «не-норма» можно отметить:

Статистический подход, который предполагает количественное измерение свойств исследуемого объекта и установление с помощью математических средств соответствующих средних показателей [ссылки].

Критерий основывается на представлениях о том, что очевидное большинство – 95% человечества составляют норму, 5% – меньшинство – патологию и что каждому психологическому свойству чаще соответствует нормальное распределение в генеральной совокупности. Статистическая норма строится на сопоставлении персональных результатов, полученных при обследовании, с групповым распределением показателей в выборке стандартизации. Эта норма позволяет определить относительное положение (ранг) индивида в некоторой группе (выборке стандартизации). Она характеризуется с помощью двух величин (среднее арифметическое X – нормативная величина измерения и стандартное отклонение σ – масштаб измерения). Результаты в пределах $X \pm \sigma$, составляющие наиболее представительную часть распределения (68,26 % величины), задают границы нормы, а симметрично расположенные вправо и влево от них остальные части распределения (по 15,87 % с каждой стороны) – отклонение от нее.

Б.С. Братусь среди недостатков этого подхода отмечает, что, во-первых, такой многомерный объект исследования, каким является человеческая психика, невозможно исследовать (делать вывод о принадлежности к норме), учитывая только одно свойство. Во-вторых, дискуссионным остается вопрос о возможности адекватного перевода исследуемых свойств в количественные показатели [6]. Ю.Б. Гиппенрейтер указывает на другой проблемный вопрос: «пусть нормальными будут считаться такие степени отклонения какого-нибудь свойства от математического среднего, которыми обладает половина популяции; тогда по 1/4 популяции разместятся на обоих полюсах оси этого свойства в зонах отклонения от нормы. Если мы теперь возьмем не одно, а два независимых свойства, то при тех же условиях в нормальной зоне окажется уже 1/4 часть популяции, а остальные 3/4 попадут в отклонения; при пяти независимых свойствах нормальными окажется один человек из 32, а при десяти свойствах – один из 1024!» [11, с. 211]. В том случае, если исследователь жестко ориентирован на статистический подход, вероятен парадокс – среднестатистическим нормальным окажется крайне редкое явление. Это связано с тем, что человек, обладая индивидуальной изменчивостью, в том или ином отношении представляет собой отклонение от нормы «стандартного человека», сконструированной на основе объединения множества средних значений.

Н.Г. Штыков пишет о возможности применения статистического подхода «на крайностях, от одного свойства до личности, человека вообще» в связи с тем, что «для статистики, что отдельное свойство равно 1 единице, что личность равна одной единице, хотя личность – это многомерность, многоуровневость» [33, с.30]. Следует отметить, что статистический подход исключает из нормы необычные психические проявления, в том числе положительного характера, включая в категорию нормы лишь типичное, среднее для популяции.

Статистический подход часто применяют для определения нормы в тестах. Вычисление статистической нормы происходит относительно определенных выборок испытуемых, на их основе постулируется та или иная форма и содержание нормы, типизируется ее значение. Тестовые «нормы» – это частные случаи, психической нормы. Норма в тесте, определенная статистическим критерием приобретает качества, свойства социально-психологического норматива.

Адаптационный подход. В основе такого понимания нормы представление о социально-биологической природе человека и необходимости адаптации к среде: нормальным считается то, что *способствует поддержанию жизни человека.* Этот подход частично строится на допущении «биологически нормальное одновременно является и социально нормальным» [по 1, с.12]. Н.Г. Штыков считает, что такое понимание адаптационного подхода может привести к тому, что человек будет рассматриваться как высокоорганизованное животное, выживающее, удовлетворяющее собственную оптимальность и видящее только в этом смысл [33].

Другой вариант адаптационного подхода, где интерпретация нормы как оптимального состояния, строится на оценке поведения человека с точки зрения социальных норм, нашел выражение в концепции культурного релятивизма [6]. В этой концепции конкретизируются требования к поведению человека посредством определения социальной среды, в которой он живет. В качестве оптимального рассматривается состояние, обеспечивающее выживание человека, соответствие его поведения принятым в социуме нормам. Данный

подход распространен в западной культуре, где критерий адаптации в обществе играет огромную роль, но он лишь очерчивает границы, в которых следует искать специфику нормы, однако сам на эту специфику не указывает. Подход нашел свое отражение в диагностической системе DSM-IV-TR APA, в которой наравне с психопатологической осью выделяется ось социального функционирования. Диагноз «расстройство личности» не ставится человеку с выраженными нарциссическими и параноическими чертами характера в том случае, когда эти черты способствуют благополучию человека в обществе» [34, с. 29]. Любые психопатологии – это адаптивные механизмы. Сами психические механизмы не могут быть патологичными – они только механизмы [35]. Но эти механизмы позволяют человеку продолжать «расти» вокруг препятствующего фактора. Индивидуально изгибаясь и разворачиваясь, психические структуры искажают себя и преобразовываются до тех пор, пока не достигают функционального равновесия. Затем наступает «успокоение» (появилось устойчивое компенсаторное и/или защитное образование) и только теперь возможен (и, безусловно, продолжается) более или менее линейный рост [32]. Такая индивидуальная психическая структура может быть «неправильной» (патологической), но она, по своей сути, является ничем иным как одержанной победой в тонкой задаче успешной адаптации (хотя и дефицитарного в своей основе психического развития человека) [32]. В.В. Лучков и В.Р. Рокитянский критически рассматривая адаптационный подход, отмечают невозможность однозначного отделения нормального от патологического при его использовании, ввиду следующих обстоятельств: множественность социальных общностей, «социумов», к которым принадлежит любой человек, и неоднородность предъявляемых каждым таким «социумом» требований [18].

Психопатологический подход. Странники этого подхода стремятся определять норму через аномалию (здоровье через нездоровье): «не имея четких границ, норма и отклонение оставляют противоположные полюсы единого континуума» [1]. П.Б. Ганнушкин не раз подчеркивал относительность границ нормы: «...в таком, с одной стороны, хрупком и тонком, а с другой – в таком сложном аппарате, каким является человеческая психика, можно у каждого найти те или иные, подчас довольно диффузные, конституционально-психопатические черты»; «гармонические» натуры по большей части есть плод воображения» [10, с.56]

Норма в данном подходе может пониматься как «отсутствие отклонений» [1]. Критерий предполагает установление нормы через исключения отклонений, но не раскрывает ее содержание. Норма согласно этому критерию может также рассматриваться как слабая степень выраженности патологических признаков, т.е. «психически здоровый человек имеет в зачаточном виде скрытые признаки патологии и соответствует норме до тех пор, пока эти признаки в своем выражении не превосходят положенных границ [1]. Например, многие исследователи, создавая диагностический инструментарий, исходят из представлений, заимствованных из клинической практики и на их основе строят структуру здоровой личности [29, 22].

Как реакцию на такой подход Б.С. Братусь считает появление описательного подхода, в котором взамен психиатрической терминологии появились общечеловеческие принципы и понятия. При этом наиболее часто отмечается «интерес к внешнему миру, наличие «жизненной философии», которая упорядочивает, систематизирует опыт, способность юмористически окрашивать действительность, способность к установлению душевных

контактов с окружающими, целостность личности ...» [7, с.12]. В этом подходе конкретно-научными психологическими показателями нормы являются «отношение к другому человеку как к самооценности, как к существу, олицетворяющему в себе бесконечные потенции рода человек (центральное системообразующее отношение); способность к децентрации, самоотдаче и любви как способу реализации этого отношения; творческий, целетворящий характер жизнедеятельности; потребность в позитивной свободе; способность к свободному волепроявлению; возможность самопроектирования будущего; вера в осуществимость намеченного; внутренняя ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни» [6, с. 50]. Подход, связывающий понимание нормы как оптимального состояния с обретением человеком его всеобщей родовой сущности, близок по содержанию широко принятому в отечественной и зарубежной психологии подходу к определению психологического здоровья, так Д. Винникотт пишет «здоров тот, кто способен творить, брать на себя ответственность за совершаемые ошибки...» [20, с.99]. Описательный подход, с точки зрения Б.С. Братуся, имеет много сторонников в современной науке, вместе с тем имеет явные ограничения: множество описаний оказываются неоднозначными, зачастую не соотносятся с категориальным аппаратом психологии, не подлежат экспериментальной проверке [7].

Интуитивный подход. В противоположность логическим критериям, а также статистическому, интуитивный критерий нормы, предполагающая невербальную характеристику исходного начала для сравнения полученных в диагностическом процессе данных, опирается на опыт психодиагностической работы и результаты длительного обследования личности, ставя эффективность диагностической деятельности в зависимость от квалификации психолога. Говоря о «ненормальности того или иного явления, исследователь высказывает не объективно значимое утверждение, а субъективную оценку.

Отдельно взятый любой подход предстает перед исследователем редуционистским взглядом на личность, ее отношения с миром. Н.Г. Штыков предлагает использовать обозначенные подходы как критерии нормы и рассматривать ее как многомерное явление. Наполненность понятия нормы, ее качественное содержание будет зависеть от совокупности критериев. Приоритеты в этой совокупности расставляются соотносительно с той теорией, на которой базируется психологическое исследование [33]. При этом Б.С. Братусь подчеркивает, что каждый из представленных критериев оказывается недостаточным для определения нормы, и тем более нет гарантии, того, что, взятые вместе, они раскроют содержание этого понятия [7].

Б.Д. Лысков пишет, что существенное значение для характеристики широкого класса состояний, занимающих промежуточное положение между устойчивой нормой и четко очерченными в нозологическом плане расстройствами психической деятельности, имеет одновременное использование нозоцентрического и нормоцентрического подходов к оценке изменений психики. Нозоцентрический подход изначально присущ специалистам по аномальным и болезненным изменениям психической деятельности – психиатрам [25]. При этом подходе поведение, поступки, деятельность человека оцениваются с позиций поиска и обнаружения отклонений от нормы, выявления симптомов. Нормоцентрический подход свойственен специалистам по нормальной психике – психологам. Отклонения

от среднестатистической нормы расцениваются при таком подходе как проявления индивидуальных особенностей психики, как варианты нормы (акцентуации характера, поведенческие расстройства). При адекватном сочетании обоих подходов, не возникает тенденции принимать за «недоразвитую болезнь» любые недомогания и любые формы девиантного поведения, или напротив искать «психологически понятные» оправдания измененным формам поведения, странным высказываниям и поступкам [25, с. 515].

Стоит упомянуть о существовании близких по содержанию понятий «психологическая норма», «психическое здоровье», «психологическое здоровье». С.К. Нартова-Бочавер определяет «психологическую норму», как критерий, который используется для оценки темпа и содержания психического развития человека и основан на статистических данных, клинических показателях, социальных стереотипах и субъективных ожиданиях человека; культурно обусловлен и меняет свое содержание [19].

Понятие здоровья гораздо шире, богаче понятия нормы. Психическое здоровье обычно описывают в терминах гармоничности, целостности, зрелости личности, оптимума развития и функционирования, способности реализовать естественный потенциал человеческого призвания. Н.Д. Творогова определяет психическое здоровье как состояние психики, обеспечивающее гармоничное, успешное, устойчивое, гибкое функционирование в трудных ситуациях [16]. По К. Ясперсу (1997), психическая деятельность остается в диапазоне здоровья, если: а) человеку удается контролировать свои переживания; б) эти переживания не приводят к последствиям, расстраивающим весь ход психической жизни; в) они представляются более или менее возможными в жизни любого человека. Б.Д. Карвасарский определяет психическое здоровье «как способность к постоянному развитию и обогащению личности за счет повышения ее самостоятельности и ответственности в межличностных отношениях, более зрелого и адекватного восприятия действительности, умения оптимально соотносить собственные интересы с интересами группы» [15, с.24]. В.И. Слободчиков интерпретирует психическое здоровье как жизнеспособность индивида, обеспеченную полноценным развитием и функционированием психического аппарата [27]. Подобный список признаков психически здорового человека представлен в перечне Всемирной организации здравоохранения, он включает: осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях; критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и ее результатам; соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям; способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами; способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать это; способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств. С.Б. Семичев (1987) выделил пять степеней состояния психического здоровья:

– идеальная норма или эталон – гипотетическое психическое состояние, соответствующее нулевой вероятности психической болезни или психической нестабильности;

– среднестатистическая норма – показатель, который является производным усредненных психологических характеристик конкретно избранной и изученной популяции (предполагает определенный риск психического расстройства);

– конституциональная норма – соотношение определенных типов психических состояний здоровых людей с определенным типом телесной конституции;

– акцентуация – вариант психической нормы, характеризующийся особой выраженностью и непропорциональностью некоторых черт характера, приводящих к дисгармоничному складу личности;

– предболезнь – появление первых, эпизодических, разрозненных признаков психической патологии, дисфункции, являющихся причиной негрубых нарушений социальной адаптации.

Отечественные исследователи (Б.Д. Карвасарский, А.М. Громбах, А.Ш. Тхостов, В.В. Лебединский) создают типологию, дифференцируя людей на группы с разным уровнем психического здоровья: критерий – жалобы человека на жизненные трудности. Жалобы обусловлены существующим мифом о здоровье, который присваивает каждый, живя в конкретных социальных условиях [30]. В этом понимании здоровья-нездоровья решается традиционная задача отделения психической нормы от патологии: совершенно здоровые, жалоб нет; легкие функциональные нарушения, о чем свидетельствуют эпизодические жалобы астено-невротического порядка, обусловленные конкретной психотравмирующей ситуацией; люди с доклиническими состояниями и клиническими формами в стадии компенсации; клинические формы заболевания в стадии субкомпенсации.

Б.С. Братусь, рассматривая психическое здоровье как образование, имеющее сложное, строение, выделил три уровня: уровень личностного здоровья (определяется качеством смысловых отношений человека); уровень индивидуально-психологического здоровья (характеризуется способностью к использованию адекватных способов реализации смысловых устремлений); уровень психофизиологического здоровья (определяется особенностями внутренней, мозговой, нейрофизиологической организации актов психической деятельности). Уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены, при этом возможны самые различные варианты их развитости, человек может быть вполне психически здоровым и одновременно быть личностно больным [7].

И.В. Дубровина дифференцирует понятия «психическое здоровье» (относится к психическим процессам и механизмам) и «психологическое здоровье» (относится к личности в целом). При этом подходе решается задача разделения «психической нормы» и «психического здоровья» (здоровья личности) [23]. В.И. Слободчиков утверждает, что в основе психологического здоровья «нормальное развитие субъективной реальности в онтогенезе» [27, с.95]. При этом «норма — это не то среднее, что есть, а то лучшее, что возможно в конкретном возрасте для конкретного человека при соответствующих условиях» [27, с.96].

«Здоровая» личность отличается от «нормальной», у которой отсутствуют серьезные психопатологические симптомы. По мнению Э.Дж. Шобена, здоровые личности характеризуются самоконтролем, личной ответственностью, демократизмом и наличием идеалов [21]. Г. Джерард отмечает, что здоровые личности постоянно расширяют свое осознание самих себя, других людей и окружающего мира; развивают свою компетентность в удовлетворении базовых

потребностей и в реагировании на опасность; вырабатывают реалистические и отвечающие их потребностям ролевые и межличностные отношения [21].

Проведенный анализ понятия «психическая норма» позволяет сделать следующие выводы: в психологии в настоящее время ведутся поиски нового определения «нормального»; психическая норма всегда индивидуальна, и ее нарушения определяется не величиной отклонения от статистического среднего, а возможными функциональными последствиями. В рамках диссертационного исследования мы говорим, скорее *об условной норме*, из-за невозможности дать точное определение этому понятию.

Разрабатывая и адаптируя диагностические методики, направленные на исследование нарциссических проявлений личности, мы учитываем, что любые, даже самые надежные и валидные тесты, измеряют не более чем актуальное состояние и не могут использоваться для постановки какого-либо диагноза без длительного наблюдения и многократной диагностики испытуемых.

Библиографический список

1. Ануфриев, А.Ф. Психологический диагноз / А.Ф. Ануфриев. – М.: Ось-89, 2006. – 192с.
2. Баевский, Р.М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии / Р.М. Баевский. – М.: Медицина, 1979. – 298с.
3. Бачериков, Н.Е. Философские вопросы психиатрии / Н.Е. Бачериков, В.П. Петленко, Е.А. Щербина. – Киев: Здоров'я, 1985. – 192с.
4. Баякина, О.А. Соотношение понятий психического и психологического здоровья личности / О.А. Баякина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11, 4 (5). – 2009. – С. 1195-1200
5. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672с.
6. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301с.
7. Братусь, Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. - 1997. – № 5. – С. 3-19.
8. Бурлачук, Л.Ф. Психодиагностика: учебник для вузов / Л.Ф. Бурлачук. – СПб: Питер, 2006. – 351с.
9. Гайда, В.К. Психологическое тестирование: учебное пособие / В.К. Гайда, В.П. Захаров. – Л.: ЛГУ, 1982. – 101с.
10. Ганнушкин, П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика / П.Б. Ганнушкин – [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.syntone.ru/library/books/content/2375.html>
11. Гиппенрейтер, Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: «ЧеРо», «Юрайт», 2002. – 336с.
12. Громбах, С.М. Школа и психическое здоровье учащихся / С.М. Громбах. – Москва: Медицина, 1988. – 272с.
13. Гуревич, К.М. Дифференциальная психология и психодиагностика / К.М. Гуревич. – СПб.: Питер, 2008. – 336с.
14. Детская психиатрия / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. – СПб.: Питер, 2005. – 1120с.
15. Клиническая психология / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2010 – 864с.
16. Клиническая психология. Словарь / Под ред. Н.Д. Твороговой. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 416с.
17. Лебединский, В.В. Нарушения психического развития в детском возрасте / В.В. Лебединский. – М.: Академия, 2003. – 144с.
18. Лучков, В.В. Понятие нормы в психологии / В.В. Лучков, В.Р. Рокитянский // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. – 1987. – № 2. – С. 46 - 59.
19. Нартова-Бочавер, С.К. Дифференциальная психология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.К. Нартова-Бочавер. – М: Ижица, 2002. – 160с.

20. Немировский, К. Винникотт и Кохут. Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства / К. Немировский. – М.: Когито-Центр, 2010. – 217с.
21. Олпорт, Г. Становление личности / Г. Олпорт // Избранные труды: пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
22. Патохарактерологический диагностический опросник для подростков и опыт его практического использования / Под ред. А.Е. Личко, Н.Я. Иванов. – М.: Фолиум, 1995. – 64с.
23. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И.В. Дубровиной. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 176с.
24. Психологическая диагностика: Учебник для вузов 3-е изд. / М.К. Акимова, К.М. Гуревич. – СПб.: Питер, 2008. – 652с.
25. Психология: Учебник / В.М. Аллахвердов, С.И. Богданова и др.; Отв. ред. А.А. Крылов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2004. – 752с.
26. Семичев, С.Б. Предболезненные психические расстройства / С.Б. Семичев. – Л.: Медицина, 1987. – 183с.
27. Слободчиков, В.И. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей / В.И. Слободчиков, А.В. Шувалов // Вопросы психологии. – № 4. – 2001. – С.91-105.
28. Снедков, Е.В. Современная концепция психического здоровья [Электронный ресурс] / Е.В. Снедков, А.Е. Снедкова. — Режим доступа — <http://psychiatry.spsma.spb.ru/lib/kafedra/snedkov/snedkov6.htm>
29. Собчик, Л.Н. СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности / Л.Н. Собчик. – М.: Речь, 2009. – 224с.
30. Тхостов, А.Ш. Болезнь как семиотическая система / А.Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Серия 14 Психология. – 1993. - № 1. – С. 3-16.
31. Циркин, С.Ю. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста / С.Ю. Циркин – СПб.: Питер, 2005. – 896с.
32. Шамшикова, О.А. Нарциссический способ выживания современного человека / О.А. Шамшикова // Ежегодник РПО. Материалы III Всероссийского съезда РПО. Т.8. – СПб: СПбГУ, 2003. – С.107-112.
33. Штыков, Н.Г. Психическая норма как многомерный критерий оценки отношений личности: дис. ... канд. психол. наук / Н.Г.Штыков. – М., 2000. – 146с.
34. Юрьева, Л.Н. История. Культура. Психические и поведенческие расстройства / Л.Н. Юрьева. – Киев: Сфера, 2002. – 224с.
35. Ясперс, К. Общая психопатология: Пер. с нем. Л. О. Акопяна / К. Ясперс. – М.: Практика, 1997. – 1056с.

STUDENT'S PAPERS

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

УДК 159.9

T.S. Arhipova

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies E.O. Shamshikova*

THEORETICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT «TIME PERSPECTIVE»

In the presenting article the author gives theoretical analysis of the concept «Time perspective» bases on works of domestic and foreign researchers.

T.C. Архипова

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Е.О. Шамшикова*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА»

В данной статье автор проводит теоретический анализ понятия временной перспективы, основываясь на трудах отечественных и зарубежных исследователей.

Время универсально и многолико. В свою очередь, время имеет собственную структуру, которая различна в разных системах: в жизни человека структура времени — настоящее, прошлое и будущее; здесь время необратимо, а жизнь конечна [1, с. 5]. М.С. Каган говорит о биологическом, физическом, социальном и психологическом времени [10].

Проблему времени в психологии разрабатывали многие ученые: К. Левин, Л. Френк, Ф. Зимбардо, С.Л. Рубинштейн, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская и другие.

Столь широкий интерес к изучению психологического времени связан с динамичностью самой психики, являющейся предметом изучения психологии, как науки. Поэтому понимание закономерностей, структуры и особенностей психологического времени, позволит более полно, многомерно увидеть психические явления, процессы, состояния. Так же определить связи, закономерности, обусловленные изменениями психологических конструктов.

Направления изучения времени можно условно классифицировать на базе четырех основных аспектов его рассмотрения. Первый аспект рассмотрения – отражение (психикой, сознанием) объективного времени, (восприятие времени). Второй – временные характеристики самой психики, связанные с лежащими в ее основе ритмами биологических, органических, нейрофизиологических процессов. Третий – способность психики к регуляции времени движений, действия и деятельности. Четвертый – личностная организация времени жизни и деятельности [11].

Понимание психологического времени в данной работе, опирается на причинно-целевую концепцию, разработанную Е.И. Головахой и А.А. Кроником. Где психологическое время формируется на основании переживания личностью детерминационных связей между основными событиями ее жизни. Такого рода причинные целевые связи являются, согласно предлагаемой концепции, единицами анализа *психологического времени*

личности. Понимаемого как время психических процессов, время в восприятии, переживании и сознании человека [5].

Несмотря на отсутствие единства в представлениях о природе психологического времени, признается его уровневое строение, детерминированное специфическими задачами психического отражения: от восприятия и оценки коротких интервалов до осмысления времени собственной жизни [12].

В.И. Ковалевым были выделены уровни организации психологических времен, имеющих следующую восходящую последовательность: *субъективно-переживаемое, перцептуальное, личностное, субъектное и индивидуальное время* [цит. по: 1].

Субъективно – переживаемый, перцептуальный уровни характеризуются «соотношения осознанного, неосознаваемого, бессознательного и даже телесного уровней психологической и природной организации времени (Т.Н. Березина, Н.Ю. Григоровская). Для личностного уровня характерна выработка ценностного отношения ко времени. В.И. Ковалев определил отношение ко времени не как рядоположенное другим отношениям (к людям, жизни, деятельности и т. д.), а как «сердцевину всех отношений личности», носящее ценностный характер. «В зависимости от того, что отдельный человек считает в своей жизни самым важным, необходимым и существенным, как раз и образуется различное отношение к использованию каждым человеком времени собственной жизни и ее различная ценностно-временная ориентация» [цит. по: 1, с. 62].

Для субъекта (и соответствующего уровня) характерно, согласно В.И. Ковалеву, «овладение временем», творческая интенсивность жизни. В.И. Ковалев обозначил уровень индивидуальности как высший уровень организации времени» [цит. по: 1, с. 34]. В данной работе будет рассмотрен личностный уровень организации психологического времени в рамках временной перспективы.

В настоящее время, особенность восприятия человеком своего прошлого, настоящего и будущего, относится к его важнейшей индивидуально - личностной характеристике, которая остается недостаточно изученной и достаточно подвижной. Для обозначения данной темпоральной конструкции в психологии используются различные термины. Наиболее принято понятие временной перспективы, однако, его определения не однозначны, что говорит в первую очередь об отсутствии единой концептуальной модели [12].

Термин временная перспектива впервые определил Л. Фрэнк, он подчеркивал взаимодействие трех временных зон: будущее детерминирует настоящее, настоящее контролирует прошлое, но прошлое создает будущее и таким образом накладывает свои ценности на настоящее [цит. по: 2].

К. Левин определил временную перспективу как «всеобщность взглядов человека на его психологическое будущее и психологическое прошлое, существующих в данный период времени» [цит. по: 3, с.26].

По мнению К. Левина, именно категория «временной перспективы» включает в себя рассмотрение *личности* во временном контексте [7].

Ф. Зимбардо определяет *временную перспективу личности*, как фундаментальную *единицу измерения психологического времени*, которая базируется на когнитивных процессах, распределяющих человеческий опыт на временные отрезки прошлого, настоящего и будущего. Данный подход включает и расширяет теорию К. Левина, постулируя временную перспективу в

качестве основополагающего процесса функционирования, как на уровне индивидуума, так и на уровне общества [8].

Временная перспектива – это, чаще всего, неосознаваемый процесс, в котором непрерывные потоки личного и социального опыта распределяются по временным категориям или временным рамкам, что помогает придать упорядоченность, последовательность и смысл жизненным событиям. Эти когнитивные рамки могут отражать циклические, повторяющиеся темпоральные (временные) модели или уникальные, неповторимые, следующие одно за другим события в жизни людей. Они необходимы для кодирования, хранения и восстановления в памяти пережитого, а также используются в формировании ожиданий, целей и воображаемых сценариев. Между абстрактными психологическими конструкциями предшествующих событий прошлого и ожидаемых событий будущего лежит конкретное, эмпирически централизованное представление о настоящем [8].

На основе анализа данной концептуальной модели временной перспективы, можно сделать вывод, что прослеживается взаимосвязь личного и социального, организующего представления человека в виде «когнитивных рамок», определенных схем, позволяющих структурировать жизненные события. Прошлое, настоящее и будущее представлены в единстве, как взаимовлияющие друг на друга.

К.А. Абульханова-Славская говорит о перспективе, как одно из важных понятий в личностной организации времени. В рамках концепции личностной организации времени выделяет несколько перспектив. Когнитивная перспектива отражает способность личности предвидеть будущее, прогнозировать и структурировать его. Мотивационный компонент представлений о будущем (личностная перспектива) связан с особенностями уже выстроенной в воображении субъекта последовательности образов будущего. Жизненная перспектива создается предшествующей жизнью, когда уже достигнутая личностная жизненная позиция дает личности потенциал, приоритеты, которые гарантируют успешное будущее. Последняя перспектива может быть объяснена в категориях «уровня», достигнутого к настоящему моменту, который тем самым обеспечивает успешность в будущем. Жизненная перспектива, по-видимому, это реальный жизненный потенциал личности, заложенный ее прошлым опытом, уровнем ее развития, ее наличными способностями, что и составляет реальную движущую силу, гарантируя успешность ее будущего [цит. по: 11].

В своей работе «Время личности и время жизни», К.А. Абульханова и Т.Н. Березина, определяют роль личности в качестве, «...координатора различных времен на разных уровнях психики». Это определяется тем что «... во-первых, согласует свое, эпицентрическое, время с объективным временем... Во-вторых, она интегрирует и координирует специфические временные этапы жизни — прошлое, настоящее и будущее, создавая свое эпицентрическое время...» в нашем понимании *временную перспективу* «...В-третьих, развиваясь и самовыражаясь во времени, она придает ему ценностный, т. е. восходящий, «вертикальный» характер» [1, с.30].

Соотношение прошлого, настоящего и будущего не задается их объективно временной последовательностью, а создается как композиция самой личностью.

Концепция личностной организации времени предполагает онтологический характер его организации личностью, которая осуществляется либо в

деятельности – также специфическом временном образовании, – либо в жизни в целом [11].

О.Н. Арестова определяет временную перспективу как важный личностный конструкт, отражающий временной аспект жизни человека и имеющий многомерную структуру, включающую определенное содержание и ряд динамических параметров: протяженность, направленность, когерентность (согласованность), эмоциональный фон и другие [3].

О.Н. Арестова отмечает, что клинические исследования показывают связь временной перспективы личности с наличием различного рода психических расстройств, имеющих выраженную социогенную природу (депрессии, неврозы, суицидальные тенденции). В качестве особого симптома выделяются так называемый «невроз антиципации», связанный с ожиданиями конфликтов и раннего травматического опыта. Он тесно связан с состояниями тревожности, специальное исследование, которого в отношении временной перспективы личности показало, что это состояние вызывает нарушение связанности или согласованности прошлого, настоящего, будущего и отсутствие будущей доминанты. Отмечается, что чувство деперсонализации и нереальности связано с неспособностью видеть себя в будущем. Сходная структура временной перспективы отмечается в состоянии стресса, когда временной фокус смещается на настоящее.

В свою очередь реализуемость намерения характеризует общий уровень структурированности временной перспективы личности и стратегии деятельности в целом [3].

Таким образом, О.Н. Арестова рассматривает временную перспективу, как конструкт личности. Постулируется влияние не только нарушений на структуру временной перспективы, но и изменения временной перспективы, могут влиять на состояние личности.

Таким образом, несмотря на отсутствие единства в представлениях о природе психологического времени, признается его уровневое строение, детерминированное специфическими задачами психического отражения: от восприятия и оценки коротких интервалов до осмысления времени собственной жизни [12]. Рассматривая подходы к определению временной перспективы на личностном уровне организации психологического времени (по В.И. Ковалеву), прослеживается сходность концептуальных конструктов в выделении влияния внешних, социальных аспектов на временную перспективу личности. В регуляции времени жизни прослеживаются различные личностные способы, особенности, которые определяются характером соотношения прошлого, настоящего и будущего в индивидуально-личностном плане.

Каждый концептуальный конструкт рассматривает различную роль и отношение личности в определении временной перспективы. Ф. Зимбардо, постулирует *временную перспективу*, чаще, как неосознаваемый процесс, в котором непрерывные потоки личностного и социального опыта распределяются по временным категориям или временным рамкам, что помогает придать упорядоченность, последовательность и смысл жизненным событиям.

К.А. Абульханова и Т.Н. Березина, определяют роль личности в качестве, «...координатора различных времен на разных уровнях психики».

Присущая субъекту, т.е. внутренняя детерминация времени, связана с

- а) проблемным планированием, осознанием будущих проблем;
- б) планированием времени, имеющим вектор из будущего в настоящее;

в) связью разрешения возможных проблем с образом «Я» в будущем, его возможностями. Планирование времени в контексте соотношения прошлого, настоящего и будущего выступает как функция личности, овладевающей своим временем, как способ этого овладения, удовлетворенность—неудовлетворенность — как ведущее личностное противоречие [1, с. 49].

О.Н. Арестова определяет временную перспективу как важный личностный конструкт, отражающий временной аспект жизни человека и имеющий многомерную структуру.

А вот так видит временную перспективу человек:

- Все вдруг потеряло ценность, забрав с собой суету, день, с его распорядком. Земля, привычная растаяла. Просто опрокинула меня и улетила в пыльном облаке движения. Я встала, отряхнула платье от пыли вечности, так легко стало, невесомо даже. Легкая музыка заполнила все пространство, качая волосы в такт ветра. Я села на край своего прошлого, и долго смотрела в бесконечную даль, путь, оставленный унесшейся землей... Каждая нота, проносясь в воздухе, выдыхала свой особый звук, свой аромат, унося тысячи минут моей жизни за собой.

- представляю мое прошлое, настоящее и будущее...как огромное многоэтажное здание, с длинными коридорами. Когда идешь по коридору слабое освещение люминесцентных ламп, моргает в такт сердца. По бокам коридора комнаты, это мои архивы. Я каждый день наполняю эти комнаты чем – то новым, закрываю дверь и двигаюсь дальше, вперед в будущие этажи моей жизни. Есть комната в моем прошлом, этажом ниже, которая, как блуждающий ящик фокусника, оказывается в моем настоящем, мерещится в будущем. Наверное, это даже вторая дверь в каждую последующую комнату моего настоящего...когда –нибудь, я заполню последний этаж этого здания...

Библиографический список

1. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб: Алетей, 2001. – 304с. 1.
2. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 301с. 10.
3. Арестова, О.Н. Операциональные аспекты временной перспективы личности / О.Н. Арестова // Вопросы психологии. – 2000. – №4. – С.61-73. 5.
4. Васильева, Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения / Ю.А. Васильева // Психологический журнал. – 1997. – Т.18. – №2. – С.58-78. 8.
5. Головаха Е.И. Понятие психологического времени / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. – М.: Наука, 1988. – С.199-215. 6.
6. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев.: Наукова думка, 1984. – 207с. 9.
7. Зейгарник, Б.В. Теория личности К. Левина / Б.В. Зейгарник. – М.: МГУ, 1981. – 118с. 4.
8. Зимбардо, Дж. Ф. Психология временной перспективы / Дж.Ф. Зимбардо. – СПб.: Факультет психологии СПбГУ, 2008. – 92с. 3.
9. Зинченко, В.П. Время – действующее лицо / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2001. – №6. – С.36-54. 11.
10. Каган, М.С. Время как философская проблема / М.С. Каган // Вопросы философии. – 1982. – №10. – С.117-124. 12.

11. Куликов, Л. Психология личности в трудах отечественных психологов. Хрестоматия. 2-е изд / Л. Куликов. – СПб.: Питер, 2009. – 460с. 7.
12. Спиридонова, И.А. Временная транспектива субъекта: влияние возраста и раннего предметного обучения Автореф. дис. канд. психологических наук / И.А. Спиридонова. – М.: Академия, 2002. – 25с. 2.

УДК 159.96

G.K. Vorobev

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies S.B. Nesterova*

FEAR AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

In the article the psychological phenomenon of fear, its classification, a problem of fear sources is considered.

Г.К. Воробьев

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель С.Б. Нестерова*

СТРАХ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается психологический феномен страха, его классификация, проблема источников страха.

Еще до рождения у человека начинает развиваться эмоциональная сфера. До сих пор эта часть психики очень мало изучена, а исследования ее, как отмечал У. Джемс, зачастую носят описательный характер и не раскрывают ее психологической сущности. В науке не существует единого определения эмоции, с которым соглашались бы все исследователи. Взгляды на происхождение и роль эмоциональной сферы расходятся, что порождает множество различных трактовок данного явления. Чаще всего различные психологические направления сходятся в утверждении того, что эмоции полярны (отрицательны либо положительны, т. е. являются оценочными) и «переживаются» человеком. В случаях, когда субъект безразличен к какому-либо объекту или ситуации, т. е. его отношение ни положительно, ни отрицательно, эмоция отсутствует как таковая. Что же является «переживанием»? Дать определение данному термину достаточно сложно, в связи с чем, условно можно сказать, что «переживание» – это изменение психического состояния человека.

В конечном счете, можно сказать, что эмоции – субъективные состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него раздражителей.

Человек обладает множеством различных эмоций, которые могут усложняться в процессе его жизни, а количество их оттенков увеличиваться. Одной из древнейших эмоций является страх, являющийся очень значимым регулятором поведения живого организма и предназначенный для выживания в опасных ситуациях. Конечно, исходя из того, насколько разнородными являются взгляды на природу эмоций, можно легко себе представить, насколько неоднозначны мнения исследователей о страхе.

В самом общем виде страх можно обозначить как дискомфортное переживание опасности. К. Изард в книге «Психология эмоций» отмечает, что

«страх складывается из определенных и вполне специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [1, с. 293]. Е.П. Ильин описывает страх как «...эмоциональное состояние, отражающие защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности для их здоровья или благополучия» [2, с. 163].

Проблема эмоций и, в частности, страха как предмета научного изучения заключается, в том числе и в сложности вербального определения. В литературе, посвященной психологическому исследованию страха, часто можно встретить эпизоды описаний людьми переживаний состояния страха. Такие вставки, безусловно, важны для лучшего понимания рассматриваемой проблемы, но они не помогают в поиске способов для научного определения страха. В некоторых случаях в литературе по психологии встречаются попытки устранить такого рода вставками необходимость дать полное и точное определение данной эмоции. Здесь снова стоит вспомнить слова У. Джемса об описательном характере большинства исследований эмоций.

Проблема источников страха также имеет множество подходов и трактовок. Многие исследователи пытаются создать перечень причин, вызывающих данную эмоцию. Так, например, К. Изард [1] выделяет следующие:

- 1) Драйвы в крайних проявлениях
- 2) Другие эмоции (испуг, чрезмерное возбуждение)
- 3) Когнитивные процессы:
 - а) Формирование гипотез (воображаемых источников вреда)
 - б) Ожидание вреда
 - в) Непосредственное столкновение с воображаемым объектом страха

По Д. Боулби [2] в качестве естественных (врожденных) источников страха выступают следующие:

- 1) Боль
- 2) Одиночество
- 3) Внезапное изменение стимуляции (в основном такое, к которому индивид не может приспособиться)
- 4) Внезапное приближение объекта (в некоторых ситуациях)
- 5) Необычность объекта (при высокой степени несоответствия предыдущему опыту)
- 6) Высота

Качественные различия этих двух классификаций хорошо иллюстрируют разнообразие подходов к изучению страха. Если К. Изард делает больший упор на механизмы формирования страха, то Д. Боулби пытается выделить непосредственные факторы вызывающие данную эмоцию. Построение классификаций источников страха осложняется тем, что при выделении естественных его источников мы получаем достаточно краткий перечень факторов, в то время как ход жизни человека в обществе формирует у него все новые и новые страхи. К примеру, рассматривая проблему застенчивости, несложно обнаружить огромное количество различных страхов, начиная от страха перед доверием к определенному лицу и заканчивая страхом публичных выступлений. Хотя основа их будет в большинстве случаев одна и та же – ощущение незащитности собственного внутреннего мира перед другим человеком, – размеры списка источников страха окажутся внушительными.

Исследователи пытаются преодолеть данное затруднение путем создания классификаций не отдельных страхов, а их групп. Так, например, Ю.В. Щербатых [3] разделяет страхи на биологические, социальные и экзистенциальные. Биологические связаны с угрозой физическому здоровью или жизни человека. Социальные – с угрозой статусу или самооценке. В группу экзистенциальных, которые вытекают из самой сущности человека, входят такие, как страх смерти. В большинстве случаев какой-нибудь конкретный вид страха отражает все три стороны сразу, но в разных соотношениях. Например, страх болезней может отражать как биологическую природу (угроза здоровью), так и социальную (выбывание из рабочего процесса и коллектива, как следствие – угроза уменьшения заработной платы или увольнения).

Существуют попытки выстроить и классификацию другого рода – по различным определениям родственным страху. Некоторые исследователи стремятся разобраться, что отличает такие понятия, как «страшиться», «бояться», «опасаться», «оробеть», «испугаться» и т. д. Пожалуй, без сомнений мы можем дать точное отличительное определение слову «испугаться», т. к. оно подразумевает под собой одномоментную реакцию, в то время как, например, боязнь проявляется и исчезает постепенно. До сих пор стоит вопрос о том, не является ли большинство слов, родственных понятию страха, всего лишь его синонимами. С другой стороны, возможно, они отражают такие тонкие эмоциональные различия в переживании страха в разных ситуациях, которые с трудом поддаются сухому вербальному описанию.

Одна из самых больших работ в сфере различения определений проделана, для отделения тревоги от страха. Определенный вклад в данную проблему внес К. Изард. Так, в качестве отличий им выдвигаются следующие [1]:

1) Тревога может возникать задолго до наступления неблагоприятных событий; страх – при наступлении опасности или незадолго до нее.

2) Тревога является ожиданием неопределенного неблагоприятия; страх – опредмечен, его объект известен субъекту.

3) Тревога мобилизует человека, повышает активность; страх в большинстве случаев сковывает.

Несмотря на более высокую определенность в данном разграничении, по сравнению со многими другими понятиями, оно также оспаривается и не является единственным.

Страх является основой такого явления, как паника, изучающейся в социальной психологии. История изобилует примерами, когда этот феномен убивал и ранил гораздо большее количество людей, чем тот объект, от которого они пытались спастись. Изучение паники сопряжено со многими сложностями: невозможно предугадать заранее, где развернется это явление; трудно оказаться рядом с паникующей толпой и не поддаться эмоциональному заражению и, в конце концов, в ситуации такого рода необходимо прилагать силы к минимизации ее негативных последствий, а не к научному исследованию. Проблема изучения паники по ее следам также встречает определенные трудности – люди пережившие подобное состояние обычно не могут передать ощущения, которые они испытали в тот момент, когда данная ситуация имела место.

Хотя все вышеописанное не отмечает почти ничего, что было бы достоверно известно и принималось бы всеми психологическими школами, это не обозначает, что точных сведений о природе страха не существует. Достаточно хорошо изучены основные тактики поведения, задающиеся

страхом. Организм, охваченный этой эмоцией, может попытаться вступить в схватку с объектом страха, убежать от него или же замереть, чтобы оказаться незамеченным. Выбор тактики человеком отчасти зависит от типа его ВНД и природы самой угрозы.

Также, множество сведений в данной сфере собрано о проявлениях этой эмоции. Еще Ч. Дарвин занимался описанием страха и его проявлений в экстремальных ситуациях [3].

В момент столкновения с опасностью и возникновения эмоции страха в организме могут происходить следующие изменения: часть крови от кожи и внутренних органов распределяется между скелетными мышцами, и большая ее часть начинает приливать к сердцу; расширяются бронхи для увеличения поставок кислорода; расширение зрачков приводит к доступу большего количества света и, как следствие, улучшению зрения; начинается обильное потоотделение, которое делает тело скользким, что помогает в схватке с противником; волосяной покров приподнимается, «встает дыбом», заставляя потенциального врага испугаться и отступить. Вследствие этих процессов, высшие психические функции претерпевают угнетение. И, если такая реакция была естественной и наиболее целесообразной для доисторического человека, то в условиях социума она далеко не всегда оказывается подходящей для успешной адаптации.

Многие социальные страхи становятся препятствием на пути человека к достижению его целей. Ю.В. Щербатых в книге «Психология страха» [3] приводит следующий простой пример: студент, сдающий экзамен, не уверен в своей подготовке и боится провала. Вместе с переживанием страха, его организм отвечает на ситуацию вышеперечисленными реакциями. Таким образом, студент оказывается подготовленным к физической схватке за свою жизнь, но не к ответу на экзаменационные вопросы. Его процессы мышления затрудняются, изменяется работа памяти, зачастую, не позволяя воспроизвести необходимую в данный момент информацию – достигается эффект полностью противоположный желаемому.

Столь же ярко дезадаптивный результат страха можно увидеть на примере, упоминавшейся уже проблемы застенчивости. Волнение сбивает застенчивого человека, препятствует его мышлению, в результате чего он начинает говорить совсем не то, что хочет, а когда замечает это – начинает волноваться еще больше. И, хотя, в большинстве случаев, застенчивые люди прекрасно знают, что собеседник не собирается причинять им вред, они, тем не менее, продолжают бояться.

В приведенных выше примерах речь не идет о борьбе за жизнь, но страх продолжает выполнять те же функции, что и десятки тысяч лет назад. Он готовит человека к бегству или же к беспощадной схватке с противником и не принимает доводы рассудка. Эта проблема порождает необходимость хорошо изучить страх и найти методы борьбы с ним. Многие люди страдают от социальных страхов, которые мешают им жить и полноценно развиваться. Часто таланты погибают из-за страха их обладателя быть непризнанным или осмеянным. Многие люди боятся сделать шаг, не грозящий им серьезными болезненными последствиями, но способный сделать их счастливыми.

В работе З. Фрейда «О правомерности выделения из неврастении симптомокомплекса «невроз страха»» [4], также можно найти несоответствие проявлений этой эмоции сложившейся ситуации. В данной работе приводятся симптомы, связанные со страхом. Наиболее интересен для понимания

дезадаптивных функций страха в социальной среде будет симптом, обозначенный автором, как «приступ страха» и который может включать в себя различные реакции такие, как:

- 1) Учащенное, сильное сердцебиение
- 2) Расстройство дыхания
- 3) Повышенное потоотделение, часто происходящее по ночам
- 4) Приступы дрожи
- 5) Булемия
- 6) Диарея
- 7) Головокружение и т. д.

З. Фрейд усматривает связь невроза страха с расстройствами человека в сексуальной сфере, когда личность в каких-либо случаях оказывается неудовлетворенной. Но вышеприведенные реакции, вместе с другими симптомами, упоминающимися в рассматриваемой работе, никак не связаны с реальной угрозой человеку. Сама сексуальная сфера никак не связана с выживанием индивида, но, тем не менее, как отмечает З. Фрейд, формирует эмоцию страха [4].

На данном примере можно легко убедиться, насколько сильно исказилась природа страха с тех пор, как появилось человеческое общество. В ряде случаев он не выполняет свои функции, становясь препятствием на жизненном пути человека.

Безусловно, на сегодняшний день мы имеем множество знаний о страхе и его природе. Но знания эти, к сожалению, весьма разрозненны и противоречивы, в основном из-за того, что основаны на исследованиях разных психологических школ, которые отталкиваются от несовместимых между собой теорий. Вряд ли, когда-либо мы сможем говорить о максимально эффективной методике борьбы со страхом, о полном постижении его природы, пока не преодолеем противоречия различных направлений, пока не синтезируем разные школы в единую психологическую науку.

Библиографический список

1. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб: Питер, 1999. – 464 с.
2. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2008. – 783 с.
3. Щербатых, Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия / Ю.В. Щербатых. – М: Эксмо, 2003. – 512 с.
4. Freud, Z. Ueber die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als «Angstneurose» abzutrennen // Neurologisches Zentralblatt. – 1895. – 14. – № 2. – С.50–66.

УДК 159.922.7

E.A. Vyatkina

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N.M. Klepikova*

INTERDEPENDENCE OF EMPATHY AND INTERPERSONAL RELATIONS

(ON THE MATERIAL OF YOUNGER TEENAGE SAMPLE)

In the article the results of empirical research of interdependence of substantial empathy characteristics and interpersonal relations at younger teenage age are presented.

**ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЭМПАТИИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА)**

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимозависимости содержательных характеристик эмпатии и межличностных отношений в младшем подростковом возрасте.

Среди многообразия проблем современной психологии межличностные отношения, являясь одной из наиболее актуальных и интенсивно исследуемых. В отечественной психологической науке конца XIX - начала XX столетий постановка проблемы «отношений» личности принадлежит М.М. Троицкому, А.Ф. Лазурскому, В.М. Бехтереву, их психологические идеи были впоследствии продолжены М.Я. Басовым, В.Н. Мясищевым и др.

Отношения людей представляют реальность особого рода, которая не сводима ни к совместной деятельности, ни к коммуникации, ни к взаимодействию. Субъективная и фундаментальная значимость этой реальности для жизни человека и развития его личности не вызывает сомнений. Одной из центральных характеристик, определяющих межличностные отношения, является эмпатия, именно дефицит эмпатии, как отмечают многие исследователи, лежит в основе ряда трудностей в межличностных отношениях.

Эмпатия в психологии связана с миром эмоций человека, способностью сопереживать и откликаться на различные жизненные ситуации [3]. Изучению эмпатии как эмоциональной отзывчивости индивида на переживания других людей посвящено значительное число исследований (Е.Я. Басин, А.А. Бодалев, В.В. Бойко, Т.П. Гаврилова, А.В. Запорожец, П.В. Козина, Ю.А. Менджерицкая, Н.Н. Обозов, К. Роджерс, В.В. Рябухин, И.М. Юсупов и другие).

В современной зарубежной психологии эмпатию принято трактовать либо как способность понимать мир переживания другого человека, либо как способность приобщаться к эмоциональной жизни другого, разделяя его переживания [4]. Несмотря на немалое число исследований представления о взаимозависимости эмпатии и межличностных отношений недостаточно полны и систематизированы, особенно это касается исследований на подростковой выборке. Актуально рассматривать эмпатию в подростковом возрасте, так как особенно велика потребность в дружеских отношениях, которые предполагают стремление к полному пониманию и принятию другого, определяя интимно – личностный характер общения со сверстниками, а позднее и со значимыми взрослыми [5].

Исходя из актуальности данной проблемы, нами сформулирована тема исследования: *Взаимозависимость эмпатии и межличностных отношений (на материале младшего подросткового возраста). Целью данной статьи является представление результатов предпринятого нами исследования.*

Анализ литературных источников по заявленной проблеме позволил сформулировать *гипотезу исследования*, имеющую следующие допущения:

1) существует взаимозависимость между содержательными характеристиками межличностных отношений и эмпатии в младшем подростковом возрасте.

2) высокий уровень выраженности *потребности во «включении», потребности в «аффекте»*, в межличностных отношениях соотносятся с высоким уровнем эмпатии.

3) высокий *социометрический статус* и *экспансивность* в межличностных отношениях соотносятся с высоким уровнем эмпатии.

Методологической основой нашего исследования являются ведущие принципы психологии – принцип детерминизма, единства сознания и деятельности, системности и единства теории и практики; основные теоретические положения отечественных психологов, разработанные в трудах: Б.Г.Ананьева о философских и психологических проблемах становления человека; В.Н.Мясищев о личности в системе отношений; работы, посвященные: изучению межличностных отношений (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов, В.А. Лабунская, В. Шутц); проблеме эмпатии в межличностных отношениях (В.В. Бойко, Р. Бэрн, Д. Ричардсон, В.К. Виллонас, Л.Я. Гозман, Б.И. Додонов, Е.П. Ильин, И.М. Юсупов).

В исследовании использовался комплекс *методов*: теоретический анализ литературных источников по исследуемой проблеме, тестирование, квазиэксперимент; методы математической статистики. Математическая обработка полученных данных проводилась с использованием компьютерной программы SPSS 13.0. Достоверность полученных результатов не ниже 5% уровня значимости.

В качестве основных в нашем исследовании были определены методики: *«Опросник Межличностных отношений» В. Шутца, адаптированный А.А. Руковишниковым*, позволяет оценить характерные для человека межличностные отношения: доминирование-подчинение, заинтересованность-незаинтересованность, эмоциональная близость-отчужденность [10]. *Социометрическая методика Дж. Морено*, применяется для диагностики межличностных и межгрупповых отношений в целях их изменения, улучшения и совершенствования. С помощью социометрии можно изучать типологию социального поведения людей в условиях групповой деятельности, судить о социально-психологической совместимости членов конкретных групп [6]. *Индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО), Л.Н. Собчик*. В основе теоретического обоснования методики – опора на врожденные свойства, которые в процессе социализации трансформируются в черты характера, затем – в особенности личности, проявляющиеся в мотивационной и когнитивной сфере, в эмоциональных характеристиках и межличностных отношениях [9]. *«Шкала эмоционального отклика» А. Меграбиана и Н. Эштейна* используется для исследования эмоциональной составляющей эмпатии и таких ее параметров, как уровень выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого и степень соответствия -несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии [6]. *Диагностика эмпатических способностей В.В. Бойко* позволяет оценить уровень эмпатических способностей [3].

Экспериментальная выборка составила 105 подростков, учащихся 5-6 классов, в возрасте от 11 до 13 лет. Исследование осуществлялось на базе МБОУ СОШ № 196 Кировского района города Новосибирска.

Общая выборка (N=105) была дифференцирована на экспериментальные группы по уровню выраженности эмпатии: ЭГ-1 (*испытуемые, с низким уровнем эмпатии, N = 53*) и ЭГ-2 (*испытуемые, с высоким уровнем эмпатии, N = 52*). Для дифференциации выборки выбран способ, по которому

преимущественно организуются квазиэксперименты: по медиане (по 50-му процентилу) были образованы равные по числу участников группы с высоким и низким уровнем эмпатии [11].

Качественно-количественный анализ (критерий Манна-Уитни) данных, полученных по результатам диагностики респондентов обеих групп, позволил обнаружить различия по *семи* из *четырнадцати* параметров, характеризующих межличностные отношения, все различия на 5% уровне значимости.

Нами выявлено, что *респонденты с высоким уровнем эмпатии* в межличностных отношениях стремятся удовлетворить преимущественно две потребности: *потребность во «включении»* ($U=913,5$ при $p \leq 0,05$) и *потребность в «аффекте»* ($U=995,5$ при $p \leq 0,05$). Потребность во «включении» проявляется в желании чувствовать себя ценной и значимой личностью, нравиться, привлекать внимание и вызывать интерес, в стремлении добиться признания, известности и одобрения ($U=975$ при $p \leq 0,05$). Быть человеком, не похожим на других, т.е. быть индивидуальностью – другой аспект потребности «включения». Основным в этом выделении из общей массы является то, что для достижения полноценных взаимоотношений с людьми нужно добиться понимания, почувствовать, что окружающие отмечают уникальность их личности. ($U=914,5$ при $p \leq 0,05$). Потребность в «аффекте» определяется, как потребность создавать и поддерживать удовлетворительные отношения с другими людьми, опираясь на любовь и близкие, теплые эмоциональные контакты ($U=985,5$ при $p \leq 0,05$). Данная потребность обычно касается личных эмоциональных отношений между двумя близкими людьми (парных взаимоотношений) и ведет к поведению, направленному на эмоциональное сближение с партнером или партнерами. Респонденты с более высоким уровнем эмпатии характеризуются более высокой потребностью развивать новые контакты ($U=918,5$ при $p \leq 0,05$), также они обладают большим авторитетом в группе сверстников ($U=985,5$ при $p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ позволил обнаружить значимые взаимозависимости между содержательными характеристиками межличностных отношений и эмпатии. На основании результатов, полученных методом ранговой корреляции r_s -Спирмена, строились корреляционные плеяды последовательно для каждой экспериментальной группы.

Корреляционная плеяда по результатам обследования ЭГ-1 (респонденты с низким уровнем эмпатии) образована *восемью* взаимосвязями, из них *одна* прямо пропорциональная корреляционная взаимосвязь между переменными на 1% уровне значимости, *четыре* прямо пропорциональных корреляционных взаимосвязей на 5% уровне значимости, и *три* обратно пропорциональных корреляционных взаимосвязей на 5% уровне значимости (см. рис.1).

Анализ *корреляционной плеяды 1* (ЭГ-1, $N = 53$) позволяет сделать следующие интерпретации. Противоречивость межличностного поведения в сфере контроля у респондентов с низкой эмпатией взаимосвязана с их способностью к подражанию, когда с одной стороны происходит идентификация с людьми, которые обладают атрибутами власти, авторитета, а с другой стороны с людьми, которые по социальному статусу находятся за порогом уважения [**контроль (противоречивость) – идентификация в эмпатии**, $r_s = 0,310$ при $p \leq 0,05$]. При этом умение понять другого человека на основе сопереживания, постановки себя на его место взаимосвязано с невыраженным стремлением подростков подчеркивать собственные проблемы [**аггравация – идентификация в эмпатии**, $r_s = -0,276$ при $p \leq 0,05$].

Примечание:

- ← - - - → обратно пропорциональная зависимость;
- ↔ прямо пропорциональная зависимость;

- * - 5% уровень значимости
- ** - 1% уровень значимости

Рисунок 1 - Корреляционная плеяда 1 (ЭГ-1, N = 53)

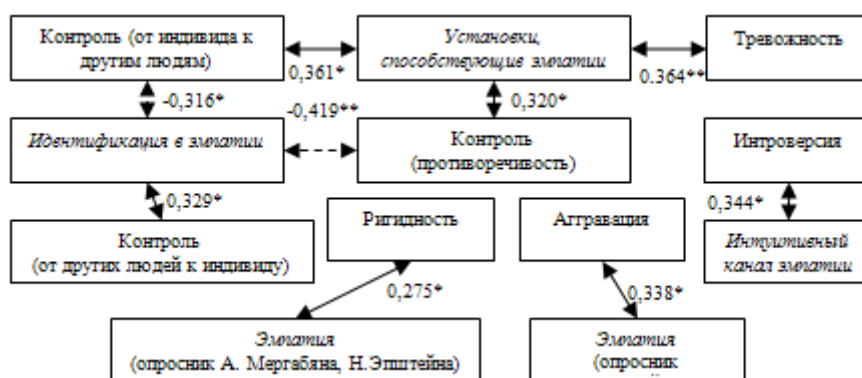
Неакцентуированная сензитивность взаимосвязана с общим снижением эмпатии как рационально-эмоционально-интуитивного отражения Я другого и как способности сопереживать другому человеку, идентифицировать себя с ним [сензитивность – эмпатия (опросник В.В. Бойко), $r_s = 0,348$ при $p \leq 0,05$; эмпатия (опросник А. Мергабяна, Н. Эпштейна), $r_s = 0,382$ при $p \leq 0,01$; идентификация в эмпатии, $r_s = 0,330$ при $p \leq 0,05$]. Неспособность респондентов этой группы входить в эмоциональный резонанс с окружающими, также как и неспособность к эмоциональному отклику на переживания другого, высокая степень несоответствия знака переживаний объекта и субъекта эмпатии взаимосвязаны с высокой противоречивостью при реализации потребности создавать и поддерживать удовлетворительные (психологически приемлемые) отношения с другими людьми [включенность (противоречивость) – эмпатия (опросник А. Мергабяна, Н. Эпштейна), $r_s = -0,279$ при $p \leq 0,05$; эмоциональный канал эмпатии, $r_s = -0,278$ при $p \leq 0,05$]. При этом противоречивость (одновременное стремление установить контакт, быть в группе и стремление быть замеченным, отличаться от других людей) положительно коррелирует с проникающей способностью в эмпатии – коммуникативным свойством, позволяющим создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности [включенность (противоречивость) – проникающая способность в эмпатии, $r_s = 0,324$ при $p \leq 0,05$].

Корреляционная плеяда по результатам обследования ЭГ-2 (респонденты с высоким уровнем эмпатии) образована девятью взаимосвязями, из них одна прямо пропорциональная корреляционная взаимосвязь между переменными на 1% уровне значимости, пять прямо пропорциональных корреляционных взаимосвязей на 5% уровне значимости, две обратно пропорциональных корреляционных взаимосвязи на 1 % уровне значимости, одна обратно пропорциональная корреляционная взаимосвязь на 5 % уровне значимости (см. рис.2)

Анализ корреляционной плеяды 2 (ЭГ-2, N = 52) позволяет сделать следующие интерпретации. Установки способствующие эффективности

эмпатии взаимосвязаны с потребностью создавать и сохранять удовлетворительные отношения с людьми, опираясь на контроль и силу [контроль (от индивида к другим людям) – установки, способствующие эмпатии, $r_s=0,361$ при $p \leq 0,01$]. Если со стороны установок личности отсутствуют препятствия, то индивид стремится создавать и сохранять отношения, основанные на чувстве взаимного уважения, опираясь на компетентность и ответственность. В то же время противоречивость при реализации потребности в контроле взаимозависима с установками, которые облегчают действие всех эмпатических каналов. Установки, способствующие эмпатии, вероятно не позволяют ни взять отношения под тотальный контроль, ни доверится полностью чьей-то воле [контроль (противоречивость) – установки, способствующие эмпатии, $r_s=0,320$ при $p \leq 0,05$], что может быть сопряжено со слишком высокой чувствительностью к переживаниям и проблемам окружающих [тревожность – установки, способствующие эмпатии, $r_s = 0,364$ при $p \leq 0,01$].

Выраженная способность к идентификации в эмпатии взаимосвязана с реализацией потребности в контроле, точнее в том, чтобы респондентов контролировали, влияли на них и говорили, что они должны делать. В основе идентификации легкость, подвижность и гибкость эмоций, способность к подражанию. Развиваются отношения, в которых личность не пытается контролировать и влиять на остальных, не стремится решать, что и как будет делаться, вместо этого реализуется умение понять другого на основе сопереживания, постановки себя на место партнера [идентификация в эмпатии – контроль (от индивида к другим людям), $r_s = -0,316$ при $p \leq 0,05$; контроль (противоречивость), $r_s = -0,419$ при $p \leq 0,01$; контроль (от других людей к индивиду), $r_s = 0,329$ при $p \leq 0,05$].

Примечание:

◄ --- ► обратно пропорциональная зависимость;

◄ ==> прямо пропорциональная зависимость;

Рисунок 2 - Корреляционная плеяда 2 (ЭГ-2, N = 52)

* - 5% уровень значимости

** - 1% уровень значимости

Респондентам с высоким уровнем эмпатии чрезвычайно важен собственный статус в группе и отстаивание своей точки зрения, они способны в межличностных отношениях очень избирательно реагировать на различные

воздействия. Чем выше уровень эмпатии тем ярче проявляется реакция на различные ситуации [**ригидность – эмпатия**, $r_s=0,275$ при $p \leq 0,01$].

Избирательность в отношениях, осторожность, молчаливость соотносится со способностью респондентов действовать в условиях дефицита исходной информации, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании. На уровне интуиции замыкаются и обобщаются различные сведения о партнерах. Интуиция, надо полагать, менее зависит от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие партнеров [**интроверсия – интуитивный канал эмпатии**, $r_s = 0,344$ при $p \leq 0,05$].

Высокий уровень эмпатии, неподдельный интерес к другой личности как таковой, к ее субъектной реальности у подростков взаимосвязан с интересом к своей личности. Чем выше уровень эмпатии, тем чаще в межличностных отношениях подростки подчеркивают, преувеличивают свои черты, через себя пытаются понять других [**агравация – эмпатия (опросник В.В. Бойко)**, $r_s = 0,338$ при $p \leq 0,05$].

Проведенное нами исследование, позволяет сделать следующие выводы:

Испытуемым **ЭГ-1** (низкий уровень эмпатии) в межличностных отношениях свойственны: *спонтанность, интроверсия, высокая потребность во включении*. Эмпатия взаимосвязана с такими параметрами межличностных отношений как: *сензитивность* (впечатлительность, ранимость), *контроль* (противоречивость), *включенность* (противоречивость) внутри и между отдельными областями межличностных потребностей.

С повышением уровня эмпатии у респондентов **ЭГ-2**, на первый план в межличностных отношениях выходят: *агравация, экстраверсия, агрессивность, ригидность, сензитивность, тревожность, эмотивность, потребность в контроле, потребность быть в группе, потребность устанавливать эмоциональные отношения, экспансивность, высокий социометрический статус*. Экспериментально подтверждено, что чем выше уровень эмпатии, тем более выражена потребность «быть принятым» в отношениях со сверстниками. Согласно результатам корреляционного анализа эмпатия взаимосвязана с *тревожностью* (нерешительность, внутренняя потребность в соответствии требованиям окружения), *интроверсией* (молчаливость, замкнутость), *ригидностью* (значимость собственного статуса), *агравацией* (подчеркивание проблем), потребностью в *контроле*.

Таким образом, мы подтвердили гипотезу о существовании взаимозависимости между содержательными характеристиками межличностных отношений и эмпатии в младшем подростковом возрасте. Доминирование таких характеристик межличностных отношений, как *потребность во «включении», потребность в «аффекте», социометрический статус* (статус индивида в социальной группе, складывающийся на основе оценок его места и роли в данной группе и определяющийся при помощи социометрических методов), *экспансивность* (порывистый, несдержанный резкое, бурное проявление чувств) соотносится с высоким уровнем эмпатии.

Библиографический список

1. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – Москва. : Аспект Пресс, 2005. – 363 с.
2. Бодалев, А.А. О взаимоотношении общения и отношения / А.А. Бодалев // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 122 - 126.

3. Бойко, В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. – М.: Информ.-издат. Дом «Филинь», 1996. – 472 с.
4. Гаврилова, Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии / Т.П. Гаврилова // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 147–158.
5. Зеньковский, В.В. Психология детства / В.В. Зеньковский. – М. : Academia, 1996. – 347 с.
6. Лабунская, В.А. Психология затрудненного общения / В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.Д. Бреус. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 288 с.
7. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев / под ред. А.А. Бодалева. – М.: Воронеж, МОДЭК, 1998. – 363 с.
8. Обозов, Н.Н. Межличностные отношения / Н.Н. Обозов. – Л.: ЛГУ, 1997. – 151 с.
9. Собчик, Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений : практическое руководство / Л.Н. Собчик. – СПб.: Речь, 2002. – 96 с.
10. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Институт Психотерапии, 2002. – 490 с.
11. Экспериментальная психология: теория и методы : учебник для вузов по направлению «Психология» / Т.В. Корнилова – Москва : Аспект Пресс, 2005. – 384 с.

УДК 159.94

K.V. Vyatkina

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies S.B. Nesterova*

PSYCHOLOGICAL DEFENSES MECHANISMS AT USE OF STRATEGY OF CONFLICT SITUATIONS RESOLUTION

In article the interrelation of psychological defenses mechanisms and strategy of conflict situations resolution is considered.

K.V. Вяткина

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель С.Б. Нестерова*

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТРАТЕГИЙ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ

В статье рассматривается взаимосвязь механизмов психологических защит и стратегии разрешения конфликтных ситуаций.

Концепция психологической защиты была и остается одним из наиболее важных вкладов психоанализа в теорию личности и в теорию психологической адаптации. Анализ литературных источников, касающихся становления проблематики психологической защиты, позволяет выделить несколько причин сложности и противоречивости определения статуса этого явления как объекта научных исследований.

В научной литературе, как и ранее, не существует единой точки зрения на связь психологических защит с внешними проявлениями стратегий конфликтного поведения.

Прежде отметим следующее. Как научный факт феномен психологической защиты, будучи впервые зафиксирован в парадигме психоаналитических теорий, позже активно изучался в различных ответвлениях глубинной психологии: направление, отношение к которому продолжает оставаться довольно сложным. Среди причин, обусловивших неприятие психоанализа, современные исследователи на первый план ставят факторы идеологического порядка. Г.Л. Ильин отмечает: «Социальный пессимизм Фрейда, его неверие в управляемое общество, в возможность формирования поведения людей, перевоспитание человека. Эта позиция шла вразрез с потребностями современного мира, где решение задачи управления обществом и людьми является не только желательным, но и жизненно необходимым. Неизменность бессознательных влечений на протяжении всей человеческой истории, их постоянное и непримиримое противодействие социальному давлению — эти положения психоанализа значительно ограничивали его распространение как в США, где обещание Уотсона сформировать человека с заданными свойствами обеспечило ему бурный и продолжительный успех; так и в СССР, где создание нового общества предполагало формирование нового человека, с новой психологией, лишенной пережитков прошлого» [2, с. 422].

Актуальной проблемой, связанной с изучением психологических защит личности, является проблема сопряженности этого явления со стратегиями поведения в конфликтной ситуации, так как изучение личности стоит сначала изучать с того что происходит внутри подсистем, а затем посмотреть как это внутреннее выражается во внешних проявлениях поведения человека в стрессовых ситуациях для личности.

Под психологическими защитами мы понимаем специальную регулятивную систему стабилизации личности, направленную на устранение или сведение до минимума чувства *тревоги*, связанного с осознанием конфликта. [4, с. 101]

Термин «защита» впервые был применен З. Фрейдом в 1894 году и предназначался для описания борьбы «Я» против болезненных или невыносимых мыслей и аффектов. Потом этот термин был заменен термином «вытеснение». В дальнейшем З. Фрейд выделяет целый ряд механизмов защиты, среди которых можно выделить такие как: регрессия, формирование реакции, изоляция, уничтожение, проекция, интроекция, борьба «Я» с самим собой, обращение и сублимация (смещение инстинктивных целей) [3].

Возникновение механизмов защиты З. Фрейд связывает с новообразованиями формирующейся личности. А потому понимание особенностей формирования и развития механизмов защиты невозможно без изучения структуры личности. Личность, по З. Фрейду, состоит из трех подструктур: «Оно», «Я», «сверх-Я» (Ид, Эго, супер-Эго).

А. Фрейд расширила представления о механизмах защиты, которые рассматривала не только как врожденные особенности, но и как индивидуальные свойства, приобретаемые индивидом в ходе онтогенеза. Набор механизмов защиты индивидуален для каждого человека и являет собой характеристику адаптивных способностей личности. «Защитные механизмы — это деятельность сознания, которая начинается, когда «Я» подвержено чрезмерной активности побуждений или соответствующих им аффектов, представляющих для него опасность. Они функционируют автоматически, не согласуясь с сознанием».

А. Фрейд выделила три группы механизмов защиты: перцептивные, интеллектуальные и двигательные, которые возникают в процессе произвольного и непроизвольного научения и обеспечивают последовательное искажение реальности с целью ослабления травматического эмоционального напряжения. Определяющим в образовании защитных механизмов А. Фрейд считала травмирующие события в сфере межличностных отношений. Таким образом, информация может игнорироваться (как женщина может игнорировать измены мужа), забываться или интерпретироваться удобным способом (все мужчины полигамны по своей природе) [9].

Конфликт играл и играет важную роль в жизни общества и в жизнедеятельности организации. В этой связи неудивительно, что изучение конфликтов - тема, которая привлекает внимание многих ученых. В психологии имеются значительные традиции в изучении конфликтов. Большой теоретический и эмпирический материал, накопленный за почти столетний период, отражается в многообразии подходов и теоретических платформ. Можно условно выделить 2 этапа в истории изучения конфликта: начала XX века - 50-е гг.; конец 50-х гг. - настоящее время. Основанием различия служит степень выделения проблемы конфликта из ряда других проблем, рассматриваемых психологией. В первой половине века конфликт не выделялся в отдельный объект исследования, а рассматривался как составная часть более широких концепций (например, в психоанализе или социометрии). Психологов интересовали либо последствия конфликтов, либо некоторые из причин, приводящие к нему, но не сам конфликт как центральное звено исследования.

На рубеже 50-х — 60-х годов появляются исследования, где научный интерес психологов обращен непосредственно к этому феномену. Выделяются основные подходы, разрабатывается понятийный аппарат психологической теории конфликта

Конфликт - это осознаваемое противоречие, которое характеризуется противоборством конфликтующих сторон. Конфликты возникают на почве противоположности интересов, социальных установок и направленности личностей, вовлеченных в конфликт людей.

В данной статье мы приведем фрагмент экспериментального исследования взаимосвязи психологической защиты и стратегий поведения в ситуации конфликта на материале российской выборки. Экспериментальную выборку составили 110 человек в возрасте от 17 до 21 лет.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в обращении В.В. Бойко.
2. Опросник диагностики типологий психологической защиты (Р. Плутчик в адаптации Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой и др.).
3. Тест К. Томаса для определения личностной предрасположенности к конфликтному поведению (адаптация Н.В. Гришиной).

Обработка результатов экспериментального исследования осуществлялась с помощью программы статистической обработки «SPSS 13.0» (использовались непараметрический коэффициент корреляции рангов Спирмена).

Для расчета корреляционных связей мы выбрали критерий r - Спирмена, так как признаки измерены в ранговой шкале, т.к. наши распределения признака по шкалам отличаются от нормального и поэтому мы использовали непараметрические методы.

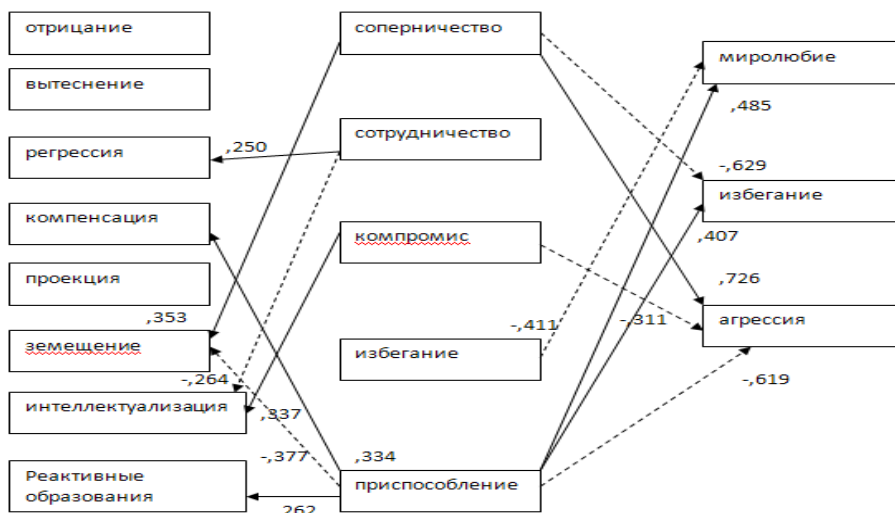

Рисунок 1 - Корреляционная плеяда по итогам исследования

Корреляционный анализ позволил выделить значимые связи между внутренними психологическими защитами и типами стратегий проявляемых в конфликтных ситуациях. Анализ корреляционной плеяды обнаружил следующее: плотность связей 14 на 1% уровне значимости, в корреляционной структуре зафиксирована 8 положительная связь (прямо пропорциональная зависимость) и 6 отрицательных связей (обратно пропорциональная зависимость), что свидетельствует о высокой выраженности взаимосвязи психологических защит и стратегий конфликтного поведения личности. В данной работе мы описываем только связи на 1% уровне значимости. На рис. 1 представлена структура, отражающая совокупность результатов исследования двух циклов экспериментальной работы.

Были выявлены положительные корреляции между:

- уровнем типа конфликтного поведения «соперничество» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «агрессия». ($r=0.72$, $p<0.01$). Инстинкт агрессии тесно связан с конфликтными ситуациями, т.е. человек соперничая за удовлетворения своих потребностей «идет по головам» используя агрессию. С увеличением угрозы для субъективной реальности личности ее агрессия возрастает.

- уровнем типа конфликтного поведения «приспособление» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «миролюбие». ($r=0.48$, $p<0.01$). Т.е. умение идти на компромисс, делать уступки и быть податливым, готовность жертвовать некоторыми своими интересами во имя главного- сохранения достоинства.

- уровнем типа конфликтного поведения «приспособление» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «избегание». ($r=0.40$, $p<0.01$). Т.е. человек заставляет себя обходить острые углы в общении и конфликтные ситуации, умеет вовремя сказать себе: «не возникай со своим Я».

- уровнем типа конфликтного поведения «соперничество» и таким типом психологической защитой, как «замещение». ($r=0.35$, $p<0.01$). Действие этого защитного механизма проявляется в разрядке подавленных эмоций (как

правило, враждебности, гнева). Например, открытое проявление ненависти к человеку, которое может вызвать нежелательный конфликт с ним, переносится на другого, более доступного и неопасного. Т.е. человек удовлетворяет свои потребности в конфликте в ущерб другому.

- уровнем типа конфликтного поведения «компромисс» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «интеллектуализация». Этот защитный механизм часто обозначают понятием «рационализация». ($r=0.33$, $p<0.01$) Т.е. человек в конфликте избирает компромисс и пытается найти логические основания поведения и решения проблемы.

- уровнем типа конфликтного поведения «приспособление» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «компенсация». ($r=0.33$, $p<0.01$). Т.е. не учитывая свои интересы (себе в ущерб) человек в конфликте пытается подстроиться под сложившуюся ситуацию.

- уровнем типа конфликтного поведения «сотрудничество» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «регрессия». ($r=0.25$, $p<0.01$). При этой форме защитной реакции личность, подвергающаяся действию фрустрирующих факторов, заменяет решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившихся ситуациях.

- уровнем типа конфликтного поведения «приспособление» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «реактивное образование». ($r=0.26$, $p<0.01$). Личность предотвращает выражение неприятных или неприемлемых для нее мыслей, чувств или поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Иными словами, происходит как бы трансформация внутренних импульсов в субъективно понимаемую их противоположность. Например, жалость или заботливость могут рассматриваться как реактивные образования по отношению к бессознательной черствости, жестокости или эмоционального безразличия.

Обнаружены отрицательные корреляции между:

- уровнем типа конфликтного поведения «соперничество» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «избегание». ($r=-0.62$, $p<0.01$): чем больше соперничество у человека, тем меньше он уходит от острых углов в общении, он кидается в них с головой.

- уровнем типа конфликтного поведения «приспособление» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «агрессия». ($r=-0.61$, $p<0.01$): чем больше человек подстраивается под конфликтную ситуацию, тем меньше он выказывает агрессию на соперника.

- уровнем типа конфликтного поведения «избегание» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «миролюбие». ($r=-0.41$, $p<0.01$): чем больше человек избегает конфликтных ситуаций, тем меньше он находится с собой в гармонии и ему приходится ужимать свои интересы.

- уровнем типа конфликтного поведения «приспособление» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «замещение». ($r=-0.37$, $p<0.01$): чем больше человек подстраивается под конфликтную ситуацию, тем меньше он переносит свою агрессию на другого человека.

- уровнем типа конфликтного поведения «компромисс» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «агрессия». ($r=-0.31$, $p<0.01$): чем больше человек ищет компромисс в конфликтной ситуации, тем

меньше он вызывает агрессию на окружающих и ищет логически верное решение.

- уровнем типа конфликтного поведения «соперничество» и такой доминирующей стратегией психологической защитой, как «интеллектуализация». ($r=-0.26$, $p<0.01$): чем больше личность пытается противостоять обстоятельствам, тем меньше он накладывает логику и рационализацию на стрессовую ситуацию.

Таким образом, результаты экспериментального исследования позволяют выявить особенности коррелятов психологических защит личности и стратегий конфликтного поведения. В результате корреляционного анализа было выявлено, что типу конфликтного поведения «соперничества» соответствует стратегия психологической защитой «агрессия», т.е., у юношей при интимно-личностном общении и взаимодействии с другими людьми повышается степень агрессивного поведения, если они применяют конкуренцию и противоборство. А при использовании компромисса и приспособления у молодых людей проявление агрессии минимизируется, они пытаются подстроиться под сложившуюся ситуацию, пытаются найти логические основания поведению и решению проблем.

Библиографический список:

1. Журбин В.И. Понятие психологической защиты в концепциях З.Фрейда и К.Роджерса / В.И. Журбин // Вопросы психологии. — 1990. — №4. — С. 14–23.
2. Ильин Г.А. Причины неприятия психоанализа // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба. Т.14. 1985 / А.Г. Ильин. — С.419–428.
3. Киришбаум Э. И., Еремеева А. И. Психологическая защита / Э.И. Киришбаум, А.И. Еремеева. — М.: Смысл, 2005. — 176 с.
4. Краткий психологический словарь Сост. Л.А. Карапенко; под общ. Ред. Петровского А.В., Ярошевского М.Г. — М.: Политиздат, 1985. — 431 с.
5. Маликова Т.В., Михайлов Л.А., Соломин В.П. Психологическая защита: направления и методы / Т.В. Маликова, Л.А. Михайлов, В.П. Соломин. — СПб.: Речь, 2008. — 231 с.
6. Муравьева Н.В. Язык конфликта / Н.В. Муравьева. — М.: МЭИ, 2002. — 264 с.
7. Парфенова З.А. Психологическая защита / З.А. Парфенова. — Новосибирск: СибАГС, 2000. — 240 с.
8. Райгородский Д.Я. Самосознания и защитные механизмы личности / Д.Я. Райгородский. — Самара: БАХРАХ-М, 2006. — 656 с.
9. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методика и тесты. Учебное пособие/ Д.Я. Райгородский. - Самара. 2002. - 672 с.
10. Романова Е.С. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика / Е.С. Романова. — Мытищи: Талант, 1996. — 144 с.
11. Томас Шеллинг Стратегия конфликта / пер. с англ. Даниловой Т. Под ред. Ю. Кузнецова // Томас Шеллинг. — М.: ИРИСЭН, 2007. — 366 с.
12. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы / А. Фрейд. — М.: Педагогика, 1993. — 58 с.
13. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы / А.Фрейд. — М.: Педагогика, 1993. — 58 с.

E.S. Kizurova

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies O.A. Shamshikova*

EMPTINESS EXPERIENCE AS A SEMANTIC CONSTRUCT OF LONELINESS

In the article the theoretical analysis on a problem of relationship of subjective loneliness perception and emptiness experience is presented. The author, being based on the theoretical analysis of literature, carries out operational evaluation of the phenomenon «emptiness experience» and verifies it in an experimental research.

E.C. Kizurova

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель О.А. Шамшикова*

ПЕРЕЖИВАНИЕ ПУСТОТЫ КАК СМЫСЛОВОЙ КОНСТРУКТ ОДИНОЧЕСТВА

В статье представлен теоретический анализ по проблеме соотношения субъективного восприятия одиночества и переживания пустоты. Автор, основываясь на теоретическом анализе литературы, осуществляет операционализацию феномена «переживание пустоты» и верифицирует его в экспериментальном исследовании.

Становление современного российского общества сопровождается процессами взаимного отчуждения людей, нарастанием одиночества, что не может не сказываться на увеличении количества людей, испытывающих психологические трудности. Однако исследователи отмечают, что если первоначально проблема одиночества рассматривалась как проблема общения, межличностного взаимодействия, то в последние годы 20-го века стало очевидным, что одиночество связано не столько с особенностями общения, сколько со свойствами личности [19].

Одиночество является сложным и противоречивым феноменом развития личности. Оно, подчас, связано с деформацией различных отношений личности и, в этом случае сопровождается осознанием или ощущением не просто чуждости мира, но и невозможности занять в нем более или менее устойчивое положение. То есть, одиночество затрудняет процесс успешного вхождения личности в широкий контекст социальных отношений, а дефицит чувства общности ведет к недоразвитию конструктивных отношений с миром. Кроме того, одиночество нарушает развитие мотивационной сферы личности (потребностей, стремлений, чувств) и, в целом, препятствует полноценному развитию психики и личности. Известно, однако, что одиночество – это и феномен, позволяющий погрузиться в личностную рефлексивную, в размышления о важнейших проблемах смысла, оно несет в себе возможность глубокого духовного развития личности.

Обобщая положения некоторых психоаналитических теорий (З. Фрейд, Дж. Зилбург, Г. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман) можно сказать, что одиночество расценивается в этой психологической парадигме как состояние отрицательное, уходящее корнями в детство [12].

Подход К. Роджерса [14] мало обращает внимания на ранние детские воспоминания, считая, что одиночество вызвано текущими влияниями, которые испытывает личность. К. Роджерс полагает, что общество вынуждает индивида

действовать в соответствии с социально оправданными, ограничивающими свободу действия образцами. Это ведет к противоречию между внутренним истинным «Я» индивида и проявлениями «Я» в отношениях с другими людьми.

Р.С. Вейс [1] выделил два типа одиночества: эмоциональное и социальное. Первое является результатом отсутствия такой тесной интимной привязанности. Социальное же одиночество является результатом отсутствия значимых дружеских связей или чувства общности, что может выражаться в переживании тоски и чувстве социальной маргинальности.

Когнитивный подход (Л.Э. Пепло) предполагает, что одиночество наступает в том случае, когда индивид воспринимает несоответствие между двумя факторами - желаемым и достигнутым уровнем собственных социальных контактов [12].

Экзистенциальная психология (И. Ялом, К. Мустакас) тесно связана с экзистенциальной философией, которая рассматривает одиночество как неизбежную составляющую бытия человека [12].

Анализ научных трудов и исследований позволил сделать заключение, что в настоящий момент не существует единой точки зрения на его природу, этиологию и специфику переживания. Под одиночеством мы будем понимать переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму самосознания и показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности [15].

Наиболее сложным и мало изученным феноменом, сопровождающим одиночество, является переживание пустоты. Данный психологический феномен неоднократно привлекал внимание многочисленных исследователей (В. Франкл, Д. Винникот, Ж. Лакан, Х. Кохут, О.Ф. Кернберг, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Роджерс, Р. Мэй и др.) [18].

В литературе отмечается, что в зависимости от различных факторов, переживание пустоты может проявляться как эпизодическое, кратковременное и как тотальное явление, охватывающее всю личность человека, причиняя ему большие страдания. При глубокой психопатологии переживание пустоты является тяжелым симптомом деперсонализации личности, которая ощущается как потеря своего внутреннего мира, отчуждение от самого себя [24]. В этом случае сильно затрудняется социальная, профессиональная и индивидуальная актуализация человека. Переживание пустоты лежит в основе различных форм антисоциального поведения, наркотической и алкогольной зависимости.

Таким образом, переживание пустоты является не только проблемой индивидуальной жизни личности, но и находит свое отражение на социальном уровне, приобретая все более широкое распространение в современном мире [18].

В рамках данной статьи мы представим экспериментальное исследование феномена «переживание пустоты» как смыслового конструкта одиночества. Экспериментальной базой исследования служили Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ) и ДООУ «Созвездия» при МОУ СОШ №12 города Новосибирска. Экспериментальная выборка составила 137 человек. Из них 100 человек в возрасте 18-25 лет (14 юношей и 86 девушек) и 37 человек в возрасте от 25 до 40 лет (20 женщин и 17 мужчин).

В эмпирическом исследовании феномена «переживание пустоты» как смыслового конструкта одиночества нами использовались следующие

методики:

1. «Шкала одиночества» Д. Рассела [13,с. 206].

2. «Уровень социальной изолированности личности» Д. Рассела и М. Фергюссона [20, с. 63].

3. «Накопление эмоционально-энергетических зарядов, направленных на самого себя» В.В. Бойко (в модификации Е.П. Ильина) [4, с. 357].

4. «Торонтская алекситимическая шкала» Г. Дж. Тэйлора (в адаптации Д. Ересько, Г. Исуриной, Э. Карповой, Т. Корепановой, Г. Крыловой, А. Тархан, Е. Чехлатого, В. Шифрина) [9, с. 78-80].

5. «Акцентуации личности» К. Леонгарда – Х. Шмишека (в модификации Ю.В. Кортневой) [9, с. 101-106].

6. «УСК» (уровень субъективного контроля) Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда) [9, с. 114-118].

7. «Индекс жизненного стиля» Р. Келлермана – Г. Плутчика – Х. Конте (в адаптации Л.И. Вассермана) [9, с. 120-124].

8. Полуструктурированное интервью «Семантика переживания пустоты» [24] для выявления представлений о переживании пустоты, ее видах (локализации) и причинах появления, сопутствующих эмоциональных состояниях. Методика состоит из закрытых и открытых вопросов и отражает такие смысловые конструкты как «Пустая жизнь», «Пустой человек», «Пустое время»; содержит вопросы, направленные на выявление ассоциативного ряда, возникающего при наиболее частых сопутствующих эмоциональных состояниях при переживании пустоты.

В экспериментальной части работы представлены 3 цикла исследования, которые осуществлялись в следующей последовательности:

1 цикл. Проводился семантический анализ психологического феномена «переживание пустоты» методом контент-анализа.

2 цикл. Выявлялось содержательное наполнение гипотетического конструкта «переживание пустоты» с использованием полуструктурированного интервью «Семантика переживания пустоты» О.А. Шамшиковой [24]. Проводился корреляционный анализ с использованием χ^2 – Пирсона для номинативных данных, образованных между ответами на пункты полуструктурированного интервью.

3 цикл. Велся поиск существенных взаимосвязей между субъективным восприятием одиночества и личностными характеристиками испытуемых методом корреляционного анализа r_s – Спирмена. В завершении проводился сравнительно-сопоставительный анализ полученных данных, отражающих соотношение субъективного восприятия одиночества и переживания пустоты с использованием χ^2 – Пирсона для номинативных данных.

В результате анализа результатов полуструктурированного интервью «Семантика переживания пустоты» было обнаружено, что

1) наиболее распространенными эмоциональными состояниями, сопровождающими переживание пустоты, являются грусть/печаль/уныние (27%), переживание утраты (18%), скука/апатия (16%), одиночество (15%), бессмысленность и бесцельность (14%).

2) наиболее распространенными причинами, с которыми связывают появление пустоты, являются неудовлетворительные отношения с людьми (34%), одиночество (25%), жизненные трудности (16%), скука (11%).

3) смысловой конструкт «Пустой человек» для большинства опрошенных респондентов означает «без смысла/цели» (26%), негативные черты (25%), «несчастный» (21%), «одинокий» (14%), «без души/мертвый» (9%).

4) смысловой конструкт «Пустое время» для большинства опрошенных респондентов означает «без пользы/смысла/зря» (32%), «безделье» (28%), «грустное» (21%), «скучное» (17%).

5) смысловой конструкт «Пустая жизнь» для большинства опрошенных респондентов означает «без смысла/цели/результатов» (29%), «неинтересная» (27%), «одинокая» (22%), «несчастливая» (19%).

Результатом второго цикла исследования стало обнаружение того, что переживание пустоты (разной степени интенсивности) знакомо 63% испытуемых (из них 67% испытывают пустоту иногда, 22% - часто, 6% - очень часто, 5% - постоянно).

Были обнаружены следующие корреляции между частотой переживания пустоты и личностными параметрами:

1. Между частотой переживания пустоты и уровнем контроля собственной жизни ($\chi^2 = 33,836, p < 0,01, n = 137$).

2. Между частотой переживания пустоты и ощущением, что собственная жизнь имеет смысл и цель ($\chi^2 = 62,401, p < 0,001, n = 137$).

3. Между частотой переживания пустоты и симпатией по отношению к большинству окружающих людей ($\chi^2 = 43,290, p < 0,001, n = 137$).

4. Между частотой переживания пустоты и положительной оценкой себя ($\chi^2 = 41,585, p < 0,001, n = 137$).

5. Между частотой переживания пустоты и ощущением одиночества ($\chi^2 = 29,709, p < 0,01, n = 137$).

6. Между частотой переживания пустоты и ощущением, что одиночество было и будет всегда ($\chi^2 = 32,246, p < 0,01, n = 137$).

7. Между частотой переживания пустоты и возрастом ($\chi^2 = 13,120, p < 0,05, n = 137$).

В ходе исследования испытуемые были дифференцированы на тех, кто описывает переживание пустоты как переживание «внутри себя» (74%), «вокруг себя» (21%) и «внутри и вокруг себя» (5%).

Были обнаружены следующие взаимосвязи между локализацией переживания пустоты и личностными параметрами:

1. Между локализацией пустоты и частотой ее переживания ($\chi^2 = 23,738, p < 0,01, n = 137$).

2. Между локализацией пустоты и полом ($\chi^2 = 11,299, p < 0,01, n = 137$).

3. Между локализацией пустоты и возрастом ($\chi^2 = 7,388, p < 0,01, n = 137$).

На третьем цикле исследования мы установили взаимозависимость уровня субъективного восприятия одиночества и уровня переживания пустоты ($\chi^2 = 23,431$ при $p < 0,001, n = 137$).

Для анализа и интерпретации полученной связи было предпринято исследование субъективного восприятия одиночества, позволяющее оценить степень взаимосвязи между субъективным восприятием одиночества и переживанием пустоты.

Анализ матрицы интеркорреляций позволил выявить 10 взаимосвязей, из них 9 прямо пропорциональных и 1 одна обратно пропорциональная (5 связей на 1% уровне значимости и 5 связей на 5% уровне значимости).

Были обнаружены следующие взаимосвязи:

1. Между переменными «одиночество» и «алекситимия» ($r = 0,456, p < 0,01, n = 137$).

2. Между переменными «одиночество» и «уровень эмоционально-энергетических зарядов, направленных на себя» ($r = 0,499, p < 0,01, n = 137$).

3. Между переменными «одиночество» и «уровень социальной изолированности» ($r = 0,868, p < 0,01, n = 137$).

4. Между переменными «одиночество» и «дистимичность» ($r = 0,372, p < 0,05, n = 137$).

5. Между переменными «одиночество» и «интернальность в производственных отношениях» ($r = -0,364, p < 0,01, n = 137$).

6. Между переменными «одиночество» и «вытеснение» ($r = 0,280, p < 0,05, n = 137$).

7. Между переменными «одиночество» и «регрессия» ($r = 0,286, p < 0,05, n = 137$).

8. Между переменными «одиночество» и «проекция» ($r = 0,395, p < 0,01, n = 137$).

9. Между переменными «одиночество» и «компенсация» ($r = 0,317, p < 0,05, n = 137$).

10. Между переменными «одиночество» и «рационализация» ($r = 0,363, p < 0,05, n = 137$).

Выводом проведенного исследования является установление того, что:

1. Переживание пустоты в пределах психической нормы является довольно распространенным психологическим феноменом: разный уровень переживания пустоты встречается у 63% выборки. Переживание пустоты является сложным и негативным переживанием и рассматривается как нарушение целостности личности. Обобщая представленный материал, можно обозначить две группы представлений и взглядов на природу данного феномена в душевной жизни людей. Одна группа авторов рассматривает переживание пустоту как некое естественное, изначально заданное свойство человеческой психики. Эта позиция отражает представления об изначальной нецелостности человека, где жизненный процесс раскрывается в динамике и борьбе сменяющих друг друга противоположных состояний, эмоциональный фон которых может быть негативно или позитивно окрашен. Другая группа авторов рассматривает переживание пустоты как нарушение, обусловленное опытом прошлого, что в конечном итоге и определяет интенсивность, продолжительность и глубину этого переживания. В ходе исследования установлено, что:

1) среди наиболее распространенных эмоциональных, сопровождающих переживание пустоты, были выделены грусть, тоска, чувство утраты, скука, одиночество;

2) основные причины переживания пустоты содержат сообщение о потере или отсутствии внешних объектов - близких людей. Среди наиболее значимых причин, наряду с одиночеством, были выделены такие как одиночество, жизненные трудности, скука;

3) интерпретации таких смысловых конструкторов как «пустой человек», «пустое время», «пустая жизнь» в основном носили негативный оттенок и указывали на отсутствие событий, явлений, смысла;

4) люди, переживающие пустоту, в большей степени страдают отсутствием смыслов и цели, считают себя одиночками, неспособными управлять собственной жизнью и в меньшей степени положительно оценивают себя и окружающих, чем те, кому переживание пустоты мало знакомо;

5) с увеличением возраста снижается частота переживания пустоты. В возрастном диапазоне 18-25 лет пустота переживается чаще, чем в 25-40;

6) локализация переживания пустоты имеет свою специфику в зависимости от частоты ее переживания, пола и возраста. Люди, переживающие пустоту, в большей степени склонны описывать как пустоту «внутри», чем те, кто с ней не сталкивается. И мужчины, и женщины чаще переживают пустоту внутри, чем вовне. Однако в группе людей, переживающих пустоту «внутри» доля женщин достоверно больше чем доля мужчин, соответственно в группе «вовне» доля мужчин больше, чем доля женщин. С возрастом частота переживания пустоты внутри снижается, пустота вовне - напротив, переживается тем чаще, чем старше становится человек.

2. Одиночество и переживание пустоты рассматриваются как нехватка определенного элемента действительности, отсутствие чего-то желаемого, но недостигнутого личностью. При увеличении уровня субъективного восприятия одиночества возрастает уровень переживания пустоты. Одиночество имеет взаимосвязи с такими характеристиками личности как алекситимия, механизмы психологической защиты (вытеснение, регрессия, проекция, компенсация, рационализация), уровень эмоционально-энергетических зарядов, направленных на себя, уровень социальной изолированности, дистимичность, интернальность. Взаимосвязь одиночества и пустоты обусловлена сферой их влияния на личность: сферой межличностного взаимодействия, эмоциональной и волевой сферами. Однако, исследование подтверждает, что переживание пустоты связано с отсутствием или деформацией смыслов (что доказывают семантический и корреляционный анализы). Можно сказать, что смысл определяет способность человека расценивать свою жизнь, как нечто важное и уникальное, помогают реализации потенциала и направляют всю деятельность человека. Люди, не имеющие подобного ориентира, расценивают собственную жизнь как череду событий, не связанных с их желаниями. Смысл в контексте гуманистической и экзистенциальной психологии представлен как всеобъемлющий, постоянно изменяющийся и никогда не исчезающий феномен, постигаемый человеком на протяжении жизни. Он наделяется свойствами отражения индивидуально избирательного отношения, как к внешнему, так и внутреннему миру человека. Центрируясь на самом человеке, на его внутреннем мире, на его отношении к событийной ситуации, экзистенциально – гуманистическое направление рассматривает категорию «смысл» как основополагающую в понимании сущности человека. Утрата человеком этого феномена может привести к «экзистенциальному вакууму», по В. Франклу [21], то есть явиться причиной переживания пустоты.

В целом, наше исследование позволило раскрыть семантику феномена «переживания пустоты», выявить содержательное наполнение данного конструкта и установить взаимосвязь между одиночеством и переживанием пустоты, что позволяет нам рассматривать переживание пустоты как смысловой конструкт одиночества.

Библиографический список

1. Вейс, Р.С. Вопросы изучения одиночества / Р.С. Вейс – М.: Прогресс, 1989. – С.114–128.
2. Винникот, Д. Переходные объекты и переходные явления: исследование первого «не-я» предмета / Д. Винникот // Антология современного психоанализа. Т.1. - М.; ИП РАН, 2000. – 560 с.

3. Винникот, Д. Способность к одиночеству / Д. Винникот // Антология современного психоанализа. Т.1. – М.: ИП РАН, 2000. – 560 с.
4. Ильин, Е.П. Психофизиология состояний человека / Е.П. Ильин — СПб.: Питер, 2005. — 412 с.
5. Кернберг, О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегия психотерапии / О.Ф. Кернберг. – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 464 с.
6. Кохут, Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Х. Кохут – М.: Когито-центр, 2003.– 368 с.
7. Лабиринты одиночества / под ред. Н.Е. Покровский. – М.: Прогресс. – 1989. – 624 с.
8. Лакан, Ж. Семинары, Книга II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / Перевод А. Черноглазова / Ж. Лакан. – М.: Издательство «Гнозис», 1999. – 520 с.
9. Малкина – Пых, И.Г. Психосоматика / И.Г. Малкина – Пых. – М.: Эксмо, 2008. – 1024 с.
10. Малыгина, С.В. Семейные факторы формирования алекситимии / С.В. Малыгина // Журнал практической психологии и психоанализа. – М. – 2004, №5. – С. 23-38.
11. Мэй, Р. Открытие бытия / Р. Мэй – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 224 с.
12. Пепло, Л.Э. Теоретические подходы к одиночеству / Л.Э. Пепло, Д. Перлман. – М.: Прогресс, 1989. – С.152–168.
13. Рассел, Д. Измерение одиночества / Д. Рассел. – М.: Прогресс, 1989. – С.192–226.
14. Роджерс, К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К.Р. Роджерс. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
15. Садлер, У. А. От одиночества к аномии / У.А. Садлер, Т.Б. Джонсон. – М.: Прогресс, 1989. – С.21–51.
16. Салливан, Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии = The interpersonal theory of psychiatry / Г.С. Салливан; пер. с англ. О. Исаковой. – СПб: ЮВЕНТА; М: КСП+, 1999. – 347 с.
17. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб: Речь, 2007. – 350 с.
18. Соколов, С. Е. Человек в пустоте, пустота в человеке / С.Е. Соколов // Вестник психотерапии. – СПб.: 2006. – № 16 (21) – С. 136-147
19. Тихонов, Г.М. Феномен одиночества: опыт философско-социологического анализа: Автореф. дис. ...канд. психол. наук / Г.М. Тихонов. – Екатеринбург, 1992. – 19 с.
20. Фетискин, Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М: Институт Психотерапии, 2002. – 490 с.
21. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
22. Фрейд, З. Скорбь и меланхолия / З. Фрейд // Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – С.252– 259.
23. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
24. Шамшикова, О.А. О некоторых аспектах аффективной и нарциссической регуляции, психической травмы и переживании пустоты / О.А. Шамшикова. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006 – С.49–60.

E.N. Levshunova, V.S. Epova
Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies O.A. Shamshikova

ALEXITHIMIC CORRELATES OF PSYCHOSOCIAL PERSONAL ADAPTATION

In the article the results of the correlated research of alexithimic displays and psychosocial adaptation of the person are presented; type and quality of interrelations between variables in connection with growth of alexithimic sign are discussed.

Е.Н. Левшунова, В.С. Эпова
Новосибирский государственный педагогический университет, г.Новосибирск
Научный руководитель О.А. Шамшикова

АЛЕКСИТИМИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи алекситимических проявлений и социально-психологической адаптации личности; обсуждаются конфигурация и качество взаимосвязей между переменными в связи с нарастанием алекситимического признака.

В настоящее время все большее внимание специалистов привлекает проблема, связанная с адаптационными ресурсами человека, как субъекта деятельности, общения и познания. Научная и практическая актуальность проблемы социально-психологической адаптации и алекситимических проявлений личности заключается в том, что современное общество заинтересовано сохранить и улучшить здоровье человека, помочь ему развить свой потенциал. Нестабильность социальных процессов предъявляет повышенные требования к личности, которой приходится учитывать внешне обусловленные социальные требования, то есть изменяться, сохраняя при этом основополагающие собственные внутренние установки и убеждения, – другими словами, оставаться в относительно устойчивом равновесии. Достижение этого равновесия и будет свидетельствовать об успешной социально-психологической адаптации. Недооценка важности и действенности эмоциональной стороны жизни, ее игнорирование приводят к ослаблению и потере эмоционального здоровья, что в свою очередь приводит к серьезным неблагоприятным последствиям для психологического и физического здоровья и для качества жизни в целом. Одним из таких последствий, по мнению некоторых авторов, является алекситимия.

Алекситимия – неспособность субъекта называть эмоции, переживаемые им самим или другими, то есть переводить их в вербальный план. Явление описано Сифнеосом Р.Е в 1967г. и рассматривалось им как предпосылка развития психосоматических заболеваний [4].

Согласно имеющимся в литературе описаниям, для лиц с алекситимией характерно особое сочетание эмоциональных, когнитивных и личностных проявлений. Эмоциональная сфера подобных личностей отражает неспособность к распознаванию и точному описанию собственного эмоционального состояния и эмоциональных состояний других людей. Иначе говоря, основу дефекта составляет невозможность дифференцировать эмоции и вербализировать их [3;4]. Алекситимия рассматривается чаще всего в рамках

психиатрии и психопатологии. В нашем исследовании экспериментальная выборка состоит из студентов, поэтому мы будем говорить не столько об алекситимии, сколько об алекситимических проявлениях личности в пределах психической нормы.

Социально-психологическая адаптация зависит от умения личности ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия [8;9]. Нарушения в эмоциональной сфере, выражающиеся в трудности дифференциации и вербализации собственных эмоций и эмоций других людей, то есть алекситимические проявления, понижают способность человека устанавливать межличностные контакты, мешают их личностному развитию, в целом, приводят к снижению социально-психологической адаптации.

В рамках данной статьи мы представим некоторые фрагменты экспериментального исследования взаимосвязи алекситимических проявлений и социально-психологической адаптации личности. Анализ литературных источников по обозначенной проблеме позволил сформулировать гипотезу, имеющую следующее допущение: существует взаимосвязь между алекситимическими проявлениями личности и характеристиками социально-психологической адаптации.

В исследовании использовался следующий комплекс методов: теоретический анализ литературных источников по исследуемой проблеме, квазиэксперимент, опрос, тестирование, психологический анализ алекситимических коррелятов социально-психологической адаптации личности; математические методы – описательной статистики (группировка данных по их значениям, оценка центральной тенденции распределения исследуемого признака) и индуктивной статистики (корреляционный анализ гс-Спирмена, метод корреляционных плеяд Терентьева П.В., критерий U-Манна – Уитни, H - критерия Крускала – Уоллиса).

Математическая обработка полученных данных проводилась с использованием компьютерной программы SPSS 13.0. Достоверность полученных результатов не ниже 5 % уровня значимости.

В работе применялись следующие методики: для определения уровня алекситимии использовалась «Торонтская алекситимическая шкала», апробированная в Санкт-Петербургском институте им. В.М. Бехтерева [11, с.153 – 156]; методика В.В. Бойко «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» [10, с.166 – 167]; «Шкала дифференциальных эмоций» Л.П. Ротина [1, с.495 – 496]; методика К. Роджерса, Р. Даймонда «Диагностика социально-психологической адаптации» [10, с.158 – 162].

Экспериментальную выборку составили 180 человек с неполным высшим образованием, в возрасте от 18 до 22 лет, студенты очного отделения факультета радиотехники, электроники и физики Новосибирского государственного технического университета.

Дифференциация выборки осуществлялась по выраженности алекситимического признака по Торонтской алекситимической шкале на три группы:

- экспериментальная группа 1 (ЭГ-1) – высокий уровень выраженности алекситимического признака (N1=46) – от 74 до 130 баллов;

- экспериментальная группа 2 (ЭГ-2) от 63 до 73 баллов – средний уровень выраженности (N2=57);
- экспериментальная группа 3 (ЭГ-3) – низкий уровень выраженности (N3=77) – от 62 до 26 баллов.

С помощью сформированного нами банка методик последовательно проводилась диагностика испытуемых, а затем рассчитывалась достоверность различий в уровне выраженности исследуемых признаков между испытуемыми по трем экспериментальным группам, которая оценивалась с помощью Н - критерия Крускала – Уоллиса. Выявлены значимые различия по девятнадцати из тридцати двух параметров при p меньше 0,05. В таблице 1 представлены значимые различия при p меньше 0,01.

Дополнительно для оценки достоверности различий между выборками по уровню измеряемого признака рассчитан U - критерия Манна – Уитни. Расчет производился при попарном сравнении трех экспериментальных групп.

Таблица 1 – Расчет достоверности различий по Н - критерию Крускала – Уоллиса

Параметр	Статистика Н Крускала – Уоллиса	Уровень Значимости	Значимые различия
Адаптация	24,7	0,001	Значимо
Самопринятие	24	0,001	Значимо
Эмоциональный комфорт	21,7	0,001	Значимо
Интернальность	24	0,001	Значимо
Неумение управлять своими эмоциями	20,6	0,001	Значимо
Негибкость, неразвитость эмоций	37	0,001	Значимо
Нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе	18,3	0,001	Значимо
Радость – эмоциональная черта	14,1	0,001	Значимо
Горе – эмоция	21	0,001	Значимо

Расчеты достоверности различий с помощью U - критерия Манна – Уитни для ЭГ-1 и ЭГ-2 представлены в таблице 2. Выявлены значимые различия по девяти из тридцати двух при p меньше 0,05.

Таблица 2 – Расчет достоверности различий с помощью U – критерия Манна - Уитни для ЭГ-1 и ЭГ-2

Параметр	Статистика U Манна-Уитни	Уровень Значимости	Значимые различия
Адаптация	795,5	0,001	Значимо
Самопринятие	797	0,001	Значимо
Принятие других	946,5	0,016	Значимо
Эмоциональный комфорт	789	0,001	Значимо
Интернальность	850,5	0,002	Значимо
Неумение управлять своими эмоциями	857,5	0,002	Значимо
Нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе	915,5	0,007	Значимо
Интерес – эмоциональная черта	975,5	0,023	Значимо
Радость – Эмоциональная черта	882,5	0,004	Значимо

Расчеты достоверности различий с помощью U - критерия Манна – Уитни для ЭГ-1 и ЭГ-3 при p меньше 0,01 представлены в таблице 3.

Выявлены значимые различия по двадцати из тридцати двух параметров при p меньше 0,05.

Таблица 3 – Расчет достоверности различий с помощью U - критерия Манна – Уитни для ЭГ-1 и ЭГ-3

Параметр	Статистика U Манна-Уитни	Уровень значимости	Значимые различия
Адаптация	892	0,001	Значимо
Самопринятие	876	0,001	Значимо
Эмоциональный комфорт	929,5	0,001	Значимо
Интернальность	901	0,001	Значимо
Неумение управлять своими эмоциями	1017	0,001	Значимо
Негибкость, неразвитость эмоций	725,5	0,001	Значимо
Доминирование негативных эмоций	1291	0,01	Значимо
Нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе	992,5	0,001	Значимо
Радость – эмоциональная черта	1112,5	0,001	Значимо
Интерес – эмоция	1157	0,001	Значимо
Горе – эмоция	1161,5	0,001	Значимо
Стыд – эмоциональная черта	1073,5	0,001	Значимо

Расчет достоверности различий с помощью U - критерия Манна – Уитни, сравнение ЭГ-2 и ЭГ-3. Результаты представлены в таблице 4.

Обнаружены значимые различия по тринадцати из тридцати двух исследуемых параметров при p меньше 0,05.

Таблица 4 – Расчет достоверности различий с помощью U - критерия Манна - Уитни для ЭГ-2 и ЭГ-3

Параметр	Статистика U Манна-Уитни	Уровень значимости	Значимые различия
Адаптация	1689	0,023	Значимо
Интернальность	1638,5	0,012	Значимо
Неумение управлять своими эмоциями	1457	0,001	Значимо
Негибкость, неразвитость эмоций	1373,5	0,001	Значимо
Интерес – эмоциональная черта	1757	0,044	Значимо
Удивление – эмоциональная черта	1723	0,032	Значимо
Горе – эмоция	1251,5	0,001	Значимо
Горе – эмоциональная черта	1646,5	0,013	Значимо
Отвращение – эмоция	1764	0,035	Значимо
Стыд – эмоция	1689	0,017	Значимо
Вина – эмоция	1715,5	0,025	Значимо

Таким образом, для испытуемых ЭГ-1 наиболее характерно проявление и доминирование негативных эмоций, таких как гнев, отвращение, презрение,

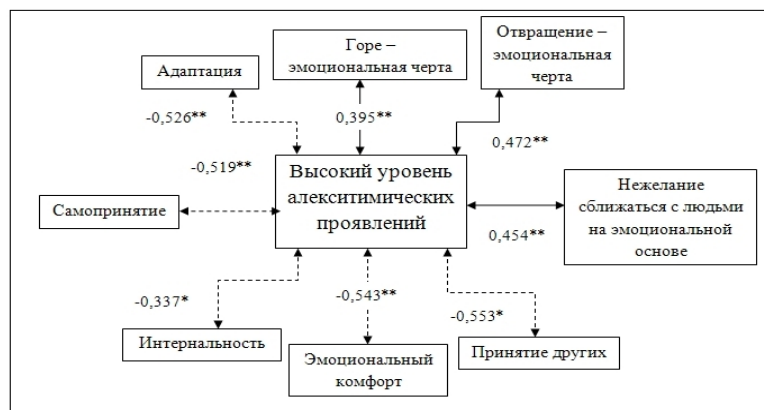
страх, стыд, вина. Для испытуемых данной группы также характерны следующие эмоциональные черты – горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. Эмоциональная сфера подобных личностей отражает неспособность к распознаванию и точному описанию собственного эмоционального состояния и эмоциональных состояний других людей. Возможно, что неспособность человека осознавать свои эмоции приводит к тому, что они вытесняются. Для этих личностей характерно проявление эмоциональных состояний, которые носят защитный характер, проявляющихся в виде гнева, отвращения и презрения [5;7]. Управление данными эмоциями представляет проблему для человека, а их нерегулируемое влияние на поведение и мышление может привести к нарушениям социально-психологической адаптации.

Испытуемым ЭГ-1 присуще удивление, как эмоциональная реакция, не имеющая четко выраженного положительного или отрицательного знака. Для данной группы переживание положительных эмоций несвойственно, они испытывают трудности в проявлении эмоций, не умеют управлять ими, в тоже время для них характерна незрелость эмоций, что является препятствием к установлению эмоциональных контактов.

Для испытуемых ЭГ-2 свойственно переживание горя как эмоции. Горе – эмоциональное переживание, связанное с полученной достоверной или кажущейся таковой информацией о невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей, которое до этого момента представлялась более или менее вероятным. Для ЭГ-3 характерно переживание интереса, который представляет собой «реакцию заинтересованности», несущей в себе положительный эмоциональный заряд, который направляет человека на приобретение нового опыта, знаний, умений. А также радости, которая способствует адекватному проявлению эмоций и установлению положительного эмоционального контакта [6]. Еще одной важной особенностью является переживание удивления. К. Изард утверждает, что основная функция удивления состоит в том, чтобы подготовить человека к эффективному взаимодействию с новым, внезапным событием и его последствиями. Таким образом, удивление ориентирует на познание и принятие другого человека, его психологических особенностей, аффективных переживаний.

Только для испытуемых ЭГ-3 наиболее характерно проявление радости как эмоции и эмоциональной черты. Радость – положительная эмоция, способствующая установлению дружеских контактов. Интерес – эмоция, ее можно рассматривать в качестве мотивации процессов внимания и восприятия, которая стимулирует и упорядочивает познавательную активность человека. Испытуемые данной группы в общении стремятся к доминированию, принимают себя и других, для них наиболее свойственна интернальность, то есть ориентация на то, что достижение жизненных целей зависит от себя самого.

В результате корреляционного анализа показателей для ЭГ-1 выявлено 8 взаимосвязей (3 – положительных, 5 – отрицательных), из них 7 при 1% уровне значимости и 1 при 5%. Результаты представлены на рисунке 1. В рамках данной статьи описаны взаимосвязи на 1% уровне значимости.

Примечание

←→ прямая зависимость ** - 1% уровень значимости
 ←---→ обратная зависимость * - 5% уровень значимости

Рисунок 1 - Корреляционная плеяда 1, ЭГ-1 (N=46)

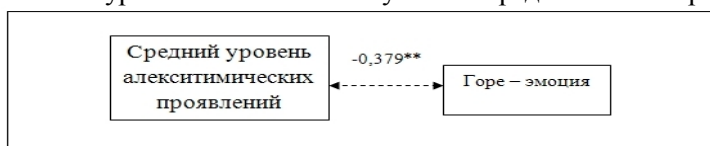
Корреляционный анализ показателей шкал, используемых методик, выявил: высокосignificant положительную умеренную связь между параметрами «высокий уровень alexитимических проявлений» и «горе – эмоциональная черта» ($r = 0,395$ при $p = 0,01$); «нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе» ($r = 0,454$ при $p = 0,01$); «отвращение – эмоциональная черта» ($r = 0,472$ при $p = 0,01$). Соответственно, чем выше уровень alexитимических проявлений личности, тем больше выражены нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе и такие эмоциональные черты, как горе и отвращение.

Корреляционный анализ показателей шкал, используемых методик, показал: высокосignificant отрицательную среднюю связь между переменными «высокий уровень alexитимических проявлений» и «адаптация» ($r = -0,526$ при $p = 0,01$); «самопринятие» ($r = -0,519$ при $p = 0,01$); «принятие других» ($r = -0,553$ при $p = 0,01$); «эмоциональный комфорт» ($r = -0,526$ при $p = 0,01$). Соответственно, чем выше уровень выраженности alexитимического признака, тем ниже уровень адаптации, эмоционального комфорта, самопринятия и принятия других.

Испытуемые ЭГ-1 стремятся оградить себя от эмоциональных контактов с другими людьми, поэтому для данной группы наиболее характерно проявление целого спектра негативных эмоциональных состояний, которые носят оборонительный защитный характер и проявляются в виде гнева, отвращения и презрения, а взаимодействуя друг с другом, образуют триаду враждебности [7]. Положительные эмоции им несвойственны. Постоянное переживание страдания, имеет приспособительное значение, которое вызывает со стороны окружающих сострадание и помощь, что объясняет пассивную жизненную позицию. Трудности в осознании собственных чувств создают атмосферу внутренней напряженности, что находит выражение в ощущении общего эмоционального дискомфорта. В связи с этим можно говорить о том, что при

высоком уровне алекситимического признака социально-психологическая адаптация значительно снижена.

В результате корреляционного анализа получена 1 отрицательная взаимосвязь на 1% уровне значимости. Результаты представлены на рисунке 2.

Примечание:

← --- ► обратная зависимость

** - 1% уровень значимости

Рисунок 2 - .Корреляционная плеяда 2, ЭГ-2 (N=57)

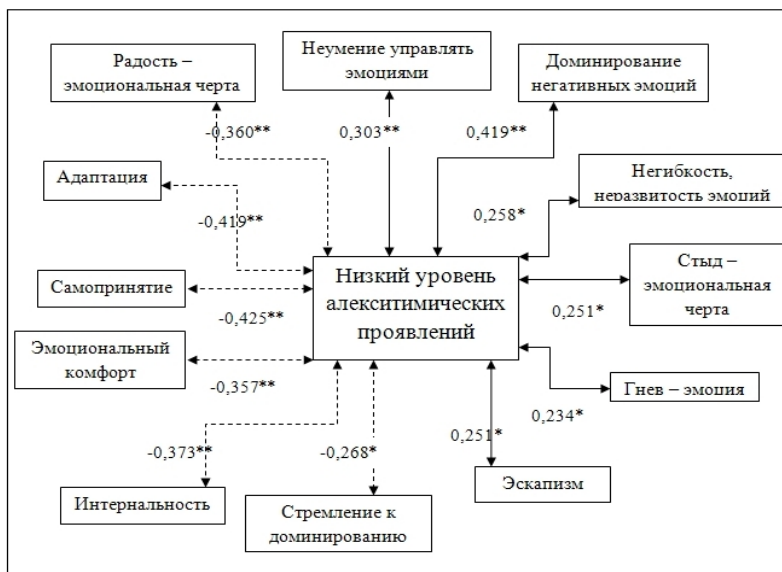
Корреляционный анализ показателей шкал, используемых методик, зафиксировал высокосignificant отрицательную умеренную связь между показателями «средний уровень алекситимических проявлений» и «горе – эмоция» ($r = -0,379$ при $p = 0,01$). Для испытуемых ЭГ-2 наиболее характерно переживание горя. В основе всех психологических причин горя лежит один общий фактор – ощущение потери ценного и любимого, того, к чему имела аффективная привязанность. Горе способствует укреплению социальных связей и групповой сплоченности, пробуждает сочувствие, укрепляет связь между людьми, понесшими утрату и поэтому имеет важное значение для социально-психологической адаптации. Таким образом, горе стимулирует способность человека понять чувства и переживания другого, увеличивает потребность в выражении своих чувств словами.

В результате корреляционного анализа показателей, используемых методик, получено 12 взаимосвязей (6 положительных и 6 отрицательных), из них 6 при 1% уровне значимости и 6 при 5%. Результаты представлены на рисунке 3.

Корреляционный анализ показателей шкал, используемых методик, выявил: высокосignificant положительную умеренную связь между параметрами «низкий уровень алекситимических проявлений» и «неумение управлять эмоциями» ($r = 0,303$ при $p = 0,01$); высокосignificant положительную умеренную связь между параметрами «низкий уровень алекситимических проявлений» и «доминирование негативных эмоций» ($r = 0,479$ при $p = 0,01$). Соответственно, чем выше уровень алекситимических проявлений личности, тем больше выражены, неумение управлять эмоциями и доминирование негативных эмоций.

Корреляционный анализ показателей шкал, используемых методик, зарегистрировал: высокосignificant отрицательную умеренную связь между переменными «низкий уровень алекситимических проявлений» и «адаптация» ($r = -0,419$ при $p = 0,01$); высокосignificant отрицательную умеренную связь между переменными «низкий уровень алекситимических проявлений» и «эмоциональный комфорт» ($r = -0,357$ при $p = 0,01$); высокосignificant отрицательную умеренную связь между переменными «низкий уровень алекситимических проявлений» и «радость – эмоциональная черта» ($r = -0,360$ при $p = 0,01$); высокосignificant отрицательную умеренную связь между переменными «низкий уровень алекситимических проявлений» и

«самопринятие» ($r = -0,425$ при $p = 0,01$); высокозначимую отрицательную умеренную связь между переменными «низкий уровень алекситимических проявлений» и «интернальность» ($r = -0,373$ при $p = 0,01$). Соответственно, чем ниже уровень алекситимических проявлений, тем выше уровень адаптации личности, эмоционального комфорта, самопринятия, интернальности и наиболее выражена такая положительная эмоциональная черта, как радость.

Примечание.

↔ прямая зависимость ** - 1% уровень значимости
 ← --- → обратная зависимость * - 5% уровень значимости

Рисунок 3 - Корреляционная плеяда 3, ЭГ-3 (N=77)

Для испытуемых ЭГ-3 характерны положительные эмоциональные состояния – интереса и радости, возникающие как результат успешной деятельности и предполагающие удовлетворенность самим собой и окружающим миром. Положительный эмоциональный настрой способствует быстрому установлению межличностных контактов в социуме, что благоприятствует эмоциональному комфорту личности. Таким образом, можно говорить о том, что чем ниже уровень алекситимических проявлений, тем выше социально-психологическая адаптация личности.

Сравнительно-сопоставительный анализ экспериментальных групп показал, что с нарастанием алекситимического признака снижается уровень социально-психологической адаптации.

Библиографический список

1. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2007. – 783 с.
2. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2008. – 464 с.
3. Калинин, В.В. Алекситимия, мозговая латерализация и эффективность терапии ксанаксом у больных паническим расстройством / В.В. Калинин // Соц. и клинич. психиатрия. – 1995. – № 5. – С.96–102.

4. Коростелева, И.С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств / И.С. Коростелева, В.С. Роттенберг // Телесность человека. – М.: Философское общество СССР, 1993. – С.25–40.
5. Кристал, Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия / Г. Кристал. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 800 с.
6. Крысько, В.Г. Социальная психология / В.Г. Крысько. – М.: Омега-Л, 2006. – 352 с.
7. Левшунова, Е.Н. Алекситимические корреляты эмоциональных состояний личности / Е.Н. Левшунова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №4. – С.150–154.
8. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности / А.А. Налчаджян. – Ереван: АН Армянская ССР, 1988. – 263 с.
9. Никулина, Д.С. Алекситимические проявления студентов вуза / Д.С. Никулина // Известия ТРТУ. – 2004. – № 6(4). – С.314–317.
10. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Институт Психотерапии, 2002. – 490с.
11. Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностика взрослых / Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2009. – 704 с.

УДК 159.928

N.V. Marysheva

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies N.M. Klepikova*

INTERRELATION OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND PSYCHOSOCIAL ADAPTATION

In the article the results of the research devoted to consideration of interrelation of emotional intelligence and psychosocial adaptation of the person are presented. The author considers qualitative structure of interrelations of integrated indexes of psychosocial adaptation and features of emotional intelligence depending on its developmental level.

H.B. Marysheva

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Н.М. Клепикова*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

В статье представлены результаты исследования, посвященного рассмотрению взаимосвязи эмоционального интеллекта и социально психологической адаптации личности. Автор рассматривает качественную структуру взаимосвязей интегральных показателей социально-психологической адаптации и характеристик эмоционального интеллекта в зависимости от уровня его развития.

Рост неопределенности и изменчивости современного мира обостряет проблему гармоничного соотношения внутреннего (эмоциональное здоровье) и внешнего (благоприятный коммуникативный статус) благополучия.

В условиях общественных преобразований значительные требования предъявляются к быстрому освоению навыков и умений, позволяющих быстро и адекватно адаптироваться, принимать решения со знанием дела, учитывая сложившуюся конъюнктуру; действуя по принципу «здесь, сейчас и наилучшим образом», извлекать максимум возможного из сложившихся обстоятельств [7].

Социально-психологическая адаптация подразумевает приспособленность человека к гармоничной жизнедеятельности в обществе, которая объединяет необходимость соответствовать требованиям социума и собственные потребности, мотивы, интересы [9]. Социально-психологическая адаптация характеризуется осознанием необходимости для личности постепенных изменений отношений с социальной средой через овладение новыми способами поведения, а также становлением новых приспособительных механизмов, ориентированных на гармонизацию отношения личности со средой.

Понятие «эмоциональный интеллект» (ЭИ) относится к той области исследований, в которой неоднократно совершается попытка научными средствами ответить на вопрос: «Существует ли взаимосвязь уровня развития эмоционального интеллекта и успешной жизнедеятельности личности?» [5].

Учёные, изучающие проблему ЭИ в контексте поставленного вопроса, исследовали следующие моменты: значение ЭИ для профессиональной деятельности (И. Андреева, 2004), роль и значение ЭИ в процессе межличностного взаимодействия (Д. Люсин, 2004), влияние ЭИ на формирование и проявление лидерских качеств (Д. Гоулман, 2005), функциональные характеристики ЭИ (Э. Носенко, Н. Коврига, 2003).

В современных психологических исследованиях подчёркивается актуальность для жизни и деятельности человека проблемы «воспитания чувств». Обуховский К. (2003) утверждает, что наряду с общей ориентацией в мире необходима также эмоциональная ориентация, которая заключается в способности непосредственно угадывать эмоциональные состояния других людей и непосредственно распознавать свои эмоциональные отношения с другими людьми. По мнению данного автора, существует чёткая зависимость функционирования индивида от точности его ориентации, в том числе и эмоциональной, которая особенно важна в период формирования личности [10].

Более эффективной ориентации индивида в мире эмоций и чувств способствует развитие ЭИ – способности действовать в соответствии со своими чувствами и желаниями, понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза [2].

Значение ЭИ для адаптации остается недостаточно ясным. Существующие исследования пока не позволяют дать однозначные ответы на вопрос о специфике взаимосвязи ЭИ и социально-психологической адаптации личности. В рамках данной статьи мы представим результаты нашего исследования – анализ качественной структуры взаимосвязей интегральных показателей социально-психологической адаптации и характеристик ЭИ в зависимости от уровня его развития.

Исходя из содержательных характеристик ЭИ и социально-психологической адаптации, в качестве основных в нашем исследовании были определены методики:

«Уровень эмоционального интеллекта» (Беляев С.А.) – стандартизированная методика, в основе которой заложено исследование реакций человека на «эмоциональную реальность». «Сырые баллы» по шкалам методики «Уровень эмоционального интеллекта» переводятся в стандартные единицы стэны, а сырые баллы по шкале «Общий уровень эмоционального интеллекта» дополнительно в стандартные единицы шкалы IQ [4].

«Опросник социально - психологической адаптации» (Роджерс К., Даймонд Р.) в адаптации Т.В.Снегиревой [12]. Методика предназначена для диагностики

комплекса психологических проявлений, сопровождающих процесс социально-психологической адаптации и ее интегральные показатели.

Методика «*Диагностика эмоционального интеллекта*» (Холл Н.), направленная на выявление способности понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений [11], использовалась для прояснения и уточнения эмпирических данных.

Экспериментальную выборку составили 113 человек, студентов факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, в возрасте от 18 до 23 лет.

Дифференциация выборки на три экспериментальной группы проводилась по признаку – «уровень развития эмоционального интеллекта». Критерием для дифференциации выборки являлся показатель по шкале общий уровень эмоционального интеллекта методики «*Уровень эмоционального интеллекта*» (Беляев С.А.).

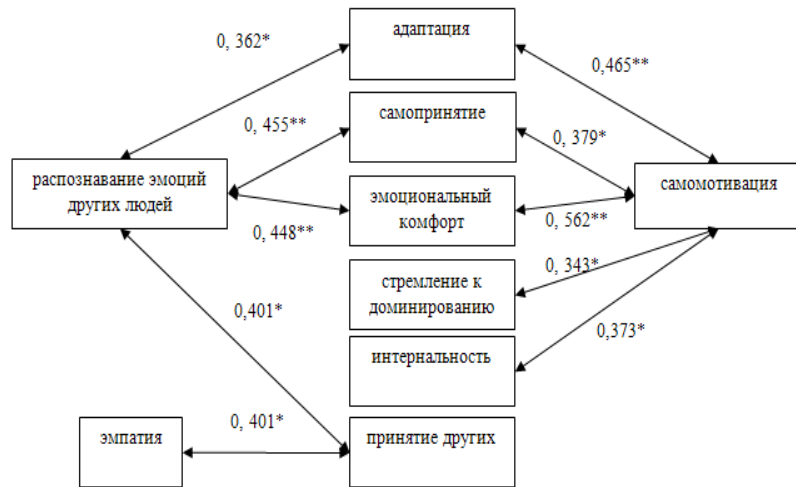
Для выявления достоверности и значимости полученных результатов был рассчитан критерий Краскала-Уоллеса по шкалам методики «*Диагностика социально-психологической адаптации*» (Роджерс К., Даймонд Р.). Различия в значениях исследуемого признака по всем экспериментальным группам зафиксированы в шести из семи случаев на 1% и 5% уровне значимости. Удалось установить, что респонденты ЭГ-1 (низкий уровень ЭИ), ЭГ-2 (средний уровень ЭИ) и ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) достоверно различаются по параметрам: *адаптация* ($N = 7,401$, при $p < 0,05$), *принятие других* ($N = 9,125$, при $p < 0,01$), *эмоциональный комфорт* ($N = 11,534$, при $p < 0,01$), *интернальность* ($N = 7,592$, при $p < 0,05$), *стремление к доминированию* ($N = 7,734$, при $p < 0,05$). По параметру *самопринятие* значимых различий по результатам обследования не установлено. Критерий Краскала-Уоллеса не позволяет судить о том, какие из выявленных признаков могут считаться дискриминативными, поэтому следующим шагом нашей экспериментальной работы стало проведение оценки достоверности различий исследуемых признаков, попарно между экспериментальными группами [6]. Для оценки направления изменений был применен критерий U-Манна-Уитни, который предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака [6].

Удалось установить, что респонденты ЭГ-2 (средний уровень ЭИ) достоверно превосходят респондентов ЭГ-1 (низкий уровень ЭИ) по параметрам *адаптация* ($U = 681$, при $p < 0,05$), *принятие других* ($U = 610$, при $p < 0,01$), *интернальность* ($U = 635,5$, при $p < 0,01$). Респонденты ЭГ-1 (низкий уровень ЭИ) достоверно превосходит ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) по параметрам *стремление к доминированию* ($U = 155$, при $p < 0,01$); а респонденты ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) достоверно превосходят респондентов ЭГ-1 (низкий уровень ЭИ) по параметрам: *адаптация* ($U = 172$, при $p < 0,05$), *принятие других* ($U = 186$, при $p < 0,05$), *эмоциональный комфорт* ($U = 146$, при $p < 0,01$). Респонденты ЭГ-2 (средний уровень ЭИ) достоверно превосходят респондентов ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) по параметру *стремление к доминированию* ($U = 259$, при $p < 0,05$).

Для исследования качественной структуры взаимосвязи социально-психологической адаптации и уровня эмоционального интеллекта нами применялся метод корреляционного анализа (критерий ранговой корреляции r_s -Спирмена), который позволил обнаружить значимые связи между

исследуемыми параметрами. Корреляционный анализ, критерий r_s -Спирмена, проводился отдельно по трем экспериментальным группам, результаты представлены графически в виде корреляционных плеяд на рис. 1 - 3.

Корреляционный анализ данных по результатам обследования испытуемых ЭГ-1 (низкий уровень ЭИ), выявил 10 взаимосвязей: 4 из них на 1% уровне значимости и 6 - на 5%-м уровне значимости (см. рис. 1).

Примечание:

* - уровень значимости 0,05;

** - уровень значимости 0,01;

↔ - прямая зависимость

Рисунок 1 - Корреляционная плеяда 1 (ЭГ-1, N1=35)

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы, *интегральные показатели социально-психологической адаптации респондентов ЭГ-1 (низкий уровень ЭИ) взаимосвязаны*

1) с компонентом эмоционального интеллекта, который мотивирует когнитивную деятельность, связанную с эмоциональной сферой, точнее, с распознаванием, выражением, пониманием эмоций – *самотивацией*. Стоит отметить, что у респондентов этой группы самый низкий балл по самотивации, они испытывают трудности в процессе распознавания и понимания эмоций окружающих людей, что вероятно препятствует адекватной социально-психологической адаптации (самый низкий балл по этому показателю) [*самотивация - адаптация, $r_s=0,465$, при $p \leq 0,01$*], при этом ярко выражено стремление к доминированию, которое скорее всего отражает потребность решать свои проблемы «чужими руками», из-за невозможности адекватно эмоционально включаться в происходящие события [*самотивация – стремление к доминированию, $r_s=0,343$, при $p \leq 0,05$*], как подтверждение может рассматриваться не дифференцированное переживание эмоционального дискомфорта [*самотивация - эмоциональный комфорт, $r_s=0,562$, при $p \leq 0,01$*], а так же попытки искать причины происходящего в факторах внешней среды, при неудачах сетовать на судьбу и всегда наедаться на случай [*самотивация - интернальность, $r_s=0,373$, при $p \leq 0,05$*]. Низкая мотивация когнитивной деятельности, связанной с эмоциональной сферой не позволяет респондентам ЭГ-1 (низкий уровень эмоционального интеллекта) воспринимать

себя как целостную личность, имеющую как достоинства так и недостатки [самомотивация - **самопринятие**, $r_s=0,379$, при $p \leq 0,05$].

2) со способностью распознавать эмоции других людей (самый низкий балл по этому показателю относительно других экспериментальных групп). Не способность распознавать эмоции других людей обуславливает трудности в адаптации, так как испытуемые ЭГ-1 не могут правильно «прочувствовать», описать для себя, переработать эмоции партнера по общению и в дальнейшем выразить свои эмоции адекватно ситуации [распознавание эмоций других людей - **адаптация**, $r_s=0,362$, при $p \leq 0,05$]. Возможно, из-за этих сложностей: снижена потребность личности в общении, взаимодействии, и в какой-либо совместной деятельности [распознавание эмоций других людей - **принятие других**, $r_s=0,401$, при $p \leq 0,05$]; наблюдается неуверенность в эмоциональном отношении к окружающей социальной действительности [распознавание эмоций других людей - **эмоциональный комфорт**, $r_s=0,448$, при $p \leq 0,01$], и неудовлетворённость респондентов собой [распознавание эмоций других людей - **самопринятие**, $r_s=0,455$, при $p \leq 0,01$].

3) с **эмпатией** (самый низкий балл по этому показателю относительно других экспериментальных групп). Андреева И.Н., отмечает, что эмпатический способ общения с другой личностью включает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям партнёра по общению [3]. Неспособность замечать и оценивать эмоциональное состояние других, приводит к тому, что респонденты этой группы не понимают и принимают другого человека и не признают за ним право меняться [эмпатия - **принятие других**, $r_s=0,401$, при $p \leq 0,05$].

Корреляционный анализ данных по результатам обследования испытуемых ЭГ-2 (средний уровень ЭИ) выявил 14 корреляционных связей: 4 на 1% уровне значимости и 10 на 5%-м – уровне значимости (см. рис. 2.)

Примечание:

* - уровень значимости 0,05;

** - уровень значимости 0,01;

↔ - прямая зависимость

Рисунок 2 - Корреляционная плеяда 2 (ЭГ-2, N2=54)

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы, *интегральные показатели социально-психологической адаптации респондентов ЭГ-2 (средний уровень ЭИ) взаимосвязаны*

1) *с эмпатией* (самый высокий балл по этому показателю относительно других экспериментальных групп). Выше, ссылаясь на Андрееву И.Н. [3], мы отмечали, что эмпатический способ общения с другой личностью включает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям партнёра по общению, тем самым обеспечивая эффективное межличностное взаимодействие, а, следовательно, и успешную адаптацию (самый высокий балл по этому показателю относительно других экспериментальных групп) [*эмпатия - адаптация*, $r_s=0,353$, при $p \leq 0,05$]. Высокий уровень эмпатии позволяет воспринимать партнера по взаимодействию как целостную личность, без оценивания и осуждения [*эмпатия - принятие других*, $r_s=-0,330$, при $p \leq 0,01$]. Андреева И.Н. отмечает, что эмпатический способ общения с другой личностью включает постоянную чувствительность к меняющимся переживаниям партнёра по общению, а, следовательно, обращенность к своим эмоциям [1]. Чтобы понять, что чувствует другой человек, необходимо постоянно задаваться вопросом: «А что я бы чувствовал на его месте?» [3]. Отвечая на этот вопрос респонденты ЭГ-2 не только понимают отношение другого к ситуации, но и начинают лучше понимать себя [*эмпатия - самопринятие*, $r_s=0,363$, при $p \leq 0,01$]. Испытуемые с средним уровнем развития эмоционального интеллекта, благодаря высокой эмпатии, легко и гибко могут менять свое отношение к происходящему в действительности, адекватно включаясь в систему общественных отношений [*эмпатия - эмоциональный комфорт*, $r_s=0,302$, при $p \leq 0,05$]. Респонденты этой группы не стремятся к власти и не преследуют цель – осуществление контроля, так как они очень чувствительны к переживаниям других людей, скорее стремление к доминированию можно определить здесь – как стремление защитить, уберечь, окружающих людей от каких-то неблагоприятных событий [*эмпатия - стремление к доминированию*, $r_s=0,316$, при $p \leq 0,05$].

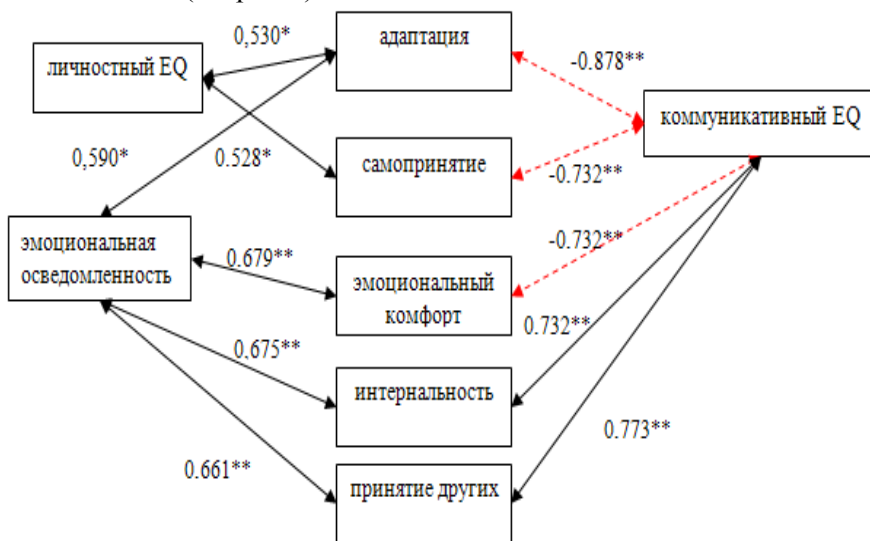
2) *со способностью распознавать эмоции других людей*. Адекватное распознавание эмоции других людей: название, переработка эмоций партнеров по общению, умение ставить себя на место другого и выражать свои эмоции адекватно ситуации позволяет испытуемым ЭГ-2 (средний уровень ЭИ) адаптироваться [*распознавание эмоций других людей - адаптация*, $r_s=0,341$, при $p \leq 0,05$], сохранять представление о себе, не теряя его ни в ситуациях конфликта, ни в близких интимных отношениях [*самопринятие - распознавание эмоций других людей*, $r_s=0,365$, при $p \leq 0,01$], что безусловно способствует большей определенности в отношении к окружающей действительности [*эмоциональный комфорт - распознавание эмоций других людей*, $r_s=0,284$, при $p \leq 0,05$]. Способность распознавать эмоции, позволяет респондентам ЭГ-2 (средний уровень эмоционального интеллекта) найти момент для адекватного удовлетворения своего *стремления к доминированию* [*стремление к доминированию - распознавание эмоций других людей*, $r_s=0,430$, при $p \leq 0,01$].

3) *с эмоциональной осведомленностью*. Знание о своём актуальном состоянии, которое лежит в основе процессов контроля над эмоциями, способность предвидеть их развитие, представление о факторах, от которых зависит сила, продолжительность и последствия эмоций соотносятся с определенностью респондентов ЭГ-2 в их отношении к действительности, к

окружающим предметам и явлениям, способствует возникновению состояния физического и психологического благополучия [**эмоциональный комфорт, самопринятие** - эмоциональная осведомленность, $r_s = 0,302$, при $p \leq 0,05$; $r_s = 0,287$, при $p \leq 0,05$].

4) со способностью управлять своими эмоциями и самомотивацией взаимосвязано стремление к доминированию. При наличии идеи, подкрепленной эмоциональным стремлением к поставленной цели, испытуемые со средним уровнем развития эмоционального интеллекта чувствуют, понимают ситуацию, в которой могут взять на себя руководство, контролируют собственные эмоции и направляют их в конструктивное русло [**стремление к доминированию** - самомотивация, $r_s = 0,290$, при $p \leq 0,05$; управление своими эмоциями, $r_s = 0,290$, при $p \leq 0,05$].

По результатам обследования респондентов ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) на достоверном уровне значимости было зафиксировано 11 корреляционных связей: 9 корреляционных связей на 1% уровне значимости и 2 на 5%-м - уровне значимости (см. рис. 3).

Примечание:

- * - уровень значимости 0,05; ↔ - прямая зависимость
- ** - уровень значимости 0,01; ↔ (red dashed) - обратная зависимость

Рисунок 3 - Корреляционная плеяда 3 (ЭГ-3, N3 =24)

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы, интегральные показатели социально-психологической адаптации респондентов ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) взаимосвязаны

1) с коммуникативным эмоциональным интеллектом. Вероятно, на адаптацию испытуемых ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) оказывает подавляющее влияние усиленное стремление устанавливать и поддерживать обоюдно удовлетворяющие взаимоотношения, постоянная готовность к компромиссам, использование своих талантов на благо группы, а не только для себя [**адаптация** - коммуникативный EQ, $r_s = - 0,878$, при $p \leq 0,01$]. Адаптация становится приспособлением: личность меняется за счет намеренного

отторжения своей позиции по отношению к чему-либо в пользу другого человека [*самопринятие* - коммуникативный EQ, $r_s = -0,732$, при $p \leq 0,01$], при этом ответственность за события, происходящие в жизни человека, принимаются в большей мере на себя, результаты деятельности объясняются своим поведением, характером, способностями [*интернальность* - коммуникативный EQ, $r_s = 0,732$, при $p \leq 0,01$]. Аналогично может быть проинтерпретирована обратная зависимость между интегральным показателем социально-психологической адаптации - эмоциональный комфорт и высоким уровнем коммуникативного интеллекта [*эмоциональный комфорт* - коммуникативный EQ, $r_s = -0,732$, при $p \leq 0,01$]: респонденты стремятся во что бы то ни стало сохранить взаимно удовлетворяющие социальные контакты [*принятие других* - коммуникативный EQ, $r_s = 0,773$, при $p \leq 0,01$], пренебрегая своим психологическим и физическим благополучием [6].

2) с эмоциональной осведомленностью. Самопонимание в целом носит эмоциональный, чувственный, эмпатический характер, поэтому уровень эмоциональной осведомленности определяет безусловное принятие другого со всеми его недостатками и достоинствами [*принятие других* - эмоциональная осведомленность, $r_s = 0,661$ при $p \leq 0,01$]. У респондентов с высоким уровнем эмоционального интеллекта как интегральный компонент социально-психологической адаптации выражена определенность в эмоциональном отношении к происходящей действительности [*эмоциональный комфорт* - эмоциональная осведомленность, $r_s = 0,679$, при $p \leq 0,01$].

Испытуемые с высоким развитием эмоционального интеллекта понимают в каких ситуациях ответственность лежит на его плечах (внутренний контроль), а в каких – большее влияние оказывают внешние обстоятельства (внешний контроль) [*интернальность* – эмоциональная осведомленность, $r_s = 0,675$, при $p \leq 0,01$], что позволяет им достаточно эффективно адаптироваться [*адаптация* – эмоциональная осведомленность, $r_s = 0,590$, при $p \leq 0,05$].

3) с личностным эмоциональным интеллектом. Способности развитого эмоционального интеллекта респондентов ЭГ-3 влияют на эффективность приспособления к существованию в обществе, учитывая как требования этого общества, так и собственные потребности, мотивы и интересы. Такими способностями являются: знание своих сильных и слабых сторон и умение осознавать свои эмоции, потребности, побуждения и контролировать их [2]; способность противостоять неблагоприятным событиям и стрессовым ситуациям; а также способность переменить свое мнение, когда получают доказательства своей ошибки (*адаптация* – личностный EQ, $r_s = 0,530$, при $p \leq 0,05$). Высокая степень удовлетворенности испытуемых ЭГ-3 своими характеристиками взаимосвязана с способностью понимать свои положительные и отрицательные стороны, адекватно оценивать свои поступки, возможности, самокритичностью и стремятся максимально развивать свои способности и таланты. (*самопринятие* - личностный EQ, $r_s = 0,528$, при $p \leq 0,05$).

Проведенное нами исследование, позволяет сделать следующие выводы:

1. Испытуемые с низким уровнем ЭИ не способны развивать хоть сколько-нибудь определенное эмоциональное отношение к окружающей действительности. У них наблюдается дисгармония в сфере принятия решений, являющаяся результатом неоднократных безуспешных попыток реализовать цель. Это влияет на субъективную оценку физического и психологического состояния как неблагоприятного. Ответственность за свое состояние, свои

неудачи склонны приписывать внешним обстоятельствам, другим людям, лично значимые задачи также стараются решать за счет окружающих. Респонденты этой группы в меньшей степени, чем респонденты других групп испытывают потребность во взаимодействии, у них снижена способность к вхождению в систему социальных отношений.

Низкие баллы по интегральным показателям социально-психологической адаптации респондентов ЭГ-1 взаимосвязаны с неумением распознавать, понимать, выражать эмоции и управлять ими (низкая самомотивация); с неспособностью адекватно воспринимать эмоции других людей (распознавание эмоций других людей); со сниженной чувствительностью к меняющимся переживаниям партнёра по общению (низкий уровень эмпатии).

2. У испытуемых со средним уровнем ЭИ отмечен самый высокий уровень адаптированности. Это указывает на высокий уровень приспособления человека к существованию в обществе: в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами. Показатель интернальности самый высокий из трех групп. Т.е. испытуемые в этой группе обладают высокой степенью ответственности, которую возлагают на себя в связи с происходящими с ними событиями, мало внимания уделяют внешним факторам, которые от них не зависят. При высоком уровне адаптации у респондентов снижена потребность в доминировании, а лично значимые задачи скорее решаются за счет своих сил, нежели за счет других. Испытуемые со средним уровнем эмоционального интеллекта не избегают конфликтов, а стараются их решить, принимая во внимание точку зрения других.

Высокие баллы по интегральным показателям социально-психологической адаптации респондентов ЭГ-2 взаимосвязаны с высокой чувствительностью к меняющимся переживаниям партнёра по общению (эмпатия), со способностью распознавать эмоции других людей, с эмоциональной осведомленностью, со способностью управлять своими эмоциями и самомотивацией.

3. Респонденты с высоким уровнем ЭИ принимают себя, несмотря на свои недостатки, адекватно оценивают свои поступки, жизненные цели и планы, а также признают за другими людьми право на мнение. У испытуемых этой группы отмечается высокая потребность в общении, взаимодействии, совместной деятельности. Свое физическое и психологическое состояние испытуемые оценивают как благополучное. Они способны на адекватную оценку происходящих событий, понимая, в каких ситуациях ответственность за происходящее лежит на них, а в каких нет. Исходя из этого, можно предположить, что люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны гибко перестраиваться в зависимости от требований окружающей действительности, адекватно эмоционально реагируя на происходящие события. Они не избегают проблемных ситуаций, в решении проблем опираются в первую очередь на свои силы, а не пытаются решить их за счет других.

Интегральные показатели социально-психологической адаптации респондентов ЭГ-3 (высокий уровень ЭИ) взаимосвязаны с обобщенными структурными элементами эмоционального интеллекта, такими как: личностный EQ, коммуникативный EQ, также эмоциональной осведомленностью, как способностью понимать собственные сильные и слабые стороны, точно оценивать себя.

Библиографический список

1. Андреева, И.Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. - 2008. - №5. - С. 83-95.
2. Андреева, И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта / И.Н. Андреева // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Международная научно-практическая конференция. – Смоленск: СГПУ, 2004. – Ч.1. – с.22-26.
3. Андреева, И.Н. Эмоциональный интеллект: непонимание, приводящее к «исчезновению»? / И.Н. Андреева // Психологический журнал. – Минск. - 2006. – №1. – С. 28-32.
4. Беляев С.А. Разработка и стандартизация методики «уровень эмоционального интеллекта» [электронный ресурс] / С.А. Беляев // Флогистон: Психология из первых рук: URL: <http://flogiston.ru/articles/general/eq-evaluation-test-development> (2009. 20дек.)
5. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Даниэл Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 478с.
6. Ермолаев, О.Ю. Математическая статистика для психологов / О.Ю. Ермолаев. - Издательство: МПСИ, Флинта, 2006. - 336с.
7. Куницына, В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2003. – 544с.
8. Люсин, Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. - М.: Институт психологии РАН, 2004. - С. 29-36.
9. Налчаджян, А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А.А. Налчаджян – Ереван: АН Армянской ССР, 1988. – 263с. – Библиогр.: с. 8-41.
10. Обуховский, К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / К. Обуховский. – СПб.: «Речь», 2003. – 296 с.
11. Холл, Н. Диагностика «эмоционального интеллекта» / Н. Холл // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М., Институт Психотерапии, 2002. - С.57-59.
12. Школьная Психодиагностика / Руководство по использованию психодиагностических методик психологами образовательных учреждений под. ред. доктора псих. н. А.Н. Гусева. – Изд-во: Агентство «1С-Персонал», 2007. – 259с.

УДК 159.923

N.V. Nazarova

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies E.O. Shamshikova*

CORRELATION OF PSYCHOLOGICAL SPACE BOUNDARIES AND PERSONAL DEFENSE-COMPENSATIONAL MECHANISMS

In the presenting article the author gives research of correlation of psychological space boundaries and personal defense-compensational mechanisms.

H.B. Назарова

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
Научный руководитель Е.О. Шамшикова*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАНИЦ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЗАЩИТНО-КОМПЕНСАТОРНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЛИЧНОСТИ

В данной статье автор представляет экспериментальное исследование взаимосвязи границ психологического пространства и защитно-компенсаторных механизмов личности.

Современное общество изобилует примерами нарушения границ психологического пространства личности, что, естественно, отражается на ее физическом и психическом здоровье. Нарушение психологического суверенитета других людей, как неспособность личности удерживать индивидуальную дистанцию (проводить различия между собой и другими и признавать их психологический статус), является следствием рассогласованности ее функций «Я» и обнаруживается в частоте нарушений ею чужих границ [13]. Защита данных границ является важной характеристикой психологического пространства, которая дает человеку чувство «прочности» собственного «Я», чувство уверенности, безопасности и доверия к миру. В повседневной жизни защитно-компенсаторные механизмы личности охраняют «Я» и его целостность в ситуации страха, стресса, тревоги, фрустрации и т.д. И нужно отметить, что данные защитно-компенсаторные механизмы функционируют как на бессознательном уровне, так и на сознательном – в виде копинг-стратегий. Теоретический анализ литературных источников позволил выявить проблему об образовавшемся вакууме в изучении защитно-компенсаторных механизмов в контексте феномена границ психологического пространства личности.

Общая структурная теория защит была разработана Р. Плутчиком, который говорил о концептуальных связях между аффектами, поведением, функциями Я, границами Я, стилями совладания и механизмами психологической защиты. Согласно принципу когнитивного консонанса первичной потребностью у человека выступает потребность в поддержании неделимой картины мира и образ своего Я. Поэтому Я стремится к устойчивости и целостности. Функцию поддержания целостности и устойчивости образа Я выполняют защитные механизмы, которые как раз и функционируют на «границах Я». Первоначально, защитные механизмы возникают в процессе здоровой, творческой адаптации, но в дальнейшем они могут терять свой творческий характер, закрепляясь как определенные устойчивые, стереотипные паттерны поведения, теряя свою связь с ситуацией «здесь и сейчас» [13]. Р. Плутчик, Е. Шафер к осознанным вариантам защитных механизмов относят широко исследуемые в последние десятилетия стратегии совладания (копинга). Соотношение этих двух форм регуляции до сих пор остаются неопределёнными. С одной стороны, распространена точка зрения, что защитные механизмы являются частью совладающего поведения, хотя и наименее эффективной. С другой стороны, разнообразные защитные механизмы условно распределяются некоторыми авторами по степени активности в противодействии стрессу на несколько групп, одна из которых приближается к механизмам копинга [8].

Первоначально понятие «копингового поведения» использовалось в психологии стресса и обозначало сумму усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса путём решения или избегания проблем, изменения собственных установок [5]. Теперь оно свободно употребляется в литературе и охватывает широкий спектр активности от бессознательных защит до

целенаправленного преодоления кризисных ситуаций. В связи с этим необходимо отличать понятие «защитные механизмы» и «механизмы совладания». Известны следующие критерии отличия «защитных механизмов» и «механизмов совладания»:

-временная направленность - считается что первыми действуют защитные механизмы, предоставляя время для работы более продуктивных механизмов совладания;

-бессознательность/осознанность - поведение совладания относится к осознаваемому уровню психической регуляции;

- согласованность с реальностью - на континууме от адекватного восприятия реальности до её искажения механизмы совладания противопоставляются защитным механизмам;

-функционально-целевая значимость - признаётся, что механизмы защиты направлены на регуляцию прежде всего эмоционального состояния, тогда как механизмы совладания имеют функцию восстановления нарушенных взаимоотношений со средой [10].

В целом понятие «coping» отражает активность в кризисной ситуации, способность преодоления беспомощности, возможность нахождения компромиссов и ресурсов для адаптации при взаимодействии с ситуацией стресса [4].

Механизмы копингового поведения (coping behavior) определяются как целенаправленное, осознанное поведение по совладанию с угрожающей ситуацией, которое может быть легко обнаружено при наблюдении за человеком [4].

Изучая механизмы защиты в контексте адаптации и личного опыта, А. Фрейд предположила, что набор защитных механизмов индивидуален и может быть критерием уровня адаптированности личности [12]. Таким образом, в классическом психоанализе впервые появилось понятие о защитных механизмах, как бессознательных средствах интрапсихической регуляции, обеспечивающих снятие тревоги, и поставлены основные проблемы их изучения: структура и функциональное назначение, критерии эффективности, роль в адаптации, проблема генеза и хронологии, связь с определённым видом патологии личности и другие.

Согласно точке зрения Е.Т.Соколовой, благодаря ревизии постулатов классического психоанализа в работах Х. Хартманна, Д. Рапапорта, а также Г. Виткина, впервые намечается постановка проблемы защитных механизмов как одного из аспектов «Я», вводится представление об уровнях функционирования регуляторных процессов с точки зрения аффективно-когнитивных взаимодействий. Представители этого направления подчеркнули важную роль Эго в восприятии и адаптации к реальности, ввели представление о «силе Эго», заключающейся в адекватной оценке и принятии реальных событий, толерантности к неприятным переживаниям [11].

Дальнейшее развитие этого направления привело к изучению механизмов совладания, их устойчивых паттернов, образующих индивидуальный когнитивный стиль, а именно систему самоконтроля и саморегуляции, которая влияет на характер представления о себе и других. Защитные механизмы, как часть когнитивного стиля, в отличие от механизмов контроля и совладания, актуализируются бессознательно и автоматически преимущественно в ответ на внутренний конфликт [11].

В целом объектом защит, которые рассматриваются в качестве первичных, являются границы между «Я» и внешним миром. Вторичные, более зрелые, имеют дело с внутренними границами, то есть границами между Оно, Эго, Супер-Эго, между наблюдающими и чувствующими частями Эго, и появляются только после достижения целостности «Я».

В ряде отечественных работ психологическая защита понимается как индивидуальная, генетически формирующаяся в процессе социализации система защитных механизмов, связанная с определёнными свойствами личности, играющая важную роль в решении задач адаптации к реальности [3]. Однако, в силу того, что концептуальной основой этих исследований является структурная теория Р. Плутчика, в которой не рассматриваются онтогенетически наиболее ранние, архаичные механизмы защиты, эти представления не являются полными.

Копинг-поведение же, в целом, рассматривается как результат взаимодействия копинг-стратегий и индивидуальных копинг-ресурсов, таких как: самооценка, степень самопринятия, способность к самоконтролю, развитость сети социальной поддержки, способность к осознанию, проговариванию переживаний [1, 4, 5].

На основании исследований в области защитных ресурсов психики, мы считаем, что некорректно рассматривать механизмы психологической защиты и копинг-стратегий изолированно друг от друга вне психологического пространства личности и его границ, либо противопоставлять их как нечто диаметрально противоположное. Мы относим эти понятия (защиты и копинг) к единой защитной системе личности, которая трансформирует внутренние переживания, угрожающие целостности личности, и, соответственно позволяет сохранять баланс между личными потребностями и требованиями общества.

На протяжении 2008-2010 гг. было проведено исследование в рамках дипломной работы на тему **«Взаимосвязь границ психологического пространства и защитно-компенсаторных механизмов личности»**.

Объектом исследования являются границы психологического пространства личности.

Предметом исследования является соотношение границ психологического пространства личности и ее защитно-компенсаторных механизмов.

Целью выпускной квалификационной работы является исследование взаимосвязи границ психологического пространства личности и защитно-компенсаторных механизмов.

Теоретический анализ литературных источников по заявленной проблеме позволил сформулировать **гипотезу**, имеющую следующие допущения:

1. Существует взаимосвязь между границами психологического пространства личности и защитно-компенсаторными механизмами;

2. Экспериментальные группы с разной частотой нарушения границ окружающих людей достоверно различаются между собой по преобладанию в структуре психологического пространства либо защитных, либо компенсаторных механизмов.

Исходя из цели и гипотезы дипломной работы, были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести теоретико-методологический анализ границ психологического пространства в отечественной и зарубежной литературе;

2. Рассмотреть развитие границ психологического пространства в онтогенезе, обозначить специфику их функционирования;
3. Раскрыть понятия «защитно-компенсаторные механизмы» личности и «копинг-стратегии»;
4. Экспериментально исследовать взаимосвязь границ психологического пространства личности и ее защитно-компенсаторных механизмов.

В соответствии с поставленными в дипломной работе задачами на протяжении 2008-2010 года было проведено **три этапа исследования**:

1. Теоретический анализ литературных источников по проблеме границ психологического пространства в отечественной и зарубежной литературе, функций границ «Я»;

2. Анализ механизмов психологической защиты и их особенностей, копинг-стратегий как психологических механизмов совладания;

3. Проведение экспериментального исследования: формирование экспериментальной выборки, сбор психодиагностической информации, количественный и качественный анализ полученных данных.

Методологической основой нашего исследования являются ведущие принципы психологии – системности, развития, детерминизма, целостности психики;

- концепции психологических границ «Я» и защитно-компенсаторных механизмов личности: *психодинамическая концепция личности* (З. Фрейд, А. Фрейд, А. Адлер, Г. Юнг, Э. Эриксон, К. Роджерс, К. Хорни, Э. Фромм); *современные теоретические и эмпирические исследования психологической защиты* (Ф.В. Бассин, Ф.Е. Василюк, В.М. Воловик, Г.В.

Грачев, Р.М. Грановская, А.А. Налчаджян, И.М. Никольская, Е.С. Романова, В.А.Ташлыков, Р. Плутчик, Г. Келлерман), *отечественный подход к копинг-стратегиям* (Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, Л.А. Китаева-Смык,

В.М. Ялтонский); *психоаналитическая концепция границ «Я»* (Н. Браун); *гуманструктуральная модель личности* (Г. Аммон), *феномен суверенности психологического пространства личности* (С.К. Нартова-Бочавер), *телесно-ориентированный подход* (А.Ш. Тхостов).

Под границами «Я» мы понимаем многочисленные функции системы Я, которые направлены на ограничение «Я» от «не-Я» – «своего собственного» (того, что принадлежит «Я» и может им контролироваться) от «иногo» (того, что не подлежит контролю и «Я» не принадлежит) и действуют как фильтры (барьеры и/или проводящие пути) в широком регистре своих разнообразных измерений [14].

За основу понимания психологического пространства личности, мы берем определение С. К. Нартовой – Бочавер: **«Психологическое пространство личности** - это субъективно значимый фрагмент бытия, т.е. существенный, выделяемый из всего богатства проявлений мира и определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Психологическое пространство осознается вблизи своих границ и не осознается в тех областях, которые «в последнее время не подвергались изменениям»; проявляется в поведении, при встрече с другим, значимым для внутреннего мира человека объектом» [7, с. 169].

Для решения поставленных задач в ходе исследования применялся **комплекс методов** - *общенаучные методы* (теоретический анализ

литературных источников по исследуемой проблеме, обобщение и интерпретация научных данных); квази-эксперимент; *методы психодиагностики* (опрос, тестирование); *математические методы* – описательной статистики (средние значения, максимум, минимум, стандартное отклонение) и индуктивной статистики (корреляционный анализ r_s -Спирмена, метод определения достоверности различий - Н – критерий Крускалла – Уоллиса и U - критерий Манна – Уитни).

Математическая обработка полученных данных проводилась с использованием компьютерной программы SPSS 13. 0. Достоверность полученных результатов не ниже 5% уровня значимости.

Экспериментальная база исследования: факультет психологии НГПУ.

Экспериментальная выборка составила 101 человек, из них 27 мальчиков и 74 девочки, студенты 1-5 курса очного отделения, в возрасте от 19 до 24 лет.

В **дипломной** работе использовались следующие методики:

- для исследования границ психологического пространства личности:

Методика «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер (2004) [6]; Методика «Границы Я» Н. Браун, в адаптации Е.О. Шамшиковой (2009) [13]; «Я-структурный тест» Г. Аммона, в адаптации Ю.Я. Тупицына, В.В. Бочарова (1998) [9].

- для исследования механизмов психологической защиты и копинг-стратегий:

Методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» SACS С. Хобфолла, в адаптации Т.Л. Крюковой (2004) [4]; Методика «Индекс жизненного стиля, LSI» Р. Плутчика и Г. Келлермана, в адаптации Е.С. Романовой, Л.Р. Гребенникова (1998) [2].

В соответствии с поставленными в дипломной работе задачами, экспериментальное исследование проходило по следующим **этапам**:

1. Установление характера распределения признака по шкалам методик, определение достоверности различий между тремя экспериментальными группами с помощью - Н – критерия Крускалла – Уоллиса и U - критерия Манна – Уитни;

2. Получение средних значений, стандартного отклонения, максимума и минимума для каждой экспериментальной группы;

3. Проведение корреляционного анализа r_s -Спирмена по каждой экспериментальной группе;

4. Психологический анализ полученных результатов по каждой экспериментальной группе.

В процессе исследования нами была произведена дифференциация выборки на три экспериментальные группы по признаку – частота нарушения границ окружающих людей: ЭГ-1 – очень редко нарушают границы окружающих людей, ЭГ-2 – иногда нарушают границы окружающих людей, ЭГ-3 – часто нарушают границы окружающих людей. За основу мы взяли методику «Границы Я» Н.Браун, в адаптации Е.О. Шамшиковой (2009). ЭГ-1 (n=23), получившие - 31 до 54 балла, ЭГ-2 (n=38), получившие 55- 68, ЭГ-3 (n=40), получившие 69-103 балла.

Процентное распределение испытуемых по группам: 23% выборки составили испытуемые ЭГ-1, 38% выборки составили испытуемые ЭГ-2, 40% выборки составили испытуемые ЭГ-3.

На **первом** этапе экспериментального исследования нами был исследован характер распределения по всем шкалам используемых методик. Было выявлено, что характер распределения признака по таким шкалам как «суверенность социальных связей», «суверенность ценностей», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «агрессивные действия», «асоциальные действия» является отличным от нормального, в связи с чем, мы использовали непараметрические критерии в обработке полученных нами результатов.

Также на данном этапе была рассчитана достоверность различий по исследуемым шкалам методик между испытуемыми трех экспериментальных групп с помощью Н - критерия Крускала – Уоллиса. Достоверность различий по шкалам опросников между тремя экспериментальными группами определялась с помощью Н - критерия Крускала – Уоллиса. В ходе экспериментальной работы были выявлены значимые различия по 20 из 31 шкал опросников. Дополнительно для оценки достоверности различий между выборками по уровню измеряемого признака рассчитан U – критерия Манна - Уитни. Расчет производился при попарном сравнении трех экспериментальных групп. При попарном сравнении

- между ЭГ-1 и ЭГ-3 выявлены значимые различия по 12 из 31 шкал,
- между ЭГ-1 и ЭГ-2 выявлены значимые различия по 7 из 31 шкал,
- между ЭГ-2 и ЭГ-3 выявлены значимые различия по 18 из 31 шкал.

На **втором** этапе рассчитывались дескриптивные характеристики отдельно для каждой из групп (max, min, среднее значение, стандартное отклонение). Исходя из средних значений и достоверности различий по U-критерию, мы сделали вывод о том, что группы достоверно различают между собой по уровню измеряемого признака

На **третьем** этапе экспериментальной работы проведено корреляционное исследование (критерий r – Спирмена), по результатам которого были созданы корреляционные матрицы (представлены в таблицах 1-6), позволившее выявить взаимосвязь между параметрами используемых методик. Результаты экспериментального исследования представлены по трем экспериментальным группам.

Таблица 1 - Коэффициенты корреляции Спирмена, образованные между показателями по шкалам методики «Границы Я» и методик «LSI» и «SACS» по ЭГ-1

	<u>r Спирмена</u>	Уровень значимости	N
Границы Я / Проекция	0,679	0,01	23
Границы Я / Вытеснение	0,660	0,01	23
Границы Я / Рационализация	-0,474	0,05	23
Границы Я / Осторожные действия	0,450	0,05	23
Границы Я / Непрямые действия	0,474	0,05	23
Границы Я / Импульсивные действия	0,444	0,05	23
Границы Я / Избегание	0,538	0,01	23

Таблица 2 - Коэффициенты корреляции Спирмена, образованные между шкалой «Суверенность психологического пространства» и шкал методик «LSI» и «SACS» по ЭГ-1

	<u>r Спирмена</u>	Уровень значимости	N
СПП / Проекция	0,546	0,01	23
СПП / Замещение	0,497	0,05	23
СПП / Непрямые действия	0,633	0,01	23
СПП / Вступление в социальный контакт	-0,667	0,01	23
СПП / Агрессивные действия	-0,480	0,05	23
СПП / Избегание	-0,438	0,05	23

Таблица 3 - Коэффициенты корреляции Спирмена, образованные между показателями по шкалам методики «Границы Я» и методик «LSI» и «SACS» по ЭГ-2

	<u>r Спирмена</u>	Уровень значимости	N
Границы Я / Регрессия	0,346	0,05	40
Границы Я / Отрицание	-0,473	0,01	40
Границы Я / Агрессивные действия	0,549	0,01	40
Границы Я / Осторожные действия	-0,406	0,05	40
Границы Я / Независимые действия	0,376	0,05	40

Таблица 4 - Коэффициенты корреляции Спирмена, образованные между шкалой «Суверенность психологического пространства» и шкал методик «LSI» и «SACS» по ЭГ-2

	<u>r Спирмена</u>	Уровень значимости	N
СПП / Рационализация	0,496	0,01	40
СПП / Замещение	-0,446	0,01	40
СПП / Реактивное образование	0,380	0,05	40
СПП / Проекция	-0,347	0,05	40
СПП / Регрессия	-0,436	0,01	40
СПП / Агрессивные действия	-0,435	0,01	40
СПП / Независимые действия	0,423	0,01	40
СПП / Асоциальные действия	-0,430	0,01	40

Таблица 5 - Коэффициенты корреляции Спирмена, образованные между показателями по шкалам методики «Границы Я» и методик «LSI» и «SACS» по ЭГ-3

	<u>r Спирмена</u>	Уровень значимости	N
Границы Я / Рационализация	0,436	0,01	38
Границы Я / Замещение	0,363	0,05	38
Границы Я / Проекция	0,353	0,05	38
Границы Я / Вступление в социальный контакт	0,481	0,01	38
Границы Я / Поиск социальной поддержки	0,463	0,01	38
Границы Я / Асоциальные действия	0,456	0,01	38

Таблица 6 - Коэффициенты корреляции Спирмена, образованные между шкалой «Суверенность психологического пространства» и шкал методик «LSI» и «SACS» по ЭГ-3

	$r_{\text{Спирмена}}$	Уровень значимости	N
СПП / Регрессия	-0,443	0,01	38
СПП / Замещение	0,429	0,01	38
СПП / Независимые действия	0,458	0,01	38

Анализ корреляционных связей и достоверность полученных различий позволяют сделать вывод о том, что:

- у испытуемых ЭГ-1 преобладают копинг-стратегии, такие как «независимые действия», «осторожные действия», «непрямые действия», также испытуемые данной группы имеют высокие показатели по конструктивному внешнему и внутреннему Я-отграничению, а это означает, что они хорошо различают внешнее и внутреннее пространство, дифференцируют свои внутренние переживания, гибко используют возможности чувственного и эмоционального постижения действительности. Способны не нарушать и выстраивать гибкие границы с окружающими людьми. Они проявляют себя способными к оказанию адекватной помощи, поддержке окружающих, при этом защищая и отстаивая свое психологическое пространство, не нарушая «чужого», и в данном случае, копинг-стратегии, как сознательные механизмы, способствуют их лучшей социальной адаптации.

- для испытуемых ЭГ-2 и ЭГ-3 характерно доминирование в структуре личности защитных механизмов, как бессознательных, таких как отрицание, замещение, регрессия, компенсация, вытеснение. Также испытуемые ЭГ-3 имеют высокие показатели по шкалам дефицитарное внешнее Я-отграничение и дефицитарное внутреннее Я-отграничение, что говорит о их импульсивности, слабости эмоционального контроля, недостаточной взвешенности поступков и принимаемых решений, что неминуемо ведет к несоблюдению ими индивидуальной психологической дистанции и нарушению границ окружающих других людей.

В заключении также следует отметить, что наше исследование на этом не ограничивается и был выявлен ряд проблем, которые еще не затронуты в рамках нашего исследования. За рамками исследования осталось исследование каузальных (причинно-следственных) связей между границами психологического пространства и защитно-компенсаторными механизмами на разных половозрастных выборках и изучение иных функций границ психологического пространства. Рассмотрение этих и других вопросов может быть весьма продуктивным в рамках обозначенного конструкта (организация психологического пространства), но это уже требует привлечения дополнительных литературных источников и иного математического аппарата.

Библиографический список:

1. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – Том15 – №1. – С. 3-18.
2. Бурлачук, Л.Ф. Словарь - справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – М.: Слово, 2006. – 489с.

3. Грановская, Р.М. Защита личности: Психологические механизмы / Р.М. Грановская, И.М. Никольская. – СПб.: Знание-Свет, 1999. – 352с.
4. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: монография / Т.Л. Крюкова. – Кострома: «Авантитул», 2004. – 344с.
5. Лазарус, Р. Теория стресса и психофизиологические исследования / Р. Лазарус. – Л.: Медицина, 1970. – 189с.
6. Нартова-Бочавер, С. К. «Суверенность психологического пространства личности» – новый метод диагностики личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 2004. – Том 25 – №5. – С. 77-89.
7. Нартова-Бочавер, С. К. Суверенность психологического пространства личности / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: МПГУ, 2007. – 312с.
8. Нартова-Бочавер, С.К. Coping behavior в системе понятий личности / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 1997. – Том 18 – №5. – С. 2-15.
9. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. – СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. – 438с.
10. Романова, Е.С. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика / Е.С. Романова, Л.Р. Гребенников. – М.: 1996. – 356с.
11. Соколова, Е.Т. Общая психотерапия / Е.Т. Соколова. – М.: Тривола, 2001. – 312с.
12. Фрейд, А. Психология Я и защитные механизмы / А. Фрейд. – СПб.: Питер, 2004. – 386с.
13. Шамшикова, Е.О. Адаптация зарубежной методики «Границы Я» Н. Браун (N. Brown) / Е.О. Шамшикова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №4 (16). – С.167-174.
14. Шамшикова, Е.О. Нарциссические корреляты психологического пространства личности. Автореферат к.п.н. по специальности 19.00.01 / Е.О. Шамшикова. – Новосибирск: НемоПресс, 2010. – 24с.

УДК 159.96

S.B. Nesterova, D.A. Tolstaya

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Nvosibirsk
Supervisor of studies S.B. Nesterova*

CHARACTER TRAITS MANIFESTATION DEPENDING ON A LEVEL OF PERSONAL ANXIETY

In the article the results of the research of interrelation of anxiety level with character traits on a material of student's sample are presented.

С.Б. Нестерова, Д.А. Толстая

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
Научный руководитель С.Б. Нестерова*

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ХАРАКТЕРА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи уровня тревожности с особенностями характера на материале студенческой выборки.

Проблема тревожности занимает особое место в современном научном знании. Ей посвящено значительное количество исследований, причем не только в психологии, но и в медицине, физиологии, философии, социологии.

Тревожность - переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучия, с предчувствием грозящей опасности. Различают тревожность как эмоциональное состояние и как устойчивое свойство, черту личности [4].

Ситуативно устойчивые проявления тревожности принято называть личностными и связывать с наличием у человека соответствующей личностной черты (так называемая «личностная тревожность»). Это устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающий, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личностная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные, связанные со специфическими ситуациями угрозы его престижу, самооценке, самоуважению. Ситуативно изменчивые проявления тревожности именуют ситуативными, а особенность личности проявляющей такого рода тревожность, обозначают как «ситуационная тревожность» [6].

Актуальной проблемой, связанной с изучением тревожности, является проблема влияния тревожности на личностное развитие, хотя впервые его отметил еще С. Кьеркегор, считавший тревожность основным фактором, определяющим историю человеческой жизни. Кроме того, таким образом интерпретируются установленные в эмпирических исследованиях связи между тревожностью и другими личностными образованиями: например, тревожностью и уровнем притязаний [4].

Что же касается исследований связи между тревожностью и особенностями характера личности (на материале юношеского возраста), то этот вопрос в отечественной науке на сегодня пока не рассматривался.

Проблема характера как никогда актуальна ввиду постоянного интереса к ней психологов, так как понятие «характер» - одно из самых востребованных и противоречивых в современной психологии [2, 10].

Б.Г. Ананьев к характеру относит те свойства личности, «которое выражает основную жизненную направленность и проявляется в своеобразном для данной личности образе действий» [3, с.19].

А.В. Батаршев пишет, что характер - это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности и общении, обуславливая типичные для человека способы поведения [1].

Под характером мы понимаем индивидуально-своеобразное сочетание существенных свойств личности, выражающих отношение человека к действительности и проявляющихся в его поведении, в его поступках [9].

Из приведенных выше определений следует, что тревожность может рассматриваться как устойчивое проявление эмоциональной сферы человека, которое оказывает влияние на типичные для человека способы поведения и образ действий, т.е. на особенности его характера.

В данной статье мы приведем фрагмент экспериментального исследования взаимосвязи уровня тревожности с особенностями характера в юношеском возрасте. Экспериментальную выборку составили 103 человека. В исследовании участвовали студенты-психологи Новосибирского государственного педагогического университета в возрасте от 17 до 23 лет.

Общая выборка испытуемых была дифференцирована на три экспериментальные группы – экспериментальная группа 1 (с низким уровнем

тревожности), экспериментальная группа 2 (со средним уровнем тревожности) и экспериментальная группа 3 (с высоким уровнем тревожности) по нормативному показателю методики измерения уровня тревожности Ж.Тейлора [5].

В экспериментальном исследовании использовались следующие методики:

1. Методика измерения уровня тревожности Ж. Тейлора (адаптация Т.А. Намчинова) [5].

2. Шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера-Ю.Л. Ханина [5].

3. Опросник черт характера взрослого человека В.М. Русалова, О.Н. Маноловой [7].

4. Методика многофакторного исследования личности Р. Кэттелла (форма С) (16 PF -опросник) [8,11].

Экспериментальное исследование осуществлялось методом описательной статистики, методом Н – критерий Крускала-Уоллиса, методом U- Манна-Уитни, методом корреляционного анализа Спирмена (r_s).

Математическая обработка полученных данных проводилась с использованием компьютерной программы SPSS-13.0.

В ЭГ1(N=15) корреляционный анализ переменных показал отрицательную взаимосвязь между параметрами «личностная тревожность» - «консерватизм - радикализм» ($r = - 0,547$ при $p = 0,05$) и положительную взаимосвязь между параметрами «личностная тревожность» и «прямолинейность - дипломатичность» ($r = 0,548$ при $p = 0,05$). Можно предположить, что людям с низким уровнем тревожности свойственны гибкость мышления, склонность к экспериментированию, поиск новых путей решения и самостоятельность в решении проблем, умение обобщать и анализировать, а также спокойное отношение к ошибкам, неудачам эксперимента. У людей с низким уровнем тревожности в высокой степени проявляется гибкость в поведении, проницательность, понимание людей и скрытых мотивов их поведения, честность и расчётливость. Чем ниже уровень личностной тревожности, тем больше проявляется гибкость мышления и быстрота принятия и поиск оптимальных решений, склонность экспериментировать с предметами, идеями без страха ошибок.

Корреляционный анализ переменных показал отрицательную взаимосвязь между параметрами «тревожность» - «замкнутость-общительность» ($r = - 0,592$ при $p = 0,05$), «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль» ($r = - 0,748$ при $p = 0,01$) и положительную взаимосвязь между параметрами «тревожность» - «расслабленность- напряженность» ($r = 0,692$ при $p = 0,01$). Можно предположить, что низкий уровень личностной тревожности, способность быть беззаботным определяет более высокий адаптивный потенциал личности, легкость в общении. Люди с низким уровнем тревожности в довольно высокой степени проявляют открытость, доверчивость, эмоциональность, разговорчивость, импульсивность, но в тоже время способны мобилизовать себя на достижение поставленной цели вопреки внутреннему сопротивлению и внешним препятствиям; сохранять самообладание в критических ситуациях, регулировать внешние проявления эмоций. Люди с низким уровнем тревожности характеризуются внутренней расслабленностью, удовлетворенностью потребностей, в частности физиологических; склонностью воспринимать препятствия на пути к достижению цели как преодолимые; успешны в напряженной работе, которая требует сосредоточения внимания.

Чем ниже уровень тревожности, тем более развито у личности умение планировать свое время и порядок действий, а также реалистично относиться к себе и свои возможностям.

В ЭГ2 (N=53) корреляционный анализ переменных показал взаимосвязь между параметрами *«личностная тревожность»* - *«практичность – развитость воображения»* ($r = 0,303$ при $p = 0,05$). Это предположительно говорит о том, что люди со средним уровнем тревожности способны легко решать отвлеченные задачи, обладают развитым образным мышлением, а при повышении уровня личностной тревожности склонны «отрываться» от реальности, становиться рассеянными и уходить в фантазии. Чем выше у человека уровень тревожности, тем более свойственная ему мечтательность, фантазийность. Поведение регулируется преимущественно собственными побуждениями и ощущениями, что обуславливает сложности адаптации, неуравновешенность.

Зафиксирована положительная связь между показателем *«личностная тревожность»* - *«прямолинейность - дипломатичность»* ($r = 0,308$ при $p = 0,05$). Можно предположить, что у людей со средним уровнем личностной тревожности, в зависимости от уровня ситуативной тревожности, могут проявляться как прямолинейность, так и дипломатичность. При росте ситуативной тревожности гибкость поведения снижается, а нечувствительность к нюансам общения и изменениям ситуации возрастает. Подтверждением этого предположения может служить отрицательная связь в ЭГ 2 между параметрами *«ситуативная тревожность»* - *«сдержанность – экспрессивность»* ($r = -0,348$ при $p = 0,05$) и положительная связь между параметрами *«ситуативная тревожность»* - *«застревание»* ($r = 0,292$ при $p = 0,05$). Т.е., у людей со средним уровнем личностной тревожности при повышении уровня ситуативной тревожности, появляется стремление к уединению, озабоченность, пессимистичность, бескомпромиссность. Критические замечания начинают восприниматься как личное оскорбление, запоминаются обиды. Что подтверждает наше предположение о смещении баланса между дипломатичностью и прямолинейностью в сторону последней в ситуациях, повышающих тревожность.

В ЭГ3 (N=35) корреляционный анализ переменных показал отрицательную взаимосвязь между параметрами *«тревожность»* - *«прямолинейность - дипломатичность»* ($r = -0,367$ при $p = 0,05$). Людям с высоким уровнем тревожности присуще такая черта характера как прямолинейность. Чем выше уровень тревожности, тем проявления прямолинейности ближе к бестактности. Для людей с высоким уровнем тревожности характерны недостаточная гибкость в поведении, нечувствительность к нюансам общения изменениям ситуации, склонность к конфликтам. Подтверждением этого мы находим положительную взаимосвязь в ЭГ3 между параметрами *«личностная тревожность»* - *«застревание»* ($r = 0,428$ при $p = 0,05$), *«ситуативная тревожность»* - *«экзальтированность»* ($r = 0,334$ при $p = 0,05$) и *«ситуативная тревожность»* - *«педантичность»* ($r = 0,384$ при $p = 0,05$). Таким образом, у людей с высоким уровнем личностной тревожности при повышении уровня ситуативной тревожности темп нарастания эмоциональных реакций и их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Чем сильнее тревожность, тем в более гипертрофированной форме предстают оттенки чувств и эмоциональная чувствительность в системе отношений. Критические замечания начинают восприниматься как личное оскорбление,

запоминаются обиды. Разрядка аффекта затруднена или невозможна. Эмпатические способности снижаются, в ярковыраженной форме проявляются бескомпромиссность, интеллектуальная ригидность, чувствительность к ошибкам и нарушениям норм, привычным стереотипам поведения.

Корреляционный анализ переменных показал отрицательную взаимосвязь между параметрами «личностная тревожность» - «гипертимность» ($r = -0,369$ при $p = 0,05$) и положительные связи между параметрами «личностная тревожность» - «дистимность» ($r = 0,373$ при $p = 0,05$), «циклотимность» ($r = 0,373$ при $p = 0,05$); «ситуативная тревожность» - «циклотимность» ($r = 0,349$ при $p = 0,05$). Это позволяет сделать выводы о том, что поведенческие проявления людей с высоким уровнем личностной тревожности не стабильны, и напрямую зависят от внешних обстоятельств и их эмоционального состояния. Уровень ситуативной тревожности обуславливает выраженность тех или иных личностных свойств. В ситуациях субъективно воспринимаемых как безопасные, высокотревожные люди спокойны, проявляют инициативность, интеллектуальную и моторную активность, общительность. При высоком уровне ситуативной тревожности они безынициативны, пессимистичны, малообщительны, мнительны и высоко эмоциональны, интеллектуальная и моторная активность низкая. Поскольку из-за высокого уровня личностной тревожности большой диапазон ситуаций воспринимается как небезопасный, уровень реактивной тревожности повышается быстро и часто.

Таким образом, полученные связи позволяют нам утверждать, что тревожность как устойчивое проявление эмоциональной сферы определяет такое коммуникативное свойство характера как дипломатичность. Люди с высоким уровнем личностной тревожности переживают большой диапазон ситуаций как угрожающие, в связи с этим, черты, характерные для ситуаций высокой тревожности становятся для них типичными и существенными, т.е. чертами характера.

Библиографический список

1. Батаршев, А.В. Психология индивидуальных различий: От темперамента – к характеру и типологии личности / А.В. Батаршев. - М.: Владос, 2000. – 256 с.
2. Лазурский, А.Ф. Очерк науки о характерах / А.Ф. Лазурский. – М.: Наука, 1995. – 271с.
3. Левитов, Н.Д. Вопросы психологии характера / Н.Д. Левитов. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1956. – 366с.
4. Прихожан, А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А.М. Прихожан. – Воронеж: МОДЭК, 2000. – 304с.
5. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Д.Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ-М, 2006. – 672 с.
6. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании / Е.И. Рогов. - М.: ВЛАДОС, 1996. - 529с.
7. Русалов В.М. Опросник черт характера взрослого человека (ОЧХ-В) / В.М. Русалов, О.Н. Манолова. – М: Типография МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2003. – 100с.
8. Справочник практического психолога. Психодиагностика / под. ред. С.Т. Посоховой. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. – 671с.
9. Теоретические проблемы психологии личности / отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1974. – 319 с.
10. Теплов, Б.М. Психология. Учебник для средней школы / Б.М. Теплов. – М., 1951. – 147с.

УДК 159.923

O.E. Radzihovskaya

*Novosibirsk Humanitarian Institute, Novosibirsk
Supervisor of studies O.O. Andronnikova*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE PERSON WITH WEAK IDENTITY

In the article psychological features of the person with weak identity are opened. The analysis of substantial filling of personal characteristics is carried out.

O.E. Радзиховская

*Новосибирский Гуманитарный Институт, г. Новосибирск
Научный руководитель О.О. Андронникова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СО СЛАБОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

В статье раскрыты психологические особенности личности со слабой идентичностью. Проведен анализ содержательного наполнения характеристик личности.

В период глобальных перемен в обществе, многие люди испытывают изменения сложившихся ранее идентичностей, формирование новых форм. Однако, специфика данного феномена и механизмы его формирования и функционирования до сих пор не достаточно изучены.

Впервые понятие «идентичности» было представлено Э. Эриксеном, который рассматривает идентичность, как конфигурацию, возникающую путем эгосинтеза и ресинтеза в течение детства. В структуре этой конфигурации объединяются конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, постоянные роли и успешные формы психических защит [4]. То есть идентичность это некоторая структура характеризуемая индивидуальностью, целостностью, тождественностью, исторической непрерывностью и социальной солидарностью, позволяющей ощущать целенаправленность и осмысленность жизни, уверенность во внешнем одобрении [3].

Содержание идентичности меняется от ситуации, но обеспечивает самооттождествление связанное с чувством тождества «Я». Согласно теории Эриксона, осознание человеком своего «Я» (идентичности) проходит на протяжении всей жизни. Динамика осознания идентичности выявлена Дж. Марсиа, который выделяет четыре статуса идентичности: диффузная идентичность, предрешенная, моратории, достигнутая идентичность.

Диффузная идентичность это слабая форма развития идентичности личности, связанная с отсутствием приверженности духовным ценностям, убеждениям, четким жизненным целям. При этом авторы выделяют два состояния слабой идентичности: первое связано с ощущением опустошенности и неудовлетворенности собой, второе - с легкомысленным образом жизни, не развитым представлением о себе.

Слабая идентичность личности, часто рассматривается в рамках клинической психологии. Это так называемые «неанализируемые пациенты»

или пациенты с личностными нарушениями. Всех этих людей объединяет дефицит в психике. Эта «полость» образуется рано, в результате неправильного воспитания. Анализ семей показал, что внешние условия проживания детей были достаточно благополучными, но контакт с родителями у этих детей был нарушен. Практически всегда родители были дистантными с ними. Так же нарушению отношений между детьми и родителями способствует мода на дополнительный персонал (няньки, интернаты и т.д.) в связи с чем, дети не получают достаточной эмоциональной поддержки людей, осуществляющими над ними опеку. Это приводит к тому, что в функционировании психики ребенка нарушается идентификация себя, то есть формирование спаянного «Я». Все это приводит к формированию одного из видов личностных нарушений, «слабой идентичности личности» [2].

Нами слабая, неспаянная идентичность (диффузная идентичность) личности рассматривается, как нарушение, при которой личность не ощущает себя, своего психического я (неосознанность, не принятие себя в настоящем, прошлом и в будущем времени, то есть, нет единства чувства себя, как целого «Я»).

В норме человек может чувствовать и вспоминать себя в прошлом, представлять в будущем. У лиц со слабой идентичностью это умение отсутствует или существует фрагментарно [2]. Иногда присутствует деперсонализация – чувство нереальности (существую или нет), страх исчезновения. Эти люди не чувствуют грань между сном и реальностью, ощущают себя как очень разных. Они склонны к диссоциации в травмирующих ситуациях. Слабая идентичность может быть выражена в том, что у них нет ярко выраженной гендерной половой дифференциации.

Слабая диффузная идентичность является ядром всех последующих состояний: импульсивности, внезапных, рационально необоснованных действий, которые могут быть опасными для них и окружающих. Для личности со слабой идентичностью характерна склонность к случайным сексуальным связям, формированию аддиктивного поведения (более 40 процентов этих лиц страдает перееданием, и более 30 процентов присутствует искусственное ограничение в еде), характерной особенностью такой личности является способность отказаться от зависимого поведения, выйти из зависимости.

Особо характерным типом аддикции является склонность к самоповреждению, не связанной с целью совершения самоубийства. Мысль о повреждении возникает на фоне нарастающего эмоционального напряжения, которое снижается после совершения самоповреждающего действия, давая психологическое облегчение. По исследованиям Ц.П. Короленко известно, что состояния тревоги и эмоционального напряжения чаще возникают у этих лиц, когда они находятся в одиночестве. Триггерами возникновения таких специфических состояний (Trigger – (прям. Перевод с англ. - «спусковой крючок») – воздействие которое активизирует реакцию бессознательной системы разума.) могут является, просмотр фильмов, прочтение книг и т.д. Так как у личности недостаточно сопротивления, чтобы подавить импульс, и отсутствуют другие способы выхода или переключения, единственным действенным способом снижения данного напряжения становится самоповреждение. Несмотря на то, что существует мнение, что разного рода самоповреждения, осуществляют люди с целью привлечения к себе внимания, лица со слабой идентичностью склонны скрывать попытки суицида [1].

По сути люди замещают психологическую травму на физическую. Иногда они имеют косвенное отношение к самоубийству, в результате стремления испытать себя. Склонность к самоповреждению могут постепенно захватить всю личность. Некоторые отечественные и зарубежные авторы (К. Вандерхольд, Г.И. Коплан, Ц.П. Короленко, Дж. Марсиа) говорят о тотальной личностной вовлеченностью в самоповреждение, указывая на несколько причин: иногда люди избавляются от тоски, ностальгии, внутреннего «отупения» с помощью самоповреждения; иногда используют при состояниях, ощущения себя мертвым изнутри.

Для слабой идентичности характерно мышление по типу «все или ничего», максимализм.

Еще одной характерной особенностью личности со слабой идентичностью является наличие такого феномена, как «пограничная мечта» (border line dream). Феномен характеризуется желанием стать лучше, компенсировать свою фрагментарность. Специфика компенсации заключается в том, чтобы объединиться с человеком, вступить в симбиотическую связь, и тогда «все должно быть хорошо». В некоторых случаях удается решить эту задачу и найти подходящего человека. Однако, эти отношения часто некрепки в результате двух факторов: импульсивности личности со слабой идентичностью и выраженной эмпатией (они тонко улавливают все происходящее с человеком, но по- своему интерпретируют). Учитывая склонность к разрыву отношений, любые изменения настроения партнера рассматриваются как потеря интереса, разрушения отношений, потеря любви. В случае если это осознание закрепилось, происходит максималистский ответ: «жизнь рухнула», личность испытывает ощущение разрушения мечты. Характерно, что в этой ситуации они меняют не только тактику, но и стратегию своего поведения, что выражается в том, что они бросают старые знакомства, начинают общаться с совершенно новыми людьми.

Достаточно часто личность со слабой идентичностью испытывает чувство пустоты (оно бывает разных оттенков: хаос, невозможность сконцентрироваться, скука).

Еще одной отличительной такой личности является сложность реализации социальных ролей, что обусловлено слабой персоной. Однако, иногда им это нравится, так как эта невозможность расценивается ими как естественность.

Таким образом, к психологическим особенностям личности со слабой идентичностью относятся такие характеристики, как: сложность ориентации во временной парадигме, неспособность самоидентификации в прошлом или в будущем, неспособность адекватно играть социальные роли, склонность к самоповреждению, многоликость и иногда непредсказуемость их поведения, склонность вступать в кратковременные симбиотические связи с последующим разрушением отношений.

Библиографический список

1. Короленко, Ц.П. Идентичность в норме и патологии / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. – Новосибирск: НГПУ, 2000. – 256 с.
2. Короленко, Ц.П. Лекции по аддиктологии / Ц.П. Короленко / неопубликованные лекции по аддиктологии. - Новосибирск 2009.
3. Сапожникова, Р.Б. исторический аспект к понимания идентичности / Р.Б. Сапожникова // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы II Международной научно-практической конференции. Ч.1. под науч. ред. О.А. Шамшиковой, Н.Я. Большуновой. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – с. 258-265.
4. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

M.S. Chekalina

*Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies S.B. Nesterova*

PSYCHOLOGICAL PHENOMENON «INTERNET DEPENDENCE»

In the article criteria, symptoms and types of internet dependence are considered.

М.С. Чекалина

*Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель С.Б. Нестерова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ»

В статье рассматриваются критерии, симптомы и виды интернет-зависимости.

Интернет – это обширная, разветвленная сеть, объединяющая компьютеры, расположенные в самых разнообразных точках Земли. На сегодняшний день Интернет, давно применяемый для научного и гражданского использования, прогрессирует и является основополагающим методом международного общения коммерческих организаций, некоммерческих фирм, автономных печатных и вещательных средств массовой информации и правительств. Способность иметь фактический и скоростной доступ ко всем системам и базам данных одновременно и при этом делать индивидуальный выбор – это уже замечательно, особенно не выходя из дома. Стоит войти в какую-нибудь информационно-поисковую систему, и вы получаете доступ ко всем, как кажется, областям знания. Развитие Интернета к возможности соединения «человек – компьютер» приплюсовало возможность соединения «человек – компьютер – человек». Сеть приобрела функции посредника со специальными задатками, а в сетевой компьютерной реальности образовались виртуальные сообщества, – группы, соединенные интернет-общением и имеющие специфические психологические свойства.

Не секрет, что информатизация общества имеет множество социальных последствий. Некоторые социально-психологические ее аспекты порождают ряд явлений и проблем, которые препятствуют достижению основных целей личностно-социального воспитания обучаемых, что вызывает особую тревогу у педагогов и психологов. Поэтому актуальность исследования проблемы интернет-зависимости становится все более очевидной. Интернет все больше и больше внедряется в нашу жизнь, становится одним из доминирующих инструментов, как для персональной, так и академической и профессиональной коммуникаций.

Все больше пользователей ежедневно подключается ко «Всемирной Паутине». Вся наша культура становится более зависимой от этой технологии, и неудивительно, что у некоторых людей возникают проблемы в связи с тем, что они слишком много времени проводят в Интернете. Соответственно, растет и количество исследований, посвященных изучению зависимости от Интернета. Речь идет о так называемой «интернет-зависимости».

Первыми с интернет-зависимостью столкнулись врачи-психотерапевты, а также компании, использующие в своей деятельности Интернет и несущие убытки, в случае, если у сотрудников появляется патологическое влечение к пребыванию он-лайн (англ. on line, «на линии»). Родоначалниками

психологического изучения феноменов зависимости от Интернета могут считаться два американца: клинический психолог К. Янг [10] и психиатр А. Голдберг [1].

В 1995 А. Голдберг [1] впервые введет термин «Интернет-зависимость» для обозначения патологической, непреодолимой тяге к использованию Интернет, отметив, что диагностические критерии данного расстройства в целом соответствует критериям DSM-IV для нехимических зависимостей, а именно – чрезмерное использование Интернета вызывает дистресс и причиняет ущерб физическому, психологическому, межличностному, семейному, экономическому или социальному статусу человека.

В 1997-1999 гг. были созданы первые исследовательские и консультативно-психотерапевтические веб-службы по проблематике интернет-аддикции, а в 1998-1999 гг. опубликованы первые монографии по данной проблеме (К. Янг, Д. Гринфилд, К. Сурргатт) [1]. Однако хотя интернет-зависимость сегодня является широко обсуждаемым вопросом в среде и психологов, и психиатров, ее статус пока находится на неофициальном уровне: данное расстройство, несмотря на множественные дебаты по данному поводу, так и не было включено в официальную классификацию психических заболеваний DSM-5.

Отечественные специалисты к данной проблеме относятся более спокойно. Так, по мнению заведующего лабораторией психологии информатизации МГУ А. Войкунского [3], пристрастие к интернету – это проблема, которой следует заниматься, но сам термин «зависимость» медико-психологический, и в данном случае его употреблении преждевременно.

По мнению психолога и автора сайта «Психология в интернете» Е.Щепиловой [8], зависимость от интернета может быть определена как навязчивое желание войти в сеть и нежелание выходить из нее. Непреодолимое стремление блуждать по Всемирной паутине бывает совершенно бесцельным. Просто интересным и увлекательным. Этим и отличается обычное пользование от зависимости. Сеть является средством ухода из реального мира, а поиск информации в Интернете – информационным вампиризмом. Для любого пользователя Интернета зависимость становится проблемой тогда, когда он начинает что-либо терять, а в реальном времени он это признает. Поведение таких людей предсказуемо: многочасовое времяпрепровождение в Сети, нет разделения во времени, чувство эйфории и безграничной свободы. Они не соблюдают режим питания, обманывают родственников и друзей, преуменьшая количество времени, проведенное в Сети. Добавим к этому физические расстройства: частые головные боли, рези в глазах, ломота в костях, скачки давления. Последняя стадия интернет-зависимости – это социальная дезадаптация. Люди перестают получать удовольствие от общения в Сети, но почему-то продолжают находиться в этом виртуальном мире. Это приводит, как правило, к депрессивным расстройствам, а результат – конфликты в семье и на работе. Сильный тип личности может сам справиться со сложившейся ситуацией. Слабому типу помощь могут оказать только специалисты. Психологи считают, что интернет-зависимые люди имеют массу комплексов, у них всегда существует проблема в общении. Идет процесс «разрушения» личности, во время которого человек не решает для себя важных бытовых и социальных проблем. Важно отметить и то, что в таком состоянии у человека развиваются мысли ухода от реальности, о возможности и способе его достижения.

Марк Гриффитс [9], сотрудник факультета психологии Ноттингемского Университета (Великобритания) предлагает операциональные критерии, в сумме определяющие зависимость:

а) приоритетность, особенность какого-либо типа деятельности (salience) — излюбленная деятельность приобрела первостепенное значение и преобладает в мыслях, чувствах и поступках (поведении);

б) изменение настроения (mood modification) — относится к субъективному опыту человека и сопутствует состоянию поглощенности деятельностью (примерами могут служить состояние эмоционального подъема либо, наоборот, приобретения спокойствия при переходе к любимому занятию);

в) толерантность (tolerance) — для достижения привычного эффекта требуется количественное увеличение параметров деятельности;

г) симптомы разрыва (withdrawal symptoms) — возникновение неприятных ощущений или физиологических реакций при потере или внезапном сокращении возможностей заниматься любимой деятельностью;

д) конфликт (conflict) — относится ко всем разновидностям конфликтов: интрапсихическим; межличностным (с окружающими людьми); с другими видами деятельности (работа, социальная жизнь, хобби и интересы);

е) рецидив (relapse) — возврат к излюбленной ранее деятельности, иногда после многолетнего абстинентного периода.

В том, что касается взаимосвязи интернет-зависимости и личностных особенностей пользователя, одновременно отмечается:

- повышенная склонность к доминированию, социальная смелость и низкая уверенность в себе, низкая самооценка;

- негативизм в коммуникациях, интроверсия и экстраверсия;

- низкий уровень самораскрытия, слабое стремление к самоизменениям и непринужденность, открытость новому опыту;

- снижение количества социальных контактов и увеличение количества партнеров по коммуникациям;

- повышенная склонность к риску и выраженное стремление к избеганию неудачи;

- неконформизм и зависимость от социального контроля.

М.Озрак [9], директор службы компьютерного привыкания клиники McLean выделила ряд психологических и физических симптомов, характерных для интернет-зависимости:

Психологические симптомы:

- хорошее самочувствие или эйфория за компьютером;
- невозможность остановиться;
- увеличение количества времени, проводимого за компьютером;
- пренебрежение семьей и друзьями;
- ощущения пустоты, депрессии, раздражения, будучи не за компьютером;
- проблемы с работой или учебой;
- ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности.

Физические симптомы:

• синдром карпального канала (туннельное поражение нервных стволов руки, связанное с длительным перенапряжением мышц);

- сухость в глазах;
- головные боли по типу мигрени;
- боли в спине;
- нерегулярное питание, пропуск приемов пищи;

- пренебрежение личной гигиеной;
- расстройство сна, пренебрежение режимом сна.

М.Шоттон [9] разработала типологию зависимости от компьютера, включив туда три разновидности такой зависимости.

Во-первых, это сетевики: они оптимистичны, в наибольшей степени - сравнительно с другими типами зависимости - социально активны и позитивно настроены к другим людям, имеют друзей, в том числе противоположного пола, поддерживают нормальные отношения с родителями: компьютер для них - нечто вроде хобби: они могут интересоваться поиском в удаленных базах данных или, к примеру, играть в ролевые групповые игры типа MUD, однако при этом они меньше, чем другие выделенные типы зависимых от компьютеров людей, самостоятельно программируют, в меньшей степени интересуются приложениями - скажем, компьютерной графикой - или аппаратным обеспечением.

Во-вторых, это рабочие - самая малочисленная группа. Они владеют наиболее современными и дорогими компьютерами. Процесс программирования у них четко спланирован, программы пишутся ими для достижения нужного результата. Как правило, представители этой группы прекрасно учились или учатся, причем их не удовлетворяет стандартная программа обучения и они посещают дополнительные учебные курсы. Для них характерна весьма строгая «рабочая этика»: например, неприемлем всякий род «компьютерного пиратства».

В-третьих, это исследователи -самая многочисленная группа. Для них программирование сродни интеллектуальному вызову и одновременно развлечению. Они пишут сверхсложные программы, зачастую даже не доводя их до конца и принимаясь за новые, более сложные. Представители этой группы с удовольствием занимаются отладкой программ; компьютерное пиратство и хакерство они приемлют, полагая их «честной игрой» против других программистов (разработчиков программ) и/или администраторов вычислительных систем. С формальной стороны, уровень образования у них ниже, чем, скажем, у «рабочих», - при этом они не только не отстают от имеющих более весомые дипломы коллег, но и зачастую превосходят их объемом знаний. Амбиций также немного: ни высокие должности, ни большиеклады не играют для них главенствующей роли. Таким образом, к социальным критериям жизненного преуспевания они довольно равнодушны. Для «исследователей» компьютер - своего рода партнер и друг, он зачастую одушевляется, с ним проще взаимодействовать, нежели с людьми.

Интернет-зависимость» - это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями. К. Янг [10] охарактеризовала пять основных типов Интернет-зависимости:

- 1)обсессивное пристрастие к работе с компьютером (играм, программированию или другим видам деятельности);
- 2)компульсивная навигация по WWW, поиск в удаленных базах данных;
- 3)патологическая привязанность к опосредствованным Интернетом азартным играм, онлайн-аукционам или электронным покупкам;
- 4)зависимость от социальных применений Интернета, т.е. от общения в чатах, групповых играх и телеконференциях, что может в итоге привести к замене имеющихся в реальной жизни семьи и друзей виртуальными;
- 5)зависимость от «киберсекса», т.е. от порнографических сайтов в Интернете, обсуждения сексуальной тематики в чатах или закрытых группах

«для взрослых».

Качественный анализ показал, что главенствующим фактором, благодаря которому все эти явления получили широкое распространение, является анонимность личности в Сети. Особенно анонимность увязана с четырьмя главными расстройствами:

1. Усиление различных отклонений от нормы, ложь и даже совершение криминальных действий типа просмотра и скачивания непристойных или же вовсе запрещенных картинок (детская порнография), которые широко распространены на многих сайтах. Важно чтобы люди, которые развлекаются просмотром подобных изображений, тем самым удовлетворяя свои сексуальные фантазии, не пытались контактировать с детьми в реальной жизни. Такое поведение очень часто начинается как любопытство и заканчивается как влечение. В таких случаях показана психотерапия, направленная на нормализацию сексуальных влечений с целью уменьшения потенциального риска.

2. Виртуальный мир, в котором человек чувствует себя намного комфортней, чем в реальной жизни создает угрозу для успешности реальной жизни. В подобных случаях используется персональная психотерапия, целью которой является уменьшение желания сбежать из реального мира.

3. Интерактивные компоненты сети облегчают создание киберзависимости, которая негативно влияет на внутрисемейные отношения и стабильность семьи как таковой, что в первую очередь ведет к отдалению людей в реальной жизни и к разводу. В этом случае применяется индивидуальная и семейная терапия, в процессе которой супруги работают вместе над примирением и воссозданием семьи после измен в сети.

4. Возможность создания альтернативных он-лайн персонажей, в зависимости от настроения и желания самого пользователя, что создает возможность уйти от реального мира с его эмоциональными проблемами (например, стресс, депрессия, беспокойство), или же от простых жизненных сложностей (обилие работы, проблемы в учебе, внезапная безработица, расстройства в семье). Мгновенное бегство в фантастический мир Интернет служит поддержкой для привыкания, за которым следует ухудшение настроения и психологические разногласия, которые лечатся психотерапией и, в случае необходимости, фармакологическим вмешательством

Постановка правильного диагноза зачастую осложняется тем, что пока не существует официально утвержденных критериев для определения степени привязанности к Интернету, тем не менее, уже создана система критериев, представленная в четвертом издании книги Американской Психиатрической Ассоциации под названием «Диагностический и статистический справочник по психическим расстройствам». Из всех диагнозов, описанных в этой книге, как наиболее близкую модель можно использовать «патологическое влечение к азартным играм». Если следовать этой модели, то привыкание к Интернету можно определить как расстройство волевого контроля, не вызванное химическими веществами.

Значительное место в исследовательской практике специалистов, разрабатывающих проблематику зависимости от Интернета, занимают качественные методы. Вплоть до настоящего времени большая часть исследований методически построена как интервью, массовые сетевые опросы и групповые обсуждения с участием испытуемых, которые ощутили психологический дискомфорт и сами инициировали взаимодействие с исследователями. Контрольные группы, как правило, не формируются,

клинические интервью не практикуются. Методические погрешности проведенных в этой области исследований неоднократно критиковались. Лишь в последнее время появились немногочисленные пока что лабораторные и клинические исследования, которым, разумеется, недостает присущей сетевым опросам массовости. Практикуется также публикация материалов, содержащих анализ случаев (case studies) или включенного наблюдения за деятельностью аддиктов - например, в ходе сетевой игры. Следует отметить также рост числа количественных (прежде всего корреляционных и факторных) исследований.

Интернет сам по себе нейтральное средство, изначально предназначавшееся для научно-исследовательских и военных целей. Сейчас дискуссия о вреде Интернета достаточно серьезна. Рассмотрение глобальной Сети с этой точки зрения является новым феноменом, который почти не изучен. Некоторые психиатры недостаточно осведомлены в этой области и не могут понять сложность этой опасной зависимости. С другой стороны, влияние Сети на личную жизнь может быть минимальным.

За годы интенсивных обсуждений и разработки соответствующей проблематики (прошло, правда, менее десяти лет с момента постановки проблемы) практически не добавилось убедительных клинических данных, которые говорили бы в пользу подобной трактовки рассмотренной в статье феноменологии. Не удалось также существенно развить на примере Интернет-аддикции теоретические и методологические представления о поведенческих формах зависимости, активно разрабатываемые в настоящее время специалистами по психическому здоровью. Возникла даже точка зрения, согласно которой Интернет-аддикция может трактоваться как одно из заблуждений современного поколения психологов и психотерапевтов. А вот само существование феномена зависимости от Интернета и соответствующих форм поведения представляется несомненным. Он требует тщательного психологического изучения и - все чаще - проведения практической терапевтической работы.

Библиографический список

1. Белинская, Е. Интернет-зависимость: аддитивные формы поведения / Е. Белинская // Народное образование. – 2009. - №7. – С.268-275.
2. Войскунский, А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета / А.Е. Войскунский // Психологический журнал. - 2004. - Т.25. - № 1. – С.90-100.
3. Войскунский, А.Е. Феномен зависимости от Интернета / Под ред. А.Е. Войскунского // Гуманитарные исследования в Интернете. - М, 2000. – С.100-131.
4. Гоголева, А.В. Аддитивное поведение и его профилактика / А.В. Гоголева. - Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК. - 2002. - 240 с.
5. Краснова, С.В. Как справиться с компьютерной зависимостью / С.В. Краснова, Н. Р. Казарян, В. С. Тундалева и др. – М.: Эксмо, 2008.
6. Смирнова, И. Зависимость от виртуального мира: как уберечь подростков от этой напасти? / И. Смирнова // Директор школы. – 2004. - №6. – С.95-99.
7. Ретивых, Е.П. Социальная картина мира у подростков с тенденцией к компьютерной зависимости / Е.П. Ретивых // Школа здоровья. – 2008. - №4. – С.31-34.
8. Ушакова, Е. Зависимость или увлечение? / Е.Ушакова // Директор школы. – 2006. - №8. – С.99-101.
9. Федосов, А. Диагноз — интернет-зависимость / А. Федосов // Учитель. – 2008. - №3. – С.80-83.
10. Янг, К.С. Диагноз — Интернет-зависимость / К.С. Янг // Мир Интернет. - 2000. - №2. - С.24-29.

E.O. Shamshikova, V.I. Volohova
Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies E.O. Shamshikova

THEORETICAL ANALYSIS OF BOUNDARY IN THE MIND MODEL OF ERNEST HARTMANN

The article is devoted to the theoretical analysis of multidimensional model of boundaries in the mind of Ernest Hartmann which is based on the idea of «thin» and «thick» boundaries.

E.O. Шамшикова, В.И. Волохова
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель Е.О. Шамшикова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛИ ГРАНИЦ В ПСИХИКЕ ЭРНСТА ХАРТМАННА

Данная статья посвящена теоретическому анализу многомерной модели границ в психике Эрнста Хартманна, в основу которой положена идея «тонких» и «толстых» границ.

На современном этапе развития науки понятие тонких или толстых границ в психике рассматривается довольно-таки широко. Оно включает в себя множество личностных характеристик и черт характера, которые не обязательно рассматривать, как связанные воедино. Но как у людей, которым снятся ночные кошмары, так и некоторых других групп, их можно обнаружить вместе. Это кажется хорошей возможностью, так как различные виды границ, могут иметь нечто общее и исследование их в целом, может показать интересную и полезную перспективу[1].

Эрнст Хартманн представляет границы, как «новое измерение личности». Рассматривая исследования психологов и психоаналитиков по данной теме, невольно встает вопрос о том, что нового и значимого можно найти для понимания природы границ – в теории Э.Хартманна. Взяв за основу постулат Пауля Федерна, о том, что внешние и внутренние границы существуют, Э.Хартманн выделил четыре измерения границ личности (тонкие, толстые, внешние, внутренние), которые затем он разложил (идентифицировал) на большое количество экспериментальных объектов. С помощью специально разработанного инструментария «Опросник Границ», который был в первую очередь основан на психоаналитической концепции функционирования личности, и затем предложен большому количеству испытуемых на протяжении длительного времени, Э.Хартманн и его команда исследовали и пытались подтвердить ряд гипотез о природе измерения границ [5].

Переосмыслив теорию П. Федерна, о разделении между внутренними и внешними границами, и в особенности основываясь на клиническом опыте, Эрнст Хартманн представил теорию границ для более широкого клинического применения. В то же время, освободив концепт границ от присущих ему идей («отсутствия энергии») о границах эго, и настаивая на понятии границ в психике, Э.Хартманн избежал противоречивых дискуссий о том, являются ли границы структурой либо процессом. Для Э. Хартманна границы это измеряемые качества или атрибуты психики, первоначально основывающиеся на нейробиологических связях (имеющие нейробиологические основания).

Исследования Эрнста Хартманна, в свете его теории о сновидениях и фантазиях, первоначально начались с изучения страданий людей от частых ночных кошмаров. Он обнаружил, что эта группа лиц обладает особыми устойчивыми характеристиками: слитностью и отсутствием связанности в само-идентичности, открытостью и уязвимостью в социальных контактах, и к тому же отсутствием прочных защитных механизмов. Эрнст Хартманн определил эту индивидуальную черту (характеристику), как «тонкие границы». Противоположенной чертой он обозначил «толстые границы» (четкость и связанность в само-идентичности, четкость в межличностных транзакциях, и, в общем и целом стабильное функционирование). Он предложил рассматривать «толстые и тонкие границы, как широкий диапазон индивидуальных различий». Границы Эрнста Хартманна - это дихотомия, включающая в себя континуум тонких – толстых границ. Наилучшее понимание достигается путем сопоставления этих двух противоположенных конфигураций. Говорим ли мы о жестких или рваных границах стремясь измерить проницаемость – непроницаемость (факторы открытости – закрытости демаркации), или определяем границы через ряд противоположностей, тем не менее, концепт границ выглядит довольно таки иллюзорным.

Эрнст Хартманн делает вывод [3], что тонкие или толстые границы одинаково относятся как конституциональным факторам, так и к первичной (ранней) травме. Ранняя травма, сексуальная или вызванная отвержением, использованием, деривацией, или хаотичным неструктурированным внешним пространством может быть причиной развития тонких границ. Э.Хартманн утверждал, что в младенчестве и раннем детстве границы всегда тонкие, и они начинают утолщаться в латентном периоде (с 5 до 10 лет). Утолщение границ зависит как от социальных, так и от биологических факторов. Интересная связь была зафиксирована между параметрами «сильная идентификация с родителем того же пола» и «толщина границ». Выдвинутое на основании проведенного исследования, предположение заключалось в том, что определенная толщина внутренних границ необходима для нормального психологического функционирования и что, в то же самое время, сообразная тонкость внешних границ усиливает социальные взаимодействия, и увеличивает личностную (индивидуальную) чувствительность к психической реальности другого индивида. Однако слишком тонкие внешние границы часто вызывают защитное, ригидное или даже параноидное отношение к внешнему миру.

Исследователя так же интересовал вопрос, о том, существует ли взаимосвязь между ночными кошмарами и тонкостью границ [5]. Подобной взаимосвязи обнаружено не было, однако была зафиксирована сильная положительная связь между параметрами «тонкость внутренних границ» и «частота запоминания сновидений». Подобная взаимосвязь не удивительна, так как по Э.Хартманну [1] сам по себе процесс сновидения представляет чрезвычайно тонкие границы психического состояния (1991).

Творчество - это еще одна тема, которой были просвещены исследования. Взаимосвязей между параметрами «принадлежность к творческой группе» и «тонкость внутренних границ» зафиксировано не было. Эрнст Хартманн предположил, что наличие творческого таланта более значимо для создания произведений искусств, чем наличие таких личностных черт, как открытость, чувствительность, подвижность (тонкость границ). Согласно исследованиям, происходит приспособление тонких границ к основным качествам, необходимым для творческого процесса, таким как: увеличение ассоциативной

способности, открытость опыту, и легкость погружения в фантазии. Курт Левин писал, «что допуская предположение о том, что до-существующее (до-субъектное) состояние тонких границ, вероятно связано с незаконченной или фрагментарной интернализацией «Я» и объекта репрезентации ...<...> ... может облегчить доступ к первичному процессу мышления ...<...>... у некоторых личностей или у одного и того же человека в разное время, и эти внутриспсихические условия ...<...> ... могут вести к увеличению креативности» [цит. по 4].

Эрнст Хартманн так же при исследовании границ основывался на нейробиологическом анализе. Он обнаружил, что норепенифрин и серотонин, которые увеличивают мозговую активность вызывают в состоянии бодрствования настроенность, относящуюся к толщине границ, в то время как, снижение активности вызывает состояние сходное с со сном с быстрым движением глаз «глазным тиком» (REM) (относящееся к тонкости границ) и могут играть важную роль в процессе регулирования данных функций.

«Тонкие границы» проявляются в недостатке разделенности между областями и процессами в психике, и так же в недостатке «стен» и защит.

Существует множество **типов границ**, и они в некотором смысле взаимосвязаны:

Границы восприятия:

- между стимулами;
- фокусом восприятия;
- вокруг воспринимаемых реальностей.

Границы, относящиеся к мыслям и чувствам (границы мыслей и чувств):

- между двумя мыслями или двумя чувствами;
- между мыслями и чувствами;
- вокруг мыслей и чувств (свободные ассоциации).

Границы состояния осознанности или сознания:

- между состоянием сна и бодрствования;
- между сновидениями и бодрствованием;
- в и вокруг сна;
- сны на иву.

Границы памяти:

- ранние воспоминания;
- поздние воспоминания и организация памяти;
- личное прошлое;
- личное будущее.

Границы тела:

- барьеры против стимулов;
- кожа как границы;
- поза и мускулатура как границы;
- личная территория как границы тела.

Межличностные границы.

Границы между сознанием и бессознательным и между Id, Ego, Super-ego.

Защитные механизмы как границы

Границы идентичности:

- сексуальная идентичность;
- возрастная идентичность (между детством и взрослостью);
- постоянство идентичности.

Групповые границы.

Границы в организации жизни.
Границы в предпочтениях окружающей среды.
Границы в мнениях и убеждениях.
Границы в принятии решений и поступках[2].

Перцептивные границы

Ощущение и сенсорный стимул

Эрнст Хартманн говорит о том, что границы существуют даже на простом уровне входа к нашим различным чувствам. Они могут быть полностью отдельными и отличными, или они могут соединяться и связываться друг с другом. Смотря на картину, человек с толстыми границами говорит: «Я вижу коричневый дом на лугу». Кто-то с очень тонкими границами мог бы сказать: «Свет на этой картине настолько насыщенный, что я могу ощутить его» или «белый свет на ставнях пронзителен – мне кажется, что это какой-то знак». Последнее относят к синестезии, объединению восприятия от различных модальностей ощущения, или, более технически, возникновения образов в одной модальности ощущения в ответ на стимуляцию в другом. Чувствительность к любому сенсорному стимулу – также тип границ.

Границы вокруг фокуса восприятия

Бывает, что некоторые люди сосредотачиваются конкретно на одном предмете в окружающей среде, исследуют его и переходят к следующему – это тип толстой границы. Другие, с тонкими границами, имеют более широкий и возможно более нечёткий кругозор. Они обращают внимание на несколько предметов сразу. Один человек, у которого чрезвычайно тонкие границы, говорит: «Когда одновременно много информации, то я не могу сосредоточиться на чём-то одном». Об этом виде опыта иногда думали, как об аспекте шизофрении, и это конечно происходит у пациентов во время начала психотического эпизода. Но Э.Хартманн отмечает, что слышал подобное от людей, у которых нет никакого свидетельства психического заболевания, но у которых всё же, есть тонкие границы во всех смыслах.

Границы вокруг воспринимаемых реальностей

Кто-то видит, слышит, чувствует запах одной вещи как некоего целого, а у кого-то эта вещь сливается и связывается с другими предметами. Толстая граница здесь могла бы быть выражена: «это белый двухэтажный дом». А тонкая граница, напротив – «это – интересно выглядящий белый дом, находится ли он в Южном Вермоте? Он напоминает мне дом, который ...». Другими словами, человек с тонкими границами не останавливается только на внешнем облике предмета, а неожиданно соединяет его с другими объектами восприятия, чувствами и т.д. Тонкая граница незамедлительно вовлекает тенденцию свободного соединения.

Границы, связанные с мыслями и чувствами

Подобно ощущениям, мысли так же могут оставаться изолированными и самостоятельными. Люди с толстыми границами придерживаются такой тактики – окончательно продумать что-то, затем остановится и продолжить дальше. В тонкой границе, наоборот, каждая мысль расширяется, соединяется с другими мыслями, и напоминает другие образы психики. Этот процесс, конечно, заканчивается, но часто нет никакого чувства завершения. Одна умная талантливая женщина описала нечто похожее в энциклопедии: «Я что-то записываю и затем обдумываю это. Но эти мысли влекут за собой новые размышления. А потом взгляд остановлен соседними записями, которые тоже

кажутся важными. Здесь так много интересного материала, и могут пройти часы до того, как я возвращусь к вопросу, с которого начинала».

Границы между двумя чувствами труднее идентифицировать, но есть также некоторые люди, испытывающие единственное прямое, отдельное от других чувство и останавливаются на нём, например: «Он ударил меня, и я действительно рассердился», «Я выиграл гонку – это великолепно!».

В то же время другие, с тонкими границами, скользят от одного чувства к другому или имеют смесь ощущений, трудно помещающихся в отдельные слова. Вероятно, приходится даже составлять новые слова или словосочетания, чтобы описать эти смешанные чувства. Можно найти слова на других языках, например, есть полезное англосаксонское слово «teem», означающее гнев, горе.

Границы между мыслью и чувствами также могут быть толстыми и тонкими. Для людей с толстыми границами мысль – одна вещь, чувство – другая. Если у Вас есть проблема и вы размышляете, используя чистую логическую мысль, чувство здесь не запущено: «Чувства только мешают принятию правильного решения». Конечно, чувства существуют, но они сохранены отдельно. После вкусной еды Вы чувствуете себя хорошо, а когда вы простудились – чувствуете себя ужасно. Но вы не чувствуете в то время, когда думаете. Толстые границы могут вовлечь защитное предотвращение чувства, которое будет спрятано под «обороной».

Вероятно, люди с тонкими границами объединяют мысль и чувство: «Всякая важная мысль включает и чувство тоже», «я не могу не вообразить, приняв решение». Они могут прийти к заключению и принять решение, будучи уверенным, решали ли они на основе мысли или чувства, или обоих.

В.Б.Етс (W.B. Yeats) выражал ясное предпочтение этому тонко-граничащему стилю, когда писал:

Бог хранит меня от тех мыслей, думают люди

Каждый сам по себе;

Он, который поёт одну и ту же песню

Думает до глубины души.

(W.B. Yeats «Молитва старости»).

Связь границ между мыслями, между чувствами, или между мыслями и чувствами – способность или тенденция объединения. Человек с толстыми границами предпочитает прямое линейное решение проблемы. Например, в психотерапии, где врач может проинструктировать пациента: «Только скажите мне, что приходит на ум». Человек с толстыми границами не может сделать это легко – ничто не приходит на ум, пока определённое не определено. Такой человек вероятно скажет: «Только задайте мне некоторые вопросы, и я буду рад на них ответить». Эрнст Хартманн приводит несколько фраз, которые они используют: «Это – то, как это», «Нет ничего больше, чтобы сказать».

Для человека с тонкими границами одна лишь мысль приводит к другой, одно изображение – к другому, часто присоединяя чувство. Такой человек делает так в пределах психотерапии, так же как и внутри себя.

Границы, связанные с состоянием осознанности и сознания

Для людей с толстыми границами состояние сознания является чётким. Если в данный момент они не спят, значит они находятся в обычном пробуждении, интеллектуальном состоянии. Время от времени они могут мечтать или немного помечтать когда прилягут. Для людей с тонкими границами существует много промежуточных состояний. Они проводят

большое количество времени в мечтательности, в задумчивости, или в неопределённых состояниях, легко передвигаясь от одного к другому.

Один человек с толстыми границами говорит: «Я не помню своей мечты, у меня действительно нет фантазий». «Хорошо, я соглашусь, иногда думаю, как это быть миллионером. Но это кажется мне глупым, если я планирую реально зарабатывать деньги». Толстые границы в этом смысле привлекают удобной уверенностью, что каждый здесь полностью бодрствует. А другие состояния являются случайными, странными или изворотливыми.

Тонкие границы предполагают легкое слияние в фантазию или яркое воспоминание. Люди с тонкими границами в этом смысле потеряны в фантазии, они имеют события де-жа-вю. Опросник границ лучше выявляет тонкие границы, и один из вопросов такой: «У меня были события: кто-то называет меня по имени или говорит моё имя, и я не уверен, случилось ли это действительно, или мне показалось это».

Границы мечты – сна – пробуждения

Для человека с толстыми границами переход от сна до пробуждения быстрый и ясный. «Я сразу энергичен утром. Это похоже на щелчок, и я просыпаюсь». В отличие от него, кто-то с очень тонкими границами настаивает: «Часто мне требуется полчаса, чтобы удостовериться, что я действительно бодрствую утром, особенно, когда у меня только что был яркий сон».

Человек с толстыми границами помнит небольшое количество мечтаний. Такой человек, пробуждающийся от сна, неожиданно полностью бодрствует, без связей со сном, никаких промежуточных состояний. Для человека с тонкими границами сон может продолжаться и в пробуждении. Могут быть промежуточные состояния того, когда он не уверен, видит ли он сон или просыпается: «Когда у меня был яркий сон, он остаётся со мной в течение многих часов, иногда весь день, я не могу от него избавиться. Иногда мне это мешает: в отношениях с людьми, которых я встречаю в тот день, больше имеет значение чувства от того сна, нежели, что фактически люди говорят или делают» [1,с.30].

Если у человека толстые границы, то сон он видит отдельно от остальной части жизни. Если человек помнит сны вообще, то они похожи на кино или на кинофильмы, в которых он действуют. Затем человек просыпается.

Для кого-то с очень тонкими границами сны не настолько просты. Человек с тонкими границами помнит много слов из сна, а некоторые – истории. Спящий может быть и сам кем-то во сне: люди с очень тонкими границами говорят, что часто в их снах они представители противоположного пола или даже животного. Э.Хартманн пишет: «Одна женщина говорила мне, что ей часто снятся сны, в которых она большая белая птица» [1,с.29].

У человека с тонкими границами может быть ложное пробуждение или сны в «пределах снов». Например, «Мне снятся такие сны, в которых случается что-то страшное и я просыпаюсь. Я нахожусь в своей кровати, затем я встаю и начинаю делать то, что делаю всегда. Но тогда кто-то входит в комнату, тот, кто живёт далеко, или даже мёртв, как мой отец. Тогда я предполагаю что это сон, и наконец, просыпаюсь снова, но теперь действительно бодрствую в своей реальной кровати». Вероятно, что у людей с тонкими границами будут ясные сны, в которых они осознают, что это сон. Здесь осознаваемый сон и бодрствующее сознание препятствуют одновременно.

Границы вокруг мечтания тесно связаны с границами состояния сознания. Люди с толстыми границами не проводят много времени в мечтах. Когда они

действительно мечтают, то их мечта хорошо очерчена и целеустремлённа, часто походит на решение проблемы на заседании: «И так, я вижу, что я делаю то и это, или «давайте посмотрим, смогу ли я решить эту проблему».

Люди с тонкими границами проводят много времени в мечтах, которые обычно яркие, живые, и дезорганизованные. Не всегда ясно, где останавливаются мечты и начинается обычное сознание. Мечты не всегда находятся под контролем. Некоторые люди с тонкими границами описывают наличие «кошмаров», когда воображение уводит их собственную жизнь из-под контроля.

Границы связанные с игрой

Царство игры, близко связано с мечтами и фантазиями. Люди с тонкими границами, вспоминая свою игру говорят о том, что были глубоко вовлечены и потеряны в ней. Для них игра была реальна и, время от времени даже прорывалась в повседневную жизнь так, что они не были уверены, что было игрой, а что реальностью. И это обычно напоминает неструктурную игру фантазии, «свободная игра», или фантазия. Люди с толстыми границами менее вовлекаемы в свободно плавающую игру. Для них игра обычно более структурирована и хорошо разграничена от остальной части жизни. Когда они думают об игре, то речь идёт о спортивных состязаниях команды и настольных играх.

Границы, связанные с памятью

Большинство из нас помнит немного из первых лет нашей жизни. Зигмунд Фрейд использовал термин репрессия, чтобы обратиться к нашим воспоминаниям сознания возраста 5 или 6 лет – воспоминания, связанные с опасными желаниями и чувствами Эдипова комплекса.

Э.Хартманн считает, что у большинства людей есть граница, отделяющая их первые годы (когда они почти лично не помнят) от более поздних лет (когда воспоминания относительно сложны и формируют связанное целое). Толстая граница в этом смысле вовлекает относительно последнюю и твёрдую разделительную линию, или массивную репрессию. Два различных пациента с очень толстыми границами доказывали мне: «Я не хочу помнить ничего, что происходило со мной до 8 лет», или «мои реальные воспоминания начинаются с 10 лет».

Одна женщина с очень тонкими границами вспоминала много из возраста 2-2,5 года. Она сама была удивлена, что так много можно помнить с тех лет, но она согласовывала свои воспоминания с родителями, которые подтверждали их целиком. У другой женщины с тонкими границами были за многие годы яркие воспоминания о своём доме. В юности она, наконец, обсудила их со своей матерью, которая была поражена: воспоминания определённо упомянули дом, в котором они жили, когда дочь была младенцем. Когда ребёнку было 14 месяцев, они переехали в другой город, и она никогда не видела дом снова.

Люди с очень толстыми границами имеют дело с проблемами в настоящий момент и относительно будущего. Они вызывают определённые воспоминания когда необходимо, и затем откладывают их аккуратно в такие места, как если бы они вытаскивали папку/файл и откладывали её в картотечном блоке. В этом смысле у людей с тонкими границами есть свои воспоминания, которые в какой-то мере живут с ними. Люди с тонкими границами живут в прошлом так же, как в настоящем моменте. Это – как если бы они имели папки, которые не аккуратно упакованы и лежащие вокруг беспорядочно на столе, всегда на виду,

и, возможно, использовались повседневно. Кроме того, воспоминания часто яркие и реальные, и трудно отделимые от настоящего времени.

Другой аспект границ, связанных с памятью, включает отношение к личному прошлому. Толстое представление должно в основном поместить прошлое позади и продолжать сталкиваться с сегодняшними трудностями. Люди с тонкими границами здесь очень вовлечены в своё личное прошлое, прошлое всегда в их памяти.

Границы, включающие память, также близко связаны с границами, включающие будущие планы. Толстая граница здесь означает иметь точные, хорошо очерченные планы. Конечно, они основаны на прошлом, но всё же сохранены отдельно: «Я легко могу рассказать, что я буду делать каждый год в течение нескольких лет». Тонкие границы означают жить в сети прошлого и будущего без ясных установленных планов. Всё связано: будущее зависит от многих факторов, и невозможно знать что будет в будущем на протяжении нескольких лет.

Границы тела

Барьеры против стимулов

Эрнст Хартманн говорит том, что некоторые границы тела формируют барьеры между нами и внешним миром. «Во-первых, у всех нас есть психофизиологический барьер против внешнего яркого света, громких звуков и т.д. Тонкие границы в этом смысле имеют относительно маленькую защиту, будучи очень чувствительными и часто обеспокоенными раздражителем. Одна женщина рассказывала мне: «Мой друг и я очень близкие люди. Мы думаем о женитьбе. Но я никогда не могу позволить ему провести целую ночь в моей кровати. Я слышу его перемещения, я чувствую движение с места на место, я слышу изменения на кровати, и это держит меня в напряжении всю ночь. И это касается не только его; если кто-то другой – то ещё хуже. Я никогда не могла спать с кем-либо в одной комнате»[1, с.33].

D.Bergman и S.Escalona (1949) приводят клинические описания детей, у которых была необычно сильная чувствительность этого вида в очень раннем возрасте:

«Стелла ... была, очевидно, чувствительна с раннего возраста. Она резко убирала свою голову, когда солнечный свет попадал на неё. Её глаза обычно смотрели искоса среди белого дня. Когда она ехала на автомобиле ночью, она мигала и наклоняла голову против огней (свет фар)... Стелла имела привычку мигать, когда она слышала громкий голос или хлопок рук. Она ... никогда не барабанила на фортепиано, а скорее играла на нём очень мягко... Стелла была очень чувствительна к холодному воздуху; и жаркая погода казалось, также вызывала её дискомфорт»[1, с.33].

Фактически все авторы именуют это как «необычно тонкий защитный барьер».

Кожа как граница

Граница между внутренней частью тела и снаружи для некоторых людей является абсолютной и постоянной. Граница тела не изменяется. Это – тип толстой границы. У других есть менее твёрдый или определённый тип кожи как предотвращающая граница; когда они смягчены – например, принятие ванны, или, когда они «спят на ходу» - может казаться, что их тела, увеличиваются или сливаются с внешней средой. Они могут иметь ощущение слияния с другим человеком физически, целуя или занимаясь любовью, или же чувствуя себя влюблённым или чувствуя себя очень близко к кому-либо. У некоторых людей

во время напряжения или болезни, есть ощущение потери границы тела; они могут упасть, или их часть тела изменяет форму и размер, или как будто что-то выходит из тела.

Поза и мускулатура как границы

Границы тела также отражены в положении тела и мускулатуре. Хотя не буквально в границе тела, поскольку кожа и функция мускулов выражает то, что происходит в психике и мозге, но у некоторых людей мускулы выражают многое о своих границах. Люди с очень толстыми границами характерно держат своё тело – особенно их грудь, плечи – это оружие – твёрдый, мощный щит, который предполагает: «не трогайте меня, держитесь отдельно!». Иногда таким образом показывается защитное положение, положение крепости. Это порой бывает весьма неосознанно: человек редко догадывается об этом, хотя другие замечают и могут думать о таком человеке как «твёрдом» и «трудном». Те люди, у которых очень тонкие границы производят противоположное впечатление: мягкий, гибкий, иногда с нехваткой основательности, как будто их тело могло бы сломаться. Иногда их тела, кажется, приглашают на контакт или добиваются прикосновений.

Личная территория как границы тела

Другой тип границ включает в себя место вокруг себя (личное пространство). Тип толстой границы – требование для освобождения места – возможно несколько футов, в которое он не хочет, чтобы другие заходили. Кто-то с тонкими границами намного больше желает впустить других. Конечно, культурные образцы и социально-экономические факторы влияют на эту меру, но в пределах данной культурной или социальной группы. Каждый всё ещё находит большие различия среди людей, и они, кажется, связаны с типом границ. Многие пациенты Э.Хартманна с очень толстыми границами с симпатией описывают людей, которые держат 2 фута между собой и кем-то ещё. И очень раздражаются, когда другие подходят ближе и вторгаются в личное пространство. Такие люди не любят находиться в толпе, так же как и в лифте. Э.Хартманн пишет: «Один мужчина рассказывал мне, что любит ходить на лыжах, но ненавидит подъёмник для горнолыжников, особенно канатные подъёмники, потому что они вынуждают его сидеть всего лишь в нескольких дюймах от кого-то ещё»[1, с.35].

Эрнст Хартманн наблюдал людей с очень толстыми или очень тонкими границами. Два человека с толстыми границами идут на контакт, оставаясь на расстоянии 2-3 фута. А когда вместе 2 человека с тонкой границей, то расстояние между ними изменяется, уменьшается, иногда даже очень близко друг к другу.

Межличностные границы

Последние примеры затрагивали не только вопрос о границах тела и пространства вокруг себя, но сложное понятие межличностных границ. Большая часть человеческих отношений, и конечно главная часть психотерапии, имеют дело с одной из межличностных границ – близость или дистанция между людьми. Толстые границы в этом смысле, означают очень четкое, отдельное переживание себя: «В любых отношениях я всегда остаюсь собой, я не изменяюсь». Они могут всегда держать определённое эмоциональное расстояние между собой и другими. Наличие толстых границ, конечно, предполагает, не вовлеченность в отношения, и особую осторожность, которая проявляется в том, чтобы не вовлекаться в глубокие эмоциональные отношения слишком быстро и не потерять в них себя.

Тонкие межличностные границы относятся к противоположным тенденциям: вовлечение в отношения быстро и глубоко. Наличие тонких границ здесь походит на влюблённость в идеальном романтическом чувстве слияния с любимым человеком. «Одна женщина с очень тонкими границами, которую я наблюдал в психотерапии, была глубоко вовлечена в отношения, в которых её друг периодически принимал наркотики, был очень подозрительным к ней, быстро впадал в ярость и избивал ее. Когда я указал ей на эти факты и попросил, чтобы она, по крайней мере, подумала, что принятие неких мер изменит действительность, на что она сказала: «Да, я всё знаю, но я люблю его. Получается, что он теперь часть меня. Я не могу бросить его». В её случае изменение было бы особенно трудным, потому что она повторяла шаблон из поколения в поколение: её отец постоянно унижал её мать (хотя он физически не бил её), в то время, как её мать кротко принимала это, не защищала себя (или дочь), и видела себя в качестве удерживающей семью вместе и принимала эти наказания»[1, с.36].

Толстые границы иногда представляются как расстояние, неприветливость или нежелание стать ближе. Но толстые границы – также своего рода идеал, который преподают ребёнку в нашей культуре, особенно мальчикам. Например, Киплинг пишет: «Будь прям и твёрд с друзьями и врагами, пусть все в твой час считаются с тобой», и приводит следующие идеалы «Тогда весь мир ты примешь во владенье, тогда, мой сын, ты будешь Человек! (Р.Киплинг «Если»)[1,с.37].

Границы между сознанием и бессознательным и между Id, Ego, Super-ego

В психодиагностическом представлении в подсознании психики много материала, найденного особенно в сексуальных и агрессивных импульсах, пожеланиях детства и т.п. Из обычного бодрствующего сознания они сохранены неосознанно, репрессией и другими защитными механизмами. Толстые границы в этом смысле подразумевают сильную репрессию; недопустимы импульсы, отделённые полностью от сознания. У людей с тонкими границами механизма репрессии меньше. Такие люди знают о подсознательном материале и позволяют себе думать, мечтать, воображать – например, о сексуальных отношениях с представителями обоих полов или с членами их семьи – что другие имеют тенденцию подавлять. Этот тип границы обращается и к границе эго в психоаналитическом смысле [3].

У человека с толстыми границами суперэго является очень сильным и иногда очень твёрдым и негибким: «Моя жизнь полна «должен»», «Моё детство было составлено из: «Ты должен сделать это» или «ты должен сделать то»; и теперь я делаю непосредственно это всё. Я знаю только, что я должен сделать, и я делаю это автоматически. Действительно я никогда не думал об этом, пока мы не обсудили это сейчас». У человека с толстыми границами есть твёрдые интроеты – подсознательные правила, управляющие поведением или твёрдая идентификация с одним из родителей. Например, «Я никогда не замечал этого, но люди говорят мне, что я делаю что-то точно так же, как сделал бы мой отец» [1,с.38].

Защитные механизмы как границы

Большинство из этих защитных механизмов можно рассматривать как границы, поскольку они используют установку некоторого барьера или

«стены». Репрессия, например, которую иногда называют основным защитным механизмом, удерживает болезненные воспоминания, не допуская их в сознание. Изоляция направлена на отделение эмоциональных компонентов от когнитивных и подавление их. Вследствие этого эмоциональные компоненты впечатлений не осознаются сколько-нибудь отчетливо. Идея (мысль, впечатление) осознаются так, как будто она относительно нейтральна и не представляет опасности для личности. Интеллектуализацию часто соотносят с изоляцией, при которой человек изобретает вербализованные и на первый взгляд логичные суждения и умозаключения для ложного объяснения, оправдания и защиты от фрустраций.

Отрицание является самым патологическим защитным механизмом, который был замечен у психотических пациентов (и не только) в периоды чрезвычайного напряжения, как будто после смерти кого-то близкого. Это стена между собой и реальным миром снаружи, буквальный отказ принять текущую действительность, которая является слишком болезненной: «Только не это, этого не может быть».

Идентификация – больше чем просто защита, но она функционирует как защита, когда человек полностью отождествляет себя с другим – родителем, например. Это преимущественно подсознательное психологическое уподобление, при котором человек избегает конфликтов, идущих от осознания собственных желаний и принятия собственных решений. Есть возможность избежать конфликта посредством присвоения и перенесения ответственности: «Так поступил бы мой отец».

Эрнст Хартманн отмечает [2], что любой из защитных механизмов может быть рассмотрен как тип границы. Человек с толстыми границами использует их больше, чем человек с тонкими границами. Однако у человека с толстыми границами обязательно будет более основательная защита всеми этими способами. Кто-то с очень толстыми границами будет часто иметь в широком масштабе одну защиту и почти постоянно. А кто-то с тонкими границами – меньше, или меньше последовательно. Такой человек часто производит впечатление того, что он не защищён.

Границы идентичности

Идентичность – внутреннее, плохо поддающееся осознанию переживание себя, включающее множество важных границ.

Сексуальная идентичность

Половая идентичность – сложное понятие. «Центральным аспектом здесь будет: каждый в основном думает о себе, как о мужчине или женщине? В этом смысле, почти все люди, которых я опрашивал, независимо от того, с толстыми или тонкими границами, имели половую идентичность» [1, с.40].

Например, люди очень отличаются по тому, ощущают ли они себя мужчиной или женщиной, или смешанным, держа свою основную половую идентичность. Кто-то с толстыми границами в этом смысле полагает, что различия между мужчинами и женщинами данный, абсолютный факт жизни. Это – «мы» и «они».

Для кого-то с толстой границей половая идентичность является устойчивой, абсолютной: «Я мужчина. Это неоспоримый факт. Женщины? Конечно, мне нравятся женщины, я люблю их, но они так... настолько другие!». Этот человек вряд ли вообразит себя, или помечтает о том, что будет женщиной. У него вероятно будет неосознаваемое наблюдение чего-то женского в себе. З.Фрейд выражал свою толстую идентичность, когда он

настаивал о своей неспособности ответить на основной вопрос о желании женщин: «Чего хотят женщины?». Человек с тонкими границами легче признаёт женские, ровно как и мужские части себя. У него могут быть мечты и фантазии, в которых он – женщина.

Эрнст Хартманн считает, что в половом предпочтении есть также толстые и тонкие границы, которые не являются тем же самым, что и половая идентичность. У человека с тонкими границами могут быть мечты и фантазии, в которых у него есть секс с мужчиной или с женщиной, или с обоими. Менее вероятно, что человек с очень тонкими границами будет моногамен. Фактически, у некоторых моногамных людей, которые весьма уверены в их сексуальном предпочтении, есть толстые границы. Скорее, человек с очень тонкими границами – полигамен, по крайней мере, потенциально. Такой человек имеет фантазии, сны и мечты, в которых наличие обоих полов.

Возрастная идентичность

Э.Хартманн говорит о том, что аспектом нашей идентичности является возрастная группа. Можно встретить людей, которые неспособны вспомнить многое из своего детства. Для других (с более тонкими границами) нет такой устойчивой линии; их детство всё ещё с ними.

Возможно, некоторые люди с толстыми границами выросли более окончательно и возможно быстрее, чем другие. Некоторые из них, будучи детьми, настоятельно идентифицировали себя с родителями или родными братьями (сёстрами) и очень быстро хотели стать взрослыми. И теперь став взрослыми, они счастливы этому условно и «хлопают дверью» как взрослые. В ком-то юность протекает довольно гладко – простой вопрос совершенствования новой взрослой роли с меньшими конфликтами, проигранных будучи ребёнком, подростком и взрослым в одно и то же время, в том же самом теле. Люди с тонкими границами испытывают эти конфликты юности особенно сильно.

Постоянство идентичности

Ещё один аспект идентичности – это её постоянство. С одной стороны, можно думать об идентичности как о теле, установленном и неизменным в течение долгого времени, «постоянный как северная звезда». Такая концепция представляет толстую границу. С другой стороны, можно видеть идентичность как гибкую, изменяющуюся в течение долгого времени или согласно ситуации: «Я абсолютно другой человек, когда я с ним». В этом смысле у такого человека тонкая граница.

Групповые границы

Граница может быть толстой (твёрдой) или более тонкой (гибкой). Тонкая граница здесь выражается так: человек чувствует огромное отличие между «посвящёнными лицами» и «посторонними».

Границы групп также имеют отношение к идентичности. Для некоторых людей принадлежность к какой-либо группе - неотъемлемая часть их идентичности (например, «я техасец», «я – еврейский профессионал», «я – американец»). Очевидно, что каждый из нас – часть группы, фактически часть многих групп. Но толстая граница в этом смысле подразумевает, что быть частью определённой группы - это неотъемлемая часть жизни. Можно действовать определённым образом, потому что «этим путём идём мы, техасцы». Если вы слышите человека с чрезвычайно толстыми границами в этом смысле, говорящем о ком-то вне группы, это может звучать как о существовании другой разновидности.

Толстые границы в этом смысле могут так же подразумевать сильное чувство территориальности: «Это – моё место, моё соседство; а то является Вашим». Толстые границы групп могут также зависеть от правил и этикета какой-либо группы или общества. Человек с очень толстыми границами хорошо знает правила и соглашается с ними. Такой человек может быть отмечен в обществе, как обычный.

Тонкие границы подразумевают нехватку понимания устойчивых различий между группами. Человек с тонкими границами будет частью размытых групп. С точки зрения идентичности, такой человек будет «гражданином мира».

Границы в организации жизни

Э.Хартманн пишет, что кроме внутренних «границ в психике», есть связанные с ними аспекты образа жизни, предпочтений и мнений, которые отражают толстые или тонкие границы. Их можно было считать проекциями, способами перенесения внутренних границ во внешний мир. «Групповые границы, которые мы только что обсуждали, можно аналогично считать способом организации внешнего пространства»[1, с.44].

Организация – относительно простой аспект границ. Человек с толстыми границами всегда хочет организовать или хорошо ограничить среду, у него всё должно быть «на своём месте». Обычно у такого человека будет опрятный стол и удобный дом или квартира с чёткими местами для каждой функции или деятельности. Один пациент, которого длительный период наблюдал Эрнст Хартманн, всегда производил впечатление своей точностью и организованностью: «Иногда во время наших консультаций, он открывал свой дипломат, который был разделён на отдельные купе, точно приспособленные для ручек, ластика, калькулятора и т.д. Никогда не было свободного лежащего карандаша или огрызка бумаги, никакого пятнышка грязи. Он брал листочек, который хотел прочитать или показать мне, а затем убирал назад, на его «место»[1, с.44]. Э.Хартманн считает, что его ум очень походил на этот дипломат, или, скорее, он организовывал дипломат по своему складу ума.

Границы в предпочтении (выборе) окружающей среды

Предпочтения в организации пространства - это прямая аналогия толстых фактических физических границах в окружающей среде. Человек с толстыми границами часто предпочитает толстую, твёрдую одежду, тяжёлые рамки кадра, толстые стены и двери. Э.Хартманн встречал в психотерапии такого человека, у которого были очень толстые стены в пригородный доме, построенном для его семьи. Этот человек гордился этим, сам был архитектором, и был очень счастлив, что все двери были дюймов 1 1/8 толщиной вместо обычного 7/8 дюйма. Точно так же кто-то с толстыми границами предпочитает сильно структурированные ситуации, с определёнными правилами и инструкциями: «В организации у всего должно быть чётко определённое место и определённая роль». Тонкие границы подразумевают предпочтение менее определённых подразделений, более свободной организации и гибких правил.

Границы во мнениях и убеждениях

Толстые границы подразумевают определённые, устойчивые подразделения между категориями и понятиями. Люди с очень толстыми границами одобряют утверждения, такие как «Восток есть восток, Запад есть запад, и им не сойтись никогда», «Мужчина есть мужчина, женщина есть женщина, да здравствует различие!» и «Или вы являетесь нормальным, или – сумасшедшим, нет никакого промежутка!». Другими словами толстые границы

в этом смысле вовлекают тенденцию видеть афроамериканцев и белых, с тенденцией видеть всё в серых оттенках.

Люди с очень толстыми границами имеют тенденцию полагать, что есть определённые критерии или правила, определяющие что красиво, и что хорошо. Они будут иметь определённые, неизменные стандарты и будут полагать, имея своё основательное суждение и устойчивую этику, неуязвимую к мимолётным прихотям или людям. Люди с тонкими границами, вероятнее скажут «Всё меняется».

Границы в принятии решений и поступках

Действия и принятие решения можно считать продукцией системы. Каждый принимает или не принимает какое-то решение после того, как прочувствовал проблему, получил информацию, обработал её и сформировал своё мнение. Тот, у кого есть толстые границы в категориях, имеет определённые категорические мнения и знает, что является правильными и что лучше. А затем относительно легко примет решение, предпримет какое-то действие и затем продолжит что-то ещё. Кто-то с противоположными особенностями, кто видит оттенки серых и может оценить все стороны проблемы, найдёт такое решение намного тяжелее[1].

Эрнст Хартманн составил опросник, с помощью которого выявляются толстые или тонкие психологические границы. Опросник включает в себя 12 шкал:

Шкала 1. Сон-бодрствование-сны

Шкала 2. Необычный опыт

Шкала 3. Мысли, чувства, настроение

Шкала 4. Детство, юность, зрелость

Шкала 5. Межличностные отношения

Шкала 6. Чувствительность

Шкала 8. Края, линии, одежда

Шкала 9. Мнения о детях и других

Шкала 10. Мнения об организации и отношениях

Шкала 11. Мнения о людях, нациях, группах

Шкала 12. Мнения о красоте и правде.

На современном этапе в отечественной психологии практически нет опросников, которые бы выявляли толстые или тонкие границы в психике. В настоящее время методика «Опросник Границ» находится на стадии стандартизации и адаптации на российской выборке.

Библиографический список

- 1.Hartmann, E. Boundaries in the Mind: A New Psychology of Personality / E. Hartmann. – N.Y.: Basic Books, 1991a. – pp. 288.
- 2.Hartmann, E. Dreams and Nightmares. The origin and Meaning of Dreams / E. Hartmann. – N.Y.: Basic Books, 2001. – pp. 315.
- 3.Hartmann, E. The concept of boundaries in counseling & psychotherapy / E. Hartmann. – British Journal of Guidance & Counseling. – 1997. – V. 25. – P.147-162.
- 4.Levin, R. The use of the Hartmann Boundary Questionnaire with an adolescent population / R. Levin, D. Cowen. – 1995. – *Dreaming*. – V.5. – P. 105-114.
- 5.Zborowski, M. Boundary structure related to sleep measures and to dream content / M.
- 6.Zborowski, P. McNamara, E. Hartmann, M. Murphy, L. Mattle. – *Sleep*. – 1998. – V. 21S. – pp. 284.

O.A. Shamshikova, M.I. Posohova
Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk
Supervisor of studies O.A. Shamshikova

NARCISSISTIC DISPLAYS OF THE PERSON: INTERCULTURAL DISTINCTIONS

In the article the results of the comparative research of expressiveness of narcissistic displays of the person in German and Russian ethnocultural groups are presented.

О.А. Шамшикова, М.И. Посохова
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск
Научный руководитель О.А. Шамшикова

НАРЦИССИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В статье представлены результаты сравнительного исследования выраженности нарциссических проявлений личности в немецкой и русской этнокультурных группах.

Кросс-культурные исследования в психологии приобретают все больший размах и популярность. Интерес к кросс-культурным исследованиям в наше время обусловлен нерешенными политическими, социальными и экономическими проблемами, вспышками межнациональных конфликтов и бытового национализма [2].

На современном этапе развития психологических исследований наиболее распространенным видом кросс-культурного исследования является сравнение двух или более культур по какой-то интересующей психологической переменной [3]. Такие исследования в основном ищут различия по этой переменной между культурами, участвующими в эксперименте, причем зачастую выдвигается гипотеза, что одна культура наберет больше баллов по этой переменной, чем другая. Кросс-культурный подход в психологии отражает интерес психологов к культуре как одной из социальных детерминант личности, сознания и поведения человека. В сравнительно-культурной психологии изучение личности чаще всего сводится к анализу взаимосвязей между отдельными, изолированными личностными конструктами и культурными переменными [3]. В разных культурах сравниваются стабильные личностные характеристики, черты личности. При проведении сравнительно-культурных исследований личностных черт всегда необходима эмпирическая проверка того, существует ли в каждой новой культуре конструкт, который априорно рассматривается как универсальный, определяется ли он одним и тем же способом и имеется ли возможность его эквивалентного измерения [5].

Цель нашей статьи заключается в представлении результатов кросс-культурного исследования нарциссических проявлений личности

В качестве проверяемого конструкта в нашем исследовании выступали нарциссические проявления личности. Для оценки нарциссических проявлений личности использовалась немецкая версия опросника Narcissistic Personality Inventory R. Raskina, C.S.Halla, 1979; J.Zimmermanna, 1994 и адаптированная и стандартизированная русскоязычная версия методики «Нарциссический опросник личности» О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой, 2010.

Рассматривая в своей работе черты личности нарциссического типа в разных этнокультурных группах мы соглашаемся с мнением Е.Т. Соколовой о том, что «нарциссизм – явление интернациональное, однако нельзя отрицать роли культурной специфики и национальных менталитетов» [4, с.68]. И вслед за

В.Коровкиным предполагаем, что у русских нарциссические проявления будут более выражены, чем у немцев [цит. по 4]. Описывая нарциссические проявления соотечественников принято отмечать «постоянную душевную борьбу между конформизмом и респектабельностью своего внутреннего «буржуа» и разрушительным негативизмом внутреннего «анархиста» [4].

Конструируя методику Narcissistic Personality Inventory (NPI) в 1979 году R.Raskin и H.Terry ориентировались на концептуальный шаблон нарциссического личностного расстройства, представленный в DSM-III и диагностическую систему S.Akhtara и J.A.Thomsona. Отмечается, что DSM с его структурой факторов нарциссического личностного расстройства:

- 1) грандиозность;
- 2) манипуляции и безразличие в межличностных отношениях;
- 3) ярость, стыд, зависть, фальшивое самовосхищение, –

используется как стандарт для диагностики [14, с.70]. Учитывая широкое использование понятия нарциссизм R.Raskin и H.Terry (1988) пришли к выводу, что инструментарий, который направлен на исследование нарциссизма, должен отражать многомерность обозначенного явления [13]. Первая попытка исследовать характеристики личности нарциссического типа посредством опросника NPI принадлежала R.A.Emmonsy (1984 – 1987 г.г.), используя факторный анализ метод главных компонент, оставляя утверждения, относящиеся к нарциссическим проявлениям личности он обозначил основные сферы:

- 1) лидерство, авторитетность;
- 2) самовосхищение, самолюбование;
- 3) превосходство, надменность;
- 4) использование, притязание [14].

В пользу правомерности четырехфакторного решения свидетельствуют многочисленные исследования (Watson, Grisham, Trotter, & Biderman, 1984; Watson, Hood, Foster, & Morris; Watson, Hood, Morris, & Hall; Watson, Taylor, & Morris, 1987) [13].

В последующие несколько лет было предпринято немало исследований факторной структуры NPI (R.Raskin и H.Terry предложили семь факторов [13], C.Triller – одиннадцать [14]) также была создана сокращенная версия, состоящая из 16 пунктов (D.R. Ames, P.Rose, C.P. Anderson [8]) из 15 пунктов (A. Schutz, M. Bernd, I. Sellin [10]). Сегодня, как отмечают J.M. Twenge, J.D. Foster, NPI – наиболее широко используемый опросник в Европе и США [11]. Факторы NPI описывают характеристики личности нарциссического типа, при этом опросник не является клиническим инструментарием, направленным на оценку нарциссического личностного расстройства, даже высокие баллы по шкалам не являются основанием для диагностики клинических проявлений нарциссизма [11]. Нарциссические проявления выражаются, во-первых, в положительном представлении о себе, а также в особых чертах (например, властность, важность, привлекательность) [9]. Во-вторых, нарциссические проявления ассоциируются с социальной экстраверсией, хотя люди с выраженными нарциссическими проявлениями относительно мало заинтересованы в развитии эмоционально близких связей с другими [9]. Люди с выраженным нарциссическими проявлениями реагируют агрессивно, на оскорбления и/или отсутствие внимания к ним со стороны значимых других [11]. В-третьих, нарциссические проявления вовлекают широкий диапазон усилий регуляции представления о себе, нацеленных на усиление «Я». Эти усилия могут колебаться от поиска внимания [13], поиска привлекательного партнера [8] до поиска возможности стать знаменитым, достичь общественной славы [10]. В некотором смысле, нарциссизм может осмысляться как автономная система, которая ищет социальные средства для повышения самооценки, невзирая на последствия, для других людей [9,12].

В нашем исследовании участвовали две группы испытуемых (немцы и русские) с разными культурными приоритетами и неодинаковой степенью выраженности половых ролей в целях выявления межгрупповых различий нарциссических проявлений личности (самовосхищение, самолюбование; лидерство, авторитетность; использование, притязание; превосходство, надменность).

Участники исследования: 82 респондента; из них 41 – русские в возрасте от 14 до 50 лет, 41 – немцы в возрасте от 14 до 50 лет. Состав выборки сведен в таблицу 20. Отбор испытуемых в группы из популяции осуществлялся путем стратометрической рандомизации. Состав выборки представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Состав выборки

Культурная группа	Количество респондентов	Возраст	Пол, чел.
Русские	41	Me= 32, min= 14, max= 50	муж. =15; жен.=26
Немцы	41	Me= 32, min= 14, max= 50	муж. =15; жен.=26

Процедура исследования: участникам предлагали заполнить опросник Narcissistic Personality Inventory (NPI). Русские заполняли методику на русском языке, немцы – на немецком.

Выборка была дифференцирована на две экспериментальные группы – немцев (n=41) и русских (n=41). В связи с тем, что количество вопросов в шкалах немецкой версии опросника Narcissistic Personality Inventory R.Raskina, C.S.Halla, 1979; J.Zimmermann, 1994 и адаптированной на российской выборке версии методики «Нарциссический опросник личности» (NPI) О.А.Шамшиковой, Н.М.Клепиковой, 2010 не совпадает, нами был использован коэффициент выравнивания для дальнейшего сопоставления данных [1].

После этого нами была проведена кросс-культурная проверка нарциссических проявлений личности в разных этнокультурных группах по четырем шкалам опросника «Самовосхищение, самолюбование», «Лидерство, авторитетность» «Использование, притязание» «Превосходство, надменность». Критерий U-Манна-Уитни позволил обнаружить значимые различия в уровне выраженности нарциссических проявлений личности (результаты представлены в таблице 2). Графическое выражение распределения средних рангов по параметрам опросника NPI для двух выборок (немцы, русские) представлено на рисунке 1.

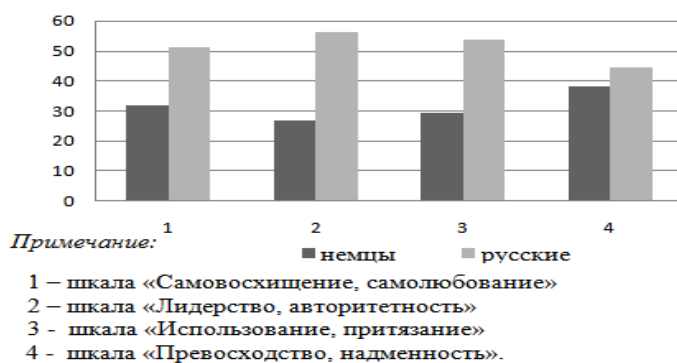

Рисунок 1 – Распределение средних рангов по параметрам опросника NPI, немецкая и русская выборки

Стоит отметить более высокие значения у русских респондентов по всем параметрам опросника NPI: «Самовосхищение, самолюбование» ($R_{нем.}=31,98$; $R_{рус.}=51,01$), «Лидерство, авторитетность» ($R_{нем.}=26,78$; $R_{рус.}=56,21$), «Использование, притязание» ($R_{нем.}=29,32$; $R_{рус.}=53,67$), «Превосходство, надменность» ($R_{нем.}=38,36$; $R_{рус.}=44,63$).

По результатам оценки достоверности различий в уровне выраженности нарциссических проявлений личности удалось установить, что у русских более выражены такие проявления как: «Самовосхищение, самолюбование» ($U=450,5$ при $p<0,001$), «Лидерство, авторитетность» ($U=237$ при $p<0,001$), «Использование, притязание» ($U=341,5$ при $p<0,001$). По параметру «Превосходство, надменность» значимых различий не обнаружено.

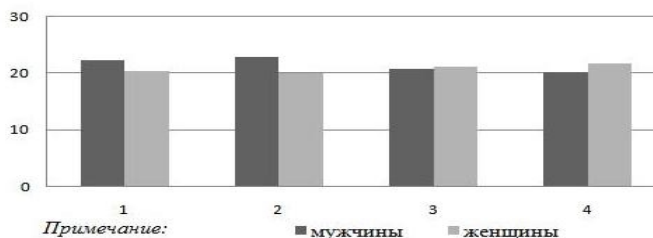
Таблица 2 – Межгрупповые различия нарциссических проявления личности (немцы $n = 41$, русские $n = 41$)

Шкала	Статистика U Манна-Уитни	Уровень значимости
Самовосхищение, самолюбование	450,5	0,001
Лидерство, авторитетность	237	0,001
Использование, притязание	341,5	0,001
Превосходство, надменность	712	0,231

Примечание: ***-0,1% уровень значимости

Полученные результаты позволяют предполагать, что у респондентов русской выборки преобладают черты нарциссической личности, которые проявляются во-первых в представлении о собственной необычности, уникальности, физической привлекательности и способности воздействовать на окружающих (*самовосхищение, самолюбование*), во-вторых в представлении о своей компетентности, способности оказывать помощь, тем, кто в ней нуждается (*лидерство, авторитетность*), в третьих, в представлении о правильности всех принятых решений и осуществленных действий, о том, что жизнь контролируема, все окружающие люди тоже потенциально контролируемы и предсказуемы (*использование, притязание*).

Для выявления межполовых различий в уровне выраженности нарциссических проявлений личности выборка немецких испытуемых была дифференцирована по половому признаку ($n_{жен.}=26$, $n_{муж.}=15$). Графическое выражение распределения средних рангов по параметрам опросника NPI для двух групп представлено на рисунке 2.

Примечание:
 1 – шкала «Самовосхищение, самолюбование»
 2 – шкала «Лидерство, авторитетность»
 3 – шкала «Использование, притязание»
 4 – шкала «Превосходство, надменность».

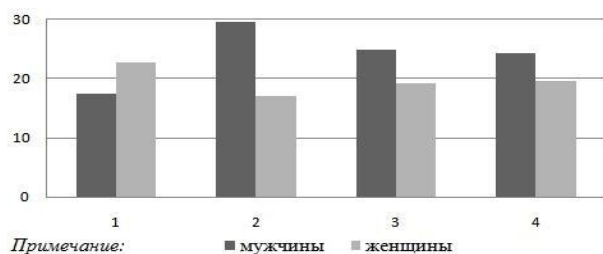
Рисунок 2 – Распределение средних рангов по параметрам опросника NPI среди мужчин и женщин немецкой выборки

Стоит отметить более высокие значения у мужчин по параметрам опросника NPI: «Самовосхищение, самолюбование» ($R_{\text{муж.}}=22,2$; $R_{\text{жен.}}=20,3$), «Лидерство, авторитетность» ($R_{\text{муж.}}=22,7$; $R_{\text{жен.}}=20,01$); более высокие значения у женщин по параметрам: «Использование, притязание» ($R_{\text{муж.}}=20,73$, $R_{\text{жен.}}=21,15$), «Превосходство, надменность» ($R_{\text{муж.}}=20,03$, $R_{\text{жен.}}=21,55$). Критерий Манна-Уитни (U) не выявил значимых различий в уровне выраженности нарциссических проявлений личности (результаты представлены в таблице 3).

Таблица 3 – Межполовые различия нарциссических проявлений личности среди немцев ($n_{\text{жен.}}=26$, $n_{\text{муж.}}=15$)

Шкала	Статистика U Манна-Уитни	Уровень значимости
Самовосхищение, самолюбование	177	0,624
Лидерство, авторитетность	169,5	0,487
Использование, притязание	191	0,913
Превосходство, надменность	180,5	0,693

Для выявления межполовых различий в уровне выраженности нарциссических проявлений выборка русских респондентов также была дифференцирована по половому признаку ($n_{\text{жен.}}=26$, $n_{\text{муж.}}=15$). Критерий Манна-Уитни (U) позволил обнаружить значимые различия в уровне выраженности нарциссических проявлений личности (результаты представлены в таблице 4). Графическое выражение распределения средних рангов по параметрам опросника NPI для двух групп (женщины, мужчины) представлено на рисунке 3.

Примечание:
 ■ мужчины ■ женщины
 1 – шкала «Самовосхищение, самолюбование»
 2 – шкала «Лидерство, авторитетность»
 3 – шкала «Использование, притязание»
 4 – шкала «Превосходство, надменность».

Рисунок 3 – Распределение средних рангов по параметрам опросника NPI среди мужчин и женщин русской выборки

Таблица 4 – Межполовые различия нарциссических проявлений личности среди русских ($n_{\text{жен.}}=26$, $n_{\text{муж.}}=15$)

Шкала	Статистика U Манна-Уитни	Уровень значимости
Самовосхищение, самолюбование	135,5	0,191
Лидерство, авторитетность	72,5	0,002**
Использование, притязание	132	0,159
Превосходство, надменность	140	0,235

Примечание: **-1% уровень значимости.

Стоит отметить более высокие значения у мужчин по параметрам опросника NPI: «Лидерство, авторитетность» ($R_{\text{муж.}}=29,43$; $R_{\text{жен.}}=17,08$) «Использование, притязание» ($R_{\text{муж.}}=24,84$, $R_{\text{жен.}}=19,21$), «Превосходство, надменность» ($R_{\text{муж.}}=24,23$, $R_{\text{жен.}}=19,5$); более высокие значения у женщин по параметру «Самовосхищение, самолюбование» ($R_{\text{муж.}}=17,42$; $R_{\text{жен.}}=22,66$).

Значимые различия обнаружены по параметру «Лидерство, авторитетность» ($U=72,5$ при $p<0,01$). Этот признак более выражен у респондентов мужской выборки. Через такие качества, как влияние и лидерство мужчины утверждают свою автономность в обществе, а также ведут борьбу за уважение и признание. Они всегда стремятся получить власть над своим партнером или создать точную копию самого себя. Аналогичные данные получены в исследовании О.А. Шамшиковой, А.В. Гайдук, которые в свою очередь ссылаются на признаки нарциссической неустойчивости личности по Б. Вардетцки и пишут, что мужской нарциссизм сопровождается борьбой за признание и автономию, а женский, в свою очередь, стремлением получить признание через приспособление [7].

На следующем этапе нами были исследованы межгрупповые различия между русской и немецкой выборками, унифицированными по полу. Графическое выражение распределения средних рангов по параметрам опросника NPI для двух выборок ($n_{\text{муж.немец}}=15$, $n_{\text{муж.русские}}=15$) представлено на рисунке 4.

Более высокие значения по всем параметрам опросника NPI получены на русскоязычной мужской выборке: «Самовосхищение, самолюбование» ($R_{\text{муж.нем.}}=13,1$; $R_{\text{муж.рус.}}=16,11$), «Лидерство, авторитетность» ($R_{\text{муж.нем.}}=9$; $R_{\text{муж.рус.}}=20,84$), «Использование, притязание» ($R_{\text{муж.нем.}}=10,56$; $R_{\text{муж.рус.}}=19,03$), «Превосходство, надменность» ($R_{\text{муж.нем.}}=11,9$; $R_{\text{муж.рус.}}=17,5$).

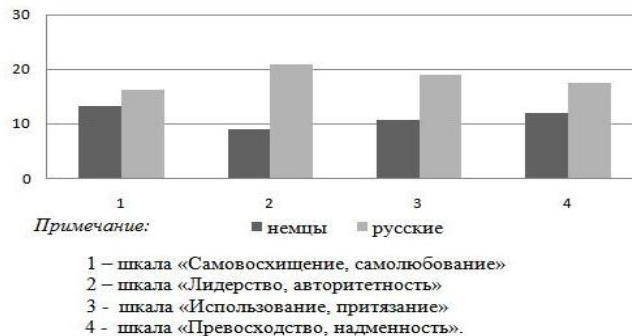

Рисунок 4 – Распределение средних рангов по параметрам опросника NPI среди мужчин русской и немецкой выборок.

Удалось установить, что группы достоверно различаются по параметрам «Лидерство, авторитетность» ($U=15$ при $p<0,001$), «Использование, притязание» ($U=38,5$ при $p<0,01$). Эти нарциссические проявления более выражены у мужчин русской выборки. Для сохранения чувства собственного превосходства в поведении проявляются такие черты как конкурентность (*лидерство, авторитетность*), при этом выбирается поприще, где можно блистать не слишком при этом рискуя, не прилагая больших усилий; эгоцентризм (*использование, притязание*), при этом ожидается, что окружающие люди будут удовлетворять все возникающие у них потребности не требуя ничего взамен [6].

Графическое выражение распределения средних рангов по параметрам опросника NPI для двух выборок ($n_{\text{жен.нем.}}=26$, $n_{\text{жен.рус.}}=26$) представлено на

рисунке 5. Критерий Манна-Уитни (U) позволил обнаружить значимые различия в уровне выраженности характеристик личности нарциссического типа (результаты представлены в таблице 5).

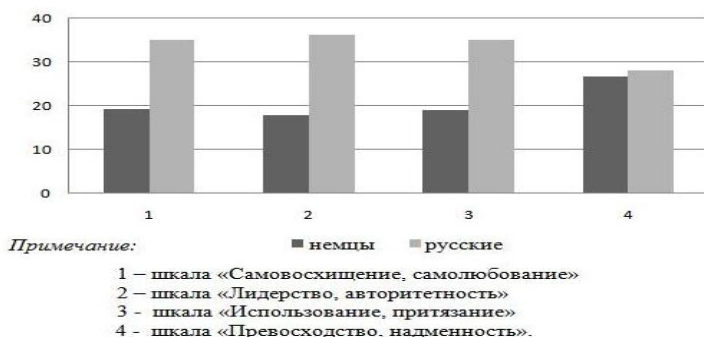

Рисунок 5 – Распределение средних рангов по параметрам опросника NPI среди женщин русской и немецкой выборок.

Более высокие значения по всем параметрам опросника NPI получены на русскоязычной женской выборке: «Самовосхищение, самолюбование» ($R_{жен.нем}=19,3$; $R_{жен.рус}=35,1$), «Лидерство, авторитетность» ($R_{жен.нем}=18$; $R_{жен.рус}=36,3$), «Использование, притязание» ($R_{жен.нем}=19,17$; $R_{жен.рус}=35,23$), «Превосходство, надменность» ($R_{жен.нем}=26,73$; $R_{жен.рус}=28,21$).

Таблица 5 – Межгрупповые различия нарциссических проявлений личности женщин немецкой и русской выборок ($n_{жен.нем}=26$, $n_{жен.рус}=26$).

Шкала	Статистика U Манна-Уитни	Уровень значимости
Самовосхищение, самолюбование	151	0,0002***
Лидерство, авторитетность	117	1,8E-05***
Использование, притязание	147,5	0,00016***
Превосходство, надменность	344	0,727

Примечание: ***-0,1% уровень значимости.

Значимые различия обнаружены по параметрам «Самовосхищение, самолюбование» ($U=151$ при $p < 0,001$), «Лидерство, авторитетность» ($U=117$ при $p < 0,001$), «Использование, притязание» ($U=147,5$ при $p < 0,001$). Россиянкам в большей степени, чем немкам свойственно ожидать, что с ними будут хорошо обращаться, им будут автоматически уступать, так как они совершенно уникальные личности. Жажда восхищения возникает из чувства неуверенности, они не могут поддерживать чувство собственного превосходства, поэтому их тянет туда, где бы они попали в центр внимания. Как отмечает С.Хотчкис «иметь благодарных слушателей – это хорошо, уметь управлять ими еще лучше» [6, с.35]. Для восстановления ощущения превосходства женщины склонны унижать, обесценивать, оскорблять окружающих, демонстрируя доминирующее перфекционистское поведение, проявляя нескрываемую жажду власти.

Подводя итоги проделанной работы, необходимо отметить следующее:

1. Опросник Narcissistic Personality Inventory R.Raskina, C.S.Halla, 1979; J.Zimmermann, 1994 позволил выявить кросс-культурные различия в уровне

выраженности характеристик личности нарциссического типа между немецкой и русской этнокультурными группами.

2. *Межкультурные различия* в уровне выраженности характеристик личности нарциссического типа по параметрам *самовосхищение, самолюбование, лидерство, авторитетность, использование, притязание*. Эти характеристики более выражены у русских респондентов, Е.Т.Соколова отмечает, что именно «про русских говорят, что они с легкостью ставят перед собой завышенные цели и столь же быстро демотивируются, когда мечты хоть в какой-то степени не сбываются» [4];

3. *Межкультурные различия* между мужчинами русской и немецкой выборки в уровне выраженности характеристик личности нарциссического типа *лидерство, авторитетность; использование, притязание*. Эти качества более выражены у мужчин русской выборки. Такие характеристики как *самовосхищение, самолюбование; лидерство, авторитетность; использование, притязание* более выражены у женщин русской выборки.

4. Нарциссические проявления личности имеют как универсальный, так и культурно-специфический характер.

Библиографический список

1. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер, 2003. – 528 с.
2. Дружинин, В.Н. Экспериментальная психология: Учебник для вузов / В.Н. Дружинин. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2004. – 319 с.
3. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – М.: Просвещение, 2003. – 720 с.
4. Соколова, Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен / Е.Т. Соколова // Вопросы психологии. – 2009. - № 1. – С. 67 – 80.
5. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
6. Хотчикис, С. Адская паутина: Как выжить в мире нарциссизма / С. Хотчикис. – М.: Класс, 2010 – 248 с.
7. Шамшикова, О.А. О принадлежности пола и способах нарциссической регуляции личности личности / О.А. Шамшикова, А.В. Гайдук // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В.Г. Леонтьева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. – С.324-349.
8. Ames, D.R. The NPI-16 as a short measure of narcissism / D.R. Ames, P. Rose, C.P. Anderson // Journal of Research in Personality. – 2006. – 4. — P. 440-450.
9. Campbell, W.K. C. Narcissism, self-esteem, and the positivity of selfviews: Two portraits of self-love / W.K.Campbell, E.Rudich, C.Sedikides // Personality & Social Psychology Bulletin. – 2002. – 28. – P. 358–368.
10. Die Messung von Narzissmas als Personlichkeitskonstrukt: Psychometrische Eigenschaften einer Lang- und einer Kurzform des Deutschen NPI (Narcissistic Personality Inventory) / A. Schutz, M. Bernd, I. Sellin–Chemnitz, 2004 – 83 s.
11. Foster, J.D. Individual differences in narcissism: InXated selfviews across the lifespan and around the world / J.D.Foster, W.K.Campbell, J.M.Twenge // Journal of Research in Personality. – 2003. – 37. – P. 469–486.
12. Morf, C. C., & Rhodewalt, F. (2001). Unraveling the paradoxes of narcissism: A dynamic self-regulatory processing model / C.C.Morf, F.Rhodewalt // Psychological Inquiry. – 2002. – 12. - P. 177–196.
13. Raskin, R. A principal-components analysis of the Narcissistic Personality Inventory and further evidence of its construct validity / R. Raskin, H. Terry // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – 54. – P. 890–902.
14. Triller, C. Faktorenstruktur des NPI-R Deutsche Fassung des Narcissistic Personality Inventory Raskin&Hall / C.Triller. – Aachen, 2003 – 109 s.
15. Zimmermann, J. Metrische Erfassung der Personlichkeitsdimension „Narzi.mus» bei Normalpersonen, Patienten mit narzisstischen Personlichkeitsstörungen und anderen Personlichkeitsstörungen, unveröffentlichtes / J. Zimmermann. – Aachen, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	
<i>Вотчин И.С.</i> Основные направления образовательной и научной деятельности факультета психологии НГПУ.....	6
<i>Большунова Н.Я.</i> Проблемное поле юношеского самоопределения в современной социокультурной ситуации.....	12
<i>Бенвенуто С.</i> Фрейд и социальные связи (Перевод А.А Волковой).....	19
<i>Донских О.А.</i> Провинциальное сознание как социокультурная и психологическая проблема.....	45
<i>Кабардов М.К., Смирнова-Бауэр Е.А.</i> Некоторые аспекты межкультурного общения в процессе обучения иностранному языку.....	52
<i>Кадыров Б.Р., Кадыров К.Б.</i> Психофизиологические механизмы становления произвольных действий в дошкольном возрасте.....	57
<i>Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.</i> Женская сексуальная агрессивность.....	64
<i>Кукса Л.П.</i> Искусственный интеллект как проблема образования.....	76
<i>Логина Н.А.</i> Феноменология, факторы и механизмы личностной зрелости.....	78
<i>Меньшикова Л.В., Кавун Л.В.</i> Механизм децентрации как фактор личностного развития.....	85
<i>Морогин В.Г.</i> Общетеоретические и этнопсихологические вопросы теории ценностно-потребностной сферы личности.....	91
<i>Нургалиев В.С., Лубочников П.Г.</i> К вопросу о взаимосвязи когнитивной и аксиологической сфер личности.....	111
<i>Олейникова О.Д.</i> Отечественное образование в условиях общества потребления.....	115
<i>Оттави Л.</i> История в наследство (Перевод А.А Сучкова).....	121
<i>Решетников М.М.</i> Социальная терапия, уровень и качество жизни в современной России.....	140
<i>Сампайу Антеро да Крузи.</i> Психолого-педагогические проблемы учителя-новатора в современной школе.....	147
<i>Тюрин П.Т.</i> Локус субъективного контроля и библейские максимы.....	150
<i>Чернобров А.А.</i> Социально-психологические и индивидуально-психологические аспекты лингвокультурологии.....	156
<i>Шадрин Н.С.</i> К постановке проблемы отчуждения личности в современной психологии.....	162
СЕКЦИЯ I. РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
<i>Арцишевская Е.В.</i> Исследование общих и специальных способностей у художественно одаренных подростков.....	170

<i>Боглаева Л.В.</i> Возможности проективных методик в диагностике и развитии субъектности.....	175
<i>Белоусова Н.М.</i> Структура социокультурной самоидентичности и некоторые особенности социализации старших школьников приморья: региональный аспект.....	180
<i>Гусева Т.А.</i> Стиль познавательной активности субъекта: в поисках гармонии.....	183
<i>Дзигилевич Н.В.</i> Манипулятивная направленность как ресурс адаптации в современном обществе и проблема ее диагностики.....	187
<i>Ерментаева Е.А.</i> Проблема развития субъектности студентов.....	193
<i>Иманжусупова А.Е.</i> Лидерство, как качество личности в реализации спортивных способностей.....	199
<i>Княгинина В.А.</i> К вопросу о феноменологии и формировании самооценки.....	204
<i>Кузьмина О.В.</i> Временная компетентность и саморегуляция людей с разными личностными особенностями.....	211
<i>Кумьшева Р.М.</i> Проявления субъектности и человека в его взаимодействии с внешним миром.....	215
<i>Ляхов Р.П.</i> Автобиографический дискурс как специфика юношеской рефлексии.....	218
<i>Новицкая Л.Ф.</i> Идентификация личности в кругу проблем социально-культурного пространства современности.....	225
<i>Попова Г.С.</i> Формирование «творческой идентичности» личности в процессе этнокультурной социализации.....	228
<i>Режепа Ю.В.</i> Особенности отношения к себе и к миру при различных характеристиках временной ретроспективы и перспективы.....	236
<i>Стражкова А.Н.</i> К вопросу типологии ответственности.....	240
<i>Токбаева Г.С.</i> Латеральные предпочтения детей как проявление индивидуальности в социокультурном пространстве.....	245

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

<i>Андреева М.В.</i> Симптомокомплекс агрессивности в структуре характера младшего школьного.....	249
<i>Ливанова О.С.</i> Психологическое содержание симптомокомплекса агрессивного поведения.....	255
<i>Лушниковая Ю.А.</i> Симптомокомплекс волевых качеств характера.....	260
<i>Писяч А.В.</i> Социально-психологические особенности личности военнослужащих.....	266
<i>Солодкова Т.И.</i> Особенности проявления субъектности в юношеском возрасте.....	270

СЕКЦИЯ II. СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НОВЫЕ СИМПТОМЫ И ДИСКУРСЫ

<i>Александрова О.А.</i> Нравственный вопрос в терминах субъекта желания: от чтения морали к этике лектора.....	276
---	-----

<i>Бенвенуто С.З.</i> Фрейд: Нарциссизм, печаль (скорбь), меланхолия (Перевод О.Е. Шамшиковой).....	282
<i>Белашина Т.В.</i> Взаимосвязь агрессии и алекситимических проявлений личности.....	302
<i>Волкова С.</i> Перспективы развития психологии в Австралии (Перевод А.А. Волковой).....	310
<i>Гришианов А.Н.</i> Индивидуализм Макса Штирнера и современный нарциссизм.....	317
<i>Дреес А.</i> Эмоциональная разгрузка с помощью расширения – Я.....	324
<i>Ильхамова Д.И.</i> Проблемы психологической реабилитации детей с хроническими соматическими заболеваниями.....	336
<i>Казакова И.А.</i> Психология суицида и предпосылки девиации в подростковом возрасте.....	338
<i>Карамян М.Х.</i> Психосоциальные аспекты отношения к здоровью.....	345
<i>Клетикова Н.М.</i> Адаптация зарубежной методики “Нарциссический опросник личности” (R. Raskin, C.S. Hall, 1979; J.Zimmermann, 1994).....	347
<i>Левинунова Е.Н.</i> К вопросу о природе и сущности феномена «алекситимические проявления личности» в современной психологии.....	359
<i>Осипова Н.В.</i> Особенности границ тела матерей с личностными расстройствами.....	365
<i>Отрадинская В.В.</i> Проблема восстановления психологического состояния матерей, потерявших детей в результате теракта в Бесланской школе.....	368
<i>Пецц Т.Г.</i> Использование психокатализа для интеграции русскоязычных граждан Германии в современное информационно-культурное пространство страны.....	373
<i>Петровская Т.Ю.</i> Когнитивно - поведенческий подход к исследованию нарциссических аспектов личности.....	387
<i>Самойлик Н.А.</i> К вопросу о содержании кризиса идентичности в психоанализе.....	394
<i>Солобутина М.М.</i> Исследование антиципационных способностей в речевой деятельности в зависимости от выраженности дистресса.....	399
<i>Тайгулова Г.С.</i> Типологии феномена одиночества в современной психологии личности.....	406
<i>Цой Н.А.</i> Сетевой индивидуализм и проблема интернет – зависимого поведения.....	414
<i>Чугунова Л.Н., Решетникова Е.М., Чистякова Е.И.</i> Психологические корреляты нарушений пищевого поведения и метаболического синдрома у ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС.....	419
<i>Шамшикова Е.О.</i> Психологическая дистанция как особая топологическая категория.....	427
<i>Шамшикова О.А., Гайдук А.В.</i> Влияние выраженности нарциссических черт на представление личности о себе (на материале женской выборки).....	435
<i>Шамшикова О.А., Клетикова Н.М.</i> Анализ современных подходов к исследованию психической нормы.....	443

СТУДЕНЧЕСКИЕ РАБОТЫ

<i>Архипова Т.С.</i> Теоретический анализ понятия «временная перспектива».....	452
<i>Воробьев Г.К.</i> Страх как психологический феномен.....	457
<i>Вяткина Е.А.</i> Взаимосвязь эмпатии и межличностных отношений (на материале младшего подросткового возраста).....	461
<i>Вяткина К.В.</i> Механизмы психологических защит при использовании стратегии разрешения конфликтных ситуаций.....	468
<i>Кизурова Е.С.</i> Переживание пустоты как смысловой конструкт одиночества.....	474
<i>Левинунова Е.Н., Эпова В.С.</i> Алекситимические корреляты социально-психологической адаптации личности.....	481
<i>Марышева Н.В.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта и социально – психологической адаптации.....	489
<i>Назарова Н.В.</i> Взаимосвязь границ психологического пространства и защитно-компенсаторных механизмов личности.....	498
<i>Нестерова С.Б., Толстая Д.А.</i> Проявление особенностей характера в зависимости от уровня тревожности личности.....	507
<i>Радзиховская О.Е.</i> Психологические особенности личности со слабой идентичностью.....	512
<i>Чекалина М.С.</i> Психологический феномен«интернет- зависимость».....	515
<i>Шамишкова Е.О., Волохова В.И.</i> Теоретический анализ модели границ в психике Эрнста Хартманна.....	521
<i>Шамишкова О.А., Посохова М.И.</i> Нарциссические проявления личности: межкультурные различия.....	535

CONTENTS

INTRODUCTION	3
PLENARY REPORTS	
<i>Votchin I.S.</i> Innovation technologies in education.....	6
<i>Bolshunova N.J.</i> Problem field of youthful self-determination in modern socio-cultural situation.....	12
<i>Benvenuto S.</i> Freud and the social bonds (Translation of A.A. Volkova).....	19
<i>Donskih O.A.</i> Provincial consciousness as socio-cultural and psychological problem.....	45
<i>Kabardov M.K., Smirnova- Bauer E.A.</i> Some aspects of intercultural dialogue in process of training of foreign language.....	52
<i>Kadyrov B.R., Kadyrov K.B.</i> Psychophysiological mechanisms of voluntary actions formation at preschool age.....	57
<i>Korolenko T.P., Dmitrieva N.V.</i> Female sexual aggressiveness.....	64
<i>Kuksa L.P.</i> Artificial intelligence as an educational problem.....	76
<i>Loginova N.A.</i> Phenomenology, factors and mechanisms of personal maturity.....	78
<i>Menshikova L.V., Kavun L.V.</i> Decentration mechanism as the factor of personal development.....	85
<i>Morogin V.G.</i> Theoretical and ethnopsychological questions of person's valuable sphere theory.....	91
<i>Nurgaliev V.S., Lubochnikov P.G.</i> To the question on interrelation of cognitive and axiological spheres of the person.....	111
<i>Olejnikova O.D.</i> Domestic education in the conditions of consumer society.....	115
<i>Ottavi L.</i> Une histoire en heritage (Translation of A.A. Suchkov).....	121
<i>Reshetnikov M.M.</i> Social therapy, level and quality of life in modern Russia... ..	140
<i>Sampaju Antero da Krush</i> Psycho-pedagogical problems of the teacher-innovator at modern school.....	147
<i>Tyurin P.T.</i> Locus of subjective control and bible maxims.....	150
<i>Chernobrov A.A.</i> Psychosocial and individually-psychological aspects of lingual-culturology.....	156
<i>Shadrin N.S.</i> To the question on the problem of person's estrangement in modern psychology.....	162
SECTION I. DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY AND INDIVIDUALITIES IN MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE	
<i>Artsishevskaya E.V.</i> Research of general and special abilities at artily gifted teenagers.....	170
<i>Boglaeva L.V.</i> Possibilities of projective techniques in diagnostics and development of subjectivity.....	175
<i>Belousova N.M.</i> Structure of socio-cultural self-identity and some features of the senior schoolboys' socialization of Primorski region: regional aspect.....	180
<i>Guseva T.A.</i> The style of cognitive activity of the subject: in search of harmony.....	183

<i>Dzigilevich N.V.</i> Manipulative orientation as an adaptive resource in modern society and the problem of its diagnostics.....	187
<i>Ermentaeva E.A.</i> The problem of development of students' subjectivity.....	193
<i>Imanzhusupova A.E.</i> Leadership, as a quality of person in sports abilities realization.....	199
<i>Knjaginina V.A.</i> To the question on phenomenology and formation of self-estimation.....	204
<i>Kuzmina O.V.</i> Time competence and self-regulation of people with different personal features.....	211
<i>Kumysheva R.M.</i> Person's subjectivity displays in its interaction with external world.....	215
<i>Ljahov R.P.</i> Autobiographical discourse as a specificity of the youthful reflection.....	218
<i>Novitskaya L.F.</i> Person's identification in the circle of problems of present socio-cultural space.....	225
<i>Popova G.S.</i> Formation of person's «creative» identity in the course of ethno-cultural socialization.....	228
<i>Rezhepa J.V.</i> Features of the relation to and to the world at various characteristics of time retrospective and perspective.....	236
<i>Strazhkova A.N.</i> To the question on responsibility typology.....	240
<i>Tokbaeva G.S.</i> Children's lateral preferences as an individual display in socio-cultural space.....	245

STUDENT'S PAPERS

<i>Andreeva M.V.</i> Aggressiveness symptom cluster in the character structure of junior schoolchild.....	249
<i>Livanova O.S.</i> Psychological maintenance of aggressive behavior symptom cluster.....	255
<i>Lushnikova J.A.</i> Strong-willed qualities of character symptom cluster.....	260
<i>Pisjach A.V.</i> Psychosocial features of military men's person.....	266
<i>Solodkova T.I.</i> Manifestation subjectivity features at youthful age.....	270

SECTION II. MODERN PSYCHOANALYSIS AND CLINICAL PSYCHOLOGY: NEW SYMPTOMS AND DISCOURSES

<i>Aleksandrova O.A.</i> Moral question in terms of the subject of desire: from morals reading to lecturer's ethics.....	276
<i>Benvenuto S.</i> Freud: Narcissism, Mourning, Melancholy (Translation of E.O. Shamshikova).....	282
<i>Belashina T.V.</i> Interrelation of aggression and personal alexithimic displays... 302	302
<i>Volkova S.</i> The prospects of psychology development in Australia (Translation of A.A. Volkova).....	310
<i>Grishanov A.N.</i> Max Stirner's individualism and modern narcissism.....	317
<i>Drees A.</i> Emotional relax by means of ego-expansion.....	324
<i>Ilhamova D.I.</i> Problems of psychological rehabilitation of children with chronic somatic diseases.....	336
<i>Kazakova I.A.</i> Psychology of suicide and the deviations precondition at teenage.....	338
<i>Karamjan M.H.</i> Psychosocial aspects of position to health.....	345

<i>Klepikova N.M.</i> The adaptation procedure of the russian-speaking version of the technique «Narcissistic questionnaire of the person» (R. Raskin, C.S. Hall, 1979; J.Zimmermann, 1994).....	347
<i>Levshunova E.N.</i> To the question on nature and essence of the phenomenon of «Alexithimic displays of the person» in modern psychology...	359
<i>Osipova N.V.</i> Body-boundaries features of mothers with personality disorders	365
<i>Otradinskaya V.V.</i> The problem of desensitization of mothers losing children as a result of act of terrorism at Beslan's school.....	368
<i>Perts T.G.</i> Use of psychoanalysis for integration of russian-speaking citizens of Germany into the modern socio-cultural country environment.....	373
<i>Petrovskaya T.J.</i> Cognitive-behavioral approach to research of personal narcissistic features.....	387
<i>Samojlik N.A.</i> To the question on the maintenance of identity crisis in psychoanalysis...	394
<i>Solobutina M.M.</i> Research of anticipation abilities in speech activity depending on distress expressiveness.....	399
<i>Tajgulova G.S.</i> Typologies of the loneliness phenomenon in modern personal psychology.....	406
<i>Tsoy N.A.</i> Network individualism and the problem of internet dependent behavior.....	414
<i>Chugunova L.N., Reshetnikova E.M., Chistjakova E.I.</i> Psychological correlates of feeding behavior disorder and the metabolic syndrome at liquidators of consequences of the Chernobyl accident.....	419
<i>Shamshikova E.O.</i> Psychological distance as a special topological category	427
<i>Shamshikova O.A., Gajduk A.V.</i> The influence of narcissistic features expressiveness on self-representation (on female sample).....	435
<i>Shamshikova O.A., Klepikova N.M.</i> The analysis of modern approaches in research of psychic norm.....	443
STUDENT'S PAPERS	
<i>Arhipova T.S.</i> Theoretical analysis of the concept «Time perspective».....	452
<i>Vorobev G.K.</i> Fear as a psychological phenomenon.....	457
<i>Vyatkina E.A.</i> Interrelation of empathy and interpersonal relations (on young teenage sample).....	461
<i>Vyatkina K.V.</i> Psychological defenses mechanisms at use of strategy of conflict situations resolution.....	468
<i>Kizurova E.S.</i> Emptiness experience as a semantic construct of loneliness.....	474
<i>Levshunova E.N., Epova V.S.</i> Alexithimic correlates of psychosocial personal adaptation.....	481
<i>Marysheva N.V.</i> Interrelation of emotional intelligence and psychosocial adaptation.....	489
<i>Nazarova N.V.</i> Interrelation of psychological space boundaries and personal defense-compensational mechanisms.....	498
<i>Nesterova S.B., Tolstaya D.A.</i> Character traits manifestation depending on a level of personal anxiety.....	507
<i>Radzihovskaya O.E.</i> Psychological features of the person with weak identity...	512
<i>Chekalina M.S.</i> Psychological phenomenon of «internet dependence».....	515
<i>Shamshikova E.O., Volohova V.I.</i> Theoretical analysis of boundary in the mind model of Ernest Hartmann.....	521
<i>Shamshikova O.A., Posohova M. I.</i> Narcissistic displays of the person: intercultural distinctions.....	535

